зала 38
шкафъ 61
полка 2
№ 16

ъ 87
а 2
/16

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

В. А. СЛѢПЦОВА.

ТРЕТЬЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ,

составлен. **А. Н. Сальниковымъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. Губинскаго.
1903.

Въ книжномъ складѣ В. И. Губинскаго.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Н. ЗАГОСКИНА.

Кто изъ читателей не слыхалъ имени отца русскаго историческаго романа автора знаменитаго «Юрія Милославскаго»? Кто не зачитывался не только въ дѣтствѣ, но и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, этимъ увлекательнымъ произведеніемъ, въ которомъ съ такимъ мастерствомъ изображенъ бытъ нашихъ предковъ въ тяжелую годину, 1606—1612. Отечество наше переживало страшное бѣдствіе, нашествіе поляковъ на Москву: кто не помнитъ заслугъ Минина и Пожарскаго, спасшихъ Россію отъ враговъ, въ романѣ «Юрій Милославскій» все это описано до малѣйшей подробности. Романъ: «Рославлевъ» рисуетъ другую тяжелую годину—1812 года сожженную Москву, нашествіе Наполеона и пр. пр.; еще романъ «Аскольдова могила» описываетъ древнюю жизнь Кіева и великокняжескаго двора, бояръ и народа, а также и другіе его романы не менѣе интересны, какъ напримѣръ: «Кузьма Рощинъ», «Искуситель», «Тоска по родинѣ», «Кузьма Петровичъ Мирошевъ», «Брынскій лѣсъ», «Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія», и мн. др., цѣна вмѣсто прежнихъ 16 руб. назначается всего 2 руб. 25 коп., съ пересыл. 3 р. за два тома убористаго шрифта, въ два столбца съ портретомъ М. Н. Загоскина—біографическій очеркъ писателя, составленный *А. Н. Сальниковымъ*. Изданіе напечатано въ большой форматъ. 91 листъ—2074 столбца, по 63 строки въ столбцѣ.

СОЧИН. Н. В. ГОГОЛЯ. ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Съ 104 рисунками, художника Агина, гравированными на деревѣ Бернардскимъ. Рисунки Агина рисованы подъ наблюденіемъ автора, а потому представляютъ собою—самую вѣрную передачу мысли автора. Типы нарисованы согласно того, какъ задуманы они великимъ писателемъ. Книга издана въ большой форматъ. Рисунки отпечатаны на прекр. бумагѣ, ц. книги 75 к.

СОЧИНЕНІЯ П. В. ПОЛЕЖАЕВА.

Т. I. ПРЕСТОЛЪ И МОНАСТЫРЬ. Историческій романъ П. В. ПОЛЕЖАЕВА 3-е изд. 436 стр. СПБ. 1902 г. ц. 1 р. Романъ этотъ обхватываетъ эпоху правленія Царевны Софіи, Стрѣлецкіе бунты, казни Шагловитаго и др., любовь Софіи къ кн. В. В. Голицыну, политическое паденіе Софіи—и постриженіе ея въ монастырь.

Т. II. ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ. Историческій романъ начала XVIII вѣка П. В. ПОЛЕЖАЕВА. 344 стр. Спб. Цѣна 1 руб. П. В. Полежаевъ избралъ темою для своего романа полную глубокаго трагизма жизнь царевича Алексѣя Петровича. Время Петра Великаго, когда Россія пересоздавалась заново, столкнулись политическія теченія, представителемъ одного изъ нихъ былъ—Петръ, представителемъ другого—Алексѣй. Борьба отразилась на всей жизни и домашней обстановкѣ царевича и окончилась его погибелью. Романъ состоитъ изъ двухъ частей, составляющихъ одинъ томъ.

Т. III. БИРОНЪ И ВОЛЫНСКІЙ. Историческій романъ-хроника. Соч. П. ПОЛЕЖАЕВА. 272 стр. Спб. Цѣна 75 к. Авторъ романа исторически-вѣрно нарисовалъ картину печальной драмы и безпощадной борьбы двухъ партій: русской, и нѣмецкой, волновавшихъ дворъ во все продолженіе царствованія Императрицы Анны Іоанновны. Вожакомъ русской партіи былъ знаменитый борецъ за все русское, кабинетъ-министръ Артемій Волынскій, а нѣмецкой — герцогъ Биронъ. Борьба была долгая и упорная и окончилась казнью Волынскаго и его приверженцевъ. Эта страшная картина, вмѣстѣ съ именемъ Бирона, надолго осталась въ памяти русскаго народа.

Т. IV. ФАВОРЪ И ОПАЛА. Историческій романъ временъ Петра Второго. Романы П. В. Полежаева давно получили почетную извѣстность. Русская старина освѣщается кистью художника. Его герои и лица соотвѣтствуютъ во всей точности исторической истинѣ. «Фаворъ и Опала» романъ, очерчивающій временщиковъ и интриги двора, слѣдовавшія послѣ смерти Петра Великаго. Эта одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ исторіи Россіи.

Т. IV. ЛОПУХИНСКОЕ ДѢЛО. Историческая повѣсть временъ Елизаветы Петровны. Соч. П. ПОЛЕЖАЕВА. Спб. 315 стр. ц. 1 р. Въ этомъ романѣ описана придворная жизнь того времени, картина русскихъ нравовъ, интригъ и борьбы придворныхъ партій. Въ одной изъ этихъ партійявляется семейство Лопухиныхъ, трагически сложившихъ свои головы на эшафотѣ.—Книга написана легкимъ слогомъ и прочтется русской публикой съ большимъ интересомъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

В. А. СЛѢПЦОВА.

ТРЕТЬЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ, СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ,

СОСТАВЛЕННЫМЪ

А. Н. Сальниковымъ.

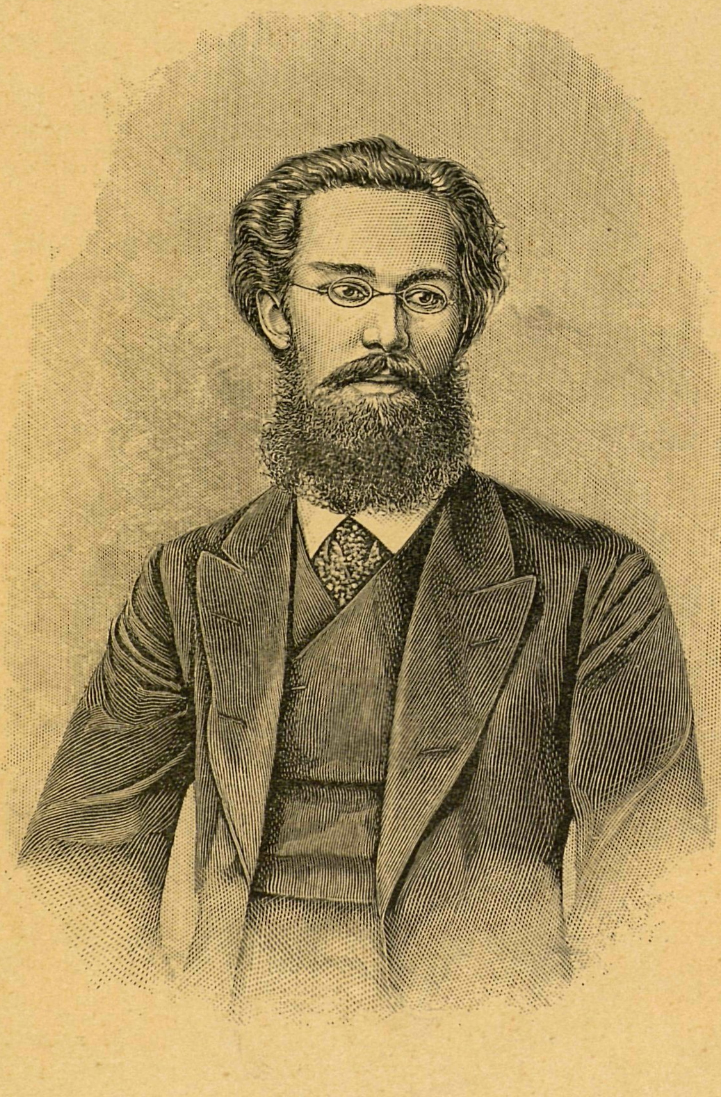
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ИПБ

Гос. Публичная Б-ка

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. Губинскаго.
1903.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.



Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ.

Дозвол. цензур. СПБ., 30 Дек. 1902 г. Гос. Тип.

Василій Алексѣевичъ

Слѣпцовъ.

(Біографическій очеркъ).

Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ писателей конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, принадлежалъ къ старинному дворянскому роду. Отецъ его, помѣщикъ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, служилъ въ Харьковскомъ уланскомъ полку и принималъ участіе въ турецкой и польской кампаніяхъ; мать, Жозефина Адамовна, полька по происхожденію, была урожденная Вельбутовичъ-Паплонская. Впослѣдствіи Алексѣй Васильевичъ перешелъ въ Новороссійскій драгунскій полкъ, въ Воронежѣ, гдѣ и родился будущій беллетристъ, въ 1836 г., 17-го іюля. Спустя годъ по его рожденіи, отецъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ съ семействомъ въ Москву и поступилъ тамъ, по протекціи дяди своего Николая Александровича Бутурлина, въ московскую комиссаріатскую комиссію.

Слѣпцовъ былъ всегда любимцемъ семьи, особенно матери, которая въ немъ души не чаяла. По ея словамъ, Василій Алексѣевичъ «съ ранняго дѣтства выказывалъ большія умственныя способности; нрава былъ кроткаго и тихаго, сердца мягкаго, такъ что не могъ выносить, когда его сверстники мучили животныхъ или мухъ; постоянно былъ занятъ разнаго рода издѣліями и впослѣдствіи, бывши уже писателемъ, изучилъ столярное и слесарное ремесла. Самъ выучился пяти лѣтъ читать; былъ набоженъ въ дѣтствѣ, и семи лѣтъ собирался въ монастырь, надъ чѣмъ потомъ смѣялся. Когда ему минуло 8 лѣтъ, мы въ Москвѣ взяли къ себѣ гимназиста изъ 5-го класса готовить сына въ гимназію; но гимназистъ былъ большой педантъ и не умѣлъ пріохотить мальчика къ наукамъ, особенно къ латыни, такъ что Вася плакалъ, заучивая латинскую грамматику. Мы перемѣнили учителя и взяли студента Апурина, который такъ хорошо преподавалъ, что латынь стала любимымъ занятіемъ Василія Алексѣевича. Французскимъ языкомъ занималась съ нимъ я, а нѣмецкимъ—бабушка его». *)

Десяти лѣтъ Слѣпцовъ поступилъ въ 1-ю московскую гимназію. Спустя $1^1/_2$ года отецъ его получилъ въ наслѣдство имѣніе въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи,—деревню Александровку или Дубовку, куда и переѣхало все семейство. Слѣпцова вскорѣ опредѣлили въ дворянскій институтъ въ Пензѣ—единственное въ то время учебное заведеніе въ городѣ. Любимымъ занятіемъ мальчика были книги; кромѣ того, онъ пробовалъ писать въ пансіонѣ стихи, но всѣ эти первые литературные опыты затерялись, и Слѣпцовъ не любилъ даже вспоминать о нихъ. Сохранилось, впрочемъ, нѣсколько дѣтски-наивныхъ строкъ стихотворенія, посвященнаго матери, которая и приводитъ ихъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Вотъ онѣ:

Не за себя молитва льется
Предъ престоломъ Всевышняго Творца,
Не за себя молю—за мать мою родную...

По окончаніи курса въ дворянскомъ институтѣ, Слѣпцовъ былъ отвезенъ въ Москву. Въ то время открылась венгерская кампанія, и родные посовѣтовали Слѣпцовымъ опредѣлить сына въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи. Василій Алексѣевичъ согласился на это, купилъ даже программу и началъ готовиться въ полкъ, но, попавъ въ общество студентовъ, перемѣнилъ свое намѣреніе и вскорѣ выдержалъ экзаменъ въ Московскій университетъ, по медицинскому факультету. Будучи студентомъ, онъ познакомился съ профессорами Китарой и Далемъ, которые очень полюбили его и пригласили бывать у нихъ. Это знакомство имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность Слѣпцова: оно отвлекло его отъ медицины.

---

*) См. «Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ въ воспоминаніяхъ его матери». («Русская Старина» 1890 г., январь).

Въ 50-хъ годахъ этнографическій отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества обратился къ Слѣпцову съ предложеніемъ—отправиться въ пѣшеходное путешествіе по Владимірской губерніи для описанія тамошнихъ фабрикъ и строившейся въ то время французами желѣзной дороги. Слѣпцовъ охотно принялъ сдѣланное предложеніе. Результатомъ его странствованій были весьма любопытныя наблюденія надъ бытомъ фабричныхъ рабочихъ, записанныя имъ въ особой тетради, но это сочиненіе, къ сожалѣнію, затерялось. Обладая достаточнымъ запасомъ знанія народной жизни, Слѣпцовъ выступилъ въ началѣ 60-хъ годовъ на литературное поприще въ «Русской Рѣчи» графини Е. В. Саліасъ (Евгенія Туръ), а затѣмъ сталъ сотрудничать въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Современникѣ». Въ это время онъ женился въ Москвѣ на Языковой и имѣлъ отъ нея сына, который умеръ, и дочь Валентину, вышедшую послѣ его смерти замужъ за Іосифа Александровича Гурко. Бракъ оказался несчастливымъ: Слѣпцовъ скоро разстался съ женою. Получивъ затѣмъ послѣ отца наслѣдство и не любя деревенскаго хозяйства, онъ продалъ имѣніе своему брату, а самъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ Н. Г. Чернышевскимъ, Г. З. Елисѣевымъ, В. И. Водовозовымъ и Н. А. Некрасовымъ, который пригласилъ его въ постоянные сотрудники « Современника», съ обязательствомъ писать исключительно въ этомъ журналѣ. Первое произведеніе Слѣпцова, появившееся въ 1862 г. въ «Современникѣ», было «Письма изъ Осташкова». Затѣмъ, въ 1863 и 1864 г. были напечатаны разсказы: «Питомка», «Казаки», «Постоялый дворъ», «Сцены въ больницѣ». Съ каждымъ новымъ произведеніемъ Слѣпцовъ пріобрѣталъ все большее расположеніе своихъ читателей и вскорѣ занялъ видное положеніе въ литературныхъ кружкахъ столицы.

Особенною популярностью онъ пользовался среди женщинъ, чему, конечно, прежде всего былъ обязанъ своей счастливой наружности и личной обаятельности. «Наружность Слѣпцова,—замѣчаетъ А. Я. Головачева-Панаева въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ(*),—была очень эффектная и отличалась изяществомъ; у него были великолѣпные черные волосы, небольшая борода, тонкія и правильныя черты лица; когда онъ улыбался, видны были необыкновенной бѣлизны зубы. Цвѣтъ лица былъ матово-блѣдный. Онъ былъ высокъ, строенъ и одѣвался скромно, но тщательно». Пріѣхавъ въ Петербургъ въ самый разгаръ женскаго вопроса, Слѣпцовъ сдѣлался горячимъ его пропагандистомъ и искренно и беззавѣтно увлекался имъ, не смотря на неудачи, которыя встрѣчалъ при осуществленіи своихъ проектовъ.

---

*) См. «Русскіе писатели и артисты 1824-1870 гг.» Спб., изд. В. И. Губинскаго. 1890 г.

Въ 1863 г. задумалъ онъ, напр., организовать частныя популярно-научныя лекціи для женщинъ. Въ качествѣ лекторовъ было приглашено нѣсколько молодыхъ людей изъ сочувствующихъ женскому вопросу, которые, не будучи учеными спеціалистами, могли все-таки сообщать слушательницамъ элементарныя свѣдѣнія по физикѣ, химіи и гигіенѣ. Самъ Слѣпцовъ былъ однимъ изъ такихъ лекторовъ. Къ огорченію иниціатора дѣла, число слушательницъ на каждой лекціи постепенно убывало, такъ-какъ стали ходить слухи, что хозяина залы, гдѣ происходили собранія, призывали куда слѣдуетъ для объясненій и требовали, чтобы сборища болѣе не продолжались. «Кромѣ того, по словамъ А. Я. Головачевой, учащіяся женщины утромъ были заняты, а мнимо-учащіяся, которыхъ тогда было много, побывавъ на первой лекціи, нашли, что тамъ слишкомъ много бываетъ аристократокъ (такъ называли тогда женщинъ хорошо одѣвающихся), и не желали сидѣть вмѣстѣ съ ними. Дамы же, которыхъ считали аристократками, испугались слуховъ, что во время чтенія можетъ явиться полиція, и перестали посѣщать лекціи». Видя такое охлажденіе къ своему дѣлу, Слѣпцовъ обратился, наконецъ, къ присутствовавшимъ на послѣдней лекціи съ такою рѣчью: «Милостивыя государыни и милостивые государи, прошу вашего вниманія. Я долженъ сказать надгробное слово преждевременно погибшимъ нашимъ лекціямъ. Съ душевнымъ, глубокимъ прискорбіемъ я обязанъ объявить вамъ, что, за отсутствіемъ слушательницъ, лекціи прекращаются. Но покидая эту залу, я, какъ Галилей, воскликну: «а все-таки эти лекціи принесли бы большую пользу женщинамъ въ общемъ ихъ образованіи».

Слѣпцовъ не оставлялъ, впрочемъ, мысли продолжать лекціи, предполагая привлечь къ участію въ нихъ тогдашнихъ молодыхъ профессоровъ, сочувственно относившихся къ высшему образованію женщинъ. Но скоро новый проектъ поглотилъ все его вниманіе: онъ рѣшилъ устроить въ Петербургѣ общую квартиру для лицъ изъ круга близкихъ своихъ знакомыхъ, цѣлью которой было—доставленіе нуждающимся членамъ дешеваго общежитія, при общемъ трудѣ. Проектъ этотъ имѣлъ за собою то преимущество, что жившіе въ такой квартирѣ избавлялись отъ безцеремонной эксплоатаціи квартирныхъ хозяекъ (большею частію—устарѣлыхъ чиновницъ, нажившихся кухарокъ), которыя, изъ своихъ экономическихъ видовъ, морозили жильцовъ въ нетопленныхъ комнатахъ, отравляли ихъ обѣдами изъ дурной провизіи и часто пускали жильцовъ, творившихъ по ночамъ всевозможныя безобразія. Общая квартира, которую Слѣпцовъ шутя назвалъ «коммуной», была нанята на Знаменской улицѣ и хотя помѣщалась въ верхнемъ этажѣ, но лѣстница была очень хорошая, со швейцаромъ. Планы квартиры были розданы будущимъ жильцамъ, которые могли выбирать себѣ комнаты по своему усмотрѣнію. «Одну большую комнату,—говоритъ А. Я. Головачева,—Слѣпцовъ сдѣлалъ общей, гдѣ въ извѣстный часъ должны были всѣ собираться на утренній, вечерній чай, на обѣдъ, такъ-какъ прислугу предполагалось имѣть одну, и нужно было соблюдать, кромѣ порядка, и экономію въ хозяйствѣ. Общая трапеза, конечно, должна была обходиться дешевле, чѣмъ каждому отдѣльно. Для пріема гостей Слѣпцовъ также назначилъ одинъ вечеръ въ недѣлю. Кругъ знакомыхъ у всѣхъ членовъ былъ почти общій». Жильцами въ «коммунѣ» оказались преимущественно женщины; мужчинъ же было только двое: Слѣпцовъ и его пріятель N. Благодаря тому, что «коммуну» стали посѣщать разныя личности, бывавшія въ ней уже каждый день утромъ и вечеромъ,—въ городѣ распространились всякія сплетни о знаменскихъ коммунарахъ.—«Не стоитъ обращать на это вниманія, говорилъ

Слѣпцовъ: пусть себѣ болтаютъ всякій вздоръ—избѣжать этого трудно. Всѣ отлично знаютъ, что женщины жили прежде въ меблированныхъ квартирахъ также съ мужчинами, да еще Богъ знаетъ съ какими. Рутина общественной жизни такъ сильна, что какое бы ни явилось въ ней полезное исключеніе, оно произведетъ гвалтъ: покричатъ, поболтаютъ и перестанутъ». Между тѣмъ невыгодные слухи о «коммунѣ» все болѣе и болѣе разростались: злые языки увѣряли, будто въ ней происходятъ ежедневные попойки и кутежи, причемъ посѣтители и хозяева напиваются до безобразія, и гости лишь на другой день расходятся по домамъ. На самомъ же дѣлѣ никакихъ угощеній, кромѣ чаю, не подавалось гостямъ. Не смотря на это, въ городѣ стали утверждать, что «коммуна» представляетъ собою новую секту, преслѣдующую самыя безнравственныя цѣли. Неудивительно, что полиція стала слѣдить за коммунарами: городовые безсмѣнно торчали у подъѣзда знаменскаго общежитія. Нѣкоторыя изъ дамъ, опасаясь быть скомпрометированными, выѣхали изъ «коммуны», и она, за недостаткомъ средствъ, скоро распалась. Такой исходъ дѣла не обезкуражилъ, однако, Слѣпцова.—«Не стоитъ смущаться неудачей въ полезныхъ общественныхъ дѣлахъ, замѣчалъ онъ,—потому что большинство общества податливо на усвоеніе пустыхъ рутинныхъ обычаевъ въ общественной жизни, и чуть возникаетъ новизна, хоть и полезная, она вызываетъ рутинеровъ на глумленіе. Не слѣдуетъ робѣть передъ этимъ—иначе въ общественной жизни не было бы никакого прогресса. Прогрессъ только и можетъ быть тогда, когда люди дѣйствуютъ наперекоръ рутинѣ». Стоя, какъ писатель, во главѣ женскаго вопроса и принимая горячее участіе въ прiисканiи работы нуждающимся труженицамъ, Слѣпцовъ сталъ хлопотать объ устройствѣ въ Петербургѣ женской переплетной мастерской и открытіи конторы переписки бумагъ и переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Съ этою цѣлью онъ устраивалъ музыкально-литературные вечера, спектакли, публичныя лекціи и т. п. Планамъ его, однако, не суждено были осуществиться: за нимъ стали зорко слѣдить, какъ иниціаторомъ разныхъ сборищъ, и даже совѣтовали на время умѣрить свою организаторскую дѣятельность. Въ 1866 г. Слѣпцовъ былъ арестованъ, послѣ 4-го апрѣля, какъ устроитель коммуны. «Это былъ самый ужасный періодъ его жизни, говоритъ мать писателя въ своихъ воспоминаніяхъ.—Я въ это время была въ Петербургѣ и страшно боялась за сына. Прихожу однажды къ нему, раскрыла его альбомъ и стала вынимать карточки арестованныхъ. Василій Алексѣевичъ, замѣтивъ это, подошелъ и сказалъ: «нѣтъ, мамаша, не надо вынимать; я—литераторъ и мало-ли кого изъ нихъ знаю». Я спросила его: «а если тебя арестуютъ, то какъ мнѣ поступить?» Чтобы успокоить меня, онъ съ милой улыбкой отвѣчалъ: «Да за что̀? Ну, а если арестуютъ, то дня черезъ два выпустятъ, и я вамъ пришлю ключи черезъ студента Ш., который живетъ противъ моего номера. Вася квартировалъ тогда близъ Невскаго, на Владимірской, въ домѣ Лихачова. Я ушла. На другой день, въ 8 час. утра позвонилъ въ мою квартиру студентъ Ш. и сказалъ: «я принесъ вамъ ключи; Василія Алексѣевича въ 3 часа ночи арестовали и отвезли въ Александро-Невскую часть». Я чуть не упала. Я хорошо знала Муравьева и его безмилосердіе, да и не видѣла никакой вины за Васей. Тотчасъ же отправилась къ сыну, думая что̀-либо узнать и передать ему что̀-либо питательное, зная его плохое здоровье. Квартальный и частный приняли меня непривѣтливо и отвѣтили, что сюда никого не привозили, хотя я въ окошкѣ видѣла вещи Васи съ № и его фамиліей. Меня отправили въ III отдѣленіе, гдѣ маіоръ Бабушкинъ по книгѣ отыскалъ фамилію сына и сказалъ, что онъ—въ Александро-Невской части и что необходимо, чтобы я опять явилась и просила генерала Мезенцова. И вотъ я всякій день два раза ходила въ III отдѣленіе. Письма отъ сына получала, но свиданіе съ нимъ не было позволено. Я ежедневно проходила черезъ частный дворъ и смотрѣла въ окно съ рѣшетками. Разъ увидѣла въ форточку Васю—и онъ, и я обрадовались. Но одна минута—и частный велѣлъ удалиться.

Помѣщеніе Васи было ужасно грязное. Комната—въ три аршина, вся оплеванная; кровать полна клоповъ, мѣшокъ набитъ сѣнной трухой, и на пищу давалось лишь 10 коп.

въ сутки; на ночь ставили въ комнату ушатъ подъ названіемъ «парашка», а въ окно валилъ смрадъ пыльной копоти; ни книгъ, ни бумаги. Я поѣхала къ дядѣ Бутурлину, который былъ хорошо знакомъ съ Муравьевымъ. Дядя, хотя больной, но поѣхалъ къ Муравьеву, который его успокоилъ, что его внукъ въ дурныхъ дѣлахъ не замѣшанъ. Но все-таки онъ продержалъ Васю семь недѣль и отдалъ его мнѣ на поруки—больного, съ опухшими ногами, сильно исхудалаго. Арестъ этотъ и свелъ его въ преждевременную могилу: семь недѣль всякій день бояться за себя!..»

Какъ человѣкъ, Слѣпцовъ былъ—натура крайне увлекающаяся, даже въ мелочахъ. «Однажды, передаетъ А. Я. Головачева, онъ придумалъ заказать токарю для своего письменнаго стола березовые подсвѣчники, покрытые лакомъ. Онъ носился съ своимъ изобрѣтеніемъ, показывая его короткимъ знакомымъ, и былъ очень доволенъ, если кто-нибудь просилъ его заказать такіе же подсвѣчники или канделябры. Слѣпцовъ самъ давалъ токарю рисунки и слѣдилъ за его работой; когда же токарь взялся въ лѣтнемъ помѣщеніи приказчичьяго клуба украсить танцовальный залъ люстрами изъ березы, то Слѣпцовъ до такой степени былъ озабоченъ, какъ будто самъ взялъ этотъ заказъ. Каждый день онъ бѣгалъ къ токарю, давалъ совѣты, дѣлалъ рисунки».

Характеръ Слѣпцова, по свидѣтельству матери, «былъ тихій», и « я (говоритъ она) никогда не видала его сердитымъ». Гдѣ бы Слѣпцовъ ни поселялся—всѣ чувствовали къ нему особенное расположеніе и старались всячески угодить ему. Особенно онъ умѣлъ сближаться съ народомъ. «Въ голосѣ его было что-то ласкающее, такъ что люди простого класса изъ самыхъ мрачныхъ и молчаливыхъ дѣлались съ нимъ разговорчивыми до откровенности. Я, замѣчаетъ Головачева, очень любила слушать, когда Слѣпцовъ бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ этого класса людей. Съ каждымъ изъ нихъ былъ у него особенный слогъ, который совпадалъ съ языкомъ какого-нибудь мастерового, мужика-рабочаго или бабы-торговки. Онъ такъ умѣлъ шутить съ ними, что они отъ души смѣялись». Будучи очень красивымъ, Слѣпцовъ привлекалъ къ себѣ толпы женщинъ, изъ которыхъ многія, познакомившись съ нимъ, безумно въ него влюблялись. «Сердечные романы его, по словамъ г-жи Головачевой, были, впрочемъ, кратковременны и оканчивались всегда непріятнымъ для него образомъ. Онъ не могъ выносить ревности, а ему попадались именно женщины очень ревнивыя. Слѣпцовъ не хотѣлъ притворяться и обманывать и выводилъ женщинъ изъ себя тѣмъ, что сохранялъ полное хладнокровіе въ бурныхъ сценахъ ревности. Онъ былъ такъ набалованъ побѣдами, что едва успѣвалъ покончить романъ съ одной женщиной, какъ являлись другія въ него влюбленныя. Слѣпцовъ не придавалъ большого значенія скоровоспалительной любви въ женщинахъ и имѣлъ неосторожность всегда это высказывать, чѣмъ, конечно, женщины оскорблялись и считали его за сухого эгоиста». Литературная дѣятельность Слѣпцова была непродолжительна, и написалъ онъ очень не много. Полное собраніе его сочиненій, вышедшее до сихъ поръ двумя изданіями, составляетъ одинъ небольшой томъ, заключающій въ себѣ 10 разсказовъ изъ народной жизни, повѣсть «Трудное время» и нѣсколько главъ начатаго романа «Хорошій человѣкъ». «Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Слѣпцовъ,—говоритъ С. А. Венгеровъ,*)—обнаруживаетъ несомнѣнный даръ разсказа, а въ нѣкоторыхъ тонкое остроуміе и большую вдумчивость въ явленія общественной жизни. Въ общемъ онъ—одинъ изъ наиболѣе художественно-одаренныхъ писателей 60-хъ годовъ. Жестокимъ Слѣпцовъ кажется въ главномъ своемъ произведеніи—«Трудномъ времени», которое до сихъ поръ остается въ литературной памяти и въ ряду повѣстей съ общественною подкладкою занимаетъ видное мѣсто. Повѣсть съ безпощадною ироніею выпучиваетъ умѣренный либерализмъ, который не идетъ дальше двухъ-трехъ хорошихъ порывовъ, а затѣмъ остываетъ и обращается къ устройству личнаго благополучія, путями, однако, отнюдь не предосудительными. Читателю, который видѣлъ позднѣйшій пышный расцвѣтъ хищничества, непонятна та неумолимость, съ которою авторъ старается выставить представителя благихъ порывовъ—Щетинина—полнѣйшимъ ничтожествомъ. На половину иронически повѣсть относится къ героинѣ разсказа—женѣ Щетинина, въ которой стремленія къ устройству своего благополучія уже совсѣмъ нѣтъ, но надъ которой повѣсть подтруниваетъ за неопредѣленность ея благихъ порывовъ. Въ положительномъ лицѣ повѣсти—Рязановѣ, на все отвѣчающемъ насмѣшечками, замѣтно сказалось вліяніе базаровскаго типа». Въ общемъ повѣсть «Трудное время», которая, несомнѣнно, представляется шедёвромъ автора и въ свое время надѣлала не мало шуму,—составляетъ, по справедливому замѣчанію А. М. Скабичевскаго, «весьма цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашей литературы и заставляетъ сожалѣть о преждевременной утратѣ недюжиннаго таланта въ лицѣ В. А. Слѣпцова».

---

*) См. «Энциклопедическій словарь» Ефрона. Т. XXX.

Высокоталантливый Д. И. Писаревъ посвятилъ разбору «Труднаго времени» блестящую статью—«Подростающая гуманность», въ которой онъ, со свойственнымъ ему тонкимъ критическимъ анализомъ, разбираетъ «уморительный типъ добродѣтельнаго либерала» въ лицѣ юнаго и просвѣщеннаго помѣщика Александра Васильевича Щетинина.

«Щетининъ, говоритъ Писаревъ, живетъ въ своемъ имѣніи и старается увѣрить себя и другихъ въ томъ, что онъ занимается хозяйствомъ, гуманизируетъ сельскихъ обывателей, интересуется европейскою политикою и слѣдитъ очень внимательно за развитіемъ научной агрономіи. Занятія хозяйствомъ заключаются въ томъ, что Щетининъ по вечерамъ бесѣдуетъ съ своимъ приказчикомъ, который изъ этихъ конференцій выноситъ, по всей вѣроятности, то утѣшительное убѣжденіе, что надувать и обирать молодыхъ агрономовъ очень сподручно и совершенно безопасно. Гуманизированіе земледѣльцевъ производится посредствомъ тщательнаго взиманія установленныхъ штрафовъ за потравы; это взыскиваніе четвертаковъ и полтинниковъ клонится вовсе не къ тому, чтобы вознаградить помѣщика, а собственно и единственно къ тому, чтобы воспитать въ земледѣльцахъ уваженіе къ принципу собственности, чтобы развить въ нихъ чувство законности, чтобы вложить въ грубые умы пониманіе человѣческихъ правъ и обязанностей.

Поглощенный великимъ житейскимъ дѣломъ народнаго воспитанія, Щетининъ, конечно, не можетъ уже посвящать много времени политикѣ и теоретической агрономіи; поэтому и немудрено, что книжки ученыхъ журналовъ лежатъ неразрѣзанныя, и что пачки русскихъ и иностранныхъ газетъ остаются нераспечатанными. Орошая потомъ лица своего обширную и еще нетронутую ниву русскихъ народныхъ силъ, Щетининъ принужденъ отказывать себѣ даже въ тѣхъ скромныхъ умственныхъ наслажденіяхъ, которыя для образованнаго человѣка составляютъ насущную потребность. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, неразрѣзанность журналовъ и нераспечатываніе газетъ должны быть вмѣнены Щетинину въ особенно высокую патріотическую заслугу.

У нашего гуманизатора есть жена, Марья Николаевна, женщина молодая, честная, горячая и энергическая, принявшая за чистую монету либеральные разговоры доблестнаго супруга и постоянно ожидающая, во все время своего трехлѣтняго замужества, что вотъ-вотъ начнется какая-то не совсѣмъ извѣстная ей, но великая и святая работа, которой всѣ честные люди съ наслажденіемъ отдадутъ весь свой умъ, всю свою волю, всю свою жизнь. Но время идетъ, Щетининъ занимается потравами, и Марья Николаевна начинаетъ недоумѣвать. Ей кажется, что въ этой работѣ очень мало великаго и святого, и что не такими подвигами наполняется жизнь тѣхъ людей, которые дѣйствительно умѣли понять всю тяжесть долга, лежащаго на нихъ въ отношеніи къ ихъ бѣдному и невѣжественному народу. Въ то время, когда Марья Николаевна недоумѣваетъ и тревожится, къ Щетинину пріѣзжаетъ на лѣто его товарищъ по университету, Рязановъ, одинъ изъ блестящихъ представителей базаровскаго типа. Появленіе этого новаго лица ускоряетъ неизбѣжную развязку. Прислушиваясь къ разговорамъ Рязанова съ Щетининымъ, Марья Николаевна начинаетъ смотрѣть на своего мужа совершенно трезвыми глазами и отдавать должную дань презрѣнія его игрушечному либерализму. Добродѣтельное собраніе четвертаковъ и полтинниковъ становится для нея невыносимымъ, и она рѣшается уѣхать отъ мужа, чтобы устроить себѣ полезную и разумную жизнь. Она уѣзжаетъ не съ Рязановымъ, а одна, и уѣзжаетъ вовсе не за тѣмъ, чтобы предаваться удовольствіямъ взаимной любви. Повѣсть Слѣпцова оканчивается тѣмъ, что Рязановъ и Марья Николаевна холодно прощаются между собою въ домѣ Щетинина, который, внезапно очутившись на развалинахъ своего семейнаго счастія, начинаетъ мечтать о наживаніи капитала и о расходованіи его на пользу человѣчества. Какъ видите, между тремя главными дѣйствующими лицами повѣсти разыгралась простая, но мучительная драма, тѣмъ болѣе интересная и замѣчательная, что ея составные элементы—грошовый либерализмъ, безпощадный анализъ и неподкупная честность—находятся уже теперь во многихъ русскихъ семействахъ» *). Не вдаваясь въ подробный разборъ замѣчательной повѣсти Слѣпцова, Писаревъ бросаетъ бѣглый взглядъ на основную причину разыгравшейся драмы, съ которымъ читатели могутъ познакомиться изъ самой статьи критика. Приведу, въ заключеніе, чрезвычайно интересный отзывъ о Слѣпцовѣ, сдѣланный В. П. Буренинымъ по поводу посмертнаго изданія сочиненій покойнаго писателя.

«Слѣпцовъ (говоритъ В. П. Буренинъ) выступилъ на литературное поприще почти одновременно съ Н. Успенскимъ и Левитовымъ и, раздѣляя успѣхъ съ названными беллетристами, сразу сталъ выше ихъ въ глазахъ тогдашней читающей публики. И читатели, и критика отдавали Слѣпцову первенство передъ его товарищами не въ отношеніи непосредственнаго таланта: Левитовъ и Н. Успенскій были тоже очень талантливые люди; но ихъ сверстникъ обладалъ качествомъ, рѣдкимъ въ тогдашнихъ молодыхъ беллетристахъ: онъ давалъ не одни бойкіе и яркіе наброски, сдѣланные торопливо и безъ надлежащей отдѣлки: онъ давалъ вещи, хотя и небольшія, по формѣ похожія на очерки и этюды, но, однако же, чрезвычайно выработанныя, соединявшія въ себѣ съ серьезною мыслью замѣчательно художественную отдѣлку. Вмѣстѣ съ этимъ цѣннымъ качествомъ у Слѣпцова выдавалось еще и другое: безподобный юморъ,

---

*) См. Соч. Д. И. Писарева. Т. IV.

тѣмъ болѣе производившій впечатлѣніе, что въ немъ не было ни малѣйшаго шаржа, ни малѣйшаго пересола, а, напротивъ, необыкновенная сдержанность. Какъ извѣстно, юморъ настоящихъ, призванныхъ юмористовъ, каковы Гоголь, Диккенсъ, именно отличается указаннымъ качествомъ, именно имъ всего болѣе и дѣйствуетъ на читателей.

Каждый, кто потрудится прочитать разсказы Слѣпцова, можетъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ эти небольшіе и превосходные разсказы обработаны съ художественной стороны. Въ наше время, еще болѣе, чѣмъ въ 60-е годы, они должны казаться въ этомъ смыслѣ образцовыми. Вѣдь теперешніе разсказчики, даже наиболѣе талантливые, грѣшатъ небрежной и спѣшной отдѣлкой своихъ вещей, пожалуй еще хуже беллетристовъ того періода, когда началъ свою дѣятельность Слѣпцовъ. У многихъ ли изъ разсказчиковъ вы встрѣтите такую добросовѣстную и строгую обработку малѣйшихъ деталей въ описаніяхъ, такую художественную сжатость разсказа, такую отдѣлку языка, такую яркую наблюдательность, какія блещутъ у Слѣпцова со всякой страницы любого изъ его очерковъ. О юморѣ я уже и не говорю: я не знаю между беллетристами «послѣдней формаціи» ни одного таланта, который бы по юмору хотя только приближался къ автору «Сценъ въ больницѣ», «Питомки», «Свиней», «На желѣзной дорогѣ», а ужъ не то, что превышалъ его. Развѣ только одинъ Гл. Успенскій можетъ до извѣстной степени стать рядомъ со Слѣпцовымъ, какъ юмористъ; но Гл. Успенскій выступилъ лишь немногимъ позднѣе своего покойнаго сотоварища и, быть можетъ, въ первыхъ своихъ работахъ былъ отчасти его ученикомъ.

Слѣпцовъ былъ не только типической личностью своего времени, но и жертвою его тревожныхъ вѣяній. Онъ умеръ слишкомъ рано и сдѣлалъ слишкомъ мало для своего таланта. Художественное его дарованіе, судя по тѣмъ немногимъ образцамъ, какіе онъ далъ, было очень крупныхъ размѣровъ; но обладатель этого дарованія загубилъ свои душевныя силы отчасти несдержанными влеченіями горячаго темперамента, отчасти тѣми порывами въ область чуждой художественнымъ настроеніямъ дѣятельности, которые въ его время считались и «гражданскими» и политическими. Въ жизни Слѣпцова, если не ошибаюсь, роковую роль играли съ одной стороны страстныя склонности, съ другой—праздная игра въ отрицаніе и агитацію. При всей силѣ своего ума и дарованія, онъ не могъ сладить съ самимъ собою и постоянно бросался въ разныя излишества, мучился смутными, непереработанными стремленіями къ отрицательнымъ идеаламъ, отвлекавшими его отъ служенія своему художественному призванію. Въ этимъ судорожныхъ мечтаніяхъ, въ этой борьбѣ съ темными склонностями страстей онъ погибъ преждевременно. Послѣдніе годы его недолгой жизни подтачивалъ физическій недугъ, быстро сведшій его въ раннюю могилу»...(*)

Принужденный оставить литературную дѣятельность, Слѣпцовъ уѣхалъ лечиться на Кавказъ, но, не получивъ существенной пользы, переселился въ имѣніе матери, близъ Сердобска, гдѣ и умеръ на ея рукахъ 23-го марта 1878 года.— Вотъ въ какихъ теплыхъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ, словахъ г-жа Слѣпцова описываетъ послѣдніе моменты жизни своего нѣжно-любимаго сына:

«22-го марта 1878 г. онъ просилъ меня перевести съ дивана на постель и, подойдя къ ней, сказалъ:—«Какъ вы хорошо меня привели! Я готовъ благодарить васъ на колѣняхъ». Ночью я услыхала его кашель и пришла къ нему. Свѣча еще горѣла. Онъ просилъ дать ему порошокъ, потомъ—чтобы его немного прикрыть, и сказалъ: «теперь все». Я ушла. Въ 4 часа утра опять вошла и спросила: «Ты звалъ?»—Онъ отвѣтилъ: «Да, я оралъ». Стало свѣтать. Мнѣ показалось его лицо мертвецки блѣднымъ. Я выбѣжала изъ комнаты и сказала дочери, что дѣло плохо. Мы обѣ опять пришли. У него открылась рвота—желтою жидкостью. Голову его мы по очереди держали и давали ему воды съ коньякомъ. Онъ часто не сознавалъ, что̀ съ нимъ происходитъ, попросилъ его поправить. Рвота утихла. Онъ лежалъ спокойно и потребовалъ доктора. Когда тотъ

(*) См. «Новое Время» 1888 г., № 4288 (февраль).

пришелъ, то посовѣтовалъ что̀-то дать больному. При выходѣ, докторъ сказалъ намъ, что пульсъ остановился, нарывъ разрѣшился и что Васѣ остается лишь нѣсколько часовъ жизни. Для насъ минута была ужасная: все было кончено!.. Мы сидѣли неподалеку отъ умирающаго. Онъ, увидя это, спросилъ: «Вы думаете, что я умираю?»—Я отвѣтила: «нѣтъ». Докторъ опять пришелъ и нашелъ, что цвѣтъ лица сталъ темнымъ. Вася чуть внятнымъ голосомъ позвалъ меня и сестру свою. Мы боялись подойти къ нему, ожидая раздирающей сцены прощанія. Онъ намъ говорилъ: «Когда я буду умирать—всѣ уйдите. А то станете плакать и прибавите мнѣ нѣсколько часовъ страданія».

Настала агонія. Мы сѣли къ нему. И такъ тихо душа его улетѣла, какъ будто ангелы на рукахъ унесли ее отъ насъ... Свершилось все—и безцѣннаго сына моего не стало»!..

Похороненъ Слѣпцовъ въ Сердобскѣ, на городскомъ кладбищѣ.

А. Н. Сальниковъ.

СПѢВКА

Очеркъ.

Часовъ въ шесть пополудни, на квартирѣ у регента собирались пѣвчіе. Отеревъ предварительно сапоги о валявшуюся въ сѣняхъ рогожку, входили они въ переднюю, въ которой помѣщался старый, провалившійся диванъ, шкафъ для платья и пузатый комодъ. По причинѣ нагороженной мебели и происходившей оттого тѣсноты, одёжа сваливалась въ кучу на диванѣ и частію на комодѣ. На полу и тутъ можно было нащупать нѣчто въ родѣ рогожки, о которую пѣвчіе при входѣ обязаны были шмыгать ногами. Въ дверяхъ, изъ передней въ залу, стоялъ самъ регентъ, мужчина средняго роста, лѣтъ сорока, съ выразительнымъ лицомъ и стрижеными бакенбардами. Онъ стоялъ въ халатѣ, съ трубкой въ рукахъ и наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ сапоги у всѣхъ были достаточно вытерты. Въ залѣ, на столѣ, горѣла сальная свѣча и довольно тускло освѣщала большую печь въ углу, диванъ, фортепьяно съ наваленными на немъ нотами, комодъ краснаго дерева, нѣсколько стульевъ и скрипку, висѣвшую на стѣнѣ. На другой стѣнѣ видны были: портретъ митрополита Филарета, часы и манишка. Въ залѣ было тѣсно, пахло сыростію и жуковымъ табакомъ, а когда кто-нибудь кашлялъ, то и резонансу оказывалось мало. Входя въ залу, пѣвчіе кланялись, сморкались кто-во-что̀ гораздъ, и молча садились на стулья. Собирались они не вдругъ, а по нѣскольку человѣкъ, и всякій разъ, когда въ сѣняхъ начиналось шмыганіе и сопѣніе, регентъ спрашивалъ:

— Ну, всѣ, что ли?

Изъ темной передней слышался отвѣтъ: «нѣтъ еще-съ».

— Дишканта̀ и альта̀ не входите въ залу; посидите тамъ, пока ноги повысохнутъ, говорилъ регентъ, встрѣчая вновь прибывшую толпу мальчишекъ. Дисканта и альта остались въ передней и сейчасъ же начали возню. Тенора и баса частію сидѣли въ залѣ и сооружали самодѣльныя папиросы, частію прохаживались по комнатѣ и въ полголоса разговаривали между собой. Въ то же время, пока собирались пѣвчіе, происходила такая сцена. Въ дверяхъ стояла женщина въ куцавейкѣ, съ большимъ платкомъ на головѣ. Она привела сына, мальчика лѣтъ четырнадцати, и просила принять его въ число пѣвчихъ. Регентъ ходилъ по залѣ, взбивалъ себѣ хохолъ, потомъ останавливался у двери и отвѣчалъ скороговоркой: «да-да-да», «хорошо-хорошо», «это такъ», и проч. Шли переговоры о цѣнѣ. Регентъ колебался, принять пѣвчаго или нѣтъ, и утверждалъ, что мальчикъ очень старъ. Женщина, виднѣвшаяся въ полумракѣ изъ передней, слезливо посматривала на регента и покусилась-было даже упасть ему въ ноги, прося не оставить сына, но регентъ удержалъ ее, говоря, что онъ не Богъ. Испитой, косоглазый мальчикъ, съ вихрами на макушкѣ, въ пестромъ ситцевомъ халатѣ и въ женскихъ башмакахъ, стоялъ у притолки и, время-отъ времени потягивая носомъ, посматривалъ изподлобья на дискантовъ, которые, со своей стороны, пользуясь темнотой, начали уже его задирать, дергая изподтишка за халатъ.

— Будьте отцомъ-благодѣтелемъ! умоляла женщина.— Мальчикъ онъ смирный и въ нотѣ твердъ, а пуще всего страхъ знаетъ. У Палъ Ѳедотыча, сами изволите знать, тоже и воды принести, и дровъ наколоть, печку истопить—все мальчики. Это онъ можетъ.

— Долго ли онъ жилъ у Палъ-то Ѳедотыча?

— Годъ цѣлый жилъ. Я-было его къ Калашникову еще малюточкой по десятому годочку отдала, да Палъ-то Ѳедотычъ ужъ очень просилъ, зачалъ меня сбивать: отдай, да отдай ко мнѣ! Сманилъ отъ Калашникова, а наконецъ того—вотъ-те и здравствуй: голову ему и прошибъ.

— Какъ же такъ?

— Пьяный, извѣстно. Да ужъ что̀ и говорить. Такое-то тиранство, такое... Сами извольте понять—ребенокъ: гдѣ и пошалить, гдѣ что̀; а у него одинъ разговоръ: чѣмъ ни попало по головѣ, особливо какъ ежели грѣшнымъ дѣломъ запьетъ. Опять сейчасъ съ женой поругался—хлопъ! Въ карты зачалъ играть, проигрался—хлопъ! Будьте ему замѣсто отца, батюшка, Иванъ Степанычъ. Отцы вы наши сиротскіе! Не оставьте! и женщина опять-было собралась бухнуться въ ноги.

— Полно, полно, остановилъ регентъ.—А вотъ мы посмотримъ, какъ онъ знаетъ пѣніе. Войди сюда! Какъ тебя звать-то?

— Митріемъ, откашливаясь, сказалъ мальчикъ и, не безъ робости ступая своими грязными башмаками, вошелъ въ залу.

Регентъ сѣлъ за фортепьяно.

— Ноты знаешь?

— Знаю.

— Это какая нота?

Мальчикъ, поморщивъ брови и поглядѣвъ бокомъ на клавиши, сказалъ: *си.*

— Врешь, *фа.* А это какая?

Мальчикъ подумалъ-подумалъ и сказалъ: *до.*

— Врешь, *си.* Ну, да все-равно. Пой! *А—минь.*

Мальчикъ закинулъ голову кверху и жалобно протянулъ «Аминь».

— Господи поми—луй, пѣлъ регентъ, акомпанируя себѣ на фортепьяно.

— Господи поми—луй, протянулъ за нимъ мальчикъ.

— А кромѣ халата, одёжи у тебя никакой нѣтъ?

— Ни единой ниточки нѣту: все Палъ Ѳедотычъ обобралъ, отвѣчала мать новаго пѣвчаго, выступая изъ передней.—За леченіе, говоритъ. Какъ онъ это ему голову-то прошибъ, Митюшка и захворай; все въ кухнѣ лежалъ и въ церкву не ходилъ. Вотъ онъ за это самое и вычелъ. Я ему и башмаки свои ужъ дала.

— Ну, хорошо, хорошо. Такъ ты вотъ что̀, тетка: ты оставь его пока у меня, я посмотрю.

Женщина повалилась въ ноги.

— Ладно, ладно. Ну, ступай: мнѣ теперь некогда.—Всѣ, что ли, собрались?

— Всѣ, Иванъ Степанычъ, отвѣчали пѣвчіе.

— Куликовъ! раздавайте *Вѣрую* Березовскаго!

Женщина ушла и пѣвчіе стали готовиться къ пѣнію: откашливаться, поправлять галстухи, подтягивать брюки и проч. Одинъ изъ теноровъ, исправлявшій должность помощника, раздавалъ ноты.

Мальчишки, вызванные изъ темной передней, не успѣвъ кончить тамъ возни, продолжали еще съ нотами въ рукахъ подставлять ноги одинъ другому, щипаться и плеваться. И несмотря на то, что регентъ кричалъ на нихъ безпрестанно, по всему замѣтно было, что они плохо боялись.

— Ну, начинать, начинать, проворнѣй! По мѣстамъ! говорилъ регентъ.—Куликовъ, прошли вы съ дишкантами *Милосердія двери?*

— Прошелъ-съ, отвѣчалъ блѣдный, курчавый теноръ.—Только я хотѣлъ вамъ доложить, Иванъ Степанычъ, насчетъ Петьки: съ нимъ просто смерть. Очень ужъ полутонитъ; силъ никакихъ нѣтъ. Только другихъ сбиваетъ.

— Петька! Долго ли мнѣ съ тобой терзаться? Вотъ постой! Я съ тобой ужо справлюсь.

Петька—бойкій, востроглазый дискантъ сдѣлалъ серьезное лицо и сталъ пристально смотрѣть въ ноты.

— По мѣстамъ! по мѣстамъ! кричалъ регентъ, садясь за фортепьяно.—Отъ кого это водкой пахнетъ? Миротворцевъ, это вы? Какъ же вамъ не стыдно?

— Это я, Иванъ Степанычъ, ноги натираю; онѣ у меня простужены, такъ мнѣ знакомый лекарь посовѣтовалъ.

— Смотрите: простужены. Должно-быть на похоронахъ вчера простудили.

— Да-съ, на похоронахъ.

— То-то, я вижу: лицо-то у васъ измято.

— Нѣтъ, ей Богу-съ.

— Ну, хорошо, хорошо. Что-жъ вы, господа? Басà! развѣ, не знаете? къ печкѣ.

Басà угрюмо и нехотя стали у печки.

— А вы, Павелъ Иванычъ? Точно маленькій: что говори, что нѣтъ.

Павелъ Иванычъ, небритый и мрачный октавистый басъ, задумчиво смотрѣлъ въ потолокъ.

— Павелъ Иванычъ!

— Чего-съ?

— Вамъ что̀ говорятъ? а вы—чего-съ. Тьфу ты!.. Да гдѣ ваше мѣсто?

Павелъ Иванычъ не двигался съ мѣста и такъ же задумчиво сталъ смотрѣть въ ноты.

— Иванъ Степанычъ! Петька дерется-съ, жаловался одинъ альтъ.

— Петька!

— Да я, Иванъ Степанычъ...

— Молчи, покуда я не всталъ. Ну-съ! Регентъ взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Слушайте! Начинать всѣмъ *piano:* Вѣрую во единаго Бога Отца... говоркомъ, чтобъ всякое слово было слышно;

баса ворковать, вотъ такъ: *Вюрую ву юдюнаго Буга Утца...* Павелъ Иванычъ! Куда же вы смотрите?

— Я-съ?

— Нѣтъ, я-съ. Для кого же я говорю? Ахъ, создатель мой! Такъ вотъ: начинать въ *piano*, дишкантà не оттягивать! Слышите? Имъ же вся быша—раскатить! Всѣмъ разсыпаться врозь!.. Раздайся! разлетись! Имъ же *вся* быша... Понимаете? Петька! смотри сюда! И воскресшаго въ третій день по писаніемъ—*съ конфортомъ* *). И сидящаго одесную Отца... Фортиссимо—*ца*—*а*! Это чтò значитъ? Слышите? Слава, могущество, сила... небо и земля—все преклоняется во прахъ. Грядущаго со славою судити живыхъ и мертвыхъ... Трубные гласы, громъ и молнія, трескъ... все разрушается... Его же царствію не будетъ конца... *Конца*—опять раскатить и сейчасъ же замри, уничтожься! Изобразить эту... эту, какъ ее?—премудрость, величіе, безконечность. Басà взять верхà! Разсыпься на триста голосовъ! Тенора, виляй; одна октава гуди!.. Дишкантà и альтà: тралала-лала... Стой!..

Регентъ такъ увлекся изображеніемъ того, какъ надо пѣть, что вскочилъ со стула и, вообразивъ себѣ, что все это такъ и было, какъ онъ разсказывалъ, сталъ уже махать руками и подталкивать подъ-бока теноровъ, отчего они начали сторониться. Басà равнодушно нюхали табакъ, а дискантà и альтà, закрывши нотами лица, фыркали и щипали другъ друга. Наконецъ пѣніе началось: всѣ откашлялись, переступили съ ноги на ногу, помычали немного и вдругъ грянули: «Вѣрую во единаго Бога Отца...» Регентъ стоялъ въ срединѣ, уставивъ глаза куда-то вверхъ, покачивалъ головой и водилъ руками по воздуху.

— Стой! стой! не такъ.

Пѣвчіе остановились.

— Что вы какъ коровы ревете? Басà! Павелъ Иванычъ! я вамъ чтò говорилъ? Точно съ цѣпи сорвались: *прежде всѣхъ вя—акъ...* Кустодіевъ! чтò же вы-то смотрите? А еще изъ духовнаго званія. Развѣ такъ можно?

Кустодіевъ—здоровенный, красноглазый басъ, съ шаршавыми растрепанными волосами, нахмурившись смотрѣлъ въ ноты и ничего не отвѣчалъ.

— Вотъ, вѣдь, вамъ чтò хочешь толкуй—вы все свое. Стыдитесь! Кажется, не маленькіе; пора бы понимать. Вѣдь

---

*) *Con forto*—съ силой (музык. терминъ.)

у васъ свои дѣти есть. Имъ еще простительно, продолжалъ регентъ срамить басовъ, указывая на дискантовъ.

Кустодіевъ что̀-то заворчалъ.

— Что̀-съ? Ну-съ, опять сначала! Помните, что я сказалъ: говоркомъ, баса̀ не рубить, не рубить! кричалъ регентъ, когда пѣвчіе снова начали «Вѣрую».

— Павелъ Иванычъ, что̀ вы рычите? Кого вы хотите испугать? Митька, не гнуси!

...«Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна...»

— *Легато*! Оттяни! Брось! Баса̀, расходись! Павелъ Иванычъ трубой!... «Имъ же вся бы-ша-а!...» Что-жъ вы стали? Ахъ ты, Боже мой! Что̀ мнѣ съ вами дѣлать? Да глядите же, глядите сюда. На мнѣ ничего не написано... кричалъ регентъ, отчаянно тыкая пальцемъ въ ноты. Пѣвчіе уныло смотрѣли на него. Вновь поступившій альтъ, безсмысленно вытаращивъ свои косые глаза, пугливо присѣдалъ и прятался за другихъ. Регентъ начиналъ горячиться. Въ это время кто-то изъ дискантовъ дернулъ другого за ухо и, вслѣдствіе этого, между ними сейчасъ же началась ссора.

— Иванъ Степанычъ! жаловался одинъ изъ самыхъ задорныхъ,—съ Митькой пѣть нельзя: онъ все сопитъ-съ.

— Митька!

— Чего изволите?

— Ты что̀ дѣлаешь?

— Я—ничего-съ, отвѣчалъ новый альтъ.

— Я те дамъ—ничего. Стань сюда! Ты у меня будешь баловаться. О, Господи! Вотъ мука-то! Зачѣмъ вы сюда ходите? А? Скажите на милость! Хороводы водить?—сѣли дѣвки на лужокъ? Ахъ, Боже мой! Петька, сыщи трубку!

Регентъ опять началъ ходить по комнатѣ и взъерошивать себѣ хохолъ. Дисканта бросились за трубкой и по этому случаю опять устроили драку; остальные пѣвчіе разбрелись по комнатѣ.

— Полоумный чортъ! ворчалъ про себя шаршавый басъ, свертывая изъ нотной бумаги папиросу.—Право, чортъ. Что̀ выдумаетъ!..

Въ углу сѣли два баса и одинъ тощій, чахоточный теноръ.

— Я, братцы мои, говорилъ одинъ изъ басовъ,—нынче четыре службы отмахалъ. Вотъ какъ! Въ горлѣ даже саднитъ. Какъ дралъ, то-есть ни на-что̀ не похоже. У Воздвиженья у ранней пѣлъ; тамъ отошла—я къ Успенію: *Милость мира* еще захватилъ. Потомъ позднюю у Знаменья, да на похоронахъ апостола читалъ. Къ Знаменью Пресвятыя Богородицы очень ужъ Кузнецовъ просилъ. «Приходи, говоритъ, безпремѣнно: мы дьякона допекаемъ; пособи!» Ну, и допекли же мы его. То есть такъ мы этого дьякона разожгли—мое почтенье! Онъ выше, а мы ниже. Онъ, знаешь ты, старается *Вонмемъ* повыше взять, чтобы евангеліе не съ *октавы* начинать, потому — голосишко плохенькій, а мы какъ хватимъ *Слава тебѣ, Господи*, цѣлымъ тономъ внизъ, онъ и сѣлъ. «Во время о ..» и подавился. Съ перваго слова задохнулся какъ есть. А Кузнецовъ, чортъ, стоитъ, Богу молится, точно не онъ; такъ-то усердно поклоны кладетъ. Я просто чуть не лопнулъ со смѣху. Батюшка гнѣвается... Боже ты мой! Дьяконъ послѣ евангелія пришелъ на клиросъ и говоритъ: «Ну, ужъ, говоритъ, дай срокъ: я тебѣ механику подведу». А что̀ онъ ему сдѣлаетъ?— Наплевать.

— Что-жъ батюшка-то смотритъ? спросилъ чахоточный теноръ.

— А ему что̀? Онъ говоритъ: я, говоритъ, за этого дьякона никогда заступаться не намѣренъ. Ну, значитъ, и валяй!

У окна еще одна кучка. Нѣсколько человѣкъ обступили одного тенора и разспрашиваютъ его о похоронахъ.

— Ну, что же, весело было?

— Что̀ и говорить.

— *Чайныхъ*-то много ли дали?

— Что̀ чайныхъ? До чаю ли тутъ! Купцы сначала все сидѣли такъ, смирно, все больше про божественное, о смертномъ часѣ все разсуждали, а потомъ это какъ набузунились,— бабы-то, знаешь ты, по домамъ разошлись, купцы сейчасъ въ трактиръ; и насъ туда же—пѣсни пѣть. Что̀ тутъ было? Ахъ! То-есть, я вамъ скажу, не роди ты мать! Мальчишекъ даже всѣхъ перепоили. Одной посуды что побито—страсть! А сирота-то, сирота, что̀ послѣ купца-покойника остался— съ горя да въ присядку. «Валяй, кричитъ, *барыню*! Вотъ, говоритъ, когда я праздника дождался!...» Всю ночь курили; «преподобную мати-сивуху» разъ десять заставляли пѣть. Ныньче утромъ въ восьмомъ часу домой вернулись. Вотъ мы какъ.

— Да, братъ, это похороны, не безъ зависти замѣтилъ одинъ! басъ.—Это не то, что какъ на той недѣлѣ мы чиновника вѣнчали. Эдакая подлость! Только успѣли вокругъ налоя обвести, сейчасъ спать. Скареды-черти! хоть бы по рюмочкѣ поднесли; даже на чай не дали. Сволочь!

— Какъ вамъ не стыдно! срамилъ между тѣмъ регентъ одного тенора. Вы, кажется, не въ кабакъ пришли: не можете себѣ пуговицъ пришить; спереди всегда у васъ расходится...

— Ну, по мѣстамъ! по мѣстамъ! снова раздается голосъ регента, кончившаго распеканіе.—Куликовъ! «Тебе поемъ». Дишканта̀, не шумѣть!

Пѣвчіе опять стали въ кучу; регентъ сѣлъ за фортепьяно.

— *До-ми-ля.* Піаниссимо. Разъ!

— Те-бе по-емъ, те-бе бла...

— Стойте! сколько разъ мнѣ вамъ повторять? Что̀ вы дѣлаете, а? Что̀ вы дѣлаете? я спрашиваю. Скворцовъ, что̀ вы дѣлаете?

Скворцовъ задумался.

— Какъ что̀? пою-съ.

— Что̀ вы поете?

— Тебе поемъ-съ.

— А я вамъ говорю, что вы дрова рубите.

Скворцовъ улыбнулся.

— Что̀ вамъ смѣшно? Смѣшного ничего нѣтъ. А за жалованьемъ кто первый? вы. Э-эхъ, дроворубы! сколько разъ говорено было: тенора̀, не рвать! нѣжнѣе, въ полслова бери: Ве-ве-фо-фемъ, Ве-ве вла-во-фло-фимъ... А то: тебъ-бебъ поемъ тебъ-бебъ... На что̀ это похоже? Опять сначала! «Тебе благодаримъ»—тенора̀ капни и уничтожься! Альта̀ журчи ручейкомъ! Дишканта̀ замирай!

Наконецъ пошло дѣло на ладъ: баса̀ не рубили, дисканта̀ замирали, журчали альта̀, тенора̀ капали и уничтожались, регентъ акомпанировалъ. Вдругъ среди пѣнія раздался щелчокъ по лбу одного изъ альтовъ за то, что онъ сполутонилъ и плохо журчалъ; но это нисколько не помѣшало пѣнію. Альтъ заморгалъ только глазами и сейчасъ же поправился.

— И молимтися, Боже нашъ... ревѣли баса̀, дѣлая свирѣпыя лица.

— Бо-же на-ха-хашъ, бо-жхе нх-а-ашъ... выдѣлывали тенора̀, закидывая головы кверху и виляя голосомъ, точно хвостомъ.

— И-мо-лимъ-ти-ся Бо... гремѣлъ какъ труба шаршавый басъ, злобно ворочая бѣлками и какъ-будто собираясь растерзать кого-то.

Въ это время постучались въ дверь; пѣніе опять пріостановилось.

— Кто тамъ еще? закричалъ регентъ, недовольный тѣмъ, что ему помѣшали.

Вошелъ дьячокъ, плотный, небольшого роста человѣкъ, лѣтъ сорока-пяти, въ долгополомъ сюртукѣ и съ бакенбардами, которыя шли у него вокругъ всего лица, какъ у обезьянъ стараго свѣта.

— Мое вамъ почтеніе, говорилъ дьячокъ, медленно кланяясь.

— А! Василь Иванычу! Прошу покорно садиться. Трубочки не прикажете ли? говорилъ вдругъ захлопотавшійся регентъ.

— Ничего, не безпокойтесь; у меня цыгарки есть. Я вамъ, кажется, помѣшалъ?

— Нѣтъ, это мы старое проходили, чтобы не забыть. Садитесь, Василь Ивановычъ. Чайку не угодно ли? Я сейчасъ велю. Это у меня живо.

Регентъ отворилъ немного дверь въ спальню, просунулъ туда свою голову и, прищемивъ ее дверью, сказалъ вполголоса своей женѣ, лежавшей на кровати:

— Василь Иванычъ пришелъ. Сама посуди! Нельзя же.

— Да, ты вотъ еще двадцать человѣкъ назовешь сюда и пой всѣхъ чаемъ, отвѣчала она.

— Я не звалъ: онъ самъ пришелъ.

— Ну, ну. Ступай ужъ!

— Такъ сдѣлай же милость!

— Разговаривай еще!

— Ну, не буду, не буду. И регентъ вошелъ въ залу.

— Ну-съ, почтеннѣйшій Василь Иванычъ. Такъ какъ же-съ? сказалъ регентъ, садясь подлѣ дьячка.

— А ничего-съ. Все слава-Богу, отвѣчалъ дьячокъ и кашлянулъ.

— Такъ трубочки не угодно?

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно.

— Да, да, вы не курите. Цыгарокъ-то у меня нѣтъ. Ахъ, ты досада! Какъ здоровье супруги вашей? дѣточки какъ?

— Слава-Богу.

— Ну, и слава-Богу.

— Батюшка какъ, въ своемъ здоровьи?

— Батюшка-то? Да ужъ они обыкновенно...

— Нездоровы?

— Вотъ этимъ мѣстомъ жалуются, почему что какъ служба очень затруднительна, ну, и опять лѣта.

— Такъ, такъ; лѣта не молоденькія. Да. Жалко, жалко. Регентъ и гость замолчали.

— Да не прикажите ли водочки? неожиданно спросилъ регентъ.

— Что-жъ? Нѣтъ-съ, благодарю покорно.

— Ну, какъ угодно. А то послать?

— Зачѣмъ же-съ... хм, безпокоиться?

— Что̀ за безпокойство? Такъ я пошлю.

Дьячокъ откашлялся такъ, какъ-будто въ горло ему попала крошка, и сталъ внимательно осматривать потолокъ.

— Ѳекла! нерѣшительно закричалъ регентъ. Отвѣта не было.

Нѣсколько минутъ продолжалось томительное молчаніе. Тенора̀ и баса̀ осторожно усаживались по стѣнкѣ, въ спальнѣ сердито трещала кровать; мальчишки шептались въ передней. Регентъ смотрѣлъ на дверь, но, видя, что кухарка нейдетъ, сказалъ про себя; «Что̀-жъ это она?» и пошелъ въ спальню. Такъ опять начался разговоръ вполголоса.

— Да ты пойми! говорилъ регентъ своей женѣ, стараясь растолковать ей необходимость послать за водкой.

— Нечего понимать. Я знаю, ты радъ со всякимъ пьянствовать. Что ты изъ меня дурочку-то строишь?

— Тише! Да гдѣ же я строю? Ты пойми, что моя репутація отъ этого можетъ пострадать.

— Отъ водки-то? Какъ не пострадать. Ступай, ступай!

— Ну, Машенька; ну, будь же разсудительна!..

Въ то же время въ залѣ дьячокъ покровительственнымъ тономъ и отчасти въ носъ говорилъ пѣвчимъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь:

— А что, погляжу я, ныньче куды какъ стали пѣть мудрено. Иной разъ этто слушаешь, слушаешь: что̀-жъ это, молъ, Господи! Неужели-жъ это церковное пѣніе? Оказія!

Пѣвчіе внимательно молчали.

— Ну, какъ же теперича у васъ этотъ партецъ... началъ дьячокъ.

— Что это вы, Василь Иванычъ, изволите объяснять? перебилъ его вошедшій регентъ.

— А вотъ съ господами пѣвчими про партесное пѣніе разговорились. Мудрено что̀-то, говорю я имъ. Никакъ не пойму, что за дѣла за такія.

— Да, да; я знаю, вы не жалуете новой музыки.

— Нѣтъ, вѣдь что же... и въ наше время, бывало, какіе концерта пѣвали въ семинаріи: *Дивенъ Богъ во дворѣ святемъ его*, или этотъ опять: *Возведохъ*. Знатные концерта! Бывало это тенора: голосомъ-то заведетъ, заведетъ... Ахъ, пропади ты совсѣмъ! У насъ преосвященный любилъ пѣніе, знатокъ былъ этого дѣла. Бывало, пѣвчіе хоть на головѣ ходи, а ужъ въ церкви держись. Публики, бывало, барынь что! Вся губернія съѣзжалась слушать. Народъ все чистый; мужичья этого нѣтъ. Октава была такая, я вамъ скажу, дубина совершенная, грамотѣ даже плохо зналъ, а голосище имѣлъ здоровый; бывало, какъ хватитъ: Взбранной воеводѣ—Боже ты мой! Барыня одна, полковница, такъ и присядетъ, бывало. Эдакій голосъ былъ! За голосъ собственно и въ дьякона вышелъ. Или опять многолѣтіе возглашать. Которыя барыни слабость за собой знали, всегда въ это время на дворъ выходили, потому никакъ невозможно стерпѣть. Такъ тебя и огрѣетъ, словно вотъ полѣномъ по головѣ; другіе дишканта особливо съ непривычки—глохли. Это пѣніе, и дѣйствительно. А то что̀ это такое? Послушаешь: тили-тили, а все толку нѣтъ. Нищаго черезъ Каменный мостъ тянутъ, прости Господи.

— Оно вотъ видите ли, Василь Иванычъ, возразилъ ему регентъ.—Пѣніе-то, вѣдь оно, какъ бы вамъ сказать? Теперь хоть бы взять кіевскій напѣвъ, или тамъ симоновскій, что ли. Какъ его понять? Нѣтъ, вы не говорите! Тутъ надо большой умъ имѣть. Напримѣръ, сартіевская штучка. Что̀ это такое?

— Это я все довольно хорошо понимаю, сказалъ дьячокъ.

— Нѣтъ, позвольте! Я говорю, возьмемъ, ну, хоть «Тебе Бога хвалимъ.» На что̀ лучше? Побѣдная пѣснь, мелодія, слезы умиленія исторгаетъ. А между тѣмъ я сейчасъ этотъ божественный гимнъ подъ мазурку сведу. Вотъ, слушайте! Тебе Бога хва-га-лимъ, Тебе Господа испо-вгеду-гу-емъ... Видите? А теперь я такъ спою: Тебъ-бебъ Богга хваль-лимъ, Тебъ-бебъ Ггоспода исповѣдуемъ... Разница? Вотъ такимъ-то манеромъ, я и говорю... Ѳекла! Что-жъ это она запропала?

— Несу.

Въ дверяхъ показалась кухарка съ подносомъ, на которомъ стоялъ графинъ и тарелка съ огурцами.

— А-а! Ну-ка давай-ка его сюда! Василій Иванычъ, съ наступающимъ!

— Сами-то вы что же?

— Кушайте! кушайте! Вы гости.

— По закону, хозяину прежде пить, ломался дьячокъ.

— Нѣтъ, ужъ вы кушайте! Я еще успѣю.

— Н-ну, дѣлать нечего.

Дьячокъ выпилъ, сдѣлалъ *фа* и, понюхавъ кусочекъ хлѣба, закусилъ огурцомъ.

— Да; ну, такъ вотъ насчетъ пѣнія-то... началъ опять регентъ, наливая себѣ водки.—Тутъ, я вамъ скажу, Василь Иванычъ, ничего понять нельзя. Что-жъ по другой-то?

— Нда! оно точно... да не много ли будетъ?

— Помилуйте, Василь Иванычъ!

— Да кушайте сами!

И опять пошли тѣ же церемоніи.

— Ваше здоровье.

— Будьте здоровы.

Дьячокъ выпилъ еще рюмку и задумался, глядя на огурецъ. Пѣвчіе, между тѣмъ, стали, видимо, тосковать. Шаршавый басъ угрюмо смотрѣлъ на графинъ и время отъ времени сплевывалъ въ уголъ, да и другихъ тоже одолѣвала слюна. Тенора, чтобы уйти отъ соблазна, занялись-было разговоромъ, но бесѣда тоже какъ-то плохо клеилась.

— Куликовъ! начиналъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, что̀?

— Обѣдня-то завтра въ которомъ часу?

— Я почемъ знаю. А тебѣ на что̀?

— Да такъ.

Другой теноръ говорилъ своему сосѣду:

— Вы, Матвѣй Ивановичъ, когда будете ноты писать, не забудьте діэзы покрупнѣе ставить, а то я ихъ все путаю.

— Хорошо.

— Домой приду — сейчасъ спать завалюсь, утѣшая себя, разсуждалъ одинъ басъ, и зѣвалъ въ кулакъ.

Въ передней мальчишки устроили въ потьмахъ какую-то игру.

Регентъ послѣ третьей рюмки раскисъ и лѣзъ къ дьячку цѣловаться.

. . . .

Однако, водка стала подходить къ концу; осталось только двѣ рюмки. Регентъ, держась одной рукой за столъ и привязываясь къ дьячку, старался другой снять со свѣчи, но не могъ. У дьячка же разыгралось самолюбіе, и онъ ничего не хотѣлъ слушать.

— Василь Иванычъ! Василь Иванычъ! восклицалъ регентъ, наморщивая брови.

— Не стану, отвѣчалъ разобиженный дьячокъ.

— Такъ-то,братъ, Василь Иванычъ! Хорошо же. Ну, хорошо. Ты это помни! Я тебѣ припомню, все, все припомню, говорилъ регентъ, стращая чѣмъ-то дьячка. Но видя, что угрозой его не проймешь, пустился въ нѣжности. Это подѣйствовало— дьячокъ выпилъ.

— Ну, вотъ. Айда Василь Иванычъ! Поцалуй меня, голубчикъ! Мм, душка! Вѣдь мы, братъ, съ тобой... псалмопѣвцы, Такъ, что ли? а? говорилъ регентъ, ударяя дьячка на-отмашь въ грудь.—Я, братъ, тоже, я тебѣ скажу, не лыкомъ шитъ. Ты не гляди на меня, что я такъ... У меня, братъ, жена-то, кто она? Статскаго совѣтника дочь. Понимаешь?

— Какъ не понять? Что-жъ, это не синтаксисъ, понять нетрудно.

— Ахъ, женщина, я тебѣ скажу,—ангелъ. Не стòю я ея, самъ чувствую, что не стòю. Пятнадцать лѣтъ въ офицерскомъ чинѣ состою и медаль у себя имѣю, ну одного всетаки мизинца ея не стòю.

Въ спальнѣ послышалось легкое ворчаніе.

— Вотъ, слышишь? не нравится. Не нравится, что при людяхъ хвалю. Скромна. То-есть такъ скромна, я тебѣ скажу, ни на чтò не похоже. Повѣришь ли? Иной разъ съ-глазу-на глазъ... извѣстно, что происходитъ...

Ворчаніе въ спальнѣ усиливается.

— Иванъ Степанычъ, барыня гнѣваются, сказала вдругъ вошедшая кухарка.

— Тс! Смирно! Не буду! шепотомъ заговорилъ струсившій регентъ.

— Виноватъ! Оскорбилъ! Виноватъ!..

Дьячокъ сталъ сбираться домой.

— Василь Иванычъ! куда-жъ ты? Да ты слушай, душа!— Регентъ отвелъ его въ уголъ.

— Чего слушать? Слушать-то нечего.

— Пойми! За другимъ пошлю. Сейчасъ мальчикъ живымъ манеромъ сбѣгаетъ. Тайно, понимаешь? тайно. Безпокойства никакого. На свои. Вотъ они, братъ.—Регентъ вынулъ изъ жилетнаго кармана рублевую бумажку.—Ты только слушайся меня! Мы, братъ, на законномъ основаніи... Понялъ?

Дьячокъ кивнулъ головой и положилъ картузъ. Регентъ ударилъ по плечу и плутовски подморгнулъ.

— Петя! шепталъ онъ въ передней, расталкивая заснувшаго дисканта.—Петя, стремись! Во мгновеніе ока. Понялъ? Въ капернаумъ. Дѣйствуй!

Черезъ пять минутъ регентъ уже наливалъ дьячку шестую, и тутъ только вспомнилъ о басахъ и тенорахъ, потому что они, потерявъ терпѣніе, стали попрашиваться домой, не имѣя болѣе силъ выносить такого зрѣлища.

— Подходите! Подходите! что вы боитесь? говорилъ регентъ, все еще стараясь не уронить себя въ глазахъ подчиненныхъ. Пѣвчіе встрепенулись и одинъ за другимъ стали подходить къ столу. Кустодіевъ взялъ рюмку, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ въ нее на свѣтъ и вдругъ, точно вспомнивъ что̀-то, разомъ опрокинулъ ее себѣ въ ротъ и закусывать не сталъ.

— Павелъ Ивановичъ! А вы-то что же?

Павелъ Ивановичъ скромно отказался.

— Отчего-жъ такъ?

— Да ужъ нѣтъ-съ, Иванъ Степанычъ.

— Полноте! Что вы?

— Н-нѣтъ, ей-Богу-съ.

— Ну, вотъ!

— Нѣтъ, ужъ увольте-съ. Я зарокъ далъ.

— Давно ли?

— Да ужъ вотъ другой мѣсяцъ.

— Ну, какъ знаете.

Павелъ Ивановичъ покраснѣлъ и сѣлъ на мѣсто; остальные пѣвчіе стали надъ нимъ глумиться. Одинъ изъ теноровъ тоже не употреблялъ, но по другой причинѣ, которую онъ объяснилъ регенту на ухо, отведя его въ сторону. Регентъ, между тѣмъ, разошелся и уже не обращалъ никакого вниманія на то, что изъ спальни слышалось довольно явственно приближеніе домашней бури. И когда второй полуштофъ былъ *раздавленъ* *), пѣвчіе уже свободно ходили по залѣ и начали такъ громко разговаривать, что разговоръ этотъ сильно походилъ на брань. Въ комнатѣ становилось душно; свѣча нагорѣла, дымъ отъ дьячковой сигары ѣлъ глаза. Регентъ, придерживая дьячка за сюртучную пуговицу, ни къ селу, ни къ городу пояснялъ ему въ десятый разъ, что жена его ангелъ и что не будь ее, онъ бы совсѣмъ погибъ. Потомъ разговоръ необыкновенно быстро свернули опять на пѣніе, при чемъ дьячокъ уже сталъ утверждать, что *цисъ-дуръ* и *же-моль* въ сущности одно и то же, что вся штука въ воздыханіи, и, наконецъ, положительно доказалъ, что всѣхъ этихъ композиторовъ давно пора бы гнать по шеямъ. Несмотря на это, регентъ еще сходилъ въ переднюю, опять растолкалъ Петьку и послалъ его за третьимъ полуштофомъ.

— Нѣтъ, ты постой! Ты слушай меня, что̀ я тебѣ буду говорить! кричалъ регентъ, дергая дьячка за сюртукъ.

---

*) Техническое выраженіе.

— Все это пустыя слова.

— Нѣтъ, я тебѣ докажу, кричалъ регентъ. — Погоди! Гдѣ тутъ у меня ноты были? А, вотъ за закуской-то и забылъ послать.

— Ѳекла!

Въ дверяхъ показалось недовольное лицо кухарки.

— Ѳекла! строгимъ голосомъ говорилъ регентъ, стараясь въ то же время не шататься.—Ступай принеси огурцовъ!

— Барыня не велятъ.

— Такъ ты не пойдешь?

— Не пойду!

— Вотъ и выходишь за это свинья. А я самъ пойду.

— Ну, ступайте! Вотъ она васъ, барыня-то.

Однако, подумавъ немного и сообразивъ, регентъ не пошелъ, а закричалъ только:

— Пошла вонъ! У! Ябедница!

Кухарка ушла. Принесли третій полуштофъ. Баса и тенора опять стали подходить къ графину.

Вдругъ, совершенно неожиданно, регентъ сѣлъ за фортепіано, взялъ нѣсколько аккордовъ и крикнулъ: «По мѣстамъ». Изъ передней явились заспанные мальчишки, весь хоръ сталъ въ кучу.

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ,

грянулъ регентъ, отчаянно барабаня по клавишамъ.

Сѣли дѣвки на лужокъ,
Гдѣ муравка и цвѣтокъ,

подхватилъ хоръ.

— Сарафанъ мой синій, мычалъ пьяный дьячокъ, болтая подъ столомъ ногами.

— Дѣйствуй на законномъ основаніи! покрикивалъ регентъ.— Баса, не робѣй! Расходись, расходись!

Часу въ одиннадцатомъ дьячокъ искалъ въ передней свои галоши, но долго не могъ ихъ найти; наконецъ попалъ ногой въ чей-то валявшійся на полу картузъ и ушелъ домой.

ОТРЫВОКЪ

изъ дорожныхъ замѣтокъ пѣшехода.

Къ ночи завернулъ морозъ и звѣзды показались на небѣ. Снѣгъ, валившій наканунѣ мокрыми хлопьями, застылъ такъ, что дорога стала вдругъ отличная. Неуклюжій, но крѣпко сколоченный тарантасъ нашъ гремитъ по шоссе; лошади бѣгутъ ровной, основательной рысью, безъ кнута и понуканій, даже какъ будто охотно бѣгутъ и сознаютъ, что дѣло дѣлаютъ. Ямщикъ сверхъ полушубка надѣлъ халатъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, а сверхъ воротника еще навязалъ себѣ, Богъ знаетъ для чего, какую-то тряпичку, шириною съ палецъ. Онъ не мечется на облучкѣ, не вскакиваетъ, не передергиваетъ безпрестанно возжами, но и не сидитъ, уныло повѣсивъ голову, какъ не выспавшійся почтовый ямщикъ. Нашъ вольный ямщикъ сидитъ на своемъ широчайшемъ, обтянутомъ кожею передкѣ, какъ будто на диванѣ, просто и безъ кокетства, такъ что всякому видно, что онъ и выспался какъ слѣдуетъ, и поужиналъ въ мѣру, и способенъ просидѣть шесть часовъ сряду, не вставая съ мѣста, и что ѣзда въ сущности ему не работа, а скорѣе привычка.

Хорошо ѣздить съ купцами на вольныхъ лошадяхъ! Давно я не ѣздилъ такъ покойно. Лежишь себѣ на сѣнѣ, закрытый войлокомъ, да прислушиваешься къ грому колесъ, въ полной увѣренности, что и оглобля не изломается, и сбруя не лопнетъ, и лошади не станутъ. Ямщикъ съ купцами не церемонится, разговариваетъ съ ними смѣло, безъ всякихъ словоерсовъ и вашихъ благородій; и вообще держитъ себя прилично, какъ слѣдуетъ быть человѣку. И купцы ямщикомъ не брезгаютъ: если случится гдѣ выпить, сами выпьютъ и ему поднесутъ; а во время длинныхъ переѣздовъ, въ 35—40 верстъ, ямщикъ для купца лучшій собесѣдникъ.

— И хорошо, что не остались ночевать, заговорилъ вдругъ Кузьма Терентьичъ.

— М-да, промычалъ его сосѣдъ, повидимому, уже задремавшій.

— Да ты, братъ, спишь?

— А что̀ жъ мнѣ дѣлать? Извѣстно сплю.

— Мнѣ такъ вотъ не спится. Хошь бы колокольчикъ, все бы веселѣе. Ямщикъ! что-жъ ты, братецъ мой, колокольчика не подвязалъ?

— Колокольчика, Кузьма Терентьичъ, нельзя. Я бы и радъ, и самому бы складнѣе такъ-то, да никакъ невозможно: не велятъ.

— Давно ли?

— Да вотъ на той недѣлѣ дядя Матвѣй купцовъ изъ Володиміра везъ, то-есть они не то, чтобы купцы—графа Шереметьева хресьяне, только значитъ, все одно, что купцы; у кажнаго капиталу можетъ тысячъ пятьдесятъ есть, а все хресьяне считаются. Вотъ дядя Матвѣй и везетъ ихъ съ торговъ—на торгахъ были,—а они, эти самые купцы, признаться, еще въ Володимірѣ заложили можетъ по штофу на брата, да въ Пѣтушкахъ много ли, мало ли доправили, что̀ не хватало; ну, одно слово, въ аккуратѣ ѣдутъ, пѣсни поютъ, да такъ-то поютъ, что Боже мой! А одинъ такъ даже все съ себя поскидалъ, только сапоги никакъ снять не можетъ. Скачутъ что есть мочи, лошадей не жалѣютъ, и съ колокольчикомъ; мало одного, два привязали: одинъ къ дугѣ, другой къ оглоблѣ, а въ третій сами звонятъ. Да и дядя Матвѣй тоже пьяный. И случись тотъ грѣхъ, только стали на мосточекъ въѣзжать, на встрѣчу имъ исправникъ —стой! А ужъ они обезумѣли даже отъ этого отъ самаго отъ вина. Кричатъ: пошелъ! Исправникъ это сейчасъ выскочилъ, «кто такой?» спрашиваетъ, «какъ вы можете съ колокольчикомъ ѣздить? Неушто не знаете, строго запрещено, кто не на почтовыхъ, чтобы колокольчика ни отнюь не имѣть? Это что̀ еще за новости? Ямщикъ! ворочай назадъ! поѣзжай за мной въ городъ! Вотъ я васъ!»

— Ну что̀ жъ они? спросилъ Кузьма Терентьичъ.

— Извѣстно, какъ ни пьяны, одначе повинились, благодарность поднесли — отпустилъ, а колокольчики велѣлъ отвязать, себѣ взялъ.

На этотъ разсказъ никто ничего не сказалъ, только Кузьма Терентьичъ замѣтилъ: «вотъ чтò», и поправилъ подъ собой подушку. Ямщикъ замолкъ. Прошло съ полчаса, мы все ѣдемъ и ѣдемъ; я не сплю, Кузьма Терентьичъ тоже, только третій компаніонъ нашъ храпитъ.

— Ямщикъ! Далеко ли Ундола?.. спрашиваю я.

— Да порядочно-таки. Кузьма Терентьичъ, вы спите?

— Нѣтъ, а чтò?

— Видали вы, какъ у насъ тутъ весной парòмъ по рѣчкѣ ходилъ?

— Нѣтъ, не видалъ. Чтò жъ онъ?

— Вотъ такъ парòмъ! Я даже съ диву дался. Тепериче ѣдетъ этотъ самый парòмъ въ одинъ конецъ—перевозчикъ волочетъ...

— Да.

— А въ другой конецъ, то-есть обратно, самъ ѣдетъ.

— Ну!

— Сейчасъ издохнуть. Такъ самъ домой и бѣжитъ. Вотъ диковина! Я смотрѣлъ, смотрѣлъ... Ахъ ты, въ ротъ молъ тебѣ пирога съ кашей!.. Какъ сдѣлано! Ну, ужъ чудесно! А перевозчикъ стоитъ, трубочку покуриваетъ, смѣется. Самъ сдѣлалъ.

— Полно!..

— Провалиться—не вру. Онъ такой на эти дѣла бѣдовый.

— Какой такой перевозчикъ?

— Хресьянинъ. Мужикъ, какъ есть, а не то, чтобы мастеръ. На рѣчкѣ тутъ и живетъ. Рѣчка Пекша прозывается—позадь осталась. Рѣчка она пустая, подъ Юрьевымъ взялась, да въ Клязьму и пала; ну, а весной тоже люта бываетъ. Крупчатку еще ручную сдѣлалъ, гречиху дома деретъ. Этакая-то ручка придѣлана; все одно вотъ—будемъ говорить—кнутъ. Онъ за эту за самую ручку возьметъ и повертываетъ, все и повертываетъ; а тамъ у него этакій жерновъ, какъ надо быть валъ; вотъ онъ крупу-то и деретъ.

— Мм! и деретъ?

— И деретъ. А парòмъ-то какъ у него ходитъ, я это дѣло узналъ ужъ послѣ.

— Какъ же онъ ходитъ?

Кузьма Терентьичъ, повидимому, вовсе не о томъ думалъ.

— Къ парому у него доска такая прибита кривая. Вода въ доску ударяетъ, паро̀мъ-отъ и попехиваетъ полегонечку *).

— Ишь ты!.. замѣтилъ Кузьма Терентьичъ, и замолчалъ, и ямщикъ замолчалъ. Моему сосѣду не спалось: онъ все вертѣлся и, замѣтивъ, что я тоже не сплю, спросилъ, не безпокоитъ ли онъ меня. Пошли, разумѣется, обычные вопросы: далеко ли проѣзжаете? По какой надобности? и проч.

— Что-жъ вы больше насчетъ этихъ пѣсенъ *патешествуете*, или чего другого?

Я сказалъ, что больше насчетъ пѣсенъ; купецъ сдѣлалъ на это мм!.. т. е. не повѣрилъ, но не выразилъ сомнѣнія.

— Ну, какъ же теперь, позвольте спросить, эти пѣсни? для чего собственно онѣ требуются? началъ онъ выпытывать, немного погодя.

Этотъ вопросъ нѣсколько меня затруднялъ: я было сталъ говорить о томъ, что въ пѣсняхъ выражаются нравы и характеръ народа, или что̀-то въ этомъ вкусѣ. Купецъ, какъ мнѣ показалось, опять усумнился. Въ это время храпѣвшій до сихъ поръ товарищъ Кузьмы Терентьича проснулся и, вслушавшись въ разговоръ, вдругъ хриплымъ, соннымъ голосомъ заговорилъ:

— Ну, что̀ присталъ? нешто не видишь, статистику пишутъ.

— Какая статистика? Ты слушай! Мы про пѣсни... отвѣчалъ Кузьма Терентьичъ.

— А я про что̀ же? И я все про пѣсни же тебѣ толкую. Извѣстно, статистика. А то на кой же бы лядъ и сбирать? Ты слышишь, нравы повѣряютъ, вѣдомости такія есть. То насчетъ скота была статистика, а теперь насчетъ нраву, опять же все статистика.

— Какая статистика?

— А, чортъ безпонятный! Ну, теперь вотъ хоть бы ты водку пьешь...

— Ну, полно, что ты зря-то болтаешь... отчасти струсивъ, сказалъ Кузьма Терентьичъ.

— Да ты слушай! Вотъ сейчасъ въ статистику тебя и запишутъ, что вотъ, молъ, такой-то, третьей гильдіи купецъ, Кузьма Терентьевъ сынъ Нефедовъ, водку пьетъ.

---

*) Устройство этого парома, какъ я могъ понять, основано на теоріи наклонной плоскости, и дѣйствительно очень просто: паромъ движется на томъ же основаніи, какъ вертится Сегнерово колесо.

Нашъ компаніонъ началъ ужъ острить. Кузьма Терентьичъ догадался, и выругавъ своего товарища, опять обратился ко мнѣ съ вопросомъ, а товарищъ его завернулся въ шубу и сказалъ: «Ну, васъ къ Богу и съ пѣснями совсѣмъ», и улегся спать.

— Ну-съ, хорошо-съ, продолжалъ Кузьма Терентьичъ:—для какой же теперь надобности?... то-есть собственно для какого-нибудь присутственнаго мѣста требуется это все знать, или такъ, больше отъ скуки?

— Больше отъ скуки.

— Такъ-съ.

Онъ помолчалъ немного, повидимому, соображая что̀-то, и потомъ продолжалъ:

— Я теперь такъ считаю, хучь бы эти пѣсни: на мои глаза, онѣ вниманія никакого не стоятъ, потому, главная причина, кто ихъ поетъ? Слѣдственно невѣжество, а хорошаго мало. И, не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ:

— А вотъ я вамъ скажу: былъ у насъ въ Покровѣ нѣкто Тишка-стихотворецъ; вотъ такъ ужъ пѣсни сочинялъ: можно чести приписать. Да онъ и сейчасъ этимъ занимается, только въ городѣ не живетъ—по деревнямъ шляется, спился совсѣмъ, по той причинѣ—больше все въ кабакѣ.

— Какія же онъ пѣсни сочиняетъ?

— Разныя. То-есть онъ не то чтобы пѣсни, а такъ, вотъ дадутъ ему рюмку водки: Тишка, скажи стишокъ! Онъ и ну валять, да такъ-то складно. Вотъ вы теперь сказали что̀ нибудь, а онъ вамъ сейчасъ въ отвѣтъ стишокъ.

— Кто-жъ онъ такой, этотъ Тишка?

— Здѣшній крестьянинъ. Домъ свой имѣлъ, землю, да смотался совсѣмъ, работать не захотѣлъ. Его было понуждали сначала и такъ и сякъ—нѣтъ; отъ рукъ отбился, блаженничать сталъ, совсѣмъ дуракомъ сдѣлался. Дуракъ, да дуракъ, такъ и по сіе время за дурака слыветъ: ходитъ по деревнямъ, гдѣ день, гдѣ ночь, чуть что, сейчасъ и почнетъ причитать. И чудакъ же только. Его и господа многіе знаютъ, потому—занятно. Вотъ однажды офицеръ одинъ, проѣзжающій, позвалъ его, налилъ ему стаканъ вина, «говори стихи!»— Хорошо. А ты кто такой, это Тишка спрашиваетъ у офицера.—Что̀ ты за человѣкъ?—Офицеръ говоритъ.—Это что̀ на тебѣ надѣто?—«Каска»—Ладно. А на каскѣ что̀? «Что̀?

извѣстно что̀—орелъ».—Вѣрно, говоритъ; а на орлѣ-то что̀?—«На орлѣ корона».—Такъ; это ты, говоритъ, все правильно сказалъ. Ну, только, говоритъ, ежели съ тебя все это снять, то и будешь ты ощипанная ворона... Ужъ что̀ и смѣху тутъ было: офицеръ такъ этимъ остался недоволенъ, ту-жъ минуту и уѣхалъ.

— А вотъ онъ и Ундолъ! Эй, ты! пишаходъ! вылѣзай! закричалъ мнѣ ямщикъ.—Ты вѣдь никакъ до Ундола рядился?

— До Ундола, братъ, до Ундола, говорилъ я, не безъ сожалѣнія разставаясь съ насиженнымъ, нагрѣтымъ мѣстомъ въ тарантасѣ, и, потягиваясь, началъ лѣниво соображать, что теперь ночь, всѣ спятъ, не достучишься; а если и достучишься, такъ пожалуй еще ночевать не пустятъ. Дворники на большой дорогѣ не очень уважаютъ пѣшеходовъ, особливо ночью, на томъ основаніи, что взять съ него нечего: овса и сѣна не потребуетъ, ужинать тоже врядъ ли будетъ, а все хлопоты: вставай, отворяй ворота... Опять ежели насчетъ того, чтобы стянуть, то пѣшеходъ на это первый человѣкъ, его на это только и взять; а гдѣ за нимъ усмотрѣть? Ни за что̀ не усмотришь.

Пока я соображалъ все это, тарантасъ ужъ уѣхалъ и оставилъ меня въ недоумѣніи, на большой дорогѣ, среди многолюднаго села, принадлежавшаго нѣкогда графу Суворову-Рымникскому, князю Италійскому. Сидя въ тарантасѣ, покрытый теплымъ войлокомъ, убаюканный разговоромъ и гладкой дорогой, я старался не думать о предстоящей мнѣ горькой участи при отыскиваніи ночлега; я и не замѣтилъ, какъ мы доѣхали до Ундола. Я успѣлъ уже облежаться на столько, что мысль о моей безпомощности пришла мнѣ въ голову не вдругъ, а тогда только, когда тарантасъ далеко гремѣлъ по дорогѣ, и просить помощи у ямщика было уже поздно. Однако ночной морозный вѣтеръ сталъ пробирать, ноги скользятъ по обледенѣвшей землѣ; думать тутъ долго некогда. Луна ярко освѣщаетъ улицу; избы двухъ-этажныя, съ лавочками и навѣсами для торговли лаптями и баранками, тишина изумительная: хоть зажги все село съ четырехъ концовъ—никто не услышитъ. Большое село, должно быть, и мужики богатые. Ну-ка, попробую, постучу на-удачу, что̀-то будетъ?

Подошелъ къ одной избѣ, и, по заведенному обычаю, постучалъ въ косякъ. Эй! хозяинъ! Нѣтъ отвѣта. Опять: завозился кто-то въ избѣ, засопѣлъ, закашлялъ, слышу ругается съ просонья:

— Кто тамъ еще? Ишь черти носятъ!

Ну, думаю, плохо.

— Пустите ночевать! кричу я какъ можно громче и самоувѣреннѣе.

— Что орешь? И безъ тебя тѣсно, такъ же громко и самоувѣренно отвѣчаетъ борода, высунувшаяся изъ окна.

— Я одинъ, мнѣ много мѣста не нужно.

— Нѣту, нѣту мѣста; ступай!

— Да куда-жъ я пойду ночью?

— А мнѣ что̀! На-ка что̀ еще вздумалъ? А ты не ходи ночью, ходи днемъ. Въ шабры *) ступай, можетъ и пустятъ, говоритъ борода, сердито захлопывая окно.

Дѣлать нечего, пойду въ шабры, еще попытаю счастія.

Опять такое же окно, такой же косякъ, опять кричу «пустите ночевать» и опять тотъ же отвѣтъ: «кто тамъ?» Въ избѣ заплакалъ ребенокъ, слышно, что кто-то чешется и съ сердцемъ ворчитъ:

— Рожна бы тебѣ востраго! У! идолъ! Только было заснула.

Ребенокъ кричитъ еще пуще, кто-то заохалъ и отворилъ окно.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Кто тамъ?

Старушечье лицо, повязанное бѣлымъ платкомъ, показалось въ окнѣ.

— Бабушка, пусти ночевать, сдѣлай милость!

— Ты откуда, молодецъ? спрашиваетъ старуха.

— Изъ Покрова.

— Самъ-отъ чей? Покровскій, что ли?

— Нѣтъ, я дальній. Пусти, пожалуйста!

— Пустить-то нельзя: мужиковъ нѣтъ дома, мы бабы только однѣ. Нельзя, голубчикъ ты мой!

— Такъ что-жъ, что нѣтъ дома? Пусти, пожалуйста! Я заплачу за ночлегъ.

— Не пущай, матушка! Ну ихъ совсѣмъ! Кто его знаетъ! слышенъ сердитый голосъ другой бабы.

— Да я и то, дѣвка, не пущаю, говоритъ старуха.—Ступай, молодецъ, ступай съ Богомъ! У насъ взять нечего.

— Да куда-жъ я пойду? посуди ты сама: ночь, никто не пускаетъ, что̀ я буду дѣлать?...

— То-то, голубчикъ, ночь; кабы день—другое дѣло, а то

---

*) Шаберъ—сосѣдъ, въ шабры—къ сосѣдямъ.

самъ видишь, дѣло ночное... кто тебя знаетъ? не прогнѣвайся!

— Ради Христа пусти! умоляю я:—вѣдь я замерзну на улицѣ.

— Да что̀ съ нимъ толковать! Мало ли ихъ тутъ шляется... опять раздается голосъ другой бабы, и окно захлопнулось.

Тутъ только, убѣдившись собственнымъ опытомъ, понялъ я, до какой степени безпомощенъ можетъ быть человѣкъ среди людей и какъ легко замерзнуть, быть ограбленнымъ, или съѣденнымъ волками въ двухъ шагахъ отъ жилья, среди огромнаго, богатаго села, на большой дорогѣ. Я обошелъ такимъ образомъ весь порядокъ, дворовъ по крайней мѣрѣ двадцать, и, не смотря на всѣ просьбы и мольбы, никто меня не пустилъ. Наконецъ подхожу къ послѣдней, крайней избѣ, и отчаянно стучу въ окно. Если и здѣсь не пустятъ, думаю себѣ, пойду вонъ изъ села, дальше, по дорогѣ; авось попадется добрый человѣкъ, подвезетъ куда нибудь. Въ избѣ нѣтъ отвѣта. Я стучу изо всѣхъ силъ... Вдругъ раздается голосъ гдѣ-то далеко, должно быть съ печи.

— Эй! что̀ стучишь? стѣну проломишь. Ишь наладилъ! кто тамъ?

— Пустите ночевать! въ двадцать первый разъ повторяю я.

— Такъ бы ты и говорилъ, а то на поди́ какъ ломитъ. На лошади, что̀-ль?

— Нѣтъ, пѣшкомъ.

— Куда-жъ те черти носятъ въ такую пору? Гляди, чай еще шуваликъ. Ты шуваликъ, что-ль? *) допрашиваетъ меня мужикъ, не слѣзая съ печи.

— Нѣтъ, не шуваликъ.

— Кто-жъ ты таковъ?

— Пусти, тогда скажу.

— Да, вотъ, какъ же! Такъ тебя сейчасъ и пустили! Ишь ты, какого дурака нашелъ! А ты такъ должонъ отвѣчать, что у тебя хозяинъ спрашиваетъ. Шуваликъ ты есть. Я отсюда слышу, что шуваликъ, проходимецъ!... Меня, братъ, на кривой не объѣдешь.

— Пусти, что ли!

— Нѣтъ, ты прежде мнѣ скажи: куда ты идешь?

---

*) Подъ именемъ *шуваликовъ* извѣстны крестьяне гр. Шувалова, отличающіеся плутовствомъ и бродяжничествомъ.

— Во Владиміръ.

— Зачѣмъ?

— По своему дѣлу.

— По своему дѣлу! Какое такое дѣло? Э! братъ, не надуешь! Я вашего брата, алырника, скрозь вижу.

— Съ кѣмъ ты, Прокофьичъ? вдругъ спрашиваетъ чей-то сонный голосъ въ избѣ.

— А вонъ подъ окномъ шуваликъ стоитъ, объѣхать хочетъ, я его и пытаю.

— Что-жъ пустишь, что ли? потерявъ всякое терпѣніе, спрашиваю я.

— А, то-то! Знать пробрало морозомъ-то. Шуваликъ! кислая шерсть! Нѣтъ, ты постой, покайся!

— Хорошо тебѣ разговаривать, лежа на печи.

— Что?

— Тепло, небось, на печи-то?

— Мнѣ, братъ, чудесно; а ты стой, да казнись. Ай пустить?

— Пусти сдѣлай милость!

— А-а-а! Взмолился! ноги-то видно отморозилъ, толоконное брюхо! Ты должно еще, братъ, не видалъ кузькину мать, въ чемъ она ходитъ, а то бы я показалъ. Ну, ступай! ступай, куда шелъ, ступай, покуда я не всталъ. А то провожу такъ, что и дорогу къ моей избѣ забудешь; за версту увидишь, обходомъ обходить станешь. Да молись Богу, крѣпче молись. Во Владимірѣ свѣчку за меня поставь, что я лежу на печи, вставать не хотца.

— Вотъ тебѣ и *патешествіе*! какъ говорилъ Кузьма Терентьичъ. Досада меня взяла... И за какимъ дьяволомъ было оставаться въ этомъ проклятомъ мѣстѣ! Не все ли равно! Ундолъ, Бабаево или Мошокъ тамъ какой-нибудь? Вотъ теперь и тащись, чортъ знаетъ куда, во второмъ часу ночи! Волки еще пожалуй нападутъ, да и Богъ знаетъ, будетъ ли тутъ скоро деревня. Лежалъ бы себѣ въ тарантасѣ, пріѣхали бы на постоялый дворъ, въ теплую комнату, чаю бы напился... Эхъ, сглупилъ! Но надежда дождаться попутчика нѣсколько успокоила меня. Пошелъ по шоссе, уставилъ глаза въ темную даль, смутно освѣщенную луннымъ свѣтомъ. Иду. Вѣтеръ дуетъ въ лицо, снѣжныя поля тускло синѣютъ по сторонамъ; ничего не разберешь, точно во снѣ. Да и всмотрѣться пристально невозможно: вѣтеръ рѣжетъ глаза, жесткая дорога хруститъ подъ ногами, плечи опять сказываться начинаютъ:

далеко не уйдешь. Однако кто-то ѣдетъ на мое счастіе. Слышно, какъ зашумѣла промерзшая дорога подъ колесами: темное пятно показалось въ той сторонѣ, гдѣ остался Ундолъ. Я навастриваю уши, и, какъ дикая птица, чутко всматриваюсь въ даль. Пятно выростаетъ и все ближе подвигается ко мнѣ. Я сталъ среди дороги—жду. Ѣдетъ телѣга, и сидящій въ ней, завидѣвъ меня, пріостанавливаетъ лошадь на минуту. Вотъ онъ всталъ на телѣгу, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, взялъ поправѣе, да какъ пустится мимо меня. Я только было хотѣлъ закричать, какъ ужъ онъ сажень на двадцать ускакалъ, а самъ-то погоняетъ; намоталъ возжи на руку, да по лошади, да по лошади... А какъ отъѣхалъ ужъ порядочно, сталъ ругаться.

— Ишь, дьяволы, полуночники, погибели на васъ нѣтъ.

Это обстоятельство меня разсмѣшило, и у меня вдругъ явилось странное желаніе воспользоваться его испугомъ и докончить эту комическую сцену.

— Счастливъ твой Богъ, что скоро уѣхалъ! кричу я ему вслѣдъ.

Однако мнѣ отъ этого все-таки не легче, все-таки я одинъ на дорогѣ, и впереди ничего не видно. Вправо какъ будто что̀-то сѣрѣетъ: если не лѣсъ, то должно быть деревня, но какъ я ни щурю глаза, какъ ни силюсь разсмотрѣть, все-таки, кромѣ сѣроватой полосы, потонувшей въ туманѣ, ничего не вижу. Наконецъ отъ напряженнаго всматриванія мнѣ ужъ начинаетъ казаться, что полоса слегка заколыхалась и какъ будто позеленѣла, а снѣжныя поля покрылись розовымъ цвѣтомъ, и тихо плывутъ мнѣ навстрѣчу. И въ то же время съ замирающимъ сердцемъ слышу, что позади меня глухо шуршатъ полозья, земля четко звучитъ отъ лошадинаго топота, ямщикъ весело покрикиваетъ, и ужъ въ двухъ шагахъ отъ меня несется четверней почтовая карета.

— Стой! стой! кричу я, и подбѣгаю къ каретѣ.

Ямщикъ осадилъ лошадей.

— Что ты?

— Гдѣ кондукторъ?

— Спитъ.

— Нельзя ли разбудить? Сдѣлай одолженіе!

— Я не смѣю.

Въ это время изъ-подъ кожаннаго наглухо застегнутаго фартуха слышенъ хрипливый голосъ:

— Что̀ тамъ еще? что-жъ ты, анаѳема, сталъ?

— Васъ, сударь, спрашиваетъ человѣкъ, нерѣшительно говоритъ ямщикъ.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Я не могу знать. Какой-то ишь остановилъ.

Изъ подъ фартуха вдругъ показалось лицо съ огромными усами, въ волчьей шубѣ.

— Кто такой?

— Сдѣлайте одолженіе, нельзя ли меня подвести до станціи? Я бы вотъ здѣсь на козлахъ сѣлъ. Возьмите съ меня что̀ хотите, только подвезите, а то я замерзну; у меня силъ нѣтъ идти дальше.

Но кондукторъ уже не слушалъ и заоралъ во все горло на ямщика:

— Пошелъ!.. Не знаешь, чортовъ сынъ, что казенный экипажъ? Анаѳемы!.. мало васъ, дьяволы, бьютъ за это? Пошелъ!

Черезъ полчаса я уже подходилъ къ деревнѣ, мелькавшей вправо сѣрымъ пятномъ, какъ мнѣ казалось прежде. Деревня стояла въ сторонѣ, верстахъ въ двухъ отъ шоссе, и къ ней вела узкая избитая колесами дорога. Ужъ я слышалъ запахъ гари, приносимый вѣтромъ; слышалъ, какъ среди сонной тишины въ избахъ трещали сверчки, и гдѣ-то съ просонья лаяла собака. Высокія одноэтажныя старыя избы стояли задомъ къ большой дорогѣ и упирались въ плетни, а за плетнями позади огородовъ лѣпились по берегу Клязьмы ветхія крестьянскія бани. Я остановился у одной избы, которая почему-то мнѣ больше всѣхъ понравилась, и постучалъ,—на дворѣ залаяла собака. Черезъ нѣсколько минутъ она вылѣзла изъ-подъ воротъ, и уставилась на меня лаять; отворилось окно, изъ него выглянулъ старикъ.

— Что̀ тебѣ, молодецъ?

Я разсказалъ ему о своемъ положеніи; сказалъ, что такъ и такъ вотъ, въ полѣ ночевать приходится, замерзну.

Старикъ выслушалъ меня и, предупредивъ только, что у него тѣсно, потому что корова отелилась, отворилъ ворота, и, выйдя на улицу въ одной рубашкѣ и босикомъ, впустилъ меня въ избу. Деревня, въ которую я попалъ, называлась Хрѣново, и вмѣстѣ съ Ундоломъ принадлежала одному владѣльцу, графу Зубову. На другой день утромъ разговорился я съ моимъ хозяиномъ, и вотъ что̀ разсказалъ онъ мнѣ, между прочимъ:

— Были мы перва на̀-перво, сударикъ ты мой, того самаго, Суворова, Лександра Васильича, можетъ слыхалъ, свѣтлѣйшаго.

Въ великую милость, баютъ онъ у царя попалъ, и велѣлъ ему царь другое прозвище дать, и стали его звать съ той поры *Нералисинамъ* *); такое фамиліе дали ему. Самъ-отъ я не запомню, нечего хвастать, а вотъ дѣдушка мой сказывалъ. (При немъ еще при самомъ, слышь, въ услуженіе взятъ былъ изъ хрестьянъ). Лександръ Васильичъ пріѣхалъ къ намъ въ Ундолъ изъ Питера. Какъ пріѣхалъ, домъ, слышь, строить сталъ, садъ разводить. Вонъ и сейчасъ его знать. Дому-то нѣту, сломали, а садъ-отъ видать и теперь; липнякъ-отъ, ишь ты, какой разросся! Самъ садилъ. Ну, вотъ пріѣхалъ онъ этто, дѣдушка маво и взялъ во дворъ, потому какъ дѣдушка мой очень ужъ за охотой повадливъ былъ ходить; Лександръ Васильичъ больше изъ-за этого его и взялъ. А матушка моя—покойница тогда еще дѣвочкой была, такъ вотъ махонькой вовсе—мухъ, сказываютъ, пужала съ него, съ Лександра-то Васильича, какъ онъ послѣ обѣда отдыхать ляжетъ. Ужъ и чудной же, сказываютъ, былъ покойникъ! Ляжетъ онъ это отдыхать, матушка покойница надъ нимъ съ платочкомъ стоитъ, помахиваетъ, а онъ это лежитъ, лежитъ, ровно вотъ какъ спитъ; вдругъ откроетъ глаза-то, да на матушку: «Ты что, батъ, глядишь?»—«Ничего, молъ, ваше сіятельство»—«Опять ваше сіятельство? Ты нешто не знаешь, какъ меня звать?» (не любилъ, чтобы величали вашимъ сіятельствомъ, а чтобы значитъ по простотѣ). «Какъ меня зовутъ?»—«Лександръ Васильичъ,» молвитъ матушка-то.—«Ну, то-то. Никогда не смѣй вашимъ сіятельствомъ называть». А то вотъ ходитъ, ходитъ цѣлый-то день, все попѣваетъ, все, слышь, пѣсенки попѣваетъ. Ходитъ, ходитъ это, да вдругъ: «Шпагинъ! Пойдемъ за охотой!» Шпагинъ—это дѣдушку мово звали. «Пойдемъ за охотой!» Ну, и пойдутъ. А собаки съ собой не бралъ, не любилъ. Цѣлый день по болотамъ ходятъ, а что̀ убьетъ, дѣдушка достанетъ изъ воды и подастъ. Гости тоже наѣзжали когда. Одинъ, сказываютъ, плотный такой-то былъ, изъ себя дюжій; тоже вотъ пріѣдетъ къ нему, а онъ: пойдемъ за охотой! да такъ-то его день деньской умаитъ, что гость-отъ ажно взмолится: «Пустите, говоритъ, ваше сіятельство, душу на покаяніе!» Самъ-отъ, сказываютъ, былъ мужикъ небольно такъ, чтобы завидный: щедушный такой, да легкій; только знаетъ, съ кочки на кочку попрыгиваетъ, ровно вотъ вьюрокъ какой. А мѣсто у насъ ишь какое, все больше низина да кочкарникъ; а тотъ гость-отъ тяжелый да тучный, за нимъ, слышь, и не поспѣетъ. А онъ-отъ ему смѣется: «Ишь, батъ, какъ у те брюхо-то съ царскихъ-то кушаньевъ росперло, ходить не сталъ; а ты вотъ, батъ, по моему: прыгъ, прыгъ! Ишь, батъ, какъ я попрыгиваю!» Ну, одначе, пожилъ онъ тутъ у насъ не долго. Опять, слышь, изъ Питера наказывали, чтобъ быть ему обратно; безъ него, выходитъ, никакъ невозможно. А онъ, сказываютъ, и отписываетъ: «Я, слышь здѣсь басомъ пою, меня и здѣсь знаютъ, что я Суворовъ *)».

---

*) Генералиссимусъ.

Ну, а впрочемъ поѣхалъ, тамъ и жизнь свою скончалъ. А послѣ того мы ужъ вотъ къ графу перешли, да чуть было къ купцу не попали, съ землей, выходитъ, отошли; да спасибо , графъ-отъ молодой оттягалъ. Мы тоже ходили просить графа, какъ этотъ заварухъ-отъ вышелъ. Вотъ онъ и пріѣхалъ и баитъ: «какъ, батъ, суворовскихъ хрестьянъ да купцу? Нѣтъ, я, батъ, этого не допущу!» Ну и оттягалъ. А купчишка-то такъ, не бознать какой; вотъ изъ сусѣдней деревни взялси; купилъ землю у покойника, у графа, заводъ построилъ, вникъ, значитъ, въ это дѣло, и пошелъ. Нынче эна какъ живетъ. Вотъ опять эта чугунка мимо насъ пошла. Тоже не думали, не гадали. Пошла и возитъ. А вѣдь мы, голубчикъ, я тебѣ скажу, давно про это слыхали; да такъ думали больше, что зря молъ народъ болтаетъ. Тоже этому дѣлу много времени, я еще въ тѣ поры молоденькимъ былъ, еще и каменки-то **) не чуть было; стояла одна большая дорога, и копали мы, другъ ты мой, канавки по сторонамъ. И былъ у насъ мужиченка какъ есть ледащій; мы такъ его считали, что ледащій, молъ, постой; а какое-жъ онъ прорицаніе въ тѣ поры сказалъ! Копаемъ мы канавки-то, а онъ и батъ: вотъ, батъ, мы теперь работаемъ дорогу земляную, а придетъ время, и будетъ у насъ дорога каменная; а еще послѣ того будетъ дорога вся какъ есть желѣзная, аки змѣй протянется. А мы, признаться, на тѣ его слова смѣялись: ишь ты, молъ, что̀ Трушка болтаетъ? (Трофимомъ звали мужиченку-ту). Не вѣрили. Вотъ оно, сударикъ ты мой, по то и стало. А такъ вѣдь дрянь былъ мужиченка. Должно гдѣ слыхалъ.

---

*) Очевидно, что въ воспоминаніи народа это обстоятельство спутано. Вызовъ Суворова и отвѣтъ, которой онъ послалъ изъ Новгородской деревни, ужъ по отъѣздѣ изъ Ундола, превратился въ легенду и сталъ анахронизмомъ.

**) Шоссе.

СЦЕНЫ ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

I.

ПРІЕМНАЯ КОМНАТА.

Въ 9-мъ часу утра, въ парадныхъ сѣняхъ собирались больные, пришедшіе за совѣтомъ, и молча садились вдоль стѣны на лавки. Одни сами пришли, другихъ приводили подъ руки. Швейцаръ, отставной унтеръ-офицеръ съ нашивками, стоя у дверей, покрикивалъ на больныхъ:

— Проходи, проходи! У меня на полъ не плевать! Эй, старуха, ступай отсюда!

— Родной ты мой! мнѣ дочку повидать.

— Сказано, ступай!

Швейцаръ вывелъ старуху на крыльцо, но тамъ, переговоривъ съ нею, впустилъ въ сѣни и, ударивъ ее по плечу, сказалъ въ полголоса:

— Ну, смотри, проворнѣй!

— Мнѣ то есть... одна минута, заторопилась старуха и побѣжала наверхъ.

Больные между тѣмъ прибывали. Нѣкоторые прохаживались по корридору, придерживая больное мѣсто, и уныло посматривали на другихъ. Въ разныхъ мѣстахъ шли тихіе разговоры о болѣзняхъ, или разсужденія о домашнихъ дѣлахъ.

— Чѣмъ она у васъ хвораетъ? спрашивала одна женщина у другой.

— Богъ ее знаетъ. Такъ думаютъ, что съ глазу. Какъ подступитъ это ей къ сердцу,— сейчасъ закатится, закатится и упадетъ.

— Такъ, такъ. Это я знаю. Нѣтъ, этимъ лекарямъ гдѣ! Эти ей не помогутъ. А вотъ я скажу вамъ про себя, какая моя болѣзнь. Теперь ежели мнѣ натощакъ вотъ эдакую крошечку съѣсть, — ни за чтѐ не съѣсть! Какъ съѣла, такъ у меня цѣлый день кусокъ въ горлѣ стоитъ. Только однимъ и спасаюсь: богоявленской водицы на ложечку—ну и пройдетъ.

— Мнѣ тоже вотъ одинъ русскій лекарь совѣтовалъ, говорилъ какой-то мастеровой своему сосѣду,—купи, говоритъ, ты косушку водки, настой ее покрѣпче табакомъ и выпей. Я и выпилъ.

— Ну, что же?

— Чтѐ? извѣстно, какъ выпилъ, такъ даже свѣту не взвидѣлъ. Какъ зачало меня хлестать, зачало хлестать; я думалъ; душу всю выворотитъ. Три дня безъ памяти лежалъ.

— Нѣтъ, говорятъ, скипидаръ помогаетъ. Я тоже отъ людей слыхалъ. Не знаю, правда ли, нѣтъ ли.

— И я слыхалъ. Мнѣ тоже одинъ человѣкъ сказывалъ: коровьимъ каломъ, говоритъ, нѣтъ лучше. Кто ихъ знаетъ! У насъ одного мастера этакъ же ученый лекарь взялся лечить, да тоже пустое дѣло. Чуть совсѣмъ не испортилъ. Сталъ ему камнемъ выжигать это мѣсто. Ну, онъ было разсудку рѣшился черезъ эсто. Какъ былъ, въ одной рубашкѣ на улицу выскочилъ, да бѣжать. Мы за нимъ, а онъ отъ насъ. Кричимъ ему: постой, постой!—куда! такъ-то сталъ чесать, и прямо къ заставѣ! Ужъ послѣ, должно быть, на третьей верстѣ въ канавѣ нашли. Черный весь. Обезумѣлъ даже.

— Да. Тоже эти лекаря—ловки. Нешто долго человѣка испортить!

— Это имъ ничего не значитъ.

По корридору прошелъ фельдшеръ съ перомъ за ухомъ, съ рапортичкою въ рукѣ, и отперъ дверь въ пріемную комнату. За нимъ слѣдомъ прошла сидѣлка въ большомъ коленкоровомъ чепцѣ и принесла полотенце. Сидѣлка осталась у дверей.

— Скоро ли начнется пріемъ? спрашивали у нея больные, столпившись у входа.

— Когда дежурный врачъ придетъ, отвѣчала сидѣлка и съ гордостью поправила свой чепецъ.

— А когда-жъ онъ придетъ?

— Когда придетъ, тогда и увидите.

Пришелъ больничный служитель и тоже сталъ у дверей.

— Кавалеръ, а кавалеръ! приставала къ нему одна старуха.

— Чтѐ тебѣ?

— А покойниковъ-то у васъ здѣсь потрошатъ?

— Здѣсь.

— Ахъ, Царица небесная!

Старуха перекрестилась.

— И банки здѣсь же стоятъ съ уродами?

— Здѣсь же. Отходи прочь! Что вы тутъ тѣснитесь?

— Сейчасъ, голубчикъ. Мнѣ только вотъ еще одно словечко спросить. Правда-ли, сказывали мнѣ, что въ больницахъ изъ человѣчьяго сала пирюли катаютъ? А вѣдь, небось, они страшные, уроды-то?

— Вотъ какъ ты же. Ну тебя совсѣмъ. Не стоять у дверей! Дежурный врачъ идетъ. Пошли прочь!

Въ концѣ корридора показался дежурный врачъ, въ мундирномъ фракѣ. Онъ шелъ очень скоро, глядя въ землю и засунувъ одну руку въ карманъ. Больные вдругъ затихли, посторонились и, со страхомъ глядя на дежурнаго врача, пропустили его въ пріемную комнату.

Въ пріемной комнатѣ сидѣлъ фельдшеръ за столомъ и чинилъ перо. На столѣ лежала книга для записыванія больныхъ. Среди комнаты было два кресла, одно противъ другого, и за ширмами кровать въ углу. Дежурный врачъ вошелъ и сѣлъ на одно изъ креселъ.

— Что, Семенъ Иванычъ не вставали еще? спросилъ онъ у фельдшера.

— Нѣтъ, еще не вставали.

Врачъ потянулся въ креслѣ и, помолчавъ немного, спросилъ опять:

— Много ли больныхъ?

— Семнадцать человѣкъ.

— Гм. Шутка! Когда они перестанутъ шляться? Сидѣлка!

Дверь отворилась, и сидѣлка, съ полотенцемъ въ рукѣ, вытянулась во фронтъ.

— Впустить! Только не вдругъ. Эй! кто тамъ? Кузнецовъ!

— Чего извольте, ваше благородіе?

— По одному пускать.

— Слушаю, ваше благородіе!

Служитель и сидѣлка исчезли. За дверями послышалась возня и голосъ служителя: «да позвольте! Не напирай! Куда ты, чортъ?» Фельдшеръ и врачъ стали прислушиваться.

— Чтò тамъ? съ гнѣвомъ спросилъ врачъ, подходя къ двери.

Но въ это время дверь съ великимъ трудомъ отворилась, и показалось нѣсколько человѣкъ больныхъ съ испуганными лицами. Впереди всѣхъ барахтался притиснутый толпою чиновникъ. Онъ отчаянно махалъ руками и, весь красный и запыхавшись, продирался въ пріемную. Наконецъ, служитель уперся колѣнкой въ животъ одному больному и пропустилъ чиновника.

— Что вы? съ ума сошли? накинулся на него дежурный врачъ.

— Это не я-съ... помилуйте!... толкаютъ-съ.., оправдывался чиновникъ, едва переводя дыханіе.

— Дежурный врачъ наморщилъ брови и сердито спросилъ:

— Ну, что̀ тамъ у васъ? Показывайте! Что̀ болитъ?

— Бокъ-съ.

— Давно-ли?

— Давно-съ!

— Да какъ давно? Ну-ка, раздѣньтесь.

Чиновникъ сталъ раздѣваться. Блѣдно-желтое лицо его, вспыхнувшее-было яркимъ румянцемъ вслѣдствіе усиленной возни, вдругъ опять поблѣднѣло и стало еще желтѣе прежняго.

— Жилетку прикажете снять? спросилъ онъ.

— Все снимайте!

— И фуфайку-съ?

— Сказано, все; чего-жъ вамъ еще?

Пока чиновникъ раздѣвался, врачъ ходилъ по комнатѣ, морщилъ лобъ и потягивалъ себя за нижнюю губу.

— Скоро, что-ли? Тамъ еще шестнадцать человѣкъ ждутъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, говорилъ торопливо чиновникъ, стаскивая съ головы фуфайку и обнажая при этомъ свое тощее тѣло, въ разныхъ мѣстахъ усѣянное слѣдами банокъ и піявокъ.

Оставшись безо всего, онъ началъ понемногу синѣть и конфузиться.

— Лягте на койку! Чего-жъ вы боитесь? Ну! Гдѣ болитъ? Вздохните. Покажите пульсъ! Кашель есть? Давно кашель? Въ лопатку отдаетъ? спрашивалъ скороговоркою врачъ и такъ быстро, что чиновникъ едва успѣвалъ отвѣчать. Онъ лежалъ на койкѣ, нерѣшительно вытянувъ свои худыя ноги, и робко посматривалъ на врача. Врачъ между тѣмъ, нагнувшись надъ нимъ, тыкалъ ему пальцами въ желудокъ, щупалъ бокъ, колотилъ по ребрамъ и мялъ животъ; наконецъ, взялъ *стетоскопъ* и началъ выслушивать грудь.

— Вздохните! Глубже! Говорятъ вамъ: глубже! Дышите! Не дышите! Дышите! кричалъ врачъ за ширмами, приникнувъ ухомъ къ груди больного.—Вставайте!

Больной всталъ, но, не смѣя одѣваться, голый стоялъ передъ врачемъ, въ замѣшательствѣ перебирая свои холстинныя подтяжки.

— Который вамъ годъ?

— Тридцать второй-съ.

— Чѣмъ занимаетесь?

— Состою на службѣ.

— Мм!

Врачъ разсматривалъ больного съ головы до ногъ, презрительно поджимая губы.

— Вамъ нужно употреблять легкую питательную пищу, добрый стаканъ вина за обѣдомъ.

— Слушаю-съ.

— Чистый воздухъ, теплую сухую квартиру, больше движенія. Вы любите виноградъ?

— Люблю-съ. Только... осмѣлюсь доложить... какъ теперича получаю недостаточное содержаніе...

— А, ну, это другое дѣло. Такъ бы и говорили. Сидѣлка, полотенце!

Врачъ вытеръ себѣ руки и сказалъ фельдшеру, не поворачивая головы:

— Potio Riveri cum aqua laurocerasi, bihorio cochlear... Вотъ это вы будете принимать черезъ два часа по ложкѣ.

— А на счетъ пищи какъ прикажете?

— Все, все можно. Слѣдующій!

Только что успѣли отворить дверь, какъ вдругъ оттуда ввалилось въ пріемную человѣкъ пять, притиснутыхъ къ самой двери остальными больными. Однако служитель съ сидѣлкою всѣхъ протолкали назадъ и впустили только двоихъ, мужа съ женою, потому что жена кричала:

— Господинъ докторъ! милостивѣйшій государь! велите пропустить! я его жена. Онъ самъ разсказать не можетъ.

— Кузнецовъ, пусти, сказалъ врачъ.

— Вы меня извините, господинъ докторъ, затараторила жена больного,—что я довольно неделикатно вошла. Я была съ моимъ мужемъ у всѣхъ докторовъ, и они его смотрѣли и все. Но я столько наслышана объ вашей больницѣ, что я надѣюсь, что вы ему поможете.

— Да что̀ такое? Чѣмъ онъ боленъ? Садитесь, пожалуйста.

— Благодарю васъ, господинъ докторъ. Надо вамъ сказать, что мужъ мой служилъ въ военной службѣ.

— Такъ-съ.

— А теперь онъ вышелъ въ отставку. Откровенно вамъ скажу: я этого очень не желала.

— Такъ. Позвольте, сударыня. Вы мнѣ скажите, чѣмъ боленъ вашъ мужъ.

— Да я вамъ все это по порядку.

— Нѣтъ, ужъ вы не извольте безпокоиться. Мы лучше его посмотримъ.

— Да вѣдь онъ самъ ничего сказать не можетъ: у него языкъ отнялся.

Больной сидѣлъ на креслѣ, въ военной шинели, окутанный шарфомъ, и весело посматривалъ то на врача, то на жену.

— Ну-ка, встаньте, пройдитесь маненечко!

Больной поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, прицапывая на ходу одною ногою. Врачъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ:

— Довольно-съ. Покажите-ка язычокъ! Мм! На низъ хорошо?

— Ахъ, у него на низъ, господинъ докторъ, очень хорошо!

— Аппетитъ есть?

— Объ аппетитѣ ужъ и говорить нечего: такъ ѣстъ, такъ ѣстъ, даже страшно смотрѣть. Я часто гляжу на него и думаю: куда только это все идетъ?

Врачъ взглянулъ на больного, больной глядѣлъ на врача и самодовольно улыбался, какъ будто желая сказать: «что̀, братъ? А ты какъ обо мнѣ думалъ?» такъ что даже врачъ смутился и спросилъ:

— Такъ что же вамъ угодно, сударыня?

— Да мнѣ бы хотѣлось помѣстить его къ вамъ въ больницу.

— Этого нельзя-съ.

— Почему же?

— А потому-съ, что болѣзнь не интересная.

— Ахъ, что̀ вы говорите? Какого же вамъ еще интересу? Да вы поглядите на него, что̀ онъ дѣлаетъ, такъ вы съ нимъ не разстанетесь.

— Что̀ же онъ дѣлаетъ?

Жена больного стала шептать что̀-то на ухо врачу; можно было разслушать только: «сидитъ и размазываетъ.... весь выпачкается...»

— Да, ну это еще не такъ интересно, сказалъ врачъ и опять поглядѣлъ на больного: онъ по прежнему улыбался.

— Что, у васъ болитъ что̀-нибудь? спросилъ его врачъ.

— У *мм—а*, отвѣчалъ больной.

— Такъ. Ну, а шуму въ головѣ не бываетъ?

— *Хо.*

— Такъ, такъ.

Врачъ задумался, сдѣлалъ строгое лицо, заморгалъ, заморгалъ глазами и сказалъ:

— Вы, сударыня, пожалуйте сюда какъ-нибудь... а то, лучше всего, я самъ заѣду къ вамъ. Позвольте вашъ адресъ. Басовъ, запиши! Слѣдующій!

Фельдшеръ сталъ записывать адресъ, а между тѣмъ въ пріемную вошла женщина, въ черномъ платкѣ, съ постной физіономіей, и объявила, что больна *сердцемъ*; впрочемъ, на ногѣ у женщины нашлась рана, а когда заставили ее снять платокъ, то и на головѣ оказались струпья.

— Чѣмъ занимаешься? спросилъ ее врачъ.

— Богу молюсь, скромно отвѣчала женщина.

— А рана отчего у тебя?

— Это я къ угоднику Сергію чудотворцу ходила; ужъ оченно склизко было, я дорогой-то оступилась, ногу зашибла; она у меня и прикинулась болѣть, да болѣть.

— Такъ. Ну-ка, горло покажи! Должно быть простудила горло?

— Простудила. Взапрѣмши, признаться, квасу холоднаго испила: мнѣ и захватило.

— Такъ, такъ. Ну, а болячки на головѣ отчего?

— Это отъ думы.

— Отъ думы. А-а! Эй, сидѣлка! осмотрѣть ее! Слѣдующій!

Слѣдующій оказался дьяконъ въ зеленой рясѣ, высокаго роста, съ рыжею бородою и довольно густымъ басомъ, который онъ немедленно обнаружилъ, крякнувъ и сказавъ дежурному:

— Добраго здоровья!

— Что̀ прикажете? спросилъ его врачъ.

Дьяконъ молодцовато встряхнулъ волосами, погладилъ бороду и захохоталъ.

— Да вотъ-съ, сказалъ онъ, смѣясь:—грудь что̀-то завалило. Признаться, лечиться-то я было не охотникъ, да что̀ дѣлать?

— Простудились?

— Да-съ; съ господами съ офицерами немножко простудился.

И дьяконъ опять захохоталъ.

— Знаете, нельзя. Свадьба тутъ подошла, время эдакое сырое: долго ли простудиться.

— Что-жъ вы, ноги промочили?

— Нѣтъ. Сперва-то горло промочилъ, а потомъ-то ужъ и ноги кстати. Ха, ха, ха!

— Это понятно, сказалъ врачъ.

— Сами посудите, вѣдь просятъ. Господа офицеры у насъ народъ, знаете, веселый, а мы постоянно ужъ въ ихней компаніи. Какъ же тутъ быть?

— Разумѣется. Вамъ бы мушечку поставить.

— Охъ, не люблю я пачкаться, до смерти не люблю. Мнѣ бы русскаго эдакаго лекарства, знаете, какого-нибудь покрѣпче, чтобы позабористѣй.

— А то перцовкой натритесь, да вспотѣйте хорошенько.

— Вотъ, вотъ, это такъ! За это благодарю покорно. Да я, признаться, и самъ разсуждалъ тоже, что не перцовки ли молъ? Ха, ха, ха! Такъ, стало быть, больше ничего не требуется?

— Ничего.

— Ну, вотъ это чудесно. Такъ мое вамъ почтеніе! Будьте знакомы!

— Прощайте.

Послѣ дьякона вошелъ мужикъ, осторожно ступая по паркету, поклонился и сталъ среди комнаты.

— Что̀ ты?

— Къ вашей милости.

— Что̀ у тебя болитъ?

— Поясница болитъ.

— Отчего-жъ она у тебя болитъ?

— Не могу знать.

— Съ натуги, должно быть?

— Такъ точно, съ натуги.

— Поднялъ вѣрно что-нибудь не по силамъ?

— Это вѣрно.

— Ну-ка, нагнись! Такъ. Животъ болитъ?

— Нѣтъ, оно не то, что болитъ, а такъ быдто жерновъ ворочаетъ.

— Мм! Банки поставить.

— Слушаю-съ. Да вотъ... руку еще попортилъ, что-то загноилась.

— Покажи!

Мужикъ развернулъ тряпицу и показалъ палецъ, пораженный гангреною. Врачъ сдѣлалъ гримасу и посвисталъ.

— Какъ же это ты такъ?

— Богъ ее знаетъ. Шерхебелемъ баловался, баловался, да кожу всю и ссадилъ скрозь, даже до кости.

— Давно ли это?

— Вотъ ужъ третья недѣля.

— Ну, братъ, съ пальцемъ простись,—отрѣзать придется.

— Слушаю-съ.

— А пока ступай!

Мужикъ ушелъ. Вошла дама молодая и красивая, съ печальнымъ лицомъ.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ ее врачъ особенно любезно.

— Больна-съ.

— Что̀ у васъ болитъ?

Дама замялась.

— Какъ бы вамъ сказать... я все плачу.

— О чемъ же вы плачете?

— Да сама не знаю. Я чувствую, что скоро умру.

И дама заплакала.

— Почему-жъ вы полагаете, что вы умрете?

— Я знаю, что я умру. Я и сны такiе вижу: точно кто-то меня хватаетъ.

— Мм! Позвольте вашу ручку! Мм! Вы дѣвица, или замужняя?

— Ахъ, нѣтъ.

— Что-съ?

— Я... вдова.

— Такъ-съ. Аппетитъ есть?

— Нѣтъ.

— Ну, а какъ ваши обстоятельства?

— Мм... ничего.

— То есть, какъ ничего-съ? Ничего нѣтъ?

— Ахъ, какой вы!.. Ничего.

— Однако позвольте... а впрочемъ, я лучше самъ заѣду васъ навѣстить.

— Ахъ, сдѣлайте одолженiе. Я вамъ буду очень благодарна.

— Непремѣнно, непремѣнно. Басовъ, запиши адресъ. Мое почтенiе-съ, сказалъ врачъ и ловко раскланялся съ дамой.

Послѣ дамы перебывало такимъ же порядкомъ еще человѣкъ пять, или шесть; наконецъ, врачъ зѣвнулъ, потянулся такъ, что у него затрещало даже чтò-то подъ мышками, и сказалъ служителю:

— Не пускать больше никого. Надоѣли. Скажи, чтобы завтра приходили.

Послѣ этого онъ собрался было ужъ уходить, какъ вдругъ въ пріемную ворвался человѣкъ съ небритой бородой, въ сюртучкѣ, подпоясанный кушакомъ, и быстро подошелъ къ дежурному.

— Чтò тебѣ нужно? строго спросилъ его врачъ.

— Ваше в-скродіе, заставьте за себя Бога молить и съ малыми сиротами! Помогите! Очень нездоровъ.

— Чтò у тебя такое?

— Голова болитъ. И всѣмъ нездоровъ, и грудью нездоровъ, и ногами нездоровъ, даже всего ломаетъ, и глазами плохо вижу.

— Простудился, что-ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше в-скродіе.

— А кто ты такой?

— Господина Куликова дворовый человѣкъ-съ.

— Покажи-ка языкъ! Ну-ка, дохни-ка на меня! Да ты пьянъ, скотина!

— Никакъ нѣтъ, ваше в-скродіе.

— Чтò ты мнѣ разсказываешь? Развѣ я не слышу? Зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Желаю въ больницу лечь.

— Пошелъ прежде проспись!

— Позвольте, ваше в-скродіе...

— Ступай, ступай!

— Позвольте вамъ объяснить!

— Ну!

— Я не пьянъ-съ. А это точно, что меня знобитъ: я и выпилъ вотъ этакую малость, какъ собственно для тепла, но я не пьянъ.

— А вотъ я тебя сію минуту, скотина ты эдакая, въ часть отправлю для тепла; вотъ ты и узнаешь.

— Это какъ вамъ угодно, только я знаю, что...

— Эй, Кузнецовъ, гони его!

— Ваше в-скродіе, позвольте вамъ сказать! Ежели бы я былъ пьянъ, то я бы не посмѣлъ васъ безпокоить! А я вашей чести докладываю, что нездоровъ.

— Да что-жъ ты смотришь, Кузнецовъ? Гони его! кричалъ врачъ, горячась все больше и больше.

— Постой, кавалеръ, погоди! Ахъ какой ты, право! упирался больной.

— Толкай, толкай его!

— Ваше сіятельство! не ради меня, а ради сиротъ... началъ было больной, но съ этими словами былъ выведенъ изъ пріемной служителемъ, которому, наконецъ, удалось съ помощію сидѣлки выпроводить его за дверь.

— Каковы скоты! а? говорилъ врачъ, въ волненіи прохаживаясь изъ угла въ уголъ,—вотъ послѣ этого и пускай сюда всякій сбродъ.

— Главная причина: народъ очень избалованъ, страху нѣтъ, глубокомысленно замѣтилъ фельдшеръ, вытирая перо полою сюртука.

Вскорѣ послѣ пріема больныхъ другой фельдшеръ обходилъ палаты и раздавалъ лекарства. Подойдя къ койкѣ, онъ осматривалъ скорбный листъ и ставилъ на столикъ стклянку, или баночку съ мазью.

— Я этой подлости больше принимать не намѣренъ: отъ нея только хуже, говорилъ одинъ больной.

— А мнѣ что̀? Пожалуй, не принимай, только чтобы стклянка стояла на столѣ. Если спросятъ—скажи, что принималъ.

— Хорошо.

— А мнѣ лекарства? спрашилъ вновь поступившій больной.

— Тебѣ нынче не будетъ. Авось до завтра не помрешь.

— Такъ-то оно, такъ; да ужъ очень мнѣ тошно.

— Потерпи, братъ, потерпи! Эй, ты, команда! говорилъ фельдшеръ, подходя къ спящему пожарному солдату.—Что-жъ ты, пилюли-то всѣ принялъ?

— Усѣ, отвѣчалъ солдатъ, завертываясь въ одѣяло.

— Ишь, чортъ, облежался, даже и вставать не хочетъ. Получай еще пилюли!

— Ладно.

— Да что̀ вы ему даете? говорилъ фельдшеру сосѣдъ пожарнаго солдата, пощипывая корпію:—вѣдь онъ ихъ въ песочницу закапываетъ; онъ нарочно не принимаетъ лекарства, чтобы у него носъ провалился. Въ отставку, говоритъ, выйду, на родину пойду.

II.

ВИЗИТАЦІЯ.

Сцена представляетъ палату терапевтическаго отдѣленія. Окна до половины замазаны зеленою краскою; въ два ряда—койки, на которыхъ сидятъ и лежатъ больные; нѣкоторые прохаживаются. На всѣхъ чистые чулки и колпаки; на койкахъ надѣты чистыя покрывала; на стѣнѣ чисто вычищенный умывальникъ; полъ натертъ воскомъ; во всю длину комнаты постланъ бѣлый половикъ. Сидѣлка время отъ времени входитъ изъ корридора и, осмотрѣвъ, все ли въ порядкѣ, обдергиваетъ покрывала, сдуваетъ пыль и покрикиваетъ на больныхъ:

— Не валяться по койкамъ! Только, знай, убирай за вами. Всѣ тюфяки перемяли. Право. Да не ходите вы по холсту! Что это за страмъ, за такой! Сейчасъ генералъ взойдетъ, а они тутъ шляются.

— Ну, молчи, отзывается одинъ больной.

— Чего молчать? Смотрителю скажу; онъ вамъ дастъ баловаться.

— Очень мнѣ нужно твово смотрителя!

— А я вотъ пойду оргинатору пожалюсь. Хочешь на третью порцію?

— Идетъ! идетъ! раздается по корридору.

Больные поправляютъ на себѣ колпаки и становятся у своихъ коекъ; слабые, лежа, охорашиваются и обдергиваютъ на себѣ покрывала. Сидѣлка стоитъ у дверей и кланяется.

Входятъ *генералъ*, лысый старикъ, во фракѣ и въ очкахъ; за нимъ въ двухъ шагахъ идетъ его помощникъ, дальше ординаторъ, смотритель, фельдшеръ съ рапортичкою и сидѣлка. При входѣ генерала больные снимаютъ колпаки и кланяются.

— Сколько у васъ больныхъ? спрашиваетъ у ординатора генералъ.

— Одиннадцать человѣкъ, ваше-ство.

— Опасныхъ нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, ваше-ство.

Генералъ подходитъ къ одному больному.

— Это что̀?

— У меня воспаленіе было въ кишкахъ, говоритъ больной.

— Васъ не спрашиваютъ, замѣчаетъ генералъ.

— Какъ вы себя чувствуете?

— Плохо.

— Гдѣ болитъ?

— Я теперь чувствую только...

— Я васъ не спрашиваю, что̀ вы чувствуете. Гдѣ болитъ?

— Животъ.

— Это кто такой?

— Больной-съ, отвѣчаетъ растерявшійся ординаторъ.

— Я вижу, что больной. Кто онъ такой?

— Мѣщанинъ-съ.

— Ты какъ же смѣешь надѣвать колпакъ? а? На три дня безъ ужина. Этотъ чѣмъ боленъ?

— *Pleuritis*, ваше-ство.

— Что̀ прописано?

— *Infusum ipecacuanhae cum spiritu mindereri*.

— Потогонное давали?

— Давали, ваше-ство.

— Сидѣлка! Больной потѣлъ?

— Какъ горячаго-то напился, такъ...

— Больной потѣлъ?

— Да я, ваше превосходительство...

— Больной потѣлъ?

— Потѣлъ-съ.

— А это что̀?—Генералъ указываетъ на покрывало.

— Пятно-съ, трепещущимъ голосомъ говоритъ сидѣлка и начинаетъ присѣдать.

Генералъ, указывая на нее, говоритъ смотрителю:

— За мѣсяцъ жалованья не давать! — Этотъ чѣмъ боленъ?

— Только что поступилъ ваше-ство, *cystitis*.

Генералъ беретъ больного за пульсъ и наморщиваетъ брови, потомъ внезапно обращается къ ординатору:

— Двѣсти піявокъ.

Генералъ и вся свита уходятъ. Черезъ нѣсколько минутъ смотритель возвращается и говоритъ сидѣлкѣ:

— А? что? Говорилъ я тебѣ? Вѣдь я тебѣ говорилъ!

Сидѣлка плачетъ, больные начинаютъ ее утѣшать.

III.

ПРИПАРОЧНАЯ,

Часу въ одиннадцатомъ вечера, когда въ больницѣ все уже успокоилось, въ маленькой комнатѣ, въ концѣ коридора, сидѣли больные. Комната эта назначалась собственно для нагрѣванія воды и для изготовленія припарокъ; съ этою цѣлью имѣлась въ ней большая плита, на которой стояли мѣдные чайники и кастрюля съ льнянымъ сѣменемъ; надъ плитой висѣли тряпки. Больные сидѣли кучками: кто у плиты, кто у открытаго окна. Одни курили, другіе играли въ карты на табуреткѣ, занимались разговорами, набивали папиросы и проч. На столѣ помѣщалась сидѣлка, приставленная къ припаркамъ, и разливала чай. Больные подходили къ ней и каждый бралъ свой стаканъ.

Сидѣвшіе у окна вели такой разговоръ:

— Господа, взывалъ къ прочимъ больной, — когда-жъ мы *барыню*-то *) станемъ травить? Что-жъ это такое? Только похвастались. Эхъ вы, господа!

— Охота связываться. Сволочь! отвѣчалъ другой.

— А зачѣмъ она шляется? Придетъ въ палату: «больные, не рвите платки». А ей какое дѣло? Казенные. Тварь! Ну, ужъ я ей докажу дворянство: изожгу всю рубашку, и простыню изожгу, и наволочку изожгу. Она у меня будетъ знать.

— Что-жъ хорошаго? замѣчаетъ сидѣлка, подувая въ блюдечко и болтая ногами,—поглядите, она въ контору понесетъ. Вотъ тогда помяните мое слово.

— А мнѣ чортъ съ ней! Пусть жалуется. У меня такая примочка ядовитая. Развѣ я виноватъ?

— Какъ же она на подушку-то попадетъ?

— А во снѣ. Безпокойно сплю, вотъ и конецъ. Мало-ли что̀ я во снѣ могу сдѣлать! Да я вотъ прежде сонный дрался: какъ ты съ меня взыщешь? Можетъ, это у меня боль такая.

— Ну, ужъ, знаемъ мы, какая у васъ боль. Отчаянные!

— То-то вотъ и есть.

— Нѣтъ, серьезно, господа, послушайте-ка! говоритъ третій больной, усаживаясь на окно,—мы вотъ что̀ лучше сдѣлаемъ:

---

*) *Барыней* называютъ больные кастеляншу.

напишемъ этой барынѣ письмо по городской почтѣ, ругательное.

— Чтò письмо! Погодите! Я чтò придумалъ. Какъ она покажется къ намъ въ корридоръ, мы всѣ раздѣнемся нагишомъ и станемъ у дверей. Небось, не будетъ ходить.

— Нѣтъ, ужъ лучше клистирной трубкой ее окатить.

— Примочкой! примочкой! закричали больные и засмѣялись.

— Ну ужъ, озорники! говорила сидѣлка, сидя на столѣ и покачивая головой,—съ вами доживешь до бѣды. Вонъ Иванъ Васильичъ, ужъ на чтò, а вѣдь и то пришелъ намедни въ палату и говоритъ:—больные, побойтесь вы Бога-то хоть немножко! На чтò это похоже? Къ вамъ, говоритъ, просто взойти нельзя. Настоящій кабакъ. Накурено, накурено — не продохнешь. Ну, сохрани Господи, генералъ взойдетъ!

Двое больныхъ играли въ самодѣльныя шашки изъ чернаго и бѣлаго хлѣба; возлѣ нихъ примостились еще двое и разговаривали такимъ образомъ:

— Ну чтò? Какъ ваши амурныя дѣлишки? Подвигаются?

— Какъ же. Я ужъ второе письмо получилъ. Пишетъ, что, когда въ садъ выпустятъ, тогда увидимся. Да нѣтъ; эта дрянь. Я ужъ ее хочу бросить. А вотъ вчера я видѣлъ въ 32-й палатѣ новую больную, только что поступила. Ахъ, какая душка! Полненькая такая. Я ужъ справлялся, подсылалъ сидѣлку, да нѣтъ: говоритъ, никакъ нельзя переговорить; въ корридоръ не выходитъ. А ужъ я доберусь, только бы въ садъ поскорѣй насъ пустили; да вотъ сыпь эта подлая все не проходитъ на лицѣ.

— Да, въ саду какъ можно! Тамъ просто рай насчетъ этихъ дѣловъ. Я вамъ скажу: я прошлаго года лѣтомъ здѣсь лежалъ, горло у меня болѣло. Тоже вотъ въ саду какая исторія вышла: двѣ изъ за меня подрались. Съ одной-то, изъ 17-й палаты, я въ перепискѣ состоялъ, а другая, бухгалтерова сестра, ужъ очень въ меня влюбилась, да все насъ и подкарауливала. Только разъ и застала она меня съ больной-то въ кустахъ. Я бѣжать, а онѣ и вцѣпись другъ дружкѣ въ волосья. Насилу розняли. Что-жъ вы думаете? До генерала доходили. А меня, какъ выписался, — въ часть. Да, вотъ она любовь-то чтò значитъ, а вы говорите: другую заведу. Двухъ имѣть нѣтъ хуже.

— Эй, господа! вдругъ закричалъ одинъ больной,—чтò я вздумалъ?

— Ну?

— Ежели теперь Маврѣ вручить четвертакъ на чай и спосылать ее на счетъ грѣшнаго дѣла въ кабачецъ. А? какъ вы думаете?

— Что-жъ, это можно, отозвались остальные.

— Ну, только Мавра-то, кажется, не пойдетъ: не дѣвочка, она вамъ досталась ходить, отвѣтила сидѣлка.

— Ну вотъ! Ну полно! Эка ты какая! Дура, ты разсуди только... загалдили больные, окруживъ сидѣлку.

— Да, дура, говорила она,—какъ же! Отвѣчай за васъ передъ начальствомъ. Нашей сестрѣ извѣстно что̀: за хвостъ, да палкой за эти дѣла. Вонъ, смотритель говоритъ намедни...

— Да полно тебѣ разсуждать! Получай полтинникъ и тащи намъ три косушки.

— Ну ужъ, дѣлать нечего. Только вы смотрите у меня,— сидѣть смирно!

— Ступай, ступай! ужъ мы знаемъ. Да огурцовъ захвати!

— Хорошо. На всѣ, что-ли?

— Извѣстно, на всѣ. Проворнѣй!

Сидѣлка накинула платокъ, захватила бутылку и ушла. Больные собрали карты, шашки, папиросы и усѣлись въ кучку.

— Ну, господа, въ ожиданіи водки — пѣсенку, только потише. Отче, начинай!

Больной съ длинной черной бородой откашлялся и затянулъ:

«Вѣнчаются кулички,
«Яко сусленички.
«Радуйся, саломатъ! (подхватили больные)
«Завтра каши наварятъ.
«Брюхо радуется.

Въ то же время въ другомъ концѣ корридора, въ крайней палатѣ, происходило слѣдующее: двѣ сидѣлки стояли у койки, на которой умирала женщина въ тифозной горячкѣ.

— Ну что̀-жъ съ ней теперь дѣлать? разсуждала одна изъ нихъ.

— За дежурнымъ нѣшто сходить?

— Ну и ступай!

— Что ты меня-то посылаешь? Ступай сама!

— Я знаю, за нимъ нечего ходить: онъ у смотрителя въ карты играетъ. Давеча еще говорилъ, чтобы попусту не безпокоить. Умретъ и безъ него. За фершеломъ сходить нужно.

— Фершелъ небось пьяный лежитъ. Его не добудишься.

— Ну, такъ чтò-жъ тутъ толковать! Тащи ее, сымемъ тюфякъ. Что его пачкать! Бери!

Сидѣлки принялись ворочать больную, но она вдругъ какъ будто опомнилась и забормотала:

— Пироги, пироги, пироги... пекла пироги...

— Ну, какъ же. Сейчасъ, замѣтила сидѣлка, — ишь ты когда вздумала! Тащи изъ подъ нея простыню! За ноги-то потяни! Да что-жъ ты? Тащи, что ли!

— Развѣ съ ней справишься! Ишь она, какъ колода лежитъ. Нѣтъ, постой, я за Петровичемъ схожу.

Пришелъ Петровичъ, сонный отставной солдатъ, и заворчалъ:

— Ну, чтò еще? А, дуры—бабы, чего не могутъ сдѣлать! А ты вотъ какъ, по нашему, по военному: разъ! Берись за тюфякъ, а я ее подъ мышки подхвачу. Съ Богомъ! Ну!

Между тѣмъ подошла какая-то больная старуха и, охая, смотрѣла на эту возню.

— Телушка ушла! закричала вдругъ умирающая.—Ушла! Бѣги за ней, бѣги скорѣй, бѣги!..

— Нѣтъ ужъ, голубка, упоздала, смѣясь сказалъ служитель,—не догонишь! Клади ее на доски! Такъ. Ну, вотъ и чудесное дѣло. Теперь умирай съ Богомъ!

ПИТОМКА.

Деревенскія сцены.

I.

По крутому краю большого глинистаго оврага пролегала полевая дорога, съ сухими, жесткими колеями, то спускаясь въ оврагъ, то цѣпляясь по самому гребню косогора. Въ оврагѣ кое-гдѣ росъ кустарникъ, кое-гдѣ стояли желтыя лужицы, надъ которыми роились столбы мелкихъ мошекъ. Солнце садилось; въ побурѣвшей ржи свистѣли перепела.

Шла проселкомъ молодая баба съ котомкою за спиной. На бабѣ было старое ситцевое платье, мужскіе опорки на босу ногу и бѣлый платокъ на головѣ. Шла она скоро, помахивая палочкой; иногда останавливалась, поправляла котомку, оглядывалась кругомъ и опять шла, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону, уставивъ глаза куда-то вдаль. А вдали виденъ былъ все тотъ же оврагъ съ порыжѣвшимъ бурьяномъ, да пестрыя полосы спѣющихъ хлѣбовъ.

Вдругъ, позади загремѣла телѣга. Въ телѣгѣ сидѣлъ мужикъ. Баба свернула съ дороги въ сторону и, не оглядываясь, пошла поскорѣй. Мужикъ, поровнявшись съ бабой, пріостановилъ лошадь и сказалъ:

— Путь-дорога! Куда Богъ несетъ?

Баба поклонилась и, не глядя на мужика, молча шла стороной.

Мужикъ посмотрѣлъ на нее, тряхнулъ шапкой и сказалъ:

— Эй, ты! тетка! Слышь, что-ль?

Баба все шла и молчала.

Мужикъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, покачалъ головой, сказалъ про себя «глухая», и вдругъ замахалъ руками, крича бабѣ:

— Ай ты глухая?

Баба остановилась и сказала:

— Чего тебѣ?

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Что-жъ ты не откликаешься? Видишь,—человѣкъ.

Баба недовѣрчиво глядѣла то на мужика, то на его лошадь.

— Садись, подвезу, сказалъ мужикъ.

Баба не рѣшалась.

— Садись, говорятъ. Дура!

Баба подумала, подумала и сѣла.

— Ну, вотъ, сказалъ мужикъ, — сиди! Соль тутъ у меня въ мѣшкѣ.

Баба подобрала подолъ и положила руку на мѣшокъ.

Поѣхали.

Немного помолчавъ, мужикъ спросилъ:

— Ладно, что ли?

— Ладно, потихоньку отвѣчала баба.

— То-то. А не хотѣла. Богу молиться ходила? опять спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ. Я вотъ... деревня такая есть... У меня прописана... И баба полѣзла-было къ себѣ за пазуху; однако ничего оттуда не достала, а только почесала подъ мышкой и прибавила:

— Бердяева деревня...

— Какое Бердяево?

— Бердяева... аль Гордѣева. Да, Гордѣева.

— Гдѣ-жъ это такое? Не слыхать что-то по здѣшней сторонѣ такой деревни. Кое же это мѣсто?

— А я не знаю.

Мужикъ обернулся къ бабѣ лицомъ и въ недоумѣніи спросилъ:

— Ты сама-то чья?

— Я дальная.

— Дальная. Зачѣмъ же ты идешь?

— А вотъ... дѣвочка у меня тутъ отдана... въ шпитонкахъ. Повидать дѣвочку-то бы мнѣ.

— А-а! Да, да. Такъ ты деревню-то и не знаешь?

— То-то не знаю. И спросить-то какъ-тоже не знаю.

— Ну, такъ. Сама-то изъ Серпухова будешь?

— Изъ Москвы.

— Московская. Да. Тоже не ближній свѣтъ. Да, да, въ раздумьи говорилъ мужикъ, и еще немного погодя спросилъ:— велика дѣвочка-то?

— Нѣтъ, махонькая.

— Ну, ничего, сказалъ мужикъ.—Дастъ Богъ, найдешь. Сиди! Ишь, ноги-то у тѣ!

Баба посмотрѣла на свои тощія, загорѣлыя ноги, неподвижно вытянутыя впередъ, и прикрыла ихъ платьемъ. Мужикъ задергалъ возжами и замахалъ хворостиной. Лошадь побѣжала шибче, звонко стуча своими нековаными копытами по сухой дорогѣ. Баба затряслась на мѣшкѣ и молча посматривала по сторонамъ. Солнце между тѣмъ уже сѣло, и въ полѣ поднялся вѣтерокъ. Впереди показались избы; дорога завернула куда-то въ сторону, пошла межами и совсѣмъ затерялась во ржи. Мужикъ, прислонившись къ передку и свѣсивъ руку, задумчиво постегивалъ хворостиной придорожныя травки и затянулъ-было пѣсню. Проѣхали еще такъ съ версту.

— Какъ деревню-то сказывали тебѣ? спросилъ онъ у бабы.

— ММ... Мокѣй... Мокѣева...

— Ну, вотъ, мы здѣсь спросимъ. Тутъ у меня пріятель есть такой... а! Настоящій купецъ. Ну, только и ёрникъ же.

Стали подъѣзжать къ деревнѣ. Дорога легла позади дворовъ, мимо гуменъ, потомъ пошла коноплянниками и вывела въ переулокъ, къ кабаку. Деревня была плохенькая, домовъ двадцать. Нѣкоторые только еще строились послѣ пожара и стояли безъ крышъ. Отъ новыхъ срубовъ пахло смолой и дымомъ. На улицѣ народу совсѣмъ не было; только на краю деревни три дѣвчонки сидѣли на завалинкѣ и, поджавъ подъ себя ноги, визжали во всю мочь:

«Шелъ изъ Питера штафетъ,
Присылалъ милой газетъ.
Я газетикъ полуцяла,
Съ издавольствіемъ цитала...»

Мужикъ остановилъ лошадь у кабака и спросилъ:

— Ты станешь, что-ли?

Баба замотала головой и отвѣтила;

— Нѣтъ, я не стану. Я посижу.

— О? А то пойдемъ! Что-жъ? ничего. Вѣдь озябнешь. Еще пять верстъ до ночлега.

— Нѣтъ, я не озябну.

— О? ну такъ сиди же, смотри. Я сейчасъ!

Мужикъ вошелъ въ кабакъ и, высунувшись изъ окна, крикнулъ бабѣ:

— А то огурчика? Вынести что-ль?

— Не стану.

— Солененькаго? а? Ты гляди, какіе огурцы-то. Ну, не надо. Сиди, сиди!

Къ телѣгѣ подошла собака, понюхала у лошади хвостъ и ушла опять на завалинку.

Въ кабакѣ засвѣтился огонь, и видно было, какъ мужикъ вылилъ шкаликъ въ стаканъ, выпилъ, утерся полою и, заговоривъ съ цѣловальникомъ, сталъ раздирать пальцами кусокъ вяленой рыбы. Видно было, какъ цѣловальникъ безымяннымъ пальцемъ скостилъ что̀-то на счетахъ, поглядѣлъ сонными глазами на свѣчку, почесался и вылѣзъ изъ-за стойки. Наконецъ, оба они вышли на крыльцо, и мужикъ сказалъ цѣловальнику:

— Глякась, какую я себѣ бабу везу.

— Да, баба ничего, зѣвая отвѣтилъ цѣловальникъ.

— Гм!.. сдѣлалъ мужикъ, залѣзая въ телѣгу.—А ты какъ объ насъ полагаешь? Ну, да ладно же. Прощай. Матри, коли што, такъ ты и тово, алибо што. Съ нашими тогда наказать можно. Гляди, не прозѣвай.

— На что̀ зѣвать, сказалъ цѣловальникъ:—съ Богомъ!

Лошадь тронулась.

— Ахъ, постой, братъ, постой! Какая тутъ такая вотчина есть Свербѣева господина? Не слыхать? Ай Гордѣева?

— Гордѣева, подтвердила баба.

Цѣловальникъ задумался.

— Не слыхалъ что-то. А тебѣ на что̀?

— Да вотъ молодкѣ-то моей туда было нужно, безпремѣнно нужно побывать. Дѣвочка у насъ съ ней тамъ есть. А то вотъ что̀. Ну-кось, какъ тебя звать-то?

— Анисьей

— Ну-кось, Анисья, покажи-кось ему, гдѣ у тѣ тамъ прописано. Онъ эти всѣ дѣла разберетъ.

Баба полѣзла-было за пазуху и задумалась.

— Что-жъ ты? сказалъ ей мужикъ.—Да ты небойсь, дура:

онъ не отыметъ. О, глупая! Онъ только глянетъ однимъ глазкомъ и все узнаетъ. На чтò ему твоя записка?

Баба послушалась, развернула тряпочку, достала оттуда лоскутокъ бумаги и отдала его цѣловальнику. Цѣловальникъ вошелъ въ избу, а мужикъ сталъ копаться въ какомъ-то лукошкѣ, приговаривая:

— Онъ разберетъ. Ишь, завязалъ: теперь ни въ свѣтѣ не развяжешь. Разберетъ. Какъ не разобрать. Мужикъ вострый. Не развяжешь. А, мухи те ѣшь! Развязалъ. Эй! какъ тебя? Анисья! На-ка, закуси! Неравно поѣсть захочешь, сказалъ онъ, сунувъ бабѣ два кренделя.—Ребятенкамъ везу. Они у меня охотники смертные. Что-жъ ты?

— Я не хочу, отозвалась баба.

— Ѣшь, дура, ничего.

— Я не хочу.

— Говорятъ: ѣшь, чортъ.

Баба взяла крендели, но не рѣшилась ѣсть.

Цѣловальникъ вышелъ на крыльцо.

— Ну, какъ дѣла? спросилъ его мужикъ.

— Тутъ написано—Цѣлибѣево. Это Борки должно быть.

— Борки. Это за Шелепихой? Знаю. Ну, теперь найдемъ. Будь спокойна! увѣрилъ онъ бабу. Она завернула опять бумажку въ тряпицу.

Въ полѣ совсѣмъ почти смерклось. Проѣхавъ деревню, мужикъ вытащилъ изъ-подъ себя зипунъ и отдалъ бабѣ, говоря:

— Возьми, укройся зипунишкомъ-то, все теплѣ.

Баба сказала—на чтò? однако одѣлась.

Немного погодя, мужикъ обернулся къ ней, посмотрѣлъ ей въ лицо и спросилъ:

— И чего-жъ ты давеча, глупая, испужалась?

— Когда?

— Когда! А какъ встрѣлся-то я тебѣ?

Баба ничего не отвѣчала.

— И есть ты баба, заключилъ мужикъ.—Глупый твой разумъ. Нѣшто мужикъ можетъ обидѣть? Эхъ, ты! И еще немного погодя прибавилъ:—вотъ дѣвочку твою найдемъ.

— Дай-то Господи, шепотомъ сказала баба.

— Гдѣ-жъ у тѣ хозяинъ?

— Померъ хозяинъ у меня, вотъ другой годъ пошелъ.

— Одна живешь?

— Одна. У купца въ стряпухахъ живу.

— Кто-жъ тебѣ записку далъ?

— Этотъ, писарь далъ.

— Какой писарь?

— А въ шпитательномъ. Я тамъ номерокъ выпрявляла.

— Ну?

— Ну, и сказалъ мнѣ этотъ писарь, что, слышь, въ деревню дѣвочка отдана въ шпитонки.

— А много ли онъ съ тебя взялъ?

— Сперва-то было пять цѣлковыхъ просилъ. Я ходила, ходила, три раза ходила. Первый-то разъ сказали: за шестьдесятъ верстъ въ деревню отдана, я и пошла.

— Ну, что же? Не нашла?

— Нѣтъ, нашла, да чужую, не свою. Моей-то четвертый годочекъ пойдетъ, а этой ужъ восемь лѣтъ.

— Значитъ, зря проходила?

— Зря.

— А въ другой?

— А въ другой опять записку дали, по Можайкѣ, за Можаемъ за городомъ еще за сто верстъ. Ну, тамъ сказали: померла, слышь, дѣвочка-то. И звать совсѣмъ не такъ. Моя-то—Прасковья, а эта—Анѳиса Егорова.

— Ну, писарь-то чтò-жъ говоритъ?

— Говоритъ: ошибка, говоритъ, вышла. Номера перепутали. Теперь, говоритъ, безпремѣнно найдешь.

— Пустое дѣло, замѣтилъ мужикъ. — А деньги все-таки взялъ?

— Денегъ я ему два цѣлковыхъ еще въ тотъ разъ дала, да полштофъ водки. Ну, на чаю тоже пропоила съ цѣлковый; да вотъ теперь пошла, цѣлковый рубь дала.

— Гм! да. Эти писаря тоже ловко вашу сестру обчищаютъ. Эхъ, сирота ты, сирота! погляжу я на тебя. Сиротское самое твое счастіе, заключилъ мужикъ и задумался. Баба тоже задумалась.

Спустя немного времени мужикъ тронулъ бабу пальцемъ и заговорилъ:

— Я тебѣ про себя разскажу, какъ меня эти писаря подвели. Нну! Надоумилъ меня тоже эдакій добрый человѣкъ вольную выправлять. А ты садись плотнѣй! Вотъ. Что-жъ ты крендели-то не ѣшь? Ну и надоумь онъ меня, человѣкъ-то этотъ. Вольный, говоритъ, будешь; въ купцы выписаться можно.—Вре?—Да пра, говоритъ. Ну, хорошо. Писарекъ тутъ одинъ мнѣ и подвернись.—Я, говоритъ, берусь. Пятнадцать цѣлковыхъ денегъ. Думалъ, думалъ, эхъ, въ ротъ молъ тѣ,—пиши! Написалъ. И то онъ мнѣ, я тебѣ скажу, написалъ, что меня за это за его письмо драли, драли... Можетъ, цѣлковыхъ на три объ меня хворосту одного обломали; да годъ въ острогѣ высидѣлъ. Такъ вотъ они, писаря-то. И гляди на нихъ.

Пріѣхали въ какую-то деревню ночевать. Остановились у одной избы. Мужикъ постучалъ въ окно. Впустили. Хозяева только было сбирались ложиться. Баба вошла въ избу, а мужикъ пошелъ отпрягать лошадь. Самъ хозяинъ еще не ворочался съ поля.

Въ избѣ было душно, мухи жужжали и лѣзли въ лицо. На печи охала старуха; а вся семья была въ клѣти. Хозяйка вошла въ избу и, доставая изъ рукава блоху, спросила:

— Огурцы хлебать станете, что-ли?

— Я не стану, отвѣчала баба.

— Ну, а коли ложиться, ложитесь. Ты, небось, молодка съ хозяиномъ съ своимъ?

Въ это время вошелъ мужикъ съ мѣшкомъ и съ лукошкомъ.

— Ну, вотъ, лошадкѣ кормецу засыпалъ, незомь пожуетъ, говорилъ онъ про себя.

— Что у васъ, хозяйка, въ печи-то припасено что̀, ай нѣтъ?

— Мы нонѣ не топили, отвѣчала хозяйка.

— Ну, ничего. Мнѣ только бы кваску испить. Господи бослови! говорилъ онъ, зачерпнувъ ковшикъ.—Радъ, до квасу-то я дорвался. Рыба эта, неладно ей будь, рыба-то ужъ очень въ кабакѣ... ржавая. Обопьешься. Квасъ должно молодой?

— Молодой, не устоялся.

— То-то, не киселъ. Нукось, еще ковшичекъ зачерпнуть. Не киселъ. О, мать, Просвятая Богородица! Съ соленаго-то пьется.

— Я бай, вмѣстѣ стелиться станете? зѣвая спросила хозяйка.

— Кто? мы-то что-ли? Нѣтъ, мать, мы врозь. Мы нонѣ съ ней, я тебѣ скажу, вотъ какъ: чтобы ни отнюдь. Говѣемъ.

Хозяйка не поняла и, улыбаясь, спросила:

— Что-жъ такъ?

— А такъ; потому спасаться хотимъ. Вотъ что.

— Чудно, сказала хозяйка и покачала головой. — Нешто вы....

— Да ну васъ совсѣмъ! вдругъ отозвалась съ печи старуха. — Грѣховодники! Ты и рада, дѣвка, языкъ-то чесать, заворчала она на хозяйку.

— Что̀ мнѣ радоваться? отвѣтила хозяйка.

— Постыдились бы хоть крошечку. Завтра праздникъ.

— А ты, старушка, помалчивай, сказалъ мужикъ.—Лежи знай!

— Я лежу, голубчикъ, лежу.

— Ну, и слава Богу, коли лежишь. И мы ляжемъ. Анисья, ты въ сѣняхъ, что-ли?

— Я въ сѣняхъ.

— Ну, а я пойду на дворъ. Коня напоимъ. Хозяйка, гдѣ тутъ бадья-то у васъ? Ты у меня, Анисья, смотри, чтобъ спать. Больнѣй старайся спать. Завтра раньше вставать, говорилъ онъ, уходя изъ избы.

Ночью звѣзды свѣтили на дворѣ. Въ клѣти слышно было торопливое дѣтское дыханіе и старуха въ избѣ возилась и охала вплоть до самаго утра.

Баба вскочила ни свѣтъ, ни заря и собралась-было уходить. Мужикъ проснулся, глядитъ: баба отворяетъ калитку.

— Куда ты?

— Да нѣтъ, ужъ я пойду.

— Ахъ ты, оглашенная! Что̀ мнѣ съ тобой дѣлать? Куда тебя несетъ этакую рань?

— Да по холодку-то лучше.

— Не ходи, говорятъ. Вмѣстѣ поѣдемъ.

Баба осталась.

Солнышко взошло—поѣхали дальше.

Около полудня увидали большое село на пригоркѣ, съ деревянной церковью и садами, спускавшимися къ рѣчкѣ.

— Вотъ они, Борки! сказалъ мужикъ, указывая хворостиной на село.

Баба молча пристально глядѣла впередъ.

— Народъ тоже со всячинкой, продолжалъ мужикъ, какъ будто разсматривая что̀-то впереди.—Хвалить нельзя. Первые кулаки въ свѣтѣ. Всю поселенную изойдешь—такихъ еще не найти. Тоже торговлю у себя имѣютъ, а хлѣба нѣтъ. Больше на счетъ лошадей стараются. Нонѣ гуляютъ, — праздникъ. Что̀-жъ имъ? Дѣло ихъ базарное. Кабакъ-отъ вотъ онъ!

Немного не доѣзжая до села, мужикъ остановилъ лошадь; баба слѣзла.

— Ну, теперь съ Богомъ, сказалъ мужикъ.—Дай Богъ!

Баба подвязала котомку и собралась-было идти. Мужикъ сталъ поправлять колесо, и, заглядывая подъ телѣгу, сказалъ:

— А косушечку съ тебя бы нужно за провозъ, для праздника.

Баба вернулась.

— Садись, я тебя до кабака довезу, такъ и быть. Что̀ съ тобой дѣлать? Но! закричалъ онъ на свою лошадь. Эхъ, молодость! Гляди, какъ запалимъ.

Телѣга живо подлетѣла къ кабаку и остановилась у крыльца. Тутъ уже народу толпилось довольно. Одни сидѣли на завалинкѣ, другіе стояли, запустивъ руки въ карманы и смотрѣли на улицу.

Отставной солдатъ въ ситцевомъ нагрудникѣ погромыхивалъ на гармоніи.

— Эка, братцы мои, житье-то у васъ! говорилъ мужикъ, слѣзая съ телѣги.

— У насъ, братъ, житье, отвѣчали мужики, куря трубки.

II.

Послѣ обѣда народъ гулялъ на селѣ; въ разныхъ мѣстахъ собирались кучки; въ проулкахъ между дворовъ бабы пѣсни играли. Мужики все больше жались къ кабаку. Тутъ на площадкѣ орлянка шла отчаянная.

Пріѣзжая баба, Анисья, ходила по дворамъ и все спрашивала:

— Нѣтъ ли тутъ дѣвочки такой, Прасковьей звать?

— Какой дѣвочки? спрашивали ее бабы.

— Такъ, вутэдакинькая; четвертый годочекъ. Въ шпитонки взята.

— Нѣтъ что-то нѣтъ такой, отвѣчали бабы.

— Тебѣ шпитонку, что ли?

— Да.

— А вотъ у Семушкиныхъ взята дѣвочка.

— Что ты зря-то болтаешь—у Семушкиныхъ? Тоё замужъ скоро отдавать.

— Ну, что-жъ? Не вѣкъ же ей въ дѣвкахъ сидѣть.

— Да ты слышишь, махонькую нужно.

— Мало бъ ты что̀ захотѣла. Гдѣ-жъ ее взять, коли нѣтъ? Ты бы родила да и дала ей, коли ужъ ты добра очень.

— Что ты меня-то родить посылаешь? Впередъ на свой хвостъ оглянись.

— Мнѣ глядѣть нечего. Узоры не велики.

— Вотъ то-то и есть.

— Ты, милая, ворожишь, что ли?

— Нѣтъ, я не ворожу. Мнѣ - было вотъ дѣвочку.

— О! А мы думали—ты ворожишь. На что̀-жъ тебѣ дѣвочку?

— Дочка она мнѣ.

— Дочка?

— Да, бѣленькая такая. Паранюшка.

— Нѣтъ, не знаю. Вонъ дѣвочка шпитонка бѣгаетъ, кургузая-то, вонъ! Подолъ на голову задрала. Ахъ ты подлая! Акуль! Акулька-а?

— Народятъ робятищевъ да и раскидаютъ по чужимъ дворамъ, ворчала старуха, сидя у воротъ.

— Ходютъ! шлёнды московскія, право. Взяла бы васъ изъ поганаго ружья застрѣлила. Суки!

На лужайкѣ, противъ церкви, сидѣли бабы, въ красныхъ рубашкахъ. Одна говорила:

— Лежу я, дѣвка, такъ-то и думаю:—какъ бы мнѣ не проспать! А сонъ это меня схватитъ, схватитъ, да какъ ударитъ; я и вскочу. А ночь темная, растемная. Забылась я чуточку и вижу, быдто я хлѣбы въ печку сажаю. Хлѣбы такіе бѣлые. Матушка быдто стоитъ эдакъ, подпершись. Какіе, говоритъ, у насъ хлѣбы-то удались, ровно какъ пшеничные. А я тороплюсь, сажаю. Какъ бы духъ-отъ изъ печки не вышелъ, боюсь до смерти. Вдругъ, откуда ни возьмись,— свинья, пестрая, да большущая, схватила одинъ хлѣбъ и убѣгла. Я за ней: ахъ-ахъ-ахъ, ахъ-ахъ-ахъ, все бѣгу, все бѣгу, никакъ не догоню. И ужъ сама себя не помню, полемъ все какимъ-то бѣгу, да все спотыкаюсь; кочки тутъ какія-то, ямы нарыты. А свинья эта обернулась ко мнѣ и говоритъ:—нѣтъ тебѣ ничего! Посмотрѣла я на нее, а она страшная, разстрашная; зубы у ней вотъ эдакіе... Я такъ вся и затряслась... Батюшки мои! да какъ закричу и проснулась. А хозяинъ меня въ бокъ толкаетъ. Что ты, дура, орешь? Я бабкѣ сказываю, она говоритъ: это кто нибудь изъ родни помретъ.

— А я вотъ, говорила другая баба,—третью ночь все свекра покойника свово вижу. Вижу, быдто мету я избу, а онъ покойникъ, царство небесное, все меня сзади хватаетъ. Я оглянусь, что молъ ты, батюшка? а онъ мнѣ: ничего, говоритъ, мети, мети знай!

— Да чтой-то, бабы, никакъ эта пріѣзжая-то сюда идетъ?

— И то, никакъ сюда.

— Ну, что, голубка, не нашла дѣвочку-ту?

— Нѣтъ, все не найду.

— А ты бы къ ворожеѣ сходила. У насъ тутъ не далеко старушка живетъ. Она бы тебѣ погадала.

— Да ужъ ходила я къ нимъ: обѣщали вѣрно, а все нѣтъ. И у Сергія-то чудотворца два раза была.

— Ты бы въ правленіе еще сходила,—чтò писарь скажетъ. Пойдемъ, я тебя сведу, вызвалась одна баба.

Пошли.

— У насъ тоже, я тебѣ скажу, говорила провожатая,—сладость то не бознать какая. Девять душъ! Шутка. Робята мараются. Однихъ рубахъ не напасесси. Постокась; мы у мужиковъ спросимъ.

Мужики стояли кучей между кабакомъ и волостнымъ правленіемъ. Разговоръ у нихъ былъ слѣдующій:

— Что-жъ, извѣстно, наше дѣло такое.

— Чтò и говорить.

— Нѣтъ, вы, братцы, солдата спросите; онъ-то чтò тутъ?

— Я чтò? спрашивалъ солдатъ.

— Да; ты-то чтò?

Солдатъ подбоченился, наморщилъ брови и спросилъ:— За Дунаемъ былъ?

— Нѣтъ, не былъ.

— Ну, стало быть, нечего мнѣ съ тобой и толковать.

Одинъ пьяный мужикъ стоялъ среди улицы и, кланяясь другому, говорилъ:

— Вы наши отцы, а мы ваши дѣти. Отецъ милосердай!

А другой посмотрѣлъ на бабъ и сказалъ:

— Эти что, поганки-то, ходютъ здѣсь?

— Я милосердъ, закричалъ пьяный мужикъ.

— Брысь вы, шилохвостыя!

На крыльцѣ волостнаго правленія тоже сидѣли мужики. Бабы подошли къ нимъ.

— Степанъ Егорычъ гдѣ? спросила провожатая.

— А тебѣ на что̀?

— Да вотъ этой молодкѣ нужно на счетъ дѣвочки.

— Небось пьяный лежитъ Степанъ Егорычъ-то вашъ, а то у старшинѣ.

— Тебѣ, тетка, дѣвочку? спросилъ кузнецъ.

— Да, дочку-было.

— Скоро нужно?

Баба обрадовалась.

— Да поскорѣй-то бы лучше. Очень ужъ я...

— Ишь ты, какая проворная!

Мужики захохотали.

Пріѣзжая баба отправилась къ старшинѣ. Писарь въ это время сидѣлъ за столомъ и говорилъ:

— Они безъ меня шагу ступить не могутъ. Такъ ли я говорю?

— Это вѣрно, отвѣчалъ старшина, разбивая на лавкѣ камнемъ орѣхъ.

— Я говорю, продолжалъ писарь,—васкбродіе, позвольте мнѣ въ отпускъ! А онъ: я, говоритъ, тебѣ, собачій ты сынъ, такой отпускъ задамъ—ты у меня своихъ не узнаешь.

— Тамъ васъ, Степанъ Егорычъ, баба спрашиваетъ, сказала жена старшины.

— Какая баба?

— А я не знаю.

— Посылай ее сюда!

Вошла пріѣзжая баба.

Старшина положилъ камень на окно и спросилъ:

— Что ты?

Баба поклонилась.

— Здравствуйте!

— Ну, здравствуй! Чего же тебѣ нужно?

— Къ вашей милости.

— Не слѣпые: видимъ, что къ нашей милости. Какое такое твое дѣло? спросилъ писарь.

Баба подперлась рукой на щеку, посмотрѣла на старшину, потомъ на писаря, заморгала, заморгала глазами и повалилась въ ноги.

— Говори толкомъ! Что валяться-то? сказалъ писарь.

Баба поднялась и, стоя на колѣняхъ, сказала:

— Дѣтица моя отдана въ чужіе люди. Не найду.

— Ну такъ что-жъ?

— Нельзя ли въ книжкѣ посмотрѣть? Шпитоночка она.

— То-то вотъ, сказалъ писарь,—дуры вы. Ходите безо время. Нештo не знаешь, грѣхъ въ праздникъ ходить.

Баба молча поклонилась.

— Это не дѣло, замѣтилъ старшина.—Надо время знать.

— Отцы вы наши сиротскіе! шопотомъ сказала баба.

— Нечево отцы. Отцы, да не ваши, отвѣчалъ писарь.

Старшина подошелъ къ бабѣ и, покачиваясь надъ ней, сказалъ:—вотъ вы грѣшите, а начальство за васъ отвѣчай.

Баба, стоя на колѣняхъ, посмотрѣла на него.

— Вотъ чтò, прибавилъ старшина и опять сѣлъ.

Баба встала и собралась-было уходить.

— Ну, да ладно, приходи ужо ко мнѣ въ правленіе, сказалъ ей писарь.—Бѣда мнѣ съ вами!

— Чтò станешь дѣлать, заключилъ старшина. — По глупости прощается.

Баба ушла.

На краю села стояла старая избенка, безъ крыши, съ однимъ окномъ. У воротъ торчала опрокинутая соха. Въ сумерки, пріѣзжая баба подошла къ этой избѣ и постучала въ окошко. Тамъ кто-то закашлялъ и спросилъ:

— Кто тамъ? Иди на дворъ!

Баба отворила калитку и вошла. По двору ходила овца. Въ сѣняхъ крыши тоже не было. На верху, въ слегахъ, копошились воробьи. Изъ избы послышался голосъ:

— Отыми, дверь-то отыми!

Баба попробовала-было отпереть, но дверь была безъ петель и повалилась въ сѣни.

Въ избѣ, на лавкѣ, у самаго входа, на зипунѣ, лежала больная женщина.

— Что̀ ты? спросила она.

Пріѣзжая баба посмотрѣла вокругъ и сказала:

— Писарь говорилъ: дѣвочка у васъ тутъ есть...

— Есть, есть дѣвочка. Хвораетъ, какъ я же. Замучила лихоманка. Ты мать что ли ей? Казенная она у насъ. Коли мать—возьми! Самимъ ѣсть нечего.

Больная встала съ лавки, охая натянула зипунъ и вышла въ сѣни, говоря:

— До новаго хлѣба далеко, а старый еще къ Святой пріѣли. Все кое-какъ, по чужимъ людямъ; да хворь-то пуще всего... О-охъ!—Вотъ она лежитъ. Парань! а Параня! Мать пришла, гляди-ка сюда!

Въ сѣняхъ, на доскѣ, лежала въ жару трехлѣтняя дѣвочка, обернутая въ тряпье. Больная женщина подняла мѣшокъ, которымъ была покрыта дѣвочка, и показала ее пріѣзжей.

— На, вотъ, смотри! Она что ли?

Дѣвочка открыла глаза, съ испугомъ взглянула на бабу и застонала.

— Не видать мнѣ тутъ, говорила пріѣзжая.—Темно.

— Постой я къ свѣту вынесу. Паранюшка! встань, ягодка ты моя! Головка болитъ, говорила больная, подымая дѣвочку и вынося ее на дворъ; больная сѣла на порогъ, а пріѣзжая припала къ ребенку и торопливо стала его разглядывать Дѣвочка лежала на колѣняхъ, закинувъ назадъ горячую голову, съ закатившимися глазами и раскрытымъ ртомъ.

— Охъ, не узнаю я такъ-то, говорила баба.—Поверни-ка ты ее вотъ этакъ, на бочекъ. На правомъ боку родинка тутъ у ней.

— Постой, постой, говорила больная.—Повернись чуточку! вотъ такъ! Не бось! Мать тебѣ пирожка принесла. Не бось, милая! Что, есть что-ли?

— Нѣту.

— Ну, дѣлать нечего. Видно не она, сказала больная и понесла дѣвочку въ сѣни.

Пріѣзжая баба постояла на одномъ мѣстѣ, поводила глазами по двору, потомъ подошла къ двери и сказала: ну, прощай! и вдругъ ударилась объ землю и зарыдала.

— Дочка ты моя милая! дѣтища ты моя ненаглядная! причитала она, лежа на порогѣ и ухвативъ обѣими руками свою дорожную палочку. Котомка на ней тряслась, платокъ съѣхалъ съ головы.

Больная женщина подошла къ двери, посмотрѣла, посмотрѣла на пріѣзжую, сама припала къ ней и стала уговаривать:

— Ну, что ты? ну, что? дура! дура! не плачь!

— Охъ, очень ужъ у меня накипѣло, на сердцѣ-то накипѣло... Со вчерашняго съ утра вотъ этакой крошечки во рту не было...

— Постой, я тебѣ хошь водицы принесу, сказала больная и пошла за водой.

Баба между тѣмъ встала, оправилась и повязала платокъ.

— Ну, я пойду, сказала она, хлебнувъ изъ ковшика воды.

— Куда-жъ ты?

— Нѣтъ, пойду. Не могу я здѣсь.

И пошла опять, вдоль села, той же дорогой, какой пріѣхала.

НОЧЛЕГЪ.

Подгородныя сцены.

На дворѣ стояла оттепель. Смеркалось. По опустѣвшимъ городскимъ улицамъ кое-гдѣ бродилъ народъ. Запоздавшіе на базарѣ мужики, лежа въ саняхъ, перекликались и погоняли лошадей. На самомъ краю города, въ харчевнѣ виднѣлся огонь. У крыльца, на площадкѣ, густо покрытой навозомъ, стояли извозчичьи и крестьянскія сани. Свѣтъ, полосою падавшій изъ окна, освѣщалъ шаршавые бока лошадей, угрюмо мотавшихъ мокрыми хвостами, и наблюдавшаго за лошадьми мальчишку въ полушубкѣ.

Рядомъ съ харчевнею, въ ворота постоялаго двора въѣзжали мужики. На дворѣ виденъ былъ фонарь, висѣвшій на перекладинѣ, и нѣсколько крестьянскихъ саней. Въ избѣ тоже свѣтился огонь. Хозяйская работница накрывала на столъ и сбирала ужинъ. Человѣкъ пять мужиковъ сидѣло по лавкамъ; одинъ изъ нихъ разувался и вытаскивалъ изъ сапогъ солому, другой полѣзъ-было на печь, однако слѣзъ—на печи лежалъ хозяинъ пьяный. Между тѣмъ въ избу все входили вновь пріѣхавшіе мужики; по низу изъ двери стлался паръ; въ сѣняхъ хозяйка выдавала овесъ.

— Щецъ что ли влить, али впередъ квасъ станете хлебать? спрашивала у мужиковъ работница.

— Мы все станемъ, отвѣчалъ одинъ.

— Подавай, чтò есть, прибавилъ другой.

Работница поставила на столъ чашку съ квасомъ, мужики помолились на образа и сѣли. Вошла хозяйка съ фонаремъ и сказала:

— Хлѣбъ да соль!

— Просимъ милости, отвѣтилъ одинъ изъ мужиковъ, высыпая въ чашку накрошенную рыбу.

— Огурчика-бы, въ полголоса замѣтилъ другой.

— Нѣту, родимый, нѣту — прокисли, отвѣтила хозяйка.— Мало соли, что ли, ужъ не знаю. Скотинѣ покидали, и скотина не ѣстъ. Такая мнѣ право досада съ этими съ огурцами; кабы знала, легче бы не солила.

Мужики молча стали хлебать квасъ.

— Это кто-жъ у васъ, хозяйка, на печи-то лежитъ? спросилъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ.

— Хозяинъ лежитъ, родимый, хозяинъ. Грѣшнымъ дѣломъ тоже выпилъ, ну и спитъ. Не зомь его.

— Что-жъ онъ у васъ-дерется? спросилъ другой.

— Нѣтъ, драться онъ не дерется, а тоже со временемъ озарничать лютъ. Чрёзвый онъ у насъ смиренъ; такъ смиренъ, настоящій анделъ, хошь паши на немъ; ну а выпьетъ— всѣхъ распужаетъ.

Въ это время вошли только что пріѣхавшіе, помолились, сказали «хлѣбъ да соль» и начали раздѣваться.

— Кирсановски будете? спросилъ одинъ изъ вновь вошедшихъ.

— Нѣтъ, мы Духовщински, не глядя отвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ.

— Давно ли изъ двора?

— Пяты сутки.

— Ну какъ дорога?

— Что̀, дорога? Дорога нонѣ вездѣ одна.

— Дорога, братъ, Сибирь, добавилъ другой.

— Лошадей такъ сморили, такъ сморили, — ни на что̀ не похоже. Нонѣ утромъ встали, вышелъ я лошадей попоить; а онѣ, братъ, за овесъ-то и не примались.

— Какъ не сморить. Пуще всего моча одолѣла. Эдакой мочи то-есть и не видано. Все наровимъ засвѣтло ночевать. Теперь ночью гдѣ въ зажорѣ застрялъ—бѣда. Пропадешь.

— Пропадешь. Долго ли до грѣха.

— Ночью, какъ можно? сказалъ одинъ, развѣшивая надъ печкою онучья.—И днемъ-то не приведи Господи, а не токма что ночью. Тоже и скотину беречь нужно. Дорогой-то ѣдешь, почитай, что все на себѣ везешь.

— Скотину не беречь, что-жъ тогда будетъ? замѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ и прибавилъ:

— Лапши нѣту?

— Нѣтъ, лапши нѣту, отвѣтила хозяйка.—Мы картофь варили.

— Давай картофь! Съ чѣмъ онъ у васъ, съ масломъ?

— Съ хлѣбцомъ, родимый. Хлѣбъ у насъ мягкій, — нонѣ пекли.

Мужикъ ничего не сказалъ и тряхнулъ волосами.

— Вотъ, говорятъ, скотина, началъ мужикъ, сидѣвшій въ углу на лавкѣ. — Скотина, скотина, а тоже понимаетъ, что тяжко. Везетъ, везетъ, да оглянется. Я, молъ, что ты? ай подсобить? Она мордой-то вотъ этакъ. Стало быть, вотъ тоже понимаетъ; сказать только не можетъ, а ты долженъ догадаться.

— Извѣстно, скотина не скажетъ, опять замѣтилъ сидѣвшій за столомъ. — Ну, и впрочемъ... кваску бы хозяйка.

— Сичасъ, сичасъ, заторопилась хозяйка.

Работница накрыла на другомъ концѣ стола другой ужинъ. Вновь пріѣхавшіе сѣли.

— А солдатъ-то нашъ гдѣ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Тамъ, въ возу что-то копается. Я его кликала, отвѣтила работница.

— Сходи, умница, покличь еще! Скажи: иди молъ ужинать проворнѣй.

Работница пошла-было за солдатомъ, но встрѣтилась съ нимъ въ дверяхъ.

— Вотъ онъ, солдатъ-то, когда намочился, говорилъ отставной солдатъ, входя въ избу.

— Иди, садись, сказали ему мужики.

— Постойте, братцы; дайте срокъ. Уморился до смерти съ товаромъ-то съ своимъ. А! хозяйка! Старушка—Божій даръ— здорово! Ай не узнала?

— Какъ не узнать? Старый хрычъ. Все еще живъ?

— Живъ Богъ, жива душа моя.

— Куда это тебя носило?

— Да все по торговымъ дѣламъ.

— Купецъ!

— Сокрушила меня эта торговля, пропади она совсѣмъ. Ничего не стоитъ. Хозяинъ-то гдѣ-жъ?

— Вонъ, порадуйся, на печи лежитъ дитятко. Налопался, спитъ.

— Что-жъ? это ничего. Пройдетъ. Это не вредно. Ахъ, намочился! Влетѣли въ канаву, вотъ по этихъ мѣстъ окунулся. А что, солдату погрѣться водочки не будетъ?

— Какъ не быть.

Солдатъ выпилъ и спросилъ:

— А закуски не полагается?

— Кто ее припасалъ для тебя, закуску-то! Нешто у насъ кабакъ?

— Ну, ничего, мы языкомъ закусимъ. Нѣтъ, ты слушай, Матвѣевна, какъ мы влопались-то, я тебѣ разскажу! На-кось, повѣсь посушить! Какъ влопались—въ лучшемъ видѣ. Я вчерась еще говорю: вы, говорю, у меня, мужики, не дремать. Они лошадей, знаешь это, распустятъ, и знать ничего не хотятъ. А я ужъ тоже твердо знаю ихъ эту мужицкую привычку; кричу имъ: ребята, не отставай, дружнѣй! потому тутъ, упаси Господи, всѣхъ лошадей перетопишь. А Ѳедюшка—подлецъ, вотъ онъ, рыжій-то. Что̀ ты глядишь? у!—я это съ товаромъ-то съ своимъ, а онъ, братъ, вонъ дѣ, за версту отсталъ; гляжу—дрыхнетъ. Ахъ, чортъ-то васъ возьми совсѣмъ! Я одинъ и остался. Лошаденку разогналъ да такъ весь, какъ былъ, и съ потрохомъ своимъ влопался какъ чортъ. Главная причина: очень ужъ дрыхнуть здоровы. Такъ спятъ, такъ спятъ, просто ни на что̀ не похоже.

Мужикъ захохоталъ.

— Ха-ха-ха! Что ты ржешь-то какъ кобыла на овесъ?

— Да. Поработалъ бы ты съ наше; поглядѣлъ бы я, какъ бы ты сталъ храбриться, отозвался одинъ мужикъ.

— Вы молите Бога, что не я у васъ бурмистромъ, а то бы я вамъ показалъ, какъ спать.

— Ну, да ладно. Аника—воинъ! Садись ужъ! Вона она, ложка-то.

— Сѣсть я сяду, а васъ учить надо.

— Выучилъ такой-то одинъ.

— Такой, да не эдакой. Вотъ что̀. Съ чѣмъ же картофь-то у васъ, Матвѣвна?

— Извѣстно, съ чѣмъ,—съ хлѣбомъ.

— А масла-то что-жъ?

— Еще масла. Ишь ты, моду какую выдумалъ! Картофь съ масломъ. Модникъ! Вонъ мужички не хуже тебя, а съ хлѣбцомъ покушали.

— Пускай кушали, а я не хочу.

— А ты что за графъ за такой?

— Извѣстно графъ.

— Какой такой?

— Бранденбургскій.

— Какой?

— Бранденбургскій. Вотъ-тѣ и все тутъ. А ты не знаешь?

— Не знаю, да я и знать не хочу. А ты этихъ словъ за столомъ у меня не смѣй говорить. Что ты охальничаешь, въ самомъ дѣлѣ? Старый ты человѣкъ, тебѣ бы Богу молиться, а ты озорничать.

— Глупая ты баба! Ничего ты не понимаешь.

— Не понимаю я? Нѣтъ, я все понимаю. Безсовѣстный, право безсовѣстный! Кушайте, родимые, на доброе здоровье, говорила мужикамъ хозяйка, ставя на столъ жаренаго леща.

— Что-жъ, масла не дашь?

— Не дамъ.

— Наплевать, коли такъ. Подавай мнѣ каши!

— Ну, ты не командуй, сказала хозяйка.

Въ это время кто-то постучалъ въ окно.

— Кто тамъ? спросила она, подходя къ окну.

— Ночевать пущаете, что-ль? спросилъ съ улицы мужичій голосъ.

— Пущаемъ, родимый, пущаемъ. Много ли васъ?

— Одинъ, матушка, пишкавой. Въ городу запоздалъ. Пустите Христа ради!

— Мы, голубчикъ, Христа ради не пущаемъ.

— Да я поплачусь. Что-жъ, чай больше семитки за ночлегъ не положите?

— Ужинать станешь?

— Нѣтъ, я ужинать не стану. Признаться, хлѣбушка на базарѣ купилъ—пожую.

Хозяйка было задумалась.

— Пущать, ай нѣтъ?

— Пусти! сказали мужики.—Дѣло народное. Мы къ лошадямъ спать пойдемъ.

— И то, сказала хозяйка.—Акулина, подь, пусти его!

Немного погодя вошелъ мужикъ въ старомъ полушубкѣ и въ лаптяхъ.

— Хлѣбъ да соль!

— Просимъ милости, промычали мужики.

Прохожій постоялъ молча середь избы, утеръ рукавомъ бороду и повѣсилъ шапку на гвоздь. Мужики ѣли леща и изъ подлобья посматривали на прохожаго.

— Дальной? спросила хозяйка.

— Фу, дальной, матушка, дальной, отдувшись, отвѣтилъ мужикъ и, отойдя къ сторонкѣ, принялся шарить у себя въ карманѣ.

— А пироги съ медомъ будутъ? спросилъ солдатъ, обсасывая рыбью голову.

— Ухватъ вонъ еще у меня припасенъ для тебя подъ печкой.

Солдатъ засмѣялся.

— Это бабье ружье-то? Знаемъ. Эхъ, Матвѣвна!

— Что Матвѣвна? Я давно Матвѣвна.

— То-то давно. Давно бы пора тебѣ понять, дура.

— О, старый шутъ! Право. Лѣзь на печку-то скорѣй.

Солдатъ залѣзаетъ.

— То-то, гляди, со слѣпу-то еще не попадешь.

— Небось! Солдатъ попадетъ, не ошибется.

— Да ну тебя! грѣховодникъ! Уйди!

— Эхъ, Матвѣвна! сказалъ бы я тебѣ такое слово одно... Ну, да дѣлать-то видно нечево. Съ горя хоть трубочки покурить.

Хозяйка что-то не разслушала и пошла въ каморку, а мужики стали вылѣзать изъ-за стола и напустились на квасъ. Работница собирала остатки ужина. Мужики сбились въ кучу и, почесываясь, начали промежъ себя разсуждать:

— Что-жъ, спать, что ли?

— Куды эдакую рань?

— А по мнѣ хошь спать, такъ въ ту же пору.

— Потить лошадей поглядѣть.

— Какъ тебя зовутъ-то, молодая? Акулина, ты мои портянки пуще глазу береги. Слышишь?

— Ладно. Ступайте хушь на дворъ-то. Тѣснота.

— А я вотъ тутъ, гляди сюда! Видишь, вотъ тутъ у меня тряпица виситъ. Чтобы сохранно. Гляди, на тебѣ спросится.

— Да ну, ладно.

— То-то ладно.Потомъ судись съ вами. Что съ тебя взять?

— Не пропадетъ. Ишь, бархатъ какой.

— Бархатъ и есть. Всякому свое мило.

— Всякому, братъ, своя сопля солона, замѣтилъ прохожій.

— Извѣстно, солона, подтвердили мужики и пошли на дворъ.

Солдатъ съ трубкою остался въ избѣ. Прохожій сидѣлъ на лавкѣ и вздыхалъ.

— Почтенный, ты табакъ куришь? спросилъ солдатъ у прохожаго.

— Нѣтъ, не курю; мы къ этому не пріучены.

— Что-жъ такъ?

— Такъ, что не пріучены.

— Напрасно.

— Напрасно ли, нѣтъ ли, ужъ не знаю; а вотъ на дудкѣ я въ стары годы мастеръ былъ играть. Это точно.

— Въ пастухахъ жилъ?

— Въ пастухахъ.

Въ это время мужики другъ за дружкой входили въ избу. Одинъ принесъ хомутъ сушить. Кто полѣзъ на полати, кто такъ остался на лавочкѣ посидѣть. Пошла зѣвота.

— Да, пастухи это и у насъ тоже на дудкѣ играть здоровы, сказалъ одинъ, залѣзая на полати.—Жилейка это, значитъ.

— Ну, вотъ, самая она, подтвердилъ прохожій.

— Знаю. Сейчасъ это лычкомъ навернетъ, сидитъ подъ кустикомъ, туру туру. Сс! Ухитритъ же его! И то сказать: вѣдь скука. Ну, а какъ у васъ... жить-то какъ?

— Что-жъ жить? Ничего. Какъ ни какъ, а жить надо.

— Это что̀ говорить. Все Божья воля.

— Да. Хорошо тебѣ говорить—Божья воля, вверхъ воронкой-то лежишь, сказалъ прохожій.

— Что-жъ я и всячески скажу. Противъ Бога, братъ, ничего не сдѣлаешь. Это ты оставь думать.

— Такъ-то оно такъ, сказалъ прохожій.

— То-то вотъ и есть.

Вошла хозяйка.

— Матвѣвна, сказалъ солдатъ,—чтобы тебѣ догадаться солдату бражки поднести. Ахъ, недогадлива баба-то у насъ!

— Тоже бражки. Охъ ты, воръ—красны глаза. Ужъ выпроситъ. Акулина, нацѣди ему! Что̀ съ нимъ дѣлать? А тебѣ чего? спросила она у прохожаго.

— А я гляжу, гдѣ тутъ солоница-то у васъ? Хлѣбушка тоже пожевать захотѣлъ.

— Вонъ она, въ столѣ. Да постокась я тебѣ, такъ и быть, ужъ щецъ волью. Можетъ, Богу за насъ помолишься. Человѣкъ ты, я вижу, битый.

— Охъ, кормилица, дай тебѣ Господи добраго здоровья, обрадовавшись, сказалъ мужикъ, и началъ распоясываться.

— Еще какой битый-то, я тебѣ скажу.

— О?

— Да ей-Богу.

Работница принесла ковшикъ браги, а хозяйка налила щей и поставила на столъ. Прохожій сѣлъ. Солдатъ у стола, глядя въ огонь, курилъ трубку. Хозяйка тоже подсѣла къ столу.

— Ну, куда-жъ ты ходилъ? разскажи-ка ты мнѣ, спросила она у мужика.

— Да въ городъ, матушка, ходилъ; бумагу выправлялъ.

— Какую бумагу?

— А Богъ ее знаетъ. Вотъ она, бумага-то.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и спросилъ солдата:

— Ты, кавалеръ, грамотѣ знаешь?

— Малость тоже маракую, отвѣтилъ солдатъ, держа трубку въ зубахъ.

— Прочитай-ка, прочитай-ка, я послушаю, говорила хозяйка.—А то нѣтъ; постой, постой! Ты водку пьешь? спросила она у прохожаго.

— Какъ, родимая, не пить. Тоже и мы люди.

— Ну, такъ погоди же, я тебѣ рюмочку поднесу. Что̀ съ тобой дѣлать? Сиди!

Прохожій выпилъ, сказалъ—«благодаримъ покорно» и принялся за щи.

Солдатъ взялъ бумагу, подержалъ ее на аршинъ отъ глазъ, потомъ посмотрѣлъ на огонь, обернулъ бумагу къ свѣту и началъ читать, сначала про себя, а потомъ ужъ громко:

— «Изъ метрическихъ книгъ Благовѣщенской церкви села... Благовѣщенскаго видно... видно, что»... экъ оно... да, «экономи»... Что за шутъ? Да... «эконо-ми-ческій крестьянинъ сельца Большая Елань, Анкидинъ Тимоѳеевъ...»

— Мужикъ глядѣлъ сбоку въ бумагу и вздыхалъ.

— Анкидинъ Тимоѳеевъ не состоитъ... Это кто-жъ такой не состоитъ? Ты, что ли? вдругъ спросилъ солдатъ у прохожаго.

— Нѣтъ; меня Киндеемъ звать.

— Ну, такъ и есть. Анкидинъ и Киндей все это одно. Ну-ка, что̀ тамъ еще? «Не состоитъ въ кровномъ, или духовномъ родствѣ, или свойствѣ, съ крестьянкою того же сельца Марѳою Игнатьевою. На основаніи...»

— А это что-жъ такое? спросилъ мужикъ, указывая пальцемъ на то мѣсто въ бумагѣ, гдѣ было изображено родословное дерево.

— А это братецъ ты мой... это... ха-ха-ха! Вотъ оказія-то! «Егоръ Ивановъ родилъ». Это чудесно! Нонѣ, братъ, мужики рожать зачали. Слышь, Матвѣвна? Кто-жъ это Егоръ Ивановъ?

— Постой, постой! Это мово дѣдушку Егоръ Иванычемъ звали. Ахъ, разбойники! На что-жъ это они его-то потревожили?

— А ужъ не знаю. Дай срокъ, почитаемъ еще; можетъ дѣло-то и окажется.—«Егоръ Ивановъ родилъ Тимоѳея Егорова».

— Это батюшку мово, значитъ, покойника, со вздохомъ сказалъ прохожій.— Ну, собаки! Еще-то что̀?

— Еще—«Тимоѳей Егоровъ родилъ Анкидина Тимоѳеева».

— Ну, такъ. Меня родилъ. Вотъ грабитили! И меня тутъ же приписали. Это за мои-то деньги. Ну, грабители! А что, мнѣ за это ничего не будетъ?

— Ничего. Это такъ только, форма, значитъ.

— Да, да. Это, чтобы я не убѣгъ, значитъ, опасаются. Ну, такъ. И какія же, я тебѣ скажу, собаки! Какъ липку обобрали! Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ. Шесть цѣлковыхъ, какъ одна копѣечка, эта бумага-то мнѣ стала. И не попахло. А за что̀?

— А за то, что не ходи пузата, наставительно сказалъ солдатъ и сплюнулъ на сторону.

— Вотъ они, три семитки на дорогу остались; а вѣдь мнѣ, другъ ты мой, еще 120 верстъ до двора. Такъ-то, прибавилъ мужикъ.—Ну, теперь, значитъ, я пошелъ побираться.

Хозяйка покачала головой, а прохожій опять принялся за щи.

— Какъ же это ты на старости лѣтъ задумалъ жениться? спросила его хозяйка.

— Что-жъ ты станешь дѣлать? Самъ знаю, года мои немолоденькіе, а никакъ нельзя.

— Ты вдовый, что-ли?

— Вдовый, матушка, вдовый. Однихъ робятъ у меня восемь душъ, самъ девятый.

— Такъ это ты для робятъ?

— Сказываютъ такъ, что для робятъ, а по мнѣ хошь бы и не жениться; потому какъ я домомъ никогда не живалъ, мастерства никакого, окромя лаптей, не знаю; да вотъ на той недѣлѣ призываетъ меня помощникъ.—«Безпремѣнно тебя, говоритъ, надо женить и водворить». Я было просить его зачалъ: нельзя, ли молъ, ваше благородіе, какъ никакъ ослобонить? «Ну, нѣтъ; я, говоритъ, не могу; какъ міръ». Кликнули на сходку. Сейчасъ говоритъ мнѣ старшина: «дается, говоритъ, Киндюшка, тебѣ земля, колько-то тамъ земли; ну и жениться тебѣ, говоритъ надо: потому, говоритъ, что̀ тебѣ такъ болтаться». Я и у стариковъ отпрашиваться сталъ; нѣту, загалдили, загалдили-женить! Ну, дѣлать нечего. Съ міромъ-то нешто сговоришь?

— Такъ, такъ, подтвердила хозяйка.—Постокась я тебѣ кашицы положу въ чашечку.

— Спасибо, родная. А мнѣ чтò земля? Я къ ней и приступиться-то не знаю какъ. Опять земля у насъ какая? Вотъ это сейчасъ камень, а это болото. Земля! Въ этой землѣ только лягушкамъ водиться, да вотъ еще цапли. Цаплевъ у насъ много. Она воду любитъ.

— Это кто воду любитъ? спросилъ кто-то съ полатей.

— Да цапля.

— О!

— А намедни на сходкѣ старшина тоже—водворить, говоритъ. Я ему жалиться сталъ:—какъ же такъ, говорю, Прохоръ Степанычъ, водворить? За чтò-жъ такъ, говорю. А онъ, братецъ ты мой, поглядѣлъ, поглядѣлъ на меня, да и говоритъ: «поди, говоритъ, ты»... Въ желтыя ворота меня и послалъ. Извѣстно, ему чтò?

— А все это изъ того вышло, что, признаться, глазами-то ужъ оченно я плохъ сталъ. Вотъ теперь гляжу на тебя, такъ быдто чтò застилаетъ. Меня бы по настоящему, по божью-ту, въ старики бы; ну, нѣтъ, говорятъ, какой ты старикъ? А за скотиной ходить не годишься, не углядишь. И точно, былъ грѣхъ, врать не хочу — не углядѣлъ, точно. Ну, и наказали. И разъ наказали, и два наказали, три наказали. Что-жъ, я ничего. А главная вещь—очень ужъ эти штрафы одолѣли. Сейчасъ чуть что—штрафъ! А вѣдь другой этому и радъ. Да мнѣ хошь бы привелось теперь. Зашла корова на гумно; я ее сейчасъ разъ, и загналъ къ себѣ на дворъ. Потому это ужъ мое счастiе. Неужели я отъ сводо счастiя буду отказываться? Потрава. Ну, и, значитъ, больше ничего, что подавай деньги. У насъ такъ-то одинъ мужичокъ въ одно лѣто денегъ много зашибъ. Дворъ теперь у его край самой дороги; вотъ онъ и караулитъ, съ хлѣбцомъ на гумнѣ сидитъ; за плетнемъ притаится, такъ быдто тамъ чтò-то копается. Какъ чуть пастухъ оплошалъ, онъ это хлѣбца-то высунетъ, а самъ полегоничку эдакъ: бяшка! бяшка! Главная причина изъ того старается, чтобы ему то есть хошь одну-то овечку подманить. Какъ одну залучилъ, — сс! пошла битка въ конъ. Тутъ ихъ ничѣмъ и не удержишь. Какъ есть всѣ до одной на гумнѣ будутъ. Извѣстно, овца глупа—куда одна, туда и всѣ. Ну, а тутъ сейчасъ выскочитъ: батюшки! грабятъ! караулъ! Ворота на запоръ и судись съ нимъ.

— Ахъ, чортъ те возьми совсѣмъ! сказалъ солдатъ.—Это штука ловкая. Слышь, Матвѣевна? Да никакъ и мнѣ приняться? Торговлю по боку, хлѣбца кусочекъ, сиди да помапивай. Хм. Коммерція!

— Да это еще что̀? продолжалъ прохожій.—У насъ теперь одинъ баринъ есть. Совсѣмъ и хозяйствомъ бросилъ заниматься. Я, говоритъ, и такъ проживу—штрафами. Сейчасъ подошла корова къ его пруду напиться—штрафъ: карасей, говоритъ, у меня въ пруду распужала. Почему что карась оченно робокъ, коровъ боится и со страху колѣетъ. Мужикъ проѣхалъ мимо саду, зацѣпилъ за плетень—штрафъ: фруктовыя дерева повредилъ. Ну, и ничего. Только ужъ очень онъ жаденъ сталъ на эти самые на штрафы; ничего даже и бояться не сталъ. Вотъ гналъ гуртовщикъ скотину по его землѣ. Бурмистъ къ ему тотчасъ бѣжитъ—гонютъ, говоритъ, овецъ; потрава безпремѣнно будетъ. А ему только того и нужно. Сейчасъ сѣлъ верхомъ и скачетъ самъ. Пастухи это его какъ завидѣли, сробѣли, скотину распустили... а онъ какъ налетѣлъ, сразу полгурта отхватилъ. Овцы шарахнулись, да въ хлѣбъ; а онъ за ними, овцы въ сторону, онъ за ними, загонять. Гонялъ, гонялъ ихъ, до тѣхъ поръ гонялъ, что двадцать штукъ до смерти загонялъ—на другой день околѣли; да лошадью сколько затопталъ.

— Ну, это, значитъ, жаденъ ужъ очень, замѣтилъ солдатъ.

— А я про что̀-жъ? Не пожадничай, жилъ бы да жилъ, любезное дѣло; а теперь вотъ и судись. Своихъ еще приплатитъ.

— Приплатитъ, замѣтили мужики,—ужъ это, какъ есть.

— Ну, за хлѣбъ за соль, сказалъ прохожій, вылѣзая изъ-за стола.

— На здоровье, отвѣтила хозяйка.—Акулина, сбирай!

— Да, вотъ про судъ-то вы говорите, началъ опять прохожій, обращаясь къ мужикамъ, лежащимъ на полатяхъ.

— Н-да, отозвались мужики.

— Ну, такъ вотъ со мной грѣхъ такой-то вышелъ: тягали меня довольно, и тоже приплатилъ и я.

— За что̀-жъ такъ?

— Да вотъ какое дѣло. Лѣтошній годъ, тоже не плошь этого гуртовщика, гналъ я скотину и тоже по барской землѣ; ну, и не доглядѣлъ. Тропиночка эта узенькая и сейчасъ тутъ поворотъ. Скотина эта сгрудилась, заметалась, ни туда, ни сюда. Мальченка у меня, жидъ его дери, непутный такой; я ему кричу: Трушка, дуй те горой,—верни! А тутъ это, на грѣхъ, земскій навстрѣчу съ ружьемъ. Собаченка эта у него, Центра, разбѣжалась, да какъ бросится прямо въ стадо. Одна корова хвостъ подняла, фю! я гляжу, ужъ она вонъ дѣ, такъ и чешетъ по овсамъ; другая поглядѣла, поглядѣла, да за ней. Я—куда! куда!—ну, братъ, шабашъ! Сейчасъ сторожъ выскочилъ, коровъ загнали, а меня судить. Судили, судили и присудили, братцы мои, чтобы, то есть, разойтись полюбовно: міръ тамъ колько-то денегъ приплатилъ, а пастуха наказать, чтобы впередъ глядѣлъ. Вотъ сейчасъ повѣстили: явиться пастуху въ расправу. Пошелъ я. Шелъ, шелъ, а волость-то верстъ пятьдесятъ отъ нашей деревни. Иду я дорогой и думаю:—эхъ, молъ, насидятся у меня робятенки безъ хлѣба. Поскорѣй бы мнѣ дойти. Все это у меня въ умѣ, да все про скотину думается: не управится безъ меня мальчонка, ни за что̀ не управится. Гдѣ ему?—глупъ. Пришелъ. Сейчасъ къ писарю: такъ и такъ, вотъ, говорю, я пришелъ. Писарь, ладно, говоритъ. Ну, переночевалъ ночь; наутрѣ чуть зорька занялась, я вскочилъ; ну, думаю, только бы меня, дай Господи, поскорѣй отжучили, сейчасъ бы я маршъ —домой. Ждалъ, ждалъ, цѣлый день на крылечкѣ просидѣлъ, все ждалъ; не пущаютъ и шабашъ. Чуть увижу, мужики изъ-за угла выходятъ; ну, думаю, слава тебѣ Господи, сейчасъ меня драть. Гляжу, нѣтъ мимо прошли. Старшина съ писаремъ стоятъ шепчутся; ну, вотъ, думаю, это про меня. Вотъ сейчасъ гашникъ разстегнулъ... глядь, въ кабакъ пошли. Ахъ, ты Боже мой! Что̀ ты станешь дѣлать? Измучили. И еще день прошелъ. Я не пью, не ѣмъ, жду, не дождусь: скоро ли, молъ, это меня отпустятъ. Пойду, пойду, къ писарю: батюшка, отецъ родной, вели ты меня наказать!—Подожди, говоритъ. Вотъ тѣ и сказъ. А меня пуще всего скотина-то сокрушила. Гдѣ Трушкѣ управиться одному? Да и сидѣлъ бы я, сидѣлъ теперь, думаю себѣ, лапотишки ковырялъ. А тутъ скука-то меня очень ужъ одолѣла. Вѣдь, какъ думаешь, братецъ мой, трои сутки живу, не пущаютъ. На четвертый день сижу у воротъ, идетъ знакомый мужикъ: что̀ ты, говоритъ? Такъ и такъ, говорю, вотъ какое горе. Э, дуракъ, говоритъ, цѣлковый денегъ есть?—Есть, говорю, есть.—Поди дай, сейчасъ отпустятъ. Вѣдь и точно, братецъ мой, сейчасъ же слова не сказалъ, разложили и отодрали. Давно бы ты такъ, говоритъ.

— Такъ вотъ они деньги-то что̀ значитъ, началъ было опять прохожій; но въ это время кто-то постучался въ калитку.

— Акулина, сказала хозяйка,—проснись! подь пусти, кто тамъ это?

Работница нехотя встала съ лавки, почавкала губами, почесала у себя за пазухой и ворча пошла отпирать. Немного погодя, она вернулась одна.

— Кто-жъ это тамъ? спросила хозяйка.

— А Богъ его знаетъ; стучитъ, а не откликается. Я испужалась, да бѣжать.

— Господи Іисусе Христе! Кого это тамъ еще носитъ экую пору? Робятушки, сходите-ка, посмотрите! Я боюсь до смерти. Кто его знаетъ.

Мужики на полатяхъ прижались и ничего не отвѣтили.

— Что-жъ вы, спите, что ли? А ты что̀ сидишь, воинъ?

— Ступай сама, что ты меня посылаешь? отвѣтилъ солдатъ.

— Постой, я схожу, я не боюсь, меня не съѣстъ, сказалъ прохожій и пошелъ отворять; но сейчасъ же вернулся. Вслѣдъ за нимъ вошелъ длинный, худощавый мѣщанинъ, въ старой дрянной чуйкѣ, помолился Богу и поклонился хозяйкѣ.

— Что-жъ ты, чортъ, не откликаешься? сердито спросила его хозяйка.—Испужалъ до смерти.

— Я, признаться, пошутилъ, робко улыбаясь, сказалъ мѣщанинъ, запахнулся и тихо сѣлъ на лавку.

Всѣ молчали. Хозяйка насупилась и начала грызть ногти. Прохожій что-то порылся въ мѣшкѣ и сталъ укладываться спать. Мѣщанинъ сидѣлъ молча, поджавъ ноги подъ лавку, и потягивалъ носомъ.

— Ишь ты, шляются! наконецъ сказала хозяйка.—Зачѣмъ тебя ночью притащило? Что тебѣ дома не сидится?

— А какъ нонче, значитъ, дѣло праздничное, запинаясь заговорилъ мѣщанинъ, глядя на полати и отряхая картузъ,—ну, и... думается такъ, что пойти, молъ, къ Агафьѣ Матвѣвнѣ понавѣдаться, сказалъ мѣщанинъ и кашлянулъ.

— Очень нужно, отвѣтила хозяйка.

Опять замолчали.

Мѣщанинъ сталъ перебирать пальцами свою жидкую бороденку и все старался украдкою отъ хозяйки заглянуть на печку, потомъ замычалъ что̀-то и опять кашлянулъ. Хозяйка вдругъ на это озлилась:

— Ты у меня сидѣть, такъ сиди смирно. Что ты кашляешь, настоящая какъ овца.

— Да, признаться, простудился... началъ-было мѣщанинъ.

— Я тебѣ такую простуду задамъ, ты у меня смотри, безстыжіе твои глаза.

Въ это время на печи завозился хозяинъ. Мѣщанинъ вздохнулъ и сталъ потихоньку барабанить пальцами по лавкѣ.

— Андел хранитель, заступница Царица небесная... шепталъ прохожій, укладываясь спать.

Солдатъ плюнулъ и сталъ выколачивать трубку о каблукъ сапога.

— А я, а я, а я, а я тебя, а я тебя не боюсь... бормоталъ съ просонья на печи хозяинъ.

Мѣщанинъ икнулъ.

— Поди вонъ! поди, тебѣ говорятъ! сказала мѣщанину хозяйка.

— Помилуйте! Агафья Матвѣвна!

— Уйди! И слушать я тебя не хочу.

Но тутъ хозяинъ уже слѣзалъ съ печи и кричалъ:

— Агашка! Цыцъ! Сволочь! Дѣ моя шапка?

Хозяйка молчала.

— Дѣ моя шапка? Скажешь ты, или нѣтъ? а?

— Ступай спать!

— Нѣтъ, я тебя спрашиваю, дѣ моя шапка? Слышала?

— Хозяинъ стоялъ босикомъ среди избы и водилъ глазами, отыскивая шапку. Мѣщанинъ, стоя у двери, чистилъ свой картузъ.

— Ты чего дожидаешься? спросила его хозяйка.—Тебѣ хочется, чтобы я тебя проводила? Такъ постой, голубчикъ!

— Агашка, чортъ, подай шапку! кричалъ хозяинъ.

— А, да что̀ съ вами толковать!

Хозяйка схватила мѣщанина за чуйку и потащила его изъ избы. Мѣщанинъ сталъ упираться. Она кликнула работницу, и вдвоемъ вытолкали его за дверь и заперли дверь на крючокъ.

— Полуношники! оглашенные! запыхавшись, говорила хозяйка.

Хозяинъ постоялъ немного, потомъ сѣлъ на опрокинутую кадку.

— Какъ баба-то набаловалась? а? сказалъ онъ, глядя въ землю и покачивая головой. Ай-ай-ай!—Постой! дай срокъ! Я съ тобой справлюсь!

— Справишься. Какъ же.

— Молчи! То-то я гляжу, что̀ такое—совсѣмъ баба бояться перестала.

— Ступай спать-то ужъ, что ли!

— Нѣтъ, я тебя выучу, какъ хозяину отвѣчать. Ты у меня эти слова забудешь, сейчасъ издохнуть.

— Ну, да ладно.

— Нѣтъ, забудешь. Ты, я вижу, давно не учена, такъ я тебя выучу.

— Что ты бунтуешь? Кабардинецъ, непокорное ты племя, сказалъ солдатъ.

— Чего, братецъ мой, совсѣмъ баба избаловалась. Хочу опять въ руки взять.

— Пора, пора, смѣясь подтвердилъ солдатъ.

— То-то, я дуракъ, волю далъ. Ай, ай, ай! Нѣтъ, ихъ, бабъ, баловать не нужно. Ты не видалъ ли, братъ, моей шапки?

— Нѣтъ, братъ, не видалъ.

— Куда только я ее дѣлъ? Ахъ шкура, право, шкура; сволочь несчастная. Дверь отопри!

— Не отопру. Ложись спать!

— Пусти меня на дворъ!

— Не пущу.

— На дворъ! понимаешь ты? на дворъ. Нешто я безъ шапки уйду босикомъ? Вотъ дура-то! думаетъ, я уйду босикомъ. Ахъ, мало я тебя учу, мало, мало... Не отопрешь?

— Не отопру.

Хозяинъ подумалъ и сказалъ:—ну, такъ подавай мнѣ горшокъ съ кашей!

— Ничего я тебѣ не дамъ: и шапки не дамъ, и горшка не дамъ, и на дворъ не пущу. Сиди!

— Ну, хорошо.

Хозяинъ замолчалъ и потупился. Хозяйка поглядѣла на него и пошла въ каморку постилать постель. Въ то же время вдругъ поднялось окно и изъ темноты показалось лицо мѣщанина. Онъ высунулъ свою бороду и сказалъ потихоньку:

— Я здѣсь!..

Хозяинъ очнулся, схватилъ чей-то кафтанъ, сдернулъ съ гвоздя шапку прохожаго, отперъ дверь и, что̀ есть мочи, босикомъ пустился бѣжать.

— Ахъ, убѣгъ! лови, лови его! выскочивъ изъ каморки, кричала хозяйка.

— Лови въ полѣ вѣтеръ, вставая сказалъ солдатъ.—Давайка лучше спать ложиться. Дѣло-то складнѣй будетъ.

СВИНЬИ.

Деревенскія сцены.

Въ Куравинскомъ волостномъ правленіи получена была на имя волостного головы бумага такого содержанія:

«По случаю слѣдованія по тракту, пролегающему черезъ Куравинскую волость, его сіятельства графа Остолопова, имѣешь ты немедленно озаботиться о томъ, чтобы дороги, равно мосты и гати находились къ 13-му числу сего мѣсяца въ исправности и надлежащемъ порядкѣ, а такъ какъ его сіятельство во время перемѣны лошадей въ селѣ Куравинѣ будутъ имѣть обѣденный столъ, то вмѣняется тебѣ въ непремѣнную обязанность неупустительно сдѣлать зависящее распоряженіе и строжайше внушить сельскимъ старостамъ, сотскимъ и десятскимъ, дабы они не препятствовали крестьянамъ означенной волости встрѣтить его сіятельство съ хлѣбомъ-солью. Буде же которое либо сельское общество въ отдѣльности, или же всѣ въ совокупности пожелаютъ отслужить напутственное молебствіе о здравіи его сіятельства, или, отпрягши лошадей, везти графскій экипажъ на себѣ, то и сему такъ же не препятствовать; но о таковомъ желаніи крестьянъ донести мнѣ лично, для чего имѣешь ты явиться ко мнѣ въ городъ».

Волостной писарь, получивъ это предписаніе, послалъ сейчасъ же сторожа за головою. Сторожъ нашелъ голову на пчельникѣ, гдѣ онъ сидѣлъ на корточкахъ у пенька, весь обмотанный тряпками, и подкуривалъ пчелъ. Лицо у него было завязано рѣшетомъ.

— Что̀ тамъ еще? закричалъ голова, недовольный тѣмъ, что ему помѣшали.

— Идите проворнѣе,—бумага пришла. Нужно, говорилъ сторожъ, отмахиваясь отъ пчелъ.

— Тьфу-ты! пропасти на васъ нѣтъ, съ бумагами-то совсѣмъ, говорилъ голова изъ подъ рѣшета.—Отроиться не дадутъ.

Однако черезъ нѣсколько времени онъ пришелъ въ правленіе. Писарь прочелъ ему бумагу. Голова слушалъ молча и глядя въ землю.

— Понялъ? спросилъ писарь.

— Понялъ. Ну-ка, прочитайка сь еще!

Писарь еще разъ прочелъ.

— Такъ, сказалъ голова.—Ну, что̀-жъ теперь дѣлать?

— Больше ничего, что поѣзжай въ городъ.

— Въ городъ, повторилъ голова и вздохнулъ; потомъ сталъ чесать въ затылкѣ; чесалъ, чесалъ, наконецъ сказалъ: тьфу-ты! и ушелъ. Однако сейчасъ же опять вернулся.

— Что-жъ это такое значитъ? Иванъ Митричъ, скажи ты на милость, спросилъ онъ у писаря,—Господи!

— Да ничего! Что ты? Поѣзжай, скажутъ.

— Знаю я, что скажутъ, да... ахъ ты! главная это досада—пчела. Такая пчела, я тебѣ скажу,— сила! Съ роду я такой пчелы не видалъ. Только было сталъ подсаживать. Матка настоящій быкъ реветъ. Да вѣдь какая обида-то—намедни еще въ лѣсу три пенька поставилъ.

— Это точно, что обидно, подтвердилъ писарь.

— А ты какъ думалъ? Теперь, братецъ мой, пчелѣ самый ходъ, а ты въ городъ. Ахъ, Боже мой! Я онамедни лекарю говорю:—нѣтъ, говорю, мнѣ счастья на пчелъ, хоть ты что хочешь. Нѣту, нѣтъ.

— Что̀ дѣлать, служба, замѣтилъ писарь и сталъ вносить «входящую» въ настольный регистръ.

— Служба? А я про что-жъ Самая наша каторжная жись. Вотъ лѣтошній годъ тоже было охоту завелъ—гусей; ну ,бросилъ. Охъ, такъ какъ же насчетъ бумаги-то?

— Говорятъ тебѣ, что скажутъ.

— А отписаться нельзя?

— Нельзя. Поѣзжай лучше безъ разговору.

— И поѣдешь, ничего нельзя сдѣлать, говорилъ про себя голова, уходя изъ правленія.

Вернувшись домой, онъ убралъ пчелъ, новую матку въ пустой пенекъ отсадилъ и велѣлъ сыну не отходить отъ нея; потомъ запрягъ лошадь, постоялъ среди двора, подумалъ, залѣзъ въ телѣжку, сказалъ самъ себѣ—въ городъ, и поѣхалъ.

Народъ въ это время былъ весь почти въ полѣ, на жнитвѣ, а потому никто и не зналъ о полученной бумагѣ. Только писарь сходилъ къ дьячку, да еще сторожъ болтнулъ цѣловальничихѣ, что по дорожному дѣлу голову потребовали въ городъ. Однако мужики, вернувшись на ночь домой, ужъ узнали, что дѣло неладно. Сейчасъ одна старушонка накинула зипунишко и побѣжала къ другой.

— Охъ, мать, бѣда!

— Какая бѣда?

—И-и! Такая ли бѣда—неслыханная. Ты что̀ знаешь? Вѣдь голова-то въ городъ уѣхалъ.

— Что такъ?

— Да, слышь, грамоту прислали, чтобы тысь всѣмъ міромъ молебствіе служить, потому, слышь, дорогу такую хотятъ строить, чтобы на людяхъ возить.

— Полно?!.,

— Сейчасъ провалиться.

— Ахъ, Господи!

— Да еще какой грѣхъ-то, мать ты моя: который, слышь, ежели везть не захочетъ, станетъ упираться,—того сейчасъ къ лошадиному хвосту привяжутъ и по чисту полю размычутъ.

— М—мъ! Царица Небесная!

— Послѣдніе наши денечки пришли.

Старухи сѣли рядышкомъ на лавку и стали причитать, какъ надъ покойникомъ.

А дьячокъ, какъ свидѣлся съ другомъ своимъ, съ цѣловальникомъ, такъ и пошелъ всѣхъ останавливать на улицѣ, говоря:

— Братцы, постоимъ за вѣру православную! Что-жъ? Неужели жъ намъ передъ батюшкой-царемъ свиньями себя показать?

— Это въ казаки, что ли? спрашивалъ на улицѣ одинъ мужикъ у другого.

— Въ казаки. Къ Успленьему дню, чтобы тысь въ готовности быть, одно слово.

— Да, да, да. Это конные?

— Ужъ одно слово—казаки.

— Ну, такъ, заключилъ мужикъ и пошелъ дальше.

Въ кабакѣ ужъ стонъ стоялъ.

— Какъ же такъ это, на людяхъ возить станутъ? спрашивалъ одинъ мужикъ у другого.

— Какая же это такая правила?

— Такая, стало быть, и есть, отвѣчалъ ему другой.

— Да гдѣ-жъ она показана, эта самая правила?

— Нигдѣ не показана. А вотъ запрягутъ, и повезешь.

— Ври больше.

— Вотъ тогда узнаешь.

— Это вѣрно, замѣтилъ третій.

— Запрягутъ, извѣстно, повезешь.

— Ничего не подѣлаешь, подтвердили всѣ.

— А вотъ я такъ не повезу, вдругъ выискался одинъ бездомный мужичонка.

— Какъ такъ?

— А такъ, что не повезу. Сейчасъ упаду на земь и шабашъ.

— Упадешь! Какъ же! Нѣтъ, тамъ тоже на вашего брата поди чай какой кнутъ припасенъ.

— Упадешь. Ишь ты ловокъ!

— Да что̀ ты кнутомъ-то своимъ со мной сдѣлаешь? настаивалъ мужичонка.—Ну, бей! Побьютъ, побьютъ и отстанутъ. Я сейчасъ духъ въ себя вберу и не дышу. Вотъ гляди! Мужикъ хлопнулся объ земь и прикинулся мертвымъ. Однако другіе вступились:

— Нѣтъ, это что-жъ, братцы: это такъ скверно. Нѣтъ, у насъ чтобы безъ обману: ужъ коли везть всѣмъ міромъ, а то на-ка что̀!

— Эдакъ, пожалуй, всякій захочетъ: объ земь хлопнулся— разъ! и кончено.

— Нѣтъ, братцы, такъ не годится. Трушка, чортъ, вставай! Гдѣ тутъ палка-то у насъ?

Трушка вскочилъ и убѣжалъ.

Мужики тоже пошли вонъ изъ кабака, но на улицѣ въ разныхъ мѣстахъ толпился народъ; вездѣ шли толки про дорогу. Впрочемъ, о дорогѣ скоро совсѣмъ бросили разсуждать. Объ этомъ пуще всего бабы горячились. Ну, да мужики имъ мало вѣрили, потому что бабы стали разсказывать совсѣмъ ужъ несообразныя дѣла.

Одинъ мужикъ пришелъ домой, видитъ: баба сидитъ на порогѣ, воетъ.

— Что ты, дура, воешь?

— Охъ, головушка горькая!

— Чѣмъ горькая-то?

— Да вѣдь я синельщику холостину-то отдала.

— Ну что-жъ, что отдала?

— Теперь небось отъ синельщика-то однѣ косточки остались.

— Почему такъ?

— Да вѣдь его къ хвосту привязали.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Бабы сказывали.

— О, дура! поди ужинать сбирай!

А многія бабы, какъ услыхали про дорогу, такъ стали собираться: все тряпье уложили въ коробья и попрятали, кто на гумно въ солому, кто въ подполицу. Одна баба схватила ухватъ и всю посуду перебила.

Мужъ пришелъ.

— Ахъ ты, окаянная! Чтò ты надѣлала?

А баба такъ и крошитъ горшки, чтобы никому не доставались.

— На чтò ты доброе-то переколотила?

— Да куда-жъ его беречь? Какъ эдакая страсть придетъ, чтò тогда? Ничего не унесешь.

— Какая страсть-то?

— А Богъ ее знаетъ, какая!

На другой день, утромъ рано, голова вернулся изъ города, а ужъ его старуха съ невѣсткою всѣ свои коробья въ лѣсъ перетаскали, сами надѣли котомочки съ хлѣбомъ и собрались уходить.

— Куда вы?

— А въ лѣсъ.

— Зачѣмъ?

— Корониться.

— Отъ кого корониться?

Бабы и не знаютъ.

Голова, какъ пріѣхалъ, такъ первое дѣло сходилъ на пчельникъ, поглядѣлъ, не отроился ли новый рой, а потомъ сейчасъ же велѣлъ десятскимъ народъ скликать на сходку. Старухи еще пуще стали выть. Мужики собрались всѣ у правленія, а бабы столпились позади ихъ. Вышелъ голова.

— Здравствуйте, православные!

— Здравствуйте, Прохоръ Степанычъ, сказали мужики.

Голова посмотрѣлъ вокругъ.

— Бабы, пошли прочь отселѣ!

Бабы стали присѣдать и прятаться.

— Пошли домой! Робята, гоните бабъ!

— Ну васъ! закричали мужики.

Но бабы не шли.

— Постой! сказалъ одинъ десятскій; выдернулъ изъ плетня колъ и началъ махать на бабъ. Другой десятскій сбѣгалъ въ правленіе и принесъ метлу, и прогнали бабъ.

Голова не вдругъ могъ собраться съ мыслями, наконецъ сказалъ:

— И что̀ теперича я вамъ скажу, старички почтенные.

Мужики слушали, но голова затруднялся и не зналъ, какъ приступить къ дѣлу.

— Да ужъ ты не томи насъ, заговорили мужики.

— И вотъ я вамъ скажу, началъ опять голова,—отъ начальства приказъ. И, какъ типериче, зна́читъ, весь міръ, которые всѣ православные христіяне у престола Всевышняго Творца все равно, какъ вѣрные рабы. Такъ будемъ говорить:—вотъ хучь бы ты, Пахомъ Игнатьичъ,—какъ ты сейчасъ передъ Заступницей Царицей небесной, такъ все одно...

Но на этомъ словѣ его перебили.

— Да ужъ ты сказывай, что ли, по много ли съ души-то.

— По гривнѣ, что ли?

— Нѣтъ, не по гривнѣ, а больше ничего, что ежели теперь кто слово, то велѣно представлять. Вотъ и все. А какъ, значитъ, міръ, то, чтобы все въ порядкѣ, не какъ прочіе, а такъ надо стараться, чтобы какъ лучше.

— Да ты это про что̀?

— А все про то, что мосты мостить.

— Это на что-жъ такъ?

— А на то, что велѣно. И еще дорогу ровнять, всѣ выбоины землей закидать, а въ трясину хворосту навозить,—потому начальство поѣдетъ, такъ чтобы мнѣ изъ-за васъ въ отвѣтѣ не быть.

— Такъ бы ты и говорилъ! А еще что̀?

— А еще ничего. Когда скажутъ, тогда и узнаете.

Мужики задумались.

— Да говори! Чего мяться-то? спросили нѣкоторые.

— Не знаю. Говорятъ вамъ: не знаю.

— Ну полно, Прохоръ Степанычъ. Да ты хошь такъ намекни!

— Что-жъ, мы тебя не выдадимъ. Не опасайся.

— Сказывай скорѣй! Въ казаки, что ли? крикнулъ кто-то сзади.

— Въ какіе казаки?

— Да ужъ мы знаемъ, въ какіе.

— Мы, братъ, ужъ это все узнали. Ты насъ не морочь.

— Что вы, черти? Съ ума вы спятили?

— Нѣту, братъ, загалдили мужики. Насъ тоже на кривой-то не объѣдешь.

— Вотъ окружной узнаетъ: онъ вамъ такихъ казаковъ задастъ!

— Толкуй: окружной! Ступай, сказывай окружному. Окружной!.. Эй, робята, кто въ кабакъ? Тамъ всѣ дѣла разберемъ.

Сходка разошлась. Въ кабакѣ дѣйствительно всѣ дѣла разобрали и на томъ порѣшили, чтобы послѣдній разокъ послужить—дорогу сравнять, хворосту навозить, а потомъ въ казаки. Хлѣбъ такъ въ полѣ и покинули.

— Не замай, птица поклюетъ, разсуждали мужики.— Птица-то, вѣдь она тоже ѣсть хочетъ. А насъ Господь напоитъ, накормитъ. И безъ этого хлѣба живы будемъ.

— Мы и такъ довольны. Слава тебѣ Господи!

Одинъ мужикъ пришелъ къ головѣ и сказалъ ему:

— Мы, братъ, тобой довольны. Пойдемъ, я тебѣ косушечку поднесу.

Бабъ хотя и прогнали со сходки, но онѣ все-таки сзади подкрались къ мужикамъ и все слышали. Мужики поѣхали въ лѣсъ за хворостомъ, а бабы повязались красными платками, пошли канавки рыть, дорогу ровнять и весь день на работѣ пѣсни играли. На ночь всѣ мужики опять собрались къ волостному правленію и послали за писаремъ, а сами припасли ведро вина. Пришелъ писарь, его обступили. Одинъ взялъ его за плечо и сказалъ:

— Вотъ что, братъ, Иванъ Митричъ, ты слушай: мы тебѣ ведро вина и три цѣлковыхъ деньгами, а ты, чтобы все по нашему. Понимаешь?

— Ну, только чуръ, чтобы не вилять, прибавили остальные.

— Да что̀ вамъ нужно-то?

— Пиши насъ въ казаки!

— Какъ въ казаки?

— Такъ и пиши, что желаемъ, охотой идемъ.

— Что, молъ, такъ и такъ вотъ, мужички оченно желаютъ.

— Гм! сказалъ писарь.—Какъ же я васъ буду писать?

— Ужъ это твое дѣло. Мы, братъ, что̀ слѣдуетъ, мы отъ свово слова не отопремся. Сказано—кончено дѣло.

— Да это что̀ говорить, подтвердили всѣ.

— Ужъ это вѣрно, безъ обману. Сказано, три цѣлковыхъ деньгами, ведро вина и шабашъ. Чтобы безъ разговору.

— Понимаю я все это, понимаю.

— Ну, а коли понимаешь, такъ, значитъ, и толковать нечего. Получай и пиши!

— Написать, отчего не написать, это не трудно; да что̀ толку-то? Положенія-то вѣдь такого нѣтъ, чтобы въ казаки записывать.

— Нѣтъ, есть, вступился мужикъ.

— Гдѣ оно есть-то?

— Извѣстно гдѣ. Да ты намъ этого не толкуй. Мы тоже слыхали довольно слова-то эти.

— Мы, братъ, тоже не глупѣй тебя, загалдили мужики.

— Ишь, дураковъ нашелъ! Положеніе! Какъ нѣтъ положенія? Сказано, въ казаки, ну, и...

— Ну, и что̀? спросилъ писарь.

— Ну, и ёрникъ ты, и нечего съ тобой толковать, закричалъ мужикъ.

— Ёрникъ и есть, подтвердили остальные.—Это все у нихъ одна шайка подобрана.

— Черти! закричалъ писарь.—Что-жъ, мнѣ изъ-за васъ подъ судъ идти, что ли? Аль мнѣ жысь не мила?

— На что̀ подъ судъ? А ты говори дѣло! Мало тебѣ ведра, ну, два поставимъ, а не то—три. Мы изъ-за этого не постоимъ.

— Ахъ, вы оглашенные! Что̀ мнѣ съ вами дѣлать? Слушайте вы!..

— Нѣтъ, ты слушай, что̀ мы тебѣ говоримъ, а намъ тебя слушать нечего. Бери деньги и пиши; а не хочешь— мы другого найдемъ.

— Ну, и ищите.

— Ну, и найдемъ. А ты думалъ не найдемъ?

— И чортъ съ вами совсѣмъ. Сами лѣзете въ омутъ головой. Туда вамъ и дорога.

— Ступай къ кобылѣ подъ хвостъ, сказали мужики.

Писарь плюнулъ и пошелъ домой.

Мужики стали разсуждать промежъ себя:

— Цѣлковый-рубь накинуть можно. Волки его ѣшь.

— Чортъ его дери, такъ и быть, накинемъ.

— Робята, верните его!

— Эй! закричали они писарю вслѣдъ.—Бери четыре цѣлковыхъ, чортъ съ тобой! Гляди сюда—вотъ они!

Но писарь махнулъ рукой и пошелъ дальше.

— Наплевать, сказали мужики.

Кто-то присовѣтовалъ:

— Посылайте за дьячкомъ!

Послали; но посланные вернулись безъ дьячка,—нейдетъ.

— Пойдемте сами къ нему.

Пришли.

— Ты что-жъ, долгогривый шутъ, нейдешь?

— А вотъ постойте, братцы, я къ батюшкѣ схожу спрошусь.

— Не ходи!

— Нѣтъ, никакъ нельзя, надо спроситься.

— Ну, пути не будетъ, сказали мужики.

Пошелъ дьячокъ къ попу и пропалъ. Ждали, ждали, нѣтъ дьячка.

— Ахъ, дуй-те горой! Сходите, робята, къ попу, покличьте дьячка!

Одинъ парень выискался, пошелъ; подкрался изъ проулка къ попову дому, заглянулъ въ ворота, видитъ—попова работница стоитъ, рубашки вѣшаетъ.

— Эй! слышь ты, умница!

— Что ты?

— Выдь сюда! У! дура! что ты боишься?

Работница поглядѣла кругомъ и вышла.

— Гдѣ у васъ дьячокъ?

— А онъ на гумнѣ лежитъ, въ солому зарылся.

— А, чтобъ-те прострѣлило! Какъ быть, братцы мои? разсуждали мужики, все еще стоя у правленія.

Вотъ ѣдетъ мимо въ телѣгѣ мужикъ, изъ сосѣдней деревни торгашъ.

— Что вы тутъ стоите? Здравствуйте, братцы!

— Здорово, отвѣтили мужики.

— Ай драть кого хотятъ? спросилъ торгашъ.

— Зачѣмъ баловаться, отвѣтили мужики.

— Не все драть, пора это оставить, замѣтили другіе.

— Чего-жъ вы дожидаетесь?

— Да вотъ дѣла тутъ у насъ, нехотя отвѣтили мужики.

— Какія дѣла?

— А вотъ запись подавать хотимъ, охотой въ казаки идемъ.

— Да, да. Такъ что-жъ? зачѣмъ дѣло стало?

— Ни за чѣмъ не стало. Мы хошь сейчасъ, а главная причина—грамотѣя такого не найдемъ.

— Писарь-то что-жъ?

— А ну его! Толковать еще съ ёрникомъ. Ты не слыхалъ-ли, братъ, тутъ гдѣ человѣка такого, пописьменнѣе? Очень было намъ нужно.

Торгашъ сталъ думать.

— Да вотъ нешто Поликашку-кантониста къ вамъ послать. Такая-то петля! Его тоже за эти дѣла пужали не мало.

— Подавай его сюда! закричали мужики въ одинъ голосъ.

— Бѣгите, робята, проворнѣй, лошадь запрягать, за Поликашкой.

— Какой такой Поликашка? спрашивали подходя остальные мужики.

— Да кантонисъ.

— Ахъ, въ ротъ-те, кантонисъ! замѣчали мужики и пошли дальше.

Наканунѣ, уже съ вечера, пріѣхалъ поваръ съ кухнею и помѣстился въ волостномъ правленіи. Онъ сейчасъ же потребовалъ дровъ одну сажень, куръ восемь штукъ, яицъ полсотни и три ведра молока. Когда все было принесено, поваръ надѣлъ куртку, колпакъ и сталъ готовить. Бабы всю ночь такъ отъ правленія и не отходили, все глядѣли въ окна.

За полночь, въ кабакѣ, за перегородкой сидѣлъ у стола кантонистъ. Передъ нимъ лежалъ листъ бумаги и полтинникъ денегъ. Тутъ же стояли свѣча въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, чернильница и полштофъ водки. Вокругъ стола толпились мужики. За перегородкою было жарко и тѣсно; мужики отирали съ лица потъ, вздыхали и пристально глядѣли на бумагу. Они молча по одиночкѣ подходили къ столу, получали отъ кантониста перо и каждый ставилъ на бумагѣ по три креста. Въ дверяхъ виднѣлся цѣловальникъ, въ ситцевомъ фартукѣ, со сложенными на груди руками. На потолкѣ гудѣли мухи. Въ отворенное окно слышно было, какъ кто-то неподалеко разсуждалъ:

— Ну, надѣлаете вы дѣла. Помните мое слово. А дѣвки всю ночь пѣсню играли:

«Какъ на рѣчкѣ на Дунаѣ,
«Тамъ казакъ коня поилъ.

Прошло три дня. Все это время мужики изъ кожи лѣзли, старались: дорогу сравняли, гать завалили хворостомъ и пескомъ усыпали, мосты поправили, возлѣ дороги канавъ нарыли и дерномъ обложили. Пріѣхалъ окружной, собралъ мужиковъ и началъ ихъ учить, какъ графа встрѣчать: отобралъ пять человѣкъ стариковъ повиднѣе, велѣлъ имъ расчесать бороды и одѣться получше. Двое должны были поднести хлѣбъ-соль, а остальные трое — мѣстное произведеніе, дугу. Прочимъ мужикамъ сказано было, что какъ только окружной махнетъ рукой, то чтобы шапки вверхъ кидать и кричать ура. Кромѣ того, еще двоихъ верховыхъ отрядили встрѣчать; одинъ за мостомъ долженъ стоять, а другой за полверсты отъ села, на дорогѣ: и только завидятъ графскій экипажъ, сейчасъ должны скакать сломя голову въ село. А когда будетъ уѣзжать, то всѣ должны броситься отпрячь лошадей и по всему селу провезти экипажъ на себѣ. Ребятишекъ на этотъ случай велѣно всѣхъ убрать и на улицу ни подъ какимъ видомъ не пускать; куръ, гусей и собакъ тоже всѣхъ запереть. Распорядившись такимъ образомъ, окружной сѣлъ въ тарантасъ и собрался было ѣхать въ городъ; вдругъ видитъ: съ поля гонятъ стадо домой. Онъ велѣлъ кучеру остановиться и закричалъ пастуху:

— Эй, ты! какъ тебя? Пастухъ!

Пастухъ остановился и снялъ шапку.

— Чего изволите?

— Слушай! Завтра ты скотину домой не загоняй, покуда я тебѣ не велю. Слышишь?

Постухъ глядѣлъ на окружного и хлопалъ глазами.

— Слышь, что̀ я тебѣ говорю?

— Слышу, отвѣтилъ, наконецъ, пастухъ.—Какъ не уйдетъ, такъ не пригоню, а какъ ежели уйдетъ, что̀ съ ней сдѣлаешь? Вѣдь она скотина.

— А я тебѣ говорю: не пускай! Какой же ты пастухъ послѣ этого?

— Это точно, только... Эй, Іонка! закричалъ онъ подпаску.—Верни овецъ! Тррь—ря! Вотъ позвольте, что̀ я вашей милости доложу.

— Ну?

— Вотъ вы изволите приказывать—не пущай; ну, какъ вамъ угодно, а я съ свиньями плачу.

— Объ чемъ же ты плачешь?

— Да какъ же! помилуйте! Эта свинья—хуже ее нѣтъ. Теперь стадо-то еще вонъ дѣ, въ полѣ, а ужъ свиньи дома. Ужъ у ей такая привычка. Какъ ей часъ пришелъ, такъ ужъ въ тотъ разъ ее ни съ чѣмъ не удержишь: уйдетъ и уйдетъ. А тутъ и вся скотина за ней. Такъ-то.

— Ну, мнѣ тутъ некогда съ тобой толковать. Сказано тебѣ и кончено, тамъ какъ знаешь. Умирай съ ними въ полѣ, а не пускай! отвѣтилъ окружной и поѣхалъ.

— Слушаю-съ, сказалъ пастухъ, поправилъ кнутъ на плечѣ и пошелъ, потомъ оглянулся на тарантасъ окружного, надѣлъ шапку и крикнулъ на овецъ:—гай-ди! Ръ!..

Наступило 13 число. Бабы чуть свѣтъ вскочили—печи затоплять, париться; а мужики дегтемъ сапоги стали мазать. Собралось начальство: голова, сотскіе, десятскіе и пошли стариковъ снаряжать; голова дугу принесъ новую, всю расписанную, въ городѣ купилъ. Пришли всѣ въ правленіе, а потомъ за стариками пошли. Старухи какъ увидали, такъ хлопнулись объ земь и стали вопить.

— Охъ, вы на-ши кор-ми-и-лецы! Охъ, и кор-ми-ле-цы, по-и-илецы!

— Полно вамъ, дуры! закричалъ на нихъ голова.

— Ахъ, да на ко-го жъ вы насъ по-ки-инули?

— Говорятъ, перестань! кричалъ голова, дергая одну старуху за руку.—Вотъ окружной пріѣдетъ: онъ вамъ ужо дастъ вопить.

— Охъ, и батюшка ты нашъ, Про-хоръ Сте-па-нычъ! продолжала старуха, валяясь по землѣ.

— Ну ихъ, сказалъ, наконецъ, голова.—Пойдемте, старички! Авось живы будемъ. Ну, съ Богомъ!

Повели стариковъ.

— Ты, дядя Матвѣй, не опасайся, говорилъ одинъ парень на ухо старику.—Коли ежели чуть что̀, выручимъ.

— Все божья воля, сказалъ старикъ и вздохнулъ.

А бабы разсуждали:

— Вотъ вѣдь по нашему и вышло. Ишь ты, запрягать повели.

Когда вошли всѣ въ правленіе, голова сказалъ:

— Ну, старички, молитесь Богу!

Старички стали молиться. Послѣ того голова велѣлъ ихъ запереть въ чуланъ и приставилъ къ нимъ двухъ сторожей съ дубинками; а еще двухъ парней, которые побойчѣй, отрядилъ верховыми и послалъ на дорогу, графа высматривать. Потомъ всѣ разошлись.

Голова, вернувшись домой, велѣлъ своей старухѣ пироги сажать, самъ пошелъ на пчельникъ, меду цѣлую корчагу принесъ и поставилъ на столъ.

— Ты у меня смотри, говорилъ онъ своей женѣ.—Нонѣ у насъ графъ будетъ обѣдать. Потить за водкой послать. Ѳедька, бѣги проворнѣй, четверть возьми сладкой! Слышишь? говорилъ онъ сыну.—Онъ поди, чай, окромя сладкой, никакой не пьетъ. А то нѣтъ, постой, четверть мало. Да что̀ тутъ толковать: возьми полведра! Да. Да вотъ что̀! Старуха!

— Чего?

— Поди, изъ анбара принеси пряники, что̀ я онамедни купилъ въ городу, и орѣхи захвати! Все на столъ становь, говорилъ голова, вытирая столъ полою кафтана.

Въ это время къ окну подъѣхали верховые. Голова вышелъ на крыльцо.

— Прохоръ Степанычъ, намъ тоже по дубинкѣ взять? спросилъ его одинъ.

— На что̀?

— Да какъ же? нельзя. Въ случаѣ что̀.

Голова задумался.

— А я было какую дубинку вырѣзалъ, сказалъ другой.

— Ну, что̀-жъ? Ну, возьмите! сказалъ голова.—Трогай!

Парни поскакали.

Приходитъ къ головѣ мужикъ.

— Прохоръ Степанычъ!

— Чего тебѣ?

— Очённо ужъ у меня хомутъ хорошъ. Шлея сыромятная здоро-овая. Продаю.

— На кой мнѣ его?

— А для стариковъ. Какъ же безъ хомута?

Голова его прогналъ.

А у кабака народъ все прибывалъ. На завалинкѣ сидѣлъ Поликашка-кантонистъ; вокругъ него толпились мужики.

— Тепериче вы, братцы мои, говорилъ Поликашка,—и глядите. Какъ онъ изъ стола будетъ вылѣзать, тутъ вы сейчасъ ему подъ веселую руку и подайте.

— А окружному не сказывать? спрашивалъ одинъ мужикъ.

— Экъ ты! Окружной, чтобы ни Боже мой не зналъ. Онъ тебя туда запрячетъ, что ты и не выдерешься.

— Такъ, такъ, говорили мужики.

— Ну, кому-жъ теперь эту самую грамату беречь? Давайте канаться!

— Зачѣмъ канаться, а надо такъ, кто старше. Пётра! тебѣ много ли годовъ?

— Кто ихъ считалъ? Я почемъ знаю.

— Ну, значитъ, тебѣ, Максимъ Иванычъ. Ишь борода у те какая!

— Нѣтъ, я не возьму.

— Что такъ?

— Я боюсь.

— А, дуракъ-чортъ!

— Стойте, робята! Никому не отдавайте! Чтǒ я вздумалъ!

— Ну, чтǒ?

— Въ землю зарыть.

— Эвося! собаки выроютъ.

— А мы камнемъ завалимъ.

— И то. Несите, братцы, заступъ, да тряпицу захватите почище!

— Постой, я онучи принесу.

— Онучи не годятся. Тутъ надо платокъ. Стащите кто-нибудь у бабы платокъ.

— Ахъ, вы, головы! Платокъ! Порядку не знаютъ. Нешто можно въ платокъ? Въ законѣ какъ показано?

— Какъ?

— Тамъ прямо показано: въ чистое, говоритъ, полотенце и съ молитвой...

— Да ты почемъ законъ-то знаешь? Нѣшь ты попъ?

— Попъ не попъ, а знаю.

— Поди къ чорту!

Принесли заступъ, завернули бумагу въ платокъ, зарыли у кабака и камнемъ завалили. Тѣмъ временемъ одна старуха продиралась въ волостное правленіе, къ чулану, гдѣ сидѣли старики. Сторожа ее гонятъ.

— Батюшки, голубчики! просила старуха.

— Чтǒ тебѣ нужно?

— Да мнѣ старика-то мово поглядѣть. Хошь однимъ бы глазкомъ глянуть на него.

— Ступай! ступай! закричали на нее сторожа.

— Родимые вы мои! Пустите, въ щелочку посмотрѣть!

— Не велѣно. Ступай!

Старуха вытащила изъ-за пазухи двѣ лепешки и подала сторож мъ, говоря:

— Вотъ хошь лепешки-то ему отдайте. Можетъ пожуетъ. Прохорычъ! да живъ ли ты? крикнула старуха.

— Живъ, отвѣтилъ въ чуланѣ старикъ.

— Ахъ, кормилецъ! вскрикнула старуха и залилась слезами.

Около полудня прискакалъ становой, покричалъ, покричалъ и уѣхалъ, за нимъ вслѣдъ исправникъ, потомъ окружной. Суета пошла по селу, бѣготня; ребятъ всѣхъ попрятали, старухи забились по угламъ. Исправникъ кричитъ:—лошадей! окружной кричитъ: — десятскихъ сюда! старики съ хлѣбомъ-солью впередъ! Бабъ и дѣвокъ поставить на выгонѣ, хороводы водить! Мужиковъ сюда, больше! Хромые и увѣчные, пошли домой! Бабы, которыя постарше, тоже домой! Десятскіе, по мѣстамъ!

Пока окружной приводилъ все въ порядокъ, прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что графъ будетъ только къ вечеру, чай кушать. Не смотря на это, мужикамъ не велѣно отлучаться съ мѣста. Такъ всѣ и простояли до вечера. Наконецъ, часу въ восьмомъ завидѣли парня, скачущаго во весь духъ къ селу.

— Ѣдетъ! ѣдетъ! загудѣли мужики.

Толпа зашаталась, перекрестилась и тронулась на встрѣчу графу.

— Нну! что̀ Богъ дастъ!

Впереди шелъ окружной, за нимъ голова въ форменномъ кафтанѣ и сотскіе съ бляхами; потомъ два старика съ хлѣбомъ-солью и три старика съ дугою. За ними двигалась толпа мужиковъ. Въ сторонкѣ на выгонѣ кучей стояли бабы и дѣвки.

— Запись-то здѣсь, что ли? спрашивали шопотомъ въ толпѣ.

— Ужъ она, братъ, въ кабакѣ давно. Трушка подастъ. Его теперь такъ-то ли виномъ накачиваютъ—для смѣлости.

— Шапки вверхъ кидай! Но, робята, не робѣй! Ура! о! у!

Полетѣли шапки. Графъ, сидя въ коляскѣ, кланялся. Окружной къ нему подлетѣлъ...

— Лошадей! сказалъ графъ.

— Его сіятельство чай кушать не будутъ, сейчасъ ѣдутъ, говорилъ окружному графскій лакей.

Въ это время подошли къ коляскѣ сельское начальство и выборные отъ крестьянъ.

— Вассс... зачастилъ окружной, осчастливьте! Народное чувство, вассс... дерзнули...

— Благодарю, благодарю, сказалъ графъ.

— Мѣстное произведеніе, вассс... сказалъ окружной, указывая па стариковъ съ дугою.

— А! это хорошо. Радъ.

— Проворнѣй лошадей! кричалъ графскій лакей.

Изъ кабака въ это время вышли два мужика, ведя подъ руки Трушку съ бумагою въ рукахъ.

— Мотри, не робѣй! толковали ему мужики.

— Ну, вотъ! Гдѣ онъ тутъ? давай его сюда! кричалъ Трушка.

— Тише, дьяволъ! унимали его мужики.

— Э! пропадай Трушкина голова!..

Лошадей привели такихъ, что шесть человѣкъ удержать не могутъ. Окружной махнулъ дѣвкамъ: валяй! Дѣвки затянули пѣсню. Лошадей въ одну минуту запрягли и все вышло какъ слѣдуетъ.

— Прикажите начинать? спросилъ голова шопотомъ у окружного.

— Начинай!

— Эй! робята, на себѣ!

— Ура-а! заревѣли мужики и бросились отпрягать лошадей. Давка пошла. Возжи оборвали...

— Не надо, не надо, милостиво улыбаясь, говорилъ графъ.

А Трушка между тѣмъ уже лѣзъ въ коляску съ бумагою.

— Ты куда? крикнулъ на него окружной; въ одинъ мигъ вырвалъ у него бумагу и спряталъ, такъ что графъ и не видалъ.

Еще не успѣли отпрячь лошадей, вдругъ видитъ окружной, что съ поля бѣгутъ свиньи: одна, другая, третья, а за ними безъ шапки, съ кнутомъ, вылупя глаза—пастухъ; за пастухомъ овцы, коровы, хвостъ къ верху, ревъ, блеяніе, визгъ... Налетѣли и подъ ноги лошадямъ. Лошади взбѣсились, вырвались и понесли. Мужики за ними: держи! держи!

Наконецъ поймали, запрягли. Графъ, перепуганный и недовольный, уѣхалъ.

Когда все кончилось, окружной велѣлъ мужикамъ собраться къ правленію и вышелъ на крыльцо; въ рукахъ у него была *запись*.

— Ну-ка, голубчики! Кто въ кабаки желаетъ, выходи сюда! сказалъ окружной.

Мужики опустили головы.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

I.

Сцена представляетъ вагонъ третьяго класса. Два часа пополудни. Свистокъ. Поѣздъ двинулся. Всѣ сидящіе въ вагонѣ слегка покачнулись—одни впередъ, другіе назадъ; нѣкоторые перекрестились. Публика въ вагонѣ обыкновенная: офицеры, купцы, дамы средней руки, помѣщики, дѣти, солдаты, мужики, четыре бабы, три межевыхъ помощника, одинъ сельскій священникъ съ молоденькой дочерью и одинъ, нѣсколько пьяный, кучеръ. Въ окнахъ ландшафты мѣняются безпрестанно. Вправо видно пасмурное небо съ бѣгущими облаками и крутой косогоръ, поросшій дерномъ. На этомъ косогорѣ мелькаютъ поперемѣнно: корова, безстрастно глядящая на поѣздъ, бабы въ пестрыхъ платкахъ, рельсы, сваленные въ кучу, будка. У самой дороги показалась голова сторожа. Черезъ нѣсколько минутъ косогоръ превращается въ оврагъ, съ кирпичнымъ сараемъ; вдали виднѣется жидкій осинникъ и опять будка. Передъ будкой на мгновеніе явилась баба съ значкомъ въ рукахъ, дѣлающая во-фронтъ; мостъ съ оцѣпенѣвшимъ на немъ пѣшеходомъ шумно пролетѣлъ надъ вагономъ. Налѣво видно довольно большое изкрасна зеленоватое болото, кое гдѣ заросшее кустарникомъ; за болотомъ—село.

Пассажиры не успѣли еще оглядѣться и все еще находятся подъ вліяніемъ только что происходившихъ сценъ, неизбѣжныхъ при отъѣздѣ; всѣ о чемъ-то думаютъ и молча глядятъ другъ на друга; развѣ только кто-нибудь попроситъ своего сосѣда посторониться; другой устраиваетъ свои вещи; кто начинаетъ ужъ дремать, а кто просто смотритъ въ окно. Но это не надолго. Черезъ четверть часа понемногу начинается движеніе. Одинъ почтенный, въ русскомъ платьѣ купецъ приладился къ окну, вынулъ изъ картуза платокъ, отеръ себѣ съ лысины потъ, и тотчасъ же принялся за печеныя яйца.

Двѣ женщины, обѣ съ маленькими дѣтьми на рукахъ, первыя стали вполголоса освѣдомляться другъ у друга: кто что̀ везетъ, мальчика или дѣвочку? Какая-то барыня очень удобно устроила на перекладинѣ свою шляпку, и успѣла выжить сидѣвшаго рядомъ съ нею мальчишку мастерового, отъ котораго сильно пахло скипидаромъ; два молодые человѣка въ охотничьихъ сапогахъ закурили папиросы; кто-то полѣзъ подъ лавку спать.

У одного окна завязывается разговоръ въ родѣ слѣдующаго:

— Славная это выдумка—желѣзная дорога. И скоро, и дешево... въ одни сутки. Что̀?

— Да, отвѣчалъ другой, хорошо.

— А то, бывало прежде, ѣдешь, ѣдешь.

— Это правда.

— Вы далеко изволите ѣхать?

— Нѣтъ, недалеко—до Волховской станціи. А вы?

— Я до Питера. Что̀?

— Нѣтъ, я только спросилъ.

Оба сосѣда умолкаютъ и принимаются очень внимательно смотрѣть въ окно.

— Ты, бабушка, убери свои ноги, а то маіоръ придетъ—онъ тебя тогда... Видишь, офицерскія вещи лежатъ. Уйди лучше отъ грѣха! уговариваетъ деньщикъ какую-то старушонку.

— Куда-жъ я, родимый, пойду? Ишь, тѣснота какая!

— А ты вотъ что: гляди сюда! Вонъ видишь: мѣсто порожнее. Поди, сядь на край!

— Охъ, не пустятъ, голубчикъ ты мой! Право слово, не пустятъ меня, старуху. Кабы я молоденькая—нешто-бы.

— Говорятъ, уйди! Тебя же вѣдь, дуру, жалѣю. Вотъ онъ тебя маіоръ... Дай срокъ!

— Охъ, и сама бы рада, ушла, болѣзный ты мой! да идти-то, самъ видишь, некуда.

— А, старая, право! Грѣхъ только съ тобой! Полѣзай подъ лавку!

— Ну, ну, не гнѣвайся! Лѣзу, лѣзу.

Въ другомъ мѣстѣ идутъ тоже увѣщанія и почти въ такомъ родѣ. Вышневолоцкая чиновница уговариваетъ сидящаго съ нею рядомъ мѣщанина:

— Мужичокъ! а мужичокъ! Пошелъ бы ты сѣлъ вонъ туда, къ окошечку. Какъ бы хорошо: покойно и продуваетъ.

Мѣщанинъ, не отвѣчая, глядитъ куда-то въ сторону, держа на колѣняхъ лукошко съ курами. Немного погодя, чиновница опять начинаетъ приставать.

— Послушай, голубчикъ, видишь тѣснота какая! А ты будь довольно вѣжливъ: видишь, здѣсь дамы сидятъ.

Мѣщанинъ все не отвѣчаетъ.

— Тебѣ я, кажется, говорю: пересядь къ окошку!

— А ты поди сама сядь, коли взопрѣла. Что ты меня посылаешь?

— Невѣжа, мужикъ! Вотъ свяжись съ ними, только себѣ непріятность получишь, говоритъ негодующимъ голосомъ вышневолоцкая чиновница.

— Что-жъ ты не уважишь, въ самомъ дѣлѣ? Видишь проситъ... вступился сидящій наискось другой мѣщанинъ.

— И чудакъ ты погляжу я на тебя, право! вдругъ начинаетъ горячиться курятникъ.—Кажется, можешь понимать, не маленькій. Пойду я къ окошку! Видишь, духота—курица потная, даже духъ отъ себя пущать зачала, а я ее къ окну посажу. Сейчасъ вѣтромъ ее хватило—ну, и аминь. Постыдился бы и говорить-то что̀ не дѣло, а не то что. Она, положимъ, баба, ей простительно, говоритъ онъ, указывая на чиновницу, а вѣдь ты, кажется, тоже не дуракъ.

Мѣщанинъ съ негодованіемъ отворачивается.

Станція. Пассажиры подкрѣпляются водкой, пирожками и бутербродами. Торговки съ молокомъ, квасомъ и драченами, стоя въ отдаленіи, стараются перекричать другъ друга, и чуть не дерутся изъ-за покупателей. Мужики накинулись на какую-то лужу, и наполняютъ бутылки водой. Барыни съ разными мѣшечками прогуливаются по платформѣ.

— Вотъ горячи, горячи, горячи, чикъ, чикъ, чикъ! Ахъ были горячи! скороговоркой, бочкомъ, бочкомъ пробѣгая мимо вагоновъ, съ подносомъ въ рукѣ, приговариваетъ станціонный поваръ.

— Пильцины первый сортъ, мимонадъ газе...

— Квасу, квасу! Кому квасу? молодцы! Квасу молодого, квасу — у! предлагаетъ баба, шагая съ ведромъ черезъ чьи-то протянутыя поперегъ вагона ноги.

Мужикъ съ полотенцемъ на шеѣ заглядываетъ въ окна и вездѣ спрашиваетъ:

— Василей! ты здѣсь, что ли? а Василей! Да ты хошь откликнись! Василей!... и т. д.

Между мужиками слышится ропотъ на дороговизну харчей.

— Ишь вѣдь, жидъ-то тя ѣшь, что̀ ломитъ! а за пирогъ десятку! Вотъ и кормись. А, грабители!

Одинъ мужикъ держитъ въ рукахъ кусокъ севрюжины, и ворочаетъ его со стороны на сторону, говоря:

— Поди вотъ, какъ хошь, такъ и думай. Хошь ѣшь, хошь назадъ клади.

Въ воздухѣ пахнетъ дымомъ и сыростью. Накрапываетъ мелкій дождь.

Поѣздъ опять двинулся.

— Напоили лошадку—повезла, замѣчаетъ кто то. Въ сотый разъ слышатся похвалы желѣзной дорогѣ.

Опять пошли различные виды по сторонамъ.

Въ вагонѣ, и безъ того биткомъ набитомъ пассажирами, вдругъ очутилось еще человѣкъ двѣнадцать пильщиковъ, въ зипунахъ и полушубкахъ, съ обвѣтрившими лицами и потрескавшимися губами. Сѣли они молча, гдѣ попало, куда разсовалъ ихъ кондукторъ, и нѣсколько времени не трогались съ мѣста, какъ будто ожидая чего-нибудь. И дѣйствительно, минутъ черезъ десять пассажиры стали жаться и сторониться, выказывая болѣе или менѣе явно неудовольствіе, которое они испытывали отъ сосѣдства мужиковъ. Пильщики же, въ свою очередь, начали понемногу отодвигаться на край, подбирая свои мѣшки и пилы. Потомъ пассажиры, одинъ за другимъ, стали совѣтовать имъ пересѣсть на другія мѣста; но какъ свободныхъ мѣстъ не оказалось, то мужики, посмотрѣвъ по сторонамъ, продолжали сидѣть, уныло глядя на пассажировъ. Одинъ кто-то убѣдилъ-таки двухъ мужиковъ поискать другого помѣщенія; они пошли бродить съ своимъ добромъ по вагону, но никто не хотѣлъ ихъ пустить. Барыни, еще издали завидя приближеніе ихъ, растопыривали платья какъ можно шире, клали ноги на скамьи, притворяясь спящими, и всѣми неправдами старались занять какъ можно больше мѣста. Одинъ мужикъ, впрочемъ, присѣлъ гдѣ-то на краешкѣ, а другой такъ и остался среди вагона, и простоялъ вплоть до слѣдующей станціи, вопросительно поглядывая по сторонамъ.

А между тѣмъ пассажиры успѣли уже достаточно обсидѣться и даже ознакомиться другъ съ другомъ. Въ разныхъ мѣстахъ слышны разговоры. Старуха баба разспрашиваетъ сидящаго рядомъ съ нею крестьянскаго мальчика лѣтъ двѣнадцати, равнодушно болтающаго ногами, на которыхъ надѣты большіе мужичьи сапоги:

— Что-жъ тѣ мать рубашекъ дала?

— Дала, глядя себѣ на сапоги, шопотомъ отвѣчаетъ мальчикъ, и принимается еще больше болтать ногами.

— И лепешекъ напекла на дорогу?

— Напекла.

— Небось плакала—прощалась?

— Плакала.

— Ахъ, касатикъ ты мой! Какъ же она тебя, малаго ребенка, одного на фабрику отпустила?

Мальчикъ, вмѣсто отвѣта, проводилъ себѣ подъ носомъ рукою, и очень усердно начинаетъ отвертывать уголъ платка, лежащаго у него на колѣняхъ.

— Что-жъ ты, глупенькій, платокъ-то рвешь? унимаетъ его старуха. Небось мать дала?

— Мать.

— О-о-охъ-хо-хо! То-то, вотъ не нужно бы тебя пускать—малъ, еще глупъ. Что это у тѣ на лбу-то? аль родинка?

— Тятька хворостиной, равнодушно отвѣчаетъ мальчикъ, потрогавъ это мѣсто пальцемъ.

— Какъ же это онъ тебя?

— Я въ лѣсъ убёгъ.

— Зачѣмъ же ты убёгъ?

— Отъ фабрики.

— Ну, а онъ тебя и пымалъ?..

— И пымалъ.

— Ахъ, голубчикъ ты мой! Ну, что-жъ? Тутъ онъ тебя въ лѣсу хворостиной-то и попужалъ?

— Впередъ хворостиной, а послѣ домой привезъ, лошадь отпрягъ, и зачалъ возжами пужать: все пужалъ, все пужалъ; мать отняла—онъ матери другой глазъ вышибъ.

— Ахъ, ахъ, ахъ! Что-жъ онъ у васъ такой? Аль горячъ?

— Нѣтъ, не горячъ—онъ купцу долженъ.

Позади мальчика и старухи идетъ горячій споръ между кучеромъ и отставнымъ унтеръ-офицеромъ. Оба они нѣсколько выпивши. Кучеръ съ чѣмъ-то пристаетъ къ сосѣду, а тотъ его не слушаетъ и твердитъ свое:

— Въ которомъ году корнованіе принимали? спрашиваетъ унтеръ-офицеръ.

— Это я все довольно хорошо понимаю, а вы не можете отвѣчать, чтò я у васъ спрашиваю.

— Нѣтъ, постойте! Вы мнѣ впередъ скажите, въ которомъ году корнованіе принимали?

Кучеръ задумывается и начинаетъ вздыхать, припоминая годъ.

— Въ 22-мъ.

— Котораго числа?

— Осьмого.

— А-а-а! Вотъ и попались. Нешто осьмого?

— Что-жъ такое? Извѣстно я оченно знаю, потому какъ я у его сіятельства, графа Сиверцева... Свитлѣйщій графъ! упокойникъ... У его сіятельства, у родителя...

— Нѣтъ, вы не забѣгайте впередъ! Что̀ васъ спрашиваютъ, то вы, безъ сомнѣнія, должны отвѣчать. Когда покойный государь ампираторъ на вторительную службу присягу принималъ, то наша брихада вся тутъ въ сборѣ была. Теперича я...

— Нѣтъ, вы погодите! перебиваетъ кучеръ.—Я все это оченно аккуратно знаю, и довольно могу понимать почему что, какъ я, значитъ, еще малымъ младенцомъ ѣзжалъ на лошади по этой по чугункѣ.

— Хорошо, останавливаетъ унтеръ-офицеръ, теперь отвѣчайте: какая третья станція? а?

Кучеръ опять на минуту задумывается, сопя и наморщивая брови.

— Тутъ такая деревня есть. Ахъ, дѣвки знатныя! Такъ пустая деревня... Какъ ее? Да, бишь, Лисафетина.

— Вотъ и пымалъ. Это по чугункѣ-то Лисафетина?

— Что-жъ такое—по чугункѣ? Чугунка сама собой...вотъ онъ, билетъ! А то, выходитъ, шисе.

— Нѣтъ, опять все разница. А я вамъ скажу... Теперича я пятнадцатый годъ билейторомъ состою, и какъ ежели начальство...

— Какого полку? вдругъ перебиваетъ кучеръ.

— Мы-то?

— Нѣтъ, я спрашиваю, вы и должны отвѣчать.

— Мы какъ сейчасъ, значитъ, съ его сіятельствомъ, съ графомъ Дибичъ-Забалканскимъ въ 28-мъ году Шумлу брали... Да вы про что̀ спрашиваете?

— Я спрашиваю... кучеръ самъ забылъ, о чемъ спрашивалъ.

— Я васъ спрашивалъ, а вы совершенно не можете потрафить на мой разговоръ. А я знаю, твердо знаю. Нѣтъ, я вижу, вамъ супротивъ меня трудно; нѣтъ, трудно.. На словахъ-то вѣдь тоже нескоро кто исправитъ. Я вижу... гдѣ? Меня обмануть никакъ невозможно... потому, первое: свитлѣйщій графъ еще покойникомъ отъ родителевъ отъ своихъ можетъ еще тридцати годочковъ на службу поступалъ... Это разъ. А второе, теперь будемъ говорить, который урожденный графъ, его свѣтлость... можетъ я его вутэтакаго пальчика не сто̀ю, каковъ есть палецъ. А когда мы въ Москву въѣзжали, покойникъ графъ говоритъ: Иванъ!—Чего извольте, ваше сіятельство?

— Это я все знаю, а вы не забѣгайте...

— Котораго числа?

— Что̀ котораго числа?

— Нѣтъ, что̀ я васъ спросилъ?

— Что̀ вы спросили?

— Съ самаго съ первоначала я васъ спросилъ:ततеперичe которые дворовые люди совершенно при господахъ своихъ находятся, какъ объ нихъ надо понимать? Э! вотъ и не можете. А я сейчасъ могу все дѣло разсудить, потому мнѣ нельзя не знать. Что-жъ такое? хучь бы меня къ примѣру взять. Ну, пьяница... Мнѣ что̀? Съ меня будетъ. А можетъ я и того не стою. Я доволенъ! Ваше сіятельство! Свитлѣйщій графъ! Много доволенъ! Отецъ! отецъ!.. Свитлѣйщій графъ! Семи годочковъ на службу поступалъ... Должонъ я это чувствовать, или нѣтъ?

— Вы про коронацію отвѣчайте.

— Нѣтъ, вы скажите: должонъ я это чувствовать? Нешто я свинья?...

Унтеръ-офицеръ махнулъ рукой.

Является кондукторъ.

— Господа, билеты приготовить! Не курить, господа! Мужикъ, сядь на мѣсто!

— Куда-жъ я сяду?

— Ну, стой!

II.

Смеркается. Въ воздухѣ посвѣжѣло, изъ оконъ потягиваетъ сыростью. Вечерніе виды безмолвно проносятся мимо, и все больше и больше застилаются синеватымъ туманомъ. Лѣса и деревни, голыя поля и овраги мутно смѣняются одни другими, и чѣмъ дальше, тѣмъ гуще и безсвязнѣе становятся ихъ и безъ того неясныя очертанія. Въ вагонѣ разговоры сдѣлались оживленнѣе, въ одномъ концѣ уже затянули пѣсню. У самой двери, въ углу, примостились два межевыхъ помощника; оба они лежатъ. Одинъ разсказываетъ другому:

— Денегъ много было; только что съ межи вернулся. Пріѣхалъ въ Москву, думаю, ну, кончено; водку къ чорту, шинель сошью и жениться. А тутъ нелегкая и подверни мнѣ Зайцева. Пришелъ ко мнѣ—давай вмѣстѣ жить: это, говоритъ, намъ будетъ гораздо дешевле стоить. Какъ расписалъ-то, скотина, я и повѣрилъ. Я, братъ, говоритъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ: водки и ни Боже мой! Хорошо. Наняли квартиру, знаешь, тутъ нумера на Рождественкѣ, переѣхали. Только переѣхали, а ужъ Зайцевъ успѣлъ повѣстить всѣмъ нашимъ, чтобы, значитъ, съ новосельемъ шли поздравлять. Ихъ чортъ и принеси. Пришли; гляжу, Зайцевъ изъ-подъ кровати четверть тащитъ. Что-жъ, говоритъ, посылай за закуской! Дѣлать нечего, послалъ за колбасой; наши пристаютъ: что-жъ за колбасой, посылай за монахомъ *)! Принесли монаха, и къ вечеру, я тебѣ скажу, такъ нахлестались—страсть! Часовъ должно быть въ 11-ть Чубаровъ взбунтовалъ всѣхъ въ Италію. Поѣхали; тамъ еще четыре графина усидѣли, дѣвокъ поколотили!.. Изъ Италіи вышли въ два часа ночи. Куда-жъ къ чорту? Вездѣ заперто. Въ Котиковъ! Въ Котиковомъ торбаниста наняли пѣтухомъ пѣть и жеваную бумагу ѣсть за три цѣлковыхъ. Надоѣло; оттуда въ Горячій. Не пускаютъ. Мы двери бить: за полиціей послали. Мы двухъ будочниковъ избили, дали имъ полтора цѣлковыхъ и въ Епонешниковъ. Изъ Епонешникова ужъ въ 8 часовъ утра привезъ насъ домой мѣщанинъ какой-то, чортъ его знаетъ. Я ужъ и не помню, чтò за мѣщанинъ, и откуда онъ взялся. Помню только, что онъ къ намъ еще въ Италіи приставалъ, и что Зайцевъ ему водку за пазуху наливалъ, и рожу всю сальной свѣчей, какъ чорту, вымазалъ. На другой день проснулись

---

*) Монахъ—штофъ.

ужъ къ вечеру, и прямо-таки въ Крымъ. Тамъ и ночевали. На третій день, только успѣли глаза протереть—опохмѣляться, и такъ-то опять настегались, только держись. И дернуло же насъ куда? Въ Восточный Байкалъ. Тамъ до изумительнаго безобразія дошли; ужъ и водки намъ не стали давать. Антушевъ хозяина избилъ, въ комнату къ нему забрался... Вотъ потѣха была! И пили мы такимъ манеромъ, я тебѣ скажу, девять дней и девять ночей. Всѣ до копѣйки пропили. Два дня смерть голова болѣла; на третій день Зайцевъ сходилъ къ своей Дунькѣ, взялъ у ней подушку, заложилъ, и водки принесъ. Опять пить. Только пропили эти деньги, опять наши пришли; кричатъ: ура! Часы чьи-то заложили, 15 цѣлковыхъ денегъ принесли. Ну, тутъ мы еще три дня безобразничали. На третій день очнулся я за Бутырской заставой. Какъ я туда попалъ и понять не могу; только и помню, что бѣгу я по полю въ однихъ носкахъ, да въ рубашкѣ, а куда бѣгу и чортъ его знаетъ. Слышу кричатъ сзади: держи, держи, а я-то накаливаю — страсть! Добѣжалъ до заставы, нанимаю извозчика, не везетъ, я его въ зубы—повезъ. Пріѣхалъ домой; на другой день горячка. Шесть недѣль пролежалъ; видишь, волосы всѣ вылѣзли.

— Ну, а какъ же теперь, жениться-то? спросилъ его другой.

— Куда къ чорту. Нѣтъ, должно быть, не судьба. А какая было подвертывалась — прелесть! Кругленькая, пухленькая... И домъ есть, отецъ чиновникъ.

— Ну, а шинель?

— Поди ты къ чорту! Смущаешь только. Какая тутъ у дьявола шинель? Жрать нечего.

Товарищъ межевого помощника покатился со смѣху.

Нѣсколько человѣкъ фабричныхъ поютъ пѣсню. Одинъ изъ нихъ жеманно выводитъ голосомъ:

У Матвѣева купца
Солучилася бида...

— Ишь ты, глотки дерутъ, замѣчаетъ купецъ съ неудовольствіемъ.

И что ни сто рублей пропало,
Что ни тысячи яво...

— Нельзя намъ не пѣть, купецъ!

И пропадала у яво...

не переставая пѣть, говоритъ фабричный.

— И дочь любимая яво.

— Скука! Безъ дѣла не привычны!

И красна дѣвка хо...

— Чиво-съ?

— Что орать-то зря? Какое такое это веселье?

— Анніядушка душа.

— Совершенно веселье. Это справедливо. Напоешься досыта, взопрѣешь, все какъ словно дѣло дѣлалъ. А такъ-то и вовсе не заснешь. Стой, ребята! Шабашъ! Давай другую:

Ахъ, и что и это за сеарца,
Да ахъ и что за бѣдыная мое...

Дальше идетъ разговоръ такого рода:

— А все это, главная причина, наша гордость, разсуждаетъ какой-то человѣкъ въ поддёвкѣ.

— Веди себя въ аккуратѣ, и все ничего. Я вотъ тоже по началу-то сколько побоевъ принялъ, а почему? собственно изъ-за гордости изъ-за своей; потому еще глупъ былъ, порядку не зналъ. Онъ драться, а я сейчасъ съ дуру-то—виноватъ. Потому—срòбѣлъ, ни нà что не похоже. Какъ теперичe, значитъ, онъ по щекѣ меня разъ,—у меня инда жилки затряслись; онъ это опять размахнется,—размахнется, да по другой меня разъ! Такъ у меня, я тебѣ скажу, даже круги зеленые передъ глазами пошли, стою вотъ ровно статуй какой ни на есть, ничего не вижу, а самъ языкомъ у себя во рту щупаю: всѣ ли молъ зубы-то у меня. Такъ вотъ оно чтò!... «Говори, виноватъ», говоритъ. Виноватъ, говорю. «Признавайся во всемъ, какъ тебя звать...» говоритъ, а самъ сейчасъ опять разъ! Ну, и признался. Такъ и такъ, говорю. Вотъ она гордость-то наша! Извѣстно—глупость. А ты веди себя такъ, чтобы, значитъ, ни отнюдь не признаваться ни во вѣки вѣковъ—хуже. Онъ тебя бить, а ты стой на своемъ: знать не знаю; сейчасъ, молъ, питсотъ палокъ готовъ принять—ничего я этого не дѣлалъ. Стой вотъ такъ-то, прямо въ глаза ему упрись и шабашъ. Бей—сколько хошь! Нѣтъ, вретъ: умается, отстанетъ. А то вотъ у насъ молодецъ былъ: и какую же онъ, братцы мои, теперича моду взялъ. Какъ только его драть, онъ это сейчасъ живымъ манеромъ съ позволенья сказать... Ей Богу! Его драть, а онъ... и до тѣхъ поръ все это дѣлаетъ, пока бросятъ. Такую ужъ привычку имѣлъ. «Я говоритъ, братцы, это завсегда могу хоть кажный часъ, потому, говоритъ, у меня къ примѣру теперичe рубецъ все одно, какъ у селезня, говоритъ. Опять и на счетъ отвѣту парень битка былъ. Говори: виноватъ!—Виноватъ! Въ чемъ виноватъ?—Не знаю. И весь разговоръ. Ну, сейчасъ опять драть. Дерутъ, дерутъ... Говори: виноватъ!—Виноватъ. Въ чемъ виноватъ?—

не знаю. Что-жъ, братецъ мой, вѣдь отстали. Первое дѣло—очень ужъ противно, и опять же ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Притворится, что сробѣлъ, сробѣлъ, да сробѣлъ, ничего не помнитъ, и кончено. Такъ и бросили.

— А вотъ у насъ бурмистръ былъ, говоритъ другой,—Степанъ Васильичемъ звали,—чудной тоже. На гусей очень ужъ повадливъ былъ. Охотникъ смертный. И все теперь у него гуси боевые, рублей по тридцати гусаки. Поѣдетъ зачѣмъ ни на есть въ городъ, возьметъ съ собой гусей что ни самыхъ сердитыхъ, и сейчасъ къ судьѣ, это биться. Иной разъ недѣлю живетъ, все, значитъ, никакъ другъ дружку не одолѣютъ. И въ ту пору никто не смѣй ему слова сказать, изувѣчитъ; чѣмъ ни попадя такъ и пуститъ: полѣномъ, такъ полѣномъ, топоромъ, такъ топоромъ; хошь баринъ, хошь кто—это ему все ничего не значитъ. Теперь ежели какъ что нужно, приди къ нему. «Ахъ, молъ, Степанъ Васильичъ, какого я гуся видѣлъ!—Гдѣ? гдѣ?—«А вотъ у мошковскаго мужика по базару носилъ.»—Что-жъ лучше моихъ?» а самъ весь дрожитъ. «Гдѣ же, молъ, лучше! Нешто, молъ, противъ вашихъ можетъ какой гусь устоять? Ваши гуси одни въ губерніи! Онъ это сейчасъ: «А! молодецъ! молодецъ! Я тебя знаю: ты у меня во всей вотчинѣ первый мужи́къ. Хочешь водки?» Ну, тутъ и проси у него, что̀ тебѣ нужно. Все сдѣлаетъ.

Чѣмъ темнѣе становится въ вагонѣ, тѣмъ все больше и больше начинаетъ обнаруживаться въ пассажирахъ стремленіе къ примащиванію и къ сооруженію разныхъ болѣе или менѣе удобныхъ логовищъ. Одна старая, но совершенно бѣлокурая нѣмка очень ловко выжила своего vis-a-vis, нагородила разныхъ ящичковъ и мѣшечковъ и устроила себѣ такимъ образомъ очень покойную постель. Занавѣсила окно платочкомъ, изъ бурнуса устроила пологъ и, сотворивъ вечернюю молитву, мирно легла почивать.

Дѣти съ приближеніемъ ночи принимаются кричать и капризничать; куры, потревоженныя кѣмъ-то въ лукошкѣ, тоже поднимаютъ крикъ, который, вмѣстѣ съ пѣснями, отрывками разговоровъ и разныхъ восклицаній, производитъ чепуху невообразимую. Въ одномъ мѣстѣ ругаются, въ другомъ идетъ объясненіе въ любви, въ третьемъ кто-то отъ скуки нарѣзался какъ сапожникъ, и кричитъ что̀-то ужасно безтолковое, только и слышно: «Постой, постой, дай срокъ, я съ тобой ужо справлюсь. Я тебя... да вотъ я тебя...» больше ничего не разберешь.

Мужики завалились спать спозаранку подъ скамьи и подняли уже сильный храпъ. Время отъ времени вылѣзетъ который-нибудь изъ нихъ, и ну чесаться. Посмотритъ, посмотритъ на всѣхъ полоумными глазами, и опять подъ скамью.

Въ одномъ мѣстѣ сидятъ два приказчика. Одинъ изъ нихъ маленькаго роста, одѣтъ въ пальто, повидимому выпивши, и болтаетъ безъ умолку; чтò-то все разсказываетъ, разсказываетъ, вретъ жесточайшій вздоръ, и въ то же время все усовѣщеваетъ другого, чтò-то совѣтуетъ ему, вскакиваетъ съ мѣста, машетъ руками, опять садится, и вообще обнаруживаетъ въ поступкахъ какую-то безтолковую и нелѣпѣйшую хлопотливость. Другой совсѣмъ пьянъ, одѣтъ по-русски, на видъ мраченъ, сидитъ повѣся голову и ничего не отвѣчаетъ; только иногда вдругъ ни съ того, ни съ сего заоретъ чтò-нибудь и опять успокоится, и все ворочаетъ глазами исподлобья, точно убить кого-то собирается.

— Погоди, погоди, пристаетъ къ нему маленькій приказчикъ: Ты слушай! Теперь мы пріѣдемъ, ты сейчасъ надѣнь новыя брюки, жилетъ, галстукъ, все... понимаешь? Ну, вотъ такимъ манеромъ войдешь... Да ты слушай! Ахъ, братецъ, какъ ты грубъ! Ты долженъ понимать, вѣдь я для твоей же пользы говорю.

— Крррраулъ! что есть мочи оретъ высокій приказчикъ.

— Ахъ, Боже мой! Да ты слушай, чудакъ! Чтò я тебѣ сейчасъ говорилъ? Ну, говори! чтò я тебѣ говорилъ?

— Ур-ра-а-а!

— Вотъ вѣдь какая ты скотина, Митя! Для кого же я стараюсь? Ты долженъ это понять. Какъ ты собираешься однимъ словомъ дѣлать предложеніе образованной барышнѣ, то ты можешь себя оконфузить.

— Поди къ свиньямъ! Ур-а-а!

Наискось отъ приказчиковъ сидятъ двѣ старухи, повязанныя платками.

— Извѣстно, мать моя, какой ужъ въ дому безъ хозяина порядокъ. Охъ-охъ-хо! говоритъ одна изъ нихъ, покачивая головой.

— Чтò и говорить. Тотъ тащитъ, другой тащитъ. Нешто за всѣми углядишь. Все я, да я. Опять же мое дѣло старое, за домомъ глядѣть некому: ни тебѣ пищи, ни тебѣ спокою. Да они еще, дѣтки-то мои, вонъ чтò говорятъ: за чтò, говорятъ, тебя кормить? Ты, говорятъ, ужъ собачьей кожей обросла, помирать пора. А дочка-то говоритъ: стану, говоритъ, я тебя слухаться. Только и словъ у нихъ для меня, что лѣти, да разлѣти. Первый домъ былъ Архипа Ѳедосѣева—опаскудили.

— Крр-а-у-у-лъ! надсаживаясь изо всѣхъ силъ кричитъ пьяный приказчикъ.

— Ахъ, чтобъ тѣ розорвало. Ишь, оретъ! Вотъ бить-то некому.

— Молчи, старая подошва! Убью!

— Да уймите вы его, озорника! раздаются со всѣхъ сторонъ бабьи голоса.

— Никто меня не уйметъ. Въ прахъ разшибу! Никто, никто-о меня не уйме-о-отъ. Я жениться хочу. Ур-а-а!

— Митя! что̀ я тебѣ говорилъ? а? Митя, вспомни! Не конфузь хоть меня-то передъ благородными людьми!

— Поди прочь! съ этими словами приказчикъ повалился на лавку и успокоился.

Темнѣетъ. Разговоры понемногу начинаютъ стихать. У окна идетъ вполголоса бесѣда о благочестіи. Сидятъ трое: какой-то мѣщанинъ, лѣтъ 40, съ ученымъ снигиремъ въ клѣткѣ, большой знатокъ церковнаго пѣнія; сельскій священникъ, въ рыжемъ подрясникѣ, съ жиденькой полинялой бородкой, и еще дворовый человѣкъ, пожилыхъ лѣтъ, въ шинели со стоячимъ воротникомъ, во все время молчащій и очень внимательно слѣдящій за разговоромъ. Мѣщанинъ-птицеловъ необыкновенно серьезно и отчасти даже въ носъ говоритъ о богослуженіи и обращается въ разговорѣ къ сосѣдямъ; священникъ утвердительно киваетъ головой и дремлетъ. Немного поодаль сидитъ молодая поповна, повязанная платочкомъ, и разговариваетъ вполголоса съ офицеромъ, который ей что̀-то очень нѣжно нашептываетъ.

— Помилуйте, говоритъ мѣщанинъ, разводя руками, что̀ это такое? Стою теперь хучь бы я въ храмѣ Божіемъ, и на мѣсто того, чтобы молиться, а я между прочимъ грѣхъ творю. Такъ ли я сказалъ?

— Что̀ и толковать, отвѣчаетъ священникъ.

— Ну, хорошо. Будемъ такъ говорить: идетъ къ примѣру божественная литургія. Пресвитеръ возглашаетъ: миръ всѣмъ. Что̀ я долженъ отвѣчать? «И духови твоему». Такъ?

— Само собой, подтверждаетъ священникъ.

— Вѣрно. Теперь причетникъ, клиръ то-есть, и зачастилъ: перерось, перерось—вмѣсто Господи помилуй. Опять наровитъ что̀ ни на есть изъ службы утянуть. Нешто это порядокъ?

— Да, ужъ эти дьячки, точно. Ты, Маша, поди сюда сядь!

— Какъ я теперь могу духомъ возноситься горѣ?

— Тамъ, тятенька, очень отъ окна дуетъ.

— Что за дуетъ? Поди сюда!

— Нѣтъ, вы извольте прислушать, батюшка, какой случай: былъ у меня въ Старицѣ діаконъ знакомый. И какое же теперь съ этимъ діакономъ искушеніе было. То бишь, прежде попущеніе и послѣ того искушеніе. На моихъ глазахъ. Вотъ ужъ истинно перстъ Божій.

— Да, да, не слушая говоритъ священникъ. Это бываетъ. Марья! тебѣ говорятъ!

Марья не отвѣчаетъ.

— И служилъ этотъ дьяконъ, надо правду говорить, безо всякаго то-есть обниманія. Теперичe это ему обѣдня — не обѣдня, вечерня—не вечерня, только и на умѣ, чтобы, главная вещь, поскорѣй. Ну, хорошо.

— Вы какихъ же больше любите? съ усами, или безъ усовъ? вполголоса спрашиваетъ поповну офицеръ, лукаво запуская глаза ей подъ платокъ.

— На что̀ вамъ?

— Только и говорю я этому діакону, продолжаетъ мѣщанинъ: эй! говорю, Василь Иванычъ, смотри, братъ, этимъ шутить нельзя.

Священникъ дремлетъ.

— За это, говорю, знаешь что̀? Богъ-отъ, онъ, говорю, видитъ. Онъ, говорю, Создатель нашъ, терпитъ, точно. Все терпитъ, все терпитъ, ну, однако тоже какъ бы чего не вышло! Ну, вотъ, говоритъ, ничего! Смотри, говорю, ничего. И что̀ же теперь сталось? На глазахъ моихъ дѣло было. Что̀ значитъ перстъ-то!

— Какъ? съ просонья спрашиваетъ священникъ.

— Я говорю, батюшка, перстъ-то Божій...

— Да, да, да. Марья! ты что-жъ не слушаешься?

— Да я, ей Богу, тятенька...

— Поди сюда! Вотъ, дай срокъ, домой пріѣдешь, я матери скажу: она тебя!

— Долго ли, коротко-ли, только и захворай же у этого діакона жена. Да такъ захворай, такъ захворай, какъ хуже не надо. Слышите, батюшка?

— Само собой... Машка! Да долго ли я тебѣ, оглашенной, говорить буду?

— Что вы, тятенька, ругаетесь?

— Иди сюда!

— Да сейчасъ!

— До свиданія, говоритъ офицеръ. Такъ такъ?

— Ишь вы какіе!

Совсѣмъ темно. Подъ лавками слышны голоса:

— Коли спать, такъ спать, а то у меня не возиться! За это, знаешь, за хвостъ, да палкой...

— Аихма! наши дома спятъ, говоритъ кто-то позѣвывая и причмокивая губами, точно закусываетъ.

— А мы на чугункѣ, отвѣчаетъ кто-то изъ другого угла.

— Это ты, Іонка?

— Я.

— Ужъ ты у меня дождешься озорничать!

— Анпіяда! убери ты свою Агафью, сдѣлай такую милость! Ишь вѣдь духота, не продохнешь.

— Экое мужичье! замѣчаетъ какой-то недовольный голосъ. Уснуть не дадутъ. Свиньи!

— Именныя свиньи. Это ваша правда, подтверждаетъ знатокъ церковнаго пѣнія. Боже, Боже мой! милостивъ буди мнѣ грѣшному! Спокойной ночи, васскородіе.

Наступаетъ тишина. Кондукторъ зажигаетъ свѣчи.

III.

Ночь. Свѣчи догораютъ. Востокъ начинаетъ слегка бѣлѣть. Въ вагонѣ тихо, только слышно, какъ дорога гремитъ. Пассажиры заснули гдѣ и какъ кто могъ. Въ разныхъ мѣстахъ слышно храпѣніе. Кто-то протянулся было на скамейкѣ, уронилъ одну ногу на полъ, и замычалъ. У двери дремлетъ кондукторъ, уткнувши носъ въ собачій воротникъ казенной шинели, и покачивается изъ стороны въ сторону. Одинъ изъ пильщиковъ разпластался на полу въ самомъ проходѣ. У окна, свернувшись клубочкомъ, спитъ поповна. Въ одномъ углу слышенъ шопотъ:

— Прасковья! а Прасковья!

— Ну, что̀ тебѣ?

— Ты спишь?

— Нѣтъ, не сплю.

— Что̀ я вздумалъ.

— Ну!

— Гляди сюда! это что̀?

— Господи, Господи, Господи... безсвязно бормочетъ во снѣ птицеловъ.

ВЕЧЕРЪ.

По обѣимъ сторонамъ большого черноземнаго оврага стоятъ, вытянутыя въ два порядка, сѣроватыя крестьянскія избы, съ почернѣвшими крышами. По оврагу вьется рѣчка, съ грязными берегами, кое-гдѣ поросшими ветлянникомъ. Поперекъ рѣчки идетъ навозная плотина, съ ветлами, на которыхъ съ крикомъ усаживаются на ночлегъ стаи грачей. Передъ крестьянскими избами, обращенными лицомъ къ оврагу, тянется вязкая улица. На завалинкахъ кое-гдѣ сидятъ бабы. Старуха смотритъ въ окно. По косогору къ рѣчкѣ спускаются огороды. На нихъ видны торчащія въ разныхъ мѣстахъ пугала, въ старыхъ бабьихъ зипунахъ. На одномъ пугалѣ сидитъ ворона. У самой воды—кузница. Кругомъ села со всѣхъ сторонъ—поле; только въ одномъ мѣстѣ изъ-за пригорка виднѣются два крыла вѣтряной мельницы. По другую сторону оврага, надъ крутымъ обрывомъ, стоитъ ветхая деревянная церковь, съ покосившеюся колокольней. За церковью виденъ, однимъ бокомъ обращенный къ рѣчкѣ, помѣщичій домъ, широкій и низкій, съ посѣрѣвшими стѣнами и зелеными ставнями. Изъ отворенныхъ оконъ слышны звуки фортепьяно. По двору ходятъ двѣ борзыя собаки. Лакей несетъ въ кухню тарелки. На крыльцѣ стоитъ горничная и встряхиваетъ скатерть. Изъ конюшни выводятъ лошадей на водопой.

Въ барскомъ домѣ, въ кабинетѣ, ходитъ изъ угла въ уголъ помѣщикъ лѣтъ 45, съ голою жирною шеей, въ парусинномъ пальто и батистовой рубашкѣ суроваго цвѣта. У дверей стоитъ, заложивъ руки за спину, приказчикъ,—отставной унтеръ-офицеръ, съ большими черными бакенбардами, въ долгополомъ сюртукѣ и суконномъ галстукѣ.

Помѣщикъ, не глядя на него, говоритъ скороговоркой:

— Да, такъ ты имъ и скажи; отъ моего имени скажи! Слышишь? Что баринъ, молъ, лѣсъ бережетъ.

— Слушаю-съ.

— Да-да-да. Такъ и подтверди, что баринъ, молъ, этого не желаетъ.

— Слушаю-съ. Да только они говорятъ, что, говорятъ, намъ безъ оглобель тоже никакъ невозможно.

— Ну, такъ что̀-жъ мнѣ дѣлать? Подумай самъ—ну!

— Это точно такъ-съ.

Приказчикъ, помолчавъ немного, сдѣлалъ три шага впередъ, одинъ назадъ, откашлялся и сказалъ:

— Осмѣлюсь доложить, васскобродіе, насчетъ работы какъ изволите приказать?

— Что же?

— Да поздно выходятъ-съ. Я было, по вашему приказанію, отъ дуги колокольчикъ отвязалъ и велѣлъ старостѣ, чтобы т.-е. неуклонно звонить-съ.

— Да.

— Ну, смѣются-съ. Старосту звонаремъ прозвали, а на работу все-таки поздно выходятъ.

— Гм. Такъ какъ же быть?

— Не могу знать-съ.

— Надо что̀-нибудь придумать.

Помѣщикъ зачастилъ по комнатѣ, а приказчикъ, подумавъ, сказалъ:

— Я полагаю, васскобродіе, для хозяйства барабанъ завести не мѣшаетъ, и недорого стоитъ. Вонъ анамедни татаринъ медвѣдя приводилъ, такъ я прицѣнялся. Я, говоритъ, для васъ уступлю.

— Это что̀? медвѣдя?

— Нѣтъ-съ, барабанъ. Я т.-е. на счетъ барабана...

— Да. Нѣтъ, ужъ это... Да ты, любезный, я вѣдь тебѣ говорилъ: скажи имъ отъ меня, что баринъ, молъ, проситъ.

— Я это имъ внушалъ.

— Ну что же?

— Ничего-съ. Они говорятъ: это точно-съ, и мы, говорятъ, это понимаемъ, ну, однако, все напротивъ.

— Нѣтъ, я вижу, ты не умѣешь. Ты видѣлъ, какъ я съ ними говорю? Братцы! говорю, мы всѣ, говорю, изъ одной земли сдѣланы. Вы, говорю, помните! Вѣдь мы братья по Христу, кровные братья. Сейчасъ имъ то, другое; ну они и почувствуютъ. Я никого не хочу принуждать. Я тебѣ еще разъ повторяю: все это надо кротко, мирно; надо больше увѣщаніями дѣйствовать, а не то, что: разъ, два.

— Я и такъ увѣщаніями. Ужъ, кажется, довольно хорошо имъ говорю: вы, говорю, свиньи, должны чувствовать. Помѣщикъ, говорю, изъ-за васъ ни дня, ни ночи спокою себѣ не имѣетъ; пищи совсѣмъ рѣшился. Все это имъ говорю. А впрочемъ какъ угодно, васскобродіе; ну только я такъ считаю, что безъ острастки ничего нельзя сдѣлать.

— Ни, ни, ни! Ни подъ какимъ видомъ! Что ты?

— Позвольте, васскобродіе! Это я понимаю. Изволите говорить—мирно. Хорошо-съ. Третьяго дня, то бишь, на той недѣлѣ, сказываю я старостѣ: что-жъ ты, братецъ мой, не смотришь? Почему у тебя мужики не въ порядкѣ? А онъ: да что̀ жъ мнѣ дѣлать? говоритъ. Помилуйте, Иванъ Денисычъ! Вѣдь они, говоритъ, черти. Нешто съ ними, съ каторжными, сообразишь? Опять на счетъ бабъ позвольте доложить...

— Что̀ еще?

— Да сладу никакого нѣтъ. Какъ изволили приказывать, чтобы въ эвтимъ случа̀ѣ, значитъ, не принуждать, я и не принуждаю; ну только что-то ужъ часто. Я это и не слыхивалъ. Какъ самъ я человѣкъ женатый, и всѣ эти дѣла довольно коротко знаю; но для меня это даже удивительно. Дней пять, шесть прошло—опять! Что за оказія! Еще одну бабу нарядилъ я лѣтошній овесъ пересыпать. Баба она холостая, что жъ ей? Я и нарядилъ. И какую же она исторію сплела? Онъ, говоритъ, т.-е. я то-съ, онъ меня, говоритъ, въ ригу звалъ. А я, т.-е. хоть бы въ помыслахъ у меня было. Да и баба-то самая непутящая. Свои даже судьей прозвали ее. Вотъ вѣдь онѣ какія! А вы изволите приказывать, чтобы т.-е. вѣжливо обращаться. Опять вотъ тоже перекличка. Отдалъ я по селу приказъ, чтобы, значитъ, какъ въ колоколъ ударятъ, чтобы всѣ были на мѣстѣ, противъ флигеря, на площадкѣ. На что̀ лучше? Вотъ вчера собрались: вдругъ одинъ мужикъ выходитъ и сейчасъ мнѣ лепортуетъ: «я, говоритъ, Иванъ Денисычъ, здѣсь.»—«Да развѣ тебя спрашивали?»—Ну, я записалъ.—«Ты, говоритъ, меня и на завтрашній день тоже помѣть, почему что, говоритъ, я завтра не приду.»—«Такъ зачѣмъ же помѣчать, коли не придешь?»—«А я мальчишку пришлю.»—«Ну, тогда мальчишку и помѣтимъ». Вотъ, извольте разсудить! Что̀ же они понимаютъ?

— Да, это нехорошо.

Помѣщикъ опять сталъ ходить по комнатѣ, и, задумавшись, началъ пѣть въ полголоса: да, плохисто, плохисто, плоходыровато... Приказчикъ слѣдилъ за нимъ глазами.

Черезъ нѣсколько минутъ приказчикъ спросилъ:

— Такъ какъ же-съ, васскобродіе, на счетъ тревоги— прикажете отмѣнить?

— Какой тревоги?

— А что въ колоколъ, т. е. ударять?

— Да, да. Ужъ лучше отмѣнить.

— А то, не прикажете ли, вонъ я въ кладовой намедни трубу такую отыскалъ, охотницкую...

— Ну?

— Я велю мальчишкѣ кирпичемъ ее вычистить...

— Зачѣмъ?

— Да, т.-е. какъ ежели позволите, опять-таки въ случаѣ сигналъ подавать.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ. Ужъ это тоже лучше оставить.

— Какъ угодно-съ.

— Такъ больше ничего? Все, кажется?

— Все, васскобродіе!

— Ну, ступай!

— Счастливо оставаться, васскобродіе!

Унтеръ-офицеръ повернулся на каблукахъ, и ушелъ.

Въ то же время въ людской происходитъ слѣдующее: за столомъ, на которомъ горитъ ночникъ, сидитъ ткачъ и пишетъ письмо. У стола стоитъ крестьянская баба, старуха, повязанная бѣлымъ платкомъ, и плачетъ, ежеминутно сморкаясь въ конецъ того же платка. Въ растворенное окно виденъ дворъ; неподалеку, на погребицѣ слышны голоса: «Акулина!»—«Чего?»—«Гдѣ давишная смѣтана, чтò отъ обѣда осталась?»—«Не знаю».—«Кто же знаетъ?»—«А я почемъ знаю», и проч.

— Ну, еще-то чтò же писать? спрашиваетъ у старухи ткачъ.

— Да ты какъ написалъ-то, косатикъ? Прочитай-ка-ся, я послушаю.

— Вотъ написалъ, что, молъ, любезному нашему сыну, Егоръ Тимоѳеичу, низко кланяемся и желаемъ тебѣ добраго здоровья.

— Ну! Ну!

Баба внимательно смотритъ въ письмо.

— Ну, что, молъ, живы-здоровы. Чего-жъ еще?

— Ну, такъ, такъ. А отъ старика-то поклонъ писалъ?

— Отъ какого старика?

— Да отъ дяди-то?...

— А почему я знаю? Что-жъ ты не говоришь? Какъ его звать-то?

— Дядю-ту?

— Да, да. А то кого же? Неужели жъ мерина?

— То-то, не знаю. Мудрено звать-то его.

— Какъ же намъ теперь съ этимъ дѣломъ быть?

— Да мы, признаться, промежъ себя Стручкомъ его кличемъ. Стручокъ, да Стручокъ, другого имени ему нѣтъ.

— Ну такъ какъ же? Такъ и писать, что, молъ, кланяется тебѣ дядя Стручокъ?

— Да ладно ли такъ-то?

— На что̀ лучше.

— То-то, ну.

— А, да что̀ съ тобой толковать...

И ткачъ опять принимается строчить. Старуха слѣдитъ за его перомъ, и молча утираетъ безпрестанно набѣгающія слезы.

— Дальше что̀?

— Да ты про что̀?

— Писать-то, писать что̀ еще?

— Да ты я чай самъ лучше знаешь. Гдѣ мнѣ тебя учить?

— Почемъ же я знаю что̀ писать? Дура! Нешто я сидѣлъ у тебя внутрѣ?

Старуха задумывается.

— Что-жъ ты?

— Да вотъ... какъ бишь его?... Эхъ, памяти-то у меня нѣтъ! Хотѣла я тутъ словечко такое прописать...

— Ну!

— То-то, запамятовала.

— Да ну, вспоминай скорѣй!

— Дай срокъ. Ты меня не торопи. Я такъ-то хуже не вспомню. Ну-ка-ся, прочитай-ка-ся—я можетъ вспомню.

— Да ну тебя совсѣмъ! Сколько тебѣ разъ читать?...

— Постой! постой! вспомнила. Вотъ оно слово-то. Пиши, я тебѣ буду сказывать.

— Ну, валяй!

— Пиши: которые, типерича любезному нашему сыну, Егоръ Тимоѳеичу, посылали мы тебѣ, любезному нашему... То бишь, нѣтъ; не такъ... Которые посылали мы два рубля денегъ...

— Да ужъ это писано: которые посылали два рубля денегъ... Вотъ они! гляди сюда!

— Да, да, писано. Ну такъ вотъ какъ пиши: любезному нашему... Нѣтъ, опять не такъ. Какъ живемъ мы: слава Богу, а что̀ будетъ впередѣ, не—знаемъ.

— А, дура-чортъ безпонятная! Говорятъ, писано и это.

— Ну, ужъ теперь не знаю, какъ и сказывать. Окромѣ этихъ, у меня и словъ больше нѣтъ.

Между тѣмъ начинаетъ уже смеркаться. Носятся по селу разные вечерніе звуки: ворота гдѣ-то скрипятъ; заблудившаяся овца съ блеяніемъ, какъ полоумная, бѣгаетъ по улицѣ.— «Бяшка! бяшка!» слышенъ затерявшійся въ конопляхъ голосъ крестьянской дѣвчонки. Грачи съ крикомъ садятся на ветлы. Приказчикъ стоитъ на крыльцѣ барскаго дома и кричитъ кучеру, стоящему съ лошадью у колодца:

— Матвѣй! сколько вамъ разъ говорено было: трубку не курить? Слышишь?

— Слышали, нехотя отвѣчаетъ кучеръ, засовывая трубку въ карманъ.

— Но! дьяволъ, волки тя ѣшь! Облопаешься, жидъ ненасытная! вдругъ начинаетъ онъ кричать на лошадь и, не давъ ей напиться, уводитъ въ конюшню.

Позади барскаго двора, на площадкѣ, горничныя собрались играть въ горѣлки. Между ними виденъ барченокъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ, въ палевомъ пиджакѣ, съ едва пробивающимся пушкомъ на усахъ.

— Дѣвушки! бѣгите, я васъ буду ловить, говоритъ барченокъ.

— Ну! разъ, два, три...

Двѣ горничныя бѣгутъ по площадкѣ, придерживая платья, причемъ сильно работаютъ локтями; наконецъ барченокъ загоняетъ ихъ на гумно, и тамъ уже слышенъ визгъ и крики:— «Ба-ринъ! Маменькѣ скажу...»

— Ишь ты, меринъ-чортъ, разыгрался. Право меринъ! стоя на крыльцѣ, говоритъ съ досадой лакей.

Черезъ нѣсколько минутъ горничныя возвращаются, запыхавшіяся, съ растрепанными волосами, въ которыхъ видна солома. Барченокъ, веселый и тоже вывалявшійся въ соломѣ, идетъ за ними.

На порогѣ скотной избы сидятъ дворовые: садовникъ, поваръ и старый отростившій бороду лакей.

— Ваше дѣло десятое, разсуждаетъ лакей. Ну, теперича мнѣ какъ быть? Должонъ я объ своей жизни подумать, или нѣтъ? То-то вотъ и есть.

— Это что̀ говорить, подтверждаетъ поваръ.—Холостой—какъ можно! Холостому все ничего. Ну, а женатый человѣкъ—совсѣмъ разница.

— Да, вотъ ты и думай! продолжаетъ лакей. Вѣдь они какъ понимаютъ про нашего брата? Мѣсто, говоритъ, тебѣ дадено на скотномъ дворѣ, ну, и живи. Чего-жъ тебѣ еще? Конечно, другой на моемъ мѣстѣ и за это будетъ вѣчно Бога молить, ну только не я. Теперь хоть бы къ примѣру взять этого самаго ундера. Я ему: Иванъ Денисычъ, говорю, вы какъ, говорю, насчетъ насъ разсуждаете? А онъ мнѣ, братецъ ты мой, на это сейчасъ: какъ ты, говоритъ, можешь со мной такъ нахально говорить? Ты, говоритъ, должонъ противъ меня молчать. Такъ вотъ оно что! Да у меня можетъ и сейчасъ десять мѣстовъ открываются. Я одинъ на тридцать перцонъ могу сослужить или теперь въ швейцары. Да какъ я пойду? кто меня возьметъ съ женой, да съ дѣтьми? Такъ-то. Главная вещь, не обидно бы, кабы ежели я тамъ насчетъ вина или прочихъ дѣловъ былъ замѣченъ. Понятное дѣло. Ну, я, кажется этихъ поступковъ дѣлать не согласенъ никогда.

— Это натурально, подтверждаетъ поваръ. Который ежели человѣкъ хорошей жизни и насчетъ этихъ глупостевъ не занимается, да какъ ежели жена типерича живетъ своимъ разсудкомъ, своимъ благородіемъ, какъ должно,—ну, и сейчасъ онъ можетъ сдѣлать оборотъ.

— Да я не то что, не слушая продолжаетъ лакей, я сейчасъ могу себѣ мѣсто имѣть; да еще спокой-то какой! Мнѣ вонъ генералъ Толкачевъ сейчасъ говоритъ: приходите, говоритъ, ко мнѣ, я могу васъ успокоить. Я, говоритъ, тебя, Архипъ, при старости при твоей не оставлю, потому, говоритъ, ты мнѣ довольно извѣстенъ, какъ еще при покойникѣ въ полку вмѣстѣ служили. Я объ васъ, говоритъ, завсегда помню и всегда жалѣю. Какъ теперь объ родномъ объ своемъ, такъ все одно и объ васъ жалѣю. Ну, слышно, на теплыя воды уѣхалъ за границу лечиться.

— А вотъ я слыхалъ, перебиваетъ лакея садовникъ, правда ли, нѣтъ ли, мнѣ тоже солдатикъ одинъ сказывалъ про эти, про теплыя воды. Коли ежели, говорятъ, здоровый человѣкъ станетъ эту воду пить,—то ничего, только что вотъ быдто кисло; ну, однако, вреда тебѣ никакого не будетъ. А который ежели хворый, то сейчасъ, говоритъ, зачнетъ тебя мутить. Замутитъ, замутитъ и вонъ. И то изъ тебя пойдетъ, что ахъ. Одного солдата вотъ такъ-то—сердцемъ, значится, нездоровъ былъ—тоже этой водой отпаивали; такъ его, говоритъ, трое сутокъ тянуло, и все землей, все одной землей; какъ есть вотъ черная, разчерная—даже перегорѣла; одно слово, сажа, нечисть, это значитъ, вся. На четвертыя сутки пошли изъ него, другъ ты мой, черви, длинные, говоритъ, косматые. И столько, говоритъ, этихъ самыхъ червей — можетъ вотъ этакую кучу навалялъ: примѣрно, говоритъ, съ полмѣры вышло однихъ червей. Ну, а потомъ, какъ, значитъ, очистило, и ударило его въ сонъ.

— Да, да, да. Ну, а потомъ-то что-же?

— Потомъ ничего, выздоровѣлъ; только, значитъ, этотъ самый солдатъ теперь зачалъ пить. Такой-то отчаянный пьяница сталъ, бѣда.

— Нда! Вотъ она исторія, глубокомысленно заключаетъ лакей. Ну, и какъ же теперь слышно: съ чего это онъ зачалъ пьянствовать? Съ воды что ли съ этой?

— Кто?

— Да солдатъ. Вы про кого? про солдата говорите?

— О! Нѣтъ. Тотъ совсѣмъ другой. Что водой отпаивали, тотъ померъ въ больницѣ. А я про этого вамъ говорю, что̀ разсказывалъ-то мнѣ. Ну, онъ самый первѣющій пьяница-то и есть.

— Да. Такъ вотъ они дѣла-то! А я такъ полагалъ, съ воды, молъ, это онъ.

— Нѣтъ. Гдѣ съ воды? Этотъ теперь какъ запьетъ, то ему руки назадъ, и сейчасъ мое почтенье—въ анбаръ. Что̀ ты станешь дѣлать? Главная причина—дерется. И я теперь считаю, что онъ мнѣ все это вралъ, про теплую воду, потому мошенникъ темный, и вѣрить ему, т. е. ни въ чемъ, какъ есть ни въ чемъ невозможно. Чтò сейчасъ скажетъ, глядишь, обманулъ. Вотъ жидъ каторжный какой! Вы слушайте-ка! Онъ меня лѣтошнiй годъ какъ сапогами наказалъ, такъ я вамъ скажу въ лучшемъ видѣ.

— Барыня идетъ! барыня! говоритъ, высунувшись изъ окна, птичница.

Дворовые встали.

Идетъ барыня, въ бѣломъ, широкомъ платьѣ, черная косыночка на головѣ. Барыня изъ себя видная, роста высокаго; идетъ, точно гусыня выступаетъ; только глазами изъ стороны въ сторону поводитъ. Рядомъ съ нею дочь—длинная сухопарая дѣвица, съ зеленымъ лицомъ и костлявыми локтями. Впереди бѣжитъ собачка, ловко поджимая свои тоненькiя ножки, и пугливо обнюхиваетъ двухъ тощихъ, шляющихся безъ всякой цѣли по двору борзыхъ собакъ.

— Paul! Какъ тебѣ не стыдно? все съ дѣвками, уходя говоритъ барыня. Viens ici.

— Я сейчасъ, отвѣчаетъ Paul. Вы ступайте, я васъ догоню. Дѣвушки, давайте капусту сажать!

— Что-жъ вы съ мамашей-то? Слышите, чтò она говоритъ?

— Ну ее совсѣмъ! Очень мнѣ нужно вашу мамашу.

— Ишь ты, набаловался какъ! Маленькiй! Эхъ! палки на тебя нѣтъ! съ сердцемъ бормочетъ на крыльцѣ лакей.

— Барыня идетъ! Барыня идетъ! слышно по селу.

— Чу! чу! сидя у окна, унимаетъ старуха расплакавшагося ребенка. Вонъ она, барыня-то!..

Ребенокъ сейчасъ же перестаетъ плакать.

— Вставай! вставай скорѣй! будитъ жена мужа.

— Чтò ты?

— Барыня идетъ...

— Гдѣ? гдѣ? Мужикъ вскакиваетъ, какъ полоумный, и натягиваетъ на плечи зипунъ.

— А вонъ она по улицѣ идетъ.

— О, дьяволъ-лѣшая! Испугала до смерти. Полоротый чортъ!

Стоятъ двѣ сосѣдки у воротъ и бранятся.

— Хочешь, сейчасъ барынѣ скажу? говоритъ одна.

— А мнѣ что? Пожалуй сказывай! Я сама скажу. Она, молъ, сударыня, такъ и такъ; она, скажу...

— Здравствуйте, бабы! говоритъ барыня, подходя къ сосѣдкамъ.

— Здравствуйте, сударыня! пожалуйте ручку!

— Что это вы, кажется, ссоритесь?

Бабы переминаются.

— Это мы такъ, сударыня, промежъ себя, отвѣчаетъ одна.

— Это мы шуткой, добавляетъ другая.

Барыня идетъ дальше.

Изъ кузницы смотритъ заѣзжій мужикъ, и говоритъ про себя:

— Ишь ты! Кобелёкъ-то у ей какой! Ну, кобелёкъ! Ишь ты! ишь ты! А, чтобъ тѣ пусто!.. Какъ онъ лапками-то подгребаетъ? Уши-то! уши-то! Ха, ха, ха! О, пропади ты совсѣмъ! Ученый.

— Нешто это кобель? это заяцъ, серьезно говоритъ кузнецъ, отбивая косу.

— Можетъ ли быть?

— Ужъ я тебѣ вѣрно сказываю.

— Неужто въ правду заяцъ?

— Безъ сумленія.

— Что за диковина! Да почему жъ его собаки не рвутъ?

— А, чудакъ! Нешто можно? Чать онъ барскій.

— Да, да. Ну, это точно.

На завалинкѣ своего дома сидитъ старый священникъ въ ветхомъ подрясникѣ, съ заплетенной въ ленточку косой. На плечѣ у него котенокъ. Въ окно смотритъ попадья.

На селѣ народъ ужинать собирается. По самому краю рѣчки въ разныхъ мѣстахъ зажжены огни: бабы грибную похлебку варятъ; а ребятишки смотрятъ и подкладываютъ прутики въ огонь. Запоздавшіе мужики въѣзжаютъ въ улицу, громко стуча телѣгами, и перекликаются такъ, какъ будто ихъ другъ отъ дружки за сто верстъ отнесло.

— Э-ей-ей! Ѳадюшка, а-ой! раскатывается по селу.

— Ого-го-го! откликается Ѳадюшка.

— Грачи, потревоженные мужиками, тоже подымаютъ крикъ.

Заскрипѣли ворота, отставшій жеребенокъ несется черезъ плотину, и заливается своимъ тоненькимъ голоскомъ.

— Мамка! наливай что ли скорѣй! Мужики пріѣхали, сбѣгая въ оврагъ, кричитъ босоногій мальчишка.

— Гдѣ они, мужики? Что ты брешешь? Нешто это наши?

— А вонъ онъ, тятька-то!

— Ну, успѣешь еще натрескаться; дай срокъ! Авось не издохнешь.

— Тятька, иди скорѣй грибы хлебать! другой мальчикъ уговариваетъ мужика, отпрягающаго лошадь.

— Сейчасъ, сейчасъ. Стой! оглашенная! кричитъ онъ на лошадь. Что? небось набѣгались, ѣсть захотѣли?

— Набѣгались, отвѣчаетъ мальчикъ, растягивая себѣ пальцами ротъ.

— Въ лѣсъ ходили?

— Въ лѣсъ. И мамка съ нами ходила.

— Ну что же? грибовъ много набрали?

— Нѣтъ, не много. Тамъ въ лѣсу тетка Арина мамкѣ сказываетъ: ты, говоритъ, съ этакимъ хвостомъ хошь бы въ люди-то выйти постыдилась.

— Да. Ну, а еще-то что̀? Да стой! Драть тя на шестъ! Что ты не постоишь? Ну!

— Ну, мамка ей и говоритъ: у меня, говоритъ, хвостъ-отъ, можетъ, почище твово глазу, а не то что.

— А еще?

— А еще ничего. Иди скорѣй ужинать!

Смеркалось. Позади села, на берегу того же оврага, горитъ огромный ворохъ полыни. У огня лежатъ на травѣ, прикрывшись веретьемъ, два молодыхъ мужика—караульщики. Кругомъ темно. Изъ мрака виднѣется только освѣщенный бокъ пасущейся на косогорѣ лошади. Караульщики смотрятъ въ огонь и время отъ времени подгребаютъ палкой горящую золу.

— Ишь ты, какъ разгорѣлось, ровно печка, говоритъ одинъ.

— А ты не вороши—скоро прогоритъ, говоритъ другой, покрываясь зипуномъ.

— Семенъ!

— Чего?

— Гляди, какъ шибко горитъ!

— Да нешто я слѣпой?

— Вотъ вѣдь и мы такъ-то будемъ горѣть.

— Еще это тамъ видно будетъ.

— Знамо, что видно.

— Вотъ я такъ-то лежу, лежу, да и вздумаю: давай мнѣ сейчасъ сто рублей, полѣзай въ огонь! Ни въ свѣтѣ не полѣзу. А то, слышь, мнѣ дьячковъ сынъ сказывалъ, что, говоритъ, въ писанiи это тамъ все описано.

— Ну, тоже дьячкову сыну много вѣрить нельзя.

— Почему-жъ такъ?

— А потому—врать здоровъ. Онъ меня нонѣ лѣтомъ какъ обманулъ! Сейчасъ, братецъ ты мой, встрѣлся мнѣ: здравствуй, говоритъ.—«Здравствуй».—Тебѣ, говоритъ, велѣлъ кланяться.—«Кто такой?»—Изъ кабака пьяница... «Ахъ, волки тя ѣшь!» Ну, хорошо. Только онъ этимъ не пронялся. Намедни опять зачалъ мнѣ хвастать: «Могу, говоритъ, я у тебя въ шапкѣ яичницу сварить. Вѣдь какъ божился-то! Въ книжкѣ, говоритъ, вычиталъ». Чудесно! Нѣтъ, ты слушай, чтò будетъ. Я съ дуру-то и повѣрилъ, далъ ему шапку. И чтò же онъ, въ ротъ ему сто рожновъ, сдѣлалъ? Всю шапку у меня какъ есть испакостилъ, даже скверно. Ужъ я его ругалъ, ругалъ... Шапку хошь брось. Теперь ни въ жись ни въ чемъ не повѣрю. А нонче опять набивается. Прибѣжалъ ко мнѣ: «Хочешь, говоритъ, я то сдѣлаю, что ты на корачкахъ станешь ползать?»—Такъ онъ меня этимъ обидѣлъ! Ахъ, шелудивый чортъ! Сейчасъ сходилъ я на дворъ, взялъ хворостину, и принесъ въ избу. Убёгъ. Теперь гдѣ увижу, безпремѣнно масла наковыряю. Незомь его жалуется... А, чтобъ тя розорвало!

— Что ты?

— Да вотъ, лягушка. Совсѣмъ было за пазуху впрыгнула, гадина!

— Кидай въ огонь; пущай ее жарится. Это она къ огню погрѣться пришла.

Лягушка взвилась и шлепнулась въ раскаленную золу. Тамъ она еще раза два дрегнула ногами, вздулась, лопнула и затрещала.

— Жирная, дьяволъ, какая! Ишь ты, сало-то какъ топится! говоритъ одинъ изъ караульщиковъ, тыкая въ лягушку палкой.

— Эй, робята! Вы бы шубой одѣлись—неравно озябнете, раздается въ темнотѣ чей-то голосъ, и вслѣдъ за нимъ выступаетъ изъ мрака пѣгая лошадь, на которой виденъ мальчикъ. За нимъ еще нѣсколько мальчиковъ верхомъ.

— А, безпортошники! Вотъ она, безпортошная команда! Аль въ ношное срядились?

— Въ ношное. Прощайте, братцы! Мотрите, крѣпче караульте, не унесъ бы кто огонь-то у васъ...

И мальчишки пускаются съ хохотомъ по оврагу вскачь.

— Вотъ онъ васъ, лѣшій-то, въ лѣсу тамъ съѣстъ! кричатъ имъ въ слѣдъ караульщики.

— Не бо-ось, весело откликаются мальчики, погоняя лошадей, и опять исчезаютъ въ мракѣ.

Ночь. Народъ давно уже заснулъ, только гдѣ-то мычитъ запертый на ночь теленокъ. Въ барскомъ домѣ еще виденъ огонь. Въ отворенное окно несутся звуки фортепьяно, и слышно, какъ барышня голосомъ полнымъ невѣдомой муки поетъ:

Меня душитъ тоска и на сердцѣ свинецъ...

Кто-то крадется по двору. Женская тѣнь пробирается около забора, позади флигелей, къ банѣ. У бани видна другая тѣнь, мужская.

— Прасковья, это вы?!

— Я.

— Что-жъ вы? Сказали—сейчасъ, а наконецъ того дожидался, дожидался, можетъ нѣсколько времени...

Сторожъ начинаетъ колотить въ доску.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

Деревенскія сцены въ трехъ картинахъ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Село на большой дорогѣ. Прямо противъ зрителя—рядъ крестьянскихъ избъ, за ними виднѣются гумна; направо, ближе къ зрителю—большая новая изба, съ крылечкомъ и съ вывѣскою *Волостное правленіе*; по другую сторону, напротивъ—домъ сельскаго сотника.

Дѣйствующія лица:

СОТНИКЪ,—съ батожкомъ.
ПЁТРА, МИТРЕЙ — караульщики, съ дубинками.
ДЯДЯ ГАВРИЛО—старый мужикъ, босой.
ПЕРВЫЙ ПРОХОЖІЙ.
ВТОРОЙ ПРОХОЖІЙ.
СТАРОСТА.

Темный осенній вечеръ. Въ окнахъ видны огни. Справа входитъ сотникъ.

Сотникъ (*осматривается*).

И гдѣ только это они, каторжные, шатаются! Эй! Караульщики! Пётра! Митрей! а, Митрей! Идите сюда-а! (*За сценою голоса* «ого-го-о!...») Иди-те проворня-ай! (голоса «си-ча-асъ...» *Слѣва выходятъ караульщики*). Куда васъ носило?

Пётра.

Мы, дядюшка Матвѣй, вонъ тамъ, у кузницы.

Сотникъ.

Зачѣмъ?

Пётра.

Караулимъ.

Митрей.

Мы глядимъ.

Сотникъ.

Чаво вы тамъ не видали? Вамъ сказано—быть здѣсь. Слышали, что посредникъ велѣлъ? Чтобы какъ можно глядѣть. Ежели, говоритъ, упаси Господи, да что̀ случится,—я, говоритъ, въ тотъ разъ все на тебѣ взыщу. Слышите?

Караульщики (*вмѣстѣ*).

Слышимъ.

Сотникъ.

Ну, мотрите же! Да огонь гасить! Кричите по дворамъ, чтобы огню не было. Посредникъ, молъ, приказывалъ и Боже мой насчетъ огню. Кто его знаетъ? Ну, какъ паче чаянія да наѣдетъ—зачѣмъ огонь? Да еще вотъ что̀: проѣзжихъ опрашивать! Что, молъ, за человѣкъ? куда ѣдешь? за какимъ дѣломъ? А ежели въ случаѣ прохожій, то попридержите маненько! Ты, молъ, это куда ночью идешь? зачѣмъ? Вамъ не показано въ этотъ часъ ходить. Знаешь, молъ, за это вашему брату что̀ бываетъ. Такъ-то. Чуть мало что—и волоки его въ анбаръ. До утра. Тамъ видно будетъ. Ну, ступайте, а я домой. (*Уходитъ*).

Пётра (*глядитъ ему вслѣдъ*).

Ладно. Ступай ужъ! Такъ сейчасъ по вашему приказанію... Слушаемъ-съ.

Митрей.

Хх! Чудёнъ!

Пётра.

Главная вещь, посреднику потрафляетъ во всемъ. Оченно старается.

Митрей.

Добродѣтель—одно слово. Что-жъ, надо итить кричать. (*Оба подходятъ къ первой избѣ съ правой стороны; Митрей стучитъ дубинкой въ косякъ*). — Эй! хозявы, гасите огонь! (*изъ избы слышенъ голосъ* «проходи!» *Караульщики подходятъ къ слѣдующей*).—Огонь гасить! (*Въ избѣ окно поднимается.*

старушечій голосъ спрашиваетъ: «Кто тамъ?»—Мы, караульщики. «Чаво вамъ?»—Гасите огонь! «Уйдите вы! Тутъ баба рожаетъ, а они ходютъ. Безсовѣстные! Мало вамъ мѣста на улицѣ? Ахъ, Господи!».

Пётра.

Ну, старая шутовка! Молчи ужъ знай!

Старуха (*въ окнѣ*).

Эхъ, шатуны! Полуночники! (*захлопываетъ окно. Караульщики подходятъ къ слѣдующей избѣ*).

Пётра (*стучитъ въ окно*).

Гаврилъ Исаичъ! А дядя Гаврюха! Гаси огонь проворнѣй! (*Изъ избы нѣтъ отвѣта. Караульщики, подождавъ немного, принимаются стучать еще пуще*). Что они тамъ? Митрей, стучи больнѣй! (*Стучатъ. Отвѣта нѣтъ*). Погляди въ окошко!

Митрей (*глядитъ въ окно*).

Нѣту никого.

Пётра.

Валяй! (*стучатъ въ двѣ дубинки изо всей мочи*). Накаливай! (*За воротами голосъ* «кто тамъ?» *Караульщики перестаютъ стучать*). Мы, караульщики. (*Ворота отворяются, выходитъ Гаврило въ одной рубахѣ и босикомъ*).

Дядя Гаврило.

Вамъ чего надо?

Пётра.

Огонь гаси!

Дядя Гаврило (*беретъ подворотню и показываетъ ее караульщикамъ*).

А это знаете? (*Караульщики отходятъ*). Прочь пошли! Вотъ вамъ и приказъ. Я вамъ покажу приказъ. Ишь они, приказчики какіе ходютъ.

Пётра.

Что ты лаешься-то? Намъ велѣно.

Дядя Гаврило.

Велѣно? Ну, а коли велѣно, такъ и ступайте, куда шли. Э-эхъ! Дѣлать-то вамъ нечего, вы и слоняетесь по дворамъ. (*Запираетъ ворота*).

Пётра.

Ну его! Нешто съ нимъ столкуешь, съ полоумнымъ.

Дядя Гаврило (*за воротами*).

Подите съ умными потолкуйте! Которые умные-то, они можетъ вамъ косушечку поднесу́тъ. А съ меня взять нечего.

Пётра.

Ладно. Пёсъ!

Митрей.

Пойдемъ! (*идутъ дальше*).

Пётра.

Старый чортъ! Право.

Митрей.

Наплевать. Иди!

Пётра.

Куда идти-то?

Митрей.

Къ Акулькѣ пойдемъ!

Пётра.

Чаво у ней дѣлать?

Митрей.

У ней, братъ, теперь поди не бось тамъ ужъ всѣ въ сборѣ: кузнецовы робята обѣщались и Степка наказывалъ, чтобы тыись безпремѣнно приходить. На базарѣ гармонію купилъ, новую. По намеднишнему опять до утра.

Пётра.

Ну, что-жъ. Итить, такъ итить.

Митрей.

Главная причина типерича, братецъ мой, какъ-никакъ разстараться на полштофъ. Безъ полштофа хошь не ходи.

Пётра.

Да! А гдѣ его у мерина полштофъ? Я говорю: завсегда съ вечера нужно сказывать. Сволочи! И ты дуракъ-чортъ, никогда во время не скажетъ. Кабы знать, я бы у дяди у свово насыпалъ овса мѣшокъ, да на задворки бы и вынесъ. А то гдѣ теперь? Ночь. И взойтить-то нельзя. Какъ скажешься? зачѣмъ пришелъ?

Митрей.

А ты скажи: рукавицы забылъ.

Пётра.

Какъ же! Больно ты ловокъ. Рукавицы! Такъ онъ сейчасъ и повѣрилъ. Ишь ты! Онъ, братъ, похитрѣй насъ съ тобой, можетъ, во сто разъ, а не то что. Его, стараго чорта, ни въ свѣтѣ не обманешь.

Митрей.

Такъ какъ же быть-то?

Пётра.

А такъ и быть, что больше ничего, къ старшинѣ понавѣдаться въ хлѣвъ. У него тамъ добра много напасёно. Теперича ежели съ задовъ зайти, тыись черезъ плетень, только глазомъ моргнуть — перелечу. Птица! А въ хлѣвѣ тамъ этакая-то лазеечка есть—завѣтная.

Митрей.

А собака?

Пётра.

Это Шарикъ-то?

Митрей.

Да. Не рвалъ онъ тебѣ голяшки?

Пётра.

Шарикъ? Да мы съ нимъ, братъ, не то что голяшки рвать, а можетъ эдакихъ ли пріятелевъ и не видано, какіе мы съ нимъ, съ Шарикомъ. Такъ-то. Ты что знаешь? У насъ съ нимъ еще лѣтошній годъ дружба заведена. Я втѣпоры кажную ночь—къ нимъ, кажную ночь—къ ней, къ Марѳуткѣ; какъ есть кажную ночь. Такъ онъ меня лучше свово хозяина знаетъ, а не то что. Вотъ сейчасъ—фю. Шарикъ, сюда! на грудочку—хоцъ! У насъ, братъ, я тебѣ скажу, насчетъ этихъ дѣловъ, насчетъ бабъ тыись, всѣ подходы подведёны, всѣ дорожки проторёны.

Митрей.

Хвастай больше!

Пётра.

Чаво-о?

Митрей.

Никакъ кто-то идетъ.

Пётра.

Гдѣ?

Митрей.

А вонъ! Нешто не видишь? Сюда идутъ.

Пётра.

И то. Надо опросить. (*Слѣва входятъ двое, прохожіе мужики. Къ концу предыдущей сцены огни въ избахъ одинъ за другимъ погасаютъ*).

Первый прохожій (*кланяется*).

Здравствуйте! (*Караульщики тоже кланяются молча*). Вы чаво глядите?

Пётра.

А что̀?

Первый прохожій.

У васъ тамъ въ лощинѣ человѣкъ лежитъ.

Пётра.

Какой человѣкъ?

Второй прохожій.

А Богъ его знаетъ.

Первый прохожій.

Видать, что лежитъ человѣкъ; а живой ли, мертвый ли— не знаемъ. Такъ вотъ ничкомъ упалъ и лежитъ.

Второй прохожій.

Похоже такъ, что мертвый.

Пётра.

А ты почемъ узналъ?

Второй прохожій.

Чаво?

Пётра.

Да что мертвый-то онъ?

Второй прохожій.

А я, признаться, такъ-то за плечо его потрогалъ,—вставай, молъ, — лежитъ; я еще, а онъ то есть ничуть даже и не шелохнется. Хошь бы что. И духу, братъ, не слыхать. Аминь. Мы испужались до смерти.

Первый прохожій.

Страсть! Насилу добѣгли.

Митрей.

Какъ же быть? Надо сотнику сказать.

Пётра.

Надо сказать. (*Идетъ къ сотниковой избѣ и стучитъ въ окно*). Дядюшка Матвѣй! а, дядя Матвѣй, вставай! (*въ избѣ голосъ* «Кто тамъ?») Иди проворнѣй!

Первый прохожій (*вздыхаетъ*).

Ахъ, Боже мой! Подумаешь такъ-то—долго-ли человѣку помереть! а?

Второй прохожій.

Да. Вотъ ты и думай! Что̀ значитъ!... Смерть пришла... не думалъ, не гадалъ... померъ. Шабашъ. (*Въ раздумьи качаетъ головой*). Ахъ-ахъ-ахъ!

Первый прохожій.

Упаси Господи! Вотъ я такъ-то лѣтошній годъ...

Сотникъ (*подходитъ къ нимъ, натягивая наскоро зипунъ*).

Что̀ такое?

Пётра.

Да вотъ прохожіе сказываютъ: въ лощинкѣ, слышь, человѣкъ лежитъ, мертвый.

Первый прохожій (*кланяется.*)

Лежитъ, точно.

Второй прохожій.

Вотъ эдакъ-то вотъ носомъ въ землю... а руками быдто какъ ухватился. И шапки нѣтъ.

Сотникъ.

А вы что̀ за люди?

Первый прохожій.

Мы-то?

Второй прохожій.

Мы—пильщыки.

Сотникъ.

А зачѣмъ вы поздно ходите?

Первый прохожій.

Да припоздали малость ну, и...

Второй прохожій.

Поздно вышли.

Сотникъ.

Поздно вышли! А пила у васъ гдѣ?

Первый прохожій.

Да пилу-то мы, признаться,—продали.

Сотникъ.

Продали! Митрей, скидавай кушакъ! (*Митрей распоясывается*). Пётра, и ты скидавай! (*беретъ у нихъ кушаки*). Вяжи ихъ!

Первый прохожій.

За что̀?

Сотникъ.

А вотъ завтра узнаете, за чтò. Ахъ, разбойники! Вяжи, вяжи!

Второй прохожій.

Братцы, помилуйте! Что-жъ, мы вѣдь ничаво.

Сотникъ.

Я вамъ покажу—ничаво.

(Вяжутъ прохожимъ руки назадъ.)

Такъ вы такъ-то! Хорошо. Пётра, ступай проворнѣй, буди старосту, да вели ему, слышь, вели, чтобы какъ можно двухъ караульщиковъ нарядилъ. Къ мертвому тѣлу, скажи. Иди скорѣй! (Пётра уходитъ).

Первый прохожій (*кланяется*).

Батюшка, отпусти! Видитъ Богъ...

Сотникъ.

Нѣтъ, братъ. Нечево! Знаемъ мы васъ. Ишь они! а? Пильщики! Вотъ вамъ ужо будетъ, дайте срокъ! Ахъ вы, грабители! Митрей, веди ихъ! Постой, я отопру. *(снимаетъ съ пояса ключъ)*. Веди сюда! Ахъ, разбойники! *(отпираетъ амбаръ)*.

Первый прохожій *(становится на колѣни)*.

Отецъ родной! Помилосердуй! За чтò-жъ насъ? Мы какъ есть вотъ... передъ Богомъ...

Второй прохожій.

Передъ истиннымъ...

Сотникъ.

Веди, веди! *(тащитъ ихъ въ амбаръ)*.

Первый прохожій.

Господи! Вотъ не чаяли мы себѣ бѣды. *(Входятъ въ амбаръ)*.

Сотникъ.

Завтра разберемъ.

Прохожіе *(въ амбарѣ)*.

Помилосердуй!..

Сотникъ.

Ладно. Сидите тамъ! *(запираетъ амбаръ).* А ты, Митрей, стой здѣсь, не отходи! Да потить нарочнаго спосылать къ становому. (*По сценѣ пробѣгаетъ староста).*

Сотникъ.

Что̀ ты?

Староста.

Никого не добудишься. Такая бѣда!

Сотникъ.

Кричи громче! *(стучитъ въ окно, въ тотъ домъ, гдѣ роженица.*) Эй, вставайте скорѣй! Степанъ, иди въ караулъ! (*въ избѣ слышенъ крикъ новорожденнаго*).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Дѣйствующія лица.

КУЗНЕЦЪ.
СТАРОСТА.
СОТНИКЪ.
СТАРШИНА.
ПРОХОЖІЙ МОЛОДЕЦЪ.

1-й и 2-й арестанты (пильщики).
Старики, мужики и караульщики.

Та же улица. Праздничный день. Утро. Народъ ходитъ по селу. Къ крыльцу волостного правленія подходитъ кузнецъ. Староста сходитъ съ крыльца.

Кузнецъ.

Ну, что̀? Какъ дѣла?

Староста.

Чаво, братъ,—дѣло дрянь. Покойникъ-то у насъ вѣдь пропалъ.

Кузнецъ.

Какъ такъ?

Староста.

А Богъ его знаетъ. Укралъ ли его кто, самъ ли убёгъ.

Кузнецъ.

Ай-ай-ай! Вотъ диковинка, братцы мои!

Староста.

Такихъ дѣловъ надѣлали—бѣда!

Кузнецъ.

Куда-жъ ты?

Староста.

Да надо бѣжать. Съ ногъ сбился совсѣмъ. Я туда ноне утромъ можетъ разовъ двадцать бѣгалъ, въ лощину-то. Приду, приду—видать то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, а самово нѣтъ.

Кузнецъ.

Что-жъ караульщики-то?

Староста.

Да что они—черти! Извѣстно—спятъ. Нѣтъ, ихъ, разбойниковъ, за это надо знаешь какъ, чтобы глядѣли. А то они на-ка что!..

(На крыльцѣ волостного правленія показывается старшина).

Старшина.

Староста! Гдѣ караульщики? Посылай ихъ сюда!

Староста.

Сичасъ. Да вонъ они съ сотникомъ идутъ. *(Машетъ имъ).* Идите проворнѣй!

(Караульщики съ сотникомъ подходятъ къ крыльцу).

Старшина.

Какъ же это вы такъ? а?

Первый караульщикъ *(кланяется).*

Что̀ дѣлать? Грѣхъ такой... Виноваты.

Старшина.

Чего-жъ вы глядѣли?

Первый караульщикъ.

Мы глядѣли, да что ты станешь...

Второй караульщикъ.

Мы, Микита Степанычъ, всею ночь какъ есть, даже то есть ничуть...

Первый караульщикъ.

Только вотъ на зорькѣ-то малость быдто сморило. Я глазами такъ-то вотъ гляжу, гляжу; а меня эдакъ-то вотъ сморитъ и сморитъ. Ахъ, ты оказія!... ничего и не вижу. Ну, а тутъ, на утрѣ-то, почесть что ужъ совсѣмъ, да и порядочно таки развѣло... глядь, а его нѣту.

Второй караульщикъ.

Только вотъ сейчасъ говорили мы со Степаномъ-то. Я бай, ты, Степанъ, спишь, что-ль?—Нѣтъ, я, батъ, не сплю. Ну то-то. Мотри же, молъ. А онъ тутъ-то вотъ и...

Сотникъ.

Казнить васъ за это, каторжныхъ, голову снять, чтобы не спали. Ишь шутъ ихъ угораздилъ,—нашли мѣсто гдѣ спать—у мертваго тѣла! а?

Первый караульщикъ.

Только вотъ на зорькѣ-то...

Старшина.

Чего на зорькѣ? Дьяволы! Теперь изъ-за васъ отвѣчай. Становой пріѣдетъ, какъ ты ему станешь говорить? Куда дѣвали покойника?

Сотникъ.

Не повѣритъ.

Старшина.

Ни въ свѣтѣ не повѣритъ. Вы сами, скажетъ, убили человѣка, и спрятали. Вотъ и разговаривай съ нимъ тогда!

(Къ крыльцу съ разныхъ сторонъ понемногу прибываетъ народъ).

Староста.

Ну, надѣлали дѣловъ! *(Качаетъ головой. Караульщики стоятъ потупясь и вздыхаютъ).*

Первый караульщикъ.

Господи!

Старшина.

Да. Господи! Теперь вотъ и Господи!

Сотникъ *(старостѣ).*

И ты, братъ, тоже уменъ: какихъ чертей—караулить нарядилъ.

Староста.

Кто-жъ ихъ зналъ, окаянныхъ, прости Господи! Я съ просонку-то, признаться, и къ становому-то, и караулъ наряжать... бѣгалъ, бѣгалъ...

Старшина.

И на кой лядъ къ становому посылали? Кто васъ въ шею толкалъ?

Первый старикъ.

Вотъ и я, ваше степенство, такъ-то баю.

Старшина.

Чаво?

Первый старикъ.

Не посылать бы.

Сотникъ.

Да вѣдь кто-жъ его зналъ? Чудно тоже.

Первый старикъ.

То-то, кабы знать, не посылать бы—въ тыщу разъ лучше бы. Не трогъ его, лежитъ.

Сотникъ.

Мало что. Извѣстно, лучше, кабы ежели да знать впередъ, что грѣхъ такой будетъ. Да вѣдь какъ ты его, братецъ мой, узнаешь?

Второй старикъ.

Да, да. Это что̀ говорить. Впередѣ, братъ, тамъ ничего не извѣстно. Дѣло темное.

Староста.

Впередъ—какъ можно? Ни въ свѣтѣ не угадаешь.

Третій старикъ.

Другой и радъ бы угадать, что̀ ему будетъ, да вотъ нѣтъ. Думаетъ, думаетъ...

Староста.

Да тутъ и думать нечего. Думай, не думай—толку не будетъ никакого, потому намъ это неизвѣстно.

Третій старикъ.

А только хуже еще отъ думы-то бываетъ.

Второй старикъ.

Хуже. Кто это думаетъ, того Богъ накажетъ.

Кузнецъ.

А я такъ считаю, что одна глупость эта наша, больше ничего.

(Подходитъ мужикъ).

Мужикъ.

Здравствуйте! Что, нашли покойника-то, ай нѣтъ?

Староста.

Гдѣ найти! Его и въ духахъ не слыхать.

Мужикъ.

А какъ же бабы сказывали—въ рѣчкѣ его видали?

Нѣсколько голосовъ.

Кто сказывалъ?

Мужикъ.

Бабы, слышь, на рѣчку ходили.

Нѣсколько голосовъ.

Нѣтъ, что̀-то не слыхать. Кабы лежалъ, все бы слышно было; а то нѣтъ.

Мужикъ.

Сказываютъ, лежитъ быдто такъ-то вотъ, у берега у самаго, въ травѣ.

Другой.

А вонъ Скворцовы робята его видали тоже, такъ это истинная правда.

Нѣсколько голосовъ.

Гдѣ?

Другой.

Въ кабакѣ.

Третій.

Это зря болтаютъ. Какъ онъ туды попалъ? Нешто онъ можетъ, покойникъ, въ кабакъ ходить?

Четвертый.

Знамо, покойники не ходютъ.

Другой.

Какъ же! Не ходютъ. Нѣтъ, они ходютъ. Я вѣрно знаю. Мнѣ одинъ человѣкъ сказывалъ: въ Тульской губерніи у насъ, говоритъ, ихъ до пропасти. Столько шляются—бѣда. Да еще днемъ, а не то что ночью. Трогать, говоритъ, ничего не трогаютъ, такъ только ходютъ вездѣ: по крышамъ, другой въ хлѣвъ заберется.

Третій.

Разсказывай! Это все бабы врутъ.

Пятый.

Чаво, бабы! Я самъ слыхалъ. Это вѣрно. Ѣхалъ мужикъ на базаръ, сказывалъ, что сидитъ въ кабакѣ, водку пьетъ—эдакій-то, говоритъ, изъ себя черноватый, въ чуйкѣ, сапоги новые на немъ.

Другой.

Да вотъ караульщика спросить. Ты видалъ ли, какіе сапоги-то на покойникѣ?

Караульщикъ.

Сапоги новые. Врать не хочу. Новые, точно.

Пятый.

Ну, вотъ онъ самый и есть.

Старшина.

Это чаво такое?

Другой.

Да вотъ сказываютъ робята про покойника.

Старшина.

Ну?

Другой.

Видали, слышь, его въ кабакѣ.

Старшина

Пустое.

Другой.

Вѣрно сказывали.

Старшина.

Кто сказывалъ-то?

Другой.

Скворцовы робята, да еще мужикъ на базаръ ѣхалъ, тоже видалъ его. Ходитъ.

(Въ это время въ концѣ села показывается прохожій молодецъ. Старшина всматривается въ него).

Старшина.

А какой это такой молодецъ идетъ!.

(Всѣ оборачиваются въ ту сторону).

Голоса въ толпѣ.

Чтò за человѣкъ? А кто его знаетъ. Здѣсь дорога—тоже всякіе ходятъ. Мало ли ихъ!

Старшина (*старостѣ*).

Поди скричи его: чей, молъ, ты? Какой такой человѣкъ есть?

Староста (*всматривается*).

Батюшки! Да никакъ это онъ самый...

Всѣ.

Кто такой?

Староста.

Да что въ лощинѣ-то лежалъ.

Всѣ.

Что ты! Покойникъ?...

Староста.

Онъ, онъ самый. Господи!

Первый караульщикъ.

Никакъ и вправду онъ. Степанъ, гляди-ка! Чуйка-то ишь ты, въ дегтю. Самая она. Вонъ и дыру видать. И сапоги его. Онъ!..

Второй караульщикъ.

Онъ и есть.

(Всеобщее смятеніе).

Голоса.

Царица небесная!.. Ахъ-ахъ-ахъ!.. Что̀ дѣлать?.. Вотъ грѣхи то!.. Съ нами крестная сила!..

Старшина.

Чу! Тише! Чу!

(Тишина. Прохожій замѣчаетъ, что всѣ на него смотрятъ. и останавливается среди улицы).

Старшина *(старостѣ тихо).*

Поди спроси его!

Староста.

Нѣтъ, я не пойду, я боюсь до смерти. Кто его знаетъ.

Старшина.

О, дуракъ! Чаво бояться? Чать народъ.

Староста.

Не пойду, не пойду.

Сотникъ *(къ толпѣ).*

Робята, сходите кто ни на есть, покличьте его! *(всѣ молчатъ)*. Да что-жъ вы самъ дѣлѣ? Начальникъ посылаетъ, а они нейдутъ. Чаво бояться? Вотъ мы всѣ здѣсь. Ахъ, какіе! Право.

Голоса *(въ толпѣ).*

А ты самъ сходи! Что ты насъ посылаешь?

Староста.

Поди-ка къ нему! Какъ же.

Голоса *(въ толпѣ).*

Коли итить, такъ итить всѣмъ міромъ; а то какъ ты одинъ подойдешь? Идите, робята! Насъ много. Чаво бояться?.. Трогай! Но, робята! Подавайся! Народное дѣло... Гуртомъ не страшно... Господи бослови! Что-жъ вы?

(Ни съ мѣста).

Кузнецъ.

Ну, такъ и быть, я пойду впередъ. Идите за мной! Вали, робята! Съ нами Богъ!

(Кузнецъ идетъ впереди, вся толпа понемногу двигается за нимъ. Прохожій молодецъ стоитъ на мѣстѣ. Не доходя шаговъ двадцать, кузнецъ останавливается).

Кузнецъ.

Эй! какъ васъ?.. Почтенный! Вы чьи будете?

Прохожій молодецъ

То есть мы-то?

Кузнецъ.

Да. То есть какіе такіе, къ примѣру?

Прохожій молодецъ.

А что̀?

Кузнецъ.

Да такъ.

Прохожій молодецъ.

Мы—экономическіе.

Кузнецъ.

Такъ! *(подумавъ)*. Ну-ка, перекрестись!

(Прохожій крестится).

Старшина *(въ толпѣ).*

А пачпортъ есть?

Прохожій молодецъ.

Есть.

Старшина.

А что, братъ, лежалъ ты вонъ тамъ, въ лощинѣ?

Прохожій молодецъ.

Лежалъ.

Старшина.

А по какому случаю, напримѣръ, ты тамъ лежалъ?

Прохожій молодецъ.

А по такому, что, признаться, пьянъ былъ, и самъ не помню, какъ я туда попалъ. Шелъ, шелъ, сковырнулся, надо полагать, да такъ и легъ на травѣ. Къ утру-то, значитъ, озябъ, ну и опамятовался: всталъ и пошелъ.

Старшина.

А куда ты шелъ?

Прохожій молодецъ.

На фабрику, къ Смирнову, къ купцу.

Старшина.

Стало быть тамъ то-есть это твое мѣсто?

Прохожій молодецъ.

Это такъ точно.

Старшина.

Не врешь?

Прохожій молодецъ.

На что̀ врать? Да насъ и сейчасъ знаютъ въ здѣшнемъ кабакѣ. Я вѣдь не что̀-нибудь такое, а говорю какъ есть.

Старшина.

А что, братцы, вѣдь это онъ вѣрно говоритъ.

Голосъ.

Оно точно что.. это вѣрно. Теперь оно какъ быдто и тово...

Старшина *(къ толпѣ).*

Такъ какъ же намъ теперь съ этимъ дѣломъ быть? Разсудите, православные!

Голоса.

Чаво судить? Видать, что живой человѣкъ!

Старшина.

Да не въ томъ: а главная причина, какъ намъ передъ становымъ-то отвѣчать? (*къ прох. молодцу*). Вѣдь мы, я тебѣ скажу, такъ влопались съ этимъ дѣломъ—не дай Богъ. Мы объ тебѣ повѣстили, что лежитъ, молъ, у насъ тѣло; а ты на грѣхъ—возьми, да и встань. Теперь становой пріѣдетъ, скажетъ—что-жъ вы, такъ вашу, на смѣхъ, скажетъ, это мнѣ сдѣлали? а?

Прохожій молодецъ.

Дѣло ваше. Прощайте, братцы!

Голоса.

Постой! Нѣтъ, ты погоди!

Прохожій молодецъ.

Чаво стоять-то.

Старшина.

Нѣтъ, ужъ ты, братъ, выручи насъ, сдѣлай милость!

Голоса.

Мы тебѣ въ ножки поклонимся.

Прохожій молодецъ.

Да какъ же мнѣ васъ выручать?

Старшина.

А ты вотъ что̀, братъ... Тебѣ все равно... Поди опять лягъ туда на прежнее мѣсто! Что-жъ такое?

Прохожій молодецъ.

Это зачѣмъ же?

Старшина.

Да ты только полежи, покуда становой пріѣдетъ. А при немъ-то ужъ и очнись пожалуй. Тогда и скажи, что такъ и такъ молъ, ваше благородіе, виноватъ: ничего не помню, почему что какъ грѣшнымъ дѣломъ выпилъ, ну и...голова заболѣла, прилегъ молъ, на травкѣ полежать.

Сотникъ.

А тутъ-то мы ужъ и тово... мы это все ему распишемъ, какъ лучше не надо.

Прохожій молодецъ.

Да оно конечно... Только какъ ежели меня за это да вздуютъ, тогда что̀?

Сотникъ.

Ничего. Не опасайся!

Прохожій молодецъ.

Да, какъ же! Вамъ ничего, а мнѣ-то каково! Кто его знаетъ. Онъ не поглядитъ, что мертвый, зачнетъ таскать, только держись.

Голоса.

Мы тоды за тебя всѣ вступимся, всѣмъ міромъ.

Прохожій молодецъ.

Много вы сдѣлаете! Нѣтъ, ужъ тогда, братъ...

Старшина.

А ты сказывай-ка лучше, много ли ты съ насъ положишь за эту штуку?

Голоса.

Да чего тутъ! Говори по совѣсти, а мы тебя не обидимъ.

Прохожій молодецъ.

Что-жъ! Ежели, такъ сказать, по совѣсти,—десять рублей.

Голоса.

Ну вотъ! Экъ онъ заломилъ! А ты и насъ-то сколько нибудь пожалѣй! А ты вотъ что̀, слушай! По Божьи, чтобы безъ разговору...

Прохожій молодецъ.

Ну!

Голоса.

Полведра.

Прохожій молодецъ.

Нѣтъ, это что!.. я вижу, вы маклачите, такъ что-жъ съ вами толковать. Прощайте!

Голоса.

Постой! Куда ты? Погоди!

Прохожій молодецъ.

Чего годить-то?

Голоса.

Да ты разсуди! Что-жъ, тебѣ всего-то одинъ часокъ полежать. Что̀ тебѣ сдѣлается?

Прохожій молодецъ.

И чудаки вы, погляжу я на васъ. Торгуются. Полведра!.. Да онъ у меня однихъ волосъ можетъ двѣ головы натаскаетъ.

Голоса.

Ну, что-жъ; мы накинемъ, такъ и быть.

Прохожій молодецъ.

Много ли?

Голоса.

Деньгами—полтину.

Прохожій молодецъ.

Фю (*уходитъ*).

Голоса.

Постой!

Прохожій молодецъ.

Ну, что̀ еще?

Голоса.

Говори настоящее дѣло: деньгами-то много ли?

Прохожій молодецъ.

Послѣднее слово!

Голоса.

Послѣднее слово. Ну!

Прохожій молодецъ.

Зеленую бумагу!..

Всѣ.

Идетъ! Что̀ тутъ еще!..

Старшина.

Такъ—такъ. По рукамъ, значитъ.

(*хлопаютъ по рукамъ*).

Прохожій молодецъ.

Ну, теперь, братцы, вотъ что: уговоръ, мнѣ полштофъ впередъ.

Голоса.

Ладно. Пойдемъ!

(Нѣкоторые уходятъ вмѣстѣ съ прохожимъ).

Сотникъ.

Ахъ, погодите, робята! Вѣдь у насъ тутъ въ амбарѣ—арестанты сидятъ. Что-жъ, ихъ отпустить, что ли!

Голоса.

Отпусти! Ну ихъ!

Сотникъ (*отпираетъ амбаръ*).

Эй, вы, шуты, вылѣзайте! (*изъ амбара выходятъ пильщики*). Ну, теперь ступайте съ Богомъ! (*пильщики въ недоумѣніи*).

Голоса.

Чево-жъ вы ждете! Бѣгите скорѣй! (*пильщики пускаются безъ оглядки бѣгомъ по улицѣ. Народъ хохочетъ, крикъ: «держи ихъ! держи!»*).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Лощина. По крутому косогору лѣсного оврага идетъ проселочная дорога. Въ оврагъ вьется тропинка. Внизу кустарникъ.

Дѣйствующія лица:

ГОРДЮШКА ВАСЬКА ПРОНЬКА АКУЛЬКА	крестьянскіе ребятенки.
ДАШКА СЕКЛЕТЮШКА СТАРШИНА СОТНИКЪ	дѣвчонки.

СТАРОСТА.
ПРОХОЖІЙ МОЛОДЕЦЪ (мертвое тѣло).
Мужики, старики, мальчишки, дѣвчонки, бабы и два караульщика.
СТАНОВОЙ.
ЛЕКАРЬ.
РАЗСЫЛЬНЫЙ.

Съ косогора сбѣгаетъ въ лощину толпа ребятишекъ и дѣвченокъ. Впереди всѣхъ Гордюшка скачетъ верхомъ на палкѣ и подстегиваетъ самъ себя прутомъ; за нимъ Васька и Пронька—тоже верхомъ; дальше бѣгутъ: Акулька и прочія поменьше. Позади всѣхъ маленькая дѣвочка въ длинномъ зипунѣ—Секлетюшка.

Гордюшка *(сбѣгая въ лощину)*.

Эй вы, народы! Бѣгите скорѣй! *(Васька, Пронька и Акулька спускаются съ косогора, крича:* «скорѣй! скорѣй!» *Остальные сбѣгаютъ; на верху остается одна Секлетюшка и не знаетъ, какъ быть. Ей кричатъ съ низу:* «Секлетюшка, ползи!»)

Пронька.

Здѣсь его станутъ коронить?

Гордюшка.

Здѣсь.

Васька.

Все ты врешь. Не здѣсь.

Гордюшка.

Нѣтъ, здѣсь. Сичасъ приведутъ сюда. Ножикъ вострый—развострый припасли. Я видѣлъ, дядя Матвѣй вутэдакой ножище понесъ.

Акулька.

Зачѣмъ?

Гордюшка.

Рѣзать его, покойника-то.

Секлетюшка.

А мы будемъ глядѣть.

Пронька.

Какъ же! Васъ отсюда погонютъ.

Акулька.

Анъ не погонютъ.

Гордюшка.

Анъ погонютъ. Я сичасъ хрёсному скажу: онъ васъ знаш какъ. Дѣвокъ отсюда гнать всѣхъ велѣлъ, чтобы васъ не было.

Пронька.

Ахъ, братцы, лопату забыли! Бѣгите скорѣй за лопатой! Мишка, спроси у матери. Да проворнѣй, черти!

Васька.

На что̀ лопату!

Пронька.

Яму рыть. *(Мишка убѣгаетъ)*.

Дашка.

А онъ какой, покойникъ-то?

Пронька.

Онъ живой.

Акулька.

Онъ помретъ?

Пронька.

Помретъ.

Акулька.

Какъ же его станутъ коропить? Гордюшка, ты видалъ какъ ихъ коронютъ?

Гордюшка.

Я видалъ. Вотъ сейчасъ его возьмутъ за шейку, да ножикомъ ка-акъ чикнутъ по шейки-то, онъ и упадетъ; заплачетъ, горько заплачетъ, братцы мои, и зачнетъ просить: батюшки, голубчики, помилуйте! а его опять ножикомъ чикъ!.. а кровь-то, кровь!..

Секлетюшка.

А мы будемъ глядѣть.

Всѣ.

Ведутъ! ведутъ! (*На косогорѣ показывается народъ: старшина, сотскій, староста, прохожій молодецъ, мужики и бабы; всѣ немножко на-веселѣ*).

Староста (*сходя внизъ*).

Самое это мѣсто. Ишь ты, робята ужъ здѣсь. Уйдите вы! (*ребята отходятъ въ сторону*).

Старшина (*прохожему молодцу, продолжаетъ начатой разговоръ*).

Мы, братъ, живемъ, я тебѣ скажу, вотъ какъ: слава Богу. Дай Богъ всякому.

Прохожій молодецъ.

Это вамъ Господь за ваши добродѣтели.

Старшина.

Такъ-то. Что̀ тутъ толковать! Тоже всякихъ видали: и худыхъ видали, и хорошихъ видали; ну, а ежели теперь, къ примѣру, человѣка обидѣть мы не согласны никогда.

Прохожій молодецъ.

Да это что̀! Это мы тоже...

Старшина.

Нѣтъ, погоди! Я говорю, человѣка обидѣть недолго. А на что̀ такъ дѣлать?

Прохожій молодецъ.

Это вѣрно.

Старшина.

Можетъ прочіе, которые объ насъ глупо полагаютъ; ну, наплевать. Незамай! А мы вотъ какъ: мы согласнѣе завсегда скорѣй же на себя принять, нечѣмъ сдѣлать человѣку вредъ. Такъ ли я говорю?

Прохожій молодецъ.

Это справедливо.

Старшина.

Ну, вотъ.

Староста.

Теперь становой какъ разъ наѣдетъ.

Сотникъ.

Ужъ ѣхалъ бы что ли.

Мужикъ.

Онъ Семену приказывалъ: скажи, говоритъ, къ обѣду буду. Слѣдствіе тамъ, слышь, на счетъ пожара. Сосновскихъ пытаетъ: кто, говоритъ, это сжегъ? У васъ, говорятъ, непремѣнно скрывается этотъ самый опасный человѣкъ, тоись, который это поджигатель-то самый. Вотъ пяты сутки проклажается. Народу чтѝ, слышь, передралъ—сила. Не признаются.

Другой мужикъ.

По какому случаю?

Первый.

А потому случаю, что онучинскій становой пымалъ поджигателя, ему хрестъ за это повѣсили; ну, и нашему тоже очненно это желательно, тоись пымать.

Другой.

Ишь ты!

Первый.

Да вотъ нѣтъ его, главная вещь. Ужъ онъ и старшинѣ-то приказывалъ: откуда хошь, говоритъ, достань, хошь изъ земли, вынь да положь мнѣ поджигателя.

Другой.

Такъ и приказываетъ.

Первый.

Такъ и приказываетъ.

Другой.

А все нѣтъ?

Первый.

Нѣту.

Другой.

Вотъ поди-жъ ты, братецъ мой! А то бы сичасъ и хрестъ?

Первый.

Хрестъ.

Другой.

Ахъ ты, горе какое. (*Народъ смѣется*).

Старшина (*прох. молодцу*).

А что братъ, не пора ли ложиться тебѣ?

Прохожій молодецъ.

Да ужъ дѣлать-то видно нечего. Ляжешь.

Голосъ (*въ толпѣ*).

Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ!

Другой.

А ты не робѣй пуще всего! Лежи знай!

Прохожій молодецъ.

На что̀ робѣть?

Третій.

Ты вотъ что̀, паренекъ: ты главная вешь старайся,—духъ-отъ глотай; чтобы духу-то не слыхать.

Четвертый.

Это все ничего. Вотъ лежи такъ, верхбрюшкой, руки врозь.

Третій.

Нѣтъ, такъ не годится. Эдакъ вотъ сичасъ догадается. А ты вотъ—ничкомъ. Любезное дѣло. (*Укладываютъ его. Въ это время слышенъ колокольчикъ*).

Сотникъ.

Охъ, никакъ это онъ! Отойдите, братцы, прочь! Караульщики! *(Всѣ отходятъ къ сторонкѣ, прохожій молодецъ притворяется мертвымъ; около него сидятъ два караульщика съ дубинами. Нѣсколько минутъ молчанія).*

Староста *(вбѣгаетъ на верхъ и, посмотрѣвъ на всѣ стороны, машетъ рукой).*

Мимо.

Прохожій молодецъ *(приподнимаетъ голову).*

Что—нѣтъ?

Староста *(сходитъ внизъ).*

Нѣтъ, не онъ.

Прохожій молодецъ *(садится).*

Хоть бы трубочки покурить пока.

Старшина.

Что-жъ, покури! Ничего. *(Прохожій закуриваетъ трубку, народъ понемногу расходится по сторонамъ; одни ложатся, другіе кучами сидятъ на косогорѣ и разговариваютъ вполголоса.)*

Старикъ *(стоитъ оперши́сь на палку и качаетъ головой).*

И грѣхи только, погляжу я... Какъ намъ за эти грѣхи отвѣчать будетъ?

Мужикъ.

Ты, дѣдушка Михей, не тужи, не убивайся! Станового обмануть грѣха нѣтъ. Это все прощёно.

Другой.

Что станового обмануть, что типериче паука убить—это все одно, ничего не значитъ.

Третій.

Сорокъ грѣховъ простится.

Четвертый.

Это все, братъ, на пользу.

Староста.

Ахъ, долго! Что онъ тамъ?

Голоса.

Ѣдетъ! ѣдетъ! *(Всеобщее смятеніе, народъ разбѣгается въ разныя стороны. На мѣстѣ остается только мертвое тѣло и караульщики. Вблизи слышенъ звонъ колокольчика. Черезъ нѣсколько минутъ наверху появляются становой, лекарь, разсыльный и старшина. Въ отдаленіи за ними видна куча мужиковъ).*

Становой *(спускаясь въ лощину).*

Это тѣло-то?

Старшина.

Оно самое-съ.

Становой.

Неизвѣстный человѣкъ?

Старшина.

Кто его знаетъ. Здѣсь дорога.

Становой *(подходитъ къ тѣлу).*

Кѣмъ усмотрѣно?

Старшина.

Да тутъ прохожіе какіе-то проходили.

Становой.

Гдѣ-жъ они?

Старшина.

Они пошли-съ...

Становой.

И почему-жъ ихъ не задержали?

Старшина *(оглядывается).*

Это сотникъ ихъ опустилъ.

Становой.

Сотникъ! Подать сюда сотника! А! Такъ вы такъ-то! *(Лекарь между тѣмъ осматриваетъ мертвое тѣло)*

Становой.

Ну, что, Иванъ Петровичъ, боевые знаки есть?

Лекарь.

Нѣтъ, что-то не видать, а водкой пахнетъ сильно, да еще русскимъ табакомъ. *(Разсыльному)* Кузьминъ, раздѣнь-ка его! *(Разсыльный начинаетъ его раздѣвать).*

Становой.

Ну-ка, что̀ у него въ карманѣ-то?
(Разсыльный вынимаетъ изъ одного кармана трубку, а изъ другово сѣрныя спички)

Становой.

Это зажигательныя спички. Такъ. Еще что̀?

Разсыльный.

Ваше благородіе, какъ вамъ угодно, а оно, тѣло-то это...

Становой.

Что?

Разсыльный.

Не дается?

Становой.

Какъ не дается?.

Разсыльный.

Оно живое-съ.

Становой.

Что ты врешь? *(Подходитъ къ тѣлу).* Ну-ка ткни-ка его въ бокъ хорошенько! *(Въ это время тѣло вскакиваетъ и становится на ноги).*

Мертвое тѣло.

Виноватъ, ваше благородіе, простите! Я не своей волей, это вотъ они-съ. *(Указываетъ на старшину и на сотника, который подходитъ въ это время).* Напоили меня пьянымъ...

Становой *(къ старшинѣ).*

Это ты что̀ же, ракалія?

Старшина.

Не я, сейчасъ провалиться! Это вотъ онъ все-съ... *(Указываетъ на сотника).*

Сотникъ.

Разрази меня Богъ... Тоись на семъ мѣстѣ... Сейчасъ не сойти... Это караульщики.

Становой.

Ладно, голубчики. Я съ вами раздѣлаюсь. Я до васъ доберусь. А ты, любезный... *(къ мертвому тѣлу)* ты еще трубку курить!... Эй, Кузьминъ, розогъ! *(Мертвое тѣло падаетъ на колѣни. Занавѣсъ опускается).*

РЫБОЛОВЫ.

Разсказъ.

> Ужъ мы рыбушку ловили
> По сухіимъ берегамъ.
>
> *Пѣсня.*

Мѣсто у нихъ это старинное, насижено давно. По настоящему, ежели такъ разсуждать, то, конечно, имъ здѣсь и дѣлать бы нечего, потому хлѣба сѣять негдѣ: земли только вотъ, что подъ дворами; промысловъ никакихъ нѣтъ, ремеслами не занимаются; даже и дороги дальше нѣтъ никуда. Однако живутъ ничего, слава Богу; капиталовъ большихъ не имѣютъ, но и нужды ни въ чемъ не видятъ. Въ старые годы считались они монастырскими и приписаны были къ мужской обители; да такъ съ тѣхъ поръ тутъ и остались. А впрочемъ, и уходить имъ не зачѣмъ, потому что обитель всѣхъ ихъ, можно сказать, поитъ, кормитъ, одѣваетъ. Въ ней почиваютъ честныя мощи святого угодника божія. Ради этихъ честныхъ мощей стекается сюда изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ великое множество богомольцевъ. Всякому требуется почлегъ, всякій тоже пить-ѣсть хочетъ; куда идти?—обыкновенно, въ монастырскую слободу: тамъ, что̀ ни дворъ, то постоялый дворъ, что̀ ни домъ, то кабакъ. Тѣмъ только и промышляютъ. И такъ они къ этому дѣлу приладились, что ужъ ничѣмъ больше и заниматься не хотятъ. Да и нужды въ этомъ нѣтъ никакой. Коли правду сказать, такого житья какъ у насъ въ слободѣ и за деньги не скоро гдѣ сыщешь. Мѣсто ужъ очень способно: сама добыча въ руки плыветъ; только знай— подбирай, не лѣнись. И при томъ же, здѣсь во всякое время народъ, круглый годъ отъ богомольцевъ отбою нѣтъ. Въ томъ только разсчетъ, что богомолецъ бываетъ разный, смотря по времени: одно время одинъ сортъ, другое—другой. Идетъ онъ, этотъ богомолецъ, такъ сказать, полосой и всякій сортъ свое время знаетъ; все ровно вотъ какъ рыба въ большихъ рѣкахъ и озерахъ.

Проявляется онъ съ самой ранней весны, когда еще снѣгъ лежитъ на поляхъ и только что кое-гдѣ осѣдать начинаетъ. Въ эту раннюю пору приходятъ изъ ближнихъ деревень старики, старухи, бабы съ дѣтьми, вдовы солдатки и прочій мелкій народъ. Встаютъ они до свѣту, идутъ утренничкомъ, по на̀сту пробираются. Идутъ они, сами не знаютъ зачѣмъ, а такъ вотъ, солнышко свѣтитъ, вѣтеркомъ пообдуваетъ: все какъ будто лучше. Насидѣлись они зиму зимскую въ дыму, да въ копоти и захотѣлось имъ чуточку поразмяться. Куда идти?— извѣстно, въ монастырь, угоднику поклониться. И пошли. Ну, только отъ этого народа пожива плохая; ходятъ они или Христовымъ именемъ, или хлѣбъ съ собой приносятъ изъ дому; даже ночуютъ рѣдко, а все больше норовятъ къ ранней обѣднѣ поспѣть, да въ тотъ же день и уходятъ обратно, чтобы къ ночи домой. Эти богомольцы проявляются не долго; много-много недѣля, другая—ихъ ужъ и нѣтъ. Народъ это самый пустой, гроша не стоющій; тѣмъ только и дорогъ онъ, что съ приходомъ его весна начинается. Они первый слѣдъ кладутъ—дворницкому дѣлу починъ. Господи благослови! Великій постъ, говѣнье начинается. Въ это время народу здѣсь бываетъ до пропасти. Весь постъ слобода биткомъ набита говѣльщиками. Но опять-таки и отъ нихъ тоже выгода не Богъ знаетъ какая. Монастырю точно, что доходъ порядочный; а дворники отъ этихъ говѣльщиковъ удовольствія получаютъ себѣ мало; потому народъ эдакой постный, долгими стояніями изнуренный, только бесѣдою да просвирками и подкрѣпляются; пьютъ одинъ чай, да и то больше все въ келіяхъ, съ монахами. А ежели тамъ мушкатель и прочія вина, которыя барыни употребляютъ, то это больше все изъ города, привозное. Такъ на всю недѣлю и запасаются.

Говѣніе кончилось, затѣмъ Пасха, святая недѣля, весна красна̀. Самое развеселое время.

Объ эту пору сюда народъ валомъ валитъ; что день, то новые прибываютъ. И изъ города наѣзжаютъ, а больше всего пѣшіе. Вотъ это настоящій, коренной богомолецъ-то и есть. Человѣкъ онъ неважный и притомъ же пачпортъ у него рѣдко когда въ порядкѣ бываетъ; по́ этой причинѣ смиренъ и у дворника всегда въ повиновеніи находится. А главное, очень ужъ ихъ много. Идутъ они партіями и становятся всегда у одного хозяина: гдѣ онъ лѣтошній годъ стоялъ, туда и товарищей ведетъ; потому, люди они странніе, въ чужомъ мѣстѣ всего опасаются; стало быть для нихъ знакомство дороже всего. Тамъ, у себя дома то, онъ человѣкъ, какъ человѣкъ; у другого, можетъ, и домишка тамъ какой-нибудь есть, а какъ только отъ дому отбился—кончено, братъ; сейчасъ онъ съежится весь, тихій такой станетъ, робкій,—хоть руками его бери, весь тутъ. Но хозяева ихъ не обижаютъ: ежели денегъ нѣтъ,—дрова рубитъ, воду носитъ, что̀ велитъ ему дворникъ, то и дѣлаетъ. Что-жъ, хозяину это все равно. И живутъ они здѣсь подолгу, все лѣто живутъ—питаются. Другой такъ обживется, что ужъ и домой ему не хочется. Какъ только въ колоколъ ударили, сейчасъ бѣжитъ онъ на паперть, становится съ нищими; получилъ подаяніе—идетъ къ хозяину, дворъ мететъ, самовары ставитъ; тоже вотъ послать ежели куда, сейчасъ это богомолецъ можетъ сбѣгать живымъ манеромъ. Хозяинъ его за это кормитъ, и господа пріѣзжіе тоже отъ себя жалуютъ на чай.

Да и житье же здѣсь, въ слободѣ, когда лѣто начнется. Такого веселья въ другомъ мѣстѣ поискать. Первое дѣло, народу всякаго много: наѣдутъ купчихи, барыни всякія, по недѣлѣ, по двѣ живутъ; безъ мужьевъ у нихъ тутъ такое пиршество идетъ—бѣда! Въ праздникъ чиновники, купцы, мастеровые, однѣхъ барышенъ сколько наѣдетъ! Извозчики, разносчики съ разнымъ товаромъ. Цѣлый день въ слободѣ стонъ стоитъ. Выйдешь на улицу—настоящій городъ: коляски скачутъ, кучера кричатъ, шарманки играютъ; тутъ чай пьютъ, пѣсни поютъ, въ другомъ мѣстѣ драка идетъ, батюшки мои!.. а тамъ вора поймали, повели. И цѣлое-то лѣто, цѣлое лѣто, вплоть до глубокой осени! Хозяева только знай деньги огребай.

И такъ они ловко насобачились грабить этихъ самыхъ богомольцевъ — чудо! Здѣшніе дворники и прежде - то мужиками настоящими, то-есть заправскими крестьянами никогда не были, а теперь и вовсе. Мужичьяго у нихъ только и есть, что борода, да вотъ еще грамотѣ не знаютъ; а по прочему по всему какіе же они крестьяне? Здѣшній дворникъ ни труда, ни нужды не знаетъ никакой; а что касается на счетъ богомольцевъ, такъ это онъ забылъ и думать. Что объ нихъ думать?—сами придутъ. На то они богомольцы. Первая забота у него, какъ всталъ, чтобы самоваръ попроворнѣй работница ему нагрѣла; затѣмъ выпилъ рюмку- другую, кренделемъ закусилъ, полсамовара чаю осадилъ и вышелъ на крылечко, на солнышкѣ сидѣть. Тутъ народъ ходитъ по улицѣ, ѣдутъ барыни всякія, разносчики кричатъ... Сидитъ дворникъ, поглядываетъ, съ знакомыми раскланивается, на ребятъ покрикиваетъ. Вотъ и прохлаждается такимъ маперомъ вплоть до обѣда. А хозяйка-дворничиха тѣмъ временемъ изъ горницы въ горницу шмыгаетъ, порядки наблюдаетъ, съ богомольцами ругается. Дочки ихнія набѣлились, нарумянились, въ кринолины разрядились и пошли гулять; ходятъ, гуляютъ, а сами этакъ платочками помахиваютъ, разнымъ этимъ кавалерамъ знакъ подаютъ: «ужо, дескать, приходите! Съ нашимъ съ удовольствіемъ». За обѣдомъ покушали на доброе здоровье,—спать. Выспались и опять за то же принимаются. Только имъ и дѣла. Ни печали, ни воздыханія. Развѣ что вотъ наѣдутъ хорошіе господа, офицеры съ мамзелями, или приказчики, въ веселой компаніи время провести; ну, ужъ тутъ, разумѣется, хлопотъ побольше. Другой разъ посуду перебьютъ, подерутся. Но хозяину черезъ это одна только польза бываетъ, а вреда ни какого. При этомъ случаѣ, конечно, денегъ не жалѣютъ, потому затѣмъ и ѣдутъ, чтобы удовольствіе свое исполнить въ лучшемъ видѣ, словомъ сказать, вполнѣ. Такихъ гостей и на предбудущее время всегда просятъ не оставлять. И точно, не оставляютъ; даже зимой жалуютъ и за всегда остаются довольны. Для такихъ гостей, разумѣется, и трудъ не въ трудъ, по той причинѣ, что барыши большіе.

За то въ прочее время спокой. Хоть цѣлый день валяйся на лежанкѣ,—никто тебѣ слова не скажетъ, никто не осудитъ. Кому нужно—всякій самъ придетъ, а хозяйское дѣло, извѣстно, только знай деньги получай. На то они и хозяева. И живутъ эти дворники, можно сказать, царствуютъ и этому счастію своему конца-краю не видятъ.

Одно вотъ только немножечко неловко у нихъ выходитъ: опиваются. Одинъ опился, другой опился. Какъ мало-мальски начнетъ силу забирать, сейчасъ, глядь, и сковырнулся. И пошелъ кружиться и пошелъ: изъ дому тащитъ, чѣмъ бы ему съ богомольцевъ брать, онъ ихъ же поитъ, а потомъ драться. Ну, ужъ тутъ, конечно, какая же можетъ быть комерція? Все хуже, да хуже; а тамъ и вовсе смотается. Годъ, другой потянетъ и обопьется.

Вотъ только въ этомъ у нихъ фальшь и выходитъ. Что̀ дѣлать! Опять и то надо сказать: и не пить тоже никакъ невозможно: потому, главная причина, мѣсто ужъ такое веселое.

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ.

Повѣсть.

I.

Время стояло лѣтнее, самое раннее лѣто. Ѣхалъ проселкомъ вольный ямщикъ, везъ въ телѣгѣ, на тройкѣ, проѣзжающаго.

Шла дорога полемъ, шла лугами, да оврагами и пришла дорога къ лѣсу. Стали въ лѣсъ въѣзжать. Дѣло было къ вечеру.

— Далеко, что ли? спросилъ проѣзжающій.

— Недалёко.

— А какъ?

— Да вовсе близко. Вотъ изъ лѣсу выѣдемъ, тутъ она и есть.

Ямщикъ остановилъ лошадей, слѣзъ, походилъ вокругъ телѣги, подтянулъ чересѣдельникъ, дугу покачнулъ, опять сѣлъ и, вытаскивая изъ подъ себя возжи, крикнулъ лошадямъ:

— Но! Недалёко!

Телѣга запрыгала по корнямъ; въ воздухѣ вдругъ почудилась сырая, пахучая свѣжесть. Проѣзжающій снялъ картузъ, вытеръ лицо платкомъ и началъ пристальнѣе всматриваться впередъ.

Сквозь жидкій дубнякъ и орѣшникъ безпрестанно то тамъ, то сямъ проскакивали лучи покраснѣвшаго солнца, по верхушкамъ птицы порхали. Лѣсъ зарѣдѣлъ, сталъ все мельче да мельче, солнце разомъ выглянуло надъ кустарникомъ, лошади круто повернули вправо, и вдругъ телѣга очутилась на самомъ краю страшнаго обрыва, по которому вилась змѣей дорога, вся изрытая, избитая и усыпанная мелкими камнями. Лошади стали.

Съ этого мѣста видно верстъ на двадцать. Внизу, подъ самымъ обрывомъ—рѣка, вся усѣянная островами. Течетъ эта рѣка изъ зеленыхъ луговъ, густо заросшихъ мелкимъ, курчавымъ кустарникомъ; извивается и прячется она въ камышахъ, и опять сверкаетъ вдали, и наконецъ совсѣмъ пропадаетъ за далекими синими озерами. На другомъ берегу рѣки разстилаются сѣнокосы, хлѣбныя поля и деревни. Ближе, поправѣе, село, вытянутое къ церкви, съ обѣихъ сторонъ обсажено садами, огородами, гумнами и старыми, почернѣвшим скирдами. Направо, въ саду, на пригоркѣ—помѣщичій домъ. Въ самомъ виду подъ горою шумитъ водяная мельница.

— Экое мѣсто! вслухъ сказалъ проѣзжающій.

— Мѣсто потное, отъ себя замѣтилъ ямщикъ.—Годомъ бываетъ—сѣна̀ родятся богатыя, прибавилъ онъ немного погодя и сталъ спускать, приговаривая лошадямъ:

— Гляди, небось!

Проѣзжающій осматривалъ мѣстность; лошади скользили и оступались; ямщикъ, не оборачиваясь, спросилъ:

— Сродственники будете Лександру Васильичу-то?

— Нѣтъ.

— Такъ, з̀начится, въ гости побывать?

— Да, въ гости,

— Доброе дѣло.

— Служите дѣ, ай нѣтъ?

— Нѣтъ, не служу.

Ямщикъ оглянулся.

— Кто-жъ вы будете сами-то?

— Поповъ сынъ.

— Мм. Да, да, да.

Ямщикъ помолчалъ, потомъ сказалъ въ раздумьи:

— А и много тоже нонѣ вашего брата, кутейниковъ-то.

— Довольно.

— Довольно, довольно, покачивая головою, говорилъ ямщикъ. — Ну, и что же теперя, братецъ ты мой, въ писаря что ли задумалъ къ яму проситься?

— Нѣтъ, такъ, по своему дѣлу.

— Да; по своему дѣлу... Но! дьяволы! Пропасти на васъ нѣтъ! Ту, ту, ту!

Лошади поскакали, телѣга покачнулась на бокъ, потомъ на другой и, прыгая черезъ кочки, понеслась по дорогѣ къ селу.

Прежде всего кинулась въ глаза проѣзжающему новая, крытая тесомъ изба, съ крылечкомъ, одиноко стоящая на лужайкѣ; надъ выходомъ голубая вывѣска и бѣлыми буквами написано: «волостное правленіе». Тутъ же, рядомъ съ правленіемъ, подъ навѣсомъ, виднѣлись пожарные инструменты: трубы, бочки, багры и проч. На селѣ куры бродили по улицѣ, поросенокъ съ визгомъ выскочилъ изъ подъ колесъ, мужикъ торопливо снялъ шапку и тряхнулъ волосами.

— Эхъ вы, несчастныя! крикнулъ ямщикъ на лошадей. Телѣга загремѣла по мосту, потомъ запылила по двору и остановилась у флигеля.

На крыльцѣ стоялъ человѣкъ небольшого роста, въ пальто, и, засунувъ руки въ карманы, пристально смотрѣлъ на пріѣзжаго.

— Александръ Васильичъ дома? спросилъ его пріѣзжій.

— Нѣту; ихъ дома нѣту, отвѣчалъ человѣкъ.—А вы отъ становаго? спросилъ онъ, подходя къ телѣгѣ и подставляя ухо.

— Нѣтъ, не отъ становаго; я самъ отъ себя. Скоро вернется Александръ Васильичъ?

— Они недалеко уѣхали съ барыней, за двѣнадцать верстъ, къ г. Ушакову. Къ вечеру хотѣли быть обратно. А вы кто такой?

— Я-то? Да я товарищъ его. Онъ знаетъ, онъ меня ждалъ.

— А! Такъ, такъ. Знаю-съ. Пожалуйте! Я сейчасъ велю ваши вещи... Господинъ Рязановъ?

— Да.

— Ну, такъ. Ждали... Какъ же...

— А гдѣ бы мнѣ тутъ пристроиться пока?

— А вотъ тутъ во флигелѣ комнату приготовили; только теперь тамъ, я вамъ скажу, такая идетъ чепуха: бабы это возются... разныя эти тряпки... чортъ ихъ возьми!.. нѣтъ, нельзя...

Пріѣзжій задумался.

— Какъ же быть?

— Да вы вотъ что̀-съ; вы пожалуйте пока въ кабинетъ. Что же такое? Ничего. Пожалуйте! А я вотъ... эй! кто тамъ? Приказчикъ! Кликни кого-нибудь!

— Нѣтъ, Иванъ Степанычъ, нечего кричать, говорилъ подходя приказчикъ, въ долгополомъ армякѣ, спокойно и медленно шагая по двору своими большими сапогами.

— Нѣту никого,—шабашъ. Всѣ на село ушли, прибавилъ онъ, махнувъ рукой, и, подойдя къ телѣгѣ, спокойно сталъ глядѣть на лошадей.

— Онучински? спросилъ онъ у ямщика.

— Онучински, неглядя отвѣчалъ ямщикъ.

— Ахъ, людишки проклятые эти! горячился между тѣмъ Иванъ Степанычъ.—Какъ господа со двора, такъ ихъ собаками никого не сыщешь.

— Да не хлопочите, пожалуйста, говорилъ пріѣзжій.—Я и самъ внесу.

— Ахъ, нѣтъ. Какъ это можно? Приказчикъ! Ну-ка, братъ, возьми чемоданъ, а я вотъ саквояжъ, да подушку. Пожалуйте!

Приказчикъ поставилъ свою шляпу на крыльцо, взялъ чемоданъ и понесъ.

Домъ былъ старинный, одноэтажный, съ бельведеромъ, но передѣланый и перестроенный заново. Разныя несообразности и неудобства, свойственныя старымъ деревенскимъ домамъ, были по возможности устранены, съ помощію кое-коихъ пристроекъ и сокращеній, которыя хотя и достигали своей цѣли, но зато лишали строеніе типичности и совершенно, повидимому, исказили его прежнюю физіономію. Это было какое-то длинное, неправильное, выбѣленное зданіе, съ обоихъ концовъ снабженное фантастическими пристройками и террасами. Въ одномъ мѣстѣ окно заколочено, а въ другомъ пробито новое. Съ перваго же взгляда замѣтно было, что новый строитель имѣлъ въ виду одну цѣль—удобство, о симетріи же и вообще о внѣшности заботился мало.

Въ передней, да впрочемъ и во всемъ домѣ, никого не было; только заходящее солнце, ударяя прямо въ широкія окна зала, насквозь пронизывало багровою полосою цѣлый рядъ опустѣлыхъ комнатъ. Внутри дома, еще больше, нежели снаружи, замѣтны были свѣжіе слѣды недавней реформы: новыя двери, новыя обои и перегородки, сдѣланныя, какъ видно, во имя уютности; кое-гдѣ новая мебель, наконецъ лампы новаго устройства и ѣдкій запахъ керосина. Но, не смотря на это, не смотря на всю несомнѣнность произведенныхъ улучшеній, на всемъ, рѣшительно на всемъ лежалъ еще другой, ничѣмъ неизгладимый отпечатокъ: низкіе потолки, широкія изразцовыя печи да и самые размѣры и расположеніе комнатъ—ясно доказывали, что домà такого рода сжечь можно, но пересоздать нельзя.

Гость тихо прошелъ по всему дому, молча останавливаясь въ разныхъ комнатахъ, и вернулся опять въ переднюю: тамъ въ простѣнкѣ висѣло большое дубовое зеркало, по бокамъ его стояли новые дубовые стулья съ высокими спинками, дубовая вѣшалка въ углу; но у стѣны такъ и остался широкій, неуклюжій, только заново выкрашенный коникъ.

— Куда же идти? спросилъ гость у своего провожатаго.

— А вотъ сюда, въ кабинетъ. Пожалуйте! Да чаю не угодно ли? Умыться?—сейчасъ.

Гость остался одинъ; онъ сѣлъ на диванъ и повелъ глазами вокругъ: шкафы съ книгами, каминъ, бумаги, газеты на столѣ; въ окнахъ сѣтки, подъ окнами садъ, за садомъ солнце садится...

Въ столовой заскрипѣли сапоги.

— Что-жъ, сударь, на чаёкъ-то?

Въ дверяхъ стоялъ ямщикъ и чесалъ въ затылкѣ. Въ то же время вошелъ Иванъ Степанычъ съ рукомойникомъ.

— Ахъ, подлый народишка! Чортъ ихъ возьми!—Воды нѣтъ. Ямщика за водой посылалъ. Ну, народъ!

— Что вы хлопочете? Успѣется еще.

— Да нѣтъ, помилуйте! Это... вѣдь это ни на что̀ не похоже. Такъ набалованы, изъ рукъ вонъ. Извольте умываться!

Пока гость умывался, Иванъ Степановичъ все говорилъ:

— Мыло-съ?—Вотъ!.. Ненадолго... Они долго тамъ никогда не бываютъ. Неподходящій человѣкъ... грубость эта, знаете!.. Помѣщикъ однимъ словомъ, помѣщикъ... Эй, Ванька! трубку!.. Вотъ-съ... хозяинъ... да, хозяинъ... Машины эти всѣ презираетъ... Марья Николаевна не любютъ къ нему ѣздить.

— Это кто Марья Николаевна?

— А супруга Александра Васильича.

— Да, я забылъ, какъ ее зовутъ.

— Какъ же-съ, да. Чудесная дама, воспитанная. Здѣсь такихъ нѣтъ. Я говорю: охота жить здѣсь, ей богу! Провинція такъ тутъ, не дай Богъ!

— А вы зачѣмъ же здѣсь живете?

— Я что же? Мое дѣло такое. Радъ бы не жить.

— Что-жъ вы тутъ дѣлаете?

— Я письмоводителемъ при Александрѣ Васильичѣ состою. На бородѣ-то мыло осталось. Пониже! Пониже! Письмоводителемъ... Да что̀—письмоводитель?.. Чорта ли тутъ?.. Помилуйте!.. Дѣла... Какія дѣла?. Теленокъ въ огородъ зашелъ, на грошъ потравы, на четвертакъ навозу одного накладетъ. Дѣло!.. Посредникъ... судить. Самоуправленіе, говоритъ... Вонъ въ газетахъ пишутъ: здравый смыслъ народа... Дьяволы! Право... Школы тамъ... Песъ ихъ возьми... Вотъ полотенце! Я говорю Александру Василичу... Чаю угодно?

— Нѣтъ не хочется. Я подожду ихъ.

— Ну, подождите! Я говорю Александру Васильичу: палкой ихъ!

*

— Что-жъ Александръ Васильичъ?

— Что Александръ Васильичъ? У него обыкновенно одинъ разговоръ—изъ газетъ... Гуманность. Ахъ, Господи! Вотъ исторія! Свобода, говоритъ. Нѣтъ, вонъ она свобода-то! Намедни пришли къ нему государственные крестьяне проситься, что нельзя ли, молъ, намъ подъ васъ записаться въ крѣпостные, такъ и такъ, говорятъ, оченно наслышаны,—жить у васъ хорошо. А?—Свобода!.. здравый смыслъ!.. Нѣтъ, ихъ—анаѳемъ за этотъ здравый смыслъ мало еще тово... мало пробирали... Нѣтъ, мало. Другой бы, знаете, какъ разжегъ, гуманность-то эту показалъ бы имъ.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ, переступая съ ноги на ногу, явился приказчикъ. Онъ издали заглядывалъ въ дверь и подкашливалъ.

— Кажется, къ вамъ, сказалъ гость.

— Ахъ, да; приказчикъ. Сейчасъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, это бѣда. Вотъ записывать надо идти. А вамъ не угодно ли пока позаняться? Вотъ тутъ газеты: «Московскія Вѣдомости», «Сѣверная Почта»... По французски умѣете? «Леноръ», «Ледеба». Извольте читать! Погоди, приказчикъ! Сейчасъ. Журналы желаете?

— Хорошо. Я посмотрю, говорилъ гость, садясь за письменный столъ.

— Читайте! читайте! кричалъ, уходя, письмоводитель.

Гость, оставшись одинъ, зѣвнулъ и началъ перебирать газеты; но все это были старые номера, журналы тоже; да и ворочалъ-то онъ нехотя, лѣниво. На столѣ тутъ же попалось ему нѣсколько русскихъ и французкихъ брошюръ, въ перемежку съ пакетами мирового съѣзда и безобразными тетрадками «Agronomische Zeitung»; разные счеты, вѣдомости, хозяйственныя соображенія, кое-какъ набросанныя карандашемъ. Впрочемъ, по мушинымъ слѣдамъ и по загорѣлому виду листовъ замѣтно было, что бумаги писаны давнó и разбросаны по небрежности. На стѣнѣ, рядомъ съ письменнымъ столомъ, висѣли на крючкахъ постановленія, циркуляры, штрафныя таксы за потраву и проч. въ этомъ родѣ. На стульяхъ лежали раскрытыя коробки съ бумагами, на диванѣ валялась свѣжая неразрѣзанная книжка «Journal d'agriculture pratique» и собачій ошейникъ. Гость потянулся въ креслѣ и зацѣпилъ ногою подъ столомъ цѣлый ворохъ «Русскихъ Вѣдомостей». Нераспечатанныя пачки разъѣхались по полу. Швырнувъ ихъ ногою опять подъ столъ, онъ всталъ и прошелся по комнатѣ

Между тѣмъ становилось все темнѣе, такъ что уже съ трудомъ можно было разсмотрѣть нѣсколько фотографическихъ портретовъ, висѣвшихъ надъ диваномъ: лица все были извѣстныя. Гость сдѣлалъ гримасу и, отвернувшись, неожиданно увидалъ въ зеркалѣ самого себя. Онъ вздрогнулъ—и началъ всматриваться: на черномъ стеклѣ тускло выступала тощая фигура, съ исхудалымъ лицомъ и неподвижнымъ взглядомъ. Гость легъ на диванъ и закрылъ глаза.

Прошло четверть часа. Вдругъ въ домѣ поднялась суета. Кто-то пробѣжалъ со свѣчею въ переднюю, собаки залаяли, къ крыльцу подъѣхалъ шарабанъ въ одну лошадь; въ шарабанѣ сидѣли двое: мужчина и дама. На крыльцѣ слышались голоса.

— Кто?

— Не могу знать.

— Что-жъ ты не спросилъ?

Вслѣдъ за этимъ въ кабинетъ вошелъ молодой, бѣлокурый мужчина и въ недоумѣніи остановился.

— Не узналъ, подходя къ нему и протягивая руку, сказалъ гость.

— Ахъ, это ты, Рязановъ! Я ужъ думалъ, ты и не пріѣдешь. Ну, что? Ну, какъ ты? Дайте сюда огня! Худъ-то какъ, худъ! Садись, что ли, я на тебя погляжу. Чай давай пить!

— Давай.

— Самоваръ скорѣе! крикнулъ хозяинъ; потомъ обнялъ гостя и посадилъ его на диванъ.—Да ты разсказывай, какъ ты тамъ въ Питерѣ? Чтò у васъ тамъ дѣлается?

— Все слава Богу. Кланяться велѣли.

— Ну, что ты врешь? Кто мнѣ кланяется? У меня тамъ ни одной собаки знакомой нѣтъ.

— Такъ чего-жъ тебѣ нужно?

— Ты мнѣ вотъ чтò скажи: отчего ты не писалъ? Въ три года хоть бы слово! И не стыдно это тебѣ? а? говорилъ хозяинъ, усаживаясь рядомъ съ гостемъ на диванъ и еще разъ спросилъ:

— И не стыдно?

— Нѣтъ, братъ, не стыдно. Да что толку писать? Нынче эту манеру бросаютъ совсѣмъ.

— Эхъ, ты! А еще сочинитель называешься, смѣясь говорилъ хозяинъ.

— Такъ что-жъ, что сочинитель? Что-жъ мнѣ для тебя письма что ли сочинять?

— Зачѣмъ сочинять? Писалъ бы о томъ, что есть.

— Странный человѣкъ! А если нѣтъ ничего?

— Разсказывай, братъ! Развѣ я не знаю, что̀ у васъ тамъ дѣлается.

— Ну, а коли знаешь, такъ чего-жъ тебѣ еще?

— Да нѣтъ; это все не то.

— Нѣтъ, именно то, что тебѣ слѣдуетъ знать, а больше ничего знать тебѣ не слѣдуетъ.

— Все ты не дѣло говоришь, смѣясь и вставая, сказалъ хозяинъ.—Да и я-то чортъ знаетъ, что̀ спрашиваю. Человѣкъ съ дороги, а я о литературѣ. Что же чаю? Постой, вотъ я свѣчи зажгу.

— Нѣтъ, это я очень радъ: вотъ почему, говорилъ онъ, шаркая спичкою.—Поэтому я и путаюсь. Ты меня извини, пожалуйста!

— Ничего, отвѣчалъ гость, ворочаясь на диванѣ.—Это даже хорошо, что ты путаешься.

Свѣчи разгорѣлись понемногу, освѣтились зеленыя стѣны съ темными портретами и двѣ фигуры пріятелей: одинъ—сухощавый, черный съ длинными жидкими волосами и клиновидной бородою (Рязановъ), болѣзненно согнувшись, лежалъ на диванѣ и серьезно всматривался въ другого—бѣлокураго, свѣжаго молодого человѣка (Щетинина), вдругъ неожиданно задумавшагося и неподвижно остановившагося съ догорѣвшею спичкою въ рукѣ.

— Что задумался? наконецъ спросилъ гость.

— Кто? я? Нѣтъ, ничего. Это такъ, отвѣтилъ Щетининъ, вздохнулъ и прошелся по комнатѣ; потомъ круто повернулъ къ Рязанову и, засунувъ руки въ карманы своего пиджака, сказалъ:

— Вѣдь это знаешь, что? Живешь здѣсь одинъ, людей не видишь, ну и забудешься какъ-то; а вдругъ услышишь такое слово, одно какое-нибудь слово, ну, и пошло, и начнутъ подыматься старыя дрожжи.

Гость молчалъ. Щетининъ раза три прошелся изъ угла въ уголъ, опять остановился передъ гостемъ и торопливо заговорилъ:

— Нѣтъ, вѣдь я тебѣ радъ, очень радъ! Онъ протянулъ гостю руку, крѣпко пожалъ ее, и подсѣлъ къ нему съ ногами на диванъ.

— Ну, теперь разсказывай! Говори,—что̀ и какъ тамъ у васъ. Худъ-то ты какъ, э! братъ.

— Что-жъ дѣлать, равнодушно отвѣтилъ гость.

— Вотъ что̀ ты мнѣ скажи, подвигаясь ближе, вполголоса спросилъ Щетининъ:—признайся, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?

— Какъ зачѣмъ? Вѣдь ты зналъ же, что я воздухомъ хочу лѣчиться. Самъ же звалъ меня.

— Звалъ-то я звалъ, да я думалъ, что у тебя еще какая-нибудь цѣль есть, кромѣ воздуха.

— Нѣтъ, никакой у меня цѣли больше нѣтъ. Вотъ съ тобой кстати повидаться.

Щетининъ пристально смотрѣлъ гостю въ глаза.

— Правду ты говоришь?

— Гм! Что-жъ ты меня спрашиваешь, правду ли я говорю? Если я не хочу тебѣ сказать, такъ не скажу, какъ ты меня ни спрашивай, какъ ни вытаращивай на меня своихъ проницательныхъ взоровъ.

— Я думалъ, что ты скажешь.

— Напрасно думалъ... А если тебѣ очень ужъ такъ захотѣлось узнать, зачѣмъ я пріѣхалъ, такъ ты самъ старайся узнать, выпытывай поискуснѣе: заводи разговоры о такихъ предметахъ и замѣчай, или пьянымъ меня напой. Мало ли средствъ... Можетъ и узнаешь.

— Ну, понесъ опять! Ты, я вижу, все такой же.

— Все такой же, братъ.

— И не надоѣло это тебѣ?

— Что-жъ дѣлать-то? Можетъ и надоѣло, да дѣлать-то нечего, не передѣлаешься.

— А вотъ я такъ передѣлался.

— Ты?

— Да. Что-жъ, это тебя удивляетъ?

— Нѣтъ, не удивляетъ. А жена твоя гдѣ?

— Ей что-то нездоровится. Она должно быть ужъ легла. Ахъ, да; вотъ вѣдь я забылъ совсѣмъ, что тебѣ нужно приготовить ночлегъ. Тамъ во флигелѣ есть комната, да нужно ее прибрать. Ты тутъ посиди пока.

— Посижу.

Щетининъ ушелъ, гость всталъ съ дивана и началъ разминаться, прохаживаясь и покачиваясь изъ стороны въ сторону. Въ кабинетѣ стало прохладнѣе; въ от закрытыя окна тихо плылъ пропитанный весеннимъ запахомъ березы вечерній воздухъ, весь наполненный комаринымъ пѣніемъ и далекими отголосками разныхъ вечернихъ звуковъ.

Минутъ черезъ пять вошелъ Щетининъ.

— Здѣсь ничего, жить можно, сказалъ гость, продолжая ходить по комнатѣ.

— А я ужъ и не знаю, хорошо ли,—привыкъ. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ хорошо.

— Хорошо! А дѣти есть у тебя?

— Что это ты вздумалъ? Нѣтъ, братъ, у меня дѣтей; да и слава Богу, что нѣту пока. Прежде нужно имъ приготовить кое-что, нужно гнѣздо свить.

— Какого же тебѣ еще гнѣзда? спросилъ гость, показывая рукою вокругъ себя.—Или ты, можетъ быть, намѣреваешься для каждаго по курятнику выстроить?

—Нѣтъ; а вообще я такого мнѣнія на этотъ счетъ, что обязанность родителей приготовить для дѣтей кое-какія средства, ну, воспитаніе тамъ... Нужно же подумать обо всемъ заранѣе.

— М-да, какъ бы соображая говорилъ гость, продолжая ходить.—Да; это похвально.—Ну, и что же, спросилъ онъ,— успѣшно идетъ заготовка?

— Ничего. Понемножку. Нельзя же вдругъ.

— Нельзя. Конечно. А какъ же теперь эти... спросилъ гость, останавливаясь передъ Щетининымъ и показывая пальцемъ,—эти запасы по отдѣльнымъ ящичкамъ разложены: это для Машеньки, а это для Николеньки, или такъ всѣ вмѣстѣ?

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ! шутя закричалъ Щетининъ. Смѣяться, что ли, надо мной пріѣхалъ!

— Нѣтъ; это я вспомнилъ, усаживаясь на диванъ и улыбаясь, продолжалъ гость:—мать у меня была женщина чадолюбивая и аккуратная, скопидомка была: такъ вотъ она, бывало, какъ только родится у нея дочь, сейчасъ же начинаетъ ей приданое копить и для каждой дочери особый коробъ предназначался. Ну, и все это идетъ ничего. Только какъ, бывало, которая-нибудь изъ нихъ заспоритъ, видитъ мать, что дѣло плохо, не переспоришь,—«постой же, говоритъ, сука, вотъ ты у меня безъ приданаго насидишься!» Сейчасъ возьметъ и все тряпье изъ короба непокорной дочери переложитъ къ покорнымъ. Ну, и драки же бывали у сестеръ изъ-за этого! Неимовѣрныя драки! Только одинъ отецъ и помиритъ бывало: возьметъ, да у всѣхъ трехъ приданое-то и пропьетъ.

Послѣ этого разсказа и гость и хозяинъ замолчали.

— А все-таки, братъ,—что̀ ты тамъ ни толкуй, а безъ этого нельзя, наконецъ заговорилъ Щетининъ.

— Безъ чего нельзя?

— Да безъ того, чтобы не копить.

— Ну, это кому какъ. Одному нельзя не копить, а другому нельзя не пропить. Это, братъ, дѣло полюбовное.

— Да нѣтъ; постой! перебилъ его Щетининъ.—Совсѣмъ ты не то говоришь. Понимаю я, понимаю; да только вовсе я не такой человѣкъ, какъ ты думаешь.

— Какой же ты человѣкъ? Ну, разсказывай!

— А вотъ я какой человѣкъ... Я человѣкъ.. Да, нѣтъ; я не могу о себѣ говорить. Чортъ знаетъ, я какъ-то не умѣю.

Щетининъ опять заходилъ изъ угла въ уголъ, съ озабоченнымъ лицомъ и ерошилъ себѣ волосы, наконецъ остановился, оперся руками на столъ и сказалъ:

— Вотъ что̀ я дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ не видался съ тобой, это я могу разсказать.

— Ну, все равно. Это даже лучше будетъ.

— Да, впрочемъ, вѣдь я тебѣ писалъ сначала.

— Что̀ ты писалъ? Ты чортъ знаетъ что̀ писалъ: воззванія какія-то, куда-то все меня призывалъ... исполнять долгъ честнаго гражданина... объ алтарѣ тамъ... Я это сейчасъ же въ печку. Чортъ возьми, думаю себѣ, попадешься еще, Богъ съ нимъ!.. Опасный человѣкъ!

Щетининъ хохоталъ, валяясь по дивану.

— Ахъ, чучело! Что̀ онъ городитъ? Ну, да, хорошо, хорошо. Слушай-же, я все сначала разскажу.

— И объ алтарѣ опять будетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ. Факты! одни голые факты!

— Ну, вотъ это я люблю. Начинай! Ахъ, нѣтъ, постой! Еще одинъ вопросъ:—чай-то будетъ? Не въ разсказѣ, а вотъ здѣсь на столѣ? Я, братъ, еще не пилъ сегодня. Вѣдь это тоже фактъ неоспоримый.

— Какъ же, будетъ; непремѣнно будетъ.

— То-то же. Ну, теперь трогай!

— Да; такъ вотъ, откашлявшись, началъ Щетининъ,— тогда мать у меня умерла. Ты помнишь вѣдь?

— Какъ же, какъ же. Почтенная была дама. Помню, какъ же.

— Ну, такъ вотъ послѣ ея смерти я пріѣхалъ сюда и женился. Женщина эта... да, впрочемъ, самъ увидишь, какая это женщина. Я тебѣ одно только могу сказать, что если бы не она, я, кажется, году бы не вынесъ той каторжной жизни, которую я велъ здѣсь вначалѣ, когда, знаешь, все это еще вновѣ было, ни къ чему приступиться не умѣешь; а тутъ волнуется это все кругомъ, ничего слушать не хотятъ. Ты имъ и то, и другое, ничего! Потомъ совсѣмъ было ужъ дѣло сладилось, уставную грамоту писать,—вдругъ—нѣтъ! не хотимъ; подождемъ что еще будетъ.

— Ну, да; это болѣе или менѣе извѣстная исторія, замѣтилъ гость.—Какъ же ты съ своими кончилъ?

— Какъ кончилъ?—подарилъ.

— Все?

— Всю землю, которой они владѣли.

— Что̀ и требовалось доказать?

— Нѣтъ, доказать-то требовалось не это. Оно вышло-то совсѣмъ не то, что̀ я хотѣлъ.

— Что-жъ, ты не хотѣлъ дарить? Тебя принудили, что ли?

— Да нѣтъ же! Я ѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы отдать имъ все даромъ, и какъ пріѣхалъ, сейчасъ же предложилъ имъ.

— Ну, и что же?—не берутъ?

— Не берутъ.

— Молодцы! Вотъ я за это люблю русскій народъ. По латыни не знаетъ, а dona ferentes боится.

— Вотъ поди-жъ ты!

— Чего тутъ—поди-жъ ты? Понятное дѣло, что если человѣкъ что-нибудь даромъ даетъ,—не бери, надуетъ.

— Да ты выслушай, чего мнѣ это стоило. Сколько я ночей не спалъ, непріятностей, враговъ сколько нажилъ между сосѣдями.

— Еще бы! разумѣется. Примѣръ!

— Примѣръ. Ну, вотъ! Главное, они на это и взъѣлись.

— Само собой. Гибельный примѣръ.

— Тутъ, братъ, такія мерзости пошли! Одинъ чуть было на дуэль меня не вызвалъ. Сплетни, крикъ по всему уѣзду!..

— Ну, это напрасно. Нѣтъ, я бы съ тобой лучше поступилъ. Я бы просто подбилъ твоихъ крестьянъ, чтобы они шепнули кому-нибудь.

— Было, любезный другъ, все было.

— Ну, вотъ! это послѣдовательно, по крайней мѣрѣ. Далѣе что?

— Да что̀ далѣе? Все кончилось благополучно. Мировой посредникъ тутъ... (отличный, братъ, человѣкъ!) вошелъ въ мое положеніе, объяснилъ имъ это все, растолковалъ и свелъ меня наконецъ съ крестьянами.

— Мм. Свелъ-таки?

— Да, свелъ. Нѣтъ, какова штука-то, замѣть! Мужики только черезъ три года взяли то, что̀ я имъ предлагалъ. Теперь, спрашивается, сколько они потеряли во все это время.

— Да; должно быть много. Ну, а воинскіе чины тутъ не убѣждали ихъ принять твой подарокъ?

— Нѣтъ; слава Богу, обошлось безъ этого.

— Значитъ, одному посреднику повѣрили?

— И я тутъ тоже толковалъ, говорилъ имъ: ребята, говорю, вы своей выгоды не понимаете.

— Да; ужъ это худо, когда человѣкъ самъ своей выгоды не понимаетъ. Ну, такимъ манеромъ, стало быть, ты свершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное?

— Какое! Нѣтъ, братъ, это еще только начало.

— А еще-то что̀ же?

— А тутъ-то вотъ и начинается настоящее дѣло.

— Уголовное?

— Соціальное, любезный другъ, соціальное.

— Мм—да. Вотъ оно что! сказалъ гость и внимательно посмотрѣлъ на Щетинина.—Теперь понятно, почему они доносили на тебя; теперь я начинаю понимать, что̀ ты мнѣ тогда писалъ въ Петербургъ. Да. Ну, такъ какъ же соціальная-то пропаганда?

— Все ты вздоръ городишь, ничего ты не понимаешь, полушутя, полусерьезно отвѣтилъ Щетининъ.

— Да вѣдь ты самъ сейчасъ сказалъ.

— Такъ что-жъ, что я сказалъ? Я знаю, что̀ ты думаешь. Но неужели ты воображаешь, что я способенъ на такія школьныя выходки?

— Ничего я не воображаю. Ты говоришь, а я слушаю.

— Ну, и слушай же толкомъ. Я тебѣ серьезно говорю.

— Говори!

— Ничего я противозаконнаго не затѣваю, никакихъ я теорій не привожу, я дѣлаю только то, что̀ всякій изъ насъ обязанъ дѣлать.

Щетининъ всталъ съ дивана, провелъ рукой по волосамъ и сейчасъ же опять сѣлъ: онъ, повидимому, затруднялся, съ чего начать—и царапалъ клеенку. Рязановъ спокойно и внимательно глядѣлъ ему въ лицо.

— Прежде всего, заговорилъ наконецъ Щетининъ,—ты долженъ согласиться съ тѣмъ, что всякое общественное дѣло тогда только можетъ быть прочно, когда оно основано на чисто-народныхъ началахъ.

— Да.

— Пока народъ не подалъ своего голоса, пока онъ молчитъ и только слушаетъ,—никакая пропаганда не поведетъ ни къ чему.

— Ну, такъ что-жъ?

— А то, что слѣдовательно мы должны всѣ наши силы направить на то... да ты, можетъ быть, спать хочешь?

— Да, братъ, хочу.

— Такъ мы еще успѣемъ переговорить обо всемъ. И я-то хорошъ! Человѣкъ усталъ... А что же чаю? Постой, я сейчасъ спрошу.

Щетининъ позвонилъ. Прошло нѣсколько минутъ, никто не являлся.

— Должно быть спятъ ужъ, сказалъ Рязановъ.—Да и не нужно. Богъ съ нимъ, съ чаемъ. Прощай!

— Ну, какъ же это? Я тебя провожу по крайней мѣрѣ... заторопился Щетининъ, взялъ свѣчку и повелъ гостя во флигель.

Рязановъ, оставшись одинъ, раздѣлся, отворилъ окно, потянулъ свѣжаго воздуха, поглядѣлъ въ темный садъ, потонувшій во мракѣ, и задумался. За стѣной кто-то во снѣ старался выговорить:

— Ме-ме-мери—мерилендъ.

Рязановъ погасилъ свѣчу и легъ спать.

II.

На другое утро гость проснулся рано, потому что рядомъ, за перегородкою, чуть свѣтъ началась возня: кто-то ходилъ по комнатѣ, шуршалъ бумагою, шепталъ и самъ съ собою разговаривалъ. Въ отворенное окно, вмѣстѣ съ утреннимъ холодомъ, влетали веселые звуки птичьяго говора, заглушая тревожный и ласковый шопотъ, проникавшій изъ сада. Гость одѣлся и сѣлъ у окна.

— Господинъ Рязановъ, вы не спите? спросилъ за перегородкою знакомый голосъ.

— Не сплю.

Вошелъ письмоводитель.

— Мое почтеніе! Ну, какъ спали? Ничего? А я, чортъ ее возьми, всю ночь промучился. Я слышалъ, какъ вы вчера пришли. Мушку поставилъ за ухомъ. Чево-съ? Оглохъ. За рыбой ходилъ, простудился. Оглохъ.

Письмоводитель держалъ голову немного на бокъ, а рукой прихватывалъ на шеѣ мушку.

— Развѣ вы здѣсь живете?

— Здѣсь. Вотъ рядомъ-то. Тутъ у насъ контора. Зайдите, полюбопытствуйте! Да что? безпорядокъ.

Пришли въ контору; такая же комната, какъ и первая, голыя стѣны, столъ съ чернильницею и бумагами, два стула, шкафъ.

— Вотъ-съ присутствіе! Бумаги вотъ, книжки... У насъ по книжкамъ все разсчетъ. Съ бабами такая итальянская бухгалтерія у насъ идетъ, двойная, съ бабами. Сейчасъ ей *кредитъ*... а! ротъ разинетъ. Дуры!.. Вѣдомости тутъ... отношеніе мирового посредника... Тоже приказчикъ у насъ уменъ... «Имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, выслать для объясненія...» Такъ тебѣ сейчасъ и выслали. Дожидайся!.. «Прійдя ко мнѣ на барскій дворъ, съ дерзостію отвѣчалъ...» Хм! Чертовщина!

Письмоводитель рылся въ бумагахъ, читалъ ихъ, бросалъ, опять принимался читать, вдругъ швырнулъ какой-то пакетъ на полъ и сказалъ:

— Что же вы не садитесь?

— Нѣтъ, я пойду.

— Ну, какъ хотите.

— А тутъ что же такое?

— Тутъ я живу. Пустяки все.

Онъ отворилъ дверь въ маленькую комнату, всю заваленную газетами, нотами, панталонами... На окнѣ халатъ виситъ, чижикъ въ клѣткѣ, духота, кроватъ стоитъ и скрипка лежитъ на кровати.

— А вы играете на скрипкѣ?

— Чорта я играю. Ничего я не умѣю. Такъ... Пойдемте! Что тутъ еще... Вы куда? Гулять? И я гулять. Нѣтъ, мнѣ нужно. Что-жъ вы стоите? Надѣвайте картузъ!

На дворѣ никого не было. Отъ дома лежала широкая тѣнь на травѣ; по кирпичному забору прыгали воробьи.

— Вы куда же? Въ садъ, что ли? спросилъ письмоводитель.

— Мнѣ все равно.

— Ну, такъ пойдемте на базаръ.

— Пожалуй! А гдѣ же у васъ базаръ?

— А вотъ площадь-то, за церковью. Базарная площадь. Сельскими произведеніями торгуютъ! деготь тутъ это у нихъ, лапти!.. такая чушь! Коммерція!

Идетъ баба съ ведрами; поваръ въ бѣлой курткѣ несетъ съ погреба говядину; лошадей ведутъ на водопой; лягавая собака идетъ, хвостомъ машетъ...

— Танкредъ! Хо! дуракъ, говоритъ письмоводитель, лаская собаку.

— Ну, ну, ну! Ступай, ступай! Нечего, братъ, тутъ, нечего. Ты и радъ!

Танкредъ съ неудовольствіемъ отходитъ.

— Ахъ, постойте, говоритъ письмоводитель:—забылъ я тутъ... дѣльце есть. Одна минута.

Вошли въ людскую.

Стряпуха хлѣбы въ печку сажаетъ, грудной ребенокъ вертится у ней подъ ногами.

— Уйди ты, пострѣлъ! Чево-съ?

— Матвѣй дома? спрашиваетъ письмоводитель.

— Нѣту; на футоръ до свѣту уѣхалъ.

— Скажи ему, что-жъ онъ о пашпортѣ-то о своемъ не хлопочетъ. Вѣдь штрафъ заплатитъ.

— Скажу.

— То-то, скажу. Ишь, таракановъ что развели!

— Кто ихъ разводилъ, проклятыхъ?

— Вы разводите. Вы ихъ любите до смерти; а послѣ въ ухо заползетъ. Ишь ты! Это что̀? А? О, дьяволы! Вотъ васъ, чертей, за это разжечь. Что? Нѣтъ, врешь! Вы ихъ жрете, анаѳемы. Пойдемте! Тутъ, я вамъ скажу...

Идетъ по двору мужикъ.

— Здравствуйте, Иванъ Степанычъ!

— Здравствуй! Что̀ тебѣ?

— Къ вашему здоровью.

— Зачѣмъ?

— Все насчетъ своихъ дѣловъ.

— Это насчетъ телушки-то? Знаю. Деньги принесъ?

— Нѣтъ, не принесъ.

— Такъ что-жъ ты? разговаривать пришелъ?

— А я такъ полагалъ, по-сусѣдски, молъ.

— Ступай, по-сусѣдски деньги неси!

— Да вѣдь что-жъ, Иванъ Степанычъ, много ли она потравила? Сами изволили знать. Только что быдто находила.

— Васъ, мошенниковъ, учить надо.

— Учить, это точно, Иванъ Степанычъ; только, кажется, мы тоже довольно учены.

— Нѣтъ, мало.

— Ну, теперь, позвольте, такъ будемъ говорить: ваша скотина зашла ко мнѣ въ огородъ.

— Ну, и загоняй ее.

— Загнать недолго, да на что-жъ такъ-то?

— Какъ на что? Баринъ штрафъ заплатитъ.

— Ну, это тягайся тамъ съ вами еще! А незамай же я ноги переломаю, она лучше ходить не станетъ.

— Вотъ ты поговори еще!

— Право слово, переломаю. Что, въ самъ дѣлѣ?

— Ладно, братъ. Толковать съ нимъ. Очень нужно. Экой народишко подлый! То есть, я вамъ скажу, тутъ какую нужно дубину!..

— Неужели?

— Ей-богу. Помилуйте! Чтò это такое? Такъ набалованы! Такъ... Землю даромъ отдали. Э! да что ужъ тутъ... Вотъ она, рыга-то.

— Гдѣ рыга?

— А вонъ желтая, видите?

— Что же тамъ?

— Машины. Земледѣльческія орудія... Даромъ деньги... Нѣтъ, одна ничего. Это штука любопытная,—грабли. Сейчасъ везетъ, везетъ,—разъ! А, чтобъ те! Англичане деньги берутъ. Нѣтъ, они хитрые, анаѳемы, шутъ ихъ возьми. Да. Молотилка такая есть, чудесная. Семьсотъ цѣлковыхъ... Все равно вотъ,—пушка. Захотѣлъ, куда хочешь. Вотъ шельмы-то! Занимательная штука. Ну. только тяжела, никуда негодится. Эй, Трофимъ, поди сюда! Это чтò у тебя въ рукѣ?

— Гвоздь.

— Ну, ступай!

Идутъ дальше. Солнце начинаетъ припекать. Село. Старухи въ синихъ платкахъ сидятъ съ дѣтьми на завалинахъ; больной теленокъ лежитъ середь улицы, грѣется; нищій крадется стороной и дребезжитъ его старческій голосъ:

— Родителевъ поминаючи, Христа-ра-ади!

Письмоводитель ежеминутно останавливается, разговариваетъ съ собаками, землю ковыряетъ палкой, ругается, а самъ нѣтъ, нѣтъ, и прихватилъ себя за мушку.

Идутъ селомъ прохожіе, съ лаптями и косами на плечахъ, идутъ молча, руками машутъ.

— Куда вы? спрашиваетъ ихъ письмоводитель.

— На Донъ, въ казаки, отвѣчалъ одинъ прохожій.

— Сѣно косить, кормилецъ, сѣно, проходя мимо добавляетъ другой.

— Или у насъ своего нѣту?

— У насъ его отродясь не было, на ходу отвѣчаетъ третій.

— Ну, съ Богомъ, говорилъ письмоводитель.

— Спасибо, родимый.

* * *

Базарная площадь. Въ концѣ виденъ кабакъ, навѣсы для торговли, лавочка и *дума**). Куры копаются середь площади; тишина, слышно, какъ свинья чешется объ уголъ думы и вполголоса отрывисто похрюкиваетъ.

Письмоводитель съ гостемъ вошли въ лавочку.

— Денисъ Иванычу, говоритъ письмоводитель.

— Иванъ Степанычу, не глядя отвѣчалъ лавочникъ.

Онъ сидитъ на прилавкѣ, въ рубашкѣ, въ жилетѣ и играетъ въ карты съ волостнымъ писаремъ. Писарь въ военномъ пальто и въ резинковыхъ калошахъ на босу ногу.

— Писчей бумаги! спрашиваетъ Рязановъ.

— Есть.—Пожалуйте! Алексѣй, покажи бумагу! Ходите, я вздавалъ. Вы зачѣмъ, Иванъ Степанычъ?

— Бросьте вы карты-то! Что, въ самомъ дѣлѣ?

— Погодите. Игра тутъ у насъ идетъ. Третій день хороводимся. Да чего вамъ требуется? Черви.

— Нашатырь есть у васъ?

— Вамъ на что̀? Вали! вали!

— Для экономіи.

— Это моя восьмерка. Что ты врешь? Для экономіи?

— Да. Ну, что же, есть что ли?

— Это нашатырь-то?

— Да.

Лавочникъ пристально смотритъ себѣ въ карты и говоритъ:

---

*) «Думою» называется въ базарныхъ селахъ сарай, въ которомъ хранятся вѣсы и мѣры.

— Мда. Вотъ что! Для и-ка-но-оміи. Такъ, такъ. Самая подлецкая игра. Безъ двухъ. А нашатырю, похоже такъ, что нѣту. Ну, вздавай! Еще чего-съ?

— Да будетъ вамъ играть!

— Ну!

— Сургучу двѣ палочки.

— Есть, Алексѣй, подай сургуча двѣ палки конторскаго. Иванъ Степанычъ, садитесь съ нами играть.

— Ну васъ!

— Что-жъ такое? Мы на орѣхи.

— И на орѣхи не стану.

— Экіе скупые. А у васъ непремѣнно деньги есть. Мое почтеніе! говоритъ лавочникъ кучеру.

Кучеръ молча подходитъ къ прилавку и глядитъ на полки съ товарами.

— Вамъ чтò? спрашиваетъ лавочникъ.

— Идѣй-то у васъ тутъ была, я гляжу, зеркила такая, круглая?

— А вотъ она.

Кучеръ беретъ зеркало и глядится въ него. Письмоводитель роется въ ящикѣ съ пряниками.

— Хороши, ужъ хороши! И глядѣться нечего, дружески говоритъ кучеру лавочникъ.

— Нельзя, отвѣчаетъ кучеръ.—Влюбиться хочу.

— Не говорите! Ужъ мы сейчасъ видимъ, который человѣкъ въ веселомъ духѣ. Это горничная-то? Хмъ. Дѣвочка ничего.

— Дѣвка убѣдительная. Одно слово, чего изволите.

— Такъ, такъ.

— Безпремѣнно надо влюбиться. Теперь, главная вещь, какъ никакъ разстараться пѣсенникъ достать.

Входитъ мужикъ.

— Денисъ Иванычъ!

— Что ты?

— Отпустите!

— Дугу оставь!

— Какъ же я безъ дуги поѣду?—помилуйте!

— А мнѣ чтò? Васъ, чертей, жалѣть нечего. Ну, да ладно: бери дугу, скидавай зипунъ!

Мужикъ молчитъ и всѣ молчатъ, смотрятъ на него.

— М—вотъ чтò, про себя говоритъ мужикъ.

Молчаніе. Письмоводитель на прилавкѣ раскалываетъ гирею орѣхъ.

— Такъ-то, произноситъ мужикъ и чешетъ въ затылкѣ. Одно плечо у него начинаетъ понемногу опускаться, зипунъ сползаетъ съ плеча...

Остановка.

— Скидавай! скидавай! Нечего. Ныньче, братъ, не зима, не озябнешь.

Мужикъ вздыхаетъ и шевелитъ губами, потомъ молча, потихоньку стаскиваетъ зипунъ, бережно кладетъ его на прилавокъ и молча, въ одной рубахѣ уходитъ.

— Ну, вздавай, говоритъ писарю лавочникъ.

— Нѣтъ, я говорю, подбирая карты, говоритъ лавочникъ.

— Да.

— Я говорю: эти мужичонки подлыи... Типериче, какъ вы полагаете, сколько у меня за ними денегъ пропадаетъ? сейчасъ провалиться. Пасъ. Я за него подушныя заплатилъ.

— Дѣла, съ орѣхомъ во рту, произноситъ письмоводитель.

— Вотъ по этой причинѣ они мнѣ всѣ и подвержены. Ходи!

— Ну васъ совсѣмъ! Прощайте! говоритъ письмоводитель.

— До пріятнаго свиданія.

Вернувшись съ базара, гость и письмоводитель разстались. Письмоводитель пошелъ въ контору, гость отправился въ домъ. Проходя по двору, онъ увидѣлъ у крыльца нѣсколько бабъ и мужиковъ. Въ дверяхъ стояла молодая женщина въ утреннемъ капотѣ и внимательно осматривала у одного мужика палецъ.

— Кто это? спросилъ гость у лакея.

— Барыня.

— Гм.

Гость подошелъ къ крыльцу. Женщина, стоявшая въ дверяхъ, нѣсколько растерялась, но сейчасъ же переломила себя и еще внимательнѣе припала къ мужичьему пальцу.

— Погоди, вотъ я тебѣ спуску дамъ, сказала она и вдругъ вскинула глазами на гостя: онъ стоялъ прямо противъ нея и пристально смотрѣлъ ей въ лицо. Онъ поклонился, она тихо сказала «здравствуйте» и уже совершенно твердо продолжала говорить съ мужикомъ:

— Да нѣтъ ли у тебя занозы?

— Кто ее знаетъ. Нѣтъ, мотри, врядъ.

— Такъ ты приложи вотъ это на тряпочку, а дня черезъ два опять приходи сюда.

— Сюда опять притить—понавѣдаться?

— Да, да, сюда опять приди!

— Ладно, приду.

— А у тебя что̀?

На порогѣ стоялъ мужикъ на видъ толстый, но блѣдный, и тяжело дышалъ.

— Чѣмъ ты нездоровъ?

— Я, матушка, всѣмъ нездоровъ, хвораю давно.

— Что же ты чувствуешь? Знобитъ что ли тебя?

— Нѣту; знобу такова нѣтъ; ну, и поту настоящаго въ себѣ не вижу.

— А ѣшь хорошо?

— Какъ хорошо? Въ недѣлю вотъ эдакой чашечки кашицы известь не могу. Брюхо-то у меня— ишь ты!—опухло. Хошь вшей на немъ бить, такъ въ ту же пору.

Гость взглянулъ на хозяйку: на лицѣ у ней чуть-чуть передернуло одинъ мускулъ и опять все стало покойно, только она сейчасъ же торопливо спросила:

— Простудился ты должно быть?

— Не знаю, родимая, простудился ли, нѣтъ ли. Нѣтъ, такъ должно эта хворь пристала, съ вѣтру. Утромъ всталъ, оглядѣлъ въ себѣ ноги—настоящія колоды: опухли. И зачало меня дуть, зачало дуть пуще да пуще...

— *Оглядѣлъ въ себѣ ноги...* вполголоса повторилъ гость.—До этихъ поръ онъ не зналъ, что у него ноги есть.

Хозяйка взглянула на гостя сначала серьезно, потомъ какъ-то нерѣшительно улыбнулась и опять сдѣлала серьезное лицо.

Гость постоялъ еще немного и пошелъ въ домъ. Онъ нашелъ Щетинина въ кабинетѣ съ газетою у окна.

— Я къ тебѣ заходилъ, сказалъ Щетининъ, да мнѣ сказали, что ты ушелъ куда-то.

— Да, я гулять ходилъ, сказалъ гость, садясь на диванъ.— Ты рано встаешь?

— Часовъ въ пять сегодня всталъ, проѣхался по хозяйству.

— Такъ ты не на шутку хозяйничаешь?

— Какія тутъ шутки. Нельзя, братъ, нельзя.

— Да, какъ будто размышляя сказалъ Рязановъ и потомъ прибавилъ: звѣрь такой есть—бобръ, звѣрь рѣчной, обстоятельный звѣрь; ходитъ не спѣша, все какъ будто о чемъ-то думаетъ; шуба на немъ дорогая, бобровая, и лицо точно у подрядчика. Такъ вотъ у этого звѣря страсть какая?—все строить. Поэтому онъ такъ и называется—бобръ строитель, Castor fider. И теперь куда хочешь ты его посади, хоть на колокольню, дай ему хворостку, онъ сейчасъ начнетъ плотину строить. Вотъ онъ можетъ о себѣ сказать, что ему безъ этого ужъ никакъ нельзя.

— Ну, да. Да что̀ съ тобой говорить: у тебя все смѣхъ. Пойдемъ-ка, братъ, лучше чай пить. Вонъ и хозяйка пришла.

Въ столовой зашуршало женское платье и загремѣли чашки. Гость и хозяинъ вошли въ столовую.

— Вотъ, рекомендую тебѣ, сказалъ Щетининъ женѣ,—другъ и гонитель мой,—Яковъ Васильевичъ Рязановъ. Позвольте васъ познакомить.

Хозяйка остановилась на минуту съ чайникомъ въ одной рукѣ и протянула гостю другую.

— Да ужъ мы видѣлись, сказала она мужу.

— Когда?

— Я сейчасъ засталъ Марью Николаевну, сказалъ гость:—тамъ на крыльцѣ недугующихъ исцѣляла.

Марья Николаевна слегка улыбнулась, но вслѣдъ за этимъ наморщила брови и сейчасъ же привела лицо свое въ порядокъ.

— А вамъ это смѣшно? спросила она, наливая чай и понемногу начала краснѣть.

— Нѣтъ, не смѣшно.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ Щетининъ, положивъ руки на столъ:—что это у васъ въ Петербургѣ всѣ такъ, что вы не можете ни о чемъ серьезно говорить?

— Нѣтъ, не всѣ, совершенно серьезно сказалъ Рязановъ и сталъ размѣшивать чай.

Помолчавъ немного, онъ какъ будто про себя повторилъ:—не всѣ. И разсматривая что̀-то въ стаканѣ, продолжалъ:—нѣтъ, есть и такіе, которые обо всемъ серьезно говорятъ. И даже такихъ гораздо больше. Я какъ-то одного встрѣтилъ на улицѣ,—я въ баню шелъ,—пора, говоритъ, намъ серьезно приняться за дѣло. Я говорю: пора. До свиданья.—Куда же вы? говоритъ.—А въ баню, говорю, омыться.—Да, говоритъ, у васъ все шутки. Я серьезно... Ну, что̀ же дѣлать? вдругъ спросилъ Рязановъ, поднимая голову.—Вѣдь я тоже серьезно ему отвѣчалъ, а онъ говоритъ: шутки.

— Что̀ ты разсказываешь... началъ было Щетининъ, но Рязановъ продолжалъ:

— Нѣтъ, вѣдь это глядя по человѣку. Одинъ и серьезно говоритъ, а все кажется, что онъ это такъ, шутитъ; а вонъ Суворовъ пѣлъ пѣтухомъ, однако всѣ понимали, что онъ въ это время какую-нибудь серьезную каверзу подстраиваетъ.

Марья Николавна пристально смотрѣла на гостя изъ-за самовара.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорилъ Щетининъ:—я замѣчалъ, что Петербургъ какъ-то совсѣмъ отучаетъ смотрѣть на вещи прямо, въ васъ совершенно исчезаетъ чувство дѣйствительности: вы ее какъ будто не замѣчаете, она для васъ не существуетъ.

— Да ты это на счетъ выкупныхъ операцій, что ли? спросилъ Рязановъ.

— Нѣтъ, братъ, я о другомъ говорю. Я говорю о той грубой дѣйствительности, которая насъ окружаетъ и даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу.

— Ну, еще это Богъ знаетъ, отвѣтилъ Рязановъ:—кто ее лучше чувствуетъ. Всякому кажется, что онъ лучше.

— Поживи-ка, братъ, здѣсь, да погляди на насъ, чернорабочихъ, какъ мы тутъ съ сырымъ матеріаломъ управляемся: можетъ, взглядъ-то у тебя и измѣнится. Такъ-то, другъ, прибавилъ Щетининъ, хлопнувъ гостя по колѣнкѣ.

— Можетъ быть, улыбаясь отвѣчалъ Рязановъ.

— Что ты смѣешься? Ты погляди, вотъ я тебѣ покажу, что это за люди, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло.

— Да?

— Вотъ ты тогда и увидишь, что мы должны, мало того, что помогать имъ, но еще убѣждать и упрашивать, чтобы они намъ позволили имъ же быть полезными.

— Мгм. Какъ это Гамлетъ говоритъ?—«Нынче добродѣтель должна униженно молить порокъ, чтобъ онъ позволилъ ей»...

— Да, братъ, униженно молить порокъ... Я серьезно говорю. Если взялся за дѣло, такъ ужъ не до ироніи.

— Какая тутъ иронія? Это ужъ филантропія, а не иронія.

— Ну, я не знаю, какъ это называется, а что вотъ меньшій братъ ко мнѣ идетъ, это я знаю, говорилъ Щетининъ, глядя въ окно.—И еще знаю, что сейчасъ онъ будетъ просить, чтобы я ему телушку его отдалъ, а я не отдамъ.

— Почему же? спросила Марья Николавна.

— А потому, что такъ нужно.

Щетининъ наскоро допилъ стаканъ и вышелъ въ переднюю. Дверь изъ столовой осталась незатворенною.

— Здравствуй! Чтò тебѣ нужно? спросилъ онъ у мужика, вошедшаго въ то же время изъ сѣней.

Мужикъ поклонился.

— Къ вашей милости...

— Зачѣмъ?

— Да все на счетъ того дѣла. Батюшка, Ликсанъ Васильевичъ! Мужикъ сталъ на колѣни.

— Это ты все о телушкѣ-то пристаешь? Встань, братецъ, встань! Какъ тебѣ не стыдно? Сколько разъ я вамъ говорилъ, что это скверно. Я съ тобою и говорить не буду, пока ты не встанешь.

Мужикъ всталъ.

— Ну, слушай! Пойми, что мнѣ твоихъ денегъ не нужно: я отъ этого не разбогатѣю. Я беру съ тебя штрафъ для твоей же пользы, для того, чтобы ты былъ впередъ осмотрительнѣй, зря не распускалъ бы скотины. Сами же вы благодарить будете, что васъ уму-разуму учатъ.

— И такъ много довольны, батюшка, Ликсанъ Василичъ. Благодаримъ покорно!

— Ну, вотъ видишь! Понимаешь теперь, что это для твоей же пользы?

— Понимаемъ-съ.

— Ну, а коли понимаешь, стало быть и толковать нечего. Я тебѣ покажу, что лишняго ни одной копѣйки съ тебя не требуютъ. Вотъ росписаніе—видишь?—Печатное росписаніе отъ министра, сколько слѣдуетъ брать за потраву. Вотъ за корову, съ 1-го іюня по 1-е іюля—рубль пятьдесятъ копѣекъ...

— Тэкъ-съ.

— Да за прокормъ за трои сутокъ по двадцати копѣекъ,—шестьдесятъ копѣекъ; всего два рубли десять копѣекъ. Такъ вѣдь?

— Это такъ точно.

— Пожалуй на счетахъ прикинуть можно.

— Нѣтъ, что ужъ прикидывать.

— Ну, такъ чего же ты еще отъ меня хочешь?

— Мы ничаво... А какъ теперь насчетъ того, т. е. пуще сумляваемся, что быдто не по-сусѣдски...

— Не по-сусѣдски! да вѣдь я тебя говорилъ.

— Это такъ-съ.

— Законъ. Понимаешь?—законъ.

— Слушаю-съ.

— Такъ чтò-жъ я могу сдѣлать? Ну?

Мужикъ молчалъ. Изъ столовой Рязановъ, положивъ бороду на спинку стула, смотрѣлъ на эту сцену; Марья Николавна задумчиво катала изъ хлѣба шарики.

— Прикажите за себя вѣчно Бога молить! вдругъ сказалъ мужикъ и опять упалъ на колѣни.

Щетининъ плюнулъ и ушелъ. Мужикъ еще нѣсколько минутъ постоялъ на колѣнахъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ, вздохнулъ и пошелъ по двору шагъ за шагомъ, держа шапку въ обѣихъ рукахъ.

— Ну, чтò? какъ меньшій братъ? спросилъ Рязановъ.

Марья Николавна заперла сахарницу и вышла въ другую комнату. Щетининъ походилъ изъ угла въ уголъ, отворилъ окно.

— Чортъ знаетъ, духота!.. Свинья—меньшій братъ, вотъ что я тебѣ скажу.

— Нѣтъ, я вижу, ты еще не умѣешь молить порокъ, чтобы онъ тебѣ позволилъ... оштрафовать себя, сказалъ Рязановъ, сидя за столомъ.

— Такая дрянь—мужичонка! продолжалъ между тѣмъ Щетининъ.—Когда ему чтò-нибудь нужно отъ меня,—ходитъ, кляньчитъ, ноги цѣлуетъ; а случись такъ, что мнѣ понадобится купить у него десятокъ яицъ, такъ онъ готовъ рубашку снять.

— Это основательно. Ну, а другіе-то какъ?—хорошіе?

— Если правду сказать, такъ и другіе тоже со всячинкой; да не въ этомъ дѣло. Мы сами виноваты. Нужно внушить имъ больше довѣрія, нужно, чтобы мы сами къ себѣ были построже, тогда и они будутъ...

— Дешевле брать за яица. Вѣроятно.

— Нѣтъ, будутъ строже къ себѣ.

— Да будутъ ли?

— Конечно, будутъ.

— Съ какой стати?

— А съ такой стати, что сами увидятъ.

— Чтò?

— Да что такъ лучше.

— А самъ-то ты вѣришь, что такъ лучше будетъ?

— Еще бы! Что ты на меня смотришь? Какой же бы я былъ работникъ, если бы не вѣрилъ въ успѣхъ того дѣла, для котораго работаю?

— То есть это—увѣренность въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ. М-да, это пріятно.

Щетининъ, ничего не отвѣчая, стоялъ у окна и задумчиво смотрѣлъ на дворъ, потомъ, опомнившись, сказалъ:

— Да. Тамъ постройка: нужно съѣздить, Маша!

Марья Николавна вошла въ столовую, Рязановъ отправился на балконъ.

— Я уѣду теперь, говорилъ Щетининъ женѣ:—тутъ придетъ ко мнѣ баба, такъ ты... поговори съ ней.

— О чемъ же поговорить?

— Да она тамъ тебѣ все это скажетъ сама. Ну, увидишь.

— Хорошо.

— Ты съ ней хорошенько поговори. Знаешь, какъ ты *хорошо*-то говоришь.

Марья Николавна улыбнулась.

— А развѣ я когда не хорошо говорю?

— Нѣтъ; всегда, всегда. Умный ты мой! Ну, цѣлуй меня!

Къ крыльцу подали бѣговыя дрожки.

Рязановъ стоялъ на балконѣ и смотрѣлъ въ садъ. Прямо противъ него, сквозь зеленую чащу акацій виднѣлась старая съ провалившейся крышей бесѣдка, вся заросшая репейникомъ и крапивою; дальше яблони цвѣли. За садомъ бѣлѣла колокольня, а потомъ все луга, воды, сверкающія на солнцѣ, зеленые холмы, и опять луга. Въ саду становилось жарко; только изъ кустовъ время отъ времени налетали тихія струи пахучей прохлады, вмѣстѣ съ торопливымъ щебетаньемъ притаившейся подъ кустомъ малиновки. Рязановъ постоялъ на балконѣ и пошелъ бродить по саду. Въ одной аллеѣ попался ему старикъ садовникъ, въ бѣлой рубашкѣ, съ бѣлою бородою и съ пучкомъ салата подъ мышкою. Садовникъ снялъ картузъ и низко поклонился. Въ кустахъ мелькнуло загорѣлое дѣтское лицо со стручкомъ во рту, но исчезло сейчасъ же, какъ только Рязановъ взглянулъ на него: вслѣдъ за этимъ раздался по саду пискъ—и пятеро ребятишекъ кинулись со всѣхъ ногъ въ малинникъ. Позади всѣхъ бѣжала отставшая отъ прочихъ маленькая дѣвочка, плача и крича во все горло:—ма-а-а. На пруду дворовая женщина полоскала бѣлье. Замѣтивъ Рязанова, она подоткнула себѣ подолъ и не оборачиваясь поклонилась ему задомъ. Притаившіяся подъ берегомъ утки шумно бросились въ воду...

Рязановъ пошелъ было къ себѣ во флигель, но въ то время, какъ онъ проходилъ мимо дома, ему вдругъ послышалось, что въ сѣняхъ кто-то плачетъ. Онъ вошелъ на крыльцо. Въ сѣняхъ стояла Марья Николаевна и разговаривала съ крестьянскою бабою. Баба плакала, да и Марья Николаевна имѣла разстроенный видъ, но, желая скрыть свое смущеніе, она сказала Рязанову:

— Вотъ послушайте-ка, что̀ она разсказываетъ.

Рязановъ остался, но баба, не обращая на него никакого вниманія, продолжала всхлипывать, говоря:

— Я яму баила: ты хушь бы людей-то постыдился...

— Ну, а онъ-то что̀ же? спросила Марья Николаевна.

— А онъ батъ:—чаво, батъ, мнѣ ихъ стыдиться? Я, батъ, перва у те косу всю вытаскаю, посля и зачну стыдиться.

— Мгм, сдѣлалъ Рязановъ.

— Да ужъ что, сударыня, продолжала баба, сморкаясь въ рукавъ.—Что̀ ужъ говорить. Наше дѣло, извѣстно, кругъ ребятенокъ убиваисси, а имъ что: озорство только у него на умѣ одно, мудритъ надъ нашей сестрой. Ишь, они мудрецы какіе?

— За что̀ жъ онъ тебя бьетъ, я все-таки не понимаю? сказала Марья Николаевна.

— За что̀? переспросила баба.—Захотѣли вы, сударыня, у мужика понятія. Нешто онъ скажетъ за что̀. Яму баба все одно вотъ—тьфу. Подъ руку подвернулась—хлопъ. Уйди, говоритъ, ты отъ меня, постылая!..

Баба нагнулась и концомъ фартука утерла слезы.

— На кой, говоритъ, ты мнѣ лядъ, таперя. Не видалъ нешто я дохлыхъ-то? Только, говоритъ, ты на то и годисси, воронъ пужать.

— Онъ тебя не любитъ, тихо замѣтила Марья Николаевна.

— Какъ не любитъ! Чаво жъ яму еще? Я, чай, яму не чужая. Любитъ! Извѣстно, гдѣ яму меня любить. Вонъ у меня грудь заложило, ни поднять, ни что̀. Что-жъ, нешто я этому рада, что я чижолая.

— Да-а! Вотъ оно что̀, сказалъ Рязановъ и пошелъ во флигель.

Къ обѣду вернулся Щетининъ съ хутора, весь въ пыли, усталый; снялъ галстухъ, выпилъ рюмку водки и молча сѣлъ за столъ.

— Ну, что постройка—идетъ? спросила его Марья Николаевна.

— Идетъ, нехотя отвѣчалъ Щетининъ,—Измучился я, какъ собака, немного помолчавъ сказалъ онъ и положилъ ложку на столъ.—Такіе скоты эти плотники! То сдѣлали, что теперь нужно опять нижніе вѣнцы подымать. Они, знаешь, ихъ не перемѣтили какъ слѣдуетъ и перепутали: ну, и вышла такая гадость, что смотрѣть скверно: одно бревно такъ, другое эдакъ. Самый лучшій лѣсъ у меня тутъ былъ наготовленъ—они его весь испакостили. Теперь понимаешь, какая работа: опять сызнова перекладывать весь срубъ. Чортъ ихъ возьми! Ужъ я ихъ ругалъ, ругалъ... Мошенники!. Ахъ, я и забылъ, что ты здѣсь сидишь.

— Ничего, не стѣсняйся, отвѣтилъ Рязановъ, продолжая ѣсть.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, изо всякаго терпѣнія выводятъ.

— Ну, конечно, замѣтилъ Рязановъ.

— Посуди ты самъ, продолжалъ Щетининъ:—я имъ плачу почти вдвое, нежели сколько бы они получили у другого; потомъ, кромѣ того, мои харчи и притомъ жалованье плачу помѣсячно.

— Да?

— Пришли ко мнѣ оборванные, въ ногахъ валяются: отецъ родной, ѣсть нечего, дай работы! Ну сжалился, взялъ ихъ, одѣлъ, обулъ, за двоихъ подушное внесъ, впередъ далъ по цѣлковому...

— И такая неблагодарность!..

— Нѣтъ, вѣдь что же? Стараешься въ самомъ дѣлѣ. Ужъ, кажется, я ли для нихъ ни старался; а они вонъ какую штуку со мной сыграли. Они вѣдь этого и знать не хотятъ, что я по ихъ милости убытку пятьдесятъ цѣлковыхъ понесъ. Далеко, видишь ли ты, бревна лежатъ, такъ имъ лѣнь таскать. А? Какъ это тебѣ нравится?

— Не хорошо. Это съ ихъ стороны неблагородно, сказалъ Рязановъ, утирая салфеткою ротъ.

— Нѣтъ, серьезно?

— Чего жъ тутъ. Понятное дѣло, что такого поступка одобрять нельзя.

— Ну, вотъ видишь. Такъ теперь ты скажи, имѣлъ ли я право назвать ихъ мошенниками?

— Нѣтъ; мошенниками называть ихъ ты права не имѣлъ.

— Почему?

— А потому, что этого тебѣ закономъ не предоставлено.

Мало бы ты чего захотѣлъ. Этого нельзя. Вѣдь они ужъ вышли изъ крѣпостной зависимости?

— Вышли.

— Ну, такъ какъ же? Нельзя. Личное оскорбленіе. А вотъ къ становому—это другое дѣло.

— Я этого вовсе не желаю.

— А не желаешь, тогда лучше всего прямо войти съ жалобою къ посреднику, дабы повелѣно было на основаніи и такъ далѣе. Вотъ это ужъ всего вѣрнѣе и... приличнѣе, чѣмъ ругаться-то.

— Ахъ, да нѣтъ. Ты это...

— Ты думаешь, не взыщутъ? Нѣтъ, братъ, теперь ужъ не тѣ порядки пошли. Все до послѣдней копѣйки взыщутъ.

— Что̀ ты говоришь...

— Не отвертятся, не безпокойся.

Марья Николаевна все время съ напряженіемъ слѣдила за разговоромъ и безпокойно взглядывала то на Рязанова, то на мужа; наконецъ, она не выдержала и, краснѣя, спросила взволнованнымъ голосомъ:

— Да развѣ это хорошо жаловаться въ судъ?

— А вы находите, что не хорошо? Почему же-съ? добродушно спросилъ Рязановъ.

— А потому что... ихъ тамъ наказывать будутъ... я не знаю...

— Ну, такъ что же-съ?

— Какъ—ну такъ что же? Ихъ посадятъ въ тюрьму... вообще это...

— Можетъ быть и посадятъ. Если увѣщанія не подѣйствуютъ и мѣрами кротости нельзя будетъ ихъ склонить.

— Но вѣдь они бѣдные. Вы забываете... откуда же они возьмутъ пятьдесятъ рублей?

— Ежели наличныхъ денегъ не имѣютъ, то можетъ быть окажется движимость, скотъ.

— Ну, и...

— Продадутъ-съ. Что-жъ имъ въ зубы-то смотрѣть.

— Да вѣдь я не знаю что такое... это варварство!..

— Очень можетъ быть-съ.

— Такъ какъ же вы предлагаете такія средства?

— Я никакихъ средствъ не предлагаю, я только напоминаю.

— Что же вы напоминаете?

— Я ему напоминаю его обязанности. Всякое право налагаетъ на человѣка извѣстныя обязанности. Пользуешься правомъ—исполняй и обязаности.

— Какія обязанности? Вы ему напоминаете, что онъ можетъ, если захочетъ, злоупотреблять своимъ правомъ?

— Нисколько-съ. Напротивъ; я ему напоминаю только о томъ, какъ слѣдуетъ благопріобрѣтать, а злоупотребляетъ ужъ это онъ самъ.

— Развѣ это злоупотребленіе, если онъ прощаетъ этихъ плотниковъ?

— А вы какъ же думали? Конечно, злоупотребленіе. Если бы онъ одинъ только пользовался правомъ карать и миловать, тогда Богъ съ нимъ, пусть бы его дѣлалъ что̀ хотѣлъ. Если ему Богъ далъ такую добрую душу, такъ что-жъ тутъ разговаривать? Хочешь идти по міру, ну и ступай. Но вы не забывайте, что насъ много, что онъ, оставляя безнаказанными разныхъ мошенниковъ, поощряетъ ихъ на новыя мошенничества и подаетъ гибельный примѣръ. А отъ этого мы всѣ страдаемъ: онъ портитъ у насъ рабочія руки.

Щетининъ задумчиво смотрѣлъ въ тарелку и водилъ по ней вилкою.

— Ну, хорошо еще, продолжалъ Рязановъ:—что я вотъ могу жить такъ, ничего не дѣлая; но если бы я былъ рабочая рука, да я бы... я бы непремѣнно испортился. Я бы сказалъ: а! такъ вотъ что! Стало быть, можно дѣлать все что̀ хочешь? Пошелъ бы въ кабакъ: эй! брацы, рабочія руки, пойдемте наниматься въ работу! Сейчасъ пошли бы мы, нанялись къ кому-нибудь садъ сажать, набрали бы денегъ впередъ, потомъ взяли бы насажали деревья корнями вверхъ, а дорожки всѣ изрыли бы и ушли. Ищи насъ! Что-жъ, развѣ это хорошо?

— Богъ тебя знаетъ, наконецъ сказалъ Щетининъ:—для чего ты все это говоришь.

— А для того и говорю, что не хочу тебя лишить дружескихъ совѣтовъ. Вижу я, что другъ мой колеблется, что ему угрожаетъ опасность, что онъ можетъ сдѣлаться жертвою собственной слабости, да и намъ всѣмъ напакоститъ; ну, вотъ я и не могу воздержаться, чтобы не напомнить ему, я и говорю: другъ, остерегись! не поддавайся искушенію, не поблажай беззаконію, ибо оно наглымъ образомъ посягаетъ на нашу собственность. Священное право поругано, отечество въ опасности... Другъ, мужайся, говорю я, и спѣши препроводить обманувшія тебя рабочія руки въ руки правосудія...

Щетининъ засмѣялся, Марья Николаевна нерѣшительно улыбалась, а лакей, стоя поодаль съ чистою тарелкою въ рукѣ и нахмуривъ брови изъ подлобья, посматривалъ то на того, то на другого и, повидимому, ничего не могъ понять.

— Вотъ ты говоришь—препроводить, началъ Щетининъ:— ну, хорошо; а что̀ бы ты сказалъ, если бы я въ самомъ дѣлѣ такъ поступилъ?

— Что̀ бы я сказалъ? Я сказалъ бы: вотъ примѣрный хозяинъ! и гордился бы твоею дружбою. И еще бы сказалъ: это человѣкъ послѣдовательный; а лучшей кто бы могъ хвалы тебѣ сказать?

— Такъ-то оно такъ, со вздохомъ сказалъ Щетининъ:— да... да нѣтъ, братъ, я нахожу, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ надо поступать непослѣдовательно. Маша, налей-ка мнѣ квасу.

— Да. Ну, это какъ ты хочешь. Разумѣется. Я принуждать тебя не буду; только ужъ...

— Да нѣтъ, видишь ли, перебилъ его Щетининъ:—штука-то въ томъ, что въ практическомъ дѣлѣ такая строгая послѣдовательность невозможна. Этого нельзя и требовать.

— Ну, да. Съ насъ нельзя требовать, а съ плотниковъ можно. Это такъ.

— Нѣтъ, неправда. Этого и сравнивать нельзя.

— Почему же?

—А потому, что прежде всего у нихъ нѣтъ никакой опредѣленной цѣли, къ которой бы они стремились.

— Вотъ что! Изъ чего же ты это заключилъ, любопытно знать?

— А изъ того, что я вижу всякій день.

— Напримѣръ?

— Они только о томъ и стараются, чтобы какъ можно меньше работать и въ то же время какъ можно больше получать.

— Мм. Что-жъ, это, по моему, цѣль довольно опредѣленная. Какой же тебѣ еще? Ты вѣдь, кажется, говорилъ, что у нихъ нѣтъ никакой?

— Да развѣ это цѣль?

— Что же это такое?

— Это тамъ, чортъ знаетъ что, какое-то безсознательное стремленіе.

— Стремленіе! Стремленіе обыкновенно предполагаетъ и цѣль. Ну, да хорошо, положимъ, стремленіе и при томъ безсознательное. Къ чему жъ они стремятся? Къ тому, вотъ какъ ты говоришь, чтобы какъ можно меньше работать и какъ можно больше получать. Ты находишь, что это стремленіе нехорошее. Ну, а теперь позволь тебя спросить: ты самъ-то къ чему же стремишься? Къ тому, чтобы какъ можно больше работать и какъ можно меньше получать? Такъ что ли?

— Н-нѣ...

— Ну, такъ что-жъ тутъ разговаривать еще! Стало быть, стремленія-то у насъ съ ними одни и тѣ же; разница только въ томъ, что мы сознательно желали бы ихъ приспособить къ нашему хозяйству, они же, какъ всѣ глупорожденные, безсознательно упираются и всячески стараются схитрить. Ну, а на этотъ случай у насъ средства такія имѣются для понужденія ихъ, средства къ народнымъ обычаямъ принаровленныя. Вотъ въ древніе вѣка нравы были грубые—тогда и орудія, которыми понуждались глупорожденные къ труду, тоже были неусовершенствованныя, какъ-то: исправники, становые и проч.; теперь же, когда нравы значительно смягчены и сельскіе жители вполнѣ сознали пользу просвѣщенія,—понудительныя мѣры употребляются болѣе деликатныя, духовныя, такъ сказать, а именно: увѣщанія, штрафы, уединенные амбары и такъ далѣе. Вотъ и хороводимся мы такимъ манеромъ и долго еще будемъ хороводиться, доколѣ мѣра беззаконій нашихъ не исполнится. Только зачѣмъ же тутъ церемониться-то ужъ очень, нюни-то разводить зачѣмъ, я не понимаю? Штука эта самая простая и весь вопросъ въ томъ, кто кого; стало быть, главная вещь, не конфузься...

— Убирай, вставая изъ-за стола, сказалъ Щетининъ лакею.

III.

Вечеромъ, часу въ восьмомъ, дня черезъ два по пріѣздѣ, шелъ Рязановъ берегомъ рѣки. Песчаная дорога, по которой онъ шелъ, извивалась между кустами и вела на мельницу. По ту сторону круто поднимался каменистый обрывъ, поросшій красноватымъ орѣшникомъ, въ перемежку съ мелкимъ курчавымъ дубомъ. Съ отлогаго берега видны были сѣрая, изрытая дорога, смѣло вьющаяся въ гору, зеленая крыша водяной мельницы и барская усадьба, до половины сидящая въ зелени. Солнца уже не было, только крутой берегъ рѣки весь былъ залитъ красноватымъ свѣтомъ. Въ кустахъ сильно пахло сыростью и камышомъ. Рязановъ шелъ потихоньку, глубоко погружая ноги въ похолодѣвшій песокъ. Позади его зашуршали колеса, онъ оглянулся. Въ кустахъ двигалась лошадиная морда съ дугой, дальше показался мальчикъ въ большомъ картузѣ и, наконецъ, батюшка, въ зеленой рясѣ и въ шляпѣ съ широкими полями. Батюшка ѣхалъ въ полевыхъ дрогахъ и, поровнявшись съ Рязановымъ, спросилъ:

— Никакъ опять за рыбой ходилъ? Ахъ, извините! Ошибся. Представилось мнѣ, что это конторщикъ, говорилъ батюшка, снимая шляпу.

— Мое почтеніе, сказалъ Рязановъ.

— Добрый вечеръ. Да вы не къ господину ли Щетинину? Такъ прошу покорно садиться. А я, признаться, тоже было хотѣлъ его повидать.

Рязановъ сѣлъ. Поѣхали.

— Вы вѣрно пріѣзжіе? Ну, такъ. А я гляжу, гляжу, что такое?—ошибся. Ха, ха, ха! Вотъ прекрасно! Изъ Саратова?

— Нѣтъ, изъ Питера.

— А. Столичные жители. Погостить вздумали въ наши мѣста?

— Погостить.

— Мгм. Прекрасное дѣло. Имя ваше?

— Іаковъ.

— Да, да. Іаковъ, братъ Господень. По отечеству?

— Васильичъ.

— Яковъ Васильичъ. Да. Ну, такъ какъ же, Яковъ Васильичъ, въ Питерѣ-то домъ свой имѣете?

— Нѣтъ, не имѣю.

— Мгм. Квартирку нанимаете?

— Нанимаю.

— Служите небось?

— Нѣтъ, не служу.

— Да. Не похотѣли?

— Не похотѣлъ.

— Что-жъ? конечно, не всякому. Капиталъ у себя имѣете?

— Нѣтъ, не имѣю.

— Званія дворянскаго?

— Духовнаго.

— Ну?!

Батюшка обернулся.

— Такъ вотъ-съ. Очень радъ. Будьте знакомы.

Выѣхали на плотину. Около мельницы стояли лошади и мужики, обсыпанные мукою; вода глухо шумѣла въ колесахъ, въ пруду копошились утки; дроги попрыгивали по кочкамъ. Становилось темно; Рязановъ сидѣлъ рядомъ съ батюшкою; волосы отъ батюшкиной бороды развѣвало вѣтромъ и во время разговора они безпрестанно попадали Рязанову въ ротъ. Батюшка спрашивалъ между тѣмъ:

— По первому разряду кончили курсъ? Въ попы-то что-жъ не посвятились? Неужто невѣсты не нашли? А! Да; не похотѣли.

Дроги въѣхали на барскій дворъ: у крыльца толпились мужики, передъ ними стоялъ Щетининъ съ тетрадкою въ рукѣ и говорилъ, поднося одному изъ нихъ къ носу карандашъ:

— Если я вамъ еще вотъ хоть эдакій прутикъ продамъ, такъ я себѣ позволю въ глаза наплевать.

— Что-жъ, Ликсанъ Васильичъ! загалдили мужики.

— Нѣтъ, голубчики, будетъ съ меня! поучили ужъ; довольно. А, здравствуйте, батюшка!

— Мое вамъ почтеніе, говорилъ батюшка, входя на крыльцо и подбирая рясу.

— Что это, никакъ опять они васъ тово... обманули?

— Что ужъ тутъ!..

Щетининъ махнулъ рукой.

— Скажите, пожалуйста! Да это Крюковскіе. Вы Крюковскіе, что ли?

— Они самые, нехотя отвѣчали мужики.

— Ну, такъ. Знаю я ихъ до тонкости. Какъ же. То есть такіе, я вамъ скажу, въ высшей степени плуты.

Мужики равнодушно смотрѣли на батюшку; одинъ кашлянулъ въ шапку.

— Ты что тамъ кашляешь? вдругъ спросилъ батюшка.— Ты, любезный, отъ меня не скроешься. Вотъ извольте, продолжалъ онъ, обращаясь къ Щетинину:—съ этимъ самымъ мужичкомъ...

— Какъ тебя звать: Семеномъ что ли?

— Семеномъ.

— Да, вотъ съ Семеномъ-то съ этимъ задумалъ я прошлый годъ пчелъ держать пополамъ. Соблазнилъ меня, мошенникъ.—Согласился. Согласенъ, говорю: А ты поди сюда! куда ты прячешься? Ну, хорошо. Я еще говорю: смотри, говорю, Семенъ... Будьте покойны! Прекрасно. Я, признаться, и понадѣялся на него. Представьте.—Надулъ вѣдь! То есть такъ аккуратно надулъ, какъ лучше требовать нельзя. Вотъ этотъ самый мужичонка! Лицемѣръ такой... Я господину посреднику на него жалобу принести хочу.

— Позвольте, батюшка... началъ было мужикъ.

— Не лги! Я знаю, что ты лжецъ. Да чево тутъ—въ глазахъ обманулъ, въ глазахъ. Ты, любезный, меня этимъ обидѣлъ до крайности: духовнаго отца своего обманулъ. А? Извольте радоваться.

— Идите чай пить, выходя на крыльцо, сказала Марья Николаевна.

Всѣ собрались въ столовой вокругъ самовара: Марья Николаевна намазывала масло на хлѣбъ, Щетининъ сѣлъ было за столъ, но потомъ опять всталъ, взялъ записную книжку и началъ что̀-то записывать; Рязановъ барабанилъ пальцами по столу. Батюшка молча разсматривалъ подсвѣчникъ.

— Дорого дали? наконецъ спросилъ онъ Марью Николавну.

— Не знаю. Это вотъ онъ.

— Что такое? глядя въ книжку, спросилъ Щетининъ.

— Подсвѣчники батюшка спрашиваетъ.

— Дороги ли? прибавилъ батюшка.

— Рублей пять, кажется, скороговоркою отвѣтилъ Щетининъ.

— Искусно, замѣтилъ батюшка, ставя подсвѣчникъ.

— Два рубли восемь гривенъ, да рубль семьдесятъ двѣ, да полтина... бормоталъ про себя Щетининъ.

— Какія нынѣ сѣна богатыя немного помолчавъ, сказалъ батюшка, но, не встрѣтивъ ни въ комъ сочувствія, обратился къ Рязанову:

— А у васъ, Яковъ Васильевичъ, тамъ сѣно-то небось... Тоже чай покупаете когда?

— На что̀ мнѣ его?

— Стало быть лошадокъ не держите?

— Нѣтъ, не держу.

— Да, да. Ну, муку-то все покупаете. Почемъ мука-то у васъ?

— А Богъ ее знаетъ, почемъ она тамъ мука. Я въ это не вхожу.

Марья Николавна улыбнулась.

— Что вы съ нимъ, батюшка, объ этихъ вещахъ разговариваете! спрятавъ книжку въ карманъ, заговорилъ Щетининъ.—Вѣдь онъ... вы думаете, онъ это знаетъ что̀ нибуль. Онъ надо всѣмъ этимъ смѣется.

Батюшка бросилъ на Рязанова безпокойный взглядъ.

— Да я что-жъ... вѣдь я не что̀ нибудь такое спросилъ... обыкновенно... Что-жъ смѣяться.. Пожалуй, смѣйся.

— Вы его не знаете.

— Да нѣтъ, позвольте. Я ничего худого не говорилъ. Вѣдь если бы я спросилъ что̀ нибудь такое непристойное; а то вѣдь вотъ я при вашей супругѣ, Марья Николаевна слышали, кажется, я довольно скромно спросилъ:—почемъ, говорю, у васъ въ Санктпетербургѣ мука?

— Зачѣмъ ты насъ съ батюшкой хочешь поссорить? сказалъ Рязановъ.—Мы только что познакомились, а ты ужъ сейчасъ и вооружаешь его противъ меня. Это не хорошо.

Марья Николаевна поспѣшила замять это объясненіе и торопливо начала:

— Батюшка, ко мнѣ тутъ сегодня одна баба приходила.

— Да-съ.

— Она жалуется, что мужъ ее не любитъ.

— Ссъ.

Батюшка принялъ озабоченный видъ.

— Да, это несчастная женщина, сказалъ Щетининъ.

— Скажите!

— Я съ вами объ этомъ давно хотѣлъ поговорить. Она все ко мнѣ ходитъ, да посудите сами, что̀ же я-то тутъ могу сдѣлать?

— Ну, конечно. А ужъ лучше же ей прямо коли такъ къ господину посреднику обратиться.

— Вотъ и я тоже полагаю, замѣтилъ Рязановъ.—Къ посреднику. Это его прямая обязанность.

— Натурально, подтвердилъ батюшка.

— Нѣтъ; вотъ видите ли, батюшка, не слушая продолжалъ Щетининъ.—Я думаю, что вы могли бы какъ нибудь подѣйствовать, увѣщаніями что ли...

— То есть какъ-съ?

— То есть на мужа этой женщины.

— Да; увѣщаніями... Что̀ жъ? Ничего-съ. Извольте. Это можно.

— Попробуйте-ка въ самомъ дѣлѣ.

— Съ моимъ удовольствіемъ. Оно, конечно, какъ, знаете, эта самая грубость ихняя, ну, а впрочемъ...

— Вотъ ты съ своей гуманностію, сказалъ Рязановъ Щетинину:—только подъ отвѣтственность батюшку подведешь.

Батюшка съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Рязанова, потомъ на Щетинина.

— Батюшка—врачъ душевный, а тутъ дѣло-то, братъ, уголовное.

— Какъ такъ?

— Да штука-то она очень простая: бьетъ, видите ли, мужикъ бабу, и за то онъ ее бьетъ, что она брюхата; понятно, что изъ этого можетъ воспослѣдовать.

— Хм! Дѣло дрянь, подумавъ, сказалъ батюшка.

— То-то и есть, подтвердилъ Рязановъ.

— Да нѣтъ, однако это вѣдь чортъ знаетъ что̀ такое? бросивъ ложку на столъ, сказалъ Щетининъ:—что же, по твоему, стало быть такъ и позволить ему бить эту женщину, сколько угодно?

— Да какъ же бы ты не позволилъ? любопытно знать.

— Очень просто...

— Ну-ка! Сообщи, сдѣлай милость, а мы съ батюшкой послушаемъ.

— Да чего тутъ! Взять ее отъ него и кончено.

— Вы какъ это̀ находите? спросилъ Рязяновъ у батюшки.

— Нѣтъ, это вы дѣйствительно, Александръ Васильичъ, смѣясь и добродушно хлопая Щетинина по колѣнкѣ, сказалъ батюшка:—это вы немножечко тово... неправильно. Нѣтъ, не-не неправильно. А вотъ я васъ, Александръ Васильичъ, вставая изъ-за стола, продолжалъ онъ:—хотѣлъ побезпокоить насчетъ того дѣльца.

— Какого дѣльца?

— А то есть насчетъ сѣна-съ.

Послѣ чаю Марья Николаевна ушла въ залу и начала играть на роялѣ какія-то варіаціи; Рязановъ, засунувъ руки въ карманы, стоялъ на террасѣ; Щетининъ, задумавшись, прохаживался съ батюшкой по залѣ; въ гостиной горѣла лампа. Батюшка говорилъ, разводя руками:

— Ничего не сдѣлаешь. Ежели бы они понимали что̀ нибудь, а то вѣдь ей-богу и грѣхъ и смѣхъ съ ними иной разъ. Вотъ вы говорите: убѣжденіе-то. Да. Сижу я однажды въ классѣ и спрашиваю одного мальчика (да и мальчонка ни то, признаться, возрастный ужъ),—кто, говорю, вывелъ Израиля изъ Египта? а онъ отвѣчаетъ мнѣ: староста, говоритъ. Вотъ извольте!

Щетининъ на это ничего не сказалъ.

— Нѣтъ, я господина Шишкина всегда вспомню, продолжалъ батюшка.—Прямо надо сказать, умный былъ помѣщикъ и такое ко храму усердіе имѣлъ, даже это диковина.

— Мгм., разсѣянно произнесъ Щетининъ.

— Теперь у него, бывало мужики всѣ до чиста у обѣдни. Какъ ежели который чуть позамѣшкался—въ праздникъ на барщину. А вы какъ думаете: не скажи имъ, такъ вѣдь они лба не перекрестятъ. Эфіопы настоящіе.

Марья Николаевна закрыла рояль и, подходя къ нимъ, спросила:

— Батюшка, какъ вамъ нравится этотъ вальсъ?

— Штука изрядная, отвѣтилъ батюшка.

Помолчавъ немного, всѣ трое вышли на террасу.

Въ саду стояла теплая весенняя ночь, съ блѣдноголубыми звѣздами на потухшемъ небѣ. Сквозь прозрачный туманъ виднѣлись едва замѣтные призраки березъ и вьющіяся между ними песчаныя дорожки. Какая-то непонятная тишина подступала все ближе и ближе, застилая кусты и деревья и поглощая тревожный шелестъ и робкій шорохъ вѣтвей.

Вошедшіе на террасу люди молча остановились передъ темнымъ садомъ и, какъ будто охваченные этою мрачною тишиною, долго прислушивались къ чему-то.

— Боже, Боже мой, наконецъ вздохнувъ, сказалъ батюшка и, посмотрѣвъ на небо, прибавилъ:—премудрость.

— Что̀ вы сказали, батюшка? спросила Марья Николаевна.

— Премудрость, говорю-съ.

— Да. А я думала...

— Нѣтъ-съ, вотъ что̀ господинъ Рязановъ скажетъ, заговорилъ батюшка.—Гдѣ вы тутъ? Не видать. Вотъ-съ, продолжалъ батюшка, отыскавъ Рязанова; — вотъ вы смѣлы очень на словахъ-то...

— Ну, такъ что же?

— Нѣтъ, я замѣтилъ, вы сердцемъ ожесточены. А помните, о жестоковыйныхъ-то что̀ сказано? То-то вотъ и есть. Смѣяться умѣете, а хорошаго-то вотъ и не знаете. Стало быть забыли, чему учились.

— Да вѣдь гдѣ же все упомнить? Мало ли чему насъ съ вами учили.

— То-то, погодить бы смѣяться-то; книжку бы сперва протвердить.

— И радъ бы протвердить, говорилъ Рязановъ, всходя по ступенькамъ на террассу:—да все некогда.

— Да не закусить ли намъ, господа, вдругъ заговорилъ Щетининъ.

IV.

Прошла еще недѣля. Ни въ занятіяхъ, ни въ образѣ жизни Щетининыхъ не произошло никакой существенной перемѣны. Рязанова въ домѣ почти не слышно было: онъ съ утра уходилъ куда-нибудь въ поле, или взбирался на гористый берегъ рѣки и съ книгою просиживалъ подъ деревомъ до обѣда; или уѣзжалъ съ крестьянскими мальчишками на острова и, сидя въ камышѣ, по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ они ловятъ рыбу; иногда заходилъ въ лавочку. Послѣ обѣда туда обыкновенно многіе заходили посидѣть: волостной писарь, изъ дворовыхъ кто-нибудь, а то дьячокъ, заплететъ косу и зайдетъ. Вотъ сойдутся человѣка три и въ карты. Сидитъ Рязановъ въ лавочкѣ на порогѣ и смотритъ на улицу. Жара смертная; на двери балыкъ виситъ, а жиръ изъ него такъ и течетъ, мухи его всего облѣпили; въ лавочкѣ брань идетъ изъ-за картъ.

— Сейчасъ позволю себѣ пять плюхъ дать, кричитъ лавочникъ.

— Какое ты имѣешь полное право въ карты глядѣть? спрашиваетъ писарь.

— Я не глядѣлъ.

— Нѣтъ, глядѣлъ.

— Подлецъ хочу быть!

— Ты и такъ подлецъ.

— Ну-ка-ся, говоритъ проѣзжій мужикъ, держа стаканъ. Мальчикъ наливаетъ ему водки. Мужикъ креститсся и собирается пить. Вдругъ въ стаканъ попадаетъ муха.

— Ахъ, въ ротъ тѣ шило, говоритъ мужикъ, доставая муху.

— Это твое счастье, муха-то, замѣчаетъ мальчикъ.

— И то, братъ, счастье. Оно самое мужицкое счастье— муха. Охъ, и сердита же только эта водка, кряхтя и отплевываясь, говоритъ мужикъ.

Вечеромъ, возвращаясь домой, Рязановъ обыкновенно заставалъ въ конторѣ кучу бабъ и дѣвокъ, съ которыми письмоводитель разсчитывался по окончанiи работы и при этомъ всегда сердился, спорилъ и ругался. Черезъ перегородку слышно было, какъ бабы шептались, фыркали и толкали другъ дружку; Иванъ Степанычъ (письмоводитель) кричалъ на нихъ:

— Эй, вы, дуры! Что вы играть, что ли, сюда пришли?

— Чу! чу! унимали бабы одна другую.

— Ну, много ли васъ на десятинѣ пололо? А ты зачѣмъ сюда пришла? Вѣдь тебѣ сказано! Эй, ты, какъ тебя? Анютка! Гдѣ у тебя книжка? Ишь, подлая, какъ запакостила. Гляди сюда! Кто гряды копалъ? Ты что ли?

— Иванъ Степанычъ!

— Ну!

— Погляди у меня въ книжкѣ.

— Я тѣ погляжу! Мужъ-то у тебя гдѣ?

— Въ солдатахъ.

— Чего тебѣ тамъ смотрѣть?

— А это что̀ такое?

— Это?—*Траспоръ*. Поняла? Дура! Ничего ты не знаешь. Поди стань у печки.

— Иванъ Степанычъ, чаво я тебя хочу спросить.

— Спрашивай!

— Таперь ежели я мальчика рожу, что, яму...

— Пошла вонъ!

Кончивъ разсчеты съ бабами, Иванъ Степанычъ иногда заходилъ къ Рязанову и сообщалъ ему новѣйшiя политическiя извѣстiя въ такомъ родѣ:

— Газеты читали? Генералъ Грантъ получилъ подкрѣпленiе. Еще извѣщаютъ, что генералъ Мидъ перешелъ Рапиданъ и настигъ главныя силы генерала Ли. Вотъ опять чесать-то пойдетъ. Ахъ, черти! Ну, только имъ противъ маiора Занкисова далеко.

— Ну, конечно, подтверждалъ Рязановъ.

— Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» описано: весь въ бѣломъ и лошадь бѣлая, несется впереди, а бѣлый значекъ позади. Сейчасъ налетитъ—разъ!.. Изъ Петербурга дамы прислали письмо: Кузьма Иванычъ, сдѣлайте ваше одолженіе, наслышаны, такъ и такъ, обо всѣхъ доблестныхъ дѣлахъ... все удивленіе и признательность... со значкомъ среди опасностей боя... будьте такъ добры, говоритъ, вотъ нашей работы... отъ души преданныя вамъ дамы.

— Мгм. Это хорошо, говорилъ Рязановъ.

— Нѣтъ, слышите, какая штука-то: тамъ этотъ жондъ весь ихній—къ чертямъ... а эти самые гмины ихніе что ли—чортъ ихъ знаетъ—говорятъ: вотъ, говорятъ, теперь свѣтъ увидали. А? Нѣтъ, вѣдь хитрые анаѳемы. Да. А еще въ деревнѣ Граблахъ, крестьянинъ Леонъ, двадцати лѣтъ, надѣвъ овечью шубу, шерстью вверхъ, вечеромъ отправился въ домъ Семена Мазура, а онъ его хлопъ изъ ружья. Вотъ оглашенные-то! Ха, ха, ха! Чѣмъ занимаются? а? Тоже небось солтысъ какой-нибудь. Гха! Солтысъ! А то еще войтъ у нихъ бываетъ. Войтъ...

Разговоры за обѣдомъ и за чаемъ съ каждымъ днемъ становились все короче и короче. Самое ничтожное обстоятельство, самый ничтожный случай сейчасъ же становился темой для разговора и всякій разговоръ неминуемо кончался споромъ, во время котораго Щетининъ разгорячался, а Марья Николаевна съ напряженнымъ вниманіемъ и съ безпокойствомъ ловила каждое слово, и видимо не удовлетворенная споромъ, уходила въ садъ, или просиживала по цѣлымъ часамъ въ своей комнатѣ, глядя на одно мѣсто. Встрѣчаясь съ Рязановымъ наединѣ, она пробовала заговаривать съ нимъ, но изъ этого обыкновенно ничего не выходило. Она спросила его одинъ разъ:

— Вы должно быть презираете женщинъ.

— За чтò-съ?

— Я не знаю; но судя по вашимъ разговорамъ, я думала...

— Нѣтъ-съ, успокоительно отвѣчалъ онъ.—Да я и вообще никого не презираю. Такъ разговоръ ничѣмъ и не кончился: Рязановъ сталъ глядѣть куда-то въ поле, а Марья Николаевна постояла, постояла, посмотрѣла на его жидкіе, длинные волосы, на кончикъ галстуха, странно торчащій вверхъ; поправила свою собственную прическу и ушла.

Въ другой разъ она встрѣтила его въ саду съ книгою.

— Что̀ это вы читаете? спросила она Рязанова.

— Такъ, глупая книжонка.

— Зачѣмъ же вы ее читаете, если она глупая?

— На ней не написано: *глупая книга*. Ну, а теперь я ужъ увлекся, мнѣ хочется знать, насколько она глупа.

Марья Николаевна немного помолчала и нерѣшительно спросила:

— Скажите, пожалуйста, вѣдь вы... вы не считаете моего мужа глупымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ, не считаю.

— Такъ почему же вы съ нимъ никогда не соглашаетесь въ спорахъ?

— А потому, что намъ обоимъ это невыгодно.

— Почему же ему невыгодно? торопливо спросила Марья Николаевна.

— Спросите его сами.

— Я непремѣнно спрошу. Она сорвала вѣтку акаціи, начала быстро обрывать съ нея листья и, сама не замѣчая, бросать ихъ на книгу. Рязановъ молча взялъ книгу, стряхнулъ съ нея листья и опять принялся читать. Марья Николавна взглянула на него, бросила вѣтку и ушла.

Послѣ одного изъ такихъ разговоровъ, она вошла къ мужу въ кабинетъ и застала его за работою: онъ повѣрялъ какіе-то счеты. Она оглянулась и начала что̀-то искать.

— Ты что̀, Маша? спросилъ ее Щетининъ.

— Нѣтъ, я думала, что ты...

— Что тебѣ нужно?

— Да вѣдь ты занятъ.

— Что-жъ такое. Это пустяки. Тебѣ поговорить что ли о чемъ-нибудь?

— Ммда. Я хотѣла тебя спросить...

— Ну, говори! Садись сюда! Да что ты какая?

— Ничего. Пожалуй Яковъ Васильевичъ придетъ.

— Нѣтъ; онъ теперь должно быть ужъ не придетъ. Ты что же? не хочешь при немъ? а?

Марья Николаевна молчала; Щетининъ хотѣлъ было ее обнять, но она тихо отвела и пожала его руку. Въ кабинетѣ было почти темно; на письменномъ столѣ горѣла свѣча съ абажуромъ и освѣщала только бумаги и большую бронзовую чернильницу. Въ окно, вмѣстѣ съ ночными бабочками, влетали безсвязные отголоски какихъ-то пѣсенъ и тихій, замирающій говоръ людей, бродившихъ по двору. Марья Николаевна сидѣла на диванѣ, отвернувшись въ сторону, и щипала пуговицу на подушкѣ. Она то быстро оборачивалась къ мужу, какъ будто собираясь что̀-то сказать, то вдругъ припадала къ пуговицѣ и пристально начинала ее разглядывать; потомъ опять бросала и все-таки ничего не говорила.

— Да что̀? что̀ такое? съ безпокойствомъ глядя на жену, спрашивалъ Щетининъ.

— Вотъ видишь ли, наконецъ начала она.—Я давно хотѣла спросить... да... да какъ-то все... Я, можетъ быть, этого не понимаю...

— Чего ты не понимаешь?

— Да вотъ, что ты все съ Рязановымъ споришь...

— Ну, такъ что-жъ?

— Почему ты его никогда не убѣдишь?

— Только-то?

— Да, только.

— Такъ ты объ этомъ такъ волновалась?

— Ну, да.

— Господи! Я думалъ, Богъ знаетъ, что случилось, а она... говорилъ Щетининъ, вставая съ дивана и смѣясь.

— Такъ это... по твоему пустяки? тоже вскакивая съ дивана и подходя близко къ мужу, спрашивала Марья Николаевна.—Стало быть ты самъ не вѣришь тому, что̀ говоришь? стало быть ты...

— Что̀ такое? что̀ такое? отступая говорилъ Щетининъ.—Я не понимаю, что̀ ты разсказываешь? Какъ это я не вѣрю тому, что̀ говорю? Объяснись, сдѣлай милость!

— Тутъ объясненіе очень простое, говорила Марья Николаевна, волнуясь все больше и больше.—Вѣдь ты споришь съ Рязановымъ. Почему ты съ нимъ споришь?—Потому что ты думаешь... ну, что онъ не такъ думаетъ. Такъ вѣдь?

— Ну, да.

— Почему же ты ему не докажешь, что онъ не такъ думаетъ? почему ты его не переспориваешь? Почему? Почему же ты молчишь? Ну, говори же! говори скорѣй! говори-и!

Она дергала мужа за рукавъ.

— Что ты не отвѣчаешь? Стало быть ты самъ чувствуешь, что онъ правъ? а? чувствуешь? Онъ смѣется надъ тобой, надъ каждымъ твоимъ словомъ смѣется, а ты только сердишься... Стало быть... Да что же ты мнѣ ничего не говоришь? Вѣдь ты понимаешь, что я... Ахъ, что же это такое!.. вдругъ вскрикнула она, отталкивая мужа, и упала на диванъ въ подушку лицомъ.

Щетининъ стоялъ среди комнаты и разводилъ руками.

— Тьфу ты! Ничего не могу понять... Да что̀ съ тобой сдѣлалось, скажи ты мнѣ на милость? спрашивалъ онъ, подходя къ женѣ и трогая ее за руку.

— Ничего, ничего со мной не сдѣлалось, отвѣчала она, вставая.—Я только теперь понимаю, что я... что я ошибалась до сихъ поръ, ужасно ошибалась... говорила она, уже совершенно спокойно.

— Да въ чемъ же? въ чемъ?

— Ты не знаешь? Да неужели ты думаешь, что я не поняла изо всѣхъ этихъ споровъ, что ты и меня и другихъ стараешься обмануть? Меня ты могъ, конечно, а вотъ Рязановъ ловитъ тебя на каждомъ словѣ, на каждомъ шагу показываетъ тебѣ, что ты говоришь одно, а дѣлаешь другое. Что! это неправда, ты скажешь? а? Ну, говори! А-а! Значитъ, правда! Вотъ видишь! Правда!..

Щетининъ скоро ходилъ изъ угла въ уголъ и пожималъ плечами.

— Послушай, сказалъ онъ, останавливаясь передъ нею.— Ты съ нимъ говорила?

Щетининъ махнулъ головой на флигель.

— Говорила.

— Что̀ же онъ тебѣ сказалъ?

— Онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ; да я и сама не спрашивала. Теперь для меня и безъ него все ясно. Ты думаешь, что я сама не могла этого понять, что ты хотѣлъ сдѣлать изъ меня ключницу.

— Когда же? Когда! подступая къ женѣ, говорилъ Щетининъ.—Маша! что̀ ты говоришь? Другъ мой! Ну, послушай!..

Онъ сѣлъ съ нею рядомъ и взялъ ее за руку.

— Нѣтъ, погоди, сказала она, отнимая руку,—когда я была еще... когда ты хотѣлъ на мнѣ жениться, ты что̀ мнѣ сказалъ тогда? Вспомни!

— Что̀ я сказалъ?

— Ты мнѣ сказалъ: мы будемъ вмѣстѣ работать. Если вы чувствуете въ себѣ силы, пойдемте вмѣстѣ. Я и пошла. Конечно, я тогда еще была глупа, я не совсѣмъ понимала, что ты тамъ мнѣ разсказывалъ. Вѣдь ты видѣлъ, я очень любила мою мать, и я ее бросила. Она чуть не умерла съ горя, а я все-таки ее бросила, потому что я думала, я вѣрила, что мы будемъ дѣлать настоящее дѣло. И чѣмъ же все это кончилось? Тѣмъ, что ты ругаешься съ мужиками изъ-за каждой копѣйки, а я огурцы солю, да слушаю, какъ мужики бьютъ своихъ женъ—и хлопаю на нихъ глазами. Послушаю, послушаю, потомъ опять примусь огурцы солить. Да если бы я желала быть такой, какою ты меня сдѣлалъ,—такъ я бы вышла за какого-нибудь Шишкина, теперь у меня можетъ быть ужъ трое дѣтей было бы. Тогда я по крайней мѣрѣ знала бы, что я мать; знала бы, что я себя гублю для дѣтей, а теперь... Пойми, что я съ радостію пошла бы землю копать, если бы видѣла, что отъ этого польза не для насъ однихъ; что я не просто ключница, которая выгадываетъ каждый грошъ и только и думаетъ о томъ: ахъ, какъ бы кто не съѣлъ лишняго фунта хлѣба! ахъ, какъ бы... Какая гадость!..

Она встала и хотѣла идти, но Щетининъ сдѣлалъ движеніе остановить ее. Она обернулась къ нему и сказала:

— Нѣтъ; вѣдь я это все ужъ давно, давно поняла, и все это у меня вертѣлось въ головѣ; только я какъ-то не могла хорошенько всего сообразить; ну, а теперь вотъ эти разговоры мнѣ помогли. Я тутъ очень разстроилась, взволновалась. Это совсѣмъ лишнее. И случилось потому, что я всѣ эти мысли долго очень скрывала: все хотѣла себя разувѣрить; а вѣдь, по настоящему, знаешь надо бы что̀ сдѣлать? Надо бы мнѣ, ничего не говоря, просто взять да уѣхать...

— Маша! подходя къ ней, дрожащимъ голосомъ сказалъ Щетининъ, схвативъ ее за руку.—Маша! что̀ ты говоришь? Да вѣдь... ну, да... да вѣдь я люблю тебя. Ты понимаешь это?

— Да и я тебя люблю... сдерживая слезы, говорила она:— я понимаю, что и ты... ты... ошибся, да я-то, не могу я такъ. Пойми! Не могу я... огурцы солить...

Щетининъ взялъ себя за волосы и, зажмурившись, бросился на диванъ.

Когда онъ открылъ глаза, Марьи Николаевны въ комнатѣ уже не было.

Онъ посмотрѣлъ на дверь, всталъ и началъ ходить изъ угла въ уголъ, опустивъ голову и заложивъ руки за спину. По лицу его видно было, что ему безпрестанно приходили въ голову какія-то новыя, страшныя мысли, которыя то пугали его, то заставляли безо всякой нужды хвататься за разныя вещи, разбросанныя на столахъ. Онъ остановился передъ окномъ, побарабанилъ по стеклу, помуслилъ палецъ и написалъ на стеклѣ: *огурцы*, потомъ быстро стеръ это слово и, закинувъ обѣ руки на затылокъ, пошелъ было къ двери, но вернулся, схватилъ щетку и началъ чесать себѣ голову. Чесалъ, чесалъ долго, кстати и комодъ почесалъ, вдругъ бросилъ щетку, сѣлъ на диванъ и закрылъ себѣ лицо руками. Черезъ нѣсколько минутъ онъ открылъ лицо, уперся локтями на колѣни и уставился въ полъ. Опять всталъ, тихо подошелъ къ зеркалу, и глядя въ него, осторожно, не торопясь, но совсѣмъ, повидимому, безсознательно снялъ галстухъ, разстегнулъ жилетъ и хотѣлъ было снять сюртукъ, но тутъ же опять вздернулъ его на себя такъ, что подкладка затрещала, и ушелъ. Въ темномъ корридорѣ онъ остановился передъ комнатою своей жены и хотѣлъ было отворить дверь, но она была заперта.

— Кто тамъ? спросила Марья Николаевна.

— Можно войти? нерѣшительно спросилъ Щетининъ.

— Зачѣмъ?!.

Щетининъ молчалъ. Изъ комнаты тоже отвѣта не было. Онъ постоялъ еще немного, тихо отнялъ руку отъ двери и вернулся въ кабинетъ. Медленно сѣлъ на диванъ, развернулъ книгу, подперъ голову рукою и сталъ смотрѣть въ книгу; осторожно соскоблилъ муху, приплюснутую между страницами, перевернулъ листъ, не замѣчая, что книга лежитъ вверхъ ногами, и опять углубился въ чтенiе.

Прошло полчаса. Наконецъ онъ вздохнулъ, отодвинулъ книгу отъ себя, посмотрѣлъ кругомъ и пошелъ во флигель. Рязановъ лежалъ на кровати и смотрѣлъ въ потолокъ. На стулѣ подлѣ него горѣла свѣча; тутъ же, у кровати, валялась на полу развернутая книга.

— Ты что? спросилъ его Рязановъ.

— Я, братъ... вотъ что: исторiя тутъ вышла...

— Какая исторiя?

Рязановъ повернулся на бокъ; Щетининъ стоялъ надъ нимъ и разсматривалъ свѣчу.

— А такая, что... какъ бы это тебѣ сказать?.. Тамъ, знаешь, это бываетъ...

— Гдѣ бываетъ?

— Да въ городѣ. Какъ они. Чортъ? Какъ это называется?.. съѣзды. Ну да, съѣзды. Мировые съѣзды бываютъ?

— Такъ что-жъ?

— Ну, поѣдемъ!

— У тебя дѣло что ли тамъ есть?

— Какое, къ чорту, дѣло? На кой мнѣ ихъ?

— Такъ зачѣмъ же ты меня зовешь?

— Да я тебя зову, видишь ли, зачѣмъ...

Щетининъ отошелъ къ окну.

— Я тебя, любезный другъ, зову... продолжалъ онъ, поднимая съ полу книгу и перелистывая ее, — чтобы... понимаешь, не скучно было. И мнѣ веселѣй, и тебѣ веселѣй. Понялъ? Ну да. Коптѣть тутъ въ деревнѣ. Что̀ хорошаго? Такъ вѣдь? говорилъ Щетининъ,—складывая книгу и отдавая ее Рязанову.

Рязановъ пристально посмотрѣлъ на него и взялъ книгу.

— Что̀ ты такое мелешь? наконецъ спросилъ онъ.—Ты должно быть, боленъ, что ли.

— Да, братъ; у меня ужасно голова болитъ. Прощай.

Рязановъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пожалъ плечами, опять раскрылъ книгу и принялся читать.

Щетининъ, вернувшись домой, прошелъ прямо въ спальню, зажегъ свѣчу и сѣлъ на стулъ у кровати. На подушкахъ лежала ночная кофта и чепчикъ Марьи Николаевны. Постель, какъ была постлана, такъ и осталась неизмятою. На столикѣ, рядомъ съ подушками, стоялъ графинъ съ водою. Щетининъ налилъ стаканъ, выпилъ и долго, со стаканомъ въ рукѣ, глядѣлъ на подушки, потомъ поставилъ его на столикъ, поправилъ одѣяло и ушелъ въ кабинетъ.

На другое утро приказчикъ нѣсколько разъ приходилъ за дѣломъ,—Щетининъ все спалъ. Часовъ въ десять подали самоваръ, Марья Николаевна вышла въ столовую, заварила чай; въ передней показались мужики. Наконецъ разбудили Щетинина, приказчикъ вошелъ въ кабинетъ. Баринъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, протирая глаза, и ничего не понималъ. Приказчикъ постоялъ у двери, поглядѣлъ, сдѣлалъ шагъ впередъ, поклонился, подождалъ, подождалъ и, кашлянувъ, рѣшился спросить:

— Лексанъ Васильичъ.

— А?

— Во флигарѣ прикажите потолки настилать, или погодить до васъ?

— Погодить. Погодить...

— Стало быть сами изволите быть?

— Ну, да. Конечно.

Щетининъ все протиралъ себѣ глаза и никакъ не могъ ихъ протереть.

Приказчикъ еще немного помолчалъ.

Въ это время Щетининъ ужъ началъ дремать, облокотившись на столъ. Приказчикъ кашлянулъ еще разъ; Щетининъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

— На счетъ Крюковскихъ мужиковъ будетъ ваше приказаніе? спросилъ приказчикъ погромче.

— Какъ же, какъ же, братъ...

— Лѣску позволите имъ отпустить?

— Что-жъ, пусть ихъ!..

— Все маленько почистится лѣсокъ.

— А?

— Почистится, молъ.

— Ну, да. Чего тутъ еще...

— Глядѣть такъ-то быдто лучше, веселѣй.

— Хх! Отличная, братъ, штука! Щетининъ улыбнулся и сейчасъ же опять задремалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ приказчикъ спросилъ:

— Такъ когда же изволите пріѣхать?

— Куда?

— А на футоръ-съ?

— Ну, вотъ еще! За коимъ чортомъ я туда поѣду? Не видалъ я твово футора, говорилъ Щетининъ недовольнымъ голосомъ и опустилъ голову на стулъ.

— Что ты къ нему пристаешь? изъ столовой вполголоса сказала приказчику Марья Николаевна.—Развѣ ты не видишь, что онъ спитъ?

— Кто спитъ? Я сплю? Это неправда, вскочивъ со стула, говорилъ Щетининъ.—Я не сплю.

Приказчикъ стоялъ все еще въ дверяхъ. Щетининъ широко открылъ глаза, потянулся, посмотрѣлъ вокругъ, наморщилъ брови и задумался.

— Да, какъ будто припоминая что̀-то, произнесъ онъ.— Это такъ... Потомъ, замѣтивъ приказчика, прибавилъ...

— Ты, братъ, вотъ что... ты тамъ... какъ это сказать?... ты, любезнѣйшій... ну, да; ты вели лошадей поскорѣй заложить, говорилъ онъ, совершенно очнувшись.—А на счетъ дѣлъ, это тамъ послѣ, мы увидимъ. Ступай!

— Мужички тоже было... заговорилъ приказчикъ, указывая на мужиковъ, стоявшихъ въ передней.

— Гони ихъ, крикнулъ Щетининъ.

Пришелъ Рязановъ; Щетининъ наскоро выпилъ стаканъ чаю, умылся. Во все это время никто изъ нихъ не сказалъ ни одного слова. Какъ только выѣхали въ поле, Щетининъ заснулъ и проспалъ до самаго города.

V.

Дѣйствительно, въ городѣ былъ мировой съѣздъ и, къ тому же, крестьянская ярмарка. По улицамъ бродили пьяные мужики и разряженныя бабы; на базарной площади стояли палатки и шалаши съ товарами; въ подвижномъ трактирѣ играла музыка и пѣли пѣсни; солнце пекло, пыль тучею стояла надъ толпою мужиковъ, двигавшейся во всѣ стороны; между возовъ пробирался на парѣ караковыхъ исправникъ, съ верховымъ полицейскимъ служителемъ позади. Въ толпѣ продирались управляющіе, барыни съ узлами и съ раскраснѣвшимися лицами.

Въ сторонкѣ, у вѣсовъ стояло шесть человѣкъ гарнизонныхъ солдатъ въ суконныхъ галстукахъ и въ бѣлыхъ холщевыхъ мундирахъ. Передъ ними прохаживался капитанъ: онъ дѣлалъ имъ смотръ и ругался. Солдаты были пьяные и, вздыхая, равнодушно посматривали на проходящихъ. Тутъ же стояли дрожки, на которыхъ пріѣхалъ капитанъ. Онъ все собирался уѣхать; нѣсколько разъ подходилъ къ дрожкамъ и поднималъ ногу, но сейчасъ же опять возвращался и опять принимался ругаться. На правомъ флангѣ стоялъ солдатъ съ заплаканнымъ лицомъ. Онъ былъ пьянѣе всѣхъ, стоя въ вытяжку, онъ плакалъ и не сводилъ глазъ съ своего командира.

— Я тебѣ по-ка-жу, я тебѣ покажу, кричалъ капитанъ, наступая на солдата.

— Готовъ, завсегда готовъ, вытягивая лицо впередъ, отвѣчалъ солдатъ.

— Молчать!

— Слушаю, вашскорродье.

— Въ гррробъ заколочу!...

Солдатъ заморгалъ глазами и выставилъ свое лицо еще больше впередъ. Проходящіе мужики остановились. Солдатъ всхлипывалъ и, не утирая слезъ, прямо смотрѣлъ въ глаза начальнику.

— У! рычалъ капитанъ, косясь на солдата и подходя къ дрожкамъ.

— Съ моимъ, съ удовольствіемъ, крикнулъ солдатъ.

— Молчать! заревѣлъ капитанъ, снова подлетая къ солдату.

По улицамъ ѣздили и бродили помѣщики; въ домахъ тоже вездѣ виднѣлась водка и закуска; изъ отворенныхъ оконъ вылеталъ табачный дымъ, вмѣстѣ съ смѣхомъ и звономъ графиновъ.

Въ этотъ день назначено было открытіе по возобновленіи дворянскаго клуба, съ переименованіемъ его въ *соединенный*, такъ какъ въ новомъ клубѣ предполагалось соединить всѣ сословія. Мировой съѣздъ помѣщался въ томъ же зданіи, а потому у воротъ и на крыльцѣ толпились мужики, вызванные посредниками въ городъ по дѣламъ.

Щетининъ съ Рязановымъ прошлись по ярмаркѣ и отправились въ клубъ. На дорогѣ имъ попались дворяне; они шли вчетверомъ, обнявшись, въ ногу и наигрывали маршъ на губахъ.

Впереди маршировалъ маленькій толстенькій помѣщикъ и размахивалъ планомъ полюбовнаго размежеванія, вмѣсто сабли.

— Здравія желаемъ, ваше-ство-о! гаркнули дворяне, поровнявшись съ Щетининымъ, и пошли дальше.

— Спасибо, ребята! крикнулъ высунувшійся изъ окна помѣщикъ.

— Рады стараться...

— По чаркѣ на брата! Идите сюда! кричалъ онъ, махая рукою.

— Правое плечо впередъ, — маршъ! скомандовалъ начальникъ и отрядъ завернулъ въ ворота.

По улицѣ пронесся легонькій тарантасъ, запряженный тройкою маленькихъ лошадокъ. Въ ней сидѣлъ полный мужчина въ военной фуражкѣ, но съ бородою, и дѣлалъ Щетинину ручкою. Онъ поклонился.

Щетининъ шелъ молча и разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ, разсѣянно отвѣчая на поклоны. Въ клубѣ у подъѣзда стояли и лежали сельскія власти: старшины, сотскіе, старосты и проч.; нѣкоторые пристроились въ тѣни, а шляпы ихъ торчали на заборѣ. Засѣданіе мирового съѣзда еще не кончилось. Въ залѣ, по серединѣ, стоялъ большой столъ, за которымъ сидѣли посредники съ цѣпями на шеѣ и съ предсѣдателемъ во главѣ. Вокругъ нихъ толпились помѣщики, управляющіе и повѣренные; прочіе дворяне бродили по залу и, повидимому, скучали. Изъ буфета слышался бойкій разговоръ, смѣхъ и остроты.

— Да будетъ вамъ; уговаривалъ одинъ помѣщикъ посредниковъ.—Ну, что̀, въ самомъ дѣлѣ, пристали. Водку пора пить.

— Погодите, съ озабоченнымъ видомъ отвѣчали посредники.— Не мѣшайте!

— Позвольте мнѣ, господа, прочесть вамъ, громко заговорилъ одинъ изъ посредниковъ, обращаясь къ съѣзду,—письмо, полученное мною на дняхъ отъ землевладѣльца, господина Пичугина

— Слушаемъ-съ, отвѣтилъ предсѣдатель и сдѣлалъ серьезное лицо.

Посредникъ началъ читать:

«Милостивый государь, Иванъ Андреевичъ, не имѣя я чести быть лично съ вами знакомъ, имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего слѣдующій анекдотъ: 186* года, мая 12-го числа, крестьянинъ-собственникъ сельца Ждановки, Антонъ Тимофѣевъ, придя ко мнѣ на барскій дворъ въ развращенномъ видѣ, съ наглостію требовалъ отъ меня, чтобы я отдалъ ему его бабъ, угрожая мнѣ въ противномъ случаѣ подать на меня жалобу мировому посреднику. И когда я выслалъ ему сказать чрезъ временно-обязанную женщину мою Арину Семенову, что по условію я могу пользоваться его бабами все лѣто, то онъ за это началъ женщину мою всячески ругать, называя ее *стерва* и при томъ показывая ей языкъ. Послѣ этого что же, всякая скотина можетъ безнаказанно наплевать мнѣ въ лицо! Конечно, они теперь вольные и могутъ все дѣлать. Но я этого такъ не оставлю и буду просить высшія власти о защитѣ меня отъ притѣсненія и своеволіи мужиковъ. Нѣтъ, это много будетъ, если всѣмъ ихъ пошлостямъ подражать. Имъ и безъ того отдано все. а мы лишены всего. Имѣю честь быть и проч.».

— Господа! воскликнулъ одинъ изъ стоявшихъ у стола помѣщиковъ. — Господа, кому угодно, пари, что господинъ Пичугинъ этого, какъ, его собственника-то собаками затравилъ?

Ну, вотъ!

— Да не угодно ли на пари? Я его знаю. Вы не вѣрьте тому, что онъ пишетъ. Это онъ все вретъ, все самъ сочинилъ.

Начался споръ. Собраніе между тѣмъ, поручивъ посреднику изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, перешло къ разсмотрѣнію проекта, представленнаго одною помѣщицею, желавшею переселить крестьянъ въ безводную пустыню. Нѣмецъ, повѣренный этой барыни, развернулъ планъ и положилъ его на столъ передъ собраніемъ. Посредники стали разсматривать планъ: пустыня и на планѣ оказалась безводною; но не смотря на это, повѣренный утверждалъ, что иначе нельзя, что для самихъ же крестьянъ такъ будетъ лучше. Позвали крестьянъ. Они вошли, осторожно ступая по крашенному полу, поклонились и встряхнули волосами. Предсѣдатель началъ имъ объяснять желаніе помѣщицы и указалъ на планѣ участокъ. Мужики выслушали и сказали — слушаемъ-съ; только одинъ изъ нихъ какъ-то бокомъ косился на планъ и, прищуривъ одинъ глазъ, шевелилъ губами. Но когда спросили ихъ, согласны ли они на это, мужики всѣ вдругъ заговорили, полѣзли къ плану и стали водить пальцами. Довѣритель вступился и просилъ предсѣдателя не дозволять мужикамъ пачкать планъ. Мужикамъ запретили трогать его пальцами и велѣли отойти отъ стола.

— Ну, что̀, батенька, какъ у васъ свободный трудъ процвѣтаетъ? спрашивалъ Щетинина одинъ помѣщикъ, доѣдая бутербродъ.

— Да ничего, нехотя отвѣчалъ Щетининъ.

— Ну, и слава Богу, улыбаясь сказалъ помѣщикъ.—Мужички ваши все ли въ добромъ здоровьи, собственнички-то, собственнички? а? То-то чай Богу за васъ молятъ? Теперь какія небось каменны палаты себѣ построили. Че-ево-съ?

— Почемъ я знаю, съ неудовольствіемъ сказалъ Щетининъ.

— Да; или вы нынче ужъ въ это не входите? Такъ-съ. Нѣтъ вотъ я, признаться, немного погодя прибавилъ помѣщикъ:—все вотъ хожу да думаю, какъ бы мнѣ своихъ на издѣльную повинность переманить; а тамъ-то бы ужъ я ихъ пробралъ; я бы имъ показалъ кузькину мать, въ чемъ она ходитъ, они бы у меня живо откупились. Да, главная вещь, нейдутъ, подлецы, ни туда ни сюда.

— Какъ поживаете? говорилъ Щетининъ, раскланиваясь съ другимъ, только что вышедшимъ изъ буфета помѣщикомъ.

— Вотъ какъ видите, отвѣчалъ тотъ. Закусываемъ. Какъ же намъ еще поживать? Ха, ха, ха! Вотъ съ Иванъ Павлычемъ ужъ по третьей прошлись. Да, чортъ, ихъ не дождешься, говорилъ онъ, указывая на посредниковъ.—Господа, что̀ же это такое, наконецъ? Скоро ли вы опростаетесь? Въ буфетѣ всю водку выпили, ужъ за хересъ принялись.

— Да велите накрывать, заговорили другіе.

— Столъ нуженъ.

— Господа, тащите ихъ отъ стола!

— Эй, человѣкъ, подай, братецъ, ведро воды: мы ихъ водой разольемъ. Одно средство.

— Ха, ха, ха!

— Нѣтъ, серьезно, господа. Ну, что̀ это за гадость! Всѣ ѣсть хотятъ. Кого вы хотите удивить?

— Что̀ тутъ еще разговаривать съ ними! Господа, вставайте! Засѣданіе кончилось. Дѣла къ чорту! Гоните мужиковъ! Эй, вы, пошли вонъ!

Такимъ образомъ кончилось засѣданіе. Посредники, съ озабоченными и утомленными лицами, складывали дѣла, снимали цѣпи, потягивались и уходили въ буфетъ.

— Александръ Васильичъ, голубчикъ, давно ли вы здѣсь? говорилъ одинъ изъ нихъ, подходя къ Щетинину.—Позвольте васъ поцѣловать, душа моя. Et madame votre èpouse, comment se porte-t-elle?

— Благодарю васъ. Мой товарищъ, Яковъ Васильичъ Рязановъ; мировой посредникъ нашего участка, Семенъ Семенычъ,—познакомьтесь, говорилъ Щетининъ.

— Очень радъ, очень радъ, говорилъ посредникъ, расшаркиваясь и пожимая руку Рязанову. — Ахъ, позвольте, ваша фамилія мнѣ знакома—Рязановъ.—Да. Теперь я помню. Мы съ вашимъ батюшкой вмѣстѣ служили.

— Что же вы съ нимъ всенощную или обѣдню служили? спросилъ Рязановъ.

— То есть какъ?...

— Я не знаю, какъ. Должно быть соборне. А то какъ же еще?

Посредникъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Рязанова.

— Да развѣ вашъ батюшка не служилъ въ гродненскихъ гусарахъ?

— Нѣтъ; онъ больше въ селахъ пресвитеромъ служилъ.

— То есть...

— Попомъ-съ.

— Да. Ну, такъ это не тотъ Рязановъ, котораго я зналъ, конфузясь говорилъ посредникъ.

— Я думаю, что не тотъ.

Стали столъ накрывать. Въ ожиданіи обѣда дворяне прохаживалвсь по залѣ, закусывали и разговаривали.

— Господа, послушайте-ка!

— Ну!

— Не слыхалъ ли, или не читалъ ли кто, — земство, что̀ за штука такая?

— Ну, вотъ еще что̀ выдумалъ! Давай я тебя за это поцѣлую.

— Да нѣтъ, постой, братецъ, нельзя же.

— Чего тутъ нельзя! Иди-ка, братъ, лучше водку пить. Разговаривать тутъ еще... земство! Тебѣ какое дѣло?

— Какъ какое дѣло? Это вы—отчаянныя головы, вамъ все ни по чемъ, а у меня, братъ, дѣти. Господа, нѣтъ, серьезно скажите, коли кто знаетъ.

— Вотъ присталъ!

— Пристанешь, братъ. Ты, небось, за меня не заплатишь.

— Изволь, душка, заплачу, только пойдемъ вмѣстѣ выпьемъ по рюмочкѣ.

— Уйди ты отъ меня, сдѣлай милость! Иванъ Павлычъ, вы, батюшка, не знаете ли? Вы, кажется, журналами-то занимаетесь.

— Что̀ такое?

— О земствѣ не читали ли чего?

— Какъ же читалъ.

— Ну, что̀ же?

— А ей Богу не знаю, голубчикъ.

— Да нѣтъ ли газетъ какихъ-нибудь?

— Какія тутъ газеты? Вонъ поди, въ буфетѣ спроси. Эй, человѣкъ подай мнѣ порцію газетъ.

— Черти! всю водку вылакали. Налей мнѣ хоть рому, что ли!

— Такъ какъ же на счетъ земства-то? А? Такъ никто и не знаетъ?

— Спроси у предводителя.

— Предводитель, скажи, братецъ, на милость, никакъ я толку не добьюсь, какая такая штука это земство? Что̀ за звѣрь? Подать что ли это какая? А?

— А это, вотъ видишь ты, какая вещь...

— Да ты самъ-то знаешь ли?

— Ну, вотъ еще. Мнѣ нельзя не знать.

— То-то. Смотри, не ври. Ну!

— Это дѣло—какъ бы тебѣ сказать?—государственное.

— Ну, да ладно. Объ этомъ ты намъ не разсказывай; а вотъ суть-то, главная суть-то въ чемъ?

— Тутъ, братъ, вся сила въ выборахъ.

— Вотъ что̀. Кого же выбирать-то?

— Выборныхъ.

— Да. Опять-таки выборныхъ же и выбирать! Ну, за коимъ же чортомъ ихъ выбирать-то станутъ?

— А они тамъ это будутъ разсуждать.

— Да, да, да. О чемъ же это они будутъ разсуждать?

— О разныхъ тамъ предметахъ: о дорогахъ, о снабженіи мостовъ и такъ далѣе.

— Да. Это значитъ по дорожной части.—Ну, и за это мы имъ будемъ деньги платить. Такъ, что ли?

— Такъ.

— Ну, братъ, предводитель, спасибо, что разсказалъ. Теперь пойдемъ по рюмочкѣ дернемъ.

За нѣсколько минутъ до обѣда на улицѣ загремѣли бубенчики, и у крыльца остановилась взмыленная тройка отличныхъ сѣрыхъ коней. Въ залу вошелъ полный румяный молодой помѣщикъ въ англійскомъ пиджакѣ, съ пледомъ на рукѣ

— Петя! душка! Вонъ онъ, уродъ! Мамочка! давно ли?

— Что̀ у васъ тутъ такое? Сословія сближаются? Ахъ, вы шуты гороховые! Гдѣ же мужики-то?

— Какіе мужики? Они тамъ, на крыльцѣ.

— А какъ же сословія-то?

— Ну, вотъ еще, сословія!

— Зачѣмъ же вы наврали?

— Кто тебѣ навралъ! Вонъ, гляди, видишь Лаковъ сидитъ. Что̀ же тебѣ еще?

На диванѣ дѣйствительно сидѣлъ купецъ съ краснымъ носомъ и безсмысленно водилъ глазами.

— Да онъ, скотина, и теперь ужъ пьянъ. Лаковъ, что, братъ, ты ужъ успѣлъ?

— Успѣлъ, кивая головой и улыбаясь, отвѣчалъ купецъ,

— Экое животное!

— Нельзя... ярмарка.

Изъ буфета выглядывалъ другой купецъ и, стоя въ дверяхъ, подобострастно кланялся, не рѣшаясь войти въ залу.

— А! и ты здѣсь, чортова перечница! Что-жъ ты сюда нейдешь?

— Онъ не смѣетъ.

— Я не смѣю-съ.

— Ну, хорошо, братецъ; стой тамъ, стой! Мы тебя послѣ обѣда посвятимъ.

— Посвятимъ, посвятимъ...

Купецъ кланялся.

Подали супъ. Стали садиться за столъ. Купецъ Лаковъ тоже взялся за стулъ.

— Что-жъ, господа, мнѣ-то можно?

— Садись, чучело, садись, ничего.

Купецъ сѣлъ.

— Эй, половой, подай графинъ водки!

— За столъ водку не подаютъ, что̀ ты? развѣ здѣсь кабакъ? говорили купцу сосѣди.

— Ну, шампанскаго. Чортъ-те дери!

— Много ли-съ?

— Полбутылки.

— Эхъ ты! полбутылки! Мужикъ! Гдѣ ты сидишь, вспомни!

— Что-жъ такое? Ну, мы полдюжину спросимъ. Подай полдюжины.

— Слушаю-съ.

— Да закусить чего-нибудь солененькаго. Проворнѣй! Эхъ, въ ротъ-те шило...

— Лаковъ, веди себя скромнѣй, кричали ему съ другого конца.

— Я и такъ скромно.

— Господа, слышали, въ Саратовѣ какой случай былъ?

— Какой?

— Поджигателей поймали. Теперь тамъ такое дѣло... оказывается, что тутъ замѣшаны разныя лица...

— Эка штука. У насъ мужики двоихъ поймали; взяли, дурачье, и отпустили.

— А что, позвольте васъ спросить, спросилъ Рязанова его осѣдъ—уѣздный учитель—телеграмму посылать будутъ?

— Я не знаю.

— Что̀ онъ такое говоритъ?

— Я говорю-съ на счетъ телеграммы.

— Какой телеграммы?

— То есть отъ всѣхъ сословій, вотъ теперь во время обѣда. Развѣ не будутъ?

— Нѣтъ; телеграммы не будетъ, а вотъ рѣчь Петръ Михайловичъ произнесетъ—на латинскомъ языкѣ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Петя, кричалъ одинъ посредникъ:—рѣчь, братъ, непремѣнно сегодня рѣчь!

— Ужъ это послѣ обѣда, отвѣчалъ Петя.

— Нѣтъ, онъ на прошлой недѣлѣ,—мы съ нимъ на охотѣ были,—уморилъ: собралъ мужиковъ и имъ латинскую рѣчь сказалъ.

— Ха, ха, ха!

Послѣ супа захлопали пробки и стали разносить шампанское.

— Господа, за соединеніе сословій! Лаковъ, слышь, чучело?

— А, дуй васъ горой!

— Ха, ха, ха! Однако ты, чортовъ сынъ, не ругайся!

— «Устюшкина мать собиралась умирать»... затянулъ Лаковъ.

— Этихъ свиней никогда не надо пускать, разсуждали дворяне.—Вотъ посадили его за столъ, а онъ и ноги на столъ.

— «Умереть не умерла, только время провела!» Что-жъ такое? Я за свои деньги... Ай у насъ денегъ нѣтъ?

— Иванъ Павлычъ, ваше здоровье, чокались черезъ столъ помѣщики.

— Эхъ, драть-то васъ на шестъ, кричалъ между тѣмъ Лаковъ...

— Господа, что̀-жъ это такое?

— Mais, mon qher, due voulez-vous donc? c'est un paysan.

— Эй, послушай, ты, мужикъ, говорилъ Лакову одинъ помѣщикъ.—Если ты, скотина, еще будешь неприлично себя вести, тебя сейчасъ выведутъ.

— Ты недостоинъ сидѣть съ порядочными людьми за столомъ.

Лаковъ струсилъ.

— Будешь смирно сидѣть?

— Я смирно... Подлецъ хочу быть,—смирно.

— Ну, такъ молчи же, не ругайся.

— Въ тринклятіи провалиться—не ругался.

— Господа, за процвѣтаніе клуба, провозгласилъ предводитель.

— «Устюшкина мать...» заревѣлъ Лаковъ. — Ай у насъ денегъ нѣтъ? Всѣхъ васъ куплю, продамъ и опять выкуплю.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ. Его нужно вывести.

— Вотъ они деньги,—получай! Эй! Кто у васъ тутъ получаетъ, — получай! Триста цѣлковыхъ... на всѣхъ жертвую, раздуй васъ горой!..

— Вывести, вывести его! кричали дворяне.

— Стой, говорилъ Лаковъ. — За четыре бутылки назадъ деньги подай! Ладно. Ну теперь выводи!

Черезъ часъ послѣ обѣда дворяне ходили по комнатамъ какъ во снѣ: всѣ что̀-то говорили другъ другу, кричали, пѣли и требовали все шампанскаго и шампанскаго. Въ одной комнатѣ хоромъ пѣли какую-то пѣсню, но потомъ образовалось два хора, такъ что ужъ никто ничего не могъ разобрать, никто никого не слушалъ...

— Кубокъ янтарный...

— Чтобы солнцемъ не пекло...

— Полонъ давно...

— Чтобы сало не текло...

— Господа, это подлость!.. Ура-а! шампанскаго!. Пей, пей, пей!.. Позвольте вамъ сказать!.. чтобы солнцемъ... Поди къ чорту... Ура! Шампанскаго!..

— Во-о-дки! вдругъ заоралъ кто-то отчаяннымъ голосомъ.

Въ другой комнатѣ сидѣлъ судья на креслѣ, а прочіе стояли. Судья произносилъ какія-то слова, а хоръ повторялъ ихъ. Два посредника держали подъ руки купца Стратонова и заставляли его кланяться судьѣ. Купецъ кланялся въ ноги и просилъ ручку. Судья накрывалъ его полою своего сюртука и произносилъ какія-то слова; хоръ подхватывалъ; третій посредникъ махалъ цѣпью.

Щетининъ съ Рязановымъ вышли на крыльцо. Смеркалось. У воротъ клуба ихъ уже дожидался запряженный тарантасъ. На дворѣ видно было, какъ одинъ помѣщикъ стоялъ, упершись въ стѣну лбомъ, и мучительно расплачивался за обѣдъ.

По улицамъ бродили пьяные мужики. Ярмарка кончилась.

— Что̀ ты такое началъ разсказывать, когда я пріѣхалъ, помнишь?—про какое-то соціальное дѣло, спросилъ Разановъ своего товарища, когда они выѣхали въ поле.

— Нѣтъ, оставь это,—прошу я тебя: сдѣлай милость, оставь, отвѣтилъ Щетининъ.

VI.

Щетининъ съ Рязановымъ вернулись изъ города ночью, часу въ первомъ; Рязановъ отправился къ себѣ во флигель, а Щетининъ прошелъ прямо въ кабинетъ, раздѣлся, прочелъ письма, развернулъ газету и, облокотившись надъ нею, задумался.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Кушать не будете? угрюмо спросилъ его лакей.

— А?

Щетининъ какъ будто очнулся.

— Кушать не будете? тѣмъ же тономъ и также угрюмо повторилъ лакей.

— Нѣтъ, не буду.

Лакей хотѣлъ было уйти.

— Постой! Что... а-а... барыня ужъ легла, — не знаешь? сбиваясь и разглядывая газету, спросилъ Щетининъ.

— Не могу знать.

— А-а... здоровы... здорова она?

— Не могу знать.

Щетининъ нахмурился и изподлобья посмотрѣлъ на лакея: лакей, заложивъ одну руку за спину, а въ другой держа сапоги, —стоялъ у притолоки и изподлобья смотрѣлъ на барина.

— Что это у васъ за привычка, раздражительно началъ Щетининъ:—«не могу знать», да «никакъ нѣтъ»? Чортъ знаетъ, точно рекруты какіе-то.

Лакей переступилъ съ ноги на ногу и продолжалъ молча смотрѣть на барина.

— Просишь кажется вѣдь,—нѣтъ!

Молчаніе.

— Послѣдній разъ тебя прошу: не говори такъ, сдѣлай милость!

— Слушаю-съ.

Щетининъ махнулъ рукой.

— Ступай! ступай ужъ, говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Лакей ушелъ...

Щетининъ поправилъ газету, хлопнувъ по ней ладонью, и принялся было читать; но сейчасъ же забарабанилъ пальцами по столу и заглядѣлся на подсвѣчникъ. Тихо стало: слышно, какъ на дворѣ лошадей отпрягаютъ... вдругъ гдѣ-то, въ дальнихъ комнатахъ что-то стукнуло и зашуршало женское платье.

Щетининъ вздрогнулъ, поднялъ голову и началъ прислушиваться: полъ заскрипѣлъ... шелестъ все ближе и ближе... вотъ прошла въ залу... задѣла платьемъ за стулъ... повернула въ столовую...

— Другъ мой, прости меня, говорила Марья Николаевна, входя въ кабинетъ.

Щетининъ бросился къ ней и крѣпко схватилъ ее за обѣ протянутыя къ нему руки.

— Я тебя огорчила,—прости! Я сама теперь вижу, что ты все-таки хорошій, хорошій человѣкъ.

Щетининъ положилъ ей на плечи свои руки и нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза.

— Это совсѣмъ не нужно было, что̀ я наговорила тебѣ. Я ужасно раскаявалась...

Она сказала все это нѣжнымъ, но твердымъ голосомъ; въ глазахъ были слезы.

— Ну, полно, полно, говорилъ Щетининъ, цѣлуя ее въ голову.

— Нѣтъ, знаешь, я послѣ, какъ ты уѣхалъ, цѣлый день и тогда ночью тоже все думала, думала... Всѣ свои мысли передумала сначала.

— Сядемъ, сказалъ онъ, обнявъ жену и усаживая ее на диванъ.

— Ну, что̀ же ты выдумала?

Онъ вздохнулъ, прислонился головою къ ея плечу и закрылъ глаза.

— Какъ же ты меня измучила-то!

— Прости!

— Ну, да что̀ тутъ! Это все пустяки. Нѣтъ, я ужъ вообразилъ, что... Впрочемъ, разсказывай, разсказывай!

— Что̀ ты вообразилъ?

— Все вздоръ. Вѣдь ужъ прошло, такъ чего же еще? А ты мнѣ вотъ что скажи: что̀ это съ тобой случилось?

— Да какъ тебѣ сказать?—не знаю. Мнѣ кажется, что со мной ничего особеннаго не случилось; а такъ вдругъ представилось мнѣ, что вотъ все это,—лѣченіе тамъ и что хозяйствомъ я занимаюсь, что все это ужасныя глупости.

— Да почему же? Вѣдь прежде это тебѣ не приходило въ голову.

— Прежде? Видишь ли. Какъ бы тебѣ это разсказать? До сихъ поръ я все еще чего-то ждала, до послѣдней минуты ждала; я не разсуждала я и не думала даже ничего, я просто вѣрила, что такъ нужно почему-то. Ты мнѣ сказалъ тогда, давно еще:—Маша, займись хозяйствомъ пожалуйста!—ну, я и стала заниматься; потомъ больные мужики, ты мнѣ сказалъ—Маша, ты бы тамъ пошла поглядѣла, что̀ у нихъ. Я и стала лѣчить. Ну, и ничего. Я такъ все жила и жила... Я точно будто во снѣ была все это время. А тутъ вдругъ эти споры начались.

— Такъ это значитъ...

— Что̀?

— Нѣтъ, ничего, ничего. Такъ что̀ же дальше-то?

— Сначала мнѣ казалось,что это онъ такъ, нарочно; потомъ одно время, помнишь,когда онъ все совѣтовалъ тебѣ судиться съ мужиками. Вѣдь онъ смѣялся тогда. Въ это время я не знаю что, я просто готова была его убить. Я только не говорила тебѣ, а я все объ этомъ разговорѣ думала, припоминала каждое слово... А вѣдь это все правда.

— Что̀ правда?

— Да что̀ онъ говорилъ. Правда вѣдь? да?

— Мм...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, подумай: что̀ мы такое дѣлаемъ?

— Помѣщики, какъ помѣщики. Меня это мучило ужасно.

— Ну, положимъ, ты вотъ все говоришь, что ты тамъ примѣръ что ли имъ хочешь показать, ну я не знаю. Нѣтъ, а я-то что̀ же тутъ?

Щетининъ ничего не отвѣчалъ. Онъ, нахмурившись, глядѣлъ въ окно и отвертывалъ кисть у своего халата. На дворѣ начинало свѣтать.

— Вспомнила я, помолчавъ немного, заговорила опять Марья Николаевна.—Вспомнила,какъ мы съ тобой сначала говорили тамъ о разныхъ жертвахъ, а теперь посмотрѣла: какія же это жертвы? Это такъ, забава. Занимаюсь я этимъ, или нѣтъ,—рѣшительно все равно. Да и что̀ это за занятіе? Обѣдъ заказать, бѣлье отдать выстирать,—такъ это и безъ меня само собой сдѣлается; а тамъ пластырь какой-нибудь дать мужику, такъ я еще и не знаю, что̀ я даю. Можетъ быть ему даже еще хуже будетъ отъ этого. Я вѣдь не училась быть докторомъ, я ничего не умѣю. Такъ что же я могу сдѣлать?

— Ну, разскажи-ка лучше, что̀ же ты придумала, прервалъ ее Щетининъ.

— А вотъ что̀, сказала она, приложивъ палецъ къ щекѣ и какъ будто во что̀-то всматриваясь.—Я теперь все поняла. Ты тутъ совсѣмъ не виноватъ.

Щетининъ немного повелъ бровями.

— Помнишь, тогда съ мужиками ты все хлопоталъ, чтобы они... какъ это?

— Ну, да; ну, да, нетерпѣливо сказалъ Щетининъ.

— Чтобы у нихъ все было общее. Какъ это называется?

— Да все равно. Такъ что же ты-то думаешь теперь?

— Погоди, не перебивай меня! Что̀ я хотѣла? Да. Вотъ вѣдь ты тогда ошибся.

— Ошибся, тихо отвѣтилъ Щетининъ.

— Вѣдь ты имъ добра желалъ?

— Да...

— Такъ почему же это не удалось?

— А потому что они дураки, рѣзко отвѣтилъ Щетининъ.

Марья Николаевна пріостановилась.

— Своей же пользы не понимаютъ, прибавилъ Щетининъ и, привставъ на локтѣ, потянулъ къ себѣ подушку.

— Такъ за что̀ же ты на нихъ сердишься? съ удивленіемъ спросила Марья Николаевна.

— И не думаю. Съ какай стати мнѣ на нихъ сердиться?

— Ну, да! Вѣдь они въ этомъ не виноваты, что не понимаютъ. Они ошибаются. Ты и самъ тоже ошибался. Ихъ надо учить, тогда они поймутъ. Такъ вѣдь?

— Конечно, размышляя отвѣтилъ Щетининъ.— Только кто ихъ будетъ учить? Ужъ не ты ли? поднимая голову, спросилъ онъ.

— Да, я. Что ты на меня смотришь? Ну, да. Я буду ихъ учить. Наберу дѣтей и заведу у себя школу. Вѣдь это хорошо я придумала? а?

Щетининъ опять опустилъ голову на подушку и сказалъ:

— Разумѣется. Что-жъ тутъ. Только я не знаю...

— Что̀ ты не знаешь?

— Съумѣю ли я справиться съ этимъ дѣломъ?

— То-то, съумѣешь ли? Вѣдь тутъ терпѣнье страшное...

— Не безпокойся. На счетъ терпѣнья я... да притомъ, вотъ и Рязановъ,—вѣдь онъ проживетъ здѣсь все лѣто,—онъ мнѣ поможетъ, разскажетъ, какъ надо все дѣлать.

— Рязановъ?!.. Да.

Щетининъ поморщился.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше съ этимъ къ нему не обращайся.

— Почему же?

— Да такъ. Онъ вообще...

— Что̀ вообще?

— Вообще... онъ на это смотритъ какъ-то странно.

Марья Николаевна задумалась.

— Да развѣ ты съ нимъ говорилъ что-нибудь объ этомъ?

— Нѣтъ, не говорилъ, но мнѣ такъ кажется, судя...

— Да нѣтъ; не можетъ быть. Онъ не такой. Я впрочемъ сама съ нимъ поговорю.

— Да. Ну, такъ, стало быть, говорилъ Щетининъ, приподымаясь и заглядывая Марьѣ Николаевнѣ въ лицо:—стало быть ты не сердишься. Это главное.

— Нѣтъ: да я вѣдь и тогда не сердилась. Вѣдь это совсѣмъ не то. Ну, что̀ же тамъ въ городѣ?

— Что̀ въ городѣ? Такая мерзость. Перепились всѣ, какъ сапожники. Только всего и было. Однако ужъ свѣтаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала Марья Николаевна, вставая.— Такъ я завтра же начну это. Переговорю, во первыхъ, съ Рязановымъ...

— Да, да; это хорошо.

— А потомъ... и начну. Только вотъ... Погоди!

Щетининъ хотѣлъ ее обнять.

— Только вотъ книгъ нужно достать.

— Достанемъ, всего достанемъ.

— Ты въ городъ-то ѣздилъ. Ахъ, какая я глупая!

— А что?

— Ты тамъ бы могъ купить.

— Что-жъ такое? Можно послать.

— Такъ ты завтра же... постой! завтра же пошли!

— Пошлю. Какъ же я усталъ-то, Господи! говорилъ Щетининъ, потягиваясь.—Ну, теперь спать!

VII.

На другой день Щетининъ всталъ раньше всѣхъ, одинъ напился чаю и уѣхалъ на хуторъ, на цѣлый день. Марья Николаевна долго ждала Рязанова за самоваромъ, наконецъ послала за нимъ во флигель,—оказалось, что онъ чуть свѣтъ ушелъ куда-то и еще не возвращался. Она пошла было въ садъ, но потомъ вдругъ вернулась домой. Придя въ свою комнату, она открыла рабочій столикъ, достала оттуда начатые рукавчики, взяла иголку и принялась было шить, потомъ опять распорола, выдернула иголку, оторвала кончикъ нитки и опустила руки на работу. Такъ просидѣла она съ полчаса, отвернувшись въ сторону и въ раздумьи перебирая пальцами свое платье; только глаза ея медленно переходили съ одной вещи на другую, ни на чемъ не останавливаясь и ничего не выражая, кромѣ одной какой-то мысли, которая не давала ей покоя. Пасмурный свѣтъ изъ окна, проходя сквозь зеленую занавѣску, блѣдно ложился на одну сторону ея красиваго, но и безъ того печальнаго лица, не ясно обозначалъ щеку, високъ съ неподвижною бровью и далеко откинутую назадъ темную косу.

Вошла горничная.

— Что̀ ты, Поля? мелькомъ взглянувъ на нее, спросила Марья Николаевна.

— Блюзку запошить прикажете, или только сметать пока впередъ-иголку?

— Все равно. Сама увидишь, какъ лучше.

Горничная молчала.

— Ну, запошей, что ли.

— Тамъ вонъ дѣвочку привели, улыбаясь сказала горничная.

— Какую дѣвочку?

— Да мать привела, крестьянскую. Больная.

Горничная фыркнула.

— Что-жъ ты смѣешься?

— Очень ужъ смѣшно. У дѣвочки въ ухѣ...

Горничная опять засмѣялась.

— Что-жъ у ней въ ухѣ?

— Горохъ выросъ.

— Какъ горохъ выросъ?

— Да извольте сами посмотрѣть. Обыкновенно, ребятенки баловались, засунули ей въ ухо горошину; онъ у ней тамъ и выросъ. Видно, извольте поглядѣть, изъ уха ростокъ торчитъ.

Оказалось, что у дѣвочки дѣйствительно изъ уха виднѣлся ростокъ. Марья Николаевна достала шпилькою горошину и налила дѣвочкѣ въ ухо деревяннаго масла. Баба вытащила изъ-за пазухи четыре яйца и подала ихъ Марьѣ Николаевнѣ.

— Зачѣмъ это? Мнѣ не надо.

— Ну! сказала баба, все-таки отдавая яйца.

— Нѣтъ, право мнѣ не надо.

— Ну! ничаво.

Баба старалась поймать ея руку.

— Ахъ, какая ты! Вѣдь я тебѣ сказала, что не возьму, говорила Марья Николаевна, спрятавъ свои руки.

— О? Ну, мотри же. А то возьми. Что-жъ?... Ничаво.

— Не возьметъ. Дура! говорятъ тебѣ, смѣясь прибавила горничная.

— Да вѣдь у насъ денегъ нѣту. Какія у насъ деньги?

Марья Николаевна улыбнулась.

— А то я пзнички принесу коли.

— Ничего мнѣ не надо.

— Ну, благодаримъ покорно, кланяясь говорила баба.

— Цѣлуй у барыни ручку, сказала она своей дѣвочкѣ.— Проси ручку! Сопли-то утри! Скажи: пожалуйте, молъ, сударыня, ручку! Проси скорѣй.

— Нѣтъ, нѣтъ; и этого не надо, конфузясь говорила Марья Николаевна.—А ты лучше вотъ что̀ послушай-ка.

— Чаво-съ?

Баба самой себѣ утерла носъ.

— Ты изъ какой деревни?

— Мы-то?

— Ну, да.

— А мы вотъ Каменски.

— Это недалеко вѣдь, кажется.

— Возлѣ. За рѣчкой-то вотъ.

— Который годъ твоей дѣвочкѣ?

— Дѣвочки-ти? Да, мотри, никакъ девятый годочекъ пошелъ.

Марья Николаевна нагнулась къ дѣвочкѣ и взяла ее за подбородокъ. Дѣвочка пугливо вскинула глазами кверху и ухватилась за подолъ своей матери.

— Какъ тебя зовутъ? спросила дѣвочку Марья Николаевна.

Дѣвочка молчала.

— Что-жъ ты, дура, молчишь? говорила ей мать. — Скажи Фроськой, молъ, сударыня. Говори скорѣй!

— Фроськой, прошептала дѣвочка, схватилась обѣими руками за мать и уткнулась носомъ ей въ животъ.

— Послушай, милая, вдругъ какъ-то рѣшительно заговорила Марья Николаевна и улыбнулась.—Отдай ее мнѣ, я буду ее учить.

Баба взглянула на Марью Николаевну и тоже улыбнулась, и нагнувшись къ дѣвочкѣ сказала:

— Вонъ, слышишь, барыня-то что̀ говорятъ? Учить, говоритъ. Чу, мотри не балуй! Какъ забалуешь, учить.

Дѣвочка взглянула на Марью Николаевну и сейчасъ же опять спряталась.

— Ахъ, нѣтъ. Ты не понимаешь, торопливо заговорила Марья Николаевна. — Я вѣдь это не нарочно говорю. Въ самомъ дѣлѣ давай, я ее буду учить.

— Охъ, ужъ барыня! Что̀ только онѣ выдумаютъ, смѣясь говорила горничная.

Баба смотрѣла на нихъ въ недоумѣніи.

— Грамотѣ учить. Знаешь, читать и писать, толковала бабѣ Морья Николаевна.

— Она у тебя грамотная будетъ: будетъ умѣть читать и писать, сосчитать когда что̀ нужно, письмо написать...

Горничная фыркнула себѣ въ руку.

— Какая ты... странная! Что-жъ тутъ смѣшного? вспыхнувъ, замѣтила Марья Николаевна.

— Охъ, ужъ и не знаю... говорила баба, улыбаясь и посматривая на горничную.

— Чего жъ тутъ не знать? Это очень просто, зачастила Марья Николаевна.

— Охъ, нѣтъ. Охъ, ужъ не замай же она... Нѣтъ, ужъ помилуйте, сударыня.

— Да отчего же?

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте божескую милость низко кланяясь, говорила баба.—Что̀ съ нея взять? малый ребенокъ.

Баба придерживала дѣвочку, какъ будто у ней кто-нибудь хотѣлъ ее отнять. Дѣвочка вдругъ заревѣла.

— Ты можетъ боишься, что ей здѣсь будетъ нехорошо?

— Нѣтъ, ужъ помилуйте, сударыня! Одна она у меня, дѣвочка-то. Коли такъ, ужъ легче же я курочку вамъ принесу за лѣченіе.

Марья Николаевна молча постояла передъ бабою, грустно улыбнулась, посмотрѣла на нее и сказала:

— Не надо. Ни курочки, ни дѣвочки твоей мнѣ не надо. Успокойся! и ушла опять въ свою комнату.

Немного погодя, она вышла на крыльцо, съ зонтикомъ въ рукѣ и отправилась въ людскую.

* * *

Въ людской сильно пахло щами и горячимъ ржанымъ хлѣбомъ, который лежалъ на лавкѣ, прикрытый полотенцемъ. У окна сидѣлъ кучеръ и курилъ трубку; стряпуха собралась было разуваться и поставила одну ногу на скамейку;

по полу, отрывисто чавкая, бродилъ поросенокъ; рядомъ съ кучеромъ, на лавкѣ же сидѣла двухлѣтняя дѣвочка и ковыряла большою деревянною ложкою въ пустомъ горшкѣ, изъ котораго каждый разъ шумно вылетали мухи.

Кучеръ говорилъ дѣвочкѣ, дотрогиваясь до нея трубкою:

— Грушка!

— Мм! съ неудовольствіемъ отзывалась дѣвочка.

— Это у тебя что̀?

— Ммм!..

— Что̀ это у тебя?

— Мм-ма-а! кричала дѣвочка, хлопая ложкою по горшку.

— Что ты, охальникъ, къ ребенку-то пристаешь! кричала стряпуха.

Въ это время вошла Марья Николаевна. Кучеръ всталъ и спряталъ трубку за спину, стряпуха тоже встала и обдернулась. Марья Николаевна поклонилась имъ, посмотрѣла вокругъ и сказала:

— Какъ тутъ пахнетъ.

Кучеръ со стряпухою ничего не отвѣтили. Марья Николаевна подошла къ дѣвочкѣ, погладила ее по головѣ и спросила:

— Это Груша?

— Грушка-съ, кланяясь подтвердила стряпуха.

— Гм. Маленькая, вполголоса произнесла Марья Николаевна, постояла еще нѣсколько минутъ, взглянула на печку и замѣтила, что таракановъ много.

— Довольно-съ, сказалъ кучеръ.

— Вы хоть бы выводили ихъ.

— Выводили-съ, отвѣтила стряпуха.

— Вѣдь это для себя же, добавила Марья Николаевна.

— Это справедливо, подтвердилъ кучеръ.—Насчетъ чистоты ежели.

— Богъ ихъ знаетъ. Ужъ и не знаю, что съ ними дѣлать, говорила стряпуха, съ сокрушеніемъ глядя на таракановъ.

— Варомъ нѣтъ лучше, замѣтилъ кучеръ, подходя къ печкѣ. Сказавъ это, онъ сбросилъ одного таракана на полъ и раздавилъ его ногою.

— До смерти не любитъ, какъ ежели его ошпаришь: ту-жъ минуту помираетъ.

— Ну, да, разсѣянно сказала Марья Николаевна.—А гдѣ столяръ? вдругъ спросила она.

— Да никакъ они тамъ, съ Иванъ Степанычемъ, скрыпку что ли-то налаживаютъ, отвѣтила стряпуха.

— Какую скрыпку? Клѣтку строютъ для чижа, сказалъ кучеръ.

— И то мотри клѣтку, а я скрыпку, поправилась стряпуха.

— Въ сараѣ балуются, добавилъ кучеръ.

Марья Николаевна вышла на дворъ и послала кучера за столяромъ.

Пришелъ столяръ, скинулъ съ головы ремешокъ и поклонился.

— Послушай, сказала ему Марья Николаевна:—не можешь ли ты сдѣлать столъ?

— Что-жъ, это можно-съ, подумавъ, отвѣтилъ столяръ.

— Простой, понимаешь, совсѣмъ простой.

— Слушаю-съ. А сколь великъ будетъ столъ?

— Да вотъ этакъ, я думаю.

Она показала зонтикомъ на землѣ. Столяръ поглядѣлъ и сказалъ:

— Ничего. Это можно-съ.

— И еще двѣ скамейки такія, длинныя.

— И это все ничего. Бочка́, значитъ, въ наградъ.

— Ну, я это не понимаю.

— Все дюйма полтора толщины доски потребуются, говорилъ столяръ, показывая два пальца.

Послѣ того Марья Николаевна прошла во флигель, гдѣ жилъ Рязановъ, и велѣла тамъ очистить одну пустую комнату, всю заваленную разнымъ хламомъ; а сама отправилась по дорогѣ къ селу. Солнце пекло; она шла скоро, слегка шмыгая платьемъ, и прищурясь смотрѣла впередъ. Неподалеко отъ церкви попался ей старый, проживавшій въ селѣ мѣщанинъ. Онъ шелъ съ мельницы, съ удочками на плечѣ и несъ на веревочкѣ пискарей.

— Мое вамъ почтеніе, сударыня, сказалъ онъ, низко кланяясь.

— Ахъ, здравствуйте!

— Гулять изволите?

— Да.

— Очень прекрасно-съ.

— Вы, кажется, рыбу ловили?

— Что̀ дѣлать, сударыня: большую охоту имѣю.

— Семейство ваше какъ?

— Благодарю моего Создателя,—слава Богу-съ.

— Дѣти ваши что̀ дѣлаютъ? Старшій гдѣ?

— Учится-съ.

— Гдѣ же?

— Комзино село изволите знать?—Ну вотъ-съ, въ мальчикахъ у купца въ лавочкѣ. Самъ пожелалъ Ѳедю моего у себя имѣть, призываетъ. Приходимъ.—Какое, говорю, будетъ ваше положеніе?—А наше положеніе, говоритъ, мы ему ничего не положимъ, а тамъ посмотримъ, ежели, говоритъ, будетъ стараться, тогда что̀ положимъ. — Подумали, подумали мы съ супругой: что-жъ, нечѣмъ ему баловаться-вѣшаться, незамай же онъ учится. Такъ и отдали.

— Ну, а младшій?

— Материнъ баловникъ. Махонькій дома пока при матери-съ. Тоже учится, родителей утѣшаетъ.

— Кто же его учитъ?

— Сама-съ.

— И охотно учится?

— Охотникъ смертный. И теперече, доложу вамъ, не то чтобы бить, а даже то есть и пальцемъ не трогаетъ.

— Какъ же вы дѣлаете?

— Пряникомъ-съ. Пряникомъ, и кончено дѣло-съ. Возьметъ это мать въ руки пряникъ, — ну-ка, говоритъ, Миша, прочитай богородицу! И ту жъ минуту садится, книжку беретъ, молитву читаетъ. И такъ это чудесно мать пріучила, занялся; вѣрите ли, въ одну недѣлю всю азбуку понялъ.

— Вотъ какъ. Прощайте!

— До пріятнаго свиданія-съ.

Марья Николаевна пошла дальше. На селѣ было совсѣмъ пусто; старухи, сидѣвшія у воротъ, вставали и низко кланялись ей издали. Подъ однимъ амбаромъ лежала куча ребятишекъ, тутъ же прыгала привязанная за ногу галка. Марья Николаевна заглянула подъ амбаръ и спросила:

— Что̀ вы тутъ дѣлаете?

Ребятишки притаились. Она нагнулась еще ниже, поглядѣла на нихъ: они стали прятаться другъ за друга.

— Приходите ко мнѣ ужо, я вамъ гостинцевъ дамъ, ласковымъ голосомъ сказала она имъ.

Молчатъ.

— Придете, что ли? Зачѣмъ вы галку-то мучите? спросила она, не дождавшись отвѣта.

Изъ-подъ амбара кто-то дернулъ за веревку, галка закричала и, ковыляя на одной ногѣ, скрылась подъ амбаромъ.

Марья Николаевна постояла еще немного, вздохнула и пошла. Она остановилась у священническаго дома и хотѣла отворить калитку; на дворѣ залаяла собака, но калитка была заперта изнутри и не отворялась.

— Кто тамъ? недовольнымъ голосомъ спросилъ батюшка со двора.

— Это я, Марья Николаевна.

— Ахъ, извините, сударыня! Пожалуйте!

Батюшка былъ въ одномъ полукафтанѣ, съ засученными рукавами; онъ заторопился и, продолжая извиняться,—ввелъ Марью Николаевну въ горницу.

— Я къ вамъ только на минуту, говорила она, входя.— Здравствуйте, матушка!

Матушка поклонилась и вдругъ бросилась сметать со стола.

— Я вамъ, кажется, помѣшала.

— Нѣтъ, ничего-съ. Помилуйте! За честь почту, что удостоили. А я, признаться, тутъ по хозяйству было... Коровкѣ вотъ Богъ далъ,—отелилась; ну, я, знаете, самъ... Все тутъ: и хозяинъ, и бабушка. Ха, ха, ха! Что̀ дѣлать?

Марья Николаевна улыбнулась.

— При народѣ-то, знаете, немножко неловко, вполголоса прибавилъ батюшка.—Странно нѣсколько. Соблазнъ для простыхъ людей.

— А я было къ вамъ за дѣломъ, батюшка, начала Марья Николаевна.

— Самоварчикъ не прикажете ли? спросила матушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ! А я вотъ что̀, батюшка...

— Что̀ вамъ угодно, сударыня? Вы извините мени ради Бога, что я такъ. Сейчасъ подрясникъ надѣну.

— Зачѣмъ же это? Не безпокойтесь.

— Нельзя же-съ. Все, знаете, приличіе требуетъ.

Батюшка сходилъ за занавѣску, надѣлъ подрясникъ, пригладилъ волосы, кашлянулъ, наконецъ вышелъ и сказалъ:

— Еще здравствуйте!

— Я, батюшка, къ вамъ поговорить пришла, торопливо начала Марья Николаевна.—У васъ тутъ въ селѣ школа есть.

— Да-съ.

— Тамъ вѣдь крестьянскія дѣти учатся. Такъ я вотъ что̀ придумала: мнѣ бы самой хотѣлось ихъ учить.

— То есть какъ-съ?

Батюшка откинулся назадъ и прищурился.

— Да такъ просто учить читать, писать; ну, вообще, что̀ сама знаю; географію тамъ, ариѳметику...

— М-да-съ, размышляя говорилъ батюшка.—Что же-съ? это какъ вамъ угодно. Конечно...

— Вотъ видите ли, мнѣ хочется занятіе найти, а то вѣдь я что̀ же? Я ничего не дѣлаю. Такъ все равно время... а тутъ по крайней мѣрѣ польза.

— Безъ сомнѣнія, говорилъ батюшка, глядя въ полъ.

— Ну, и дѣвочекъ я могла бы рукодѣльямъ учить... Все-таки хоть что̀-нибудь.

— Конечно, конечно-съ. Только вотъ изволите видѣть... Теперь у насъ этимъ самымъ дѣломъ писарь завѣдуетъ. Человѣкъ онъ небогатый; ну, а крестьяне тоже много дать не могутъ: мучки тамъ, или крупицъ, кто что̀.

— Ахъ, да я, разумѣется, даромъ буду учить, перебила его Марья Николаевна.

— Нѣтъ-съ, я насчетъ писаря-то: что̀ ему-то оно, знаете, помощь, какъ бѣдному человѣку; ну, а ежели они у васъ будутъ учиться...

Марья Николаевна задумалась было, но сейчасъ же спохватилась и сказала:

— Да. Но это ничего. Ему можно заплатить. Это ничего.

— Дѣло ваше, сказалъ батюшка и развелъ руками.

Посидѣвъ еще немного. Марья Николаевна встала и ушла.

— Ишь ее разбираетъ, говорилъ батюшка, снимая подрясникъ.

— Ты про кого? не разслышавъ, спросила матушка.

— Да все про нее же.

— Что̀ про нее?

— Зуда́, говорю.

— О!

— А это все тотъ жеребецъ настраиваетъ—онъ, непремѣнно.

— Ужъ это какъ Богъ святъ.

Вернувшись отъ батюшки, Марья Николаевна зашла опять во флигель и остановилась въ дверяхъ: стряпуха, засучивъ платье, ходила на четвереренькахъ по комнатѣ и мыла полъ. Марья Николаевна постояла немного, осмотрѣла стѣны, велѣла открыть окно и вошла въ контору.

— Газеты привезли? спросила она, входя въ контору.

— Чево-съ, крикнулъ Иванъ Степанычъ, высунувшись въ одномъ жилетѣ изъ своей каморки, и опять спрятался.

— Привезъ вчера Александръ Васильичъ изъ города газеты?

— Привезли-съ, входя въ комнату уже въ сюртукѣ, отвѣчалъ Иванъ Степанычъ.

— Коканцевъ разбили, этихъ самыхъ англичанъ у нихъ отняли, объяснялъ онъ, счищая пухъ съ сюртука.

— Какихъ англичанъ?

— Или итальянцевъ, что ли. Песъ ихъ знаетъ. Вообще европейскаго званія. Военноплѣнныхъ. Ну, а между прочимъ феферу имъ задали порядочнаго.

— Вотъ что̀, разсѣянно замѣтила Марья Николавна.

— Да-съ, прибавилъ Иванъ Степанычъ.—Теперь все спокойно.

— Что, Яковъ Васильичъ дома? спросила Марья Николаевна.

— Дома, отвѣтилъ изъ-за перегородки Рязановъ.

— Можно къ вамъ войти?

— Войдите!

— Я еще у васъ тутъ ни разу не была, говорила она, входя въ комнату.

Она сѣла и посмотрѣла вокругъ.

— Здѣсь ничего.

— Да, ничего, только блохъ много.

— А я у себя школу хочу завести.

— Вотъ какъ! Что-жъ, это хорошо!

— Небольшую, знаете, пока.

— Небольшую?

— Пока.

— Да. Пока, а потомъ и больше?

— Потомъ можетъ быть и больше.

— Да, да, да.

Рязановъ всталъ и тихо прошелся по комнатѣ; Марья Николаевна слѣдила за нимъ глазами.

— Школу, сказалъ онъ про себя и, остановившись предъ Марьей Николаевной, спросилъ:

— Для чего же собственно вы желаете ее устроить?

— Какъ для чего?

— Къ какою цѣлью, то есть?

— Странный вопросъ! Обыкновенно, для чего: это полезно.

— Дѣйствительно.

Рязановъ еще раза два прошелся изъ угла въ уголъ.

— И скоро?

— Что скоро? быстро переспросила Марья Николаевна.

— Да школу-то заведете?

— Я завтра хочу начать. Мнѣ бы, знаете, хотѣлось поскорѣй.

— То-то. Не опоздать бы.

— Я ужъ все приготовила и съ батюшкой переговорила.

— Да. Ужъ переговорили?

— Переговорила.

— Ага. Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— Ни за чѣмъ не стало, только...

— Что-съ?

— Да я хотѣла... какъ ваше мнѣніе?

— Это о школахъ-то? Вообще я хорошаго мнѣнія. Вещь полезная.

— Нѣтъ, я хотѣла васъ спросить о моей школѣ: что̀ вы думаете?

— Да вѣдь ее еще нѣтъ. Или вы желаете знать мое мнѣніе о томъ, что вы-то вотъ школу заводите?

— Ну, да, да. Что̀ вы думаете?

— Что-жъ я могу думать? Знаю я теперь, что̀ вамъ захотѣлось школу завести; ну, и заведете. Я и буду знать, что вотъ захотѣла и завела школу. Больше ничего я не знаю, слѣдовательно и думать мнѣ тутъ не о чемъ.

— А если я васъ прошу подумать, сказала Марья Николаевна, слегка покраснѣвъ.

— Это еще не резонъ, садясь напротивъ ее, отвѣтилъ Рязановъ.—Почему школа, для чего школа, зачѣмъ школа,— вѣдь это все неизвѣстно. Вы и сами-то хорошенько не знаете, почему именно школу нужно заводить. Вонъ вы говорите,— полезно. Ну, прекрасно. Да вѣдь мало ли полезныхъ вещей на свѣтѣ. Тоже вѣдь и польза-то бываетъ всяческая.

— Стало быть вы находите, подумавъ сказала Марья Николаевна,—что я не гожусь на это дѣло?

— Ничего я не нахожу. Какъ же я могу судить о томъ, чего я не знаю?

Рязановъ опять всталъ и началъ ходить.

— Какія это у васъ книги?

— Разныя-съ.

Она взяла одну книгу, развернула и прочла заглавіе.

— Что это, хорошая книга?

— Какъ для кого. Для васъ можетъ быть и хороша будетъ.

— Что̀ же въ ней написано?

— Написано-то въ ней много, да только все это въ двухъ словахъ можно бы сказать.

— Какія же это два слова?

— «Ежели ты хочешь строить храмъ, то прими заранѣе мѣры, дабы непріятельская кавалерія не сдѣлала изъ него конюшни».

— А больше ничего нѣтъ?

— Остальное все пустяки.

— Ну, такъ я и не буду ее читать.

— Какъ хотите.

Послѣ этого разговора Марья Николаевна ушла домой и до вечера просидѣла въ своей комнатѣ.

VIII.

Съ этимъ гуманствомъ, ей Богу, обовшивѣешь совсѣмъ, кричалъ утромъ Иванъ Степанычъ, швыряя что̀-то и бѣгая въ конторѣ изъ угла въ уголъ.

— Гуманничаютъ, гуманничаютъ, точно у нихъ въ самомъ дѣлѣ тысяча душъ; а тутъ вотъ человѣкъ безъ рубашки сидитъ.

— Вы что̀ тамъ ворчите? спросилъ его черезъ перегодку Рязановъ.

Онъ пилъ чай у себя въ комнатѣ.

— Да помилуйте, это просто бѣда. Прачка бѣлья не стираетъ: нечего надѣть.—Вотъ извольте, говорилъ Иванъ Степанычъ, входя къ Рязанову.—Мое почтеніе! Вотъ не угодно ли полюбоваться: другую недѣлю ношу рубашку. На что̀ это похоже? Ну, добро бы зимой, а то вѣдь, посудите сами, лѣто: тоже вѣдь живой человѣкъ,—потѣешь. Чортъ ихъ возьми, говорилъ онъ бѣгая по комнатѣ.—Прачка! а? Сволочь! Вы видали ее?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Вы поглядите! Изъ Москвы привезли. Такъ вотъ мразь самая несчастная, а тоже поди... Небось тоже вѣдь думаетъ о себѣ: я женскимъ трудомъ занимаюсь. А? Кальцоны мои стираетъ, а сама думаетъ... а? Женскимъ трудомъ... Хх!

Рязановъ улыбнулся.

— Не хотите ли чаю? спросилъ онъ.

— Я не пью. Мнѣ вредно. Вонъ еще школу заводить... Ахъ, ты! Наведутъ сюда... Вшей-то что̀ будетъ. А? Нѣтъ, теперь все еще ничего, а поглядѣли бы вы прежде, какъ только женился,—вотъ гуманничали-то! По три дня безъ обѣда сидѣли отъ этого отъ гуманства. Людишки эти до такой степени изпьянствовались... Нагнется вотъ эдакъ сапоги взять, да тутъ же и... и упадетъ. Вонь по всему дому. Господи! Всякій день драки. Это у васъ какая книжка? Занимательная?

— Послушайте, не отвѣчая сказалъ ему Рязановъ:—вы зачѣмъ собаку бьете?

— Какъ зачѣмъ? Нельзя. Я ей говорю: Танкредъ, *come*, а она не слушается; *come*, расподлая твоя душа!—она сейчасъ хвостъ поджала, маршъ подъ амбаръ. Вотъ вѣдь подлая какая. Какъ же ее не бить?

— Нѣтъ, вы не бейте. Нынче новая мода пошла,—собакъ не бить.

— Да это вы про собачье гуманство-то. Знаю. Это все пустяки. Ежели ее не бить, такъ она, дьяволъ, и поноски подавать не будетъ.

— Будетъ.

— Да это вы должно быть аглицкаго видѣли понтера. Они, черти, такъ ужъ и родятся съ поноской: хвостъ у него сейчасъ вотъ! Природная стойка. Мать сосетъ, а самъ стойку дѣлаетъ.

— Какая природная! Дворняшка простая:—знаете, бываютъ лохматыя такія.

— Ну?

— Самъ видѣлъ.

— Ей-Богу?

— Ей-Богу.

— И падаетъ?

— И пляшетъ, и поноску подаетъ, и умираетъ. Что̀ угодно.

— И умираетъ? Ахъ, песъ ее возьми! Это занимательно. Какъ же такъ это,—разскажите!

— Самая простая штука: ѣсть не даютъ; и до тѣхъ поръ не даютъ, пока не сдѣлаетъ. Проморятъ ее голодомъ, потомъ возьмутъ вотъ такъ палку, а здѣсь кусочекъ положатъ—*сотe*! Вотъ она глядитъ, глядитъ... дѣлать нечего, перепрыгнетъ, а тутъ ей и дадутъ кусочекъ. И такимъ манеромъ до трехъ разъ,—потомъ ужъ и безъ кусочка будетъ прыгать.

— Н-да. Вотъ что̀, обдумывая говорилъ Иванъ Степанычъ:—а это въ самомъ дѣлѣ должно быть правда.

— Истинная правда.

Рязановъ, напившись чаю, пошелъ въ домъ; онъ засталъ Марью Николаевну въ кабинетѣ за работою: она сидѣла на полу, вся въ пыли, обложенная книгами. Онъ остановился въ дверяхъ и спросилъ:

— Александра Васильича нѣтъ?

— Онъ сейчасъ придетъ, весело отвѣтила она.—Здравствуйте!

Она протянула было ему руку, но вдругъ спохватилась.

— Ахъ, нѣтъ; не могу вамъ дать руки, смѣясь говорила она.—Видите, какая чистенькая!

— Ну, все равно, сказалъ Рязановъ и сѣлъ на диванъ.

Марья Николаевна перебирала разложенныя на полу книги, торопливо перелистывала ихъ и нѣкоторыя откладывала въ сторону. Въ комнатѣ было жарко, мухи лѣзли ей въ лицо, въ ротъ: она наскоро отмахивалась отъ нихъ, ни на минуту впрочемъ не переставая разбирать книги. Пришелъ поваръ за сахаромъ,—она не глядя отдала ему ключи и опять съ тѣмъ же напряженнымъ вниманіемъ принялась за работу. Рязановъ поднялъ съ полу первую попавшуюся книгу и развернулъ: это была книжка «Библіотеки для Чтенія» 45 года; онъ ее положилъ и взялъ другую: «Отечественныя Записки» 52. Пересмотрѣвъ еще десятокъ, онъ успокоился; взялъ лежавшую на столѣ газету и сталъ читать.

— Вы читали эти книги? спросила его Марья Николаевна.

— Читалъ. А что̀-съ?

— Я прежде тоже ихъ читала, а теперь вотъ начала было искать, да все какъ-то не могу добиться настоящаго толку.

— Какого же вамъ толку?

— Мнѣ, видите ли, хотѣлось прочесть какъ можно больше о народномъ образованіи.

— А! Вамъ на что̀ же?

— Да чтобы учить.

— Да! Это школу-то? Ну, такъ вы напрасно только руки марали: здѣсь вы не найдете.

— Нѣтъ, я ужъ нашла нѣсколько статей и отобрала. Вотъ видите?

Рязановъ взялъ поданныя ему книжки журналовъ, конца пятидесятыхъ годовъ.

— Что̀-жъ вы тутъ нашли, журнальныя статьи-то?

Марья Николавна стояла передъ нимъ и ждала чего-то.

— Журнальныя статьи нашли, повторилъ Рязановъ.

— Ну, да, статьи о народномъ образованіи. Вотъ одна,— разъ; вотъ другая, —видите? Вотъ эта тоже о народныхъ школахъ. Да тутъ ихъ много; а какъ же вы говорите, что нѣтъ?

— Я вовсе не о томъ говорю. Разумѣется, есть тутъ всякія статьи: и о народномъ образованіи должны быть; да только написано-то въ нихъ совсѣмъ не то, что̀ вамъ нужно.

Марья Николаевна, держа книги въ рукахъ, въ недоумѣніи смотрѣла на Рязанова.

— Послушайте, я не понимаю, что̀ вы сказали. Какъ, вы говорите: не то написано?

— Не то-съ, отвѣтилъ Рязановъ. — Вы вѣдь, небось, по заглавіямъ ищете?

— Разумѣется, по заглавіямъ. А то какъ же еще?

— Ну, никогда ничего и не найдете. Мало ли я какое заглавіе придумаю. Это ничего не значитъ.

— Какъ ничего не значитъ?

— Понимаете, это все равно вотъ, что вывѣски такія бываютъ; вотъ написано: «Русская Правда», или «Бѣлый Лебедь»,—ну, вы и пойдете бѣлаго лебедя искать, а тамъ кабакъ. Для того, чтобы читать эти книжки и понимать, нуженъ большой навыкъ, вставая продолжалъ Рязановъ.—На свѣжую голову, ежели взять ее въ руки, такъ и въ самомъ дѣлѣ бѣлые лебеди представятся: и школы, и суды, и чортъ знаетъ что̀... а какъ приглядишься къ этому дѣлу, — ну, и видишь, что все это... продажа на выносъ.

Рязановъ хотѣлъ уйти.

— Нѣтъ, постойте, говорила Марья Николаевна, загораживая ему дорогу. — Вы мнѣ скажите прежде, что̀ же тутъ о школахъ-то написано?

Рязановъ сѣлъ опять на диванѣ.

— Какія тамъ школы? Тутъ дѣло идетъ о предметѣ болѣе близкомъ. Школа! Это опечатка. Вездѣ гдѣ написано «школа» слѣдуетъ читать *шкура*. Вонъ тамъ одинъ пишетъ: трудно, говоритъ, очень намъ обезопасить наши школы; а другой говоритъ: хорошо бы, говоритъ, выдѣлать ихъ на манеръ заграничныхъ, чтобы онѣ не портились отъ разныхъ вліяній. Видите? Это все о шкурахъ. Ну, а публика, разумѣется, такъ какъ она очень умна, то этого не понимаетъ и думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ разговоръ идетъ о легчайшемъ способѣ обученія грамотѣ. Конечно, ей слѣдуетъ внушать, чтобы понимала.

Марья Николаевна, закусивъ губы и сдвинувъ брови, стояла напротивъ Рязанова и невольно слѣдила глазами за движеніемъ его рукъ: онъ медленно, но крѣпко свертывалъ въ трубку какую-то книжку.

— Какъ же это такъ, спросила она:—вѣдь это значитъ,—все неправда?

Лицо ея вдругъ вспыхнуло.

— Что̀ неправда?

— Да вообще все, что̀ печатается?

Рязановъ улыбнулся.

— Что же вы улыбаетесь? Вы скажите! Неправда это все? Я ужъ буду знать по крайней мѣрѣ.

— Нѣтъ, оно пожалуй кое-что и правда, да только...

— Что̀ только?

— Только надо умѣть читать.

— А зачѣмъ же такъ пишутъ, что нужно еще голову ломать?

— Да что̀-жъ дѣлать?—привыкли.

— И вы такъ же пишете?

— И я такъ же пишу. Какой же бы я былъ писатель, если бы я такъ и валялъ все, что въ голову придетъ. Этакъ всякій лавочникъ сумѣетъ написать. Свѣтъ-то, видите ли, такъ ужъ устроенъ, говорилъ Рязановъ, вырѣзывая изъ бумаги какіе-то городочки:—что когда у человѣка болитъ животъ, то обыкновенно объ этомъ умалчиваютъ: не принято. Повидимому, что̀-жъ тутъ такого? Самое естественное дѣло, однако не принято говорить о страданіи брюшныхъ органовъ, и кончено. Свѣтскіе обычаи требуютъ, чтобы больной въ этомъ случаѣ не объявлялъ о своемъ недугѣ публично. Голова болитъ—можно сказать, и нога болитъ,—можно сказать, даже бокъ болитъ,—хоть въ присутствіи высокихъ особъ можно сказать; а животъ болитъ—нельзя: сейчасъ выведутъ. Вотъ подите же! И ничего не сдѣлаешь: обычай. Свѣтскіе обычаи требуютъ отъ васъ, чтобы въ то время, когда у васъ болитъ животъ, чтобы вы безпечно предавались разнымъ забавамъ и говорили комплименты; а не можете, ну, сидите дома и скажите, что у васъ нервная атака.

— Какъ это нелѣпо!

— Вы полагаете? Нѣтъ-съ, позвольте. Свѣтскіе обычаи вовсе не такъ безсмысленны, какъ вамъ кажется. Они основаны на глубокомъ изученіи натуры человѣческой; а натура эта такова, что ежели позволить человѣку говорить о боли въ животѣ, тогда только и разговору будетъ, что объ однѣхъ кишкахъ. Чтò же тутъ хорошаго, согласитесь сами! А, главное, этимъ дѣло ограничиться не можетъ: сейчасъ пойдутъ разсужденія,—какъ, отчего, почему болитъ? Чтò ты дѣлалъ, да чтò ты ѣлъ? Не объѣлся ли? не надорвался ли съ натуги? а чтò ты такое поднималъ? да кто тебя заставлялъ? Почему ты не позвалъ другого и не велѣлъ ему поднять?—И радъ бы велѣлъ, да не слушается.—Почему не слушается!—Денегъ нѣтъ.—Отчего у тебя денегъ нѣтъ?—Бѣденъ.—По какому случаю бѣденъ? Да тутъ въ такую трущобу заберешься, что и не вылѣзешь.

Марья Николаевна задумалась и, какъ стояла у стола, такъ и осталась неподвижною, съ книгами въ рукахъ. Наконецъ она вздохнула, положила книги на столъ и сказала какъ будто про себя:

— Почему я никогда прежде объ этомъ не думала? и потомъ прибавила:—послушайте, однако это ужасно гадко—эти приличія.

— Чѣмъ же гадко? Цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы устранить всякіе непріятные, докучные разговоры и сдѣлать жизнь нашу легкимъ и веселымъ препровожденіемъ времени.

— Да я этого вовсе не желаю, запальчиво сказала Марья Николаевна.

— А! Ну, это другое дѣло. Такъ и объявите, что я, молъ, этого не желаю.

Марья Николавна наморщила брови.

— Вы, кажется, смѣетесь надо мной!

— А зачѣмъ же вы вздоръ говорите?

— Я не буду вздоръ говорить.

— Тогда и я не буду смѣяться.

Она улыбнулась и начала перелистывать лежавшія на столѣ «Отечественныя Записки».

— Скажите, пожалуйста, заговорила она, положивъ руку на книгу:—чтò же вы-то здѣсь видите?

— Въ этихъ книжкахъ-то? спросилъ Рязановъ и подумавъ отвѣчалъ:—вижу я битву на Куликовомъ полѣ, слышу стукъ мечей, стоны умирающихъ. «Индѣ татаре тѣснятъ россіянъ, индѣ россіянинъ тѣснитъ татарина... а еще больше того вижу подвиговъ гражданской глупости, свойственной мирнымъ россіянамъ.

— И послѣ этого вы сами можете писать?

— А почему жъ мнѣ не писать?

— Послѣ того, чтò вы говорите?

— Послѣ этого-то и можно; а если бы ничего этого не было. тогда и писать было бы не зачѣмъ.

Она молча постояла еще нѣсколько минутъ, потомъ вдругъ весело сказала, показывая на груды валявшихся на полу книгъ.

— Ну, такъ давайте же убитыхъ-то подбирать.

— Это можно.

И они оба принялись укладывать книги въ шкафъ. Въ это время вошелъ Щетининъ.

— Чтò это вы тутъ дѣлаете?

— Тризну справляемъ, отвѣтилъ Рязановъ, нагибаясь надъ книгами.

— Вотъ вотъ! А я вотъ съ живыми-то никакъ не справлюсь, говорилъ онъ, отпирая письменный столъ.

— Съ живыми труднѣе, замѣтилъ Рязановъ.

— Просто бѣда. Отпросились въ городъ на ярмарку, да вотъ другой день не являются. Одного милаго человѣка прикачикъ послалъ за покупками... (тоже и приказчикъ хорошъ!). Знаетъ, что пьющій человѣкъ, нѣтъ; далъ ему денегъ, а онъ вотъ сейчасъ только вернулся, пьяный-распьяный; ну и, разумѣется, ни денегъ, ни покупокъ. Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ тамъ шлялся. Поди вонъ добейся отъ него: онъ лыка не вяжетъ. Чтò это за гадость, говорилъ Щетининъ, роясь въ столѣ.

— Ну, какъ же теперь быть? спросилъ Рязановъ.

— Да! Какъ быть? Нѣтъ, скажи-ка ты теперь, какъ быть? Ты вотъ все говоришь...

— Чтò я говорю?

— Да вотъ, что тамъ взыскивать не нужно, то да сё.

— *То да се*, положимъ, что я могъ сказать; а когда же я тебѣ говорилъ, что взыскивать не нужно?

— Ну, да разумѣется, неохотно отвѣтилъ Щетининъ.

— Когда же это было?

— Да что тутъ—когда? Вообще...

— Нѣтъ, послушай, скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты *вообще* дѣлаешь на меня ложныя показанія? Вѣдь тутъ, братъ, свидѣтели есть: Марья Николаевна на лицо.

— Вотъ еще нашелъ свидѣтеля, полушутя отвѣтилъ Щетининъ.

Марья Николаевна, уставлявшая въ это время книги, вдругъ оглянулась, опустила руку, пристально посмотрѣла на мужа, но, ничего не сказавъ, опять принялась за книги. Щетининъ не замѣтилъ этого движенія, онъ повернулся на стулѣ лицомъ къ Рязанову и продолжалъ:

— Нѣтъ, вотъ скажи-ка въ самомъ дѣлѣ: что̀ тутъ дѣлать, какъ поступить?

— Это съ милымъ человѣкомъ-то?

— Да, съ милымъ человѣкомъ. Вотъ ему довѣрили деньги, а онъ ихъ пропилъ.

— Да вѣдь я тебѣ, кажется, говорилъ ужъ одинъ разъ?

— Ты говорилъ тамъ, къ становому... это что̀!

— Какъ, это что̀? Стало быть, ты находишь законное возмездіе неудовлетворительнымъ?

— Нахожу.

— Ну, такъ самъ выдумай какое нибудь. Что же ты меня то спрашиваешь?

— Я хочу знать твое мнѣніе.

— Оно тебѣ ни на что̀ не нужно. Дѣло идетъ о томъ, какъ отомстить человѣку за личную обиду, такъ зачѣмъ же тутъ еще посторонніе совѣты? Вѣдь ты ему довѣрялъ, онъ твоего довѣрія не оправдалъ, ты обиженъ, а не я. Я къ нему ничего не чувствую. Хоть бы онъ тебя самого, со всей твоей усадьбою, со всѣми угодьями и съ пустошами пропилъ,—мнѣ какое дѣло?

— Ты представь себя на моемъ мѣстѣ.

— Да я и представлять не хочу. На что̀ это нужно? Я никогда въ такомъ положеніи не буду, а если бы и могло это случиться, такъ почемъ я знаю, какъ бы я тогда поступилъ. Я, можетъ быть, этого милаго человѣка на колъ бы посадилъ, а можетъ ограничился бы тѣмъ, что вышибъ бы ему только два зуба, а можетъ быть еще сто рублей награжденія далъ бы ему за это.

— Нѣтъ, это все не то. Ты представь себѣ, что съ тобой теперь вотъ, въ настоящую минуту, такъ поступили.

— Я не понимаю, зачѣмъ тебѣ понадобились эти представленія: они ровно ничего не объяснятъ. Ну, представь ты себѣ, что тебя въ настоящую минуту кто-нибудь медомъ вымазалъ! Что̀ бы ты сдѣлалъ? Представь, что тебя колесомъ переѣхали! Представляй, сколько хочешь, что же изъ этого выйдетъ?..

— Я одного только понять не могу... не слушая говорилъ между тѣмъ Щетининъ, ни къ кому не обращаясь.

— Чего ты не можешь понять? спросилъ Рязановъ.

— Не понимаю, почему не сказать прямо. Если бы онъ мнѣ сказалъ: я ѣду на ярмарку, я хочу пьянствовать. Я бы ему, не говоря ни слова, цѣлковый въ руки,—ступай, батюшка! Ну, что-жъ, праздникъ! Понятное дѣло, человѣкъ работалъ цѣлый годъ, трудился—почему жъ ему не выпить, не повеселиться на ярмаркѣ? Развѣ это преступленіе? Объ одномъ прошу только—скажи прямо! Нѣтъ, обманомъ, видишь ли, лучше. «Помилуйте, я, говоритъ, теперь закаялся, капли въ ротъ не беру». Согласись, что это подло?

— Что̀ подло? Закаяться?

— Нѣтъ, обманывать.

— Соглашаюсь, что вообще, въ принципѣ обманывать подло.

— Ну, вотъ. Я только объ этомъ и говорю. Скажи прямо!..

— Да. Я вотъ буду къ тебѣ въ карты смотрѣть,—это ничего; а ты ко мнѣ не смотри,—это подло. А то я пожалуй и смотрѣть не буду: скажи прямо, какія у тебя карты. Это прелестно.

— Совсѣмъ не то. Играть, такъ, по моему, играть на чести.

— Я не знаю, зачѣмъ ты тутъ такія слова примѣшиваешь. На чести! Врагъ всегда поступаетъ подло; и чѣмъ подлѣе, тѣмъ больше ему чести.

— Ну, нѣтъ, братъ. Я не желаю придерживаться такихъ правилъ.

— А съ твоими правилами главнокомандующимъ сдѣлать бы тебя. Интересно! Отдалъ бы ты, напримѣръ, по арміи приказъ: ночью напасть на непріятельскій лагерь; но вѣдь это подло? На спящихъ нападать! стало быть нужно послать адъютанта сказать: эй, вы, берегитесь, сегодня ночью мы намѣреваемся васъ всѣхъ передушить; такъ вы смотрите же, не зѣвайте!

Щетининъ не отвѣчалъ.

— Или ты, можетъ быть, желаешь уподобиться Аристиду и побѣждать враговъ великодушіемъ? Такъ это ты можешь.

— Что-жъ такое? Ну, желаю.

— Да. Оно, конечно, съ одной стороны и возвышенно, объ этомъ что говорить,—да только въ хозяйскомъ-то дѣлѣ, я полагаю, не безубыточно.

— Это мое дѣло.

— Разумѣется. Побѣждай ихъ своими боками, сколько угодно. Никто тебѣ не мѣшаетъ. Ну, а вотъ разсчитывать на великодушіе противника,—это ужъ, братъ, по моему, штука рискованная.

— Ни на кого и ни на что̀ я не разсчитываю, кромѣ одного себя, съ недовольнымъ видомъ сказалъ Щетининъ и опять принялся рыться въ бумагахъ.

— Такъ о чемъ же ты толкуешь?

— Ни о чемъ не толкую, отвѣтилъ онъ рѣзко, но черезъ нѣсколько минутъ одумался, заперъ столъ, потянулся и зѣвая сказалъ:

— Такъ, стало быть, по твоему, это война, что у меня Ѳедька Скворцовъ три цѣлковыхъ пропилъ?

— Война.

— Хм! хороша война! Стало быть вездѣ, гдѣ есть мошенники, тамъ и война?

— Тамъ и война.

Щетининъ опять замолчалъ.

— Это, братъ, Иванъ Степанычъ даже знаетъ, продолжалъ Рязановъ:—онъ мнѣ на дняхъ еще говорилъ: «какая, говоритъ, штука! Я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» вычиталъ: на всемъ свѣтѣ война. Вотъ, говоритъ, Персія, ужъ на что̀, кажется, пошлое государство, а даже и тамъ, говоритъ, бабы взбунтовались».

Щетининъ нехотя улыбнулся и, подумавъ, сказалъ:

— Это значитъ, по твоему, что хорошей прислуги не зачѣмъ и желать. Такъ, что ли?

— Отчего же? Желать никому не запрещается. Можешь желать все, что̀ тебѣ угодно.

— Но ты находишь, что это желаніе безразсудно?

— Нѣтъ. Я нахожу только, что оно немножко оригинально. Это все равно, еслибы я пожелалъ, напримѣръ, чтобы у тебя вдругъ вскочилъ *хорошій* волдырь на лицѣ, или чтобы ты схватилъ *хорошую* горячку. Согласись, что вѣдь это бы было очень оригинально желаніе? Не правда ли?

Рязановъ поднималъ съ полу книги и подавалъ ихъ Марьѣ Николаевнѣ. Щетининъ сидѣлъ задомъ къ письменному столу, откинувшись на креслѣ и заложивъ руки подъ затылокъ; на лицѣ его бродила какая-то неловкая, напряженная улыбка; онъ молча долго водилъ глазами по комнатѣ, какъ бы соображая что̀-то, наконецъ кашлянулъ и заговорилъ, разставляя слова:

— Вотъ ты тамъ все толкуешь—то не такъ, другое не такъ...

— Да, нагнувшись надъ книгами, сказалъ Рязановъ.

— А между тѣмъ вотъ ужъ скоро мѣсяцъ, какъ ты пріѣхалъ; было ли такъ хоть одинъ разъ, чтобы ты мнѣ подалъ дѣльный, практическій совѣтъ, сказалъ ли ты мнѣ хоть что̀-нибудь такое, изъ чего бы я могъ извлечь прямую, дѣйствительную пользу? А? Вспомни-ка?

Рязановъ поднялъ кипу книгъ и, держа ее въ рукахъ, отвѣчалъ

— Да. Если ты меня приглашалъ сюда затѣмъ, чтобы совѣтоваться со мною о своемъ хозяйствѣ, такъ я тебя поздравляю.

Сказавъ это, онъ передалъ Марьѣ Николаевнѣ послѣднія, лежавшія на полу книги и вытеръ себѣ платкомъ руки.

— Ну, разумѣется, не за этимъ, быстро заговорилъ Щетининъ:—это ты очень хорошо знаешь самъ. Нѣтъ; я думалъ, что вообще твои мнѣнія имѣютъ больше... практическаго основанія.

— И ошибся. Это жаль!

— Нѣтъ; совсѣмъ не то. Я давно знаю, что мы съ тобой въ нѣкоторыхъ вещахъ не сходимся; но именно на эту разность-то въ нашихъ взглядахъ я и разсчитывалъ. Я думалъ, что, высказывая свои убѣжденія, ты мнѣ уяснишь мои собственныя.

— Мм... промолчалъ Рязановъ.

— Да, торопливо перебилъ его Щетининъ.—Давно извѣстна пословица, что *du choc des opinions jaillit la vérité*.

— Какъ ты сказалъ?

— Я говорю: *du choc des opinions jaillit la vérite*.

— Это не то, что *plenus venter non studet libenter?* *).

— Нѣтъ не то.

— Не то! Ну, такъ что̀ же да́льше-то?

— Да, нѣтъ, видишь ли, не слушая продолжалъ Щетининъ:—это вѣдь само собой какъ-то дѣлается. Я говорю, ты мнѣ возражаешь: такимъ образомъ борются два мнѣнія. Согласись, что тогда и выходитъ какой-нибудь толкъ, когда борются два противоположныя начала: свѣтъ и тьма, добро и зло, плюсъ на минусъ...

— Даетъ минусъ, братъ, минусъ.

— Да! Ну чортъ съ нимъ! Впрочемъ все равно: дѣло не въ сравненіи.

---

*) Сытое брюхо къ ученью глухо.

— Конечно. Хорошіе практики всегда бываютъ плохіе теорики.

Марья Николаевна улыбнулась и сѣла.

— Да. Такъ вотъ я и говорю, нѣсколько недовольнымъ тономъ продолжалъ Щетининъ:—нужно только, чтобы спорящіе взаимно уважали мнѣнія другъ друга.

— Это зачѣмъ же?

— Какъ зачѣмъ! Если мы не будемъ уважать мнѣній одинъ другого, что̀ же это будетъ?

— Споръ будетъ.

— Нѣтъ, ужъ это, по моему, драка.

— И по моему тоже.

— Стало быть въ этой словесной дракѣ кто кого побьетъ, тотъ и правъ?

— Тотъ и правъ. Разумѣется. Другихъ споровъ и не бываетъ.

— Нѣтъ, братъ, я такихъ споровъ не одобряю.

— Ты, стало быть, такіе любишь, чтобы оба были правы?

— Нѣтъ. По моему, если спорить, такъ спорить такъ, чтобы не оскорблять противника.

— Правило похвальное. Это что говорить. Только я все-таки не понимаю, къ чему ты велъ всю эту канитель.

— А я хочу сказать, что вообще я замѣчаю въ послѣднее время какое-то ожесточеніе во всѣхъ, рѣшительно во всѣхъ.

— А прежде не замѣчалъ? Такъ это значитъ, что ты не только во мнѣ, но и вообще разочаровался въ людяхъ. Такъ?

— Да нѣтъ; видишь ли, человѣкъ я смирный, я люблю людей и не могу я, ну, просто не могу смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ, противъ которыхъ надо ежеминутно принимать предосторожности, ежеминутно ждать подкоповъ... не могу я этого. Ну, что ты хочешь, вотъ—не могу, да и все.

Говоря это, Щетининъ ни на кого не глядѣлъ и перочиннымъ ножомъ скоблилъ письменный столъ.

— Да; вотъ, говорятъ, во дни Соломона, сказалъ Рязановъ,—жить было хорошо: всякій сидѣлъ подъ кущей своей и подъ виноградомъ своимъ, а царь Соломонъ сидѣлъ на престолѣ и судилъ всѣхъ самъ. Ни споровъ, ни дракъ въ то время не было.

— А по правдѣ тебѣ сказать, ей-Богу лучше было чѣмъ теперь, замѣтилъ Щетининъ.

— Кто же виноватъ, любезный другъ, что ты съ такими мирными наклонностями и принужденъ жить въ такое военное время? Какъ же быть теперь? Ужъ я право и не знаю.

*

— Я, братъ, знаю, какъ мнѣ быть, вставая сказалъ Щетининъ.

— Ну, а знаешь, такъ стало быть и разговоривать не о чемъ, тоже вставая сказалъ Рязановъ и ушелъ.

Щетининъ постоялъ у окна, посвисталъ, потомъ спряталъ руки въ карманы и, поглядывая себѣ на ноги, медленно пошелъ къ двери.

— Послушай, заговорила Марья Николаевна.

— Что̀ тебѣ?

Щетининъ не оборачиваясь остановился въ дверяхъ.

— По-каковски это онъ тебѣ сказалъ тогда?

— По-латыни.

— Что̀ же это значитъ?

— Такъ, вздоръ.

Щетининъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Нѣтъ, не вздоръ, вслѣдъ ему сказала она.

Щетининъ остановился было на одно мгновеніе, но въ ту же минуту поправился и ровнымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

IX

Наступило самое жаркое время; начался покосъ, рожь забурѣла; знойный, удушливый вѣтеръ лѣниво бродилъ по озерамъ, чуть-чуть нагибая верхи камышей. А то вдругъ закрутитъ, завьется кверху чернымъ столбомъ и пойдетъ по полямъ. Небо стояло синё и безоблачно; по ночамъ грозы бывали.

Въ послѣднее время Щетининъ сталъ работать еще больше прежняго. Онъ проводилъ цѣлые дни на хуторѣ, или въ лѣсу; домой возвращался большею частію поздно вечеромъ, усталый, измученный, наѣдался за ужиномъ простокваши и ложился спать. Споры съ Рязановымъ прекратились совершенно: это случилось вдругъ, точно по взаимному соглашенію. Оба въ одно и то же время перестали спорить и кончено. Разговоры стали сводиться все больше на простую передачу свѣдѣній, возраженія ограничивались легкими замѣчаніями, въ родѣ того, что—да, разумѣется, понятное дѣло; ну, оно, я тебѣ скажу, а впрочемъ... конечно... и т. д. Случалось иногда, что Щетининъ увлекался какимъ-нибудь разсказомъ, а Рязановъ слушалъ молча и разсматривалъ въ это время скатерть, а выслушавъ, все-таки продолжалъ молчать. Щетининъ не выдерживалъ и говорилъ:

— Ты чтò молчишь? Развѣ я не знаю, чтò ты думаешь?

— Тѣмъ лучше для тебя и тѣмъ пріятнѣе для меня, отвѣчалъ Рязановъ,—и самъ начиналъ разсказывать Марьѣ Николаевнѣ о томъ, напримѣръ, какъ они со Щетининымъ, въ бытность свою въ университетѣ, учились маршировкѣ.

— Славное это время было, говорилъ Рязановъ:—кончатся, бывало, лекціи, наслушаешься тамъ всякаго этого римскаго права, соберешь тетрадки и въ манежъ. Главное, близко, вотъ чѣмъ хорошо. Инспекторъ объ одномъ только и проситъ, бывало: «не заваливайтесь, господа, ради Бога! сдѣлайте одолженіе, подайтесь грудью впередъ!» Ну, и подашься.

— Особенно хорошъ, я помню, былъ, продолжалъ Рязановъ,—Троицкій одинъ: семинаристъ, лѣтъ тридцати ужъ онъ былъ, изъ Оренбурга пѣшкомъ пришелъ учиться, занимался исторіей, ужъ онъ теперь профессоромъ. Такъ вотъ бывало мука-то: не можетъ налѣво кругомъ повернуться, что хотите вотъ. А росту былъ громаднаго, сутуловатый, руки длинныя. Инспекторъ пристаетъ къ нему: «господинъ Троицкій, стойте прямѣй! унтеръ-офицеръ, поправь господина Троицкаго! Чувствуете ли вы локтемъ товарища?»—Чувствую-съ, Ѳедоръ Ѳедорычъ, батюшка, чувствую-съ... даже зубами заскребетъ.

— И вы учились маршировать? спрашивала Марья Николаевна, съ особеннымъ любопытствомъ всматриваясь въ Рязанова.

— И я учился. И *глаза на-пра-во* дѣлалъ, все какъ слѣдуетъ. Какъ же-съ.

— Ну, чтò это? съ недовольнымъ видомъ говорила Марья Николаевна.—Зачѣмъ же вы это дѣлали?

— А чѣмъ же я хуже другихъ?

Впрочемъ, Марья Николаевна этими разсказами не довольствовалась; она всякій разъ, когда оставалась вдвоемъ съ Рязановымъ, старалась завлечь его въ серьезный разговоръ; кромѣ того, брала у него книги и прочитывала ихъ одну за другой безъ остановокъ. Гуляя по саду, она подходила къ его окну и вызывала гулять. Иногда они уходили далеко въ поле, или бродили по берегу. Она разспрашивала его о томъ, чтò дѣлалось прежде, чтò дѣлается теперь, и жадно слушала эти разсказы; при этомъ лицо ея становилось все серьезнѣе и сосредоточеннѣе; иногда она даже плакала, но потомъ быстро утирала слезы и начинала махать себѣ платкомъ въ лицо. Одинъ разъ, послѣ такого разговора, она спросила Рязанова:

— Послушайте, неужели онъ этого ничего не знаетъ?

— Какъ не знать.

— Такъ почему же онъ мнѣ этого никогда не разсказывалъ?

— Не знаю.

— Я ему этого никогда, никогда не прощу, говорила она и глаза ея гнѣвно метались кругомъ.

Домашнее хозяйство шло своимъ порядкомъ: она имъ почти не занималась. Щетининъ этихъ прогулокъ какъ будто и не замѣчалъ; одинъ разъ только онъ спросилъ жену:

— А что же твоя школа?

— Да я ее отложила до осени, отвѣчала Марья Николаевна. —Теперь лѣто, кто же будетъ заниматься?—жарко.

Щетининъ посмотрѣлъ ей въ глаза, но ничего не сказалъ и началъ пѣть. Она заговорила о другомъ.

— Почему вы перестали спорить съ Александромъ Васильичемъ? спросила она Рязанова.

— Да вы видите, что ему это непріятно.

— Такъ что-жъ такое?

— Зачѣмъ же я буду безо всякой нужды раздражать человѣка?

— Да, это правда. Ну, такъ вы со мной по крайней мѣрѣ спорьте! Я очень люблю, когда вы спорите.

Марья Николаевна однако не могла удержаться и иногда при мужѣ начинала какой-нибудь разговоръ, имѣющій свойство вызывать жаркія пренія. Рязановъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно прекращалъ въ самомъ началѣ зарождающійся споръ какимъ-нибудь короткимъ замѣчаніемъ, противъ котораго возражать было нечего.

Одинъ разъ вечеромъ онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и собирался идти гулять; вдругъ входитъ Марья Николаевна.

— Приходите къ намъ сейчасъ.

— Зачѣмъ?

— Къ намъ гости пріѣхали, и одна барыня тутъ есть. Мнѣ очень хочется, чтобы вы ее видѣли.

— Къ чему же это нужно?

— Ни къ чему не нужно, а такъ... Нужно, я васъ прошу.

Рязановъ пожалъ плечами.

— Приходите же!

Марья Николаевна подобрала свое платье и побѣжала въ домъ.

Рязановъ засталъ гостей на террасѣ: Марья Николаевна разливала чай; рядомъ съ нею сидѣла дама лѣтъ тридцати-пяти, съ худощавымъ лицомъ и немного прищуренными глазами, которые она старалась сдѣлать проницательными. Тутъ же немного поодаль стоялъ знакомый Рязанову посредникъ, Семенъ Семенычъ, и разговаривалъ съ мужемъ этой дамы. Марья Николаевна улыбнулась и познакомила Рязанова съ гостями. Онъ сѣлъ къ столу. Пріѣзжая дама прищурилась еще больше, но, встрѣтясь глазами съ Рязановымъ, заморгала и начала чесать себѣ глазъ. Посредникъ въ то же время говорилъ ея мужу:

— Что̀ же мнѣ прикажете дѣлать? Ихъ вонъ нелегкая угораздила,—три года съ ряду горятъ. Горятъ и кончено. Что̀ же съ нихъ взять?

— Да нельзя ли хоть что̀-нибудь съ нихъ получить, присталъ помѣщикъ.—Вы въ мое положеніе войдите; мнѣ жену за границу нужно отправлять. Нельзя ли ихъ переселить, что ли?

— Да вы ихъ сколько разъ ужъ переселяли?

— Что-жъ такое? Ну, два раза. Эка важность!

— Ну, какъ же вы хотите? Это безчеловѣчно. А третій разъ переселите, такъ и вовсе по міру пойдутъ.

— Да вѣдь не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ, а нельзя ли по крайней мѣрѣ хоть припугнуть ихъ переселеніемъ?

— Идите чай пить, позвала ихъ Марья Николаевна.

— Нѣтъ, вотъ-съ, я вамъ доложу, Марья Николаевна, говорилъ посредникъ, принимая стаканъ.—Мерсі, я безъ сливокъ. Досталось мнѣ въ участкѣ имѣньице,—Отрада село,—знаете? Двѣ тысячи недоимки, третій годъ не платятъ. Что хотите вотъ! Предмѣстникъ мой, Павелъ Иванычъ, бился, бился, такъ и бросилъ: ничего сдѣлать не могъ. И роту водили—ничего. А я въ три недѣли взыскалъ все до послѣдней копѣйки, и пальцемъ никого не тронулъ.

— Какъ же это? спросила Марья Николаевна.

— А очень просто: пріѣхалъ, созвалъ,—деньги! Нѣту денегъ и кончено. Народъ—разбойники. Такъ нѣту денегъ?—нѣту. Хорошо. Я сейчасъ, кто первый попался изъ толпы,—сюда его. Ты не хочешь платить?—Не хочу. Взять его! Другого: ты не хочешь платить?— Батюшка, отецъ родной!—Безъ разговоровъ! Взять его! Да такимъ манеромъ отобралъ десять человѣкъ,—въ амбаръ на хлѣбъ и воду! Время-то, знаете, рабочее, мужику каждый часъ дорогъ,—сиди! Старшинѣ сказалъ:—ты мнѣ отвѣчаешь за нихъ. Если ты, да хоть одну ракалію выпустишь,—всѣхъ сыновей твоихъ въ солдаты! Только ты ихъ и видѣлъ. Отлично. А самъ уѣхалъ. Черезъ недѣлю пріѣзжаю,— ну, что̀, голубчики? какъ?—Кормилецъ, батюшка, помилуй!—

Ага! покаялись? что-о?—Прикажи насъ наказать!—Нѣтъ, зачѣмъ же? Я васъ наказывать не буду, а вотъ ступайте-ка вы теперь же, при мнѣ, на село и просите своихъ, чтобы они васъ выручили. Пустилъ ихъ: черезъ полчаса семьсотъ цѣлковыхъ принесли. Прекрасно. Засадить ихъ еще на недѣлю! Да вѣдь я вамъ скажу, до чего-съ: какъ щепки исхудали, глаза впалые у нихъ сдѣлались. Пріѣзжаю въ другой разъ: опять та же комедія. Въ три недѣли все до послѣдней копѣйки взыскалъ.

Кончивъ разсказъ, посредникъ хлебнулъ изъ стакана и самодовольно посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Да, со вздохомъ сказалъ помѣщикъ.—Вотъ вѣдь вы, Семенъ Семенычъ, для другихъ дѣлаете, а для меня не можете. Это нехорошо-съ.

— Да вѣдь странный же вы человѣкъ, позвольте вамъ сказать, воодушевляясь заговорилъ посредникъ.—Какъ же вы своихъ сравниваете? Вашихъ сколько угодно сажай,—ничего не будетъ, только съ голоду подохнутъ. Что̀ съ нихъ взять? вѣдь они—нищіе.

— Нѣтъ; это что̀-съ. Это не отговорка. Желанія нѣтъ у васъ. Вотъ главное-то что̀.

— И чудакъ же вы только, извините меня, закричалъ посредникъ.

Начался споръ и продолжался до тѣхъ поръ, пока пили чай. Рязановъ все время молчалъ. Послѣ чаю пришелъ батюшка, раскланялся и спросилъ:

— А хозяинъ?

— На хуторѣ.

— По обыкновенію.

Марья Николаевна позвала Рязанова въ залу и сказала ему:

— Поговорите, пожалуйста, съ этой дамой; мнѣ очень хочется знать, что̀ вы о ней скажете.

— Да вѣдь я право не умѣю съ дамами разговаривать.

— Ну, ничего. А какъ же вы со мной-то разговариваете? Развѣ я тоже не дама? смѣясь говорила она.—А знаете, въ самомъ дѣлѣ, прибавила Марья Николавна:—какъ онѣ мнѣ всѣ стали противны теперь, если бы вы только знали! А дѣлать нечего, надо идти. Пойдемте, шепнула она ему, выходя на террасу и съ улыбкою оборачиваясь назадъ. Потомъ она взяла гостью подъ руку, сошла съ нею въ садъ и позвала Рязанова. Они втроемъ пошли по аллеѣ. Начинало смеркаться.

— Вы пишете? спросила у Рязанова дама.

— Пишу.

— Ахъ, опишите, пожалуйста, здѣшній уѣздъ!

— Зачѣмъ же это?

— Здѣсь такія гадости дѣлаются, вы себѣ представить не можете; особенно въ судѣ.

Рязановъ молчалъ.

— *Vous n'avez pas idée, ma chère, ce que c'est*, сказала она, обращаясь къ Марьѣ Николаевнѣ.—Силъ никакихъ нѣтъ. Представьте, полгода мужу моему не выдаютъ свидѣтельства. Пожалуйста обличите это все, мсьё Рязановъ. Я васъ прошу.

— Вотъ скоро новые суды будутъ, замѣтила Марья Николаевна.

— *Je vous en félicite*, отвѣтила дама.—Нѣтъ ужъ избавьте. Знаемъ мы эти новые. У насъ все такъ. Тоже всѣ кричали: ахъ, посредники, посредники! Ну, вотъ вамъ и посредники. На что̀ они годны, *je vous jemande un peu*. Не можетъ недоимки взыскать! Новые суды! *Non, ma chère, on ne nous y prendra plus*.

Они молча прошли еще аллею и повернули къ дому.

— Вотъ еще тамъ земство какое-то выдумали, начала было дама.—Правду Катковъ говоритъ, *que c'est une kyriělle. C'est bien vrai, ma chère*. Я не знаю, что это такое. Денегъ ни у кого нѣтъ, *les chemins sont atroces*...

— Не хотите ли отдохнуть? перебила ее Марья Николаевна, входя на лѣстницу.

— Нѣтъ-съ вотъ въ Пензѣ случай былъ тоже, говорилъ батюшка при появленіи Рязанова.—Идетъ по улицѣ духовное лицо-съ, а по ту сторону мѣщанинъ какой-то пьяный, да вотъ такъ:—фю-фю-фю! О-го-го! говоритъ...

Батюшка всталъ со стула, подперся въ бокъ рукою и представилъ мѣщанина.

— Нѣтъ-съ, какъ вы полагаете? Мѣщанина-то вѣдь за эти дѣла... тово, сослали. А всего его словъ было, что *огого*. Такъ вотъ оно что̀-съ, заключилъ батюшка, насмѣшливо посматривая на Рязанова.

— Это что̀, сказалъ посредникъ.—Въ Саратовѣ случай былъ. Какъ я одного молодца оборвалъ!..

Рязановъ вышелъ въ залу.

— Послушайте, нѣтъ, вы уйдите отсюда, пожалуйста. И ихъ видѣть не могу съ вами вмѣстѣ, сказала Марья Николаевна.

— Да я и такъ хотѣлъ уйти.

— Мнѣ досадно, гадко. Простите меня, что я позвала васъ сюда!

Рязановъ ушелъ во флигель и легъ спать. Часу въ двѣнадцатомъ пришелъ туда посредникъ. Ему приготовили постель въ конторѣ.

— А я вамъ хочу маленькое предложеніе сдѣлать, сказалъ онъ, входя къ Рязанову.

— Какое предложеніе?

— Не хотите ли завтра со мной прокатиться по участку? Для васъ, какъ для столичнаго жителя, это будетъ любопытно.

Рязановъ подумалъ и согласился.

X.

Въ четвертомъ часу утра приказчикъ разбудилъ Рязанова и посредника. Вышли на крыльцо: погода хмурая, пѣтухи поютъ, того и гляди дождь пойдетъ; у подъѣзда стоитъ легонькій тарантасъ. Посредникъ зѣваетъ и охаетъ.

— И охота вамъ. Спали бы, ворчитъ Иванъ Степанычъ, въ одной рубашкѣ выглядывая изъ окна.

— Нельзя, батенька, служба, отвѣчаетъ посредникъ.

Сѣли, поѣхали.

Народъ на селѣ сбирается въ поле; сонныя бабы съ ведрами, овцы, ѣдкій запахъ свѣжаго дыма, мужики шапки снимаютъ...

— Здорово, невыспавшимся голосомъ покрикиваетъ имъ посредникъ и засыпаетъ.

Выѣхали въ поле: роса, вѣтерокъ подуваетъ, небо съ востока покраснѣло, изъ побурѣвшихъ озимей вылетаетъ перепелъ...

Оврагъ, заросшій орѣшникомъ, внизу—мостъ. Пристяжныя, понуривъ головы, шагомъ спускаются подъ гору и дружно подхватываютъ въ гору; вдругъ сильный толчокъ: посредникъ всхрапываетъ, открываетъ глаза, безсмысленно смотритъ по сторонамъ и опять засыпаетъ.

Туманъ поднялся, все чище и чище становится даль, ярче цвѣта, прозрачнѣе воздухъ и встаютъ кругомъ одно за другимъ далекія села, лѣса и озера... Вдругъ засверкала роса, загорѣлась мѣдная бляха на шлеѣ у коренной и побѣжали отъ лошадей по травѣ длинныя черныя тѣни: солнце взошло...

Рязановъ глядѣлъ, все глядѣлъ, какъ лошади бѣгутъ, какъ жаворонки сверху падаютъ въ зеленую рожь и опять, точно по ступенькамъ, поднимаются выше и выше; какъ стадо пасется по косогору: вонъ лежитъ въ лощинѣ свинья, а на свиньѣ сидитъ ворона.

— Семенъ Семенычъ! а Семенъ Семенычъ!

— Мм?

— Пріѣхали.

— А! Пріѣхали. Гдѣ старшина?

— Я здѣсь, Семенъ Семенычъ. Пожалуйте, я васъ высажу.

— Самоваръ есть?

— Сейчасъ будетъ готовъ.

— Живо! Ну, какъ? у васъ? спрашиваетъ посредникъ, входя въ волостное правленіе.

— Все слава Богу-съ, кланяясь, отвѣчаетъ старшина.

Писарь, въ нанковомъ пиджакѣ, сметаетъ рукавомъ пыль со стола, тоже кланяется и отходитъ къ стѣнкѣ.

— Хорошо, говоритъ посредникъ, садится и все еще сонными глазами осматриваетъ стѣны. Лицо у него измято, вдоль лба красный рубецъ.

Старшина стоитъ, наклонившись немного впередъ и заложивъ руки за спину.

— Принесите-ка тамъ портфель.

Старшина съ писаремъ бросаются вонъ изъ избы.

Солнце начинаетъ сильно пригрѣвать, мухи толкутся въ окнѣ; на дворѣ отпрягаютъ лошадей.

— Вотъ этотъ у меня старшина ничего, говоритъ посреднику Рязанову.—Только неопытенъ еще, расторопности мало.

— Мм., отвѣчаетъ Рязановъ.

Старшина бережно, точно боится расплескать что̀-нибудь, вноситъ портфель и, положивъ его на столъ, отходитъ къ сторонкѣ.

Писарь на цыпочкахъ крадется къ шкафу и вытягивается за спиною старшины.

— Ну, а недоимка у васъ какъ? спрашиваетъ посредникъ, надѣвая себѣ на шею цѣпь.

— Плохо-съ, со вздохомъ отвѣчаетъ старшина.

— Что-жъ ты, братецъ не понуждаешь?

— Понуждаемъ-съ, вполголоса отвѣчаетъ писарь, безстрастно глядя на посредника.

— Мы понуждаемъ-съ, уныло склоня голову, на бокъ, повторяетъ старшина.

— Стало быть плохо понуждаешь, говоритъ посредникъ.

— Вонъ помѣщикъ жалуется мнѣ, что вы до сихъ поръ не можете остальныхъ пятисотъ уплатить съ прошлаго года, съ октября. Вѣдь это срамъ!

Писарь стремительно подходитъ къ столу и, порывшись въ бумагахъ, почтительно указываетъ мизинцемъ въ книгу, говоря:

— Съ 15-го февраля сего года остается 495 рублей 72 копѣйки-съ.

— Ну, да, подтверждаетъ посредникъ.—Слабъ ты, братъ: вотъ что̀ я тебѣ скажу, обратился онъ къ старшинѣ.

Старшина вздыхаетъ.

— Развѣ, ты думаешь, мнѣ пріятно слушать жалобы на васъ?

Старшина наморщиваетъ брови и старается не глядѣть на посредника.

— Ну, опишутъ, продадутъ: что̀ хорошаго? Самъ ты посуди.

— Хорошаго мало-съ, разсматривая свои сапоги, отвѣчаетъ старшина.

— То-то вотъ и есть, наставительно заключаетъ посредникъ.—Сами вы себя не бережете.

Нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— О-охо-хо! вздыхаетъ посредникъ.—Такъ какъ же, братъ?

— Чего извольте, тревожно спрашиваетъ старшина.

— Насчетъ самовара-то?

— Шумитъ-съ.

Писарь бросается въ дверь.

— Н-да, въ раздумьи произноситъ посредникъ.

— Все Божья воля-съ, со вздохомъ замѣчаетъ старшина.

— Да, братъ, вотъ какъ продадутъ, тогда и узнаешь Божью волю.

Слышно, какъ въ сѣняхъ писарь раздуваетъ самоваръ.

— Дѣла какія-нибудь есть? внезапно спрашиваетъ посредникъ.

Старшина глядитъ въ дверь на писаря и манитъ его пальцемъ.

— Есть вашескородье! входя въ комнату и обчищаясь, говоритъ писарь.—Жалоба временно-обязанной крестьянки Викулиной, сельца Завидовки, на побои, нанесенные ей въ пьяномъ видѣ крестьяниномъ того же сельца, Ѳедоромъ Игнатьевымъ.

— Разобрали?

— Разобрали-съ, весело отвѣчаетъ старшина.

— Какъ рѣшили?

— А такъ рѣшили, что малость попужали обоихъ-съ.

— То есть какъ?

— Да то есть хворостомъ, уже совершенно смѣясь отвѣчаетъ старшина.

— А! Это хорошо. Главное, у меня пьянства этого чтобы не было. Слышишь?

— Слушаю-съ.

— Еще что̀?

— Еще-съ... сдѣлавъ шагъ впередъ, доноситъ писарь.— Еще дѣло о загнатіи двухъ свиней съ поросятами, принадлежащихъ удѣльнаго вѣдомства крестьянину Петру Іерасимову.

— Кто загналъ?

— Здѣшній обыватель-съ.

— Да Петръ Герасимовъ жалуется теперь, что такъ какъ, говоритъ, во время загнанія, говоритъ, мальчишкѣ его нанесены были побои...

— Ну!

— Но, а здѣшній обыватель въ показаніи своемъ показалъ, что яко бы то есть ограничился надраніемъ вихровъ-съ.

— Да. Ну, такъ что же теперь?

— Да они, Семенъ Семенычъ, насчетъ того, то есть, пуще сумляваются, вмѣшивается старшина: — что которыя, говоритъ, напримѣръ, эти самыя свиньи теперь загнаты...

— Да...

— То есть неправильно-съ, добавляетъ писарь.

— Это такъ точно, подтверждаетъ старшина. — Почему что какъ у нихъ это смѣшательство вышло, ну, и по замѣтности...

— Вражда эта у нихъ идетъ давно-съ, таинственно сообщаетъ писарь.—И собственно насчетъ бабъ-съ.

— Да что̀ тутъ! Это прямо надо сказать, такую они промежъ себя эту пустоту завели, такую-то пустоту... Ахъ, никакъ самоваръ-отъ ушелъ.

Старшина выбѣгаетъ въ сѣни и приноситъ самоваръ; писарь подаетъ чашки и связку кренделей.

— Какъ же рѣшили это дѣло? спрашиваетъ посредникъ.

— Да никакъ не рѣшили, отвѣчаетъ старшина, выгоняя изъ чайника мухъ. — Кшу, проклятыя! хотѣли было они, признаться, до вашей милости доходить...

— Внушенiе сдѣлано, чтобы не утруждать по пустякамъ, добавляетъ писарь.

— Оштрафовать нужно, рѣшаетъ посредникъ.—Ты ихъ оштрафуй по рублю серебромъ въ пользу церкви. Слышишь?

— Это можно-съ.

Посредникъ завариваетъ чай; Рязановъ читаетъ развѣшанные по стѣнамъ циркуляры и списки должностныхъ лицъ.

— А главное, продолжаетъ посредникъ:—вино. У меня чтобы и духу его не было. Слышишь?

— Слушаю-съ, неохотно отвѣчаетъ старшина.

— Отъ него все и зло, разсуждаетъ посредникъ.

— Это такъ-съ, утверждаетъ старшина.

Писарь сдержанно кашляетъ въ горсть.

— Пьяный человѣкъ на все способенъ. Онъ и въ ухо тебя ударитъ...

— Ударитъ. Это какъ есть.

— И подожжетъ.

— Подожжетъ-съ. Долго ли ему поджечь?

— Вонъ они пожары-то!

— Да, да. О, Господи!

— Народъ толкуетъ, поляки жгутъ...

— Толкуютъ, точно. Ахъ, разбойники!

— Нѣтъ, это не они.

— Да, не они. Гдѣ имъ!

— Это все отъ вина.

— Такъ, такъ. Это все отъ него, отъ проклятаго. А что̀ я васъ хочу спросить, Семенъ Семенычъ.

— Что̀?

— Теперь который мы помѣщику оброкъ платимъ...

— Ну?

— Народъ болтаетъ, колько, говоритъ, ни плати, все равно это, говоритъ, что ничего.

— Да. Пока на выкупъ не пойдете, это все не впрокъ. Вѣкъ свой будете платить и все-таки земля помѣщичья.

— Вотъ что! Значитъ, его же царствiю не будетъ конца.

— Не будетъ. Что-жъ дѣлать? Сами вы глупы.

— Это справедливо, что мы глупы. Дураки! Да еще какiе дураки-то!

— Такъ-то, ребятушки. Сколько я вамъ разъ говорилъ, вздохнувъ говоритъ посредникъ.—Сливки есть?

— Есть-съ.

Старшина приноситъ въ деревянной чашкѣ сливки и вытаскиваетъ оттуда мухъ.

— О, каторжныя! Извольте, Семенъ Семенычъ!

— Что, и у васъ должно быть много мухъ?

— Такая-то муха,—бѣда, почтительно улыбаясь, отвѣчаетъ старшина.—И съ чего только это она берется?

Посредникъ съ Рязановымъ пьютъ чай; старшина смотритъ въ окно; писарь отъ нечего дѣлать приводитъ въ порядокъ лежащія на столѣ бумаги, перья и сургучъ.

Молчаніе.

— Ну, а школа какъ идетъ? спрашиваетъ посредникъ, прихлебывая изъ стакана.

— Слава Богу-съ.

— Учитъ батюшка-то?

— Когда и поучитъ. Ничего.

— Много учениковъ?

— Довольно-таки.

— А сколько именно?

— Да такъ надо сказать... Старшина вопросительно смотритъ на писаря.—Съ пятокъ никакъ есть.

— Вовсе мало-съ, отвѣчаетъ писарь.

— Не такъ, чтобы очённо много-съ, кивая головой докладываетъ старшина.

— Ты за этимъ наблюдай, говоритъ посредникъ: — чтобы непремѣнно учились. Отъ этого для васъ самихъ же польза будетъ.

— Извѣстно, польза-съ. Типерь который мальчикъ грамотѣ знаетъ, и сейчасъ онъ это можетъ напримѣръ всякую книжку читать, и чтò къ чему. Очень прикрасно-съ.

— Да, вотъ кабы побольше грамотныхъ было и пьянства бы меньше. Вмѣсто того, чтобы въ кабакъ идти, онъ сталъ бы книжку читать.

— Книжку. Сейчасъ бы книжку читать. Это вѣрно-съ.

— Отчего же это такъ мало охотниковъ-то учиться?

— А такъ, надо полагать, по глупости это больше-съ.

— Что-жъ, твое дѣло имъ внушить, растолковать.

— Я ужъ довольно хорошо имъ внушалъ и батюшкѣ тоже говорилъ: вы, говорю, батюшка, глядите, посредникъ велѣлъ: такъ чтобы намъ съ вами въ отвѣтѣ не быть.

— А онъ чтò?

— Ну, а онъ,—хорошо, говоритъ, ступай! У меня вонъ, говоритъ, сѣно-то еще не кошено. Вонъ онъ чтò говоритъ. Опять и мужички вотъ тоже изъ того опасаются, что которыхъ грамотныхъ, слышь, всѣхъ угнать въ кантонисты хотятъ.

— Это все вздоръ. Вы этому не вѣрьте!

— Слушаю-съ.

Посредникъ начинаетъ потѣть и вытираетъ себѣ лицо платкомъ.

— А вотъ я забылъ вашей милости доложить: батюшка тутъ приходилъ съ садовникомъ. У нихъ опять эти пустяки вышли.

— Какіе пустяки?

— Изъ телятъ. Зашли батюшкины телята къ садовнику въ огородъ; садовникъ ихъ загналъ, стало быть это, на дворъ заперъ. Батюшка, значитъ, сейчасъ приходитъ, такъ и такъ, какъ ты могъ полковницкихъ телятъ загонять?

— Какихъ полковницкихъ телятъ?

— Да то есть это батюшкиныхъ-то. Онъ такъ считаетъ, что, молъ, полковникъ я.

— Да.

— Ну, теперь это теща его выскочила, телятъ обнаковенно угнали...

— Ну, чтò же?

— Кто ихъ разберетъ? Садовникъ жалится: онъ, говоритъ, у меня на шесть цѣлковыхъ обощіи помялъ, а батюшка теперь за безчестіе, съ него то есть, требуетъ пятнадцать что ли то...

— Пятнадцать цѣлковыхъ, подтверждаетъ писарь.

— За какое же безчестіе?

— Ну, тещу его, слышь, обидѣлъ.

— Какъ же онъ ее обидѣлъ?

— Слюнявой что ли то назвалъ. Ужъ Богъ его знаетъ. Слюнявая, говоритъ, ты, смѣясь объясняетъ старшина.—Ну, а батюшка говоритъ: мнѣ, говоритъ, это оченно обидно. Пятнадцать цѣлковыхъ теперь съ него и требуетъ.

Посредникъ тоже засмѣялся; даже писарь хихикнулъ себѣ въ горсть.

— Ну, это я послѣ разберу, вставая говоритъ посредникъ.—А теперь, братъ, вотъ чтò: вели-ка ты мнѣ лошадокъ привести.

— Готовы-съ

— Молодецъ! говоритъ посредникъ, трепля старшину по плечу. Старшина кланяется, потомъ вмѣстѣ съ писаремъ усаживаютъ посредника въ тарантасъ.

На козлахъ сидитъ мужикъ, лошади земскія.

— Ты дорогу-то знаешь ли?

— Будьте спокойны.

— Гляди, малый, толкуетъ мужику старшина: — чуть что, такъ ты и того, полегоньку.

Мужикъ самоувѣренно встряхиваетъ шапкой.

— А, дуй васъ горой!

Поѣхали.

* * *

— Теперь еще отъ нихъ много и не требуйте, говоритъ Рязанову посредникъ.

— Да я ничего не требую. Впрочемъ и теперь ужъ успѣхи замѣтны значительные.

Разговоръ не клеится. Посредникъ понемногу начинаетъ напѣвать романсъ:

— «Скажите ей, какъ дорого мнѣ стоитъ»... Здорово! между пѣніемъ покрикиваетъ посредникъ встрѣчнымъ мужикамъ.

— «И трудно мнѣ»... Откуда везешь? высунувшись изъ тарантаса, спрашиваетъ онъ у мужика, везущаго бревна. Мужикъ торопливо дергаетъ лошадь и скинувъ шапку кричитъ:

— Изъ Ключей.

— Почемъ покупалъ?

Но уже ничего не слышно, что̀ отвѣчаетъ мужикъ; видно только, что онъ дергаетъ лошадь, разѣваетъ ротъ и машетъ рукою.

— «Скажите ей, какъ стрррашно сердце ноетъ»... снова затягиваетъ посредникъ.

Ѣдутъ полемъ; земскія лошади съ выщипанными хвостами бѣгутъ рѣзво; ноги у нихъ косматыя, уши длинныя.

— Эхъ, вы, гусары, весело покрикиваетъ ямщикъ, постегивая ихъ по рѣзвымъ ногамъ.

Жарко становится. Въ полѣ тишь; на небѣ неподвижно стоятъ бѣлыя облака, съ висящими въ воздухѣ ястребами.

Посредникъ перестаетъ пѣть: одолѣла его дремота; у Рязанова тоже начинаютъ слипаться глаза...

* * *

— Ты что же не кланяешься? а?

Рязановъ открываетъ глаза: деревня; лошади стоятъ, у тарантаса стоитъ мужикъ, посредникъ его спрашиваетъ:

— Отвалятся у тебя руки—шапку снять? а?

Мужикъ молчитъ.

— Мнѣ твой поклонъ не нуженъ, толкуетъ ему посредникъ.—Васъ, дураковъ, вѣжливости учатъ, для вашей же пользы, понимаешь?

— Понимаемъ,—глядя въ поле, отвѣчаетъ мужикъ.

— А вотъ, чтобы ты впередъ помнилъ и со всѣми былъ вѣжливъ, я тебя велю на сутки въ амбаръ. Друзья, обращается посредникъ къ стоящимъ поодаль мужикамъ:—отведите этого невѣжу къ старостѣ и скажите, что, молъ, посредникъ велѣлъ его на сутки въ холодную запереть.

Два мужика подходятъ, берутъ невѣжу подъ руки и ведутъ, не оглядываясь, тихо ведутъ, держа свои шапки подъ мышками. Невѣжа растопырилъ локти и переваливается изъ стороны въ сторону; ноги у него короткія, босыя.

— Трогай, говоритъ ямщику посредникъ.

— Но! милыя, задумчиво вскрикиваетъ ямщикъ.

Ѣдутъ молча.

— Все еще изъ нихъ эту грубость никакъ не выбьешь, смѣясь обращается посредникъ къ Рязанову.

— Да, отвѣчаетъ Рязановъ.

Съѣхали подъ гору. За рѣчкой другая деревня видна. Попадаются мужики изъ поля, конные и пѣшіе съ косами на плечахъ.

— Здорово, ребятушки! Обѣдать, что-ли? спрашиваетъ ихъ посредникъ.

— Обѣдать, кормилецъ.

— Хлѣбъ да соль, вслѣдъ имъ кричитъ посредникъ.

Въѣхали въ деревню. По самой срединѣ улицы лежитъ что̀-то большое, покрытое холстиною.

— Стой! Что̀ это? ямщикъ открой!

Лежитъ мужичье тѣло, въ стоптанныхъ лаптяхъ, брюхо у него раздуло, глаза выпучены; въ головахъ у него чашечка стоитъ, въ чашечкѣ—мѣдныя деньги.

— Эй, баба, что̀ это за тѣло!

— Прохожій, родимый, прохожій. Вотъ ужъ пяты сутки померъ, подходя къ тарантасу, отвѣчаетъ баба.—Богъ его знаетъ, съ чего это онъ такъ-то. Пришелъ съ товарищемъ, началъ разуваться, закатился, закатился...

— Гдѣ-жъ товарищъ?

— Въ избѣ сидитъ, воетъ.

— Сотникъ, донесъ становому?

— Донесъ.

— Что-жъ онъ?

— А Богъ его знаетъ, что онъ.

— Пахнетъ покойникомъ-то?

— И-и, бяда! Ишь, раздуло какъ.

— Ну, царство небесное, вздохнувъ говоритъ посредникъ и бросаетъ въ чашку двугривенный.

— Трогай!

Опять полевая дорога, жара и пыль, вьющаяся изъ-подъ лошадей; чахлый кустарникъ вдоль оврага; мужики, вереницею далеко стоящіе въ травѣ и дружно машущіе косами; жидкій осиновый лѣсокъ, съ кочками, комарами и небольшими лужицами зеленоватой воды между кочекъ. Сейчасъ же за осинникомъ начинается село, разбросанное по косогору; за рѣчкой стоитъ старый помѣщичій домъ, съ сѣрыми стѣнами, зелеными ставнями и развалившеюся деревянною оградою; немного дальше, въ лощинѣ, другой, маленькій, новенькій, съ молодымъ стриженымъ садомъ и съ купальнею на пруду. Дальше еще—барская усадьба; длинный, неуклюжій домъ, съ галлереями, колоннами, выбитыми окнами и провалившеюся крышею; на косогорѣ виднѣется еще домъ, съ соломенною крышею, но все-таки барскій: ходятъ по двору тощія борзыя собаки, клокочутъ индѣйки, попадаются и дворовые люди, съ длинными примазанными висками, въ казакинахъ.

— Помѣщиковъ, помѣщиковъ-то здѣсь... какъ будто всматриваясь во чтò-то, говоритъ посредникъ.

— Много?

— Какъ грибовъ.

— И хорошіе помѣщики? немного помолчавъ, спрашиваетъ Рязановъ.

— Куды къ чорту, хорошіе! Все голь одна. Разорено!... Гроша ни у кого за душой нѣтъ.

— Значитъ, все погибло, кромѣ чести.

— Нѣтъ; тутъ все, тутъ ужъ и честь погибла. Да и какая тамъ честь, когда нечего ѣсть. Повѣрите ли, вдругъ оборачиваясь къ Рязанову, говоритъ посредникъ:—обидно! за своего брата, дворянина, обидно.

— Я думаю.

— Нѣтъ, вѣдь чтò они только дѣлали, если поразсказать;

да и до сихъ поръ что̀ дѣлаютъ съ этими несчастными крестьянами! Вы себѣ представить не можете, что за народъ. Гдѣ только можно прижать мужика, ужъ онъ прижметъ, своего не упуститъ.

— Ну, а мужики-то свое упускаютъ?

— Разумѣется, если правду сказать, и мужикъ себя въ обиду не дастъ: не тѣмъ, такъ другимъ, а ужъ доѣдетъ и онъ помѣщика.

— Стало быть здѣсь происходитъ взаимное доѣзжаніе. Ну, а вы-то что̀ же тутъ?

— Какъ что̀? Да вѣдь роль мирового посредника состоитъ...

— Въ чемъ-съ?

— Ну, въ разбирательствѣ тамъ разныхъ недоразумѣній.

— Изъ-за чего же возникаютъ эти недоразумѣнія?

— Да вѣдь вотъ вы видѣли: изъ-за разныхъ тамъ потравъ и такъ далѣе.

— Однимъ словомъ, изъ-за имущества. Такъ вѣдь?

— Да, такъ.

— То есть одному желательно пріобрѣсть то, чего другой вовсе не желаетъ отдавать. Изъ-за этого?

— Ну, да.

— Такъ въ чемъ же тутъ можетъ быть недоразумѣніе? Въ томъ что ли, что въ душѣ-то я и желалъ бы отдать вамъ эту вещь, но мнѣ кажется, что я не желаю? Такъ что ли?

— То есть какъ?

— Да вотъ я, напримѣръ, возьму у васъ эту подушку и думаю себѣ: не отдамъ я ему; лучше я самъ на ней буду спать. А тутъ приходитъ такой прозорливецъ и говоритъ мнѣ: это— недоразумѣніе. Ты хотя и думаешь, что тебѣ не хочется отдать Семену Семенычу его подушку, но тебѣ это только такъ кажется, а въ душѣ ты самъ этого желаешь и даже послѣ будешь благодарить меня, что я велѣлъ тебѣ возвратить эту вещь ея законному владѣльцу. Такъ-съ?

— Разумѣется, оно... видите ли... да я вотъ вамъ случай разскажу. Есть тутъ у меня въ участкѣ имѣніе, въ которомъ я долженъ сдѣлать разверстаніе угодій; вотъ я и хочу приступить, а земля-то, оказывается, принадлежитъ крестьянамъ съ незапамятныхъ временъ. Дѣды еще ихъ купили на свои кровныя деньги; но такъ какъ они сами тогда были помѣщичьи и не имѣли права владѣть землею, то и купили на имя помѣщика. Тотъ помѣщикъ давно умеръ, а нынѣшній владѣлецъ ничего знать не хочетъ.

— Ну, и что̀ же-съ?

— Да то-съ, что отнимутъ ее у крестьянъ, то есть не отнимутъ, а заставятъ ее выкупать.

— Въ другой разъ?

— Да; въ другой разъ. Что-жъ прикажете?

— А вы-то что̀ же?

— Да я тутъ ничего сдѣлать не могу.

— А губернское присутствіе?

— И оно тоже ничего не можетъ, потому что въ подобныхъ случаяхъ принимаются въ разсчетъ только одни письменные документы. Нѣтъ, мое-то положеніе представьте себѣ! Я говорю крестьянамъ: владѣлецъ желаетъ отдать вамъ вотъ такой-то участокъ, а они мнѣ отвѣчаютъ: да вѣдь это вся земля-то наша.

— И вы увѣрены, что она дѣйствительно имъ принадлежитъ?

— Да какъ же! Совершенно увѣренъ.

— А все-таки говорите, что владѣлецъ даетъ вамъ такой-то участокъ?

— А все-таки говорю. Что̀ жъ дѣлать-то?

— Да. Это дѣйствительно недоразумѣніе. И все въ такомъ родѣ?

— Что̀?

— А недоразумѣнія-то?

— Да почти что.

— Мм...

Въ это время тарантасъ поровнялся съ помѣщичьей усадьбой: новенькій домикъ, крытый соломою *подъ щетку*, вокругъ съ десятокъ молодыхъ липъ; тутъ же неподалеку новая изба, сарай и амбаръ. На дворѣ стоитъ самъ владѣлецъ, сѣдой, въ архалукѣ, безъ шапки, кланяется.

— Мое почтеніе, крикнулъ ему посредникъ и сдѣлалъ ручкою.—Вотъ анаѳема-то, прибавилъ онъ, обернувшись къ Рязанову.—То есть такая треклятая бестія, я вамъ скажу, что вы и въ Петербургѣ ни за какія деньги не сыщете. Замѣчательная бестія! Онъ какія штуки дѣлаетъ, напримѣръ: снялъ онъ полъ-десятины земли у кого-то подлѣ самой дороги, посѣялъ тамъ овса что ли и караульщика посадилъ караулить. Какъ только скотина пойдетъ мимо, ужъ непремѣнно какая-нибудь задѣнетъ, или щипнетъ,—караульщикъ сейчасъ ее цапъ. Потрава! Ну и беретъ штрафъ. Вотъ вѣдь шельма какая! А начнешь ему говорить,—помилуйте, говоритъ, что жъ, вѣдь я человѣкъ не богатый; меня всякій можетъ обидѣть. Я этимъ только и кормлюсь. Ну, что̀ вы тутъ сдѣлаете съ такимъ человѣкомъ? Остается плюнуть.

За усадьбою пошли крестьянскіе зады, съ гумнами и коноплянниками; кузница, мельница на пригоркѣ.

— А вотъ сейчасъ будетъ домъ тоже одного любопытнаго субъекта, объяснилъ посредникъ.—Представьте, онъ что̀ сдѣлалъ: когда полученъ былъ манифестъ объ освобожденіи, и онъ, разумѣется, получилъ, прочелъ, потомъ сейчасъ же заперъ въ столъ и говоритъ своимъ людямъ: «если кто нибудь изъ васъ да посмѣетъ только пикнуть объ этой волѣ,—запорю».

Вправо показался помѣщичій домъ, стоящій задомъ къ лѣсу, выкрашенный дикою краскою, съ бѣлыми разводами. Собаки выскочили со двора и бросились подъ лошадей.

— Знаете что̀?—заѣдемте обѣдать къ одному господину. Мнѣ же кстати нужно къ нему, для соглашенія съ крестьянами.

Рязановъ согласился; посредникъ велѣлъ ямщику завернуть на дворъ. На крыльцо вышла баба, съ лоханкою, выливать помои.

— Дома баринъ? спросилъ ее посредникъ.

— Дома, сказала баба, выплеснувъ помои.

— Ну, тоже и этотъ гусь хорошъ, сказалъ Рязанову на ухо посредникъ, вылѣзая изъ тарантаса.—Нашъ братъ, военный.

Въ передней никого не было, только охотничій рогъ да волчья шкура висѣли на стѣнѣ. Въ залѣ, среди комнаты, стоялъ самъ хозяинъ, еще молодой человѣкъ, съ подвязанной щекой и жаловался на зубную боль.

— Ничего говорить не могу, сказалъ онъ, придерживая щеку.—Садитесь, пожалуйста.

Посредникъ спросилъ его о дѣлѣ и намекнулъ насчетъ обѣда.

— А я вотъ ничего ѣсть не могу третьи сутки: зубъ смерть болитъ. Впрочемъ, я сейчасъ велю.

Подали водки и огурцовъ.

— Вы бы выдернули, посовѣтовалъ посредникъ.

— Ммм... застоналъ хозяинъ и замахалъ рукой.—Боюсь.

Посредникъ вздохнулъ и выпилъ водки; Рязановъ тоже выпилъ. Помолчали. Хозяинъ ходилъ по комнатѣ и плевалъ въ уголъ. Черезъ часъ принесли битки и яицъ въ смятку. Поѣли.

— Нельзя ли кликнуть мужиковъ? спросилъ посредникъ.

Хозяинъ скрылся. Кликнули мужиковъ; посредникъ, вышелъ къ нимъ на крыльцо и началъ соглашать ихъ съ помѣщикомъ. Мужиковъ было немного, всего человѣкъ пять; однако они не соглашались. Посредникъ нѣсколько разъ входилъ въ комнату, весь красный и въ поту, выпивалъ наскоро рюмку водки и, закусывая чернымъ хлѣбомъ, вполголоса говорилъ хозяину:

— Ничего не подѣлаешь. Главное, этотъ, анаѳема, кузнецъ. Да вы прикажите его удалить.

— Ахъ, да вы не слушайте ихъ, дѣлайте что̀ нужно, отвѣчалъ хозяинъ, сходивъ предварительно въ уголъ.

Посредникъ задумался, пожалъ плечами и опять отправился на крыльцо, но черезъ нѣсколько минутъ вернулся, говоря, что мужики еще требуютъ луговъ. Хозяинъ выслушалъ, не говоря ни слова, потомъ вышелъ на крыльцо, сдѣлалъ изъ своихъ пальцевъ какой-то знакъ и молча показалъ его мужикамъ. Мужики посмотрѣли и тоже ничего не сказали.

— Ну, что̀, православные, видѣли луга? сросилъ ихъ посредникъ, когда хозяинъ вернулся въ комнаты.

— Видѣли, отвѣчали мужики.

— Вотъ то-то и есть.

Хозяинъ ходилъ по залѣ, придерживая щеку и покачивая головой изъ стороны въ сторону. Вдругъ онъ повернулся, опять вышелъ къ мужикамъ и, сдвинувъ со рта повязку, сказалъ кузнецу въ самую бороду:

— Вотъ только что у меня зубы, а то бы я тебѣ показалъ. Моли Бога, что зубы болятъ.

Кузнецъ попятился.

Соглашенiе состоялось до заката солнца, и все-таки ничего изъ этого не вышло. Наконецъ посредникъ махнулъ рукой и велѣлъ подавать лошадей.

Поѣхали. Стало смеркаться.

— Куда-жъ теперь ночевать? спросилъ у ямщика посредникъ.

— Да въ волостную, къ Петру Никитичу. Больше некуда.

— Ступай къ Петру Никитичу.

— Тамъ спокой, замѣтилъ ямщикъ.

— Что̀-о?

— Спокой, молъ.

— Чорта тамъ спокой, недовольнымъ голосомъ сказалъ посредникъ. Онъ былъ разстроенъ, но, пріѣхавъ въ волостную, нѣсколько успокоился дѣйствительно.

Писарь, отставной солдатъ, собрался было спать. Зажгли свѣчку, послали за старшиной.

— Поглядите, говорилъ посредникъ Рязанову.—Сейчасъ придетъ Петръ Никитичъ. Вотъ, голова-то, министръ! Что, нерѣшенныя дѣла есть какія-нибудь? спросилъ онъ у писаря, уже стоявшаго на вытяжкѣ у двери.

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе.

— Стало быть все благополучно?

— Точно такъ, вашескородіе.

— Вотъ видите, сказалъ посредникъ Рязанову, самодовольно улыбаясь. Ужъ я напередъ знаю, что у Петра Никитича все въ порядкѣ: ни одной жалобы, ни дракъ, ни пьянства, ничего.

— Что-же, тутъ общество трезвости, что-ли? спросилъ Рязановъ.

— Нѣтъ, какое тамъ общество! Тутъ въ третьемъ участкѣ вздумали было крестьяне зарокъ дать (это еще до меня, впрочемъ): ну, и чѣмъ же кончилось?—передрали только ихъ за это, больше ничего и не вышло. Теперь опять такое пьянство пошло, просто мое почтенье. А здѣсь нѣтъ пьянства, благодаря распорядительности Петра Никитича.

Писарь во все время неподвижно стоялъ у двери и только иногда подходилъ къ столу, ловко плевалъ себѣ на пальцы и, расторопно снявъ со свѣчи, опять уходилъ къ двери; кашлять и сморкаться отправлялся въ сѣни. Въ комнатѣ было душно, маятникъ стучалъ медленно, поскрипывая и задѣвая за что-то, по стѣнамъ сидѣли мухи; на улицѣ далеко гдѣ-то слышалось пѣніе; въ сѣняхъ кто-то возился и сопѣлъ...

— А что, не залечь ли намъ на боковую, зѣвая сказалъ посредникъ, но въ это время, мѣрно стуча сапогами, вошелъ старшина, поклонился и сталъ среди комнаты.

— Вотъ-съ, вотъ вамъ рекомендую, показывая на него рукою, сказалъ посредникъ.

Старшина, небольшой, плотный мужикъ, съ просѣдью и спокойнымъ лицомъ, еще разъ поклонился и, заложивъ руки назадъ, молчалъ.

— Ну, Петръ Никитичъ, какъ у васъ, все благополучно? спросилъ, улыбаясь, посредникъ.

— Все благополучно-съ, степенно отвѣчалъ старшина.

— Что̀ ужъ и говорить про тебя! Развѣ у тебя бываетъ когда-нибудь неблагополучно?

— Случается-съ.

— Ну, полно!

Старшина почтительно улыбнулся.

— Нѣтъ, вотъ я вамъ про него разскажу анекдотъ, говорилъ посредникъ.—Праздникъ тутъ былъ въ селѣ; мужики обыкновенно перепились. А онъ, надо вамъ сказать, заранѣе ихъ предупреждалъ: смотрите, говоритъ, праздникъ придетъ, пить можете, гулять сколько угодно: ну, только чтобы безобразія у меня не было никакого. Хорошо. Вотъ перепились мужики такъ, что многіе валялись на улицѣ. Онъ ихъ всѣхъ велѣлъ подобрать и—въ амбаръ. На другой день у нихъ, разумѣется, голова съ похмѣлья трещитъ. Петръ Никитичъ мой ведетъ ихъ къ церкви, ставитъ на паперть на колѣни и по сту поклоновъ каждому велитъ сдѣлать. Молитесь! я, говоритъ, наказывать васъ не буду, а вотъ помолитесь-ка Богу, чтобы онъ простилъ ваше вчерашнее безобразіе. Ну, тѣ, дѣлать нечего, кладутъ поклоны, а онъ стоитъ да считаетъ. Такъ, я вамъ скажу, мужики мнѣ говорили: лучше бы, говорятъ, онъ намъ по двадцати пяти розогъ далъ, только бы не заставлялъ поклоны класть, потому, понимаете, съ пьяной-то головой каково это? Да, молодецъ, молодецъ Петръ Никитичъ, говорилъ посредникъ, трепля его по плечу.

Петръ Никитичъ спокойно улыбался.

— Ну, братъ, какъ бы намъ теперь постель состроить?

— А я ужъ приказалъ тамъ на дворѣ приготовить. Спокойнѣе будетъ-съ.

— Отлично, братъ.

— Приказовъ никакихъ не будетъ?

— Нѣту, братъ; какіе тамъ приказы? Вотъ завтра ужъ поговоримъ.

Старшина пожелалъ спокойной ночи и ушелъ...

— Ты, братъ, тоже ложись, сказалъ посредникъ писарю.

— Слушаю, вашескородіе, отвѣтилъ писарь и повернулся налѣво кругомъ маршъ—спать. Посредникъ вышелъ. Рязановъ посидѣлъ, посидѣлъ и тоже пошелъ на дворъ. Въ сѣняхъ кто-то бродилъ и шарилъ въ потьмахъ.

— Кто это? спросилъ Рязановъ.

— Это я, сказалъ посредникъ и запѣлъ: тра-ра-та-та.

Рязановъ прошелъ на дворъ. Тамъ подъ навѣсомъ была уже приготовлена постель. Онъ началъ было раздѣваться и вернулся опять въ комнату взять пальто. Въ сѣняхъ онъ наткнулся на ямщика, котораго посредникъ выпроваживалъ, говоря:

— Шелъ бы ты себѣ, любезнѣйшій, спать къ лошадямъ.

— А вотъ я зипунишко захвачу. Агафья, посто-кась, гдѣ онъ тутъ былъ, зипунъ-то у меня? говорилъ ямщикъ соннымъ голосомъ, отыскивая въ потьмахъ зипунъ.—Ахъ, проклятъ онъ будь! Вотъ онъ! Ты на чтò у меня зипунъ унесла? Агафья!..

На другой день, рано утромъ Рязановъ сидѣлъ въ комнатѣ и пилъ чай; въ сѣняхъ посредникъ разговаривалъ съ мужиками, приходилъ въ комнату, прихлебывалъ изъ стакана чай, и опять уходилъ, и все что-то горячился. Мужики все что-то возражали сначала, но потомъ стали стихать больше и больше, наконецъ совсѣмъ стихли; остался только одинъ угрюмый, монотонный голосъ, безстрастно и ровно звучавшій въ отвѣтъ посреднику. Этотъ голосъ не умолкалъ. Посредникъ сталъ горячиться и кричать, голосъ не умолкалъ... Вдругъ:

— Ахъ ты!

Бацъ, бацъ, бацъ—раздалось въ сѣняхъ, и голосъ умолкъ. Тихо стало.

Рязановъ, не допивъ стакана, взялъ фуражку и вышелъ изъ комнаты. Въ сѣняхъ стояла толпа мужиковъ и взбѣшенный посредникъ; поодаль, такъ же спокойно и самоувѣренно, заложивъ руки за спину, стоялъ Петръ Никитичъ.

Рязановъ вышелъ на улицу, завернулъ въ первыя ворота и нанялъ мужика довезти до Щетинина.

Къ вечеру они пріѣхали. Марья Николаевна увидала его въ окно, поблѣднѣла и выбѣжала на крыльцо.

— Чтò случилось? крикнула она, протягивая руки.

— Да ничего, спокойно отвѣчалъ Рязановъ.—Онъ тамъ драться сталъ... Ну, я и уѣхалъ. Богъ съ нимъ!

Щетининъ тоже вышелъ на крыльцо.

— Чтò такое?

— А то, что вотъ онъ... пріѣхалъ, задыхаясь говорила Марья Николаевна.

Она не могла скрыть своей радости.

Щетининъ холодно поглядѣлъ на нее, потомъ на Рязанова и пошелъ въ комнату.

XI.

Марья Николаевна сидѣла въ залѣ за роялью и одною рукою брала аккорды; Рязановъ ходилъ по комнатѣ; прямо въ окна ударяло заходящее солнце.

— Что, Александръ Васильевичъ—ничего вамъ не говорилъ? спросила Марья Николаевна, наклоняясь грудью на рояль.

— Ничего. А что̀?

— Н—нѣтъ. Я такъ только спросила.

Она взяла еще нѣсколько аккордовъ и остановилась.

— А знаете, сказала она:—вы это отлично сдѣлали, что уѣхали отъ него *).

— Что̀ жъ тутъ особенно хорошаго?

— Понимаете, теперь весь уѣздъ про это узнаетъ. Скандалъ. Вотъ что̀ хорошо.

— Я вовсе объ этомъ и не думалъ.

Рязановъ опять началъ ходить. Марья Николаевна, размышляя и улыбаясь въ то же время, говорила про себя:

«Это мнѣ очень, очень понравилось,—потомъ приложила палецъ къ губамъ, еще подумала немного и сказала такъ же тихо:—очень... Вообще все хорошо», потомъ вдругъ ударила по клавишамъ и громко, съ лихорадочною силою заиграла маршъ. Эти звуки въ одно мгновеніе преобразили ее: глаза засверкали, она вся вытянулась, подняла голову и грозно нахмуривъ брови, смѣло бросала свои красивыя загорѣлыя руки. Сдѣлавъ послѣдній внезапный переходъ, она прижала педаль и съ новою силою ударила по клавишамъ. Все лицо ея сіяло небывалою отвагою... Она кинула на Рязанова самоувѣренный, вызывающій взглядъ и остановилась.

Рязановъ тоже остановился.

— Привычка-то что̀ значитъ, сказалъ онъ, подходя къ роялю.—Вотъ вы заиграли маршъ, мнѣ сейчасъ же и представилось, что вотъ тутъ, рядомъ со мной, ходитъ фельдфебель и твердитъ: лѣвой, правой, лѣвой, правой...

---

*) Отъ посредника (см. предыд. главу).

— Что вамъ за охота вспоминать объ этихъ фельдфебеляхъ? съ неудовольствіемъ отвѣтила Марья Николаевна.

— Нѣтъ, изрѣдка ничего. Это освѣжаетъ мысли.

Марья Николаевна посмотрѣла на него и спросила:

— Да вы знаете ли, какой это маршъ?

— Знаю.

— Такъ что̀ же вы говорите!

— Я ничего не говорю.

— Однако вы должны же согласиться, вставая сказала она:—что и марши бываютъ разные.

— Еще бы!

— И этотъ совсѣмъ не то, что дармштадтскій, напримѣръ.

— Разумѣется. Но какой бы онъ тамъ ни былъ, а все-таки маршъ; слѣдовательно, рано или поздно будетъ «стой—ровняйсь» и «смирррно» будетъ; и этого никогда не нужно забывать.

— Я и не забываю.

— То-то же. Стало быть не изъ чего и горячиться.

Марья Николаевна замолчала; постоявъ немного передъ Рязановымъ и соображая что̀-то, она отошла къ окну и взглянула на солнце, которое въ эту минуту кровавымъ пятномъ опустилось надъ лѣсомъ и нижнимъ краемъ своимъ уже касалось его зубчатыхъ верхушекъ; нѣсколько минутъ она прямо, не сморгнувъ ни разу, смотрѣла на солнце, озарявшее все лицо ея грознымъ красноватымъ свѣтомъ.

— Вы понимаете что̀ я дѣлаю? спросила она, не шевелясь.

— Что̀?

— Я хочу *его* переглядѣть.—Она указала на солнце.—Знаете, такая игра есть: кто кого переглядитъ.

Рязановъ ничего не отвѣчалъ; прислонившись плечомъ къ косяку, онъ глядѣлъ на нее сбоку: она по прежнему стояла неподвижно, положивъ обѣ руки на спинку стула и слегка закинувъ голову, вся облитая горячимъ сіяніемъ, и продолжала упрямо, почти съ дерзостью смотрѣть на солнце. Наконецъ лицо ея стало напряженнѣе, брови сдвинулись, она вдругъ быстро заморгала, закрыла глаза руками и отвернулась отъ окна.

— Ну, что̀? спросилъ Рязановъ.

— Не переглядѣла, отвѣтила она и засмѣялась.

Рязановъ тоже отошелъ отъ окна.

— Какая глупость мнѣ пришла въ голову, продолжала она, не открывая глазъ:—когда я смотрѣла на солнце.

Я вспомнила, какъ меня въ дѣтствѣ пугали старикомъ: мнѣ тогда говорили, что и на него тоже нельзя смотрѣть.

— И вы вѣрили?

— Нѣтъ; я и тогда не вѣрила. Мнѣ все это какъ-то смѣшно было. У моей няньки картинка была, на которой былъ нарисованъ старикъ. Нянька меня, бывало, пугаетъ имъ, а я ничего не боюсь. Какъ посмотрю на него, такъ и засмѣюсь.

— А теперь-то вы не боитесь старика?

— Конечно, не боюсь.

— Да такъ ли это? Подумайте-ка хорошенько! Можетъ быть, это вы только такъ храбритесь.

— Какой вздоръ! Не только старика, я и васъ даже не боюсь. Я васъ только... уважаю...

Послѣднее слово она произнесла почти шопотомъ, какъ будто нечаянно обронила его, и въ то же время бросила быстрый пугливый взглядъ на Рязанова.

Онъ стоялъ потупившись и щипалъ свою бороду.

— Пойдемте куда-нибудь, вдругъ сказала она, сдѣлавъ движеніе къ двери.

— Куда же?

— Да куда-нибудь, все равно, только уйдемте отсюда! Рязановъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Что же вамъ здѣсь-то не сидится? Кто вамъ мѣшаетъ?

— Все мѣшаетъ: стѣны, потолокъ, все. Я хочу теперь идти, идти куда-то дальше, дальше...

Она остановилась.

— А вы знаете, что я васъ теперь совсѣмъ не вижу, говорила она, прищурясь.—Вмѣсто лица у васъ теперь зеленое пятно. Ахъ, какъ это странно! Ну, пойдемте же!

Она сбѣжала съ террасы въ садъ и оглянулась: Рязановъ задумчиво и медленно спускался съ лѣстницы, продолжая одной рукой щипать свою бороду.

Въ это время тихими шагами, съ нахмуреннымъ лицомъ, въ залу вошелъ Щетининъ и, засунувъ руки въ карманы, остановился въ дверяхъ; потомъ вышелъ на террасу и началъ было спускаться съ лѣстницы; но на послѣдней ступенькѣ остановился, поглядѣлъ вслѣдъ Марьѣ Николаевнѣ съ Рязановымъ, приложилъ къ носу палецъ, подумалъ и вернулся.

XII.

На дворѣ все еще жары стоятъ; жнитво подошло. У Марьи Николаевны съ Рязановымъ все разговоры идутъ, и конца нѣтъ этимъ разговорамъ.

— Господи, что̀ жъ это такое будетъ? вслухъ разсуждаетъ самъ съ собою Щетининъ, прохаживаясь изъ угла въ уголъ въ своемъ кабинетѣ.

Полдень. На берегу озера, подъ тѣнью, на травѣ сидитъ Рязановъ и, не двигаясь, смотритъ въ воду; солнце печетъ; по ту сторону, изъ-за кустовъ бѣлѣетъ песокъ, поросшій лопушникомъ; у самой воды, пугливо оглядываясь кругомъ, сидитъ цапля; гдѣ-то кто-то въ жилейку дудитъ. Въ двухъ шагахъ отъ Рязанова, прислонившись къ дереву плечомъ, съ зонтикомъ въ рукѣ, стоитъ Марья Николаевна; по лицу ея и по бѣлому платью медленно, почти незамѣтно бродятъ прозрачныя тѣни. Глаза у ней полуоткрыты: ей трудно смотрѣть на свѣтъ; она утомлена зноемъ и тяжкою полуденною тишиною. Они оба молчатъ.

— Когда это лѣто кончится, говоритъ она, безнадежно глядя въ даль.—Хоть бы уѣхать что ли куда-нибудь.

— Не все ли равно: лѣтомъ вездѣ жарко, помолчавъ говоритъ Рязановъ.

— Я воображаю, каково теперь этимъ несчастнымъ бабамъ жать на такой жарѣ.

— Да-а.

— Ужасно!

— Вы бы имъ зонтики купили.

Марья Николаевна нахмуривается, потомъ вдругъ опускаетъ зонтикъ и застегиваетъ его на пуговку.

— Не хочу больше зонтика носить. Полѣ подарю.

Рязановъ улыбается.

— Кому же это на зло?

— Никому, самой себѣ.

— Да вѣдь имъ-то отъ этого не легче.

— Кому?

— Бабамъ-то. Они все-таки безъ зонтиковъ останутся.

Марья Николаевна молчитъ и, крѣпко стиснувъ зубы, порывисто тычетъ зонтикомъ въ землю.

— Зачѣмъ-же вы чужой зонтикъ ломаете?

— Какой чужой?

— Да вѣдь это Полинъ.

— Это... это я не знаю что̀ такое, быстро поднимая голову, говоритъ Марья Николаевна и уходитъ домой.

Сумерки. Рязановъ сидитъ въ своей комнатѣ у окна и, подпершись локтями, смотритъ садъ. Къ окну изъ сада подходитъ Марья Николаевна.

— Что вы тутъ сидите?

Рязановъ подбираетъ свои локти.

— Какая скука!

— А вы бы музыкой занялись.

— Какой вздоръ! Развѣ музыка поможетъ.

— Ну, книжку почитайте!

— Все это не то вы говорите.

— Чего же вамъ нужно?

— Сама не знаю. Мнѣ какъ-то все это... грустно мнѣ очень.

Рязановъ ничего не отвѣчаетъ.

— Понимаете, скороговоркой продолжаетъ она: — я знаю, что все это никуда не годится, что нужно что̀-то такое дѣлать, поскорѣй, поскорѣй... Ну, можетъ быть не удастся... страданіе... Что-жъ такое? Это ничего... По крайней мѣрѣ знаешь, за что̀. А то, что это такое? Я хочу жить. Что же вы молчите?

— Что̀ же мнѣ прикажете говорить?

— Скажите что̀-нибудь!

— Да развѣ на это можно отвѣчать сколько-нибудь основательно: вы сами посудите!

— Да вы хоть такъ, неосновательно отвѣчайте!

— Что же толку-то будетъ?

— Все толкъ, толкъ...

— Странная вы женщина! Да вѣдь сами же вы его добиваетесь.

— Ну, да, да. Разумѣется. Не слушайте меня: я сама не знаю, что̀ говорю. Прощайте!

Вечеръ. На террасѣ сидитъ Марья Николаевна и приготовляетъ чай; Рязановъ на другомъ концѣ просматриваетъ только что привезенныя газеты. Входитъ Щетининъ, бросаетъ на нихъ небрежный взглядъ, стоитъ нѣсколько минутъ на срединѣ террасы, зѣваетъ и говоритъ:

— Однако вечера-то прохладнѣе стали. Сыро, я думаю, гулять.

Молчаніе.

— Не наливай мнѣ чаю: я не хочу, говоритъ онъ женѣ. Она молча отодвигаетъ его стаканъ въ сторону.

— А вы хотите? спрашиваетъ она Рязанова.

— Что-съ? очнувшись, спрашиваетъ онъ.

— Чаю хотите?

— Хочу.

Онъ подходитъ къ столу и, всматриваясь въ Щетинина, подвигаетъ себѣ стулъ.

Щетининъ задумчиво стучитъ по столу пальцами.

— Ну, что̀ въ газетахъ? спрашиваетъ онъ, не глядя на Рязанова.

— Да ничего особеннаго; по части внутреннихъ дѣлъ все хорошо: усмиреніе идетъ успѣшно, крестьяне освобождаются, банки учреждаются, земскія собранія собираются. Ну, а въ европейской политикѣ небольшое замѣшательство вышло, по случаю того, что Наполеонъ опять имѣлъ съ Бисмаркомъ дружеское шептаніе.

Марья Николаевна улыбается; Щетининъ сидитъ, опершись на руку щекою, и смотритъ на лепешки; потомъ беретъ одну изъ нихъ, разламываетъ и говоритъ:

— Какъ этотъ Степанъ сталъ скверно лепешки печь,— просто ни на что̀ не похоже: точно деревянныя.

На это никто ничего не отвѣчаетъ.

— Маша, ты хоть бы сказала ему, что ли.

— Ты бы самъ сказалъ.

Щетининъ, не поворачивая головы, а поднявъ только брови и скосивъ глаза, долго смотритъ на жену; она очень внимательно пьетъ чай.

— О-охо-хо, насильно зѣваетъ Щетининъ. — Когда же это мы въ лѣсъ-то соберемся, опять заговариваетъ онъ, немного погодя.—Собирались, собирались, такъ и не собрались. Вотъ и Иванъ Павлычъ съ женою тоже хотѣли съ нами.

— Что̀ за лѣсъ, вполголоса замѣчаетъ Марья Николаевна.

— Нѣтъ; оно бы хорошо, знаешь, съѣздить эдакъ чаю напиться, отдохнуть. А? Какъ ты думаешь, Рязановъ?

— Да, ничего.

— Ну, вотъ видишь! Вотъ и онъ тоже согласенъ, Маша!

— Что?

— И онъ съ нами поѣдетъ!

— Ну, и пусть его ѣдетъ. Мнѣ-то какое дѣло?

— Да вѣдь ты прежде сама это любила.

— Прежде!..

— Нѣтъ; я думалъ... однимъ словомъ... чортъ знаетъ, ужасно какъ-то здѣсь... душно, внезапно сдергивая съ себя галстухъ, говоритъ Щетининъ и вставая изъ-за стола.

— Вотъ осень придетъ, разсуждаетъ онъ самъ съ собою, стоя уже на другомъ концѣ террасы и глядя въ садъ:— здѣсь еще нужно акацій подсадить, а то пусто какъ-то оно... выходитъ. Опять эти мужики проклятые, раздражительно произноситъ онъ, замѣтивъ подходящихъ къ крыльцу мужиковъ:—когда они меня оставятъ въ покоѣ? говоритъ онъ, хватаясь за голову, и уходитъ.

На террасѣ опять наступаетъ молчаніе. Рязановъ, прочитавъ письмо, разсматриваетъ конвертъ.

— Что̀ вы разсматриваете? спрашиваетъ его Марья Николаевна.

— Печать смотрю. Скверный какой нынче сургучъ стали дѣлать.

— А что̀?

— Да не держится.

— Послушайте, сколько стоитъ дорога отсюда до Петербурга?

— Это смотря по тому, какъ ѣхать.

— Ну, самый дешевый способъ?

— Рублей пятьдесятъ.

— Только-то! Это ничего.

— Ужъ вы не собираетесь ли?

— Н-не знаю. А что̀?

— Ничего...

Марья Николаевна пристально всматривается въ него.

— А что̀ бы вы сказали, если бы я поѣхала?

— Ничего бы не сказалъ. Я не знаю зачѣмъ бы вы поѣхали.

— Не знаете?

— Не знаю.

— Гм.

Марья Николаевна придаетъ своему лицу небрежное выраженіе, встаетъ изъ-за стола и, напѣвая что̀-то, подходитъ къ периламъ террасы; долго стоитъ, опершись обѣими руками, и прищурясь всматривается въ картину широко раскинувшуюся позади сада: на синія озера, подернутыя вечернимъ туманомъ, на лиловатыя кучи столпившихся на западѣ облаковъ и блѣдное, мало-по-малу холодѣющее небо... Въ саду наступила тихая, росистая ночь и на дворѣ совсѣмъ стало тихо; только слышно, какъ во флигелѣ Иванъ Степанычъ играетъ на скрипкѣ «Коль славенъ нашъ»...

— Любили вы когда-нибудь прежде? вдругъ оборачиваясь къ Рязанову, спрашиваетъ Марья Николаевна.

— Нѣтъ.

Она долго и недовѣрчиво смотритъ ему въ лицо.

— Отчего?..

— Некого было.

Она медленно поворачивается къ нему спиною и, нагнувшись лицомъ къ периламъ, почти шопотомъ спрашиваетъ:

— А теперь?..

— Н-н...

— Хоть бы ужинать, что ли? неожиданно входя въ двери, говоритъ Щетининъ.

Воскресенье. Утромъ, послѣ обѣдни, пришелъ батюшка и принесъ Марьѣ Николаевнѣ просвирку. Подали завтракъ.

— Въ церковь что рѣдко жалуете? спросилъ ее батюшка.

— Не хотите ли водочки? спросила она батюшку.

Онъ на это ничего не сказалъ, только крякнулъ и, засучивъ рукавъ, потянулся къ графину.

— Жарко, батюшка, сказалъ Щетининъ.

— Тепло-съ, отвѣтилъ онъ, намазывая масло.

Щетининъ ходилъ по комнатѣ; Марья Николаевна сидѣла за столомъ и разсѣянно крошила хлѣбъ.

Выпивъ рюмку, батюшка откусилъ кусокъ хлѣба и, поглядѣвъ на слѣды своихъ зубовъ, оставшихся на маслѣ, спросилъ:

— А этотъ господинъ... студентъ... все еще здѣсь проживаетъ?

— Здѣсь, глухо отвѣтилъ Щетининъ и сейчасъ же спросилъ батюшку:

— Какъ дѣла ваши?

— Что̀ дѣла-съ! Дѣла худы.

— Что̀ такое?

— Съ коровой съ своей никакъ не соображусь: молока не даетъ, и такъ надо думать, что лишится она молока совсѣмъ. Да и попадья что-то не тово: животомъ все жалуется.

— Это не хорошо, замѣтилъ Щетининъ и опять пошелъ ходить изъ угла въ уголъ.

— Утомился, сказалъ батюшка, усаживаясь за столъ.— О, Боже мой! День-то жаркій, да и сверхъ того проповѣдь сказывалъ.

— Какую проповѣдь? съ участіемъ спросилъ Щетининъ, очевидно думая о другомъ.

— Такъ небольшое слово сказалъ. Да и слово-то, признаться, давно ужъ оно завалялось у меня, старое слово, отъ тестя покойника досталось мнѣ. Ну, все-таки, какъ бы то ни было. Нельзя. Строгости эти пошли...

— О чемъ же слово-то? спросила Марья Николаевна.

— О любомудріи-съ.

— О чемъ?

— О любомудріи, сударыня, отчетливо повторилъ батюшка.

— Это что̀ же такое? Это значитъ, если кто любитъ мудрить, что ли? улыбаясь спросила она.

— Н-да-съ; мудрить! тоже улыбаясь, отвѣтилъ батюшка.— Сами знаете, какое нынѣ время. Мнѣ вонъ онамедни въ городѣ каѳедральный протопопъ сказывалъ,—преосвященный его призывалъ,—ужъ онъ, говоритъ, ужъ онъ, говоритъ, мнѣ пѣлъ, пѣлъ: такъ я, говоритъ протопопъ,—вы какъ думаете?—насилу ушелъ; дверей-то, говоритъ, не найду. Не найду дверей и шабашъ. Спасибо, служка указалъ. Такъ вотъ оно какое дѣло. Гордость-то насъ до чего доводитъ, заключилъ батюшка, обращаясь къ Щетинину.

— Да, замѣтилъ Щетининъ.

— Не хотите ли еще? спросила его Марья Николаевна, указывая на графинъ.

Батюшка посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ.

— Гм. Да какъ вамъ сказать? Оно точно что... Съ горя нешто? Ха, ха, ха!

Батюшка налилъ рюмку и, поглядѣвъ въ нее на свѣтъ, спросилъ:

— Дворянская?

— Дворянская, отвѣтилъ Щетининъ.

— Пронзительная, шутъ ее возьми! замѣтилъ батюшка, покачавъ головой, потомъ выпилъ и съ рѣшимостью отодвинулъ отъ себя графинъ.

— Ну ее къ Богу!

— Да, строго, строго нынче на счетъ этихъ порядковъ, говорилъ онъ, нюхая корку.—Ффъ! строго.

— Безъ строгости нельзя, проходя мимо стола, разсѣянно сказалъ Щетининъ.

Батюшка обернулся.

Щетининъ все ходилъ по комнатѣ, повидимому чѣмъ-то сильно озабоченный и почти не обращалъ вниманія на то, что̀ вокругъ него происходитъ. Онъ время отъ времени останавливался, разсѣянно смотрѣлъ въ окно, ерошилъ себѣ волосы съ затылка, говорилъ самъ себѣ «да» и опять принимался ходить. Марья Николавна равнодушно слѣдила за нимъ глазами и вообще имѣла скучающій видъ; батюшка замолчалъ, началъ вздыхать и вдругъ собрался уходить. Въ то же время вошелъ Рязановъ. Марья Николавна оживилась и предложила ему идти провожать батюшку. Разановъ согласился. Марья Николавна взяла зонтикъ, но сейчасъ же его бросила и торопливо повязала себѣ на голову носовой платокъ. Пошли. Сходя съ лѣстницы, батюшка покосился на Рязанова, потомъ на Марью Николаевну и, вздохнувъ, сказалъ:—грѣхи!

Едва успѣли они отойти отъ крыльца, какъ Марья Николаевна, поровнявшись съ Рязановымъ начала его спрашивать:

— Гдѣ же вы вчера цѣлый день пропадали? Что же я васъ не видала?

— Марья Николаевна! крикнулъ сзади батюшка.

Она оглянулась. Батюшка прищурилъ одинъ глазъ и, поднявъ палецъ кверху, сказалъ:

— Не довѣряйтесь ему: обманетъ!

Она улыбнулась и опять заговорила съ Рязановымъ.

— А я вчера васъ въ саду искала.

Они вышли на улицу.

— Поведенія худого, разсуждалъ батюшка, идя позади.

Разставшись съ батюшкой, они долго шли рядомъ и оба молчали. Тропинка, по которой они шли, вывела ихъ къ мельницѣ. Запертая, по случаю праздника, вода глухо шумѣла внизу, пробираясь сквозь щели затвора; въ прудѣ полоскались утки. Перебравшись черезъ плотину, они очутились по ту сторону рѣки, на песчаномъ берегу, въ кустарникѣ. Высоко стоящее солнце жарко палило широкіе заливные луга, усѣянные зелеными кочками, и темныя, подернутыя зеленою плѣсенью воды; сквозь прозрачно-волнующійся воздухъ четко виднѣлся противоположный гористый берегъ, густо заросшій мелкимъ лѣсомъ и залитой яркимъ полуденнымъ свѣтомъ. Марья Николаевна остановилась въ кустахъ и сѣла на траву. Рязановъ тоже сѣлъ.

— Славно какъ здѣсь! сказала она, усаживаясь въ тѣни.

Рязановъ опустился на одинъ локоть и посмотрѣлъ вокругъ. Марья Николаевна подумала и улыбнулась.

— Какъ это странно, сказала она:—что меня все это теперь только забавляетъ. Право. И этотъ попъ. Прелесть какъ весело!

Она повернулась къ водѣ, ярко блиставшей между кустовъ, и жадно потянула въ себя свѣжаго воздуха.

— Хорошо здѣсь, повторила она: — прохладно; а тамъ, видите, на горѣ какой жаръ? Деревья-то. Видите, какъ они стоятъ и не шевелятся. Ихъ совсѣмъ сварило зноемъ. А?

— Вижу.

— И трава вся красная... прищуриваясь и всматриваясь, говорила она.—Мелкая травка... а тамъ точно лысина на бугрѣ. Вонъ лошадь въ орѣшникѣ! Видите, пѣгая лошадь стоитъ? И ей бѣдной тоже тяжко... Хорошо бы теперь, помолчавъ продолжала она:—хорошо бы, знаете что̀? на лодкѣ уѣхать туда вверхъ по рѣкѣ; заѣхать подальше, подальше и притаиться тамъ въ камышахъ. Тихо тамъ какъ!... А? Поѣдемте, вдругъ сказала она, рѣшительно вставая.

— Что это̀ вамъ вздумалось? Да и лодка-то разсохлась, течетъ.

— Такъ что-жъ такое?

— Намочитесь.

— Вотъ еще! Велика важность.

— Какъ хотите.

— Мы вотъ что̀ сдѣлаемъ: заѣдемъ туда, за острова, и пустимъ лодку по теченію; пусть она несетъ насъ, куда хочетъ.

— Да вѣдь дальше плотины не уѣдемъ. Опять сюда же насъ принесетъ.

— А впрочемъ... сообразивъ, сказала она:—впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ ужъ это я что-то очень... разфантазировалась. Пойдемте! Домой пора. Но мнѣ все-таки весело, начала она опять, когда они прошли черезъ плотину:—мнѣ сегодня какъ-то особенно легко. Мнѣ хочется со всѣми помириться, простить всѣмъ моимъ врагамъ. Вѣдь можно! Какъ вы думаете? Только на одинъ день заключить временное перемиріе? На одинъ день? а? Вѣдь можно?

— Да вы знаете ли, зачѣмъ хорошіе полководцы заключаютъ временныя перемирія?

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы подъ видомъ дружбы высмотрѣть непріятельскую позицію и дать отдохнуть войскамъ.

— Ну, и я хочу высмотрѣть позицію: пойдемте по селу, смѣясь сказала она и, свернувъ съ дороги, пошла мимо амбаровъ въ солдатскую слободу.

— Съ кѣмъ же это вы воюете? любопытно знать, спросилъ Рязановъ.

— Сама съ собой пока.

— А!

Мѣсто, по которому они шли, было глухое, не смотря на то, что находилось вблизи большого села: какой-то косогоръ, внизу лужа съ навозными берегами, навозный мостокъ. Въ лужѣ, подобравъ портчёнки, бродили ребята; по берегу торчали кривыя ощипанныя метлы; сквозь ихъ жидкіе листья бѣлѣли крошечныя, сбитыя въ кучу, криво лѣпившіяся по косогору мазанки одинокихъ солдатокъ, съ огородами, въ которыхъ тоже кое-гдѣ стояли обломанныя и загаженныя птицами деревья; съ разоренныхъ плетней шумно кинулись воробьи. Дальше въ одну сторону пошелъ оврагъ, заросшій чахлымъ кустарникомъ; въ оврагѣ валялась ободранная собаками дохлая лошадь. Въ другую сторону—крестьянскія гумна и села.

Марья Николаевна остановилась на площадкѣ и, поднявъ руку надъ глазами, посмотрѣла кругомъ.

— Какъ я, однако, давно не была здѣсь, сказала она, какъ будто удивляясь чему-то. И чѣмъ дальше они шли, тѣмъ серьезнѣе становилось ея лицо, тѣмъ внимательнѣе и тревожнѣе начала она оглядываться по сторонамъ, какъ будто она нечаянно зашла въ какое-то незнакомое мѣсто, какъ будто она припоминаетъ что-то и не узнаетъ, совсѣмъ не узнаетъ, куда это она попала...

Пустынная сельская улица, ярко освѣщенная солнцемъ, была мертва и безлюдна: мужики кое-гдѣ лѣниво слонялись у воротъ; бабы и дѣвки, притаившись въ тѣни, шарили въ головѣ другъ у дружки; маленькія дѣвчонки забрались въ новый избяной срубъ и, сидя въ немъ, что есть мочи визжали какую-то пѣсню; на крышахъ неподвижно торчали ошалѣвшія отъ зноя галки.

Марья Николаевна сняла съ головы платокъ и пошла по холодку край дворовъ. Рязановъ шелъ за нею слѣдомъ, глядя въ землю.

Въ одномъ проулкѣ, у плетня, кучей сидѣли дѣвки и затянули было «охъ и ужъ и что»... но, замѣтивъ господъ, остановились. Марья Николаевна подошла къ нимъ и ласково спросила:

— Что-жъ вы остановились?

Дѣвки встали.

— Что-жъ вы не поете?

Дѣвки, ничего не отвѣчая, глядѣли по сторонамъ.

— Мы бы вотъ послушали, уже не такъ твердо прибавила Марья Николаевна.

Дѣвки вдругъ начали фыркать, зажимать себѣ носы и прятаться другъ за дружку.

Марья Николаевна съ сожалѣніемъ поглядѣла на нихъ, потомъ взглянула на Рязанова и пошла дальше.

Дѣвки захохотали. Марья Николаевна оглянулась: онѣ затихли и вдругъ всею кучею бросились бѣжать отъ нея на гумно. Марья Николавна слегка нахмурилась и пошла.

Миновавъ нѣсколько дворовъ, она остановилась и начала присматриваться къ избѣ. Изба была ветхая, съ однимъ окномъ, подпертая съ двухъ сторонъ подпорками; въ отворенныя ворота глядѣла старая слѣпая кобыла, съ отвисшею нижнею губою и выдерганною гривою. Она стояла въ самыхъ воротахъ и, качая головою изъ стороны въ сторону, потряхивала ушами. Тутъ же передъ избою стоялъ мальчикъ лѣтъ четырехъ и держалъ длинную хворостину въ рукахъ.

Марья Николаевна подошла къ мальчику и погладила его по головкѣ: мальчикъ не трогался съ мѣста и не шевелился.

— Гдѣ твоя мать? спросила его Марья Николаевна.

Онъ ничего не отвѣтилъ и даже не поглядѣлъ на нее, только поднялъ плечи кверху и сталъ языкомъ доставать свою щеку; потомъ бросилъ хворостину и ушелъ въ избу. Марья Николаевна взглянула въ ворота: на дворѣ валялся всякій хламъ, на опрокинутой сохѣ сидѣла курица.

— Мамка ушла къ тетки Матлéни, вдругъ крикнулъ тотъ же мальчикъ изъ окна.

Марья Николаевна подошла къ окну; но въ избѣ было темно и со свѣту ничего нельзя было разглядѣть; только пахло холодною гарью и слышно было, что гдѣ-то тамъ плачетъ еще ребенокъ. Марья Николаевна начала всматриваться и понемногу разглядѣла черныя стѣны, зипунъ на лавкѣ, пустой горшокъ и зыбку, висящую середь избы; въ зыбкѣ сидѣлъ ребенокъ, весь облѣпленный мухами. Онъ пересталъ кричать и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Марью Николаевну; мальчикъ, котораго она видѣла у воротъ, дергалъ зыбку и приговаривалъ:

— Чу! Мамка скола плидетъ. Чу!

— Это братъ твой, что-ли? спросила Марья Николаевна.

— Это Васька, отвѣтилъ мальчикъ.

Мальчикъ, сидѣвшій въ зыбкѣ, ухватился руками за ея края и покачивался изъ стороны въ сторону, вытаращивъ испуганные глаза на Марью Николаевну,—посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и вдругъ закашлялся, заплакалъ, закричалъ...

— Онъ у насъ хваляитъ, замѣтилъ мальчикъ и опять принялся его качать.

Марья Николаевна хотѣла было еще чтò-то спросить, но поглядѣла въ окно, подумала и пошла. У воротъ попрежнему стояла слѣпая кобыла и, потряхивая ушами, беззаботно шлепала своею отвисшею губою.

Рядомъ съ этою избою стояла другая, точно такая же; и дальше все то же: гнилыя сѣрыя крыши, черныя окна, съ запахомъ гари и ребячьимъ пискомъ, кривыя ворота и дырявые, покачнувшіеся плетни, съ висящими на нихъ посконными рубахами. Людей совсѣмъ почти не видно было, только среди улицы стоялъ, выпучивъ безсмысленные глаза и развѣсивъ слюни, Мишка дурачокъ и покачиваясь тянулъ: лэ-лэ̆-лэ...

Марья Николаевна шла все скорѣе и скорѣе, опустивъ глаза и стараясь, по возможности, не взглядывать по сторонамъ.

— Что вы пріуныли? шутя спросилъ ее Рязановъ.

Она ничего не отвѣтила, только вскинула на него своими черными, печальными глазами и опять сейчасъ же опустила ихъ въ землю.

— А какъ же перемиріе-то? Или ужъ раздумали!

— Раздумала, тихо сказала она, кивнувъ головою, и пошла еще скорѣе.

Въ самомъ концѣ села, у волостного правленія толпился народъ. Марья Николаевна остановила какую-то старуху и спросила ее:

— Что̀ это они тамъ дѣлаютъ?

— А Господь ихъ знаетъ, родима. Должно судьбишша у ихъ тамъ идетъ. Промежъ себя что-нибудь.

Марья Николаевна пошла было прямо, но потомъ остановилась и, сообразивъ, обошла вокругъ пожарнаго сарая, подкралась сзади къ плетню и посмотрѣла. Рязановъ подошелъ и тоже сталъ смотрѣть; сквозь щели было видно все, что̀ происходитъ на дворѣ: на крылечкѣ въ рубашкѣ сидѣлъ старшина; неподалеку отъ него, опершись на палочки, стояли старики въ затасканныхъ шляпенкахъ, съ мѣдными бляхами на зипунахъ; дальше толпился народъ. Время отъ времени на крыльцѣ появлялся писарь, спорилъ съ мужиками, кричалъ кому-то: «нѣтъ, ты поди сперва почешись! Почешись поди, знаешь, гдѣ? а потомъ ужъ я съ тобой буду разговаривать»,— и опять уходилъ. Мужики что̀-то кричали ему вслѣдъ и спорили между собою. Сначала ничего нельзя было разобрать,— но потомъ понемногу дѣло разъяснилось: споръ шелъ о податяхъ, спорилась и горячилась собственно толпа, должностныя же лица въ это дѣло не мѣшались: старшина, сидя на приступочкѣ, зѣвалъ и разсѣянно посматривалъ по сторонамъ, старики разговаривали между собою, ковыряя батожками землю. Но тутъ же, у стѣны, только поодаль отъ прочихъ, стояли еще два мужика безъ шапокъ и въ споръ не вступались. Одинъ изъ нихъ, высокій, черноватый, съ широкимъ, угрюмымъ лицомъ, скрестивъ на груди руки и подавшись немного впередъ, внимательно вслушивался въ говоръ толпы, тревожно поворачивалъ голову то правымъ, то лѣвымъ ухомъ и въ то же время то поднималъ, то опускалъ, то сдвигалъ свои густыя черныя брови; у другого лицо было совсѣмъ бабье, дряблое, съ жиденькою бѣлокурою бороденкою и маленькими красными глазками. Онъ преспокойно смотрѣлъ вверхъ и очень внимательно слѣдилъ за воробьями, какъ они скачутъ по крышѣ пожарнаго сарая и что мочи орутъ, стараясь отнять другъ у дружки какую-то корку. Ему даже это смѣшно стало...

— Ну, такъ какъ же, братцы? громко спросилъ одинъ старикъ, отходя отъ стѣны и оглядывая всю толпу.—Колько ни толкуй, а видно тово...

Оба мужика встрепенулись—и вытянулись.

— Да нѣтъ, ты погоди! Нѣтъ, постой, опять заговорили въ толпѣ.

— Чаво стоять-то? Отбузунилъ ихъ, да и къ сторонѣ.

— Знамо. Рожна ли тутъ еще? подтвердилъ другой.

— Имъ потачки давать нечего.

— Зачѣмъ потачку давать?

— Чтò на нихъ глядѣть? Да пра.

— Гляди—не гляди, а подать за нихъ все плати.

— Ишь они ловки!

— Міръ за нихъ плати, а они этому и рады.

— Что-жъ, неужели имъ теперь плакать? Ахъ, братцы мои, пошутилъ кто-то.

Всѣ засмѣялись, даже старшина полюбопытствовалъ:

— Чаво это?

— А мы про то, ваше степенство, что молъ попужать ихъ маненько. Эдакъ то лучше, скромно доложилъ одинъ маленькій мужичокъ.

— Это не вредно, подтвердилъ старшина и опять зѣвнулъ.

— Для страху, чтобы страхъ знали, замѣтилъ одинъ старикъ.

— Опосля сами благодарить станутъ, прибавилъ мужичокъ.

— Обнаковенно.

Вдругъ всѣ замолкли: совсѣмъ тихо стало, только слышно, какъ старикъ какой-то кашляетъ и кто-то все еще бормочетъ про себя недовольнымъ голосомъ: «ишь-ты... на-ка что... такъ-то»... Чернобровый мужикъ притаился и, зажмуривъ глаза, не трогался съ мѣста; другой, съ полуоткрытымъ ртомъ и наклоненною на бокъ головою, тоже остался недвижимъ... Но тутъ старшина всталъ и потягиваясь произнесъ:

— Что-жъ, драть такъ драть; чорта ли прохлажаться?

Народъ колыхнулся; неплательщики, стоявшіе у стѣны, оба въ одно время взглянули на старшину и потупились. Опять начался безтолковый говоръ, кто-то крикнулъ: «погодить бы», но уже никто никого не слушалъ, толпа задвигалась; мужики всходили на крыльцо, путались, нѣкоторые пошли вонъ изъ воротъ. Изъ правленія вышелъ сотскій, неся подъ мышками два пучка хворосту; передъ крыльцомъ опросталось мѣсто.

— Кого впередъ? спросилъ одинъ десятскій, снимая съ себя зипунъ и разстилая по землѣ. Толпа разступилась, потому что въ это время одинъ изъ неплательщиковъ (чернобровый) продирался однимъ плечомъ впередъ, выпучивъ глаза и съ ожесточеніемъ потряхивая бородой; маленькій выборный мужичокъ держалъ его за рукавъ. Въ то же время на этого черноброваго мужика наскочили двое и хотѣли его повалить; но онъ отчаянно замахалъ руками и повалился передъ стариками на колѣни, безъ толку мотая головой и говоря захлебывающимся голосомъ:

— Отцы! голубчики! кормильцы! батюшки!

Позади его, слезливо посматривая на стариковъ и придерживая рукою гашникъ, стоялъ другой неплательщикъ.

— Клади его, тихо сказалъ старшина...

Чернобровый мужикъ заметался, но на него навалилось нѣсколько человѣкъ, окружили, толпа осѣла по середкѣ и глухо завозилась надъ нимъ; «батюшки», въ послѣднiй разъ, но уже тихо, какъ будто подъ землею простоналъ тотъ же голосъ; толпа отшатнулась, что̀ то жикнуло и вслѣдъ за тѣмъ раздался дикiй, безобразный крикъ...

Марья Николаевна взвизгнула и въ ужасѣ, схвативъ себя за голову, бросилась отъ плетня. Она бѣжала безъ оглядки, заткнувъ себѣ уши, по улицѣ, мимо церкви, сбивая съ ногъ встрѣчныхъ, ничего не видя, добѣжала домой, бросилась въ свою комнату, упала на кровать и зарыдала. Къ ней вошелъ Щетининъ:

— Что̀ съ тобой? Что̀ случилось?

Она махнула рукой:

— Уйди! Всѣ уйдите!..

XIII.

Марья Николаевна цѣлый день не выходила изъ своей комнаты; Щетининъ взъерошивалъ себѣ волосы и ломалъ руки; наконецъ велѣлъ накрывать на столъ и послалъ Рязанова звать обѣдать, а самъ въ волненiи ходилъ по комнатѣ,—и не выдержалъ,—пошелъ къ нему во флигель; но встрѣтился съ нимъ на крыльцѣ, взялъ его подъ руку и повелъ въ залу. Войдя въ комнату, онъ поглядѣлъ на дверь и, путаясь въ словахъ, сказалъ:

— Послушай! Ты знаешь между нами тамъ... несходство въ убѣжденiяхъ, но это ничего не значитъ... Я тебѣ вѣрю. Слышишь ли?

— Ну, слышу.

— Я знаю, что... ты меня обманывать не станешь... Мое положеніе... Ты понимаешь, войдя въ мое положеніе, какъ это для меня важно знать причину того, что̀ тутъ вышло. Я увѣренъ, что ты объяснишь мнѣ все. Ты мнѣ этимъ докажешь свою... дружбу.

— Это я могу.

— Растолкуй же мнѣ, сдѣлай милость, что̀ это съ ней случилось. Какая причина?

— Причина очень простая, спокойно отвѣчалъ Рязановъ:— увидала, какъ мужика дерутъ!

— И больше ничего?

— Больше ничего.

— Честное слово?

— Чудакъ! Да вѣдь самъ же ты сказалъ, что мнѣ вѣришь.

— Да!..

Щетининъ хлопнулъ себя по лбу.

— Пойдемъ обѣдать, прибавилъ онъ вздохнувъ.—А я-то сдуру вообразилъ... Впрочемъ, и ты, братъ, хорошъ, говорилъ онъ весело, садясь за столъ.—Какъ же это ты позволилъ ей присутствовать при этой экзекуціи?

— То есть какъ?

— Почему жъ ты ее не увелъ оттуда?

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь согласись, что... такая картина хоть кого перевернетъ.

— Ну такъ что: жъ?

— Да вѣдь ты съ ней былъ?

— Такъ ты-то что̀ же думалъ? Ты надѣялся, что я съ твоею женою поступлю въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступаютъ осторожныя маменьки съ своими неопытными дочками, то-есть дастъ ей книжку и говоритъ:—на вотъ, душенька, это ты можешь читать, а вотъ что̀ пальцемъ закрыто, того тебѣ нельзя. Такъ я тебѣ скажу, другъ любезный, что, во первыхъ, я за это никогда не брался, а во вторыхъ, такой штуки, братъ, пальцемъ не закроешь.

— Да ну, положимъ, что по твоему оно можетъ быть и такъ, только все же... да, какъ ты хочешь неприлично наконецъ.

— А! ну, это ужъ твое дѣло. Напрасно же ты ей прежде не внушалъ, что благородной дамѣ неприлично смотрѣть на мужиковъ въ то время, когда ихъ порютъ.

Въ продолженіе дня Щетининъ нѣсколько разъ подкрадывался къ жениной комнатѣ и прислушивался, но, ничего не разслышавъ, объявилъ прислугѣ, что барыня почиваетъ, и не велѣлъ ее безпокоить. Вечеромъ онъ вздумалъ было заняться дѣломъ, но не могъ: порылся въ бумагахъ, постучалъ на счетахъ, взялъ книгу, почиталъ... Нѣтъ, что-то не читается; началъ лампу поправлять: вертѣлъ, вертѣлъ ее, только и сдѣлалъ, что начадилъ полную комнату, наконецъ погасилъ совсѣмъ, зажегъ свѣчу, отобралъ нѣсколько нумеровъ газетъ и, осторожно ступая, отправился въ залу. Въ залѣ цѣлый день были заперты окна, а потому было душно какъ въ банѣ и пахло какъ-то странно, краской не краской, а скорѣе больницею. Щетининъ открылъ окна, сѣлъ у стола и долго просидѣлъ такъ, съ газетою на колѣняхъ, присматриваясь къ своей собственной залѣ и безпрестанно прислушиваясь къ чему-то.

Поздно вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, вошелъ Иванъ Степанычъ.

— Тише, тише, махая рукой, шопотомъ сказалъ ему Щетининъ.—Вамъ что̀?

— Пожалуйте ружье!

Щетининъ удивился.

— Зачѣмъ?

— Чего-съ?

— Зачѣмъ вамъ ружье?

— Для собаки съ. По селу бѣшеная собака ходитъ, такъ нужно ее застрѣлить.

— Какъ же вы теперь ее застрѣлите: темно.

— Я завтра пораньше. Да еще вѣдомости одолжите, когда прочтете. Мнѣ тамъ очень желательно продолженіе на счетъ стриженыхъ дѣвокъ. Читали, какъ ихъ ловко отдѣлываютъ? Это одна мать. Она прямо объ себѣ говоритъ: я, говоритъ, мать. Очень чудесная статья. Вы прочитайте!

Щетининъ ничего не отвѣтилъ и, помолчавъ, спросилъ:

— Послушайте, кого это тамъ въ волостной сегодня наказывали, вы не знаете?

— Не знаю-съ.

— Какъ это глупо, однако, продолжалъ Щетининъ.—Чортъ знаетъ, что такое! Хоть бы вы имъ сказали, зачѣмъ они это дѣлаютъ? Неужели такъ ужъ другого мѣста нѣтъ: непремѣнно на улицѣ.

— Это что, смѣясь отвѣтилъ Иванъ Степанычъ:—я у исправника жилъ, у Петра Иваныча, такъ вотъ пороли-то мы ихъ,—страсть! Ужъ можно сказать, что пороли. Бывало выйдетъ на крыльцо, трубку закуритъ...

— Ну, да; знаю, перебилъ его Щетининъ.

— Чего-съ?

— Слышалъ. Такъ вы возьмите ружье-то: оно тамъ, у Агафьи въ кладовой... Да тише только, пожалуйста: Марья Николаевна почиваетъ.

Иванъ Степанычъ съ ружьемъ зашелъ къ Рязанову въ комнату и засталъ его за писаньемъ.

— Что̀ это вы сочиняете?

— Да, сочиняю.

— Ну, сочиняйте! А я какую штуку хочу устроить?

— Какую?

— Сельскую стражу хочу завести изъ крестьянскихъ ребятишекъ.

— Зачѣмъ же это?

— А собакъ бить бѣшеныхъ. Я ужъ ихъ набралъ штукъ двадцать, этихъ ребятъ; всѣмъ велѣлъ, чтобы палки у нихъ были. Такія палки завелъ съ шишками, форменныя. И учу ихъ. Вотъ потѣха-то! Учу. Они у меня называются, знаете какъ?—«гмины». Эй ты,—гмина. Я кто такой?—Иванъ Степанычъ.—Сейчасъ за виски, чтобы не смѣли Иванъ Степанычемъ звать,—солтысъ.—Кто я такой?—Солтысъ.—Ну, такъ; молодецъ! Сахару ему. Ха, ха, ха! И комиссія мнѣ только съ этими ребятишками, я вамъ скажу. Прощайте!

Просидѣвъ часу до второго ночи, Щетининъ заснулъ не раздѣваясь въ кабинетѣ, на диванѣ; на другое утро проснулся поздно. На дворѣ было пасмурно, шелъ мелкій, почти невидимый дождикъ; въ окна пробиралась гнилая холодная сырость. Щетининъ протеръ глаза, посмотрѣлъ вокругъ себя и хотѣлъ было потянуться, какъ вдругъ увидалъ на столѣ запечатанное письмо. Онъ взялъ его, повертѣлъ, пожалъ плечами и распечаталъ. Въ письмѣ было написано:

«Я уѣзжаю. Не старайтесь меня уговаривать, потому что это ни къ чему не поведетъ: я ужъ давно все обдумала, на все рѣшилась и знаю теперь, что̀ мнѣ нужно дѣлать. Я вамъ теперь скажу, что *я васъ не люблю*; да и не только васъ, но и вообще все, что̀ здѣсь дѣлается, всѣ эти люди... я ихъ ненавижу, мнѣ все это гадко. А васъ я разлюбила за то, что вы (сознательно, или безсознательно,—все равно) заставили меня играть глупую роль въ вашей глупой комедіи. Я давно ужъ догадывалась объ этомъ, но вчера одинъ случай окончательно показалъ мнѣ, въ какомъ гнусномъ дѣлѣ вы заставили меня принимать невольное участіе. Вы, разумѣется, этого не понимаете; но тѣмъ хуже для васъ. Послѣ всего этого я не могу здѣсь жить и не хочу, и кромѣ того... да, однимъ словомъ, не хочу. И больше, пожалуйста, вы со мной не объясняйтесь»...

Пробѣжавъ письмо, Щетининъ нѣсколько минутъ стоялъ среди комнаты съ полуоткрытымъ ртомъ, держа себя одною рукою за голову, потомъ бросился въ комнату къ Марьѣ Николавнѣ,—дверь заперта. Онъ постучалъ и просилъ позволенія войти; ему сказали: «нельзя». Постоявъ у двери, онъ пошелъ и написалъ записку, въ которой повторилъ просьбу позволить ему переговорить объ очень важномъ дѣлѣ; черезъ нѣсколько минутъ на той же запискѣ былъ полученъ отвѣтъ: «послѣ».

Онъ скомкалъ записку и, засунувъ ее, вмѣстѣ съ рукою, въ карманъ, постоялъ среди комнаты, подумалъ и пошелъ во флигель, къ Рязанову: оказалось, что его дома нѣтъ. Щетининъ вышелъ на дворъ и безъ шапки отправился, глядя въ землю, прямо, мимо конюшни, мимо сада, черезъ дорогу, по межѣ, въ поле... Дождикъ его сталъ мочить; онъ все идетъ, не оглядываясь, не поднимая глазъ. Шелъ, шелъ и пришелъ на какой-то пчельникъ. Тутъ онъ остановился, сѣлъ на траву, вытащилъ изъ кармана руку, со сжатою въ ней запискою, развернулъ ее и вдругъ припалъ лицомъ къ землѣ и заплакалъ, какъ дитя, катаясь по травѣ и оглашая одинокій пчельникъ своими безумными рыданіями.

XIV.

Сѣрый, ненастный день почти незамѣтно превращался въ сумерки; въ воздухѣ сѣялась мелкая изморозь. Неподалеку отъ села, узкой лѣсной тропинкой, засунувъ въ сапоги панталоны и заложивъ руки за спину, шелъ Рязановъ. Рядомъ съ нимъ шелъ юноша лѣтъ семнадцати (дьячковъ сынъ) въ бѣломъ холщевомъ пальто и босикомъ; сапоги онъ несъ съ удочками вмѣстѣ на плечѣ, а въ другой рукѣ на ниткѣ висѣли у него караси; впереди бѣжалъ, безъ толку мыкаясь изъ стороны въ сторону, большой лягавый щенокъ, съ коричневыми ушами и неуклюжими толстыми лапами. Онъ то и дѣло забивался въ кусты, но сейчасъ же являлся обратно, повидимому для того, чтобы показать свою губастую морду, и, поколотивъ по ногамъ дьячкова сына длиннымъ, необрубленнымъ хвостомъ, сейчасъ же опять исчезалъ. Тропинка, по которой они шли, вела ихъ разными изворотами почти по самому краю обрыва, густо поросшаго орѣшникомъ и мелкимъ дубомъ: она то заводила ихъ въ глубь перелѣска, въ непроходимый кустарникъ, гдѣ вдругъ обдавало ихъ крупными каплями падавшей съ листьевъ росы, и гдѣ они должны были, нагнувшись, пробираться сквозь мокрую чащу и ломать по дорогѣ сучья; то выводила ихъ эта тропинка на просторъ, на самый край крутого обрыва, заросшаго въ этомъ мѣстѣ короткой, скользкою травою, изрытаго дождевыми потоками, усѣяннаго мелкими камнями; и тутъ открывалась передъ ними картина подернутыхъ сѣроватымъ туманомъ полей и луговъ, съ посинѣвшими озерами. Внизу, подъ обрывомъ, темными кучами виднѣлись крестьянскія избы.

Дьячковъ сынъ шелъ не глядя себѣ подъ ноги, не засматриваясь по сторонамъ и только въ крайнемъ случаѣ разводя попадавшіяся на встрѣчу вѣтви. Онъ очень скоро и озабоченно что̀-то объяснялъ Рязанову, разсуждая при этомъ рукою, въ которой были у него караси:

— Нѣтъ, я еще хочу испытать одно средство, говорилъ онъ, подумавъ.

— Какое же это? опять убѣжденіе?

— Да вѣдь что̀ же дѣлать-то, Яковъ Васильичъ; больше средствъ никакихъ нѣтъ.

— Вы вотъ все лѣто его убѣждаете, да что-то плохо онъ поддается на это. Что̀ же онъ вамъ вчера сказалъ?

— Все то же. Обыкновенно у него разговоръ: ты, говоритъ, несчастный оселъ, вотъ женитъ, говоритъ, тебя нужно, и больше нечего съ тобой разговаривать.

— И вы все-таки надѣетесь, что онъ убѣдится и пуститъ васъ въ университетъ? Чѣмъ же вы его убѣдите, любопытно знать?

— А я тутъ въ книгѣ нашелъ одно такое мѣсто...

— Да?

— Тамъ очень хорошо развита эта мысль, что родители сами становятся поперегъ дороги своимъ дѣтямъ и лишаютъ ихъ счастія.

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Тамъ и примѣры есть.

— Это все пустяки. Никакія убѣжденія, никакіе примѣры для родителей не существуютъ. Вы придаете книгамъ значеніе, а для вашего отца все это—чепуха, которую пишутъ такіе же шелопаи, какъ и вы; такъ что-жъ тутъ съ книгами соваться!

Дьячковъ сынъ задумался.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ мнѣ давалъ возможность развиваться?

— Никогда не давалъ. Онъ вамъ доставилъ возможность сдѣлаться попомъ, Христа славить, требы исправлять. Онъ, какъ отецъ, желалъ вамъ счастія, которое, по его мнѣнію, для васъ доступно.

— Какой онъ мнѣ отецъ, онъ—врагъ мой, больше ничего, сказалъ юноша, съ ожесточеніемъ ломая вѣтку, загородившую ему дорогу.

— А коли врагъ, такъ вы съ нимъ такъ и поступайте. Къ чему жъ тутъ убѣжденія? Тутъ просто нужна интрига, военная хитрость, коли на то пошло. Чего жъ вы смотрите?

— Я тутъ одинъ ничего не могу сдѣлать, Яковъ Васильичъ. Вотъ если бы...

— Что̀?

— Если бы вы мнѣ помогли убѣдить его, совсѣмъ бы другая музыка пошла. А что̀ же я одинъ?..

Рязановъ молчалъ и чесалъ въ затылкѣ; дьячковъ сынъ смотрѣлъ ему въ лицо и ждалъ.

— Гм! Хорошо. Пойдемте, сказалъ Рязановъ.

Дьячковъ сынъ весело свистнулъ: щенокъ въ ту же минуту выскочилъ изъ-за куста, и они всѣ трое стали спускаться съ обрыва.

Черезъ часъ Рязановъ вернулся домой, усталый и по колѣно въ грязи. Проходя по двору, завернулъ въ кухню и попросилъ себѣ самоваръ.

Когда онъ пришелъ во флигель, совсѣмъ уже почти смеркалось: въ комнатѣ было темно и пахло сыростью; въ саду шумѣли деревья, падавшія съ нихъ капли дождя глухо ударяли въ окно. Рязановъ зажегъ свѣчу и, не снимая фуражки, остановился среди комнаты, задумчиво осматривая стѣны, деревенской работы кровать и столъ, съ разбросанными на немъ книгами и листами писанной бумаги. На перегородкѣ.

оклеенной старыми газетами, неподвижно стояла его собственная тѣнь, съ перегнувшейся на потолкѣ головою; за перегородкою, съ просонья судорожно вздрагивая и шурша крыльями, возился чижъ въ новой клѣткѣ. Постоявъ нѣсколько минутъ, Рязановъ снялъ съ себя мокрое платье, надѣлъ теплое пальто и, пожимаясь, сѣлъ за столъ. Бумага, лежавшая передъ нимъ на столѣ, была исписана мелкимъ, неразборчивымъ почеркомъ и закапана чернилами. Онъ развернулъ новую книжку журнала, порывшись въ бумагахъ, отыскалъ какую-то черную тетрадь и долго сличалъ ее съ книжкою, пощипывая бороду одной рукой, а другою водя по строкамъ,—потомъ захлопнулъ книжку, вмѣстѣ съ тетрадью швырнулъ ее на окно и задумался. Вошелъ лакей и принесъ на подносѣ чайный приборъ; только что Рязановъ принялся наливать, какъ за перегородкою послышался шорохъ женскаго платья.

— Можно войти? спросила за дверью Марья Николаевна.— Чтȯ это вы, нездоровы? съ озабоченнымъ видомъ говорила она, скоро входя въ комнату.

— Нѣтъ, ничего, озябъ только. Сыро. Былъ въ лѣсу, ну, и промокъ.

— Какъ же вамъ не стыдно, что вы себя не бережете! говорила она, качая головою.—Хотите малины? Постойте, я вамъ налью. Давайте сюда, вы не умѣете. А не лучше ли велѣть здѣсь затопить? а? Я сейчасъ скажу.

— Да вы не хлопочите! Я вотъ напьюсь горячаго и все пройдетъ.

— Ну, да. Какъ же! Такъ сейчасъ и прошло. Развѣ можно этимъ шутить?

— А вы, кажется, и серьезно меня больнымъ считаете. И зачѣмъ вы сюда пришли?

Марья Николаевна оглянулась.

— Вы чтȯ же этимъ хотите сказать? Я вамъ мѣшаю?

— Нѣтъ, я сказалъ потому, что вотъ вы ходите по сырости, ноги промочите.

— А вамъ какое дѣло до моихъ ногъ? Вотъ это мило. Можетъ быть я нарочно хочу ихъ промочить, можетъ быть я умереть хочу.

— Да! ну...

— Чтȯ ну-то?

Рязановъ улыбнулся.

— Смѣшная вы женщина, сказалъ онъ, застегивая пальто на всѣ пуговицы, и сѣлъ къ столу.

Марья Николаевна тоже сѣла, налила ему стаканъ малины и поставила передъ нимъ графинъ съ ромомъ.

— Если я и умру, такъ обо мнѣ плакать будетъ некому, сказала она, складывая на колѣняхъ руки.

Рязановъ взглянулъ на нее изподлобья и ничего не отвѣтилъ, потомъ взялъ графинъ и, наливая себѣ рому, сказалъ:

— А Александръ Васильичъ-то?

Марья Николавна махнула рукой.

— Это мнѣ все равно.

Рязановъ положилъ сахару въ стаканъ, помѣшалъ и спросилъ:

— А другіе не все равно?

— Разумѣется.

2 — Стало быть, вы не то хотите сказать. Плакать-то будутъ, только не тѣ, кому слѣдуетъ; вы и боитесь, что, въ случаѣ вашей смерти, на этотъ счетъ можетъ выдти безпорядокъ. Такъ что-ли?

— Ну, да. Однако какой я глупый разговоръ завела: объ смертяхъ тамъ объ разныхъ... Богъ знаетъ что̀!

— Чѣмъ же глупый? Нѣтъ, ничего; разговоръ подходящій: сумерки, погода скверная; самое время о смерти разсуждать.

Она молча покачала головой; Рязановъ подождалъ, что̀ она скажетъ, и хлебнулъ изъ стакана. Въ это время гдѣ-то за садомъ грянулъ ружейный выстрѣлъ. Марья Николаевна вздрогнула.

— Что̀ это такое? тревожно спросила она.

— А это, должно быть, Иванъ Степанычъ забавляется.

Она подумала и, пугливо посмотрѣвъ вокругъ, сказала:

— Нѣтъ, не хочу я умирать, не хочу.

— Да васъ, кажется, никто и не принуждаетъ.

— Давайте вотъ что... давайте лучше говорить о чемъ нибудь другомъ, о хорошемъ. Я вѣдь знаете, зачѣмъ къ вамъ пришла?

— Ну-съ!

— Я хочу поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ для меня дѣлѣ.

— Такъ что же?

— Прежде всего я хочу поговорить собственно о васъ.

— Обо мнѣ? Ну, это предметъ еще не слишкомъ интересный.

— Для меня, напротивъ, очень, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связаны и другіе еще тамъ разные.

— Да-съ. Такъ что̀ же вамъ угодно отъ меня?

— Во первыхъ, мнѣ угодно, чтобы вы со мной не разговаривали такимъ образомъ.

— Какимъ?

— А вотъ этимъ тономъ. Я очень люблю, когда вы съ другими такъ говорите, только не со мной.

— Да вѣдь тонъ... какъ вамъ сказать? это такая вещь, которая зависитъ не отъ одного желанія.

— Отъ чего же?

— Да больше, я полагаю, отъ окружающей насъ жизни.

— Вы хотите сказать, что въ этой жизни диссонансы?

— Нѣтъ, я хочу сказать, что тонъ задается жизнью, а мы только подпѣваемъ. Пожалуй, можно и повыше его поднять, да что̀ толку? Жизнь сейчасъ осадитъ.

— Такъ вы находите, подумавъ, сказала Марья Николаевна:—что въ этой жизни (она показала рукою вокругъ себя) нѣтъ ничего такого, что̀ бы заставило насъ говорить хотя немножко не такъ, какъ вы привыкли. Хорошо. Положимъ, что это такъ. Ну, а прежде? Неужели въ вашей жизни не было такихъ случаевъ, какихъ-нибудь тамъ происшествій, такъ чтобы вы разсердились, или пришли въ восторгъ? а? Были?

— Конечно были, да что̀ изъ этого?

— Ну, а теперь? вотъ здѣсь? Ну, что̀ вы думаете теперь, въ настоящую минуту? О своемъ положеніи, напримѣръ, что̀ вы думаете? Скажите!

— О моемъ положеніи-то? Да что̀-жъ о немъ думать? Вообще живу я теперь на лѣтнемъ положеніи, въ деревнѣ, время провожу пріятно; простудился было немного, но теперь напился малины и началъ потѣть; ну, вотъ еще думаю, что сидитъ передо мной женщина, хорошая женщина, и пересыпаемъ мы съ нею изъ пустого въ порожнее. Вотъ и все.

— Нѣтъ; вы не такъ меня поняли.

— Очень можетъ быть.

— Я хочу знать, какъ вы смотрите на все, что̀ окружаетъ васъ здѣсь, въ деревнѣ, на все, что̀ здѣсь происходитъ. Неужели съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали сюда, не случилось ничего такого, что̀ бы могло васъ поразить, удивить, обрадовать, или огорчить?

— Не помню, право. Должно быть, не было. Да я не знаю, что это вамъ кажется страннымъ. Если бы вы захотѣли подумать, вы убѣдились бы и сами, что нѣтъ тутъ ничего такого особеннаго, Жизнь, какъ жизнь: все совершается въ строгой зависимости и надлежащемъ порядкѣ, случайностей никакихъ нѣтъ и быть не можетъ. Чему же радоваться, о чемъ сокрушаться? Въ реторикѣ Кошанскаго есть такой примѣръ (и Богъ его знаетъ только, какъ онъ туда попалъ): «вотъ, говоритъ, медвѣдь душитъ волка, волкъ рѣжетъ овцу, овца ѣстъ траву, трава изъ земли сокъ получаетъ; а левъ, говоритъ, и медвѣдя, и волка, и овцу, и всѣхъ побѣждаетъ». Вотъ это порядокъ. Теперь какія же тутъ могутъ быть случайности? Развѣ, что рѣзалъ волкъ овцу, да не дорѣзалъ, потому что самого въ это время медвѣдь задушилъ, или что левъ мимо медвѣдя прошелъ и не тронулъ его?.. Такія случайности бываютъ,—это точно; но удивляться этому я, право, надобности никакой не вижу.

— Это я все понимаю, но почему же, когда вы говорите объ разныхъ тамъ дѣлахъ,—у васъ выходитъ такъ, какъ будто вы находите, что все это такъ и должно быть. Я, конечно, этому не вѣрю.

— Напрасно.

— Какъ напрасно? Да вѣдь вы это говорите нарочно, для нихъ.

— Напротивъ; я и для нихъ, и для васъ, и для всѣхъ говорю именно то, что̀ думаю.

— Стало быть, вы находите, что всѣ эти гадости такъ и должны быть?

— Какія гадости?

— Да вотъ, что... ну, я не знаю... Однимъ словомъ, все это хозяйство; ну, вотъ, что надо мужиковъ наказывать, давать имъ за работу какъ можно меньше и прочее.

— Я никогда не говорилъ, что такъ надо и что иначе и быть не можетъ.

— Но вѣдь вы находите, что все это очень естественно и натурально.

— А вы не находите? Такъ это потому только, что вы не хотите подумать. Если, положимъ, человѣка посадятъ въ угарную комнату, и онъ тамъ угоритъ,—такъ это, по вашему, будетъ неестественно? Если ему не дадутъ ѣсть двое сутокъ и у него животъ подведетъ,—такъ это, по вашему, будетъ не натурально?

— Ну, конечно такъ; только согласитесь, что ужъ это вовсе не естественное желаніе морить другого голодомъ?

— Я съ этимъ никакъ не могу согласиться, потому что если на двоихъ отпущена только одна порція хлѣба, и изъ этихъ двоихъ одинъ сильнѣе другого, то со стороны сильнѣйшаго будетъ самымъ естественнымъ дѣломъ—отнять этотъ хлѣбъ у слабѣйшаго. Что̀ же можетъ быть натуральнѣе этого побужденія? И это однако нисколько не мѣшаетъ человѣку въ другомъ случаѣ самого себя лишать пищи въ пользу другого, т. е. слѣдовать совершенно противоположному побужденію, которое въ свою очередь тоже очень естественно и натурально. Все зависитъ отъ условій, въ которыхъ человѣкъ поставленъ; при однихъ условіяхъ онъ будетъ душить и грабить ближняго, а при другихъ—онъ сниметъ и отдастъ съ себя послѣднюю рубашку. Видимые результаты всегда естественны и натуральны, когда причина ихъ извѣстна; да сила-то не въ нихъ.

— А въ чемъ же?

— Въ томъ, чего мы не видимъ и не знаемъ; а это все... все это гроша мѣднаго не стоитъ.

Рязановъ замолчалъ и выпилъ залпомъ стаканъ остывшей малины.

— Вотъ вы говорите, началъ онъ опять:—вы говорите, почему вотъ я не ужасаюсь, не радуюсь, не удивляюсь тому, что̀ вижу здѣсь. Хорошо. Но что̀ же я здѣсь вижу? какія могутъ быть здѣсь такія удивленія достойныя картины? Ну, вотъ прежде всего я вижу прилежнаго земледѣльца, вижу я, что этотъ земледѣлецъ ковыряетъ землю и въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ; затѣмъ примѣчаю я, что въ нѣкоторомъ отдаленіи стоятъ коротко мнѣ знакомые люди и терпѣливо выжидаютъ, пока этотъ прилежный земледѣлецъ въ должной мѣрѣ насладится трудомъ и извлечетъ изъ земли плодъ; а тогда уже подходятъ къ нему, и самымъ учтивымъ манеромъ отобравъ отъ него все, что̀ слѣдуетъ по правиламъ на пользу просвѣщенія, оставляютъ на его долю именно столько, сколько нужно человѣку для того, чтобы сохранить на себѣ знакъ раба и не умереть съ голоду. Это картина № 1-й. Чему я тутъ могу удивляться? я васъ спрашиваю. Прилежанію земледѣльца?—Но вѣдь онъ потому собственно и называется прилежнымъ; это качество ему присвоено издревле; онъ такъ и по-латынѣ даже называется: sedullus rusticus—прилежный земледѣлецъ; стало быть тутъ и разговаривать нечего. Теперь ужъ поздно: радъ, не радъ, а будь прилеженъ, потому что репоме такое заслужилъ. И удивляться нечему. Еще чему же? Великодушію моихъ знакомыхъ?—Но еслибы они не были великодушны и сразу отняли бы у него все, вѣдь они лишили бы его возможности впредь наслаждаться трудомъ, они уморили бы его съ голоду; тогда кто же бы сталъ трудиться на пользу просвѣщенія? Стало быть, надо было великодушничать; стало быть, и тутъ удивительнаго мало. Необходимость! Вотъ и все. И вы, надѣюсь, тоже не удивляетесь? Нѣтъ? Прекрасно. Что̀ же еще я вижу здѣсь? Вижу я другихъ моихъ знакомыхъ, вижу ихъ сидящихъ и плачущихъ, выкупными свидѣтельствами горьки слезы утирающихъ. Но причина ихъ скорби, вѣроятно, и вамъ извѣстна: опять нужда, опять-таки необходимость; стало быть и тутъ... да нѣтъ, знаете ли, оживляясь заговорилъ Рязановъ:—знаете ли, что вся эта механика до такой степени проста, что вѣдь серьезно нужно удивляться тому, что есть еще на свѣтѣ люди, которые надъ такими пустяками ломаютъ голову, не понимаютъ, удивляются. Вѣдь послѣ этого что̀ же? Послѣ этого надо удивляться тому, что я вотъ напился потогоннаго, да вдругъ и вспотѣлъ. Какъ это странно въ самомъ дѣлѣ?

— Все это такъ. Положимъ. Но вѣдь согласитесь, что нельзя же на все это смотрѣть хладнокровно, нельзя не скорбѣть, что все это такъ.

— Да что̀ толку въ этой скорби? Я знаю многихъ, которые скорбятъ о томъ, что вотъ, дескать, народъ, такой великій, доблестный народъ, что столько силъ, надеждъ и прочаго и все это, можно сказать, ни за нюхъ табаку пропадаетъ. Отлично. Это все равно, что я вотъ пойду въ лѣсъ, стану передъ дубомъ и буду разсуждать: «ахъ, Боже мой! Такой прекрасный дубъ, и весь загаженъ птицами, черви то его, бѣднягу, точатъ, и свиньи тутъ же кстати пользуются провіантомъ; а кабы этотъ самый дубъ да въ хорошія руки, что̀ бы тутъ можно добра надѣлать? Однихъ половьевъ сколько бы тутъ вышло, не говоря ужъ объ ушатахъ, бочкахъ, ведрахъ и прочей разной домашней утвари. Да и паркетъ, пожалуй, вышелъ бы отличный». А? Какъ вы находите, прискорбно это, или нѣтъ?

— Ну, да. Я понимаю. Это значитъ, что здѣсь нечего дѣлать.

— Нѣтъ: это значитъ только, что есть такая точка зрѣнія, съ которой самое любопытное дѣло кажется такимъ простымъ и яснымъ, что на него скучно смотрѣть. Вы желали знать мой взглядъ на вещи, такъ вотъ онъ самый къ вашимъ услугамъ. Но обыкновенно люди этого не любятъ и, какъ нарочно, выбираютъ такія дѣла, въ которыхъ чортъ ногу переломитъ, потому что, хотя толку отъ этого бываетъ мало, за то на каждомъ шагу можно удивляться, радоваться и ужасаться. Ну, время то и проходитъ, и кажется, что какъ будто въ самомъ дѣлѣ живешь.

Марья Николаевна задумалась.

— Да; это правда, наконецъ сказала она:—лучше жить хоть какъ нибудь, хоть глупо да жить, чѣмъ такъ...

— Однако вотъ эта жизнь ужъ перестала вамъ нравиться. А почему? Вы поняли ея нелѣпость и ужъ не можете жить этою жизнью. Стало быть, чѣмъ больше вы будете узнавать жизнь вообще, тѣмъ больше и больше будете лишаться возможности жить, какъ люди живутъ.

— Но что̀ же тогда? почти съ ужасомъ спросила Марья Николаевна.—Что̀ же остается дѣлать человѣку, который потерялъ возможность жить такъ, какъ всѣ живутъ?

— Остается... Рязановъ посмотрѣлъ кругомъ—остается выдумать, создать новую жизнь, а до тѣхъ поръ...

Онъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, погодите! Скажите мнѣ: есть же у васъ какая-нибудь жизнь, которой вы живете?

— Конечно есть.

— Ну, вотъ мнѣ бы хотѣлось только узнать ее, какая она.

— Напрасно. Не стоитъ.

— Но почему же?

— А потому, что это и не жизнь, а такъ, чортъ знаетъ что̀, дребедень такая же, какъ и всѣ прочія.

Она остановилась.

— Нѣтъ; не можетъ быть.

— Рязановъ пожалъ плечами.

— Я вамъ не вѣрю. Вы не хотите только мнѣ сказать.

— Поймите же, что нечего сказать.

— Неужели я этого не стою? Послушайте, вдругъ заговорила она и протянула ему руку.—Хотите вы быть моимъ другомъ? а? хотите?

Онъ молча, не глядя ей въ лицо, пожалъ ея руку, потомъ осторожно освободилъ свою и положилъ ее на столъ.

Марья Николаевна, покачнувшись къ нему, ждала, что̀ онъ скажетъ.

— Да, наконецъ выговорилъ онъ:—это конечно очень пріятно, только...

— Что̀?

— Только я право не понимаю, какая же между нами можетъ быть дружба, кончилъ онъ вполголоса, какъ будто самъ съ собой разсуждая.—Ничего изъ этого не выйдетъ.

— А если вы не понимаете, скороговоркой прибавила она:— такъ я вамъ скажу, что я уѣзжаю отсюда.

— То есть какъ? Совсѣмъ?

— Да, совсѣмъ. Между мной и моимъ мужемъ все кончено. Я свободна.

— Вотъ какъ, глядя въ полъ, тихо произнесъ Рязановъ.

— Теперь я бы желала только одного, все больше и больше одушевляясь, говорила Марья Николавна:—я бы желала устроить такъ мою жизнь, чтобы я могла всѣ силы, всѣ способности мои употребить на то, чтобы хоть въ чемъ-нибудь вамъ быть полезной. Я много не желаю, мнѣ хотѣлось бы только хоть чуть-чуть помогать вамъ въ вашихъ занятіяхъ. Чтò вы мнѣ скажете, то я и буду дѣлать. Сначала, конечно, мнѣ будетъ нужна ваша помощь, потому что я вѣдь ничего не умѣю, а потомъ я привыкну понемногу. Такимъ образомъ мы и будемъ помогать другъ другу...

— Въ чемъ?

— Какъ въ чѐмъ?!.

— Подумали ли вы, въ чемъ же это мы съ вами будемъ помогать другъ другу? И какое это такое занятіе вы нашли, я не понимаю хорошенько... Учиться что ли мы будемъ другъ у друга, или такъ просто жить?... Да нѣтъ; постойте! прежде всего вотъ чтò: вы-то собственно, зачѣмъ вы ѣдете?

— Вы все-таки не знаете?

— Все-таки не знаю.

— Хорошо. Я вамъ скажу. Я ѣду для того, чтобы начать совсѣмъ новую жизнь: мнѣ эта опротивѣла; эти люди мнѣ гадки, да и вся эта деревенская жизнь. Я могла жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока я еще ждала чего-то, однимъ словомъ, пока я вѣрила: теперь я вижу, что больше ждать мнѣ нечего, что здѣсь можно только наживать деньги, да и то чужими руками. Къ помѣщикамъ и ко всѣмъ этимъ хозяевамъ я чувствую ненависть, я ихъ презираю; мужиковъ мнѣ, конечно, жаль, но чтò же я могу сдѣлать? Помочь имъ я не въ силахъ, а смотрѣть на нихъ и надрываться я тоже не могу. Это невыносимо. Ну, скажите же теперь, вѣдь это правда? Вѣдь незачѣмъ мнѣ больше здѣсь оставаться? да?

— Да, разумѣется; если ужъ это вамъ такъ противно.

— Вы это такъ говорите... Мнѣ кажется, вы не желаете, чтобы я ѣхала?

— Напрасно вамъ это кажется. Напротивъ, я желаю, чтобы вы дѣлали именно то, что̀ вамъ хочется; но кромѣ того я еще желаю получить отвѣтъ на вопросъ, который я вамъ сдѣлалъ: зачѣмъ вамъ хочется *туда*?

Онъ показалъ въ окно.

— Что̀ васъ влечетъ dahin, dahin? Ужъ не думаете ли вы серьезно, что тамъ растутъ лимоны?

— А знаете ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ я представляю себѣ, что такое *тамъ*? Я всегда воображала себѣ, что тамъ гдѣ-то живутъ такіе отличные люди, такіе умные и добрые, которые все знаютъ, все разскажутъ, научатъ, какъ что́ надо дѣлать, помогутъ, пріютятъ всякаго, кто къ нимъ придетъ... однимъ словомъ, хорошіе, хорошіе люди...

— Да, въ раздумьи говорилъ Рязановъ:—хорошіе, хорошіе люди... Да, были люди. Это правда.

— А теперь?

— И теперь пожалуй еще съ пятокъ наберется.

— Какъ? Отчего же такъ мало? Гдѣ же они?

— Гм! Странно какъ вы спрашиваете! Да развѣ они не люди? развѣ они тоже не подвержены разнымъ человѣческимъ слабостямъ?

Марья Николаевна вздохнула и задумалась.

— Да, разсуждалъ между тѣмъ Рязановъ:—есть добрые люди: они васъ тамъ пріютятъ... да, впрочемъ, сами увидите.

— А вы? съ удивленіемъ спросила Марья Николаевна.

— Н-нѣтъ, я ужъ такъ какъ-нибудь обойдусь, собственными средствами.

— Да почему же? Развѣ вы не вѣрите въ успѣхъ какого-либо дѣла?

— Какъ не вѣрить. Успѣхъ бываетъ.

Рязановъ медленно обвелъ глазами комнату и, откинувшись на спинку стула, провелъ рукой по волосамъ; Марья Николаевна напряженно слѣдила за каждымъ его словомъ, и не сморгнувъ, пристально смотрѣла ему въ лицо.

— Да, снова заговорилъ онъ:—жизнь штука любопытная, я вамъ скажу. Такъ вотъ всю видишь, кажется, ее насквозь и человѣка знаешь вдоль и поперегъ —чего бы кажется еще? Такъ нѣтъ; все мало. Еще чего-то нужно. Страсть нужна. Тутъ нужно просто придти и взять... однако я вотъ говорю, говорю, а самъ все эту малину прихлебываю, да и забылъ совсѣмъ, что она съ ромомъ, чортъ ее возьми! Пьянъ напился.

Онъ отодвинулъ отъ себя стаканъ.

— То-то я замѣчаю, какъ-то ужъ очень я тово... фигурно сталъ выражаться,—прибавилъ онъ, выпрямляясь на стулѣ.

И дѣйствительно, на лицѣ у него выступали багровыя пятна, а глаза безпокойно и подозрительно переходили съ одного предмета на другой. Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, видимо стараясь ступать какъ можно тверже.

— А я было хотѣла спросить васъ еще объ одной вещи, нерѣшительно сказала Марья Николаевна.

— О какой вещи?

Рязановъ обернулся и, засунувъ руки въ карманы, остановился передъ Марьей Николаевной.

— Что жъ, спрашивайте! Да только я-то вотъ закутилъ по случаю сырой погоды.

— Это ничего.

— Впрочемъ, вы вѣдь кажется желали даже видѣть меня въ ненормальномъ состояніи—такъ вотъ вамъ отличный случай.

Марья Николаевна подняла голову и посмотрѣла ему въ лицо.

— Что̀ вы смотрите? Вы думаете, я буду откровеннѣе? Нѣтъ; на меня вино производитъ совершенно обратное дѣйствіе: я становлюсь еще недовѣрчивѣе, грубѣе. Да я, кажется, и въ трезвомъ-то видѣ не слишкомъ деликатно обращался съ вами. А? Марья Николаевна, такъ вѣдь? Грубо я съ вами поступалъ? Вы на это не сердитесь! это все пустяки...

— Сядьте, тихо сказала она, взявъ его за руку.

— Ну-съ, такъ какая же это вещь-то, о которой вы хотѣли спрашивать? говорилъ онъ, садясь опять на прежнее мѣсто.

— Вы мнѣ все-таки не сказали... Вы мнѣ ничего положительно не сказали о томъ.... она замялась и, все ниже и ниже нагибаясь къ столу, съ разстановкой, почти шопотомъ прибавила:

— Неужели вы не знаете до сихъ поръ...

— Я знаю только одно, перебилъ ее Рязановъ:—и самымъ положительнымъ образомъ знаю, что я завтрашній день отсюда уѣду.

— Куда? быстро поднимая голову, спросила Марья Николаевна.

— Да это смотря по тому, какъ... вообще въ разныя мѣста.

Марья Николаевна не спускала съ него глазъ и все еще ждала чего-то.

— Больше къ югу, прибавилъ Рязановъ.

Она не шевелилась, даже не вздрогнула и продолжала попрежнему смотрѣть на него, хотя по глазамъ ея видно было, что она уже не ждетъ ничего и мысли ея полетѣли дальше.

— Время подходитъ ненастное, продолжалъ Рязановъ, глядя въ окно:—дождь идетъ. Видите, погода-то какая сволочь!

Марья Николаевна все смотрѣла на него и должно быть не слушала; взглядъ ея перешелъ съ Рязанова на стѣну и остановился; на лицѣ у ней ничего не выражалось: оно было совсѣмъ неподвижно и только вдругъ какъ-то осунулось, точно послѣ трудной болѣзни. Рязановъ замолчалъ и началъ пристально всматриваться въ нее: слегка нахмуривъ брови, онъ водилъ глазами по всему ея лицу, по вытянутымъ и неподвижно лежащимъ на столѣ рукамъ ея, а самъ въ то же время основательно и не торопясь мялъ свои собственныя руки, такъ что пальцы на нихъ хрустѣли; потомъ хотѣлъ было вздохнуть, набралъ воздуху, но сейчасъ же закусилъ губу и подавилъ этотъ вздохъ, потомъ всталъ и задѣлъ за столовую ножку.

— А? вдругъ очнувшись, пугливо спросила Марья Николаевна.

Рязановъ молча доставалъ съ окна какую-то книгу.

Она провела по лицу рукой, посмотрѣла вокругъ и, наступивъ себѣ на платье,—ничего не замѣчая—сдѣлала было нѣсколько шаговъ къ двери, но тутъ она остановилась и обернулась. Рязановъ стоялъ потупившись у окна, съ книгою въ рукѣ. Марья Николаевна взглянула на него и ровнымъ, холоднымъ тономъ сказала:

— Прощайте!

— Куда вы? тихо спросилъ онъ.

— Я ѣду... то есть теперь я иду домой, а потомъ поѣду...

— Туда?

— Да, туда, твердо сказала она и пошла къ двери.

— Желаю вамъ успѣха, не трогаясь съ мѣста проговорилъ онъ уже въ то время, когда она уходила изъ комнаты, и почти въ то же мгновеніе изо всей силы швырнулъ книгу подъ столъ и, схвативъ себя обѣими руками за волосы, бросился впередъ... но тутъ же остановился, опустилъ руки, покачалъ головой, улыбнулся и сталъ ходить по комнатѣ.

XV.

Ночью шелъ дождь и къ утру погода совсѣмъ расклеилась: небо все сплошь заволокло тучами, пошла слякоть.

Щетининъ сидѣлъ въ кабинетѣ на диванѣ, поджавъ подъ себя ноги, и задумчиво смотрѣлъ въ окно. Въ послѣднее время онъ очень измѣнился и похудѣлъ; да и въ самомъ костюмѣ его стало замѣтно неряшество: онъ былъ безъ галстуха, въ старомъ затасканномъ пиджакѣ и въ туфляхъ. Тутъ же на диванѣ, около него валялась книга; за письменнымъ столомъ сидѣлъ Иванъ Степанычъ и подписывалъ какую-то бумагу; изъ передней слышался мужичій кашель и отрывистое чавканье грязныхъ сапогъ. Щетининъ взялъ было книгу, подержалъ ее въ рукахъ, посмотрѣлъ, даже помуслилъ палецъ для того, чтобы перевернуть страницу, но тутъ же опять задумался и заглядѣлся въ окно; хотя, собственно говоря, тамъ рѣшительно не на что̀ было смотрѣть: по двору съ ноги на ногу пробирались по кирпичикамъ какіе-то мокрые люди; по крышамъ, нахохлившись, сидѣли воробьи и уныло встряхивали мокрыми крыльями.

— Дописалъ-съ, рѣзко произнесъ Иванъ Степанычъ, кладя перо на столъ.—Извольте подписать!

Щетининъ не хотя всталъ съ дивана, лѣниво взялъ перо, подписалъ съ одного маху «Землевладѣлецъ, коллежскій секретарь, Александръ Васильевъ сынъ Щетининъ»—и опять сѣлъ на диванъ.

— А я шкуру-то эту отдалъ выдѣлать, заговорилъ Иванъ Степанычъ, засыпая пескомъ бумагу.

— Ага, равнодушно произнесъ Щетининъ.

— Шапку хочу сдѣлать—собачью. Скунксовая аккуратъ будетъ. Что̀ застрѣлилъ то я.

— Мгм.

— Нѣтъ, я васъ хочу спросить, вставая говорилъ Иванъ Степанычъ.—Александръ Васильичъ!

— Что̀?

— Вы науки знаете?

— Знаю.

— Я хочу васъ спросить, что правда это, или нѣтъ?

— Да что̀?

— Вѣдь она бѣшеная была.

— Кто?

— Да шапка-то. Вѣдь она отъ бѣшеной собаки.

— Ну, такъ что̀ жъ?

— Я слыхалъ, что ежели, говорятъ, ее близко къ водѣ поднести, такъ она вся вотъ эдакъ, шапка-то, дыбомъ встанетъ шерсть-то на ней. Вы объ этомъ въ книжкахъ не читали?

— Нѣтъ, не читалъ.

Иванъ Степанычъ задумался.

— А можетъ и врутъ. Да мнѣ чортъ ихъ возьми совсѣмъ, я все-таки сошью, рѣшилъ онъ, махнувъ бумагой.

— А то еще пожалуй воротникъ выйдетъ къ шинели. А? Собачища страшенная. Вы какъ думаете, выйдетъ? Вотъ эдакая вотъ!

Онъ показалъ руками.

— Да выйдетъ. Я знаю, что выйдетъ, говорилъ Иванъ Степанычъ, стоя передъ Щетининымъ:—вотъ одно только нехорошо, замѣтилъ онъ, покачавъ головой.

— Что̀ нехорошо? очнувшись спросилъ Щетининъ.

— Да, говорятъ—въ церковь нельзя въ этой шинели ходить.

— Почему же?

— Да вѣдь онъ собачій, воротникъ-то.

— Ну, это ничего, замѣтилъ Щетининъ:—а вы вотъ что̀: вы отдайте бумагу-то мужикамъ, да перетолкуйте тамъ съ ними о дѣлахъ.

— Эхъ, ужъ эти мнѣ толки, съ неудовольствіемъ сказалъ Иванъ Степанычъ и отправился въ переднюю. Черезъ минуту оттуда уже слышалась брань.

Щетининъ опять задумался. Въ это время вошелъ Рязановъ. На лицѣ его замѣтно было желаніе казаться какъ можно равнодушнѣе, а потому оно выходило ужъ какъ-то слишкомъ беззаботно. Щетининъ, замѣтивъ его издали, поморщился было немного, но, взглянувъ ему въ лицо, спросилъ:

— Что ты, я слышалъ, нездоровъ?

— Нѣтъ. Я пришелъ проститься, отвѣчалъ Рязановъ, садясь съ нимъ рядомъ на диванъ:—я ѣду.

— Какъ? уже?

Щетининъ присталъ.

— Вмѣстѣ?...

— Я ѣду одинъ, отчетливо сказалъ Рязановъ.

Щетининъ снова опустился на диванъ.

— Когда же? спросилъ онъ, переводя духъ.

— Когда лошадей приведутъ. Я ужъ послалъ.

Щетининъ молча щипалъ подушку.

— Что жъ тебѣ за охота въ такую погоду? съ притворнымъ участіемъ спросилъ онъ наконецъ.

— Да за одно ужъ мочиться-то: не сегодня, такъ завтра, не все ли равно?

— Возьми тарантасъ хоть, по крайней мѣрѣ, до города доѣхать.

— Вотъ еще! О пустякахъ толковать.

Рязановъ махнулъ рукой?

— Ну, какъ знаешь. Куда жъ ты,—въ Питеръ.

— Нѣтъ, такъ, куда придется. Да не въ этомъ дѣло. Я вѣдь вотъ зачѣмъ собственно пришелъ...

Щетининъ еще разъ вздохнулъ и, поджавъ подъ себя ноги, обернулся къ Рязанову, стараясь впрочемъ не глядѣть ему въ лицо.

— Въ послѣднее время, началъ Рязановъ:—у насъ съ тобой тамъ какія-то недоразумѣнія вышли. Мнѣ-то это все равно, но ты, кажется, имѣешь поводъ быть мною недовольнымъ, такъ я вотъ объясниться хотѣлъ на прощаньи.

Щетининъ пожалъ плечами.

— Я право не знаю, какое же у насъ съ тобой можетъ быть объясненіе. Впрочемъ, конечно... я одно только могу сказать, что я этого не ожидалъ отъ тебя.

— А я думаю, напротивъ, что этого всегда надо было ожидать.

Щетининъ вспыхнулъ.

— Чего же ты хочешь отъ меня ,наконецъ? закричалъ онъ, вскакивая съ дивана.—Ты меня лишаешь всего: ты отнялъ у меня энергію, спокойствіе, мало того, ты разрушилъ мое семейное счастіе... Вѣдь какъ бы то ни было, вотъ ты находишь, что глупо тамъ, но вѣдь какъ бы то ни было, да жилъ же я до сихъ поръ, дѣлалъ дѣло, ну, глупое дѣло по твоему, да я по крайней мѣрѣ зналъ, что я тружусь, что я не даромъ небо копчу... а ты тутъ съ этими своими разговорами... и еще въ добавокъ я же виноватъ во всемъ. Вотъ это мило!

Щетининъ бѣгалъ по комнатѣ и сильно размахивалъ руками.

— Да кто тебя винитъ? Успокойся, сдѣлай милость, сказалъ Рязановъ, тоже вставая съ дивана.—Развѣ тутъ можетъ быть кто-нибудь виноватъ?

— Такъ что̀ же это по твоему, судьба, стало быть, такая?

— Судьба, не судьба, а во всякомъ случаѣ вещь неизбѣжная. Рано, или поздно, а это должно было случиться.

— Не будь этихъ разговоровъ, ничего бы и не было.

— Что̀-жъ, разговоры? Ты думаешь, это и Богъ знаетъ что̀—разговоры?

— Еще бы! Если цѣлый день, цѣлый день, съ утра до ночи въ уши дудятъ: то не такъ, другое не такъ... женщина молодая, неопытная, понятно, что должна была увлечься.

— Однако ты вотъ не увлекся же.

— Я! я совсѣмъ другое дѣло.

— Въ томъ-то и штука. Тутъ сила, братъ, не во мнѣ. Не со мной, такъ съ другимъ, не съ другимъ, такъ съ бабой съ какой-нибудь поговорила бы по душѣ, все тоже бы вышло. Не теперь, такъ черезъ годъ, а уѣхала бы все равно. Вотъ развѣ совсѣмъ запретить разговаривать, да, впрочемъ, и то надо принять въ разсчетъ, что книжки такія есть. И безъ разговору всю эту штуку пойметъ. Ничего не подѣлаешь.

Щетининъ задумался.

— И напрасно это ты только стараешься найти виноватаго, прибавилъ Рязановъ: — я ужъ объ этомъ думалъ: тутъ, братъ, какъ не кинь, все клинъ.

— Да за что̀ же, наконецъ, за что̀? снова оживляясь, заговорилъ Щетининъ:—что̀ я такое сдѣлалъ противъ нея? Вѣдь нужно же все-таки хоть какое-нибудь основаніе. Не тряпка же я въ самомъ дѣлѣ, чтобы мною помыкать: то люблю, то не люблю.

— Основаніе тутъ, братъ, жизнь. Жить хочетъ женщина; а мы съ тобой такъ только, въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей, участвуемъ въ этомъ дѣлѣ. И роли то наши самыя пустыя: ты ей нуженъ былъ для того, чтобы освободиться отъ матери, я ее отъ тебя освободилъ, а отъ меня ужъ она сама освободилась; теперь ей никто не нуженъ—сама себѣ госпожа.

Щетининъ стоялъ у окна и водилъ пальцемъ по стеклу.

— Стало быть, ты съ нею не ѣдешь? тихо спросилъ онъ наконецъ.

— Я тебѣ сказалъ ужъ, что ѣду одинъ и притомъ совсѣмъ въ другую сторону.

— Хм, размышлялъ Щетининъ:—такъ это совсѣмъ другой разговоръ выходитъ.

— Разговоръ тутъ самый простой, замѣтилъ Рязановъ:— «спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій!»

— Что-жъ, не умирать же въ самомъ дѣлѣ?

— Умирай, не умирай, это какъ ты хочешь, а на жизненномъ пиру тоже мы съ тобой не очень раскутимся. Мѣста-то наши тамъ заняты давно.

— Ну, нѣтъ, братъ, шалишь! Я еще жить хочу. Я такъ дешево не разстанусь. Не удалось семейное счастіе, ну, что-жъ дѣлать, попытаемъ что̀-нибудь другое. Жизнь то еще впереди. Что-жъ, мнѣ тридцать лѣтъ всего. Эка штука!

Рязановъ молчалъ.

— А я вотъ тутъ съ горя то, продолжалъ Щетининъ, значительно понизивъ тонъ:—книжонка тутъ одна мнѣ попалась, я и сталъ ее перелистывать отъ нечего дѣлать...

— Да?

— Ничего. Книга дѣльная.

— Ну, и что̀ же?

— Да я нахожу, что авторъ совершенно правъ: онъ говоритъ, что безъ капитала никакое серьезное, прочное дѣло невозможно.

— Такъ.

— Что, говоритъ, прежде всего необходимо сосредоточить большія денежныя средства, а потомъ ужъ, какъ деньги у тебя въ рукахъ, тогда что̀ хочешь дѣлай...

— Да. Ну, а тебѣ-то какое же до этого дѣло?

— А такое, что эта книга наводитъ меня на совершенно новыя предположенія: она мнѣ показала, что еще не все потеряно. По правдѣ тебѣ сказать, я на тебя совсѣмъ и не сержусь. Что̀ сдѣлано, того ужъ не воротишь. Но сидѣть сложа руки и плакаться на судьбу я тоже не могу: мнѣ нужно дѣло, нужно занятіе, и я придумалъ такое дѣло.

— Любопытно.

— Да, братъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ; авось Богъ дастъ и мнѣ порадѣть на пользу общую; дай срокъ мнѣ только разбогатѣть, а съ деньгами мы всѣ эти дѣла обработаемъ.

— Давай Богъ!

Щетининъ почти повеселѣлъ: измятое лицо его оживилось; онъ началъ ходить по комнатѣ и, задумчиво улыбаясь, поглаживалъ себя по головѣ, потомъ вдругъ остановился.

— Да! что-жъ я? Вѣдь ты ѣдешь. Я и забылъ. Закусить что̀-нибудь?

— Я не хочу.

— Да нельзя, братецъ. Хоть мы съ тобой и соперники въ нѣкоторомъ родѣ, шутя говорилъ Щетининъ:—а проводы все-таки слѣдуетъ справить по чину; по крайней мѣрѣ бутылочку роспить.

Онъ приказалъ подать вина.

— Такъ-то, братъ, уже совсѣмъ повеселѣвъ, сказалъ Щетининъ, и хлопнулъ Рязанова по колѣнкѣ.—Вотъ осень подходитъ, стану хлѣбъ скупать, а къ веснѣ овецъ заведу. Главная вещь—денегъ сколотить какъ можно больше, а тамъ... Вотъ тогда я погляжу, что̀ ты скажешь, погляжу.

— Я все равно и теперь могу сказать.

— Что̀ же такое?

— Старую ты пѣсню поешь: «разбогатѣю, а потомъ начну благодѣтельствовать человѣчеству».

— Да если и старая, такъ что̀-жъ тутъ дурного? Вѣдь я тебѣ говорю же, куда я употреблю эти деньги.

— Понимаю. Цѣль-то, положимъ, что и хорошая, да средство это такое...

— Чѣмъ же? Деньги—это сила.

— Сила-то она, конечно, сила, да только вотъ что̀ худо,—что пока ты пріобрѣтешь ее, такъ до тѣхъ поръ ты такъ успѣешь насолить человѣчеству, что послѣ всѣхъ твоихъ богатствъ не хватитъ на то, чтобъ расплатиться. Да главное, что и расплачиваться будетъ какъ-то ужъ неловко: желаніе пріобрѣтать войдетъ въ привычку, такъ что эти деньги нужно будетъ ужъ отъ тебя насильно отнимать.

— Зачѣмъ ты непремѣнно вездѣ все видишь зло? А развѣ не могу я честнымъ образомъ?

— Мм—трудно. Впрочемъ, мнѣ одинъ знакомый протодіаконъ разсказывалъ,—такой былъ случай, какъ одна благочестивая дѣвица и невинность соблюла, и капиталъ пріобрѣла. Да, бываютъ такіе случаи, но рѣдко.

Лакей принесъ на подносѣ бутылку рейнвейну и два стакана.

— Тебя послушать, говорилъ Щетининъ, наливая въ стаканы вино,—такъ въ самомъ дѣлѣ только и остается, что камень на шею, да въ воду. Давай-ка выпьемъ мы съ тобой: дѣло-то вѣрнѣе будетъ.

— Это, конечно, вѣрнѣй, замѣтилъ Рязановъ и чокнулся со Щетининымъ.—Но овецъ-то ты все-таки вѣдь заведешь?

— Заведу, братъ; это ужъ ты меня извини.

— Ну, да. И хлѣбомъ барышничать все-таки будешь?

— Буду, братъ; что̀ дѣлать?—Буду. Нельзя, потому наше дѣло торговое, въ убытокъ продавать не приходится.

— Разумѣется. Такъ ты не слушай! Мало ли что говорится, всего не переслушаешь. Однако мнѣ пора. Вонъ и лошадей ужъ привели.

Щетининъ взглянулъ въ окно: на дворѣ у флигеля стояла телѣга, запряженная парою шаршавыхъ крестьянскихъ лошаденокъ; на козлахъ сидѣлъ мужикъ.

— Да куда же ты стремишься-то однако? а? спросилъ Щетининъ.—Въ какія страны?

— А сіе намъ доподлинно неизвѣстно, улыбаясь отвѣтилъ Рязановъ.—Ну, прощай же!

— Прощай, братъ, прощай, какъ-то задумчиво и вмѣстѣ нараспѣвъ протянулъ Щетининъ, пожимая ему руку.—А знаешь ли, что̀ я тебѣ скажу? Вотъ хочешь ты мнѣ вѣришь, хочешь нѣтъ,—это ты какъ хочешь; а вѣдь мнѣ ей-Богу жаль тебя, то есть душевно жаль. Честное слово.

— Вѣрю, тихо сказалъ Рязановъ и сталъ торопливо завязывать носовымъ платкомъ себѣ шею.

— И что̀ бы я взялъ теперь вотъ эдакъ мыкаться по бѣлу свѣту, разсуждалъ между тѣмъ Щетининъ, заложивъ руки въ карманы и покачиваясь изъ стороны въ сторону:—то есть кажется осыпь меня золотомъ, чтобы я согласился,—да ни за что̀! Безъ пріюта, безъ пристанища, ничего назади, ничего впереди...

— До свиданья, отрывисто сказалъ Рязановъ и вышелъ. Проходя черезъ переднюю, онъ заглянулъ въ залу и увидѣлъ Марью Николаевну; она стояла въ дверяхъ, прислонившись къ косяку и, повидимому, ждала его. Онъ подошелъ къ ней.

— Я хотѣла съ вами проститься, сказала она, отходя отъ двери и приглашая его войти въ залу.

— И я тоже хотѣлъ, отряхнувъ фуражку, сказалъ Рязановъ. Онъ взглянулъ ей въ лицо: оно было совершенно спокойно, даже какъ будто немного торжественно и напоминало то выраженіе, какое было на немъ три мѣсяца тому назадъ, когда Рязановъ только что пріѣхалъ въ деревню.

— Мы съ вами, начала она:—столько говорили все лѣто, что...

— Все ужъ переговорили, подсказалъ Рязановъ.

— Нѣтъ, еще не все, сухо замѣтила она.—Такъ какъ говорили больше вы, а я все больше слушала, то теперь ваша очередь выслушать, что̀ я вамъ скажу.

— Слушаю-съ, наклоняя голову, сказалъ Рязановъ.

— Я хотѣла... во-первыхъ, я хотѣла поблагодарить васъ за все, что̀ вы для меня сдѣлали, и кромѣ того еще за вчерашній разговоръ.

Рязановъ стоялъ передъ ней, наклонивъ голову, опустивъ глаза и слушалъ.

— За это объясненіе я особенно вамъ благодарна.

На словѣ *особенно* она сдѣлала удареніе.

— Этимъ объясненіемъ вы предостерегли меня отъ очень важной ошибки. Въ эту ночь я пережила душевный кризисъ, но теперь я ужъ совсѣмъ здорова. Вы помогли мнѣ въ этомъ. Вы, можетъ быть, и сами не знали, какую оказали мнѣ услугу. Но я вамъ должна сказать еще одну вещь, которая вѣроятно, васъ очень удивитъ. Слушайте! Всѣ наши разсужденія, все, все рѣшительно я помню, я не забыла ничего; каждое ваше слово я помню и знаю, что это такъ, что вы мнѣ правду говорили...

— Да-съ.

— Но, странное какое дѣло,—представьте, что сегодня я ужъ вамъ не вѣрю; то есть я какъ-то вамъ именно не вѣрю. Это васъ удивитъ конечно?

— Нѣтъ, поднимая глаза, отвѣчалъ Рязановъ.—Я знаю еще другой подобный случай, мнѣ одна барыня вотъ тоже говорила: я, говоритъ, знаю, что земля кругла, но я этому не вѣрю.

Марья Николаевна закусила губы и торопливо заговорила:

— Ну, да; и я знаю, что у васъ на это хватитъ остроумія, только вы напрасно трудитесь: на этотъ разъ я говорю совсѣмъ серьезно.

— И я на этотъ разъ такъ же серьезно отвѣчаю вамъ, что въ моемъ сравненіи нѣтъ ничего для васъ обиднаго; напротивъ, это такъ и слѣдуетъ: не вѣрьте никому и мнѣ въ томъ числѣ; тѣмъ лучше, меньше будетъ душевныхъ кризисовъ, меньше ошибокъ.

— Нѣтъ, я на это несогласна.

— Въ такомъ случаѣ какъ вамъ угодно, а я долженъ ѣхать, потому что пока мы здѣсь бесѣдуемъ, одинъ прилежный земледѣлецъ, приглашенный мною, чтобы довезти меня до города, потеряетъ много золотого времени.

— Ахъ, я васъ не держу.

— Вы не имѣете ничего больше сообщить мнѣ?

— Н-ничего.

Марья Николаевна покачала головой.

— Прощайте!

Она протянула ему руку. Рязановъ еще разъ мелькомъ взглянулъ ей въ лицо: оно было совершенно холодно.

— Прощайте, Иванъ Степанычъ, сказалъ Рязановъ, входя во флигель.

— Куда вы? Ѣдете? Ну, вотъ! Не ѣздите!

— Что̀ жъ дѣлать, надо ѣхать.

— Эхъ, вы! А я было собирался съ вами за зайцами? А? Какъ бы закатились! Ну, такъ постойте же, я вамъ завяжу, говорилъ онъ, вырывая у Рязанова узелъ.—Ничего вы не умѣете.

Рязановъ принялся застегивать чемоданъ.

— Да что̀, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ Иванъ Степанычъ:— я и самъ погляжу, погляжу, да и тово... уѣду тоже куда-нибудь, въ Польшу, вдругъ рѣшилъ онъ, поднимая узелъ.— А? Какъ вы думаете? отличная штука! Вы тоже въ Польшу? Поѣзжайте, поѣзжайте! Вотъ тамъ мѣста-то, говорятъ.

— Да, мѣста, не слушая отвѣтилъ Рязановъ, нагнувшись надъ чемоданомъ.

Пока Рязановъ съ помощью Ивана Степаныча укладывалъ свои пожитки въ телѣгу, ко флигелю подошла старая дьячиха и привела сына, одѣтаго въ заячій тулупчикъ. Она долго крестила его и, усадивъ въ телѣгу, все еще кутала и прикрывала старымъ ситцевымъ одѣяломъ, торопливо доставала изъ-за пазухи какіе-то узелочки и, будто украдкой отъ кого-то, совала ему въ карманъ; наконецъ сняла съ себя платокъ и повязала ему шею.

Марья Николаевна все время стояла у окна, и когда мужикъ задергалъ возжами и замахалъ на лошадей хворостиной, она вздохнула, опустивъ голову, тихо и задумчиво прошла въ свою комнату и стала укладываться въ дорогу.

ХОРОШІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Пять главъ изъ неоконченнаго романа).

I.

Въ началѣ іюня 186* года пріѣхалъ въ Петербургъ «неслужащій дворянинъ» Сергѣй Николаевичъ Теребеневъ. За три дня до этого онъ былъ еще въ Гамбургѣ и не собирался въ Россію; въ Гамбургъ онъ прибылъ изъ Женевы съ тѣмъ, чтобы немедленно ѣхать въ Америку и, вмѣсто того, очутился въ Петербургѣ. Дѣлъ у него ни въ Россіи, ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ не было никакихъ, никто его никуда не звалъ, спѣшить ему было рѣшительно некуда; слѣдовательно, внезапное возвращеніе его на родину ничѣмъ другимъ объяснить было невозможно, какъ только развѣ какими-нибудь внутренними, особенно уважительными причинами, никому, кромѣ самого Теребенева, неизвѣстными. Причины эти, конечно, онъ имѣлъ. Впрочемъ, еслибъ ихъ и не было, то человѣка, подобнаго Теребеневу, такое незначительное обстоятельство стѣснить не могло: онъ самъ себя считалъ вполнѣ независимымъ, всегда располагалъ собою какъ ему было угодно и никогда ничѣмъ не затруднялся. На этотъ разъ, однако, у него была, въ самомъ дѣлѣ, уважительная причина вернуться въ Петербургъ: въ Гамбургѣ съ нимъ случилось одно неожиданное, хотя, впрочемъ, самое ничтожное происшествіе, до такой степени ничтожное, что его даже не стоитъ называть происшествіемъ, но которое, тѣмъ не менѣе, произвело на него сильное впечатлѣніе: оно вдругъ дало новый оборотъ его мыслямъ и совершенно измѣнило всѣ его планы.

Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ еще въ полномъ убѣжденіи, что ему необходимо ѣхать въ Америку и не только необходимо, а что просто ничего больше и дѣлать не остается. «Или Америка, или... или опять-таки Америка и никакихъ тутъ *или*, никакого выбора нѣтъ и быть его не можетъ». Ему казалось, что съ Европой у него всѣ счеты кончены: онъ не нашелъ въ ней того, чего искалъ, и пришелъ къ тому заключенію, что искать больше нечего. «Европа вся изъѣзжена и изучена вдоль и поперегъ, въ Европѣ не осталось живого мѣста, не осталось угла, гдѣ бы можно было преклонить голову съ увѣренностью, что этимъ самымъ не нарушается чье нибудь право. Жить въ Европѣ —это значитъ не уважать себя; жить въ Европѣ—это все равно, что участвовать въ какой-нибудь постыдной спекуляціи, это значитъ волей неволей затягиваться въ игру, которой и конца не предвидится. Въ Европѣ порядочному человѣку не слѣдуетъ оставаться ни одной минуты»... Однимъ словомъ, вопросъ о Европѣ былъ поставленъ круто.

По пріѣздѣ въ Гамбургъ—это было рано утромъ—Теребеневъ тотчасъ же отправился на пристань, брать билетъ въ Нью-Іоркъ; но контора была еще заперта, дѣлать было нечего, онъ пошелъ бродить по набережной: ему не хотѣлось даже возвращаться въ городъ, чтобы не отбиваться отъ берега. Всю дорогу отъ самой Женевы онъ волновался и спѣшилъ; онъ не могъ дождаться минуты, когда пріѣдетъ въ Гамбургъ —такъ его и тянуло къ морю; ему хотѣлось скорѣй увидать воду, вздохнуть морскимъ воздухомъ, ему хотѣлось скорѣе *дойти до края*. И наконецъ-то онъ дошелъ! Теперь онъ стоялъ, такъ сказать. на самомъ концѣ этого края! Здѣсь, на этомъ берегу, кончается старая жизнь; Европа осталась назади, тутъ уже море, а тамъ впереди, за океаномъ, новый свѣтъ, новая жизнь...

— Скорѣй, скорѣй отсюда, думалъ Теребеневъ, нетерпѣливо прохаживаясь по набережной и жадно всматриваясь въ морскую даль.

Но всю эту даль густо застилало туманомъ, который несло съ востока; впереди только едва-едва можно было разсмотрѣть одинъ огромныхъ размѣровъ пароходъ, стоявшій на якорѣ; у самаго берега дымился другой—поменьше; на пристани толпились какіе-то люди. Теребеневъ подошелъ поближе—посмотрѣть, что̀ тамъ такое.

Было сѣрое, холодное утро, въ воздухѣ пахло гарью и моремъ; люди, толпившіеся на пристани, оказались переселенцы, которыхъ въ тотъ же день отправляли въ Америку: ихъ сажали на маленькій пароходъ и отвозили на большой.

Гамбургъ—это одно изъ тѣхъ отверстій, черезъ которыя Европа ежегодно освобождается отъ лишняго бремени, выбрасывая въ море людей, которыхъ по ея разсчету прокормить она не въ силахъ. Съ этою цѣлью въ Гамбургѣ, Любекѣ, Лондонѣ, Гуллѣ и прочихъ большихъ приморскихъ городахъ устроены агентства, которыя занимаются отправкою желающихъ переселиться въ Америку. Такимъ образомъ, Европа ежегодно лишается нѣсколькихъ тысячъ работниковъ.

Теребеневъ очень хорошо зналъ всѣ эти подробности и потому съ величайшимъ вниманіемъ сталъ разсматривать людей, толпившихся на пристани, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ въ нихъ своихъ будущихъ товарищей. Тутъ собрались люди всевозможныхъ націй, впрочемъ, большею частью швабы; на берегу оставалось еще человѣкъ пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ. Теребенева прежде всего поразило то, что почти всѣ эти люди высокаго роста, сильнаго сложенія, съ серьезными лицами, широкими спинами и здоровыми руками. Онъ почему-то всегда представлялъ себѣ переселенцевъ какими-то заморышами; ему казалось, что они должны быть такіе жалкіе. Теперь онъ самъ удивился, что они оказались вовсе не такими, какъ онъ ихъ себѣ представлялъ. Онъ даже съ удовольствіемъ замѣтилъ, что почти у всѣхъ выраженіе глазъ было упрямое и жесткіе волосы; у многихъ были крючкомъ загнуты пальцы вродѣ когтей. И это ему очень понравилось. Зато багажу у нихъ было немного: кое-кто съ мѣшками, у остальныхъ же ровно ничего; одни въ ожиданіи очереди стояли у перилъ, засунувъ руки въ карманы, закинувъ ногу за ногу и спокойно курили коротенькія глиняныя трубки; другіе лежали въ растяжку на землѣ, подложивъ руки подъ голову и спокойно смотрѣли въ небо, не обращая никакого вниманія на то, что вокругъ нихъ ходили, черезъ нихъ шагали, задѣвали ихъ ногами. Они какъ-будто и не замѣчали другъ друга,—каждый былъ занятъ своими мыслями. Даже женщины не разговаривали между собою: собравъ вокругъ себя дѣтей, онѣ сидѣли отдѣльно на своихъ мѣшкахъ; дѣти не шумѣли, не возились и тоже смотрѣли серьезно. На всѣхъ лицахъ, не смотря на разнообразіе типовъ, видно было одно—спокойное сознаніе того, что что̀-то кончилось и кончилось навсегда. Да и вообще вся эта компанія была похожа скорѣе на партію арестантовъ, которыхъ отправляютъ въ ссылку, нежели на пассажировъ.

По мѣрѣ того, какъ Теребеневъ всматривался въ то, что̀ происходило на пристани, въ головѣ его сами собой стали складываться совершенно новыя соображенія: ему показалось, что онъ вдругъ понялъ то, чего не понималъ до сихъ поръ, о чемъ прежде даже и не думалъ. Во-первыхъ, на него подѣйствовала обстановка: утро, морской берегъ, разношерстная и безмолвная толпа переселенцевъ, поочередно уходящихъ съ берега на пароходъ и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезаюшихъ въ туманѣ, а, главное, его поразила тишина и какая-то необыкновенная торжественность всей картины. И дѣйствительно, это былъ не простой отъѣздъ: эти люди *добровольно* покидали родину навсегда и цѣлыми семьями ѣхали искать хлѣба и работы въ другую часть свѣта потому, что, въ противномъ случаѣ, имъ приходилось *поневолѣ* умирать съ голода.

— А между тѣмъ, думалъ Теребеневъ,—эти люди, эти что̀ называется самые настоящіе работники,—крѣпкіе, несокрушимые люди, съ дѣтства привыкшіе къ постоянному тяжелому труду. Глядя на этихъ людей, можно навѣрное сказать, что каждый изъ нихъ боролся до послѣдней минуты, до послѣдней капли крови, шагъ за шагомъ отстаивалъ свое право на существованіе и только тогда, когда уже не оставалось ни малѣйшей надежды, когда въ нихъ убили всякую вѣру въ справедливость европейскаго порядка, когда они совершенно ясно убѣдились въ томъ, что за все терпѣніе, за всю настойчивость, на ихъ долю приходится все-таки ни больше, ни меньше какъ голодная смерть,—тогда, только тогда поняли они, наконецъ, что здѣсь, на этомъ берегу, имъ больше дѣлать нечего. Теперь, въ эту минуту, они нравственно умирали для Европы, но умирали такъ, какъ могутъ умирать только герои: безъ жалобъ, безъ слезъ, безъ кривлянья, даже безъ публики.

Одинъ человѣкъ, только одинъ Теребеневъ былъ зрителемъ этой сцены, только онъ одинъ видѣлъ и понималъ, и удивлялся, какъ это просто дѣлается. Они вотъ тутъ, на его глазахъ, одинъ за другимъ уходили съ берега; худощавыя высокія женщины, съ блѣдными дѣтьми на рукахъ, молча и не оглядываясь, шли за ними на пароходъ. Никто не плакалъ, никто ни съ кѣмъ не прощался, потому что плакать было не о чемъ, прощаться было не съ кѣмъ. Уходя отсюда, они уносили съ собой все: и свое достоинство, и свое право на жизнь, котораго въ Европѣ за ними не признали. Всѣ они какъ будто чувствовали, что здѣсь имъ нанесена такая страшная обида, которой ни одинъ человѣкъ простить не можетъ и послѣ которой остается одно—уходить. И они уходили спокойно, съ гордымъ сознаніемъ того, что съ своей стороны они сдѣлали все что̀ могли и что правда осталась на ихъ сторонѣ...

Теребеневъ стоялъ у самаго трапа и почти съ благоговѣніемъ смотрѣлъ, какъ они, одинъ за другимъ, проходили мимо него на пароходъ. Теперь только понялъ онъ, что здѣсь, на этой пристани, онъ видитъ развязку той ужасной драмы, которая разыгрывается тамъ, гдѣ то,—на фабрикахъ, на чердакахъ, въ подвалахъ, разыгрывается ежедневно и постоянно, круглый годъ. Онъ никогда не видалъ этой драмы, но онъ очень хорошо зналъ ея содержаніе: онъ зналъ, что драма основана на борьбѣ изъ-за куска хлѣба и кончается тѣмъ, что кому-нибудь непремѣнно приходится умереть съ голода, или уйти со сцены. Здѣсь онъ видѣлъ, своими глазами, какъ уходятъ со сцены люди, которые не хотятъ умирать... «Вотъ-вотъ она, настоящая современная драма! думалъ Теребеневъ.—Вотъ они, герои этой драмы! Теперь ужъ нѣтъ другихъ героевъ, нѣтъ больше драмы, кромѣ этой, и герой этой драмы—работникъ».

До этой минуты Теребеневъ могъ еще довольно спокойно стоять на мѣстѣ и оставаться зрителемъ того, что̀ происходило на пристани; но тутъ, онъ ужъ не выдержалъ. Это былъ не того сорта человѣкъ: онъ никогда не могъ довольствоваться безучастнымъ созерцаніемъ жизни, его всегда тянуло туда, на сцену; и поэтому онъ всегда вмѣшивался во всякое дѣло, которое, по его мнѣнію, требовало его вмѣшательства; а въ настоящемъ случаѣ это было необходимо; онъ нашелъ связь между переселенцами и самимъ собою и въ ихъ отъѣздѣ видѣлъ свое личное дѣло, къ которому нельзя же относиться безучастно. По поводу этого отъѣзда онъ вдругъ вспомнилъ о тѣхъ страшныхъ богатствахъ, о той безумной роскоши, которыя ему приходилось видѣть въ большихъ городахъ Европы; вспомнилъ, что всѣ эти богатства созданы руками вотъ этихъ самыхъ людей и ихъ же за это чуть не уморили съ голоду. Они теперь уходятъ, а тамъ остались другіе, которые воспользовались ихъ трудомъ и живутъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало: имъ весело, они тамъ смѣются, разъѣзжаютъ по баламъ, объясняются въ любви другъ другу; имъ и въ голову не приходитъ, что они всѣмъ своимъ счастіемъ обязаны вотъ этимъ самымъ бездомнымъ бродягамъ, у которыхъ отняли все, даже родину, которые должны были продать себя какимъ-то аферистамъ и теперь ѣдутъ чортъ знаетъ куда, искать пристанища и хлѣба. Какъ только онъ себѣ это представилъ и сообразилъ все безобразіе, всю вопіющую несправедливость этого дѣла, такъ въ ту же минуту рѣшилъ, что это страшная нелѣпость и что этого нельзя такъ оставить, Но только что онъ заторопился и сталъ думать поскорѣй, какъ ему слѣдуетъ поступить, какъ вдругъ его поразила совершенно новая мысль: по поводу незаконнаго пользованія чужимъ трудомъ онъ невольно подумалъ о самомъ себѣ: что если на то пошло, такъ вѣдь и онъ самъ, Теребеневъ, тоже немножко замѣшанъ въ это дѣло, что и онъ отчасти пользовался чужимъ трудомъ; да и не отчасти, а пожалуй, что больше ничего и не дѣлалъ, какъ только все пользовался и пользовался и никогда, ничего никому не возвращалъ. Стало быть, во всякомъ случаѣ, если даже съ Европой у него счеты и кончены, то у европейскихъ работниковъ онъ все-таки въ долгу. Это обстоятельство, которое прежде онъ какъ-то упустилъ изъ вида, ужасно смутило его: онъ вдругъ почувствовалъ себя необыкновенно виноватымъ предъ этими переселенцами, ему захотѣлось поскорѣе какъ-нибудь все это загладить, какъ-нибудь разсчитаться съ ними. Только какъ же это сдѣлать? Это невозможно. Но это нужно, это необходимо нужно и притомъ скорѣй, какъ можно скорѣй. «Что я буду дѣлать?» думалъ Теребеневъ, почти съ отчаяніемъ. И вдругъ ему пришло въ голову упасть передъ ними на колѣна, просить у нихъ прощенія и умолять ихъ, чтобы они не ѣхали, чтобы они остались. Вихремъ завертѣлись у него въ головѣ какіе-то планы... Сейчасъ ему представилось, что можно что-то такое сдѣлать, достать у кого-то денегъ, взять въ Россіи какую-то землю и поселить на ней этихъ переселенцевъ... Потомъ онъ вспомнилъ, что у него есть имѣніе, сообразилъ много ли тамъ десятинъ и принялся считать, сколько человѣкъ осталось на пристани... Но тутъ же догадался, что все это пустяки, что ничего этого сдѣлать нельзя потому, что это надо поскорѣй, сейчасъ, сію минуту... Онъ заторопился, заметался и сталъ рыться у себя въ карманахъ; подъ руку ему попались деньги.

— А, деньги! хорошо! По крайней мѣрѣ деньги имъ отдать, всѣ, всѣ, какія есть!...

Оказалось, что всѣхъ денегъ онъ съ собою не взялъ: онѣ остались въ гостинницѣ, въ карманѣ была только мелочь. Онъ было хотѣлъ бѣжать въ гостинницу, но подумалъ, что это далеко, извозчика ни одного нѣтъ, а пока пробѣгаешь въ городъ, пароходъ можетъ уйти; поэтому все-таки лучше отдать имъ хоть что-нибудь. Все это онъ рѣшилъ въ одну секунду и сейчасъ же быстро подошелъ къ первому попавшемуся переселенцу, который велъ за руку мальчика лѣтъ семи, и началъ, сбиваясь и путаясь въ словахъ, объяснять ему по-нѣмецки, что онъ понимаетъ... что онъ вполнѣ сочувствуетъ ихъ положенію; что это такое положеніе, которое... однимъ словомъ, онъ желалъ бы съ своей стороны облегчить... и т. д. Переселенецъ оказался работникомъ изъ Швабіи; онъ спустилъ на землю мѣшокъ, который былъ у него на спинѣ, и сталъ слушать; въ это время къ нимъ подошла женщина, должно быть жена этого шваба, и тоже стала слушать. Теребеневъ опять заговорилъ еще скорѣе и еще торопливѣе, обращаясь попеременно то къ швабу, то къ женщинѣ. Ему хотѣлось сказать, что онъ, Теребеневъ, тоже покидаетъ Европу потому, что здѣсь больше дѣлать нечего; что онъ на нихъ смотритъ какъ на товарищей и что теперь у нихъ должно быть все общее; но на словахъ это у него какъ-то не выходило, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ плохо по-нѣмецки и поэтому старался заставить себя понять по крайней мѣрѣ съ помощью жестовъ: чтобъ вышло понятнѣе, онъ одной рукой съ негодованіемъ отмахивался отъ Европы, а другою показалъ сначала на свой карманъ, потомъ дотронулся до груди шваба, потомъ повертѣлъ пальцемъ въ воздухѣ, т. е. это значитъ *все общее*; и наконецъ протянулъ руку къ морю.

Швабъ посмотрѣлъ на женщину, поджалъ губы, поднялъ глаза вверхъ и покачалъ головой; женщина посмотрѣла на шваба и тоже покачала головой. Они не понимали.

Теребенева вдругъ осѣнила мысль: онъ проворно схватилъ мальчика за руку, разжалъ ему пальцы, положилъ деньги въ руку и опять зажалъ ихъ въ горсть. Швабъ спокойно нагнулся къ сыну, посмотрѣлъ что̀ у него въ рукѣ, взялъ деньги и такъ же спокойно отдалъ ихъ Теребеневу; потомъ, не торопясь, взвалилъ себѣ на плечи мѣшокъ и пошелъ на пароходъ.

Теребеневъ, въ ту самую минуту, когда разжималъ мальчику пальцы, уже чувствовалъ, что это какъ-то неловко, что по настоящему этого не слѣдуетъ; но не успѣлъ во-время остановиться и потому, получивъ обратно свои деньги, сейчасъ же повернулся и почти бѣгомъ пустился отъ шваба. Все это случилось такъ быстро, что даже никто этого не успѣлъ замѣтить; но Теребеневу казалось, что теперь ужъ вся пристань смотритъ на него, что съ парохода видѣли, что всѣ переселенцы вдругъ заговорили на разныхъ языкахъ, показываютъ на него пальцами и смѣются. Онъ шелъ все дальше, дальше, не оглядываясь и судорожно комкая въ карманѣ эти проклятыя деньги, которыя такъ не кстати подвернулись ему подъ руку. Цѣлый часъ еще ходилъ онъ взадъ и впередъ по набережной, пока всѣхъ переселенцевъ не перевезли на большой пароходъ; и только тогда вернулся на пристань, сѣлъ на какой-то ящикъ и задумался.

Онъ никакъ не могъ успокоиться послѣ случившагося съ нимъ скандала и нарочно пришелъ опять на то же мѣсто, чтобъ обдумать получше, какъ это такъ и почему это такъ случилось? Но сколько онъ ни думалъ, все-таки ничего утѣшительнаго для себя придумать не могъ; даже напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ какъ-то выходило все хуже и хуже.

Прежде всего, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, и притомъ оскорбленнымъ по собственной глупости, что̀ обиднѣе всего, конечно; и хотя онъ вполнѣ оправдывалъ шваба, но самому-то ему отъ этого было нисколько не легче потому, что оскорбленія онъ все-таки не могъ не чувствовать и не думать о немъ тоже не могъ. Для того, чтобы хоть сколько-нибудь избавиться отъ непріятнаго чувства, онъ старался, по крайней мѣрѣ, отнять по возможности у этого оскорбленія личный характеръ и придать ему какое-то общечеловѣческое значеніе.

— Ну да, они правы, разсуждалъ онъ, сидя на ящикѣ: они имѣютъ полное право плевать на все. Что̀ они такое, собственно говоря—нищіе, безграмотные нищіе, бродяги; и, не смотря на то, все-таки смѣло могутъ плевать на всю Европу потому, что имѣютъ на это право; они боролись, они вели отчаянную борьбу на жизнь и смерть, они голыми руками воевали съ цѣлымъ порядкомъ вещей. Развѣ это шутка? Они честнымъ трудомъ надѣялись перевернуть всю эту машину. Это, конечно, съ ихъ стороны было очень глупо... впрочемъ, и я тоже хорошъ—разлетѣлся съ своею мелочью. Ну, и отлетѣлъ. Такъ мнѣ и надо: впередъ не суйся куда не спрашиваютъ; ступай въ свое мѣсто... Гм! въ свое мѣсто! Интересно знать, гдѣ это мое мѣсто.

Теребеневъ невольно улыбнулся и потрогалъ рукою ящикъ, на которомъ сидѣлъ.—Пожалуй, что и здѣсь не мое мѣсто. Кто-нибудь придетъ и сгонитъ. Лучше уйти.

Онъ всталъ и пошелъ вдоль берега.

— И зачѣмъ я это сдѣлалъ? продолжалъ онъ разсуждать, прохаживаясь по набережной:—Ужъ если онъ наплевалъ на все, то понятно, что и на мои два съ полтиной онъ тоже долженъ наплевать потому, что̀ я такое для него? кто я такой?—Я потребитель, т. е. одинъ изъ тѣхъ, которые, такъ сказать, питались его по̀томъ и кровью, и вдругъ этотъ потребитель подлетаетъ къ нему и говоритъ: «Вотъ тебѣ, братецъ, на чай! возьми, въ дорогѣ годится». Это за потъ и за кровь-то, а?.. Нѣтъ, какъ онъ все-таки деликатно поступилъ: онъ только возвратилъ мнѣ деньги и больше ничего. Даже не поблагодарилъ. Другой на его мѣстѣ непремѣнно поблагодарилъ бы, или плюнулъ бы въ глаза; а онъ только возвратилъ и пошелъ. Преспокойно пошелъ себѣ на пароходъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ даже меня какъ будто и не замѣтилъ: посмотрѣлъ только, что̀ у мальчика въ рукѣ: брось, говоритъ, душенька, этого не нужно брать въ руки. Бросилъ и пошелъ. Онъ не возвратилъ, а бросилъ *потому, что это не нужно брать въ руки*. «Не нужно»... Какое противное слово! Что̀ же нужно-то? Что̀ же однако нужно? *Вообще*-то что̀ я буду дѣлать?..

На него напало раздумье. То, что̀ еще недавно было такъ просто и ясно, теперь опять спуталось и опять стало неясно; опять явились вопросы, опять надо думать что̀ дѣлать, куда дѣваться. Отъѣздъ въ Америку былъ уже рѣшонъ окончательно, вдругъ явилось сомнѣніе: дѣйствительно ли необходимо ѣхать, да и можно ли еще ѣхать-то? Теперь ему засѣлъ въ голову вопросъ: имѣетъ ли онъ право сходить со сцены, т. е. уѣхать? Ему казалось, что, не имѣя на это права, не слѣдуетъ рѣшаться на такой поступокъ. Но, въ сущности, всѣ эти разсужденія о правахъ служили только отводомъ отъ главной мысли, до которой онъ боялся дотронуться: ему непріятно было окончательно убѣдиться въ томъ, что онъ промахнулся, и эта мысль, точно заноза, сидѣла у него въ мозгу и не давала ему покоя. Для того, чтобы не думать о ней, онъ принялся разсуждать о правахъ. Впрочемъ, и въ этомъ занятіи утѣшительнаго было немного.

По его же собственному мнѣнію, уходить со сцены можетъ только тотъ, кто, для достиженія какихъ-нибудь цѣлей, истощилъ въ борьбѣ всѣ свои силы и пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшая борьба безполезна. Сейчасъ, разумѣется, слѣдовало спросить самого себя: какія были у меня цѣли, боролся ли я для достиженія ихъ и имѣю ли убѣжденіе, что я истощилъ въ этой борьбѣ всѣ свои силы? Такого убѣжденія Теребеневъ не имѣлъ по той простой причинѣ, что никогда ни съ чѣмъ не боролся, силъ своихъ въ борьбѣ не истощалъ и единственная цѣль, къ которой онъ стремился всю жизнь, состояла въ томъ, чтобы *найти готовое счастье*; главное—найти и, притомъ, непремѣнно готовое. Отсюда прямо слѣдовалъ такой выводъ: стало быть, сходить со сцены я право не имѣю.

Такимъ образомъ, вопросъ «о правѣ» рѣшался необыкновенно просто; но именно эта самая простота-то и не нравилась Теребеневу потому, что она неизбѣжно приводила къ такому выводу, который былъ совсѣмъ не въ пользу его самолюбія. А ему непремѣнно нужно было, во что̀-бы то ни стало, оправдать себя. Для этого онъ изобрѣлъ такую увертку: онъ началъ самому себѣ доказывать, что если ему вздумается, то онъ все-таки можетъ ѣхать потому, что имѣетъ на это еще два права. Во-первыхъ, онъ можетъ это сдѣлать «по праву страданія», а во-вторыхъ—«по праву свободы», т. е. это значитъ, что если онъ самъ лично и не боролся, то во всякомъ случаѣ всегда сочувствовалъ борьбѣ и страдалъ *въ душѣ* за побѣжденныхъ; и наконецъ онъ, какъ человѣкъ разумно свободный, можетъ располагать собою, какъ ему угодно. Но пріобрѣтеніе этихъ новыхъ правъ не доставило ему большого удовольствія: онъ самъ тутъ же почувствовалъ, что отъ этого ему пользы мало и сейчасъ же поспѣшилъ добровольно отказаться отъ нихъ.

Наконецъ, самыя размышленія о пріобрѣтеніи и отчужденіи различныхъ правъ стали до такой степени непріятны, что Теребеневъ готовъ бы былъ, пожалуй, даже совсѣмъ отказаться и отъ поѣздки въ Америку, если бы только нашелся для этого какой-нибудь хоть мало-мальски приличный предлогъ. По настоящему, отыскивать предлогъ не было никакой надобности потому, что предлогъ у него былъ совсѣмъ готовый, но только опять-таки такой предлогъ, что стыдно сказать. Онъ состоялъ въ томъ, что Америка, послѣ исторіи со швабомъ, вдругъ потеряла въ глазахъ Теребенева по крайней мѣрѣ пятьдесятъ процентовъ своей прежней цѣны. Сдѣлавъ это открытіе, онъ хотѣлъ-было совсѣмъ больше объ этомъ не думать: онъ чувствовалъ, что за этимъ первымъ открытіемъ непремѣнно скрывается другое, еще болѣе обидное открытіе, но было ужъ поздно. Какъ онъ ни старался не думать, а самъ все-таки думалъ и додумался-таки и до второго. Второе открытіе состояло въ томъ, что, собственно говоря, никакой Америки ему ненужно и никогда въ ней нужды не было ни малѣйшей; нужна была только увѣренность въ томъ, что онъ *можетъ* наплевать на Европу и уѣхать въ Америку; а это ему нужно было для того, чтобъ Европа была во всемъ виновата, а онъ былъ бы во всемъ правъ; т. е. ему нужна была увѣренность въ самомъ себѣ, въ своей силѣ. И до тѣхъ поръ, пока у него была эта увѣренность, онъ дѣйствительно чувствовалъ себя сильнымъ и былъ счастливъ. Поэтому и переселенцы ему такъ понравились: онъ видѣлъ въ нихъ людей, предъ которыми Европа тоже кругомъ виновата, а они наплевали на нее и ушли потому, что не хотѣли больше съ нею связываться, и этимъ доказали, что они сильные люди, герои. За это онъ къ нимъ съ первой же минуты почувствовалъ большое расположеніе; онъ ужасно полюбилъ ихъ, ему захотѣлось идти за ними... а тутъ, какъ нарочно, эта дурацкая исторія съ швабомъ. Швабъ, передъ которымъ Теребеневъ чуть не упалъ на колѣна, сразу утеръ ему носъ и далъ почувствовать, что гусь свиньѣ не товарищъ и что если онъ, швабъ, можетъ плевать на все, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что и всякій можетъ это дѣлать. Однимъ словомъ, швабъ необыкновенно ясно доказалъ Теребеневу его слабость. Швабу, конечно, и въ умъ не могло придти, что онъ своимъ поступкомъ въ одну минуту лишилъ Теребенева не только спокойствія, но и Америки. Впрочемъ, найти утраченное спокойствіе было еще возможно: для этого нужно было только найти новую точку опоры и поставить себѣ новую, какую-нибудь очень крупную цѣль—такую цѣль, которая по возможности была бы ничѣмъ не хуже Америки. Во всякомъ случаѣ, задача предстояла не легкая: требовалось ни больше, ни меньше, какъ открыть новую Америку и, притомъ, главное—поскорѣе.

II.

Положеніе въ которомъ теперь вдругъ очутился Теребеневъ, дѣйствительно было безвыходное: куда дѣваться? Вернуться въ Европу—нельзя потому, что съ нею ужъ всѣ счеты кончены; ѣхать въ Америку—тоже нельзя, потому что права не имѣетъ. Но вѣдь нужно же куда-нибудь все-таки ѣхать; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставаться на берегу. Куда же, куда?

Теребеневъ вспомнилъ, что онъ всю эту ночь совсѣмъ не спалъ и, со вчерашняго дня, еще ничего не ѣлъ. Чтобы куда-нибудь дѣться *пока*, онъ пошелъ искать временнаго пристаница, трактира, что ли; но на набережной все еще было заперто, такъ какъ все-таки было еще очень рано; только въ одной харчевнѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и пивная лавочка, дверь была отперта. Теребеневъ вошелъ туда, помѣстился у окна и спросилъ пива. Нѣмка, съ круглыми, лоснящимися щеками, въ короткой юбкѣ и короткомъ фартучкѣ, поставила передъ нимъ кружку портера. За другимъ столомъ сидѣли англійскіе матросы въ холщевыхъ курткахъ и вязаныхъ шерстяныхъ шапочкахъ; они тоже пили пиво и играли въ шашки. Одинъ старый матросъ, съ рыжею опушкою вокругъ всего лица, очень похожій на старую обезьяну, стоялъ у стола. Заложивъ на затылокъ свою шапочку, засунувъ руки въ карманы и покуривая огрызокъ сигары, онъ покачивался изъ стороны въ сторону и очень внимательно слѣдилъ за игрой. Никто Теребенева не замѣтилъ и онъ ни на кого не обратилъ вниманія: онъ весь былъ занятъ своими мыслями.

Изъ окна былъ виденъ тотъ же берегъ; пароходъ, стоявшій на якорѣ, готовился въ путь и ужъ началъ разводить пары. Теребеневъ выпилъ залпомъ кружку портера, облокотился на столъ и задумался. Ему не хотѣлось смотрѣть въ окно, а онъ все-таки смотрѣлъ и не могъ отвести глазъ отъ парохода. Теперь онъ ненавидѣлъ его, это былъ для него какой-то непріятельскій пароходъ, отъ котораго можно ожидать Богъ-знаетъ чего, чего—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, ничего хорошаго ожидать нельзя.

— Ну, и уходи поскорѣй,—ворчалъ Теребеневъ.—По крайней мѣрѣ, съ глазъ долой.

Чтобы не глядѣть, онъ отворачивался отъ окна и начиналъ разсматривать нѣмку: замѣтилъ, какія у нея толстыя ноги и совсѣмъ невинное, ничего не думающее, нѣмецкое лицо.

— Вотъ ей никуда не надо ѣхать,—думалъ онъ, глядя на нѣмку.—Она этого, я думаю, и не понимаетъ даже: живетъ на пристани, а сама никуда шага не сдѣлаетъ. Хоть бы куда-нибудь съѣздила. Какая она, должно быть, дура! А этотъ все еще здѣсь торчитъ, все еще не ушелъ...

Пароходъ все еще стоялъ на мѣстѣ!

— Schöne!.. какъ васъ? Fröulein! Дайте-ка, bitte, noch этой бурды.

Нѣмка подала еще кружку; Теребеневъ хлебнулъ, закурилъ папироску и опять задумался; и, въ задумчивости, выпилъ всю кружку. Въ комнатѣ наступила тишина: матросы углубились въ игру; нѣмка, сложивъ руки на животъ, неподвижно сидѣла за прилавкомъ и задремала; потомъ вдругъ очнулась, встала и подошла къ Теребеневу, взять пустую кружку. Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Вамъ что̀ нужно? Was wollen Sie?

Она спросила, не желаетъ ли онъ еще портеру.

— Портеру? Nein. Ну его къ чорту, а вотъ что... знаете, хорошо бы теперь... Какъ это называется? Wie heist es— водка? Водки бы теперь! Какъ это называется?..

Онъ забылъ, какъ по-нѣмецки водка.

— Koniak, подсказала нѣмка.

— Ну вотъ, вотъ: коньякъ, коньякъ. Именно. Это самое. Давайте его сюда.

Теребеневъ былъ человѣкъ совсѣмъ не пьющій и потому, отъ двухъ кружекъ портера, на тощій желудокъ и притомъ послѣ безсонной ночи, у него немного зашумѣло въ головѣ. Но это случилось такъ неожиданно, что онъ и самъ почти не замѣтилъ, какъ захмѣлѣлъ: сидѣлъ, сидѣлъ, думалъ, думалъ и вдругъ ему показалось, что стулъ подъ нимъ немножко покачнулся; онъ поднялъ голову: нѣмка, съ пустой кружкой, стоитъ передъ нимъ и смотритъ; а въ комнатѣ стало какъ-то свѣтло и потолокъ какъ-будто поднимается выше и выше... Теребеневъ увидалъ, что нѣмка хочетъ унести кружку, и у него сейчасъ же явилось нестерпимое желаніе пить еще и еще какъ можно больше.

Нѣмка подала бутылку и рюмку; онъ взялъ у ней изъ рукъ вдоку.

— Это что̀ такое—коньякъ? Прекрасно. Выпить мы выпьемъ, но это не главное. Главное... Да не хотите ли и вы тоже ein Schnaps? Nein? Ну, какъ угодно. Главное я вамъ скажу, главное то—что я хочу говорить. Ich will sprechen. Понимаете? И притомъ, sprechen russisch, непремѣнно russisch. Слышите? Во-первыхъ, я терпѣть не могу говорить по-нѣмецки, говорю скверно и всегда онъ былъ мнѣ противенъ, этотъ языкъ; а во-вторыхъ, я хочу говорить скоро, громко, очень громко, такъ чтобы всѣ слышали, что я могу громко говорить; а если вы и не поймете, такъ это еще важность не большая. Главное, чтобъ говорить. Понимаете вы, что я полгода не говорилъ, полгода! То есть я говорилъ, если хотите, только это развѣ называется говорить? А вотъ теперь мы еще выпьемъ и тогда мы поговоримъ. По-го-во-римъ. Сядьте здѣсь! Setzen Sie sich. Не хотите? Ну, какъ угодно. А впрочемъ, вамъ дѣйствительно не слѣдуетъ садиться, когда я здѣсь сижу. Я здѣсь сижу! Какъ это странно, однако! Я здѣсь, въ кабакѣ, въ вольномъ городѣ Гамбургѣ! Что̀ за чушь за такая? Зачѣмъ я сюда попалъ? Зачѣмъ? Я васъ спрашиваю. И этого тоже не нужно: да и вообще во всемъ, что̀ здѣсь происходитъ, не было ни малѣйшей надобности, понимаете? ни ма-лѣйшей. Это просто не-нуж-но... es ist nicht nöthig. Такъ, кажется, это по-нѣмецки? Господи, что̀ же это такое? а? Нѣтъ, я кажется, въ самомъ дѣлѣ, начинаю пьянѣть. И этого не нужно... А впрочемъ, чортъ васъ возьми совсѣмъ, да почему-жъ однако?.. Очень мнѣ нужно, что вамъ не нужно! Плевать я хотѣлъ. Ну васъ къ чорту, да и съ Америкой-то совсѣмъ. Послушайте, прелестная!. shöne Mädchen, есть у васъ... какъ это? Ну, да все равно, давайте коньякъ, noch ein Schnaps. Давайте скорѣй! А эти господа, они что же не пьютъ? Господа, Messieurs! Herrschaften... Да, вѣдь они англичане! Милорды, пожалуйте сюда!

Одинъ милордъ въ это время, стоя среди комнаты, закуривалъ свой окурокъ и, загнувъ голову на бокъ, давно уже косился на Теребенева. Теребеневъ попросилъ его садиться; тотъ кивнулъ головой и сѣлъ.

— Прошу покорно, говорилъ Теребеневъ, подвигаясь съ своимъ стуломъ.—Не угодно ли портеру? А прочіе что-жъ? Милорды, прошу васъ, не откажите мнѣ въ удовольствіи!

Остальные посмотрѣли, посмотрѣли и тоже усѣлись за столъ.

— Schönes Mädchen, scharmantes Gretchen, bitte noch vier Schoppen! Вы извините меня, господа,—говорилъ Теребеневъ, кланяясь:—я не умѣю говорить по-англійски; но я полагаю, вы отъ этого немного потеряете. Вѣдь вы это можете понимать? Неправда ли?—Онъ указалъ на кружки.—Ну, вотъ и чудесно! Больше ничего и не требуется. Выпьемте, благородные лорды! Есть у меня... Онъ вынулъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и положилъ ихъ на столъ.—Есть у меня такая презрѣнная мелочь, которую никто не беретъ. Вотъ я и хочу попробовать ее пропить— что̀ будетъ? а? какъ вы думаете, милорды? ваше здоровье!

*

Онъ взялъ рюмку и сталъ съ ними чокаться. Матросы самымъ серьезнымъ образомъ протянули ему кружки, приподняли при этомъ шапочки и слегка кивнули головой.

— Ну, вотъ, говорилъ Теребеневъ, отхлебнувъ.—Ну, вотъ, теперь мы и поговоримъ. Прежде всего я вамъ долженъ объявить, господа, что я—русскій Russ. Понимаете?

Онъ указалъ на себя пальцемъ. Матросы опять кивнули въ знакъ того, что они поняли.

— Ну, да, русскій, пьяный русскій. Теперь я самъ вижу, что я пьянъ, а по-англійски все-таки говорить не могу. Ужъ вы меня извините. Что̀ дѣлать! и очень бы желалъ, да не могу. Хотя и пьянъ; а все-таки не могу. Да, милостивые государи, я пьянъ, первый разъ въ жизни, замѣтьте:—первый разъ! И, знаете ли, я вамъ скажу, я теперь только понялъ, вотъ сію минуту понялъ, что собственно говоря, не смотря на то, что я никогда прежде капли въ ротъ не бралъ, я, собственно говоря, былъ горчайшимъ пьяницей. Горчайшій! понимаете? Я это теперь понимаю. Да, это такъ: пьяница, запивоха, пропащій человѣкъ! Это ясно. И еще мнѣ ясно, говорилъ Теребеневъ, растягивая слова и, какъ-будто, вдумываясь; теперь еще мнѣ ясно вотъ что̀: что, собственно говоря, всѣ мы, русскіе, всѣ пьяницы—всѣ, всѣ, всѣ, всѣ до единаго! Всѣ мы—горькіе, несчастные, съ кругу спившіеся пьянчужки? Только пьемъ-то мы не такъ, какъ всѣ пьютъ, не по-людски. Вы вѣдь тоже, господа милорды, вы вѣдь тоже употребляете, грѣшнымъ дѣломъ, только это совсѣмъ не то: вы вотъ тамъ запираете двери и пьете за здравіе Мери; пьете вы портеръ, или эту самую уиску—Богъ васъ знаетъ— и все это у васъ ничего, благородно; а мы не такъ. Вы знаете ли, что русскій безъ вина пьянъ живетъ? Вотъ такъ молодецъ! Безъ вина, однимъ воздухомъ: вотъ сейчасъ понюхалъ и готовъ. Жизнью своей упивается: жизнь такая у него пьяная; и вѣтромъ его съ ногъ валитъ. А когда мы, въ самомъ дѣлѣ нарѣжемся водки, ну тогда... тогда чортъ знаетъ что̀ дѣлается: тогда мы всѣ начинаемъ орать, хохотать, проклинать и себя, и людей, и водку, и жизнь свою проклятую, анаѳемскую жизнь... чтобъ ей провалиться за то, что она погубила, погубила насъ, погубила! Такъ мы и пропадаемъ ни за грошъ. Вы понимаете, что̀ я говорю? *іесъ?* Ну, да. Вы знаете, что я русскій, что я говорю, говорю что̀-то такое несообразное. Чего же больше? Вы видите передъ собой человѣка, который открываетъ вамъ свою душу и вы это чувствуете потому, что вы люди простые, работники, вы честные люди; вы все понимаете, все. Не правда ли? Дайте мнѣ ваши руки, милорды! Выпьемте еще! Что ты такъ смотришь на меня, другъ мой Джонъ! Ну, да все равно, я хочу, чтобъ ты былъ Джонъ!; вотъ и все. Что ты такъ смотришь на меня? Ты думаешь, милѣйшій, что я хватилъ черезъ край? Нѣтъ, душа моя: я только еще все брожу по краешку. Видишь ты, вотъ какъ эта муха бродитъ по краямъ моей рюмки. Она прилетѣла, сунулась-было туда, попробовала лапкой и видитъ, что тамъ мокро, и назадъ. Какъ ей быть? Кинуться туда, очертя голову, въ эту мокроту—страшно; и назадъ улетѣть ни съ чѣмъ тоже не хочется, потому—совѣстно. Вотъ она и бродитъ по краешку, она думаетъ: нѣтъ ли тутъ такого спуска, чтобы можно было, не намочивши лапъ, напиться? Только нѣтъ, это все напрасно: никакого спуска нѣтъ и быть не можетъ. Глупая муха, она этого не понимаетъ Нѣтъ, она не глупая, она поняла. Видишь, она остановилась Джонъ, смотри! Смотрите, всѣ, смотрите!

Матросы пододвинулись поближе и нагнулись къ рюмкѣ. Это ихъ стало занимать.

— Видите, говорилъ Теребеневъ, показывая пальцемъ на муху,—видите, она остановилась и думаетъ теперь: «быть или не быть»? to be, or not to be?

Матросы, при звукахъ роднаго языка, взглянули на Теребенева и весело ощерились.

— Ага! Вотъ вы теперь поняли, что̀ думаетъ муха. А можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ англійская муха: она, можетъ быть, съ вами вмѣстѣ пріѣхала сюда на пароходѣ. Посмотримъ, что̀ она сдѣлаетъ, однако, эта англійская муха; посмо... Улетѣла! Ну да, она сподличала: она сообразила, что не стоитъ рисковать; она разсудила, что и кромѣ этой рюмки на свѣтѣ много еще тарелокъ съ вареньемъ, горшковъ съ молокомъ; можетъ быть, гдѣ-нибудь сахаръ разсыпанъ... Мало-ли что. Она разочла, что не стоитъ. Ну, и чортъ съ ней. Но представьте себѣ, милорды, вдругъ заговорилъ Теребеневъ, складывая на груди руки и выпрямляясь на стулѣ: представьте, что если бы эта муха думала о себѣ, что она самая несчастная, всѣми отверженная и всѣхъ отвергнувшая муха и если бы она притомъ была убѣждена, что кромѣ этой рюмки на ея долю не осталось въ цѣломъ мірѣ ничего, то, какъ вы думаете, рискнула бы она, или нѣтъ?... Вы понимаете, что̀ я говорю? Впрочемъ, нѣтъ, вы этого не понимаете; только я одинъ здѣсь это понимаю, потому что я сейчасъ, своей собственной персоной былъ тамъ!—Онъ указалъ на море.—Я стоялъ вонъ тамъ надъ этой большой рюмкой, и думалъ то, что̀ могла бы думать эта подлая муха, еслибы она была въ такомъ же положеніи какъ я.

Матросы очень внимательно слѣдили за тѣмъ, какъ Теребеневъ показывалъ на муху, потомъ на себя и потомъ на море. Они, и въ самомъ дѣлѣ, какъ будто стали понимать его.

— Да, я хотѣлъ рискнуть, продолжалъ онъ тѣмъ же торжественнымъ тономъ и при томъ все болѣе и болѣе воодушевляясь.—Я всегда рисковалъ, но тутъ я хотѣлъ рискнуть въ послѣдній разъ; я думалъ, что здѣсь для меня все кончено и что теперь осталось одно, только еще одно мѣсто, куда я могу уѣхать. Если я и тамъ не найду счастья, тогда... куда же я тогда поѣду? а? Вѣдь больше некуда. Не правда ли? Что̀ же тамъ остается? Вѣдь ничего не остается; буквально—ничего! Что̀ же я тогда буду дѣлать? Что̀ я буду дѣлать, я васъ спрашиваю? Вы не знаете? Ну да; я знаю, что вы этого не можете знать.

Теребеневъ опустилъ голову на руки и задумался; матросы молча смотрѣли на него, нѣмка стояла тутъ же, у стола, съ пустою кружкою въ рукахъ и тоже съ напряженнымъ вниманіемъ слушала.

— А я знаю, что̀ я сдѣлаю, вдругъ сказалъ онъ, поднимая голову и окидывая взглядомъ всю эту публику.—Теперь я знаю.

Онъ всталъ и началъ ходить изъ угла въ уголъ. Матросы слѣдили за нимъ глазами. Онъ прошелся нѣсколько разъ, потеръ себѣ лобъ, подошелъ къ окну и поманилъ ихъ къ себѣ.

— Смотрите, сказалъ онъ, указывая на море.—Видите вы этотъ дымъ? Вы знаете, какой это дымъ? Это дымъ моей родины, это русскій дымъ. Тамъ теперь горятъ лѣса и народъ умираетъ съ голода. Мой народъ, да. Онъ умираетъ съ голода ничѣмъ не хуже вашихъ ирландцевъ, или этихъ паршивыхъ швабовъ; даже еще можетъ быть почище, потому что они отъ голода бѣгутъ въ Америку, а мой народъ сидитъ на мѣстѣ; онъ умираетъ и молчитъ. Поняли вы это?—Молчитъ!.. Вотъ вѣдь главное-то что: что̀ вѣдь молчитъ онъ, чортъ его возьми совсѣмъ! Молча умираетъ! Онъ это умѣетъ дѣлать... А я вотъ не умѣю: я вотъ все разговариваю. Да. Поэтому мнѣ и въ Америку ѣхать нельзя, прежде надо выучиться молчать. Вотъ я и поѣду туда учиться. Домой. Пора домой! А теперь прощайте, господа! Благодарю васъ за компанію.

Онъ всталъ, пожалъ матросамъ руки, положилъ на столъ всю свою мелочь и, пошатываясь, вышелъ вонъ.

Въ 8 часовъ вечера Теребеневъ уже сидѣлъ въ вагонѣ.

Онъ рѣшился вернуться въ Россію.

III.

Теребеневу было 28 лѣтъ. Впрочемъ это обстоятельство для характеристики его собственно не имѣетъ большого значенія: Теребеневъ принадлежалъ къ разряду людей, на проступки которыхъ возрастъ, повидимому, не оказываетъ почти никакого вліянія. У Теребенова всегда была одна цѣль и образъ дѣйствія всегда былъ одинъ и тотъ же. Сначала онъ искалъ счастья, впослѣдствіи онъ сталъ искать дѣла; но, какъ счастіе, такъ и дѣло всегда представлялось ему готовымъ, требовалось только его найти. Такимъ образомъ, вся жизненная дѣятельность его состояла въ безпрерывномъ исканіи чего-то такого, на что̀ онъ, по его мнѣнію, имѣлъ полное право. Это понятіе о правѣ на готовое счастіе сложилось въ немъ исторически. Какъ только онъ себя помнилъ, ему никогда не приходилось, да и надобности никакой не было бороться и добывать что̀ бы то ни было съ бою: все, что̀ ему было нужно, всегда было уже заранѣе кѣмъ-то приготовлено. Кто этимъ занимался, кто приготовлялъ,—объ этомъ ему никогда и въ голову не приходило. Онъ всегда, чуть не съ самаго рожденія своего, зналъ только одно: брать то, что̀ ему было нужно. Для этого не требовалось съ его стороны большихъ усилій: стоило только заплакать, или попросить, или, наконецъ, просто—отнять. Когда потребности его увеличились настолько, что одними домашними средствами удовлетворить ихъ было уже невозможно, тогда онъ узналъ, что за нужными вещами можно послать и, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, съѣздить самому. Прежде можно было близко находить нужныя вещи, а потомъ надо было ѣздить за ними все дальше и дальше. Но, какъ бы то ни было, Теребеневъ всегда былъ въ полномъ убѣжденіи, что всѣ нужныя ему вещи давно готовы и что для полученія ихъ слѣдуетъ только узнать, гдѣ онѣ лежатъ и взять. Какъ взять—за деньги или даромъ, это все равно, потому что деньги вѣдь тоже готовы; стало быть остается только одну готовую вещь промѣнять на другую, готовую же. Благодаря такому счастливому положенію, онъ никогда не зналъ настоящей цѣны вещамъ и цѣнилъ ихъ только по тому—очень ли хочется имѣть такую-то вещь, или не очень. Если очень, значитъ—она дорога; если не очень, значитъ дешева; если же вовсе не нужна, значитъ—она ничего и не стоитъ. Какъ онъ привыкъ цѣнить вещи, точно такъ же привыкъ цѣнить и людей: кто доставлялъ больше удовольствія, тотъ былъ для него самымъ лучшимъ человѣкомъ. Пріятныя вещи, пріятные люди, пріятныя ощущенія: къ нимъ онъ всегда стремился всѣми силами, ихъ онъ искалъ, для нихъ, не задумывась ни на минуту, жертвовалъ всѣмъ.

Теребеневъ былъ барченокъ: онъ никогда не могъ сдѣлаться даже бариномъ и такъ остался барченкомъ на всю жизнь. Отецъ его былъ баринъ, только тоже не настоящій; онъ больше притворялся бариномъ: въ сущности, онъ умѣлъ только курить трубку, да еще кричать: «пшолъ вонъ, дуррракъ!», любилъ ѣздить къ обѣднѣ и пороть мужиковъ; но въ то же время былъ до такой степени безпомощный человѣкъ, что даже не могъ самъ себѣ налить стакана чаю. Одинъ разъ онъ усѣлся за самоваръ и отвернулъ кранъ, а завернуть и не умѣетъ; упустилъ самоваръ, обжегся, раскричался, разсердился и съ тѣхъ поръ сталъ бояться самоваровъ. Въ молодости онъ служилъ въ уланахъ, потомъ женился и зажился въ деревнѣ. Жена его была женщина мечтательная и разочарованная: она ошиблась въ мужѣ и никогда не могла примириться съ своимъ положеніемъ, хотя въ то же время не дѣлала ни малѣйшей попытки выдти изъ него. У ней было какое-то смутное представленіе о какомъ то счастьи, котораго, впрочемъ, она не искала, а только ждала, что оно придетъ само собою. Самое пришествіе представлялось ей такимъ образомъ, что вотъ-вотъ вдругъ кто-то придетъ, освободитъ ее и тогда... впрочемъ, что̀ тогда будетъ, она никакъ не могла дать себѣ яснаго отчета; она знала только, что этотъ освободитель долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ отличнѣйшій человѣкъ и что только онъ одинъ можетъ дать ей то счастье, котораго она сама получить не можетъ. Понятіе о счастьѣ, какъ и у всѣхъ недовольныхъ, было у ней чисто отрицательное; обыкновенно она разсуждала въ родѣ того, что:

— Господи, какое бы это было счастье, если бы ничего этого не было!..

Но все оставалось по-прежнему, счастье не приходило а между тѣмъ—родился Сережа. Это обстоятельство внесло очень важную перемѣну въ ея жизнь: оно указало ей цѣль, побудило къ дѣятельности и самое понятіе о счастьѣ сразу превратилось изъ отрицательнаго въ положительное. Сережа сдѣлался ея освободителемъ: онъ вывелъ ее изъ того нравственнаго плѣна, въ которомъ она пребывала всю жизнь. Но за то самому же Сережѣ всю свою жизнь пришлось расплачиваться за это освобожденіе. Многолѣтній плѣнъ оставилъ на его матери такіе слѣды, которые не только не могли уже изгладиться никогда и отозваться на воспитаніи сына, но даже, посредствомъ этого самаго воспитанія, перешли ему по наслѣдству въ потомственное владѣніе. Получивъ неожиданное счастье, она, разумѣется, какъ всякая освобожденная раба, ничего путнаго сдѣлать не могла и пользоваться имъ не съумѣла. У ней сейчасъ же явилось желаніе спрятать куда-нибудь, зарыть свое счастье, чтобы кто-нибудь не отнялъ; но такъ какъ зарыть живого человѣка—дѣло очень хлопотливое и даже отчасти уголовное, то она принялась систематически зарывать его нравственно: она окружила его такими попеченіями, такой страшной любовью, которыхъ здоровый человѣкъ долго выносить не можетъ. Такимъ образомъ, для того, чтобъ освободиться самой, ей необходимо было поработить другого. Иначе свободы она не понимала.

Сережа долго не сознавалъ своего положенія, но скоро почувствовалъ желаніе избавиться отъ заботъ своей матери. Сначала онъ по-дѣтски, грубо пользовался всѣми своими правами и преимуществами: онъ эксплоатировалъ мать, сколько было возможно; но, какъ только онъ почувствовалъ надъ собой систему и убѣдился въ томъ, что эта система доставляетъ ему гораздо больше страданія, нежели наслажденій, такъ сейчасъ же началъ дѣлать попытки къ освобожденію. Но бороться съ материнскою любовью оказалось ему не подъ силу: онъ былъ еще мальчикъ, а она все-таки успѣла ужъ пріобрѣсть нѣкоторую опытность въ этомъ дѣлѣ. Кончилось тѣмъ, что Сережа не выдержалъ и бѣжалъ. Это было его первое бѣгство отъ худшаго къ лучшему, первая погоня за счастьемъ.

Но именно потому, что это бѣгство было первое, оно, разумѣется, не могло обойтись безъ посторонней помощи: Сережѣ, такъ же какъ его матери, для освобожденія понадобился тоже во всѣхъ отношеніяхъ отличнѣйшій человѣкъ, который бы вдругъ пришелъ и освободилъ его. Этотъ человѣкъ не заставилъ себя долго дожидаться.

Сережѣ было пятнадцать лѣтъ. Въ то время онъ былъ очень впечатлительный, увлекающійся и очень неглупый мальчикъ; но его держали въ деревнѣ и продолжали воспитывать какъ дѣвочку; онъ сопротивлялся и рвался на волю. Онъ не могъ себѣ дать отчета въ томъ, что̀ ему нужно; онъ чувствовалъ только надъ собой какую-то неосязаемую тяжесть, ему было скучно и онъ уже начиналъ ненавидѣть мать. Отца онъ презиралъ давно, за его ничтожество. Онъ всегда презиралъ слабыхъ людей, сильныхъ же—или ненавидѣлъ, или обожалъ, смотря по тому, что̀ они доставляли ему: страданіе или наслажденіе. Читалъ онъ всякую всячину и читалъ давно, чуть не съ пяти лѣтъ; фантазія у него, вслѣдствіе чтенія, развилась непомѣрно и всѣ душевныя силы уходили въ нее. Ему всегда хотѣлось быть очень сильнымъ; сначала онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться разбойникомъ, или акробатомъ; потомъ ему хотѣлось быть генераломъ; наконецъ, онъ пожелалъ сдѣлаться ужасно умнымъ и ученымъ человѣкомъ. Но всѣ эти фантазіи всегда имѣли у него одну цѣль и всегда сводились къ одному желанію—освободиться отъ матери и уйти. Куда уйти—этого онъ еще пока представить себѣ не могъ; но, не смотря на то, онъ всегда былъ твердо убѣжденъ, что есть *тамъ гдѣ-то* такое мѣсто, совершенно не похожее на деревню, куда можно уйти; матери тамъ не будетъ, и онъ тамъ будетъ жить одинъ, будетъ дѣлать, что̀ захочетъ, и всѣ его тамъ будутъ любить, будутъ удивляться его силѣ, его красотѣ, его уму... и вообще тамъ будетъ отлично. Цѣлыя ночи проводилъ онъ въ мечтаніяхъ объ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, куда можно уйти, рылся въ книгахъ, разспрашивалъ кого только могъ; но рѣшительно никто не въ состояніи былъ сообщить ему надлежащихъ свѣдѣній объ этомъ мѣстѣ: никто не могъ навѣрное сказать, гдѣ именно оно находится. Наконецъ, нашелся-таки человѣкъ, который не только слышалъ, но и самъ былъ въ этомъ мѣстѣ и даже прямо оттуда пріѣхалъ. Теперь Сережа уже навѣрное зналъ, что есть такое мѣсто, и называется оно—Москва.

Незадолго передъ этимъ пріѣхалъ въ свое имѣніе, по сосѣдству съ Теребеневыми, молодой человѣкъ, Павелъ Петровичъ Хомяковъ. Пріѣхалъ онъ изъ Москвы. Чтò онъ тамъ дѣлалъ—никто ничего не зналъ; знали только, что ему досталось послѣ дяди двѣсти душъ въ Б—омъ уѣздѣ; кромѣ того, знали, что онъ необыкновенно уменъ, очень милъ, остроуменъ, очень нравится всѣмъ, не только дамамъ, но и мужчинамъ, умѣетъ отлично говорить; однимъ словомъ, того, чтò знали о Хомяковѣ, было слишкомъ достаточно; никому и въ голову не приходило разузнавать его прошлое, или справляться о его цѣляхъ. Ужъ этого одного было довольно, что онъ какъ-то вдругъ всѣмъ понравился. До него въ уѣздѣ скука была страшная, всѣ другъ другу надоѣли до смерти, интересовъ никакихъ, никакихъ развлеченій: хозяйство, да дѣти, да сплетни, которымъ ужъ никто не вѣритъ,—вотъ и все. Вдругъ сваливается съ неба человѣкъ совершенно новый, совсѣмъ особенный человѣкъ и притомъ молодой, красивый, занимательный, всѣмъ весело улыбается и начинаетъ говорить. Весь уѣздъ разѣваетъ ротъ. Какъ онъ говоритъ! Но онъ не только говоритъ: онъ собираетъ вокругъ себя людей, начинаетъ суетиться, онъ чтò-то такое дѣлаетъ, всѣхъ толкаетъ, приводитъ въ движеніе и всѣ тоже начинаютъ почему-то суетиться и куда то спѣшить, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ нужно сдѣлать чтò-то такое поскорѣй. Никто ничего не знаетъ, для чего это собственно нужно, но всѣ суетятся и всѣмъ становится весело, всѣ этому очень рады. Хомяковъ ѣдетъ въ губернскій городъ и находитъ нужнымъ сдѣлать визитъ губернатору. Всѣ объ этомъ знаютъ и ужасно боятся за Хомякова, потому что губернаторъ извѣстный грубіянъ, а Хомяковъ вѣрно не позволитъ наступить себѣ на ногу; можетъ еще выдти какая-нибудь исторія. Дѣйствительно, выходитъ исторія: Хомяковъ пріѣзжаетъ рано утромъ и велитъ о себѣ доложить. Губернаторъ приказываетъ сказать, что онъ брѣется. Хомяковъ стоитъ въ другой комнатѣ, слышитъ этотъ отвѣтъ и говоритъ громко чиновнику:

— Скажите губернатору, что это ничего: онъ можетъ бриться, а я буду съ нимъ говорить.

Губернаторъ слышитъ это и кричитъ:

— Скажи, что я брѣюсь.

— Ужъ это я слышалъ!—кричитъ изъ другой комнаты Хомяковъ.

— Я вамъ говорю, что я брѣюсь!—еще громче кричитъ губернаторъ.

— А я вамъ говорю, что ужъ это я слышалъ! еще громче кричитъ Хомяковъ,

— Жандармъ! Вывести его! кричитъ, не помня себя, губернаторъ.

— Кого это? Меня?

Губернаторъ, въ ярости, съ намыленной щекой и съ бритвой въ рукѣ выбѣгаетъ въ пріемную.

— Чтò вамъ нужно?

— Видѣть губернатора.

— Я—губернаторъ.

— Не можетъ быть.

— Я вамъ говорю, что я губернаторъ.

— Не можетъ быть.

— Какъ не можетъ быть?

— Никогда я не повѣрю, чтобы начальникъ губерніи позволилъ себѣ принимать такимъ образомъ дворянина.

— Вы дворянинъ?

— Да, дворянинъ.

— Я самъ дворянинъ. Чтò же вамъ угодно?

— Мнѣ больше ничего не угодно. Прощайте.

Губернаторъ одумался:

— Позвольте, погодите...

Хомяковъ остановился.

— Ну, извините меня!

— Извиняю.

— Прошу покорно.

Губернаторъ пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ. Чѣмъ кончилось объясненіе—неизвѣстно, но губернаторъ на другой же день отдалъ Хомякову визитъ, потомъ катался съ нимъ въ коляскѣ по городу и гулялъ подъ руку по бульвару. Объ этомъ заговорили сначала въ городѣ, а потомъ узнала и вся губернія. Всѣ кричали о находчивости Хомякова, о его дружбѣ съ губернаторомъ; разсказывали даже, что губернаторъ предлагалъ Хомякову мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ, но онъ отказался и опять вернулся въ деревню. Эта исторія еще больше возвысила его во мнѣніи уѣзднаго общества. Тутъ же кстати подошли выборы; Хомякову предложили баллотироваться въ судьи; по этому поводу онъ сказалъ въ собраніи блестящую рѣчь и вызвалъ апплодисменты; затѣмъ, его выбрали, качали на рукахъ, цѣловали, всего облили шампанскимъ и, наконецъ, мокраго, пьянаго и счастливаго привезли домой.

На судейскомъ поприщѣ Хомяковъ тоже показалъ себя: онъ поднялъ уѣздный судъ на ноги, все тамъ сталъ чистить, выгонять чиновниковъ, новую мебель завелъ; поселился въ городѣ, велѣлъ для себя передѣлать домъ; въ то же время какъ то необыкновенно остроумно рѣшилъ одно дѣло, которое нѣсколько лѣтъ валялось въ судѣ и не двигалось съ мѣста, потому что никто его не понималъ.

Знакомство у него завелось громадное: всѣ къ нему ѣхали, кто за дѣломъ, кто безъ всякаго дѣла, кто наконецъ—просто такъ, поглядѣть на него, чтò за Хомяковъ за такой. Всѣ его тащили къ себѣ, давали ему обѣды, спрашивали его совѣтовъ... И онъ не отказывался; онъ даже самъ какъ будто напрашивался и ввязывался во всевозможныя дѣла: мѣшался въ дѣятельность предводителя, мирилъ тяжущихся, распекалъ опеку, разсылалъ разныя приказанія, писалъ губернатору записки,—однимъ словомъ, командовалъ въ уѣздѣ какъ ему было угодно, не обращая никакого вниманія на то, законно ли это, имѣетъ, ли онъ на это право, или нѣтъ. И не только никто ему не противорѣчилъ; напротивъ—всѣ какъ-то были ужасно рады, что вотъ нашелся человѣкъ, который чтò-то такое приказываетъ и всѣ его слушаютъ.

Хомяковъ, собственно говоря, ровно ничего не дѣлалъ, у него не было никакого плана, онъ ни къ чему не стремился, онъ только производилъ движеніе; онъ, просто, чтò называется, кутилъ и мутилъ и это ему доставляло удовольствіе. До пріѣзда въ Б—ій уѣздъ онъ и не предчуствовалъ, какую роль придется ему играть; и вдругъ какъ-то такъ это само собой все устроилось: всѣ почему-то въ него увѣровали, сами его возвеличили, посадили его себѣ на шею и вручили ему власть надъ собой. Онъ и воспользовался ею немедленно, нисколько не разсуждая о томъ, почему это такъ случилось и чтò изъ этого выйдетъ.

Въ числѣ поклонниковъ Хомякова былъ, разумѣется, и впечатлительный юноша, Сережа Теребеневъ. Сережа вообще былъ склоненъ къ обожанію силы во всѣхъ ея видахъ, а здѣсь онъ видѣлъ передъ собой эту силу въ такой обаятельной и красивой формѣ, что противиться ей было невозможно. Онъ одинъ разъ слышалъ, какъ Хомяковъ говорилъ гдѣ-то на вечерѣ, и этого было совершенно достаточно. Въ тотъ же вечеръ Сережа подошелъ къ Хомякову и, захлебываясь отъ волненія, сказалъ ему;

— Скажите мнѣ, что̀ я долженъ дѣлать?

Хомяковъ очень пристально посмотрѣлъ на него, улыбнулся и спросилъ, почему Сережа счелъ нужнымъ обратиться именно къ нему съ такимъ вопросомъ.

— А потому... потому, что вы *хорошій человѣкъ.*

— Гм!..—Хомяковъ опять улыбнулся, подумалъ, взялъ Сережу подъ руку и пошелъ ходить съ нимъ по залѣ.

— Такъ вы хотите быть *хорошимъ человѣкомъ?*

— Да, хочу; я хочу быть такимъ, какъ вы, говорилъ Сережа, задыхаясь отъ счастія, что Хомяковъ съ нимъ разговариваетъ.

Хомяковъ разспросилъ его о томъ, что̀ онъ читалъ и посовѣтовалъ ему ѣхать въ Москву, поступить въ университетъ. Какъ ни стыдно было Сережѣ, но онъ все-таки долженъ былъ признаться, что его не отпустятъ въ Москву. Хомяковъ взялся объ этомъ хлопотать и тутъ же, на этомъ же вечерѣ, добился того, что мать Сережи согласилась таки отправить сына въ университетъ. Хомяковъ самымъ неопровержимымъ образомъ доказалъ ей, что это необходимо для ея же собственнаго счастья и при этомъ очень расхвалилъ ея сына. Она расчуствовалась, расплакалась, благодарила Хомякова. Съ этой минуты и въ ней тоже совершился какой-то переворотъ: она вдругъ какъ-то ослабла; она почувствовала въ Хомяковѣ человѣка, который можетъ отнять у ней сына; она поняла, что теперь уже не въ силахъ она удержать его и—покорилась.

Сережа поѣхалъ въ Москву и съ этого времени начинается для него дѣятельность, которую вѣрнѣе всего можно назвать *хожденіемъ по пустымъ мѣстамъ.*

Въ университетъ онъ, дѣйствительно, поступилъ, но не надолго: онъ слушалъ разныя лекціи года два и вышелъ. Наука не удовлетворила его потому, что онъ подошелъ къ ней не съ той стороны, искалъ въ ней того, чего она дать не можетъ, и не нашелъ того, что̀ она можетъ дать; наконецъ, бросилъ учиться и началъ просто жить, т. е. гоняться за наслажденіями. Этимъ дѣломъ онъ занимался такъ успѣшно, что черезъ пять лѣтъ Москва опротивѣла ему: онъ пришелъ къ тому заключенію, что въ Москвѣ пусто и скучно и больше дѣлать нечего. Онъ надѣялся найти въ ней готовое счастье и не нашелъ. Въ эти пять лѣтъ, однако, онъ все-таки развился настолько, что сталъ искать дѣла. Но ему казалось почему-то, что въ Москвѣ дѣла дѣлать нельзя, во-первыхъ потому, что нѣтъ людей, а во-вторыхъ просто потому, что дѣла нѣтъ и ничего такого придумать нельзя. По его мнѣнію, всѣ дѣла были въ Петербургѣ: тамъ все: тамъ и люди, и цѣли, и средства, а здѣсь — ничего.

Сережа поѣхалъ въ Петербургъ. Впрочемъ, въ то время онъ былъ уже не Сережа: ему было 20 лѣтъ, но все та же неудержимая сила, та же надежда найти чтò-то лучшее, надежда, которая пять лѣтъ таму назадъ влекла его изъ деревни въ Москву, теперь увлекла его изъ Москвы въ Петербургъ. Это было второе бѣгство, вторая погоня за счастьемъ.

Въ то время Петербургъ привлекалъ къ себѣ не одного Теребенева. Насколько Москва страдала недостаткомъ людей, настолько Петербургъ изобиловалъ ими. Въ то время вдругъ откуда-то появилось ихъ такое множество, что просто дѣвать ихъ было некуда; и притомъ, все такихъ хорошихъ, такихъ отличныхъ людей, что даже становилось какъ-то непонятно: гдѣ же они были до сихъ поръ, зачѣмъ они скрывались? Эту странность можно было объяснить только развѣ тѣмъ, что тогда было дѣйствительно совсѣмъ особенное, совсѣмъ необыкновенное время и что Петербургу пришлось играть въ то время такую роль, которой онъ не игралъ никогда, да врядъ-ли будетъ играть ее и впослѣдствіи. Петербургъ въ то время былъ не просто Петербургъ, т. е. «скука, холодъ и гранитъ»; это было какое-то мѣсто свиданія, въ которое со всѣхъ концовъ Россіи сходились люди, не имѣвшіе до тѣхъ поръ ни малѣйшаго понятія другъ о другѣ, и встрѣчались здѣсь какъ старые знакомые; всѣ говорили вдругъ и, притомъ, все одно и то же, все повторяли одно и то же слово и всѣмъ оно нравилось потому, что это было названіе новаго божества, которому всѣ собрались поклòняться, и на это торжество шли, все шли въ Петербургъ, все новые и новые люди. Настоящихъ дѣлъ еще никакихъ не было, но за то надеждъ и начинаній было столько же, сколько людей: каждый приходящій непремѣнно на чтò нибудь да надѣялся и непремѣнно приносилъ съ собой какое-нибудь начинаніе. Неудачъ и разочарованій еще никакихъ не было потому, что все еще было вновѣ, все только что еще начиналось; и всѣ именно этому и радовались, что старые счеты можно похерить и опять начинать жить сначала.

Теребеневъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, тоже вначалѣ все только и дѣлалъ, что радовался: онъ радовался всему — и Петербургу, и прогрессу, и тому, что вотъ наконецъ теперь онъ можетъ взяться за дѣло и приносить пользу. Онъ не спѣшилъ приниматься за работу, потому что ему хотѣлось прежде осмотрѣться и тогда уже выбрать себѣ по вкусу занятіе; а главное, ему хотѣлось досыта насладиться увѣренностью въ томъ, что вотъ наконецъ-то онъ въ Петербургѣ, т. е. въ такомъ мѣстѣ, гдѣ представляется наибольшій выборъ занятій и наибольшее количество людей, годныхъ для дѣла. Тѣ занятія, которыя сами собой подвертывались ему, онъ находилъ слишкомъ незначительными, или слишкомъ спеціальными, и продолжалъ надѣяться, что долженъ же онъ когда-нибудь напасть на такое дѣло, которое будетъ вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ его способностямъ и, слѣдовательно, вполнѣ удовлетворитъ его. Но такого дѣла какъ-то все не открывалось, а время шло. Вѣтеръ все больше и больше сталъ поворачивать въ другую сторону; началось полное возстаніе. Хорошіе люди одинъ за другимъ стали куда-то исчезать. Теребеневъ вдругъ почувствовалъ, что въ Петербургѣ стало какъ-то пусто и холодно: начатыя предпріятія что-то расклеивались, новыя не ладились, деньги почему-то у всѣхъ вышли, естественныя науки совсѣмъ упали; всѣ больше стали разсуждать о деньгахъ, да еще о томъ, что хорошо бы мѣсто что-ли какое-нибудь получить и уѣхать бы куда-нибудь подальше.

Въ это время у Теребенева умерла мать. Хотя она и прежде давно ужъ для него не существовала, но теперь-то онъ особенно сильно почувствовалъ свое полное одиночество. За то смерть матери (отецъ умеръ еще раньше) значительно увеличила его денежныя средства.

Теперь онъ былъ вполнѣ свободенъ и нравственно и матеріально. Сначала, сообразивъ, сколько у него денегъ, онъ подумалъ-было употребить ихъ на какое-нибудь полезное дѣло; но разсудилъ, что теперь не стоитъ начинать, потому что время такое, да и людей опять нѣтъ; подумалъ, подумалъ и махнулъ за границу и—прямо, разумѣется, въ Парижъ.

Поѣздка за границу въ судьбѣ Теребенева имѣла очень важное значеніе. Какъ ни быстры были его переходы съ мѣста на мѣсто въ Россіи, но, пока это совершалось въ предѣлахъ отечества, Теребеневъ все-таки чувствовалъ, что онъ дѣйствуетъ какъ будто по какой-то системѣ. Перебѣгая отъ деревни къ Москвѣ, отъ Москвы къ Петербургу, онъ, повидимому, шагалъ съ одной ступеньки на другую и, какъ будто, поднимался куда-то все выше и выше; но, поднявшись на возможную для него высоту, онъ вдругъ сорвался и пошелъ колесить уже безъ всякой системы, а такъ, какъ придется.

Въ Россіи каждый переходъ имѣлъ для него все-таки нѣкоторое воспитательное значеніе: каждый переходъ нужно было пережить и, какъ ни легко обходилась Теребеневу жизнь вообще,—все-таки каждый переходъ нужно было до извѣстной степени выстрадать, сознать свою ошибку и затѣмъ идти уже дальше. Для всего этого требовалось время; здѣсь же, за границей, дѣло пошло гораздо ходчѣе. Во-первыхъ, Теребеневъ разлетѣлся сразу въ Парижъ, т. е. однимъ махомъ перешагнулъ черезъ всю Европу и прямо кинулся въ такое мѣсто, куда ѣздятъ люди ужъ никакъ не для того, чтобы учиться жить и которое менѣе всего способно доставить человѣку полное нравственное удовлетвореніе. Но онъ объ этомъ не думалъ.

Пріѣхавъ въ Парижъ и оглядѣвшись, Теребеневъ рѣшилъ, что, собственно говоря, онъ теперь только родился и увидѣлъ свѣтъ. Вся прежняя жизнь въ отечествѣ представлялась ему какимъ-то безсмысленнымъ, неразумнымъ прозябаніемъ, похожимъ на состояніе младенца въ утробѣ матери. Съ этой минуты должно было начаться перевоспитаніе. Это дѣло пошло обыкновеннымъ порядкомъ; началось съ того, что онъ вдругъ вообразилъ себѣ, что онъ настоящій человѣкъ, членъ общечеловѣческой семьи; что онъ имѣетъ полное право жить гдѣ ему вздумается и дѣлать все чтò ему захочется. Надо замѣтить, что занесло его въ Европу въ самое неблагопріятное время: русскихъ вездѣ преслѣдовали, смѣялись надъ ними; но это нисколько его не смущало, напротивъ—ему даже нравилось быть до нѣкоторой степени гонимымъ; это придавало его положенію особенную, ѣдкую прелесть. Онъ ходилъ по кофейнямъ, читалъ газеты, спорилъ и весь погрузился въ политику. Впрочемъ, это продолжалось не долго: бульварная жизнь, такъ же какъ и московская, скоро пріѣлась. Теребенева все больше и больше стала шокировать ограниченность и пошлое самодовольство французовъ; француженки показались ему противны съ самаго начала. Тутъ же вскорѣ онъ сошелся съ однимъ польскимъ семействомъ, влюбился и потерпѣлъ пораженіе. Это его сильно разстроило и произвело переворотъ въ его политическомъ образѣ мыслей. Парижъ потерялъ для него все свое обаяніе: теперь это былъ какой-то базаръ, огражденный наполеоновскими штыками, кишащій шпіонами, торговое мѣсто, въ которомъ все продажно, все призрачно, ложно и т. д.

Однимъ словомъ, Парижъ не миновалъ своей участи. Теребеневъ отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и пустился странствовать по Европѣ. Это было лучшее время его жизни; онъ вдругъ опять почувствовалъ себя свободнымъ отъ всякихъ жизненныхъ задачъ и просто разъѣзжалъ себѣ безъ всякой опредѣленной цѣли, останавливался и жилъ гдѣ придется, занимался чѣмъ вздумается: въ это время онъ изучалъ рабочій вопросъ, посѣщалъ всевозможные съѣзды, слушалъ лекціи, принималъ участіе въ разныхъ сходкахъ и демонстраціяхъ, ѣздилъ на поклоненіе Мадзини и все ѣздилъ, все ѣздилъ и ѣздилъ,—т. е. жилъ тою беззаботною жизнью, которою могутъ жить русскіе люди, вырвавшіеся на волю и нисколько не думающіе о томъ, что этой веселой ѣздѣ придетъ же когда-нибудь конецъ, что больше ѣхать будетъ некуда и, что какъ тамъ ни разъѣзжай, а все-таки рано или поздно надо же будетъ вернуться домой. Теребеневъ странствовалъ два года сряду; наконецъ, это ему просто надоѣло и опять его потянуло куда-нибудь въ такое хорошее мѣсто, гдѣ можно жить, и работать, и чувствовать себя дома; онъ сталъ думать—гдѣ это такое мѣсто и вспомнилъ о Женевѣ.

— Да! тамъ, только тамъ еще уцѣлѣли люди, которые поймутъ, чего мнѣ нужно; тамъ еще свѣтится огонекъ... туда, туда!

Но въ Женевѣ готовилось Теребеневу худшее изъ всѣхъ пережитыхъ имъ разочарованій: людей, о которыхъ онъ мечталъ, тамъ уже не было; тѣ же, которые остались, приняли его холодно и недовѣрчиво. Это были люди опытные, видавшіе на своемъ вѣку многое множество Теребеневыхъ, пріѣзжавшихъ въ Женеву неизвѣстно зачѣмъ и такъ же быстро исчезавшихъ неизвѣстно куда.

Теребеневъ пробовалъ говорить о своихъ планахъ, но ничего такого особенно любопытнаго не сказалъ; все, что̀ онъ говорилъ, все это было уже давно извѣстно и притомъ, ни для кого не интересно. Дѣла для него тоже никакого не нашлось. А между тѣмъ, событія смѣнялись событіями, въ политическихъ мнѣніяхъ Европы мало-по-малу подготовлялся переворотъ въ пользу Россіи. Позоръ, густымъ туманомъ покрывшій русское имя, понемногу сталъ проясняться: на русскихъ стали смотрѣть снисходительнѣе, потомъ и совсѣмъ простили; наконецъ, русское имя было возстановлено вполнѣ; наконецъ русскіе снова стали гордиться своимъ именемъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ занималась заря на востокѣ и русское имя, озаряемое лучами военной славы, съ честью выходило изъ мрака незаслуженнаго позора, въ образѣ мыслей Теребенева тоже совершался переворотъ: онъ все больше и больше утрачивалъ прежнюю бодрость духа и свободу движеній, наконецъ совершенно лишился храбрости и захирѣлъ, затосковалъ, законфузился; сидѣлъ дома, не видался съ русскими, не читалъ газетъ и съ каждымъ днемъ видимо разочаровывался во всемъ, а главнымъ образомъ—въ возможности возрожденія.

Присмирѣвшій, бродилъ онъ по берегу озера, размышляя о томъ, какую подлую штуку сыграла съ нимъ Европа и какую глупую роль заставила играть четыре года сряду. Въ послѣднее время онъ дошелъ наконецъ до того, что началъ скрывать свою національность; и когда слава русскаго имени озарила Европу и императоръ Наполеонъ въ тронной рѣчи отозвался съ похвалой о предпринимаемыхъ въ Россіи реформахъ, Теребеневъ ужъ никуда не годился: онъ совсѣмъ упалъ духомъ и сконфузился до такой степени, что когда за общимъ столомъ въ гостинницѣ одинъ пьяный нѣмецъ, жившій прежде въ Россіи, предложилъ-было ему выпить русскій брудершафтъ, Теребеневъ чуть не заплакалъ, вскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ на станцію брать билетъ въ Гамбургъ, чтобы сейчасъ же ѣхать въ Америку. Въ Гамбургѣ онъ «дошелъ до края» и въ Америку не поѣхалъ. Такимъ образомъ, Америка пока оставалась въ запасѣ.

IV.

Тѣмъ ближе къ Россіи, тѣмъ все гуще и удушливѣе становился дымъ, который несло вѣтромъ прямо на встрѣчу поѣзду, и тѣмъ печальнѣе и мрачнѣе становилось на душѣ у Теребенева. Въ ночь, передъ самымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, духота была страшная; въ вагонахъ закрыли всѣ окна, но ничего не помогало; напротивъ—еще хуже: всѣ задыхались отъ жара и дыма, который все-таки набивался въ вагоны. Часу въ первомъ ночи, на разсвѣтѣ, пассажиры затихли; Теребеневъ, скорчившись, сидѣлъ въ углу, онъ просто сидѣлъ съ закрытыми глазами и обдумывалъ свое положеніе. Онъ думалъ о томъ, что вотъ теперь онъ какъ будто кончилъ гдѣ-то курсъ и ѣдетъ домой и по этому случаю сталъ припоминать свое прошлое, прожитое: Москву, Петербургъ, Парижъ, Женеву и т. д. Потомъ подумалъ о томъ, что̀ ему предстоитъ дѣлать въ Россіи, какъ трудна будетъ его роль, какъ онъ будетъ теперь служить народу... и вдругъ почему-то вспомнилъ, какъ его учили въ дѣтствѣ танцовать.

Представилось ему, что стоитъ онъ въ залѣ, у печки, съ вывернутыми въ третью позицію ногами; мать сидитъ у окна и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за успѣхами сына. Ей это кажется очень важнымъ дѣломъ, лицо у нея такое серьезное, озабоченное; она даже бросила вязаніе шарфа, торопливо воткнула деревянныя спицы въ клубокъ и положила на столъ. Она безпрестанно дѣлаетъ сыну замѣчанія:

— Сережа, не сгибай колѣнъ! Стой прямо, Сережа! Зачѣмъ ты голову на бокъ держишь?

Изъ корридора смотрятъ горничныя и тоже, съ большимъ вниманіемъ, замѣчаютъ каждое его движеніе. Впереди всѣхъ стоитъ нянька и, подперши щеку рукой, съ умиленіемъ смотритъ на Сережу. Время отъ времени она даже вздыхаетъ и приговариваетъ: «Ахъ, голубчикъ ты мой!» и вдругъ накидывается на горничныхъ, которыя никакъ не могутъ стоять смирно и все шепчутся и толкаютъ другъ друга.

— Да тише вы, безпутныя! грозитъ она имъ.—Уйдите вы отсюда!

Изъ передней выглядываетъ лакей, а у притолки старый буфетчикъ, Орестъ, отставивъ одну ногу, заложивъ руки за спину и наморщивъ сѣдыя брови, строго смотритъ на барченка. Онъ подолгу живалъ въ Москвѣ и знаетъ, какъ господъ учатъ танцовать. По лицу его видно, что онъ тоже очень заинтересованъ настоящимъ случаемъ, но старается показать молодымъ деревенскимъ лакеямъ, что для него тутъ ровно ничего нѣтъ такого удивительнаго. Онъ даже позволяетъ себѣ изрѣдка дѣлать замѣчанія вполголоса, но такъ, чтобъ молодые лакеи слышали:

— Шею-то зачѣмъ вытянулъ, точно гусь?

Сережа, дѣйствительно, не только вытянулъ шею, но и весь вытянулся и подался впередъ. Онъ въ самомъ напряженномъ состояніи, стоитъ совершенно неподвижно, съ широко раскрытыми глазами, уставилъ ихъ куда-то въ даль и ни на кого не смотритъ. Онъ чувствуетъ, что всѣ глядятъ на него, ему очень конфузно и хочется какъ можно лучше отличиться. Но въ то же время ему кажется, что ноги у него точно желѣзныя и какъ будто вставлены въ нихъ какія-то пружины и что вотъ чуть только пошевельнешься—сейчасъ эти пружины сами начнутъ дѣйствовать и ноги уйдутъ чортъ знаетъ куда. Притомъ же, танцовальный учитель, точно бѣсъ, вертится передъ нимъ и не даетъ ему покоя: безпрестанно обдергиваетъ на немъ куртку, вывертываетъ ему локти, прикладываетъ свою ладонь къ его спинѣ, а другой рукой беретъ его за подбородокъ и двумя пальцами, двумя холодными пальцами деликатно осаживаетъ его назадъ.

А тутъ еще отецъ, въ халатѣ, съ трубкой вышелъ изъ кабинета въ залу и остановился среди комнаты—посмотрѣть. Позади его, на цыпочкахъ, крадется по стѣнкѣ приказчикъ, приходившій за приказаніемъ, но тоже, увлеченный общимъ любопытствомъ, останавливается у дверей и присоединяется къ прочимъ зрителямъ. Хотя Сережа старается ни на кого не глядѣть, но ему все-таки видно, что изъ корридора еще кто-то пробирается впередъ и приподымается повыше, а въ окно со двора заглядываетъ какая-то баба.

— Посмотримъ, посмотримъ, говоритъ отецъ и, запахнувши халатъ, отходитъ въ сторону.—Посмотримъ, какъ-то ты дѣйствуешь. Ну, начинай!

Наступаетъ рѣшительная минута: учитель отскакиваетъ назадъ и ободрительно вскрикиваетъ:

— Извольте начинать! Разъ, два, три, разъ...

Сережа дѣлаетъ отчаянное усиліе, ноги срываются съ мѣста и сами начинаютъ выдѣлывать по комнатѣ какіе-то вензеля.

— Разъ, два, три, разъ, два, три! все громче и громче вскрикиваетъ учитель, забѣгая со всѣхъ сторонъ и хлопая въ ладоши.

— Un, deux, trois, un, deux, trois, подпѣваетъ вполголоса мать, тоже прихлопывая въ тактъ и, въ то же время, волнуясь и покачиваясь впередъ.

Вдругъ—скандалъ: одна нога у Сережи какъ-то подвертывается, заплетается за другую, Сережа сбивается съ такта и останавливается.

— Что-жъ ты, братецъ? вскрикиваетъ отецъ.

Сережа старается опять попасть въ тактъ, шмыгаетъ ногой по полу и при этомъ загибаетъ голову на бокъ.

— Ну, продолжай же, продолжай! волнуясь, говоритъ мать.—Не останавливайся.

— Не извольте останавливаться, потягивая его за руку, говоритъ учитель.

Но Сережа ужъ остановился потому, что ноги у него вдругъ опять сдѣлались желѣзныя. Онъ глупо улыбается и, въ смущеніи, самъ себя щиплетъ за ногу.

— Эхъ, какой ты, братъ! съ укоромъ говоритъ отецъ.— Ну, ступай опять къ печкѣ, начинай сначала.

— Извольте становиться къ печкѣ, уныло говоритъ учитель.

Сконфуженный, потупившись, возращается Сережа къ печкѣ, въ сопровожденіи учителя. Онъ слышитъ, какъ вся эта публика зашевелилась, какъ они начинаютъ шептаться: нѣкоторые, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, уходятъ; приказчикъ вздыхаетъ и, тоже потихоньку, ретируется въ переднюю; отецъ махнулъ рукой и ушелъ въ кабинетъ.

— Слабо! вслухъ говоритъ въ передней Орестъ.

— Господи! думаетъ Сережа:—да что̀-жъ это такое?..

И вдругъ является у него приливъ какой-то отчаянной энергіи; ему хочется остановить ихъ сейчасъ-же, поскорѣй, загладить весь этотъ позоръ. У него еще есть надежда отличиться, а они, между тѣмъ, все уходятъ одинъ за другимъ, все уходятъ.

— Постойте, погодите! хочется закричать ему.—Я сейчасъ покажу вамъ, какъ я умѣю танцовать...

Но ужъ поздно, они всѣ разошлись, остается одинъ ненавистный учитель.

— Извольте становиться къ печкѣ. Начинайте сначала, со вздохомъ говоритъ онъ Сережѣ.

Вся эта сцена представлялась Теребеневу съ мельчайшими подробностями. Онъ опять переживалъ ее всю, сначала до конца; всѣ эти дѣтскія страданія, которыя онъ испытывалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, опять съ тою же силою воскресли въ немъ, какъ-будто онъ только сію минуту осрамился въ танцахъ и возвращается къ печкѣ для того, чтобы опять начинать сначала.

— Да теперь-то что̀ же я дѣлаю? Зачѣмъ я ѣду въ Россію? вдругъ съ ужасомъ подумалъ онъ и широко открылъ глаза.

Въ вагонѣ все было тихо, пассажиры спали, фонари догорѣли; въ окна смотрѣло пасмурное утро.

— Это я возвращаюсь къ печкѣ! подумалъ онъ, осматриваясь кругомъ.

Это открытіе до такой степени поразило его, что онъ еще разъ, уже вслухъ, повторилъ самъ себѣ: «къ печкѣ».

Теперь его положеніе опять стало ему совершенно ясно: деревня, Москва, Петербургъ, Европа, дошелъ *до края*, и опять туда, въ деревню. Да, именно въ деревню, потому что печка не въ Петербургѣ, даже не въ Москвѣ, она тамъ, въ Б-омъ уѣздѣ, въ деревенскомъ домѣ, стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла пятнадцать лѣтъ тому назадъ. И для того, чтобъ *начать сначала*, необходимо вернуться опять туда же, къ той же самой изразцовой голландской печкѣ, стать въ третью позицію и опять: разъ, два, три, разъ, два, три и т. д. И въ то же время почувствовалъ Теребеневъ, что тоска, точь въ точь такая же противная, грызущая тоска, которую, бывало, испытывалъ онъ въ дѣтствѣ—тоска, похожая на тошноту—подступаетъ ему къ горлу и потихоньку начинаетъ душить его.

V.

Петербургское лѣто только что начиналось; но, не смотря на то, въ городѣ было уже достаточно пыльно, душно и скучно; чувствовалась надобность въ дождѣ, а дождя не было; вокругъ Петербурга на громадномъ пространствѣ горѣлъ лѣсъ и поэтому все небо было покрыто густымъ слоемъ дыма; солнце было краснаго цвѣта и казалось больше обыкновеннаго; въ воздухѣ стоялъ удушливый чадъ, отъ котораго разбаливалась голова и становилось противно жить на свѣтѣ. Это было то самое лѣто, когда слухи о голодѣ, еще съ ранней весны ходившіе въ городѣ, съ каждымъ днемъ становились грознѣе и тревожнѣе. Газеты, еще въ маѣ робко и нерѣшительно передававшія извѣстія о безкормицѣ и плохихъ надеждахъ на урожай, все чаще и настойчивѣе стали разсуждать о томъ, что стараго хлѣба давно нѣтъ, а новый не всходитъ, что во многихъ мѣстахъ поля вовсе не засѣяны; а въ половинѣ іюня ужъ трубили во всѣ трубы: «Голодъ, голодъ! народъ питается древесною корою пополамъ съ мякиной, народъ ждетъ помощи, всякій обязанъ по мѣрѣ силъ»... и т. д.

Народъ дѣйствительно ждалъ, долго ждалъ, кормился отрубями, рубленой соломой, глиной и все ждалъ. Наконецъ, народъ зашевелился: цѣлыя деревни стали подниматься съ мѣста и уходить, цѣлыя деревни шли сами не зная куда, шли искать хлѣба; толпы этихъ «наиболѣе пострадавшихъ», какъ ихъ называли въ то время, толпы голодныхъ, съ опухшими животами, людей добирались даже до Петербурга; но отсюда ихъ препровождали обратно на мѣсто жительства со внушеніемъ, дабы они впредь безъ письменныхъ видовъ не отваживались на подобное путешествіе. Петербургъ, закаленный въ борьбѣ со всевозможными народными бѣдствіями, привыкшій относиться недовѣрчиво ко всякаго рода жалобамъ и стонамъ, и на этотъ разъ не такъ-то легко поддавался искушенію; дѣло доходило даже до того, что одно время въ Петербургѣ просто отрицали голодъ, и нашлись люди, которые печатно утверждали, что всѣ эти слухи о голодѣ—не болѣе, какъ инсинуація, порожденная завистью и недоброжелательствомъ враговъ Россіи. Наконецъ, опасность стала ужъ слишкомъ явною: со всѣхъ сторонъ получались такія несомнѣнныя доказательства, противъ которыхъ нечего было возражать; къ тому же, вдругъ явилось оффиціальное извѣщеніе о томъ, что учреждается особая комиссія для сбора посильныхъ приношеній въ пользу голодающихъ. Отклонить, умолчать, обойти—сдѣлалось уже невозможнымъ, поневолѣ пришлось повѣрить. Петербургъ повѣрилъ и пришелъ въ движеніе: въ обществѣ поднялась та фальшивая тревога, то напускное возбужденіе умовъ и чувствъ, которыя обыкновенно замѣчаются въ Петербургѣ каждый разъ, когда на сцену выступаетъ какой-нибудь важный вопросъ, требующій немедленнаго разрѣшенія. Сначала, дѣйствительно, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ проснулось какое-то живое чувство, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ явилось сознаніе серьезной опасности; но въ сущности все это движеніе послужило только къ тому, чтобъ еще ярче освѣтить ту бездну пошлости и легкомыслія, въ которой воспиталось русское общество и изъ которой никакія общественныя бѣдствія, никакія народныя страданія не могутъ извлечь его до сихъ поръ.

Римская чернь требовала отъ правительства хлѣба и зрѣлищъ; русскій народъ просилъ только хлѣба, а петербургская публика сдѣлала себѣ изъ этого зрѣлище. На Невѣ, у Николаевскаго моста, стояла барка, биткомъ набитая финляндцами, самовольно прибывшими въ Петербургъ просить хлѣба. Эти финляндцы привлекали постоянно огромную толпу любопытныхъ ихъ даже *ѣздили смотрѣть* совершенно такъ, какъ два года передъ тѣмъ ѣздили въ Кронштадтъ смотрѣть американскую эскадру; при этомъ дамы брали съ собой хлѣба, кормить голодныхъ, точь въ точь какъ берутъ хлѣба въ зоологическій садъ, кормить звѣрей. Петербургскія дамы охотно рядились, пѣли и танцовали «въ пользу голодающихъ», петербургскіе франты носили въ карманѣ кусочки *олонецкаго хлѣба*, очень похожіе на кусочки торфа, и показывали эту curiosité въ гостиныхъ. Однимъ словомъ, вдругъ голодъ вошелъ въ моду. Въ то же время, когда петербургская публика забавлялась голодающими, хлѣбъ, собранный для нихъ, гнилъ на дождѣ въ ожиданіи отправки, или разворовывался; въ то же время одного мирового посредника преслѣдовали по службѣ за то, что жена его имѣла несчастіе столкнуться въ дѣлѣ кормленія голодныхъ съ супругой губернатора; въ то же время настоятель одного монастыря лишился мѣста за то, что напечаталъ въ газетахъ воззваніе о помощи погибающимъ и описалъ случай голодной смерти какъ нарочно именно въ то время, когда губернское начальство съ своей стороны доносило въ Петербургъ, что въ губерніи все обстоитъ благополучно; въ то же время въ Петербургѣ съума сводила всѣхъ «Прекрасная Елена», рысаки мчались по Невскому, дамы ѣздили на «Стрѣлку», въ Павловскѣ играла музыка, у Излера можно было видѣть голыхъ женщинъ... Однимъ словомъ, дѣлалось все то же, что̀ дѣлается постоянно каждое лѣто, не разбирая того—какое оно: сухое или дождливое, засѣяны поля или не засѣяны, горятъ ли лѣса вокругъ Петербурга, или цвѣтутъ ландыши и незабудки.

УЛИЧНЫЯ СЦЕНЫ.

I.

Подъ вербами.

Въ среду утромъ, на вербной недѣлѣ можно было видѣть на Невскомъ, передъ Гостинымъ дворомъ, слѣдующаго рода зрѣлище.

Толпа, состоящая по крайней мѣрѣ изъ пятидесяти человѣкъ мужчинъ и женщинъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, съ длинными палками въ рукахъ, кричала, волновалась и о чемъ-то спорила. Вокругъ этой толпы собралась другая толпа—любопытныхъ. Изумленный зритель могъ ясно разслышать, что дѣло шло о чемъ-то весьма интересномъ, чего-то требовали, о чемъ-то просили...

Но изумленіе зрителя сейчасъ же переходило въ спокойное созерцаніе, лишь только ему удавалось замѣтить блестящую каску городового, благодушно торчащую посреди самой толпы. При видѣ лица его, на которомъ выражалось обычное спокойствіе и даже самоувѣренность, становилось ясно, что благородному полисмену не угрожаетъ ни малѣйшей опасности, да и въ фигурахъ вообще не было ничего угрожающаго: ни летающихъ шапокъ, ни толстыхъ сучковатыхъ палокъ, ничего такого. Палки оказывались такими тщедушными лучинками, бабы такими бабами, а рыжіе бакенбарды городового такими пушистыми, что относительно характера толпы не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія и черезъ минуту становилось даже смѣшно. А когда городовой съ помощью своего товарища началъ перекликать палки по нумерамъ, то все дѣло объяснилось простѣйшимъ образомъ. Вооруженные палками люди упражнялись въ самомъ невинномъ гражданскомъ занятіи: они дѣлили мѣста, отведенныя имъ для постройки подвижныхъ лавочекъ. Приближалась вербная суббота—торговля вербами, цвѣтами, игрушками. Часа черезъ полтора передъ Гостинымъ дворомъ уже созидался цѣлый строй этихъ лавочекъ и тутъ же началась торговля.

На другой день, часовъ съ девяти утра, и безъ того многолюдная улица начала наполняться гуляющими и экипажами, особенно въ этомъ мѣстѣ; къ двѣнадцати часамъ проходъ по тротуару передъ лавочками сдѣлался затруднительнымъ, а еще черезъ часъ кучера уже стали ломать другъ у друга колеса, при чемъ можно было довольно отчетливо слышать, какъ они уснащивали свою брань. Въ четвергъ, публики прибавилось вдвое, проходъ сдѣлался еще затруднительнѣе, а брань ожесточилась до невѣроятности. Еще издали можно было видѣть, какъ цѣлыя группы воздушныхъ шаровъ надъ толпой плавали въ воздухѣ; пискъ и верещаніе разныхъ свистулекъ оглашали улицу; множество каретъ стояли у тротуара и конные жандармы безпрестанно кричали на кучеровъ. Съ каждымъ днемъ число гуляющихъ и экипажей возрастало вплоть до самой субботы; гулянье протянулось почти по всему Гостиному двору и охватило его съ четырехъ сторонъ; въ субботу вечеромъ лавочки на Невскомъ исчезли.

Публика на гуляньи была самая разнообразная. Началось, конечно, съ нянекъ и дѣтей, которыя, какъ извѣстно, всегда гуляютъ, къ тому же и погода стояла отличная; а кончилось франтами и камеліями. Солнце какъ взялось припекать—такая вода пошла по улицѣ, что человѣкъ двадцать дворниковъ и сторожей подъ предводительствомъ полисмена съ револьверомъ насилу могли прогнать ее отъ одного угла Гостинаго двора, да и то при усиленномъ содѣйствіи полицейскихъ служителей. Зрѣлище было веселое. Дворники въ два ряда стоятъ другъ противъ друга и гонятъ воду сквозь строй; въ нѣкоторомъ отдаленіи благообразный полисменъ стоитъ на дощечкѣ и считаетъ: разъ-два, разъ-два. Впрочемъ дворникамъ это упражненіе скоро надоѣло и они вздумали было *ухнуть*, чтобы разомъ выгнать всю воду изъ канавы, но однако полисменъ на это не согласился, говоря, что это не порядокъ.

Утро въ субботу было отличное. Пѣшеходная публика гуляла, экипажи останавливались около гуляющихъ, вербы и свистульки продавались въ изобиліи.

По дощечкѣ бокомъ пробирается чрезъ воду цѣлый строй самыхъ *разнокалиберныхъ* ногъ, начиная съ маленькихъ ботинокъ въ лаковыхъ галошахъ и кончая солдатскимъ сапогомъ. Мужчины и женщины тѣснятся другъ къ другу, причемъ раздаются жалобы на невѣжество мужчинъ; спереди кричатъ: не напирай! Дѣло не обходится безъ осязанiй, отчего женщины визжатъ и бранятся.

У окна одной кареты стоитъ господинъ почтенной наружности, съ знакомъ отличiя на шеѣ, и разговариваетъ съ пожилой, но еще свѣжей барыней, сидящей въ каретѣ. Барыня, снисходительно и грустно улыбаясь, говоритъ ему, показывая на толпу:

— Веселятся. Имъ весело. Ca leurs fait plaisir. Что-жъ? Пускай. Это хорошо N'est ce pas?

— Вы слишкомъ добры, княгиня! сладкимъ голосомъ отвѣчаетъ господинъ, и при этомъ слегка подбрыкиваетъ ногой, желая казаться молодцомъ.

— Мм! Вы думаете?... кокетливо говоритъ она.

Въ нѣкоторомъ отдаленiи стройный, румяный юноша, въ новомъ пальто, рисуется передъ барыней, которая къ несчастью его не замѣчаетъ.

— Не балуй! кричитъ кучеръ на разыгравшагося жеребца. Юноша вдругъ почему-то конфузится и уходитъ.

— Сударыня! что-жъ, купите херувимчика! пристаетъ мальчикъ съ другой стороны кареты. Барыня смотритъ на мальчика снисходительно

Возлѣ лавочки съ гипсовыми фигурами остановился высокiй кирассирскiй солдатъ. Кирассиръ хочетъ купить изображенiе какого-то святого, а хозяинъ лавочки, итальянецъ, подчуетъ его Шиллеромъ и Гарибальди.

— Тебѣ толкомъ говорятъ, не нужно.

— А!... значительно произноситъ итальянецъ, долго ищетъ что-то и подаетъ ему еще статуетку.

— Да это что-жъ такое?

— А Венусъ. Итальянецъ лукаво подмигиваетъ солдату, показывая на грудь статуетки.

— Карошъ! Ахъ! шоли филье!

— Чучело ты этакое! развѣ я у тебя это спрашиваю?

Итальянецъ уже совсѣмъ ничего не понимаетъ и продолжительно смотритъ солдату въ лицо, но потомъ, сообразивъ, говоритъ ему:

— Ne volete un pescalore? Уна рубля коста.

— Ну, показывай! показывай!

Итальянецъ осторожно достаетъ съ полки пляшущаго рыбака.

— Поди къ чорту! съ сердцемъ говоритъ солдатъ и идетъ дальше.

— Дайте-ко мнѣ вотъ эту съ гусемъ-то, съ гусемъ! что̀ внизу, вонъ тамъ! вглядываясь говоритъ итальянцу дряблый, сгорбленный чиновничекъ и покупаетъ Леду. Но въ это время проходитъ мимо знакомый этого чиновника и, замѣтивъ его, не даетъ ему возможности скрыться. Чиновничекъ очень конфузится, а потому все смѣется и прячетъ подъ шинель только-что купленную куклу.

— Ну, что какъ ваши дѣлишки? покровительственно спрашиваетъ его знакомый.

— Да ничего-съ. Хе-хе, по маленьку.

— Что это вы прячете?

— Такъ-съ хе-хе-хе, дѣткамъ игрушку купилъ. Нельзя же-съ; дѣти, умоляющимъ голосомъ говоритъ чиновникъ, какъ будто извиняясь въ томъ, что купилъ Леду съ лебедемъ.

— Вотъ она, чудовища-та! Посмотрите, господа, на звѣря морскова! кричитъ мальчикъ, неся что̀-то въ ящикѣ.

Нѣсколько человѣкъ окружаютъ его; мальчикъ открываетъ крышку и оттуда выглядываетъ сова съ желтыми, моргающими глазами.

— Монету пожалуйте!

— За что?

— За чудовища.

— Съ ума ты сошелъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Убирайся ты! стану я платить за сову.

— Эхъ, скупость! А еще барыня называется. Сволочь!...

На углу остановилась пролетка. Изъ пролетки выскочилъ юный, но уже строгій на видъ офицеръ, распустилъ палашъ во всю длину портупеи, вставилъ стеклышко въ глазъ и крикнулъ кучеру: «пошелъ домой!.»

— Слушаю. ваше сіятельство.

— Въ 7 часовъ пріѣхать за мной къ Донону.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Офицеръ сталъ пробираться около каретъ и заглядывать въ окна.

По ту сторону улицы барыня въ шотландской юбкѣ и съ красивымъ мѣшечкомъ на рукѣ вышла изъ магазина, подняла палецъ вверхъ и начала смотрѣть по сторонамъ на вывѣски, какъ-будто припоминая: «куда это мнѣ еще нужно было? Дай Богъ памяти!» Но при этомъ барыня старается показать свою ручку. Потомъ она вдругъ поднесла пальчикъ къ губамъ, подумала одну секунду: «а! да! вспомнила;» и пошла въ другой магазинъ. Она вспомнила.

— Погодите! погодите! куда вы такъ торопитесь? спрашиваетъ изящный господинъ другого, въ рыжей бекеши и старой шляпченкѣ, изъ-подъ которой длинными космами висятъ нечесаные волосы.

— Спѣшу, батюшка, некогда.

— Да куда? куда?.

— Нужно одного человѣчка захватить, Шлоссера у него взять.

— На кой чортъ вамъ Шлоссера? Посмотрите погода какая. Гулять надо, гулять.»

Слово чортъ онъ произноситъ *чхортъ*.

— Не до гулянья мнѣ, батюшка, теперь. Въ прошломъ нумерѣ такъ отчесали—страсть! Нужно отгрызться. Прощайте.

— Постойте? Ну а какъ на счетъ того дѣла? Поослабла, говорятъ.

— Гдѣ же? кто вамъ совралъ? Да и что вы, господа, вздоръ все толкуете? Точно не знаете. Кажется не маленькіе, пора понимать, нетерпѣливо и съ сердцемъ говоритъ косматый, не замѣчая, что передъ нимъ не господа, а господинъ. До свиданья.

— Постойте! постойте! Что-жъ новыя правила?

Косматый господинъ, ничего не отвѣчая, машетъ руками и бѣжитъ дальше.

— Почтовой бумаги, конвертовъ, сургучей парижскихъ купите-съ!... Ахъ! хороши у насъ яйца есть!... Малиновый квасъ!... Батюшки, голубчики, дѣвочку раздавили-было совсѣмъ... Пропустите крошечку! самую бездѣлицу пропустите!... Ну ройся, копайся! скидавай... разговляйся! проговариваетъ своему покупателю, знакомому лакею, разносчикъ съ яблоками.

— Ужъ и богомольная же она у насъ, мать ты моя, добродѣтельная! толкуетъ одна старуха другой, сложивъ губы ящичкомъ.

— Такая добродѣтельная, такая, т.-е. я и не видывала. Дѣвочка у ней на воспитаніе взята, сиротка изъ жидовокъ:

съ собой изъ чужихъ краевъ привезла. Все окрестить ее хочетъ, а дѣвчонка, такой-то идолъ, не дается.

— Что-жъ она не дается? спрашиваетъ другая старуха.

— Поди-жъ ты! я такъ-то сама думаю: что-жъ бы не даться. Ну, нѣтъ, да и все тутъ. Уперлась, ровно вотъ статуй какой. Хоть что хочешь. А дѣвчонка бѣдовая; дай ей только въ себя войти, денегъ много наживетъ.

Въ четыре часа, когда чиновники разныхъ вѣдомствъ успѣли уже утолить голодъ посильнымъ обѣдомъ, публики на Невскомъ прибавилось еще больше, и гулянье начинаетъ принимать все болѣе и болѣе семейный характеръ. Пухлый чиновникъ въ теплой шинели осторожно переноситъ черезъ грязь маленькую дѣвочку, которая въ это время болтаетъ ногами и держитъ въ рукахъ восковаго херувима; позади идетъ жена чиновника и ведетъ за руку мальчика. Разлетѣвшаяся карета чуть не раздавила ихъ.

— Ну, куда дѣтей таскаютъ. Эхъ! съ досадой кричитъ величавый кучеръ, убѣжденный вѣроятно въ томъ, что родители водятъ по улицамъ дѣтей на зло кучерамъ.

Въ каретахъ между тѣмъ дѣтей ужъ почти совсѣмъ не видно. Мѣсто ихъ заняли маменьки въ нарядномъ утреннемъ костюмѣ; перчатки какія-то особенныя съ шестью пуговками съ наружной стороны руки. Между экипажами цѣлыми стаями бродитъ, такъ называемая, молодежъ статская и военная. Французскій языкъ, локти вверхъ, значительные взгляды, сплетни и пошли, и пошли... Впрочемъ, вѣдь это все-таки еще не la haute, та не поѣдетъ сюда.

Вдругъ раздается неистовѣйшая брань. Всѣ невольно умолкаютъ на секунду, но, опомнившись, показываютъ видъ, что ничего особеннаго не случилось. Вслѣдъ за этимъ слышится пѣніе. Кто-то безобразнымъ образомъ нализался и оретъ, что есть мочи:

Ахъ, да и во лѣса—ахъ! да...
Во дремучіихъ лѣсахъ.

— Бра-бра, ахъ да брала Маша я... подхватываетъ другой, не менѣе безобразный голосъ.

Публика въ недоумѣніи смотритъ и видитъ, что два пьяныхъ мужика, обнявшись, шагаютъ по лужамъ и брызжутъ ногами грязь во всѣ стороны. Проходящіе начинаютъ сторониться, дамы затыкаютъ платками носы, и тутъ же являются блюстители порядка, но загулявшіе мужики въ обиду не даются.

— Бери его! задыхающимъ голосомъ кричитъ полисменъ изъ евреевъ. Веди его въ кварталъ.

— Кого бери? меня? нагнувшись въ сторону спрашиваетъ одинъ изъ мужиковъ. Цыцъ! Ну тронь! Я ноне пріобщался.

Мы по Питеру гуляли
По трактирамъ, погребамъ....

— Вяжи ему руки! едва сдерживая гнѣвъ, говоритъ полисменъ.

— Ахъ по трахти—... не трожь! Я тебя не трогаю. Ты, милый человѣкъ, кавалеръ, ты меня лучше не вяжи. Отойди отъ грѣха.

— Не разговаривай! У! скотина!

— Какъ можно такъ обращаться?!... вступается какой-то молодой человѣкъ и начинаетъ блѣднѣть.

— Будьте покойны! Мы знаемъ.

— Да нѣтъ ты вотъ что, милый человѣкъ! Я тебѣ къ примѣру буду говорить по душѣ. Ты меня лучше пусти! Ты самъ не дуракъ... Такъ ли я говорю?...

Но въ то же мгновеніе два здоровенныхъ полисмена схватываютъ мужика подъ руки и исчезаютъ съ нимъ куда-то. Молодой человѣкъ, у котораго лицо уже успѣло вспыхнуть яркимъ румянцемъ, поспѣшно продолжаетъ путь. Публика еще нѣсколько минутъ остается подъ вліяніемъ такъ неожиданно разыгравшейся сцены, но постоянно прибывающія волны гуляющихъ, шумъ и громъ экипажей окончательно изглаживаютъ это впечатлѣніе.

II.

Балаганы на Святой.

На Адмиралтейской площади, послѣ дождя, передъ балаганами стояли большія лужи воды и грязь была страшная. По этимъ лужамъ шлепалъ народъ, унося на сапогахъ густо налипшую на нихъ грязь. Мастеровые, солдаты, бабы, лакеи въ шинеляхъ и горничныя гуляли кучами и въ одиночку: глядѣли на паяцовъ, грызли орѣхи и, не смотря на раннюю пору дня, ѣли мороженое. Пьяные мужики ходили подъ руку, или обнявшись, и если одинъ падалъ въ грязь, то увлекалъ за собой двугого, отчего происходили всякій разъ ссоры, народъ собирался вокругъ упавшихъ, поднимался хохотъ, слышались остроты; всѣмъ было очень весело. На площади продавались орѣхи, калачи, пряники и сбитень съ молокомъ. На одномъ балаганѣ нарисованы голая женщина и чортъ съ подписью: «Китайскіе фокусники, прибывшіе изъ Пекина, такъ же будетъ показываться при лунномъ освѣщеніи спящая красавица и домовой».

На итальянскомъ театрѣ изображены мертвецы, встающіе изъ могилъ, и паяцъ въ трехъугольной шляпѣ. Внизу написано: «Арлекинъ, повелитель Фауста во тмѣ адской». На балконѣ такой же паяцъ съ лицомъ, вымазаннымъ сажей, бьетъ арлекина по спинѣ, а тотъ въ свою очередь ногой попадаетъ въ затылокъ испанцу.

Медвѣдь бросаетъ въ народъ орѣховой скорлупой. Дальше: «Погруженіе корабля въ волны и кораблекрушеніе съ морскимъ чудовищемъ и съ огненнымъ дождемъ».

Въ проходѣ между балаганами стояли силомѣры въ видѣ турокъ, которыхъ за 5 коп. били по головѣ. Въ одномъ мѣстѣ, среди самой большой лужи, помѣщался китайскій бильярдъ съ часами, которые, впрочемъ, стояли. Вокругъ него толпился народъ, но, не смотря на это, игра шла очень плохо, и хозяинъ бильярда то и дѣло обращался къ публикѣ съ жалобой, говоря, что онъ терпитъ большіе убытки, на что̀ кто-то совѣтовалъ ему меньше мошенничать, и называлъ его ёрникомъ. Музыка гремѣла въ разныхъ концахъ и до такой степени громко, что ничего нельзя было разобрать. Рядомъ съ палатками, гдѣ продавались калачи и баранки, толпился народъ вокругъ лотереи, которая происходила тутъ же, на землѣ. Разыгрывались пряники, полосатый женскій платокъ, серебряные часы и пистолетъ. Всѣмъ очень хотѣлось часовъ, но вмѣсто того выигрывались одни пряники.

— Кому билетовъ? кому билетовъ? кричалъ одинъ изъ распорядителей лотереи, держа кучу засаленныхъ билетовъ надъ головою.

— Эй! дворецкій! возьмите парочку: анкерные часы на 13 камняхъ. Сейчасъ начинать. Кому достальныхъ билетовъ? Купецъ! на счастье пожертвуйте гривенникъ!

— На счастье, братъ, мужикъ рѣпу сѣялъ, да уродилась-то... спокойно отвѣчаетъ купецъ, проходя мимо.

— Шиши уродились... это справедливо, подтверждаетъ распорядитель. Народъ хохочетъ.

— Почтенный! продолжаетъ кричать распорядитель, и вдругъ, запримѣтивъ стоящаго тутъ-же мужика, отводитъ его въ сторону и говоритъ таинственнымъ голосомъ: послѣдніе!.. самые счастливые остались. Бери скорѣе, чудакъ! Женѣ платокъ выиграешь. Платокъ чудесный. Ты слушай, голова! я тебѣ по душѣ: возьми вотъ этотъ 41, да 27; самые счастливые Вѣрно говорю, что выиграешь.

— !Нѣтъ, братъ, я свое счастье знаю, отвѣчаетъ мужикъ, залѣзая себѣ въ карманъ. Мое счастье, я тебѣ скажу, вотъ какое! я, другъ мой, ноне по осени чуть-было въ солдаты не угодилъ. Вотъ ты и думай, какое оно счастье-то мое!.

— Ну, братъ, мнѣ думать съ тобой некогда. Коли брать, такъ бери, а то поди прочь, не мѣшай. Часы, вотъ часы! Бери билетъ: часы выиграешь, пристаетъ онъ къ другому мужику.

— На что мнѣ? отвѣчаетъ тотъ.

— Чудакъ!—продать. А не то—пистолетъ...

— Нѣтъ, братъ, намъ съ тобой за него еще въ шею накладутъ. Ну его! у насъ такъ-то вотъ одинъ тоже баловался, баловался...

— А что, парень, слыхалъ ты про мытаря притча такая сказывается? спрашиваетъ одинъ мужикъ у другого, выплевывая скорлупу. Вотъ онъ, мытарь, съ билетами.

— У насъ, братъ, мытаремъ все станового звали. Другого имени ему не было. Мытарь, да и все тутъ. Только бы ему, значитъ, увидать у тебя деньги, сейчасъ драть. И до тѣхъ поръ тебя деретъ, пока всѣ сполна не отдашь.

У подвижной панорамы, съ круглыми стеклами, собрались мальчишки и смотрятъ; кучеръ, подпершись въ бока и присѣвъ, тоже смотритъ. Старый нѣмецъ въ картузѣ, съ большимъ козырькомъ, вертитъ за ручку и серьезно объясняетъ имъ:

— Gemälde Gallerie — въ Дрезденъ.—Sanct Stephan's Kirche — у Вьенъ.».

— А нижегородскія бани есть? спрашиваетъ кучеръ.

— Нѣтъ, строго отвѣчаетъ нѣмецъ.

— Это ничего не стоитъ, говоритъ кучеръ, отходя отъ панорамы. Мальчишки молча продолжаютъ смотрѣть.

— Петька! ты что̀ видишь? спрашиваетъ одинъ другого.

— Ничего не вижу. Чортъ его знаетъ что.

— Мотри сюда. Здѣсь виднѣй. Мальчики мѣняются мѣстами·

— Да и здѣсь все то же....

— Теперь довольно, говоритъ нѣмецъ.

Мальчишки съ неудовольствіемъ отходятъ.

У другой панорамы зрителей гораздо больше, слышенъ хохотъ, и однообразный голосъ причитаетъ на-распѣвъ:

— «А вотъ персидскій шахъ Махмудъ; его жена Матрена сидитъ на тронѣ; никто ее не тронетъ. Вонъ Сенька на дудкѣ играетъ, ее потѣшаетъ, а Гришка Отрепьевъ на барабанѣ сидитъ, самъ картофелемъ въ нее палитъ. А вотъ, смотрите, господа, городъ Аршава: она прежде была шаршава, нынче сгладили. А это—городъ Лондонъ. Аглицкая королева Викторія ѣдетъ разгуляться въ чисто поле; агличане въ лодкахъ катаются сами себя держатъ за..., горючими слезами обливаются, потому, какъ они горькіе сироты, нѣтъ у нихъ ни отца, ни матери...

— Ну-ка повеселѣй, повеселѣй! вдругъ кричитъ кто-то.

— По грошу съ носа набавки, замѣчаетъ голосъ; зрители сбираются въ кучу, и притаивъ дыханіе, слушаютъ продолженіе. Раздается смѣхъ. «А, чтобъ тебѣ...» восклицаетъ кто-то отъ избытка удовольствія. «Уморилъ со-смѣху. Ахъ, въ ротъ тѣ....» и т. д.

На карусели играетъ музыка, поютъ пѣсенники и показывается механическій слонъ; сверхъ того, двѣ дѣвицы и одна дѣвочка въ какихъ-то фантастическихъ костюмахъ скачутъ и кружатся передъ публикой. На загородкѣ сидитъ солдатъ, наряженный старикомъ, въ сѣромъ кафтанѣ, съ длинными волосами и бородой изъ пеньки; на шеѣ у него висятъ оловянные часы, въ рукахъ старый книжный переплетъ. Старикъ говоритъ, обращаясь къ кому-то изъ толпы:

— Конечно, малый, надо правду говорить: жена у меня красавица,—позади ноги таскаются. Теперича у ей носъ съ Николаевскій мостъ. Но я хочу пустить ее въ моду, чтобы, значитъ, кому угодно.

Толпа смѣется.

— Нѣтъ, ты лучше про несчастье-то разскажи! кричитъ кто-то изъ толпы.

— Про несчастье?—ладно. А ужъ ты мнѣ, рыжій, попадешься, дай срокъ. Будетъ тебѣ по карманамъ лазить.

Новый взрывъ смѣха.

*

— А вотъ на той недѣлѣ несчастье случилось, продолдолжаетъ старикъ, усаживаясь на перекладину верхомъ.—Кошка въ пустомъ лукошкѣ утопилась; осталось семеро котятъ, всѣ пить-ѣсть хотятъ. Пожертвуйте, сударь, на молочишко!

— У меня нѣтъ, отвѣчаетъ конфузясь какой-то чиновникъ.

— Дай Богъ, чтобы и не было.

— Что-жъ, баринъ, на молоко?... Баринъ даетъ двугривенный.

— Ну пошли вамъ Богъ полну пазуху блохъ! кланяясь говоритъ старикъ.

Толпа еще пуще смѣется, а баринъ въ смущенiи удаляется.

— А какое у меня, братцы, горе! продолжаетъ старикъ, положивъ деньги въ карманъ.

— О-о-охъ-хо-хо! Вотъ такъ горе! Сынъ померъ. Ну ужъ былъ сынъ! Звали его Максимъ. Былъ онъ лѣтъ шести, да обросъ весь въ шерсти, словно собака.... и т. д.

Разносчикъ гонится за мальчикомъ, который у него только-что стянулъ пряникъ, но мальчикъ быстро скрывается въ толпѣ. На другой карусели такой же старикъ, только борода и волосы его сдѣланы изъ лошадиной гривы. Усы съѣхали ему на губы и разобрать что̀ онъ говоритъ—довольно трудно. Дѣло кажется идетъ о какой-то лотереѣ. Старикъ сиплымъ голосомъ перечисляетъ выигрыши:

— Первый выигрышъ: дамская шляпка алю полька, изъ навознаго пуху; носятъ ее больше для духу. Другой выигрышъ: серьги серебряныя позолоченныя, мѣдью околоченныя для прочности; вѣсу въ нихъ девять пудовъ.

Трубачи начинаютъ играть дармштадтскiй маршъ, старикъ вскакиваетъ на лавку, неистово трясетъ бородой, машетъ руками и свищетъ, ряженыя дѣвицы танцуютъ кадриль.

Двое мастеровыхъ въ испачканныхъ известкою картузахъ спорятъ о чемъ-то со сборщикомъ билетовъ, стоящимъ у входа на карусель. Мастеровые лѣзутъ къ входу, а онъ ихъ не пускаетъ и наконецъ начинаетъ на нихъ плевать. Мастеровые жалуются кассиру; кассиръ бранитъ сборщика и кричитъ ему: «ты зачѣмъ плюешься? Нѣшто такъ можно? А ты порядокъ долженъ знать: взялъ за шиворотъ, да въ шею, да въ шею, вотъ они въ другой разъ и нестанутъ обижаться». И въ то же время показываетъ, какъ надо гнать въ шею, на что̀ мастеровые дѣйствительно не обижаются и молча уходятъ.

Между большими балаганами, нѣсколько въ сторонѣ помѣстился маленькій, грязненькій, съ холстиннымъ верхомъ балаганчикъ, но тѣмъ не менѣе все-таки съ балкономъ. На стѣнахъ написано чернилами:

«Nous sommes francais de Marçelle, Serre-pére et Serre-fils, 20 kop. Pentré». Потомъ немного ниже: «Quel etablissement! Teatro di Pariqqi».

На балкончикѣ стоитъ Serre-père и трубитъ въ рогъ; на этотъ зовъ собралось передъ балаганомъ человѣкъ пять мальчиковъ.

Кончивъ трубить, Serre-père показываетъ имъ большой листъ бумаги, на которомъ написано крупными буквами тоже самое, что̀ на стѣнѣ балагана, т. е. программа.

— Messieurs! говоритъ Serre-père, принимая важный видъ, «nous avons,—у насъ ессъ: rue de Constantinople. Ессъ? спрашиваетъ онъ у нихъ, предлагая повѣрять програму, по тому, что̀ написано на стѣнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричатъ они хоромъ.

— Ессъ! кричитъ и Serre-père. «Nous avons encore,— ешо у насъ ессъ—rue des fontaines de Versaille. Ессъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, опять отвѣчаютъ мальчишки.

— Ессъ!... топая ногою, утверждаетъ Serre-père.

Наконецъ, прочитавъ программу, онъ обращается къ своей публикѣ съ такою рѣчью:

— Messieurs! Можно гляди за двацать копейкъ. Много? пятнацать копейкъ. Много? десять копейкъ. Ешо много? пеатшекъ!... кричитъ онъ, вдругъ повертывая листъ и хлопая по огромной цифрѣ 5, написанной съ той стороны. Bien! не много? Ходи скорѐ гляди, messieurs! проворнѐ!» Serre-père скрывается; вмѣсто него выходитъ на балконъ Serre-fils и тоже трубитъ; а Serre-père уже внизу у входа и получаетъ стаканъ сбитню съ молокомъ отъ женщины, торгующей этимъ напиткомъ, тутъ же у самаго балагана.

— Bien merci! говоритъ французъ, принимая стаканъ.— Je suis fatiguè aujourd' hui!

Есть нѣкоторое основаніе думать, что дама, торгующая сбитнемъ, никто другая, какъ Serre-mère.

Въ длинномъ, но очень узкомъ балаганѣ стрѣляютъ въ цѣль. Попавшій въ центръ получаетъ призъ: подтяжки, стаканъ или гребешокъ. У входа толпятся любопытные. Одинъ солдатъ три раза уже попалъ въ цѣль и получилъ два гребешка и подтяжки, наконецъ онъ попадаетъ въ четвертый разъ: хозяинъ вырываетъ у него ружье, ругается и гонитъ вонъ. Завязывается ссора, причемъ хозяинъ обзываетъ солдата курощупомъ, за что̀ получаетъ отъ него скважины. Толпа рукоплещетъ солдату и глумится надъ хозяиномъ, а дѣти между тѣмъ очень искусно таскаютъ изъ кармановъ платки.

Пьяный дворникъ уговариватъ свою жену—пустить его на качели; жена не соглашается и тащитъ его домой.

— Не пойду, не пойду, не пойду, говоритъ онъ, вырываясь отъ нея; она все-таки его ловитъ и ведетъ домой.

— Дура, дура, дура, кричитъ онъ ей въ ухо.—Чортъ несуразный! Ты пойми! я тебѣ что̀ говорилъ? Ты этого не чувствуешь? Жена все-таки продолжаетъ его вести. Дворникъ вдругъ вырывается у нея, садится въ лужу и брызгая, въ нее грязью, говоритъ:

— Вотъ ты и гляди на меня, какой я человѣкъ!

На качеляхъ слышенъ бабій визгъ и восклицанія, уносимые вѣтромъ. Военный писарь стоитъ внизу и старается попасть пряникомъ въ сидящую на качеляхъ дѣвицу, а дѣвица на всемъ лету плюетъ въ него и прямо попадаетъ ему на шапку.

— Э—эхъ, подмахни, подмахни, не робѣй! вскрикиваетъ кто-то.

Насупротивъ одного большого балагана стоитъ молодой человѣкъ и списываетъ надписи:

1) «*Европейское представленіе*».

«съ разными движущими предметами механика усовершенствована до высшей степени что нельзя разлечить отъ живыхъ людей самыхъ занимательныхъ зрелищь которые одобрены въ мѣстныхъ вѣдомстяхъ».

2) «*Отдѣленіе первое*».

«городъ дрезденъ черезъ рѣку мост оживленъ толпами проходящихъ людей и скороѣдущихъ каретъ и фіакровъ всѣ съ заботливымъ движеніемъ».

3) «*Отдѣленіе второе*».

«Романтическое мѣстоположеніе вдали городъ, на горѣ на правой сторонѣ виденъ мостъ и замокъ передъ нимъ на которомъ проходящихъ и проѣзжающихъ людей пленяютъ взоры.

На крыльцо вышла дама и, замѣтивъ молодого человѣка, говоритъ ему:

— Къ чему только вы списываете? Когда мы жили въ

Большой Морской, тоже одинъ господинъ списалъ, тоже фельетонъ вышелъ, а вы списываете, что съ того будетъ?

— И это для фельетона, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну развѣ, говоритъ дама. У насъ теперь солнце испорчено,—сыро. А прежде было хорошо; въ газетѣ хвалили очень.

Рядомъ съ европейскимъ представленіемъ еще балаганъ: «Русскій нацеональный театръ живыхъ картинъ, танцовъ и фокусовъ китайца Су-чу на русскомъ деолектѣ со всѣми китайскими причудами». А за русскимъ «національнымъ» театромъ ужъ пошла такая вонь, что дальше идти невозможно. Откуда берется этотъ запахъ—неизвѣстно; достовѣрно только, что сильно пахнетъ и полиціи даже тамъ не видно.

Среди улицы обнявшись идутъ два печника въ полушубкахъ и во весь духъ жарятъ:

— Мно-о га-ая лѣ-ѣ-та! Мно...

— Цыцъ! вдругъ останавливаетъ одинъ.—Начинай! Разъ! Мно-о-га-я лѣ-та!..».

III.

Въ балаганѣ.

Въ осьмомъ часу вечера въ «китайскомъ театрѣ» собиралась публика. Театръ былъ освѣщенъ люстрой, въ которой горѣло пять свѣчей; на сценѣ, за занавѣсомъ, играла музыка.

На первыхъ мѣстахъ сидѣли два чиновника съ семействомъ и одинъ пожарный солдатъ; дальше помѣщались горничныя, два гимназиста и деньщикъ въ военной шинели. Послѣднія же мѣста всѣ сплошь были набиты мастеровыми и мальчишками; между ними виднѣлся будочникъ. Мальчишки шумѣли, бросали другъ въ друга орѣхами, и требовали, чтобы занавѣсъ поднимали скорѣе. Одинъ изъ зрителей былъ очень пьянъ; свѣсившись съ перегородки, онъ курилъ папиросу и плевалъ на скамейку. Во второмъ ряду, обернувшись къ сценѣ спиной, стоялъ разносчикъ съ пустымъ лоткомъ подъ мышкою и придирался къ моему сосѣду, а тотъ его все убѣждалъ, говоря, что онъ долженъ вниманіе имѣть и сѣсть на мѣсто. Разносчикъ однако этого не хотѣлъ принять въ резонъ и все-таки не унимался.

— Ну что ты важничаешь, говорилъ онъ. Съ меня братъ поживы не будетъ.

— Поди къ чорту! скороговоркой отвѣчалъ любитель порядка.

— Эй! вдругъ начиналъ кричать разносчикъ, повернувшись къ сценѣ.—Подымай, чтоль,—озябли. Тутъ братъ за свою родную десятку назябнешься вдоволь.—Ишь ты порядокъ, какой завели?

На одной скамейкѣ деньщикъ объяснялъ двумъ горничнымъ, что онъ имѣетъ у себя *фантазическій умъ* и расказалъ, между прочимъ, какой на дняхъ вышелъ «анекдотъ» на вечерѣ у какого-то дворецкаго; какъ одинъ лакей *довольно грубо одѣмши*, пришелъ на вечеръ и, находясь *въ аристократическомъ кругу*, напился пьянъ и сталъ при дамахъ выражаться *національно по-русски*; а потомъ началъ изъ хватать, наконецъ раздѣлся и ну бѣгать по комантѣ нагишемъ, за что хотѣли его вывести, но онъ избилъ хозяина и среди комнаты сдѣлалъ невѣжество.

Публика однако начала терять терпѣніе, нѣкоторые уже стали проситься выйти, но сборщикъ билетовъ уговорилъ ихъ подождать, говоря, что скоро начнется. Между скамьями пробирается мороженщикъ съ подносомъ, приговаривая въ полголоса:—«малиново-сливочно-отлично-мороженое есть». Кто-то начинаетъ грѣться и изо всѣхъ силъ топочетъ ногами.

— Подымай! кричитъ разносчикъ, потерявъ терпѣніе.

— Подымай, что-ли, а это я самъ пойду подыму. Ужинать пора.

Гимназисты общими силами сооружаютъ папиросу, а деньщикъ разсказываетъ своимъ дамамъ—что такое *свяжущее вещество*. Оказывается, что это веревка, и деньщикъ самъ смѣется своей остротѣ. Разносчикъ, видя, что никто его не слушаетъ, садится на мѣсто и начинаетъ пѣть:

Съ неспокою сталъ я мальчикъ нездоровъ...

Музыка опять заиграла и полосатый занавѣсъ поѣхалъ въ сторону. На сценѣ, передъ столомъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи, показался фокусникъ во фракѣ съ волшебнымъ жезломъ въ рукѣ, и поклонился публикѣ. Всѣ затихли. Фокусникъ, объяснивъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, что, пріѣхавъ въ здѣшнюю столицу, надѣется заслужить вниманіе публики, взялъ со стола колоду картъ и началъ показывать свое искусство. Гимназисты вскочили на скамейку, чтобы лучше видѣть, и когда карты сами собой стали выпрыгивать изъ колоды, пришли въ восторгъ и захлопали въ ладоши. Потомъ фокусникъ попросилъ у зрителей носового платка. Зрители замялись и нѣсколько минутъ длилось нерѣшительное молчаніе. Одинъ изъ зрителей полѣзъ-было въ карманъ, вытащилъ какой-то комокъ, но сейчасъ же опять его спряталъ. Фокусникъ дожидается. Вдругъ разносчикъ вынулъ у себя изъ шапки полотенце и крича фокуснику—«держи!» бросилъ на сцену, а самъ въ то же время чуть было не упалъ. Поднялся хохотъ, суматоха...

— Смирррно! заоралъ разносчикъ, лежа на лавкѣ.

— Господа! я прошу покорно одну минутку молчанія. А ты, любезный, все шалишь.

— Курляндецъ-чортъ! съ пренебреженіемъ отозвался разносчикъ и, садясь на мѣсто, объявилъ своимъ сосѣдямъ, что нынче хоть не живи въ міру и что гораздо лучше идти къ мерену... Не смотря на это, фокусы шли своимъ порядкомъ, только когда потребовалась рублевая бумажка—публика опять стала затрудняться, а изъ заднихъ рядовъ кто-то предлагалъ собрать лучше по семиткѣ съ брата, чтобы не обидно было. Однако рубль отыскался у деньщика, но когда фокусникъ разорвалъ бумажку на четыре части—разносчикъ опять вступился и закричалъ: «вяжи его!»

Разносчика успокоили, но усмирить его никакъ не могли. Онъ безпрестанно вскакивалъ, ругался и мѣшалъ смотрѣть фокусы; публика однако за это не очень претендовала. Самъ фокусникъ вздумалъ-было подѣйствовать на него увѣщаніемъ, но изъ этого вышелъ только смѣхъ, потому что разносчикъ сталъ его дразнить и повторять за нимъ увѣщанія слово въ слово.

— Любезный! сиди смирно! говорилъ фокусникъ

— Любезный! сиди смирно! ко всеобщему удовольствію повторялъ разносчикъ.

— Я велю тебя вывести...

— Я велю тебя вывести...

Видя, что зрители на сторонѣ разносчика и одобряютъ его дружнымъ смѣхомъ (потому что разносчикъ въ сущности занималъ ихъ гораздо больше, нежели фокусникъ), профессоръ натуральной магіи пожалъ плечами и отсталъ.

— Молчи, ужъ коли Богъ убилъ, сказалъ въ заключеніе разносчикъ и легъ на скамейку. Публика единодушно захохотала.

Но лежать долго онъ все-таки не могъ и пока фокусникъ готовилъ въ шляпѣ яичницу, разносчикъ успѣлъ уже придраться къ деньщику, называя его стрюцкимъ. Деньщикъ огрызался, но плохо. Чиновникъ, обернувшись назадъ, тоскливо посмотрѣлъ на разносчика, боясь, чтобы онъ въ порывѣ декламаціи не задѣлъ его по головѣ.

Наконецъ фокусы кончились, занавѣсъ задернули и публика пошла освѣжаться. Началось второе дѣйствіе.

Вышелъ человѣкъ, наряженный китайцемъ, и поставилъ себѣ шпагу на лобъ; къ этой шпагѣ прицѣпилъ еще двѣ, потомъ поставилъ себѣ на зубъ ружье и началъ маршировать по сценѣ. Публика аплодировала, потомъ успокоилась. Вдругъ среди этой тишины слышится визгъ: всѣ оглянулись. Одинъ изъ зрителей во время 2-го дѣйствія заснулъ и началъ во снѣ бредить и визжать. Разносчикъ, между тѣмъ успѣвшій освѣжиться надлежащимъ образомъ, произвелъ такой шумъ и безпорядо~~ко~~къ, что спектакль пріостановился, и когда наконецъ передъ публикой показалась спящая красавица съ домовымъ при лунномъ свѣтѣ, разносчикъ стоялъ задомъ къ сценѣ и, держа полную шапку пряниковъ, командовалъ мальчишкамъ:

— Ребята! вотъ они пряники! Кричи ура! ребята!

— Ура! заревѣли мальчишки.

— Громче! ребята!

— Ура—а!

— Караулъ!!! вдругъ закричалъ разносчикъ и пряники полетѣли въ толпу. Суматоха поднялась невообразимая, но тутъ же стали всѣхъ гнать изъ театра, потому-что представленіе кончилось.

НА ВЫСТАВКѢ.

Очеркъ.

Я понимаю, что все это
наше русское, родное....
(Гроза).

Утромъ, 19-го апрѣля, передъ экзерцизгаузомъ стоялъ длинный рядъ экипажей и четыре жандарма бранились съ кучерами; я проходилъ мимо: ужъ не разводъ ли?— невольно пришло мнѣ въ голову. Съ мыслью о манежѣ я какъ-то привыкъ соединять всегда патріотическія и разныя другія, болѣе или менѣе воинственныя, воспоминанія. Но на этотъ разъ я сильно ошибся: развода никакого не было; даже баталіоннаго ученія не было, было нѣчто новое. Въ экзерцизгаузѣ въ этотъ день происходила выставка растеній, учрежденная Рос. Общ. любителей садоводства. Кто бы повѣрилъ, что такое мѣсто можетъ превратиться въ садъ? что на этомъ пескѣ, который такъ усердно и долго топтали солдатскія ноги, и лѣвой, и правой, и скорымъ, и тихимъ — учебными шагами, чтобы на этомъ пескѣ, говорю я, который столько лѣтъ ничего не производилъ, кромѣ пыли, могли такъ роскошно, такъ гордо и вольно раскинуться широкія вѣтви банановъ и пальмъ?... И что за великолѣпный садъ, въ самомъ дѣлѣ! Если бы не этотъ плоскій, тяжелый потолокъ и если бы арматуры не выглядывали совершенно неожиданно изъ за зелени, — можно бы просто забыться и представить себѣ, что гуляешь гдѣ-нибудь на югѣ, вдали отъ родины. Но если правду сказать, не одинъ потолокъ и не однѣ арматуры мѣшаютъ забыться.... Да впрочемъ, къ чему же и забываться? Гораздо лучше видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть. Забываться можетъ публика, для этого и устроено все такимъ образомъ, чтобы производить иллюзію; а я,—развѣ я публика?! И какъ же я смѣю забыться? Сегодня первый день выставки, рубль серебромъ за входъ. И какъ же я могу забыться, когда я вижу, напримѣръ, что этотъ прудъ—вовсе не прудъ, а просто большая кадушка съ довольно грязною водою, когда я твердо убѣжденъ, что эти гуси и утки плаваютъ въ немъ вовсе не изъ удовольствія, а потому, что они должны оживлять его, потому что они должны играть свои роли, такъ же какъ играютъ статисты на сценѣ, изображающіе въ оперѣ народъ? Наконецъ я не могу забыться ни на одну минуту уже потому, что я вижу людей, тѣхъ самыхъ людей, которыхъ я видѣлъ и прежде, сидящихъ въ бельэтажѣ, въ бенуарѣ и въ первомъ ряду креселъ, которыхъ я видѣлъ въ концертахъ, въ собраніи, (*въ благородномъ собраніи*), которыхъ я вижу всякій день на улицѣ, вижу, какъ несутся они на своихъ рысакахъ, и несутся такъ быстро, что почти невозможно ихъ видѣть... но я все-таки вижу. И здѣсь, теперь, вижу я этихъ изящныхъ дамъ и кавалеровъ, воочію вижу ихъ, спокойно, съ глубокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства гуляющихъ по саду;—и какъ же могу я забыться послѣ этого?!.. тѣмъ больше, что.... видите! видите! — вотъ на мосту стоитъ господинъ небольшаго роста, съ двумя дамами. Вѣдь можно бы подумать, пожалуй, что они любуются видомъ, — но это не правда, имъ нѣтъ дѣла ни до какихъ видовъ въ мірѣ, они и не думаютъ о выставкѣ, — они сами себя *выставляютъ*. Эта дама показываетъ публикѣ шаль и новую шляпку и ей ужасно досадно, что этотъ господинъ пристаетъ къ ней съ какой-то глупостью и заслоняетъ ее отъ взоровъ публики. Онъ разсказываетъ ей о какомъ-то фонтанѣ:

«..... une fontaine. Imaginez vous, que la chute de l'eau est i bien calculée, que l'eau, en tombant produit des sons musicals.» — Cela doit être magnifique,—отвѣчаетъ дама, съ трудомъ удерживая гнѣвъ.

«Superbe, superbe!» — восклицаетъ съ восторгомъ господинъ, поощренный этимъ отвѣтомъ, и вовсе не замѣчая, что дама, того и гляди, столкнетъ его съ моста за неумѣстный восторгъ. Онъ продолжаетъ приставать, но дама, потерявъ терпѣніе, уходитъ; онъ обращается къ другой и начинаетъ къ ней приставать съ своимъ фонтаномъ, — та, не слушая его, медленно поворачивается къ нему своимъ шлейфомъ и тоже уходитъ. Господинъ видитъ себя одинокимъ, но, какъ кажется, нисколько этимъ не конфузится; прищурясь, посмотрѣлъ налѣво, потомъ направо, запѣлъ что-то себѣ подъ носъ и присоединился къ штату одной заслуженной и очень почтенной дамы.

Почтенная дама торжественно и важно шествовала вдоль пруда, за ней такъ же тихо и торжественно шли разные статскіе и военные кавалеры и дамы. Процессія подвигалась медленно, шагъ за шагомъ; всѣ говорили въ полголоса, не обращая почти никакого вниманія на чудныя произведенія природы, мимо которыхъ они проходили. Кипарисы и пальмы смотрѣли на этихъ людей съ удивленіемъ, а одинъ гусь, подплывъ къ самому берегу, вытянулъ свою длинную шею и сердито зашипѣлъ. Но торжественность этого шествія была только оптическимъ обманомъ, (гусь же по свойственной ему глупости и не понялъ этого). Во всей этой группѣ было что̀-то удивительно странное, что̀-то сильно напоминающее погребеніе кота мышами: картина какъ будто торжественная, отчасти печальная, но не смѣяться надъ ней тоже нѣтъ никакой возможности.

Почтенная дама, женщина лѣтъ 70, средняго роста, въ богатомъ модномъ бурнусѣ, медленно ступая, шла впереди тою ненадежною походкою, которою ходятъ дѣти, только что выучившіяся ходить. Желтое, какъ будто залежавшееся лицо ея съ маленькими глазами, въ видѣ изюминъ, выражало совершенное отсутствіе мысли, и я сомнѣваюсь даже, понимала ли почтенная дама, гдѣ она находится. Она какъ будто все боялась, что вотъ-вотъ случится что̀-нибудь неожиданное и вѣрно очень бы испугалась, если бы кто вздумалъ нечаянно спросить ее: зачѣмъ она изволила пожаловать на выставку? Рядомъ съ нею шелъ тоже ужъ довольно подержанный, но еще твердый на ногахъ господинъ, въ военной шинелѣ и ваточной фуражкѣ, съ двумя бѣлыми и жесткими щетками подъ носомъ, вмѣсто усовъ. На кругломъ лицѣ его было написано спокойствіе, удивительное, невозмутимое спокойствіе, свойственное только такимъ людямъ, для которыхъ всѣ вопросы въ жизни рѣшены, а потому имъ думать не о чемъ. Онъ иногда наклонялся къ почтенной дамѣ и что̀-то говорилъ ей; она въ отвѣтъ ему тоже что̀-то шамшила, неловко шлепая губами, и потомъ съ безпокойствомъ, съ какимъ-то дѣтскимъ безпокойствомъ, оглядывалась кругомъ, но, встрѣчая, вездѣ знакомыя лица, принималась весело жевать и, успокоившись совершенно, одобрительно кивала головой, какъ будто говоря: ну вотъ, и мы всѣ здѣсь.

Процессія между тѣмъ приближалась къ небольшой площадкѣ, на которой помѣщался *террарiумъ*. Человѣкъ десять собралось вокругъ стеклянной клѣтки, гдѣ очень искусно сдѣланы были скалы, покрытыя живою растительностью, гротъ, бассейнъ воды, фонтанъ и все это въ миніатюрномъ видѣ; тутъ же сидѣли двѣ-три лягушки, ящерица, черепаха и нѣсколько змѣй. Почтенная дама замѣтила кучку людей, съ любопытствомъ разсматривающихъ что̀-то, и вдругъ на лицѣ ея показалось тоже что̀-то въ родѣ любопытства.

— Что̀ такое? — спросила она своего кавалера, показывая на терраріумъ. Кавалеръ, нисколько не теряя своего достоинства, обернулся въ ту сторону, прищурилъ одинъ глазъ и сказалъ очень спокойнымъ голосомъ: — такъ, трава какая-то.

Дама совсѣмъ было удовольствовалась этимъ отвѣтомъ, но въ то же время оттуда послышался хохотъ: смѣялись два кавалергарда и одинъ уланъ, взявшись подъ руки и покачиваясь; кто-то изъ нихъ острилъ надъ лягушками. Почтенная дама остановилась, обвела глазами свою свиту и ужъ почти съ испугомъ спросила:—что̀ такое?—Тогда одинъ молодой человѣкъ, до тѣхъ поръ разговаривавшій шопотомъ съ какою-то дѣвицею, подошелъ къ старухѣ и, вытащивъ изъ глаза стеклышко, успокаивающимъ голосомъ сказалъ:

—Il n'y a rien à voir, grand'maman: ce sont des grenouilles. Grand'maman вдругъ вся затряслась, замахала руками и съ ужасомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ; свита потянулась за ней.

Любопытно посмотрѣть однакожъ, что̀ тамъ дѣлается около того терраріума.

Нѣсколько человѣкъ мужчинъ стоятъ вокругъ него, и, подходя, я слышу шопотъ, за которымъ раздается хохотъ.

Въ это время подходитъ дама съ двумя пожилыми дочерьми. Дочки по причинѣ близорукости близко припадаютъ къ стеклу, но вдругъ почему-то обѣ разомъ, толкнувъ одна другую локтемъ, быстро удаляются съ такимъ видомъ, какъ будто онѣ ничего не видали. Гвардейцы зажимаютъ себѣ носы и катаются со смѣху. Зрители между тѣмъ прибавляются: подходитъ гувернантка съ дѣтьми, какой-то сѣдой старичокъ съ орденомъ на шеѣ тутъ же вертится и черезъ нѣсколько минутъ дѣлается всеобщимъ посмѣшищемъ, а *показываетъ* его публикѣ очень невзрачный, худой господинъ съ рѣзкими движеніями и какою-то трактирною самоувѣренностью. Старичка ужасно заняла змѣя, сидящая за стекломъ. Ему все хочется ее испугать, а она не обращаетъ на него никакого вниманія. Какъ онъ ни старается: стучитъ по стеклу, дѣлаетъ ей страшныя гримасы, ничего не помогаетъ. И онъ до такой степени углубился въ это занятіе и увлекся, что ужъ начинаетъ сердиться и, тыкая пальцемъ въ стекло, шепчетъ: вотъ я тебя, скверная!

— Это вы что̀ тутъ дѣлаете? — раздается скрыпучій голосъ остряка.

— А! здравствуйте! Я ничего.... — опомнившись, говоритъ старичокъ, какъ школьникъ, пойманный въ шалости. Смотрю: вотъ змѣя... должно быть злая какая...

— Да, злая: это удавъ.

— А—а!—говоритъ старичокъ и пугается.—И ядовитая?

— Какъ же. Попробуйте, дайте ей палецъ.

Старичокъ пятится назадъ и пугливо прячетъ руку въ карманъ.

— А это что̀ такое?

— Это ящерица; то бишь, крокодилъ.

— А!!! А лягушки?

— Лягушки тоже ядовитыя. Это не русскія; это англійскія лягушки.

— Ну, вотъ...

Но острякъ, довольный тѣмъ, что напугалъ старика, самъ начинаетъ смѣяться своей остроумной выходкѣ, остальные зрители тоже улыбаются, и наконецъ, самъ старичокъ, замѣтивъ, что надъ нимъ подшутили, добродушно треплетъ остряка по плечу, говоря: «шалунъ, шалунъ». Одна только гувернантка, не разобравъ въ чемъ дѣло, бросаетъ на шалуна строгій взглядъ, и, вообразивъ почему-то, что произошло какое-то неприличіе,— быстро уводитъ дѣтей.

На срединѣ сада, вокругъ большого фонтана, образовались живописныя группы гуляющихъ дамъ. Славное это мѣсто: всѣхъ стоящихъ на этой площадкѣ видно съ головы до ногъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ очень красивый молодой человѣкъ въ модномъ пальто небрежно стоитъ поодаль, закинувъ трость на плечо, и такъ дружелюбно, такъ мило и просто улыбается кому-то и дѣлаетъ разные знаки дамамъ, сидящимъ на террасѣ, слегка покачивая головой изъ стороны въ сторону. И тамъ, на террасѣ тоже дѣлаютъ знаки и улыбаются тою восхитительною улыбкою, которая такъ и напоминаетъ сейчасъ театръ, ложи, запахъ духовъ и увертюру изъ Фенеллы. Что̀ за удивительные наряды на этихъ дамахъ, сколько вкуса, сколько тутъ чего-то такого, что̀ называется простотой, порядочностью; и какъ онѣ сами идутъ къ этой террасѣ, уставленной вазами и обвитой плющемъ, какъ будто все это нарочно только для нихъ и сдѣлано. И право, мнѣ кажется, что онѣ даже твердо убѣждены въ этомъ. Терраса устроена какъ будто *нарочно* такъ, чтобы и имъ было всѣхъ видно, и чтобы ихъ всѣ видѣли, и кресла какъ будто *нарочно* для этого поставлены, а цѣна за входъ такъ именно *нарочно* назначена такая, чтобы не набралось всякой дряни. Потому-то такъ весело, такъ беззаботно шалятъ онѣ съ своими кавалерами, такъ мило и въ то же время небрежно *дѣлаютъ большой свѣтъ* на этой террасѣ. Онѣ въ своей стихіи, имъ теперь легко и привольно. Вотъ встали двѣ молоденькія дамы съ своихъ мѣстъ и бѣгутъ на встрѣчу толстому генералу, и смѣются, и рѣзвятся, какъ дѣти, и дѣла имъ никакого нѣтъ, что тутъ же вотъ рядомъ стоитъ какая-нибудь *ceratozamia mexicana*, которую взростилъ человѣкъ, какъ родное дѣтище, которою гордится онъ, какъ своимъ созданіемъ, потому что онъ дѣйствительно создалъ чудо... А онѣ смѣются, и генералъ тоже смѣется своимъ жирнымъ смѣхомъ, такъ что плечи и круглыя щеки его трясутся, а глаза совсѣмъ заплываютъ масломъ. Веселость этихъ дамъ мгновенно сообщается и генералу, и ему тоже вдругъ захотѣлось порѣзвиться, и забывая о своихъ лѣтахъ и солидной тучности, генералъ прикидывается шалуномъ: начинаетъ семенить коротенькими ножками, пищать и сгибать на бокъ голову, какъ жирный котъ, у котораго щекочутъ за ухомъ.

Въ это время проходитъ мимо тоже довольно тучный и почтенный на видъ маіоръ и кланяется генералу. Генералъ, вспомнивъ въ одну минуту, что онъ генералъ,—сейчасъ наморщиваетъ брови, надуваетъ щеки и говоритъ ужъ басомъ:

— А! здравствуйте! какъ поживаете?

— Слава Богу, ваше прштство.

— Ахъ, да. Я и забылъ... м-н-я-а,—тянетъ генералъ, какъ бы вспоминая чт̀о-то.

Маіоръ подбираетъ животъ, вытягиваетъ впередъ нижнюю челюсть и вдругъ почему-то начинаетъ краснѣть, чт̀о вовсе не идетъ къ его круглому и серьезному лицу.

— Чт̀о прикажете, ваше прштство?

— Я вамъ хотѣлъ сказать о вашемъ шалунѣ...

— Слушаю, ваше прштство.

— Избаловался совсѣмъ. Я было ужъ не хотѣлъ его нынче пускать, да ужъ такъ... знаю, что вы сами спуску не дадите.

— Не дамъ, ваше прштство; я накажу-съ, непремѣнно накажу-съ, ваше прштство.

— Накажите, накажите. Молодыхъ людей баловать не слѣдуетъ,—говоритъ генералъ, обращаясь уже къ дамамъ.—Не такъ-ли-съ? Маіоръ, не зная, кончилась аудіенція или нѣтъ, стоитъ нѣсколько минутъ въ той же позѣ, но, замѣтивъ, что генералъ занялся уже дамами,—успокоившись, понемногу отпускаетъ животъ, вздыхаетъ свободнѣе и вольнымъ шагомъ удаляется.

А тамъ, на площадкѣ, у акваріума стоитъ дама съ дѣтьми. Гувернантка, молоденькая француженка, вся въ сѣромъ, великолѣпно обутая, въ дешевой, но изящной шляпкѣ, украдкой нюхаетъ цвѣтокъ; дѣти съ любопытствомъ смотрятъ на рыбокъ; дама громко говоритъ дѣтямъ, искоса посматривая на гуляющихъ и приподнявъ на рукахъ маленькую дѣвочку, чтобы ей было виднѣе:

— Voyez, enfants,—les petits poissons, comme ils sont dociles: ils se tiennent toujours auprès de leur mere.

— Ихъ можно ловить, мама? они настоящія? спрашиваетъ мальчикъ, одѣтый кучеромъ.

— Настоящія, другъ мой, настоящія,—отвѣчаетъ мама, опуская дѣвочку на землю, поправляетъ платье и самодовольно оглядываетъ всѣхъ.

— А это что такое?—спрашиваетъ дѣвочка, одѣтая шотландцемъ, показывая на куклу, которая вертится на самой верхушкѣ маленькаго фонтана.

— Это такъ, куколка,—отвѣчаетъ мама и сама удивляется: какимъ это образомъ кукла сидитъ на фонтанѣ.

— Отчего же она вертится?—пристала дѣвочка.

— Это такая пружина сдѣлана, другъ мой... спѣшитъ она отвѣтить и скорѣе увести дѣтей. Француженка двусмысленно улыбается.

Однако становится уже поздно: терраса въ концѣ сада почти вся наполнилась дамами, и не смотря на тѣсноту, группы расположились очень живописно, совершенно какъ будто гирлянда цвѣтовъ. Но такъ какъ теперь еще *утро*, то публика постоянно прибываетъ; вонъ показался у входа гусаръ: лицо его серьезно, почти строго, онъ идетъ прямо сюда и ни на что не смотритъ, какъ будто по служебной обязанности идетъ смѣнять часовыхъ, и только сабля его, глухо бряцая, ѣдетъ за нимъ и чертитъ глубокую полосу. Вотъ онъ взошелъ на мостъ и сабля его запрыгала и застучала, сошелъ съ моста и вновь она присмирѣла и чуть слышно, шуршитъ по песку. Но вотъ опять звонъ и бряцаніе возрастаютъ, все ближе и ближе... гусаръ медленно и осторожно ввозитъ свою саблю на террасу, раскланивается съ дамами, пожимаетъ руки и садится. Тутъ все свои.

— Dis moi, qui tu hantes, je te dirai, qui tu es...

А вотъ еще и еще посѣтители: это ужъ самые поздніе. Вотъ подъѣхала карета, вышла дама съ кавалеромъ, дверца хлопнула, отъѣзжай!—какъ полоумный, безъ всякой видимой надобности, кричитъ лакей на весь манежъ. И еще карета и опять дама съ кавалеромъ. Однако, кто жъ это пріѣхалъ? А, вотъ они! Дамы соединились и пошли вмѣстѣ, а кавалеры,— одинъ статскій, а другой военный,—слѣдуютъ за ними. Позвольте, что это за дамы? Одна, отцвѣтшая красавица съ отпечаткомъ легкой грусти на лицѣ, той непризнанной грусти, которой никто не сочувствуетъ, потому что она слишкомъ эгоистична: это грусть объ увядшей красотѣ. Но зато какъ простъ и изященъ костюмъ,—совершенно великопостный. Томные, но, увы, уже тусклые глаза этой дамы все еще хотятъ, (а можетъ быть и не хотятъ) смотрѣть по-дѣтски. Издали, дѣйствительно, выходитъ очень мило и даже наивно, пожалуй, но вблизи... Какъ это они не помнятъ, что не наливаютъ же вина молодого въ мѣха старые? Ну вотъ, вотъ, посмотрите! ну, что это такое?—Ее, изволите видѣть, испугалъ этотъ рогастый папоротникъ, великолѣпнѣйшій папоротникъ, очень рѣдкое растеніе, а она боится. Какъ же не дитя? Только когда же это совершеннолѣтіе-то наступитъ, любопытно знать? Вслѣдъ за испугомъ этой дамы откуда-то послышался сдержанный, женскій смѣхъ, но странный какой-то: не то съ радостью, не то со злостью.

Лицо второй дамы, тоже ужъ отцвѣтшей, совершенно въ другомъ родѣ. Трудно представить себѣ что-нибудь непріятнѣе этого лица. Оно какъ будто все налито уксусомъ, такъ что ей даже и самой какъ будто кисло. Бѣлыя, сжатыя губы, желтый, водянистый цвѣтъ кожи, сдвинутыя брови и этотъ взглядъ, который старается она сдѣлать равнодушнымъ, а въ немъ все-таки сама собою проглядываетъ какая-то сдержанная кошачья злость,—все это сильно располагаетъ не въ пользу дамы. И, мнѣ кажется даже, что отцвѣтшая красавица не безъ цѣли идетъ съ ней рядомъ, и если она думаетъ выиграть отъ этого сближенія, то разсчетъ ея вѣренъ. И дѣйствительно, лучшей спутницы для контраста не скоро подъищешь. Супругъ этой желтой дамы, видный мужчина, въ военной шинели, какъ только добрался до прекраснаго пола, такъ и растаялъ: одной комплиментъ, другой каламбуръ, третьей глазки, четвертой—ручкой, а прекраснымъ поломъ просто хоть прудъ пруди; замотался совсѣмъ. О, храбрый воинъ! вотъ гдѣ ты не устрашимъ!—А тутъ еще пристаетъ какой-то неотвязчивый старикъ: какъ вамъ нравится выставка?

— Прелестно, прелестно.... отвѣчаетъ храбрый воинъ,—а главное, порядокъ, вотъ что̀ хорошо.

— Ну вотъ, ну вотъ; и я то же говорю. Порядокъ... C'est le mot, говоритъ старикъ съ удовольствіемъ, какъ будто ему оказали Богъ знаетъ какую услугу и съ чувствомъ, крѣпко, крѣпко жметъ воину руку. А тотъ ужъ опять утопаетъ въ нѣгѣ и обрадовавшись тому, что удалось нечаянно попасть пальцемъ въ небо, высказавъ свое мнѣніе о выставкѣ, никакъ не можетъ утерпѣть, чтобы не разсказать этого и дамамъ.

Я совсѣмъ было ужъ собрался уходить, потому что пора было обѣдать, какъ вдругъ попадается мнѣ одинъ университетскій товарищъ: онъ спускался съ высоты, гдѣ устроенъ былъ павильонъ, въ то самое время, когда я проходилъ мимо.

— Здравствуйте! что вы тутъ дѣлаете?

— Да вотъ зоологіей занимался! отвѣчалъ онъ.

— Какъ зоологіей?

— То бишь ботаникой. Вотъ всегда перепутаю.

— Вы давно здѣсь?

— Давно.

— Что же я васъ не видалъ?

— А я васъ видѣлъ. Я вотъ тамъ, на голубятнѣ-то на этой все сидѣлъ, сказалъ онъ, показывая на павильонъ. Видъ оттуда великолѣпнѣйшій... да куда же вы?

— Домой; пора обѣдать.

— Что вы? да развѣ теперь можно обѣдать? Погодите! я вамъ тутъ такія прелести покажу, что вы и про обѣдъ забудете.

— Развѣ вы не знаете, что я въ ботаникѣ ровно ничего не понимаю?

— Какая тутъ ботаника! кто жъ теперь станетъ ботаникой заниматься? Я вамъ совсѣмъ не о томъ говорю. Что̀ растенія? я вотъ насчетъ разумныхъ-то твореній, созданныхъ по образу и по подобію... это гораздо занимательнѣе. Я оттуда съ обсерваторіи-то все ужъ обозрѣлъ и составилъ конспектъ. Пройдемтесь немножко, ну куда вамъ? еще успѣете пообѣдать.

— Ну пожалуй, пройдемтесь; только не долго.

— Да вы посмотрите, послушайте только. Я вотъ этого господина давно ужъ облюбовалъ: онъ у меня на замѣчаніи. Онъ, надо вамъ сказать, бѣлится и чернитъ себѣ усы и бакенбарды. Не старый вѣдь еще человѣкъ, мужчина въ полной силѣ, а между тѣмъ отвратительнѣйшимъ образомъ кокетничаетъ. И вѣдь женатъ, недавно женился, но кокетство ужъ обратилось въ страсть и думать онъ больше ни о чемъ не можетъ. А главное то смѣшно, что цѣли никакой нѣтъ, а все-таки кокетничаетъ. Нѣтъ вотъ любопытная вещь,—посмотрите, видите стоятъ двое: подойдемте, послушаемъ, вѣрно о выставкѣ говорятъ. Мы подошли къ двумъ офицерамъ уже пожилыхъ лѣтъ, у нихъ шелъ жаркій разговоръ; одинъ протянулъ руку и что̀-то показывалъ.

— Какъ вы хотите, а петербургскій манежъ гораздо меньше.

— Ну гдѣ же меньше? говорилъ другой офицеръ съ вывихнутыми вверхъ плечами.

— Да я же вамъ говорю.

— Ну что жъ вы меня увѣряете? Я петербургскій-то манежъ какъ свои пять пальцевъ знаю.

— Поймите вы, что теперь здѣсь нагорожено, потому онъ и кажется меньше. А вѣдь это такая махина! говорилъ офицеръ съ энтузіазмомъ, съ жаромъ, показывая руками—какая это махина.

— Ну что? какъ вамъ это нравится? а? Честь своего манежа каждый защищаетъ. Вѣдь это кровный вопросъ, виги и тори. Вотъ вамъ и выставка, распространеніе въ обществѣ научныхъ свѣдѣній, знакомство съ чужеземными флорами.

— Постойте, постойте! слышите?

Я сталъ прислушиваться, изъ одного боскета неслись слова: «Я велѣлъ себѣ подать телячью ножку... э—э, телячью ножку. Говорю человѣку: э—э, подай мнѣ, братецъ, телячью ножку! подаютъ,—съ пескомъ. Ну что̀ это такое? Я говорю человѣку: э—э, послушай, любезный,—какъ это можно?—развѣ здѣсь, это, какъ это,—харчевня? А онъ мнѣ говоритъ: э—э, не могу знать-съ. «Hein! Je vous demande, ce que c'est—*не могу знать-съ*»!...

— А? слышите?—притаивъ дыханіе, спросилъ меня мой спутникъ.

— Слышу, слышу.

— Теперь сюда, скорѣе сюда! торопилъ онъ меня, таща за рукавъ. Поодаль отъ фонтана, въ тѣни тропическихъ растеній сидѣло цѣлое общество дамъ; знакомый намъ храбрый воинъ какъ мотылекъ перепархивалъ отъ одной дамы къ другой и былъ повидимому совершенно счастливъ; вдругъ подходитъ его супруга, и отводитъ мужа въ сторону.—Поѣдемте сейчасъ домой: мнѣ это ужъ надоѣло,—говоритъ она строгимъ голосомъ, кусая свои бѣлыя губы.

— Отчего жъ такъ рано, вѣдь мы сейчасъ только пріѣхали?

— Я вамъ говорю: поѣдемте домой.

Мужъ волей-не-волей покоряется, но жена передъ отъѣздомъ употребляетъ маленькую хитрость, чтобы скрыть причину такой поспѣшности и свалить ее на мужа; а потому она возвращается назадъ и вдругъ нечаянно оглядывается на мужа.

— Ты куда, mon ami? ужъ домой?

Мужъ дѣлаетъ кислую гримасу и говоритъ: да, домой.

— Ну, пожалуй, поѣдемъ.

Товарищъ мой покатывается со смѣху, дама бросаетъ на него грозный взглядъ и уходитъ.

Однако публика вскорѣ начинаетъ разъѣзжаться понемногу. У подъѣзда жандармы ужъ подняли крикъ и суматоху.

— И намъ кажется теперь пора, только прежде бросимте послѣдній взглядъ. Вѣдь вотъ отсюда *они бросаютъ* свои *coups d'oeil*. Прощай, прощай, мой милый экзерцизгаузъ! Давно мы съ тобой не видались и опять надолго можетъ быть разстаемся,—говорилъ мой товарищъ, между тѣмъ какъ на насъ смотрѣли дамы, ожидавшія своихъ экипажей.

— А помнишь ли, камрадъ,—вдругъ сказалъ онъ, возвышая голосъ и протягивая ко мнѣ руку.—Помнишь ли, какъ здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, мы, пламенные юноши, горящіе любовью къ отечеству, въ тяжелую годину испытаній, послѣ лекцій становились въ ряды и дружнымъ строемъ подъ звуки барабана и военной трубы упражнялись въ военныхъ экзерциціяхъ? Помнишь ли...

— Однако пойдемъ, камрадъ, сказалъ я ему. Я помню все, все...—И мы пошли. Квартальный надзиратель посмотрѣлъ намъ вслѣдъ и передернулъ плечами.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I.

Лемешокъ (село Владимір. губ. и уѣзда).

Къ 24-му числу ноября всѣ приготовительныя работы на линіи желѣзной дороги отъ Владиміра до Коврова должны были кончиться: т. е. полотно должно быть выровнено, вывѣрено, рельсы для одного пути положены и вообще все устроено такъ, чтобы старшій инженеръ общества могъ проѣхать отъ Москвы до Коврова.

Я попалъ въ Лемешокъ въ самое горячее время. Начиная отъ Владиміра, не смотря на жестокій холодъ, работа кипѣла: возили песокъ, укладывали *проспиртованныя* *) шпалы **), свинчивали рельсы; нѣсколько сотъ крестьянскихъ бабъ и дѣвокъ подкладывали глыбы мерзлаго дерна и подсыпали песокъ подъ тѣ шпалы, которыя вслѣдствіе осѣданія насыпи не плотно прилегали къ полотну. Мелкій камень сваливали въ красивыя кучки и сортировали покрупнѣе въ одну кучку, помельче—въ другую. Съ перваго же взгляда бросались въ глаза усиленная дѣятельность и спѣшная работа, точно будто ждали пріѣзда губернатора; о прочности, сколько можно было замѣтить, хлопотали мало̀, только бы было готово къ сроку, а это прежде всего. «Изъ главной конторы полученъ приказъ, чтобы къ пріѣзду М.... все было готово,»—говорилъ мнѣ одинъ изъ подрядчиковъ;—«а что̀ *тамъ* прикажутъ, должно быть сдѣлано непремѣнно, *во что̀ бы то ни стало*»—«безъ разговоровъ»—съ видомъ знатока подтвердилъ случившійся тутъ же рядчикъ.

---

*) Пропитанныя растворомъ мѣднаго купороса въ водѣ, чтобы предохранить отъ гніенія.

**) Деревянныя поперечины.

И дѣйствительно, лицевая сторона работъ такъ и лѣзла, такъ и бросалась въ глаза: чисто, ровно,—какъ по ниточкѣ. А за Владиміромъ я видѣлъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ канавки по обѣ стороны дороги, необыкновенно искусно сдѣланныя. Канавки выложены дерномъ, дернъ нарѣзанъ ровными квадратиками и каждый квадратикъ пришпиленъ деревянными гвоздочками, по четыре гвоздика на каждый квадратикъ,—ни больше, ни меньше. А въ другихъ мѣстахъ полотно покоробило, рельсы не вездѣ прилажены...

Начиная отъ Городищъ, сюда ближе къ Владиміру, видѣлъ я и верстовые домики, такіе красивые, въ русскомъ вкусѣ съ разными украшеніями. На крылечкѣ стоитъ стражъ въ казакинѣ и форменной фуражкѣ; на поясѣ у него рожокъ. Одинъ изъ этихъ стражей, между прочимъ, жестоко обругалъ меня за то, что я подошелъ поближе разсмотрѣть канавку. Но послѣ, нѣсколько успокоившись, сказалъ мнѣ въ утѣшеніе, что брань на вороту не виснетъ, а обругалъ онъ меня по той причинѣ, что ждутъ какого-то начальника:—повѣстили, что въ 9 часовъ утра будетъ проѣзжать, а теперь ужъ 4, скоро ночь, и стражъ еще не обѣдалъ. Все это очень раціонально, а слѣдовательно и претендовать было не за что̀.

Здѣсь, по эту сторону Владиміра, верстовыхъ домиковъ еще нѣтъ, строятся только станціи, полустанціи и водоподъемные дома. Временные мосты вездѣ наведены. Чертежи этихъ мостовъ и всѣ вычисленія утверждались въ канцеляріи гл. правленія, строились они подъ надзоромъ французскихъ инженеровъ, людей теоретически знающихъ дѣло и пріобрѣтшихъ въ своемъ отечествѣ бо́льшую или меньшую опытность. Но не смотря на авторитетъ гл. правленія и французскихъ инженеровъ, туземные жители впадаютъ въ нѣкоторый соблазнъ и, глядя на эти хитро-устроенные мосты въ раздумьи качаютъ головою, говоря, что французы не знаютъ еще нашихъ рѣкъ и половодья, но... кто устоитъ въ неравномъ спорѣ,—покажетъ весна.

Отъ самой Москвы все попадались на встрѣчу длинныя дроги, то парой, то тройкой, нагруженныя рабочимъ народомъ: рабочіе возвращались съ желѣзной дороги, одни *съ разсчетомъ,* другіе *безъ разсчета*; попадались и пѣшіе. Одного встрѣтилъ... плетется по шоссе съ котомкою, въ изодранныхъ лаптишкахъ; худой, страшный такой.—Далеко ли пробираешься? спрашиваю его.—Въ Смоленскую губернію, говоритъ; работалъ на чугункѣ съ апрѣля мѣсяца, теперь вотъ домой иду.—Что жъ ты пѣшкомъ идешь?—Не всѣмъ же ѣхать,—надо кому-нибудь и пѣшкомъ идти. Кто получилъ разсчетъ, тотъ и поѣхалъ, а я вотъ прохворалъ все лѣто, да что и заработалъ—то пролечилъ: вычли, значитъ. Теперь безъ гроша и иду домой.—Жалованья много ли получалъ?—Порядился за 60 руб. сер. въ лѣто, на хозяйскихъ харчахъ.

— А много ли пролечилъ?

— Господь ихъ знаетъ, говорилъ онъ, утирая слезы кулакомъ. Конторскій сказывалъ что, слышь, шесть гривенъ серебромъ въ день, да 15 к. харчевыхъ вычету за прохворъ, да за праздники тоже.

— За что жъ это такъ съ тебя вычитали?—Да развѣ долго человѣка обидѣть? Да и опять нешто съ меня одного! мало-ли они народу ограбили и пустили по міру. Одно слово—разбой! почти крикомъ сказалъ онъ и закашлялся, такъ что даже лицо у него покривилось, потомъ задумался, и разводя руками, сказалъ:—Ну вотъ хоть-бы я, ну куда я теперь гожусь? До дому ни за что̀ ни дойдти,—ужъ это и говорить нечего; а коли и дойду—тоже радости не много. Оброкъ отдавай, подушное, подводу справь, жену, дѣтей корми, тоже чай обуться, одѣться надоть; скотину еще весной продалъ,—на заработки понадѣямшись: значитъ, дома тоже взять нечего. Весь тутъ.

Долго я не могъ понять, отчего бы это рабочимъ могло быть плохо, тогда какъ гл. общество отпускаетъ на жалованье и содержаніе рабочихъ громадныя суммы; наконецъ, послѣ безчисленныхъ справокъ и разспросовъ дѣло разъяснилось. Сначала я рѣшительно не могъ добиться толку—кто воруетъ и обираетъ рабочихъ. Разсказываютъ, что вотъ такой-то подрядчикъ кормитъ дурно, а такой-то обсчитываетъ, и все одну и ту же артель, да кто же изъ нихъ хозяинъ? Оказывается, что Богъ его знаетъ; сами рабочіе не знаютъ, который ихъ настоящій хозяинъ. Какъ же это такъ? Да такъ. Наймутся, напримѣръ, рабочіе у какого-нибудь подрядчика,—работаютъ; наконецъ, подходитъ дѣло къ уплатѣ.—Пожалуйте разсчетъ!—Какой разсчетъ?—Какъ же, вѣдь мы работали—Такъ что жъ, что работали?—Вы съ нами рядились по такой-то цѣнѣ, мы свое дѣло сдѣлали, пожалуйте разсчетъ! Подрядчикъ вдругъ отказывается и говоритъ, что хотя я съ вами и рядился, но я вамъ не хозяинъ. Ступайте къ хозяину!—Да кто же хозяинъ?—Вотъ такой-то.—Идутъ къ такому-то. Такъ и такъ,—пожалуйте разсчетъ!—Что вы съ ума сошли? Да развѣ я васъ рядилъ?

А то и этакъ бываетъ, что какой-нибудь рядчикъ найметъ рабочихъ, получитъ за нихъ деньги и скроется—неизвѣстно куда.

— Да почему же это такъ? спрашиваешь бывало.—А потому по самому, что хозяевъ много, отвѣчали мнѣ. Здѣсь всякій хозяинъ: и инженеры русскіе и французскіе, и кондукторы *), и подрядчики, и рядчики, и приказчики, и табельщики, и десятники. Приказывать всѣ хозяева, а какъ чуть дѣло къ расплатѣ, ну и пошли другъ на друга ссылаться. Дѣло въ томъ, что гл. общество само непосредственно не производитъ никакихъ работъ черезъ своихъ агентовъ, а сдаетъ покупку и доставку разнаго рода матеріаловъ, наемъ и содержаніе рабочихъ—антрепренерамъ и товариществамъ: напр. товариществу Бухтѣева, Бусуринъ и К⁰, Фитингофа и Шипова, Арбека и Дероша и проч. Эти антрепренеры и товарищества находятъ болѣе выгоднымъ тоже сдавать нѣкоторыя статьи другимъ подрядчикамъ, какъ, напр., наемъ рабочихъ, поставку провизіи, строительныхъ и другихъ матеріаловъ, земляныя работы и проч. Эти второстепенные подрядчики въ свою очередь перепродаютъ рабочихъ и работы рядчикамъ; рядчики же барышничаютъ между собой и только изъ того и бьются, чтобы или поддѣть подрядчика, или надуть другъ друга. Понятно, что суммы, разсыпаемыя обществомъ щедрою рукою на производство работъ,—поглощаются этою корпораціею паразитовъ; къ рабочимъ же доходятъ однѣ крохи. Организація работъ осложняется еще больше, если прибавить къ этому, что надзоръ за работами порученъ французскимъ и русскимъ инженерамъ, производство работъ начальникамъ участковъ, ихъ помощникамъ, начальникамъ отдѣленій, помощникамъ начальниковъ отдѣленій, кондукторамъ разныхъ націй и проч., не говоря уже о переводчикахъ, десятникахъ и другихъ мелкихъ властяхъ, какъ напр. надсмотрщикахъ, табельщикахъ, обязанность которыхъ заключается собственно въ повѣркѣ числа рабочихъ и количества работъ; не говоря о правленіяхъ, конторахъ, съ избыткомъ преисполненныхъ разными крупными и мелкими властями. Подрядчики тоже не отстаютъ и завели свои конторы, своихъ управляющихъ, повѣренныхъ, приказчиковъ; приказчики своихъ десятниковъ, старостъ, курьеровъ... и т. д. и т. д., однимъ сло-

---

*) Кондукторъ работъ: conducteur des travaux.

вомъ нескончаемая цѣпь чиноначалія! И всѣ эти господа *надзираютъ*, получаютъ за это подъемныя, проѣздныя, разъѣздныя, квартирныя, столовыя, наградныя и прочія страшныя деньги.

Давнымъ давно непрочность работъ, производимыхъ подрядчиками, вошла въ пословицу. И вѣдь, дѣйствительно, дешевизна этихъ работъ совершенно призрачна. Подрядчикъ, сбивая цѣну до послѣдней крайности и взявъ подрядъ, долженъ же вознаградить себя чѣмъ-нибудь за тѣ убытки, которые онъ терпитъ добровольно, понижая цѣну. Кромѣ того долженъ же онъ выручить еще приличные проценты на свои залоги, на капиталъ и матеріалы разнаго рода, взятые въ кредитъ, на задатки и проч., не говоря уже о непредвидѣнныхъ расходахъ, о *благодарности* кому слѣдуетъ...

Ясно, что на основаніи этого онъ старается нанять рабочихъ какъ можно дешевле, слѣдовательно и хуже, а если это не удастся, то поддѣть ихъ на какую-нибудь плутовскую штуку; матеріалъ тоже наровитъ купить посходнѣе, а потому всѣ желанія его должны неизбѣжно клониться къ тому, чтобы кончить дѣло какъ можно скорѣе и только бы съ рукъ сбыть, а тамъ, если окажется, что подрядная работа никуда не годится,—это ужъ не его бѣда. Взыщутъ съ того, кто принималъ работу, Да и что̀ въ самомъ дѣлѣ онъ за благодѣтель такой, чтобы работать только въ убытокъ себѣ! И откуда въ нашихъ подрядчикахъ могло взяться такое самоотверженіе?—Все это очень напоминаетъ московскихъ гостинодворцевъ, которые, бѣдняжки, постоянно продаютъ дешевле того, что имъ самимъ вещь стоитъ, единственно изъ *уваженія* къ покупателю и изъ желанія *угодить почтеннѣйшей публикѣ*.

Надо замѣтить, что подряды, производя зло прямо и непосредственно, производятъ еще зло косвенное и притомъ сильнѣйшее, а именно: они развиваютъ и постоянно поддерживаютъ въ рабочемъ классѣ небрежность къ работѣ и привычку дѣлать все только для виду, нисколько не заботясь о внутреннемъ достоинствѣ работы,—зло, на которое всѣ такъ жалуются въ послѣднее время.

То же самое и на московско-нижегородской желѣзной дорогѣ. Не говоря уже о томъ, что всѣ эти подряды, прельстившіе гл. общество своей дешевизною, дорого обойдутся акціонерамъ, да и рабочій классъ не очень-то разживется, получая за свой трудъ цѣну сбитую и перебитую до послѣдней возможности. Общество и акціонеры платятъ за все страшныя деньги, а ими набиваются карманы подрядчиковъ. Такъ, напримѣръ, подрядчикъ получаетъ отъ гл. общества за то, чтобы вырыть кубическую сажень земли 1 руб. 50 коп. сер., а землекопъ, который будетъ работать,—получитъ среднимъ числомъ за эту же самую сажень только 35 коп. и даже меньше. Неужели въ самомъ дѣлѣ хлопоты и личный трудъ антрепренера такъ дорогъ, что отъ каждой сажени онъ имѣетъ право утянуть 1 р. 15 к.? Дѣлается это такимъ образомъ: гл. общество платитъ за работу съ дѣла, а подрядчикъ нанимаетъ рабочаго помѣсячно, или въ лѣто, даетъ ему отъ 50 до 70 р., съ 1-го апрѣля по 1-е ноября. Положимъ, что землекопъ получаетъ среднюю цѣну 60 рублей:—въ день можетъ онъ вынуть легко (если грунтъ не каменистый) одинъ кубикъ земли, другой даже и полтора вынетъ; за этотъ кубикъ онъ получаетъ около 39-ти коп., если же онъ вынетъ полтора, то хозяинъ его получитъ 1 руб. 80 коп., а ему все-таки не прибавитъ ни гроша... А еще говорятъ, что заработки на желѣзной дорогѣ огромные!..

Та же исторія и съ харчами. Гл. общество выдаетъ 2 р. 50 коп. за пудъ говядины для рабочихъ. На эту цѣну действительно можно купить хорошей говядины, особенно при гуртовой покупкѣ, но рабочіе знаютъ объ этой говядинѣ только по наслышкѣ, потому что она для нихъ слишкомъ хороша. Подрядчикъ, который взялся поставить ее и въ помышленіи не имѣетъ покупать говядину, онъ объ этомъ не думалъ даже и въ то время, когда торговался и бралъ подрядъ, да и съ какой стати ему хлопотать, безпокоиться, когда онъ знаетъ, что у него съ руками оторвутъ ее за 2 руб. пудъ. Такимъ образомъ онъ сдаетъ ее другому, другой въ свою очередь третьему и долго еще придется этой несчастной говядинѣ странствовать и переходить изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, какой-нибудь сердобольный рядчикъ *изъ русскихъ* сжалится и поставитъ извѣстное количество воловъ, окончившихъ дни свои естественной смертью. Все остальное, какъ-то: крупа, мука, капуста, солодъ подвергаются той же участи. И что̀ жъ тутъ удивительнаго, если между рабочими появляются тифъ, цынга и холера, что изъ 5000 человѣкъ заболѣваетъ пятая часть, что рабочіе поднимаютъ вопль, разбѣгаются и т. д.?...

Одинъ инженеръ разсказывалъ мнѣ, что какъ-то лѣтомъ на *водку* для рабочихъ вышло 700 р. сер. въ недѣлю. Работа была спѣшная, а народъ между тѣмъ разбѣгался огромными партіями, бросая и паспорты и зажитыя деньги, а потому не было другой возможности удержать его, какъ только поить водкою, такъ что во все время работы рабочіе были пьяны. Инженеръ (впрочемъ очень умный и любезный человѣкъ),—приписывалъ это дикости нравовъ и тому тупому стремленію русскаго мужика домой передъ сѣнокосомъ, вслѣдствіе котораго нѣтъ никакой возможности удержать его въ то время на работѣ.

Обстоятельство это, по моему, очень просто и тупого ничего тутъ нѣтъ. Напротивъ, неудержимое стремленіе домой—чисто на чисто—дѣло разсчета. Если бы рабочій человѣкъ надѣялся на большіе заработки, то покосъ потерялъ бы для него значительную долю своей цѣны, онъ имѣлъ бы возможность нанять за себя работника и не тратилъ бы на проходъ домой и обратно ни денегъ, ни времени. А тутъ очень понятно, что, видя всѣ эти безпорядки и неурядицу, видя, что его обманываютъ и обсчитываютъ на всякомъ шагу,—онъ бросаетъ все и бѣжитъ домой въ надеждѣ выручить что̀-нибудь хоть на сѣнѣ. И притомъ онъ знаетъ навѣрное, что тамъ его трудъ даромъ не пропадетъ, что тамъ нѣтъ ни десятника съ фальшивой саженью, ни конторы, ни чего такого, а потому что же тутъ удивительнаго, если съ наступленіемъ весны нѣтъ никакого удержу съ рабочими и остается одно только средство,—поить допьяна. И послѣ этого говорятъ, что положеніе русскаго работника улучшить невозможно и что причиной этому,—они сами, что всѣ они—пьяница на пьяницѣ, что *огромные* заработки на желѣзной дорогѣ нисколько ихъ не поправили,—та же нищета; что все почти жалованье ихъ идетъ прямо къ откупщику, что расходъ вина въ кабакахъ, не смотря на дороговизну, неимовѣрный.

По моему, все это такъ и быть должно, особенно если принять въ соображеніе то, что̀ я разскажу сейчасъ о наймѣ рабочихъ.

Дѣло это производится такимъ образомъ. Нужны рабочіе—назначаются торги. Подрядчики другъ передъ другомъ изъ кожи лѣзутъ, только бы сбить цѣну и оставить подрядъ за собою. Наконецъ послѣ долгихъ сбиваній, приплативъ двоимъ троимъ отсталаго—остается кто-нибудь одинъ и беретъ подрядъ. Для того, чтобы взять подрядъ,—многаго не требуется: нужно имѣть залоги; а если не залоги, то кредитъ, если же не кредитъ, то, по крайней мѣрѣ,—репутацію. Что̀ касается послѣдняго, то пріобрѣтеніе этого условія вовсе не такъ трудно, какъ это другимъ кажется. «Рука руку моетъ и свой своему поневолѣ братъ». Слѣдовательно, создать репутацію, когда это нужно,—вещь очень и очень возможная. Дѣлается это такимъ манеромъ. Составляется товарищество на паяхъ изъ лицъ разныхъ сословій, не имѣющихъ желанія явно участвовать въ подрядѣ, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ голосъ; представителемъ этого тайнаго общества является избранное лицо, которое обладаетъ всѣми качествами для того, чтобы быть подрядчикомъ, недостаетъ одного—репутаціи. Но объ этихъ пустякахъ думать нечего: это ужъ дѣло вліятельныхъ лицъ, тайно участвующихъ въ подрядѣ и явно создающихъ какія угодно репутаціи.

Но тѣмъ не менѣе рабочихъ все таки поставить необходимо, а цѣна сбита до послѣдней крайности, даже ниже того, что обойдется работа себѣ, ни одинъ рабочій не пойдетъ, а между тѣмъ нужно же и деньгу зашибить. Какъ поступить въ этомъ случаѣ? Другой бы растерялся, а подрядчикъ себѣ и въ усъ не дуетъ; призываетъ онъ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ ему, рядчиковъ и говоритъ имъ внушающимъ тономъ:—чтобы были рабочіе!—Рядчики, послушные его веленію, исчезаютъ на время и являются—съ рабочими. Откуда же они ихъ взяли? А вотъ въ этомъ-то и штука.

Рядчикъ получилъ приказаніе и, сторговавшись за извѣстное вознагражденіе поставить такое-то число рабочихъ, отправляется странствовать по казеннымъ и помѣщичьимъ имѣніямъ. Прибывъ въ какое-нибудь казенное село (а выбираетъ онъ такія села, на которыхъ больше казенной недоимки), онъ идетъ прямо въ волостное управленіе, сзываетъ писаря, голову, старшинъ и начинаетъ съ того, что поитъ ихъ на повалъ сутокъ двое-трое. Въ этой попойкѣ принимаютъ участіе и другія вліятельныя лица села, богатые крестьяне. Затѣмъ приступаютъ къ торгу. Рядчикъ, вручивъ каждому приличный подарокъ, условливается *съ ними* въ цѣнѣ (съ самими же рабочими онъ и разговаривать не хочетъ)—потомъ даетъ задатокъ, который тутъ же, безъ вѣдома крестьянъ, вносится въ уплату повинностей или недоимокъ,—и заключаетъ контрактъ; на какихъ условіяхъ,—про то знаетъ рядчикъ и вліятельныя лица. Послѣ этого рядчикъ уѣзжаетъ, напутствуемый благословеніями писаря и прочихъ, а рабочіе, связанные по рукамъ контрактомъ и задаткомъ, волей-неволей препровождаются въ назначенное мѣсто. Такимъ же почти способомъ пріобрѣтались рабочіе и отъ помѣщиковъ. Рядчикъ торговался съ помѣщикомъ или съ управляющимъ до послѣдней капли крови и тоже заключалъ контрактъ. А за тѣмъ обязанность помѣщика состояла только въ томъ, чтобы, зависящими отъ него мѣрами, понудить крестьянъ явиться къ извѣстному сроку. Впрочемъ, бывали со стороны крестьянъ и возраженія, но земская полиція, говорятъ, въ этихъ случаяхъ оказывала неоцѣненныя услуги, желая вѣроятно и съ своей стороны способствовать устройству желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Мнѣ случилось слышать разсужденіе одного помѣщика объ этомъ предметѣ:—мужикъ глупъ,—говорилъ онъ,—мужикъ своей пользы не понимаетъ,—такъ нужно же кому-нибудь думать за него, если онъ самъ на это не способенъ.—Крестьяне этого помѣщика тоже были законтрактованы какому-то подрядчику по сходной цѣнѣ, потому, вѣроятно, что онъ считалъ своею священной обязанностью думать за нихъ и радѣть объ улучшеніи ихъ быта.

Нужна только любознательность и немного терпѣнія, чтобы слѣдствія подрядной системы предстали передъ глазами наблюдателя во всей своеобразной красотѣ своей. Гл. обществу достаточно было допустить подрядную систему, чтобы тутъ же явились кляузы, взятки, воровство, однимъ словомъ, всѣ аксесуары, безъ которыхъ подрядъ существовать не можетъ. За ними слѣдуютъ монополія, насиліе, возмущенія и усмиренія, какъ неизбѣжныя слѣдствія. Да иначе оно и быть не могло: каждый, замѣшанный въ подрядное дѣло, только и думаетъ о томъ, какъ бы нажиться, только и ищетъ и выжидаетъ поживы, хотя бы даже эта пожива клонилась ко вреду всего дѣла. Честнаго вознагражденія за трудъ здѣсь быть не можетъ, потому уже, что самое основаніе этого труда не чисто.

— Вы себѣ представить не можете, говорилъ мнѣ одинъ изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ,—что за народъ эти подрядчики, Онъ нисколько не задумается утянуть, гдѣ есть возможность, хоть гривенникъ, зная въ то же время, что вы отъ этого теряете тысячи. По моему это очень естественно. Подрядчикъ большею частію человѣкъ, не получившій ни малѣйшаго развитія, идея общаго блага для него—вещь совершенно посторонняя и даже въ нѣкоторомъ родѣ враждебная, потому, что прямо противорѣчитъ его личнымъ интересамъ, которые для него святѣе всего въ мірѣ. Сколотилъ онъ себѣ всѣми неправдами капиталецъ и пускаетъ его въ оборотъ. Вотъ его сфера, выйти изъ которой онъ не имѣетъ ни возможности, ни желанія. Всякій подрядъ представляется ему въ видѣ добычи, которую, во что бы то ни стало, а нужно изловить, а не то—перехватятъ другіе. Самымъ родомъ занятій своихъ онъ уже поставленъ во враждебное положеніе относительно всего окружающаго. На товарищей по ремеслу онъ естественно смотритъ съ враждебной точки зрѣнія, какъ на конкурентовъ; на рабочихъ тоже потому, что они—подлецы, народъ не надежный: ихъ могутъ подбить и они, чего добраго,—взбунтуются, не захотятъ работать, или, что̀ еще того хуже,—надо будетъ прибавить жалованья, улучшить содержаніе, а всего этого до смерти не любятъ подрядчики *). На подрядную работу онъ смотритъ, какъ на вражій станъ, изъ котораго надо утягивать все, что̀ только возможно. За примѣрами дѣло не станетъ: здѣсь ихъ не оберешься. Вотъ хоть бы такой случай. Взялся подрядчикъ вколачивать сваи для моста: такъ какъ грунтъ на днѣ рѣки каменистый, а потому заостренный конецъ сваи, размокнувъ въ водѣ, становится дряблымъ, мочалится и глубоко взойдти въ землю не можетъ, то главное общество поставило подрядчику въ непремѣнную обязанность надѣвать на заостренный конецъ такъ называемый *башмакъ*, т. е. желѣзный наконечникъ, для того, чтобы свая входила глубже. За каждую вбитую сваю подрядчикъ получаетъ за работу извѣстную плату (навѣрное не помню, кажется, 3 рубля); для надсмотра за тѣмъ, чтобы сваи вколачивались какъ можно глубже и прочнѣе,—приставлено отъ главнаго общества довѣренное лицо. Но такъ какъ довѣренное лицо обязано въ то же время надзирать за работами на огромномъ пространствѣ (20 верстъ),—гдѣ же ему вездѣ поспѣть?—то въ отсутствіе его подрядчикъ успѣваетъ вколотить нѣсколько свай безъ башмака. Вколотитъ на аршинъ и, когда свая перестанетъ качаться,—верхній конецъ отпилитъ въ ровень съ прежде-вбитыми и кончено. Оно и легче и скорѣе и вдобавокъ еще желѣзный башмакъ въ барышахъ. Если бы вбивать сваи, какъ слѣдуетъ, то онъ поставилъ бы напр. хоть 10 штукъ въ день, а легчайшимъ, новоизобрѣтеннымъ способомъ онъ ихъ всадитъ штукъ 30; 60 рублей и въ карманѣ. Пріѣдетъ довѣренное лицо и увидитъ, что сваи всѣ одинаковой вышины, попробуетъ рукой—не качается и прекрасно. А какое дѣло подрядчику, что черезъ годъ, черезъ два ихъ раскачаетъ, что основанія быковъ будетъ размывать водою и что отъ этого погибнутъ тысячи и тысячи?!... Что̀ ему до всего этого? Онъ свое дѣло сдѣлалъ,—денежки получилъ и правъ.

---

*) Въ подтвержденіе этого можно бы привести два-три примѣра, гдѣ подрядчики (неопытные юноши), къ пущей радости своихъ собратій, разорились потому только, что признавали въ рабочихъ человѣческія свойства. Да какъ же иначе? Гумманность и подрядъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ у насъ вообще и на желѣзной дорогѣ въ особенности, ни въ какомъ случаѣ поладить не могутъ. Исключеніемъ изъ этого пока еще можетъ служить французъ-антрепренеръ, А. ., живущій въ Л.....ѣ, котораго и рабочіе хвалятъ, но дѣло въ томъ, что онъ не выполнилъ еще всѣхъ работъ, и пока неизвѣстно—чѣмъ кончится его предпріятіе.

А если и попадется онъ въ чемъ-нибудь, если, хоть напримѣръ табельщикъ, повѣряя число рабочихъ, найдетъ недостачу,—то опять таки и тутъ подрядчикъ плакать не станетъ. Недостаетъ напр. 50 человѣкъ, а за нихъ онъ получитъ въ день 75 руб.,—ну что̀ ему значитъ удѣлить табельщику изъ этой суммы хоть по четвертаку съ рыла? Разсчетъ не великъ, а тотъ между тѣмъ, видя его раскаяніе, пишетъ то число, какое нужно подрядчику, съ уговоромъ, впрочемъ,—*чтобы этого впередъ не было*, и оба остаются довольны *).

Да мало ли такихъ примѣровъ! Вотъ хоть бы развозка рельсовъ. За эту развозку подрядчикъ беретъ по 15 коп. со штуки. Кажется дѣло очень простое: взялъ да и развезъ ихъ по полотну, разложилъ и кончено. Какъ же! Что̀ онъ за дуракъ! Нѣтъ, онъ и тутъ изъ полушки грошъ дѣлаетъ. Возьметъ онъ рельсы и свезетъ верстъ за 5. Вотъ и запишутъ: «такое-то количество перевезено такимъ-то».—Изъ этого мѣста везетъ подрядчикъ одну часть впередъ версты за двѣ, а другую назадъ версты за полторы и опять получитъ за провозъ. Подождетъ немного, да и опять перетащитъ версты за полторы назадъ, и опять получитъ. И возитъ ихъ съ мѣста на мѣсто до тѣхъ поръ, пока соскучится и броситъ. А тутъ придутъ землекопы—канавки выводить, да дерномъ ихъ преизрядно украшать. Какъ лежатъ эти рельсы у дороги, разбросанные, безо всякаго призрѣнія,—такъ и кидаютъ на нихъ землю. Землекопу какое дѣло?—пришлось ему въ ту сторону землю выбрасывать, онъ и валитъ на нихъ. Не оттаскивать же ему ихъ въ сторону: съ него работа спрашивается, а провозишься за ними—никто спасибо не скажетъ, только свое дѣло упустишь. А главное,—кто ихъ знаетъ, можетъ они и положены-то сюда нарочно; тронь-ка ихъ,—еще бѣды наживешь.

—И сколько этихъ *реекъ* (рельсовъ) погибло зря,—и Боже мой! говорилъ мнѣ одинъ . . . овскій крестьянинъ—кои въ землѣ зарыты; кои разворованы. Опять этихъ винтовъ, гаекъ, планокъ и ни вѣсть что̀. ..Ступай ты въ любую кузницу, —погляди, изъ чего кузнецъ подковы гнетъ,—все изъ этихъ же, изъ *реекъ*. Желѣзо первый сортъ—аглицкое, а валяется оно безо всякаго призору: бери, кому надо! Только развѣ лѣнивый не таскаетъ. Вонъ на той недѣлѣ въ лѣсу два боченка винтовъ нашли; ну и тоже караулъ приставили,—не придетъ ли, молъ, кто за ними. Ну, нѣтъ, видно прочуялъ,—не пришелъ. Да и гдѣ же поймать,—пустое дѣло! За мухой да съ обухомъ,—это выходитъ.

---

*) Повѣрка куб. саж. земли, поставляемой для насыпи, еще лучше. Тутъ просто подрядчикъ говоритъ такое число, какое ему вздумается.

— А когда повѣрять станутъ, кто же тогда будетъ въ отвѣтѣ?

— Да кому жъ отвѣчать?—некому. Подрядчики не отвѣтятъ, потому ихъ дѣло было только раскидать, а караулить они не брались. Намъ тоже чужое добро стеречь не приходится,—не замай таскаютъ.

— Намъ, по правдѣ тебѣ сказать, и безъ того куды какъ солона пришлась эта чугунка-то, говорилъ мнѣ крестьянинъ. Ну ее къ Богу! И не смотрѣлъ бы на нее.

— Отчего же? Вамъ отъ нея выгода должна быть: работа есть.

— Оно точно, что работишка кой-какая завелась, да больше бабья. Вонъ дѣвки тоже по четвертаку въ день работаютъ,—песочкомъ, значитъ, занимаются, подъ шпалы-ти, подъ эти, подсыпаютъ. Такъ, пустая самая вещь: больше для видимости.

— Ну, а чѣмъ же чугунка-то вамъ насолила?

— Да тѣмъ, что землю всю почесть у насъ отрѣзала. И было ее, всего на всего, 36 десятинъ пахотной на 30 душъ, а теперь вотъ ужъ третій годъ 10 десятинъ подъ чугунку отошло, да какъ на смѣхъ, что ни самой-то хорошей. Осталась такая, что и смотрѣть не на что.

— Вѣдь вамъ за нее заплатятъ.

— Дожидайся когда заплатятъ, а поземельное-то мы все-таки за нее вносимъ, потому, съ насъ требуютъ, не глядя, что земля отошла. Хлѣба даже не дали собрать,—такъ весь прахомъ и пошелъ.

— Отчего же не дали?

— Поди, спроси ты ихъ: отчего, молъ, вы не дали хлѣбъ убрать?—можетъ они тебѣ скажутъ. Намъ не сказали. Христомъ Богомъ просили—денька три какихъ ни на есть подождать: говорятъ,—никакъ невозможно; такъ, ишь, ты,—

приспичило,—говорилъ крестьянинъ, иронически посматривая въ ту сторону, гдѣ шла желѣзная дорога.

— Можетъ и въ самомъ дѣлѣ нужно было скорѣе?

— А ты думаешь, и вправду нужно?—Одно это только озарство ихнее... продолжалъ онъ уже негодуя.

— Ну что имъ три дня-то эти такъ ужъ сладки показались! Родить, что-ли, имъ, прости Господи, на нашей землѣ часъ пришелъ? Небось бы, успѣли казну-то обобрать. А я тебѣ скажу, почему они этимъ дѣломъ такъ поспѣшили. Слушай! По самому, выходитъ, по началу прошла эта самая чугунка не по нашей землѣ, а туды, будетъ, поправѣе; тамо-де и вѣхи стояли, только, значитъ, не настоящія, и будто къ примѣру; поставили въ тѣ поры и по нашей землѣ вѣхи же, и опять таки къ примѣру; настоящей линіи, выходитъ, тогда еще никто не зналъ,—гдѣ она пойдетъ. Ну, а ужъ подрядчики какъ воронья со всѣхъ сторонъ на эти вѣхи налетѣли и рабочихъ тоже наняли: они живутъ недѣлю, живутъ другую,—все приказу настоящаго нѣтъ,—гдѣ дорогѣ этой быть. Народъ въ сумленье приходить сталъ:—что̀ жъ, молъ, это такое?—Подрядчики, видѣмши это, и порѣшили промежъ себя, чтобы, значитъ, съ Божьей помощью приступить къ работѣ—такъ, выходитъ наобумъ; чтобы т. е. народъ только не сумлевался. Вотъ и стали они рыть ту-то, ту-то дорогу,—не нашу. Рыли, рыли, и порядочно таки ужъ понапакостили; мы было ужъ и Богу молиться, что насъ миновали,—анъ, глядь,—указъ! утвердили черезъ нашу землю. Мы такъ и ахнули. А они понасёрдкомъ-то *), что даромъ проработали,—и накинулись на наши поля. Мы туда-сюда, просили, просили,—нѣтъ! Ну да, извѣстно, съ собакой мяса не дѣлятъ: все ея будетъ.

II.

Г. Ковровъ.

Линія желѣзной дороги, отъ Москвы шедшая почти рядомъ съ шоссе, въ Лемешкѣ сворачиваетъ влѣво—на Ковровъ, пересѣкая шоссе подъ тупымъ угломъ Но такъ какъ ѣхать по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ пролегаетъ желѣзная дорога, очень затруднительно, потому, что иногда и лошадей достать невозможно, то я и проѣхалъ по шоссе до Дроздовки, откуда уже долженъ былъ своротить на Ковровъ. Да къ тому же изъ разспросовъ можно было понять, что вплоть до самого Коврова врядъ ли бы встрѣтилось что̀-нибудь особенно любопытное въ отношеніи желѣзной дороги.

---

*) Со зла.

Сколько разъ приходилось мнѣ во время странствія собирать свѣдѣнія о чемъ бы то ни было, уже проѣхавъ мѣсто дѣйствія. Обстоятельство это всегда меня очень огорчало больше потому, что мѣстный колоритъ событія сильно отъ этого страдаетъ. То же самое случилось со мной и на этотъ разъ. Изъ Дроздовки пришлось мнѣ ѣхать въ Ковровъ съ однимъ ковровскимъ мѣщаниномъ. Попутчикъ, на мое счастье, оказался разговорчивымъ, какъ видно, человѣкомъ бывалымъ, и отлично зналъ все, что̀ дѣлается на желѣзной дорогѣ, хотя самъ и непричастенъ былъ этому дѣлу. Въ достовѣрности его показаній я убѣдился послѣ, на самомъ мѣстѣ. Говоря о комъ-нибудь, онъ непремѣнно называлъ по имени, по отчеству, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ требовалось,—дѣлалъ даже краткую характеристику лицъ, которыхъ онъ выводилъ на сцену. Все это было мнѣ на руку—хотя, увлекшись своимъ краснорѣчіемъ, онъ иногда забиралъ сильно въ сторону и пускался въ подробности. для меня очень мало интересныя; но, тѣмъ не менѣе, онъ избавилъ меня, самъ того не чувствуя,—отъ многихъ хлопотъ и разспросовъ. Все, что̀ я почерпнулъ изъ его разсказовъ, относится не къ одному какому-нибудь селу или городу, а къ цѣлой полосѣ отъ Владиміра до Коврова.

А все-таки надо было и съ нимъ поступать очень осторожно,—чему я научился опытомъ,—и разспрашивать какъ можно хладнокровнѣе, а не то,—какъ разъ бы замѣтилъ, что я этимъ дѣломъ ужъ черезчуръ интересуюсь и тогда все пропало. Зная это, я и прикинулся совершенно равнодушнымъ къ желѣзной дорогѣ и завелъ рѣчь о Боголюбовѣ, о монастырѣ и между прочимъ спросилъ: что это тамъ за домъ такой противъ самыхъ святыхъ воротъ? Я очень хорошо зналъ, что это домъ монастырскій и что въ немъ лѣтомъ была больница для рабочихъ, но въ Боголюбовѣ я ничего не могъ путемъ разузнать о ней, потому ли, что тамъ кой-какое *дорожное* начальство проживаетъ, или по другимъ причинамъ,—ужъ не могу сказать; только боголюбовская больница такъ и осталась для меня дѣломъ темнымъ. Отъ попутчика о ней я услыхалъ тоже немного, но зато, въ отношеніи другого-прочаго, это былъ для меня человѣкъ неоцѣненный. О больницѣ все-таки я узналъ, что это было дѣло неладное, что лѣтомъ изъ 5,000 рабочихъ было 1,000 человѣкъ больныхъ. Въ баракахъ духота, сырость; харчи плохiе, а тутъ жары пошли,—народъ накинулся на пойло; 30 человѣкъ тифозною горячкою умерло.

— Да,—говорилъ мой попутчикъ, какъ бы соображая что̀-то,— грѣха много схватили на душу по̀дрядчики нонѣшное лѣто. Рабочiй человѣкъ имъ только по тѣхъ поръ и нуженъ и хорошъ, пока у него сѝла есть, пока онъ камни пудовъ въ 15 ворочаетъ; то и рабочiй, то и на руку подрядчику: онъ тебя и въ возъ запряжетъ и поѣдетъ на тебѣ, и совѣсти у него на это нѣтъ, а чуть ты ослабѣлъ, разнемогся, онъ на тебя и плюнуть-то не захочетъ. Пропадай какъ знаешь! Да еще онъ же наровитъ тебя и хвораго-то обчесть. Въ день рабочiй ему обойдется, ну много, много 30 коп., а онъ съ тебя 75 слупитъ, потому, ты хворый, ты ему помѣха. Больница!... тоже больницею называется. Да я бы туда паршивой собаченки не положилъ. Вотъ она какая! Одно званье только, что больница; потому, больницы эти самыя заведены не для рабочихъ, не для больныхъ, а собственно для начальства. Прiѣхалъ начальникъ,—вотъ ему и суютъ эту больницу: вотъ, молъ, какъ у насъ прекрасно! Тоже и въ Ковровѣ была такая-то, такъ намъ это дѣло коротко извѣстно.

— Тоже была и у васъ?—подстрекалъ я его.

— Была и у насъ...

— Ну, и тоже... плоха?

— А вотъ какъ я вамъ буду говорить,—мнѣ тоже рабочiй одинъ сказывалъ, который лежалъ въ ней,—что свѣжему человѣку, говоритъ, взойдти нельзя. Позвали, сказывалъ онъ, священника больныхъ прiобщать, такъ онъ, какъ дверь ту отворилъ,—такъ его назадъ и качнуло. Взойдти и не можетъ: смрадъ, духота, стонъ тамъ въ сараѣ, опять темно Лекаря, слышь, на ту пору не было. Батюшка и говоритъ: не могу, говоритъ, я туда взойдти,—все нутро у меня воротитъ: нельзя ли, говоритъ, больныхъ вынести *на волю*. Вотъ и вынесли,—исповѣдалъ онъ ихъ, прiобщилъ, все, какъ слѣдуетъ. А священникъ-то онъ умнѣющiй, опосля того и говоритъ фершелу: ты, говоритъ, скажи своему лекарю,—я буду жаловаться по своему начальству, что въ больницу и взойдти нельзя. Ну, хорошо. Прошло тамъ сколько ни на есть времени,—опять шлютъ за нимъ. Пришелъ и опять; анъ тутъ ужъ и самъ лекарь. (Фершелъ ему это въ одну минуту донесъ, онъ и прискакалъ). Да и хотѣлъ онъ, должно думать, священника-то запугать.—Какъ такъ, говоритъ, вы не хотите пріобщать—исповѣдывать?—Ну, однако не на того напалъ. Вы, говоритъ ему священникъ, это напрасно изволите безпокоиться, господинъ лекарь! Вы меня этимъ не запугаете.—Я буду жаловаться!—Я, говоритъ, самъ пожалуюсь, что вы людей замѣсто скотовъ считаете. На что̀ это похоже? Нешто такія больницы бываютъ? Отчего, говоритъ, у васъ народъ помираетъ?—отъ тифу?... какъ не отъ тифу! Народъ, говоритъ, отъ васъ помираетъ; отъ дурного присмотра, отъ пищи, отъ воздуху, да отъ вашего леченія. Я, говоритъ, буду просить, чтобы меня отставили, а когда меня спросятъ, я и скажу; все скажу, говоритъ. Мнѣ бояться нечего. Такъ-то его отчесалъ, да все эдакъ-то складно, лекарь и въ кустъ. Ну съ тѣхъ поръ, сказываютъ, получше стало. Такъ вотъ они какой народецъ! Мало того, что рабочихъ-то морятъ, да и тѣхъ-то наровятъ извести, кто имъ мало-мальски помѣхой можетъ быть. И сколько тоже народу православнаго у насъ отъ этихъ порядковъ погибло. Господи, твоя воля! продолжалъ онъ, грустно покачивая головою и сталъ говорить жалобнымъ голосомъ:

— Работаетъ онъ, сердечный, верстъ за 10, за 15 отъ кватеры; на этой, на чугункѣ, и солнцемъ-то его печетъ, и дождемъ-то его мочитъ, ни испить тебѣ, ни поѣсть путемъ; что̀ захватитъ съ собой хлѣбушка—только и есть. Опять же труды великіе,—всего себя кладетъ онъ тутъ, не жалѣетъ; попадется ему къ примѣру такой грунтъ, что хоть ты его зубами грызи; вотъ онъ и надсаживается надъ нимъ. А подрядчику и того тошнѣе, потому, какъ взялся онъ рыть по обнаковенной цѣнѣ, понадѣямшись, что рабочій въ день-атъ кубикъ вынетъ легко, анъ подъ верхнимъ слоемъ скала обозначилась: больше одного круглаго *) аршина въ день не вынешь, хоть ты лопни. Подрядчикъ-то волкомъ и воетъ: думалъ онъ зашибить большія деньги, анъ не пришлось,—что получше, полегче къ французу, да сильнымъ подрядчикамъ отошло, вотъ ему и хочется хоть на рабочихъ сорвать. Ходитъ, да придирается. Ты работалъ, работалъ, да и усталъ, и моченьки тебѣ нѣтъ, и пойло тебя измучило и по̀томъ ты весь изшелъ,—обезсилѣлъ,—сѣлъ отдохнуть, а подрядчикъ тутъ и есть.—Что вы, говоритъ, такіе-сякіе! Нѣшто васъ за тѣмъ наймаютъ, чтобы вы другъ дружкѣ сказки сказывали? Вычесть, говоритъ,

---

*) Квадратный.

съ него штрафъ!—Что̀ ты станешь дѣлать! А коли не штрафъ, такъ наровитъ обмѣрить тебя, на то у него и сажень такая въ $3^1/_4$ аршина припасена?

— Да неужели же такъ-таки никто и не жалуется?

— Какъ, поди, чай, не жаловаться—жаловались тоже, и сейчасъ безъ того не бываетъ.

— Ну и что̀ же?

— Что?—извѣстно,—ничего. Давно сказано: *въ судъ не по деньги, въ потраву не по хлѣбъ.* Ну, разумѣется, рабочій человѣкъ противъ хозяина ничего говорить не можетъ, потому хозяинъ всегда правъ останется: онъ затѣмъ и приходилъ, чтобы тебѣ быть виноватому. Вотъ съ этого, съ самого и пьянство больше живетъ. Ну посуди ты самъ! Какъ же ты теперь не станешь пить? Безпремѣнно станешь! Видишь ты, что кровные-то твои труды, на которые ты всю силу свою положилъ,—къ кошкѣ подъ хвостъ пошли. А изъ чего?—такъ вотъ, здорово живешь! Ну и запьешь!... и послѣднее-то свое, что̀ у тебя есть,—туда же снесешь. Ужъ это вѣрно. Значитъ, въ барышѣ все-таки кабакъ, да подрядчикъ. Сказалъ онъ это, наклоняясь къ моему уху и трепля меня по плечу.—Такъ-то.

— Такъ-то это такъ; а вотъ чего я не понимаю: какъ вы говорите, что подрядчикъ ошибся? Развѣ онъ не знаетъ, какой грунтъ беретъ?

— Бываетъ такъ, что и наобумъ беретъ, потому все таки на барыши надѣется. А ошибиться все не ошибется, хоша грунтъ и каменистый. Ему это ничего не значитъ. Вредъ только землекопамъ, а ему что̀? Камень попался, али тамъ плита, онъ ее продастъ, тѣ же денежки возметъ. А досадно ему потому только, что рабочій въ день-то мало нароетъ. Вотъ что. Ошибиться гдѣ же? Это неумѣлые ошибаются, которые, значитъ, порядковъ-то настоящихъ не знаютъ, а тоже наровисты. Видитъ онъ, что другіе наживаются, вотъ его тоже и начнетъ потягивать: семъ-ка, возьму и я подрядъ. Ну и нарвется. Ему такую землю подсунутъ, что онъ вѣкъ съ ней не раздѣлается. Тоже вѣдь и подрядъ этотъ вещь куда какая мудреная. А первое дѣло—*рука* нужна. Безъ руки нечего и браться.

— То есть, какъ рука?

— Извѣстно, силу долженъ запасти, знакомство. Безъ этого пропадешь. Почему теперь французу лафа и вездѣ французъ первый человѣкъ? по этому по самому, что рука есть. А главная вещь не скупись; коли денегъ не пожалѣлъ, будь ты хошь татаринъ, на одну доску съ французомъ можешь стать. Только ты не скупись, а ужъ тамъ скупиться не станутъ. Умѣй только въ руки взять, а ужъ подрядъ у тебя изъ рукъ не полѣзетъ. И запрету тебѣ никакого не будетъ, дѣлай, что хочешь. Изъ рабочаго хошь веревки вей, хошь съ кашей ты его ѣшь, никто тебѣ слова не скажетъ, и даже самъ ты всякому можешь носъ утерѣть, потому какъ ты самъ на ту пору все одно, что начальникъ. Ну, оно нашему брату, мужику, вѣдь и лестно: самъ ты посуди! И только, значитъ, мнѣ это самое въ голову забрать нужно, а ужъ тутъ ты ко мнѣ лучше и не подходи: лютъ я въ тѣ поры становлюсь, особливо до своего брата, до мужика, живого съѣмъ, хоша бы для того только, чтобы т. е. форцъ свой показать и лицомъ въ грязь не ударить.

Путешествіе наше между тѣмъ подходило къ концу: изъза рощи выглянула уже колокольня одной ковровской церкви, но скоро опять спряталась. Въѣхали мы въ деревню съ рѣзными, новыми избами; нѣкоторыя въ два этажа съ такъ называемыми *избушками* позади (зимнее помѣщеніе); огромныя, злыя собаки,—признакъ домовитости и нѣкотораго благосостоянія,—накинулись на насъ съ такимъ свирѣпымъ лаемъ, что мой собесѣдникъ все отмахивался кнутомъ, хотя видимо былъ погруженъ въ размышленія и должно быть еще не могъ освободиться изъ подъ вліянія недавняго разговора.

— Какая это деревня?

— Деревня эта, сударь мой, Шашово прозывается, вонъ на столбѣ-то обозначено.

— Да. Ну, а чѣмъ здѣсь больше промышляютъ?

— Чѣмъ промышляютъ?—разная промышленность, вотъ известку роютъ, печки жгутъ.

— Какія печки?

— Изъ извести же.

Замѣтно было, что онъ отвѣчаетъ какъ-то неохотно.

Ужъ я сталъ бояться, не взяло ли его раскаяніе, что проболтался передъ незнакомымъ человѣкомъ, а разспросить, между тѣмъ, очень хотѣлось объ известковой промышленности. Какъ тутъ быть? Станешь очень приставать,—пожалуй еще хуже навлечешь подозрѣніе и тогда ужъ кончено,—ничего не узнаешь. Проѣхавъ деревню, спустились мы съ пригорка прямо въ рощу. Попутчикъ мой все молчалъ, лежа на краю саней, и похлестывалъ по снѣгу кнутомъ, лошадь шла шагомъ.

— Эки порядки! эки порядки! заговорилъ онъ вдругъ самъ про себя, какъ будто обдумывая что̀-то.

Я притаился.

— Ладно ли сидѣть-то?

— Ладно, ладно.

— То-то. Нѣтъ, я вотъ все про это думаю.

— Про что̀?

— Да все про то же. Теперь.... теперь, это, больные.... Что̀ это такое?! Захвораетъ человѣкъ тамъ на работѣ, верстъ за 10 отсюда иной разнеможется; хошь бы холера что ли. Такъ, повѣрите ли,—не допросится, чтобы въ городъ-то отвезли. Такъ тутъ хоть и умирай на дорогѣ. Когда еще положатъ на телѣгу, да повезутъ; и тащатъ его по солнцу, шажкомъ; по кочкамъ-то всю душу изъ него вытрясутъ, пока довезутъ. И въ ту пору никто объ тебѣ думать не хочетъ, потому ты ужъ въ работу не годенъ. Сколько ихъ, бывало, привозили при послѣднемъ издыханіи! Ну, конечно, народъ, видѣмши все это и потекъ, и потекъ.... Какъ повалилъ, это, народъ, подрядчики видятъ,—дѣло плохо,—караулъ, кричатъ,—бунтъ! — И вѣдь все-то они такъ: доѣдятъ эти подрядчики человѣка до костей,—душу изъ него тянуть станутъ.... ну, разумѣется,—человѣкъ себѣ не врагъ,—иной вступится за себя: что̀ жъ это, молъ, такое? за что̀ жъ это такъ-то? А! да онъ еще разговариваетъ! вяжи его! Въ острогъ! въ Сибирь!... и пошло. А вѣдь все это, надо полагать, отъ трусости бываетъ. Видитъ, что ничего не сдѣлаешь, ну, сейчасъ и того, и бунтъ. Народъ, молъ, бунтуется, повиновенія начальству не оказываетъ. А исправникъ этого только и ждетъ, ты его кашей не корми.... Вотъ онъ и городъ!

И дѣйствительно, Ковровъ показался на горѣ. Роща стала рѣдѣть, влѣво мелькнула Клязьма. Впереди насъ тянулся обозъ съ огромными глыбами камня. По правую руку виднѣлся дымокъ. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ городу,— дымъ становился гуще, наконецъ показалась огромная печь, саженъ 5 вышиною, сложенная въ горѣ. Я спросилъ попутчика, что̀ это за за печь?

— А вотъ известку-то жгутъ. Въ Шашовѣ, проѣзжали, эдакъ же. Эта известка, надо говорить, тоже дѣло мудреное.

— А что?

— Да такъ. Тоже тутъ было не безъ грѣха. Да и лѣсокъ-то, сердечный, плачетъ.

— Отчего же?

— Долго сказывать. Ужо̀, пріѣдемъ,—разскажу.

Изъ рощи выѣхали мы на поляну. Тутъ уже весь городъ съ своими двумя церквами цѣликомъ сталъ на горѣ. Клязьма съ начатымъ мостомъ и множествомъ разныхъ построекъ огибала городъ. На берегу, по эту сторону, тянулись знакомые мнѣ бараки, но нѣсколько лучше тѣхъ, которые я видѣлъ прежде. Тутъ же, около самой рѣки, стояло нѣсколько новыхъ верстовыхъ будокъ, валялись глыбы камня, рельсы, боченки, разсыпанные по снѣгу винты и гайки.

— Видите вы—вотъ этотъ домикъ? спросилъ меня вдругъ мой спутникъ, показывая на одинъ изъ множества маленькихъ домиковъ, построенныхъ на берегу.

— Который?

— Вотъ на краю-то стоитъ у самаго моста. Вонъ это—контора, а сюда поближе-то,—видите?

— Вижу. Ну, что же?

— Какъ по вашему,—что эдакій дворецъ можетъ стоить?

— Не знаю право.

— Можно ли этому повѣрить, чтобы такой чуланъ три тысячи стоилъ?

— Какъ? — ассигнаціями?

— Эко вы захотѣли! Кто же нынче на ассигнаціи считаетъ? Нѣтъ, серебромъ;—серебромъ три тысячи за однѣ стѣны.

Домикъ былъ совершенно въ такомъ же родѣ, какъ тѣ верстовыя будки, о которыхъ я говорилъ. Такъ, бесѣдочка садовая. Даже и тесомъ не обшитъ.

— А вѣдь вотъ французъ за него три тысячи взялъ. Какъ вы думаете?

— Да, не дешево.

— Что за дорого? на то французъ строилъ, Это тоже чего-нибудь да стоитъ. Брался русскій—не дали. А французъ планъ начертилъ, выкладки разныя сдѣлалъ, рабочихъ нанялъ. И долго что-то морилъ онъ ихъ надъ этимъ чуланчикомъ, много тоже и лѣсу извелъ, ну, и выстроилъ. А вѣдь вещь, по моему, 300 рублей не стоитъ. И чудакъ же народъ, эти французы: я ихъ теперь только узналъ. Чуднѣй ихъ, т. е. кажется, и нѣту. И Богъ ихъ знаетъ, въ чью это они голову бьютъ! Вотъ хоть бы эта исторія. Понадобились имъ по веснѣ лодки для разъѣздовъ. Ну, сейчасъ это посылать—искать. Нашли у одного здѣшняго мѣщанина три челнока.—Что возьмешь за прокатъ?—Да купите, говоритъ, ихъ совсѣмъ; я дешево возьму: всего по 3 цѣлковыхъ за челнокъ.—

Зачѣмъ намъ покупать,—не нужно. Что̀ возьмешь въ день? А въ день, говоритъ, 2 руб. сер. за штуку, меньше не возьму.—Давай сюда!—Взяли;—проѣздили на нихъ недѣлю, заплатили 42 рубля, а челночки опять ему же отдали. Въ Боголюбовѣ машинку выдумали сваи вбивать. *Копромъ* невыгодно, видишь ты, показалось: народу, слышь, много работаетъ. И вздумали они выгоду соблюсти, чтобы у нихъ 6 человѣкъ только работало. Поставили машинку, намотали канатъ, *бабу* привязали. А машинка-то эта—больше ничего, что воротъ, которымъ вотъ камни подымаютъ. Оно точно, что народу меньше, да за то и толку-то мало, потому время въ пустякахъ проводятъ. Стоятъ рабочіе, вертятъ за ручку,—подымаютъ бабу. Подымутъ, да и пустятъ. Баба ударится въ сваю,—опять наматывай, подымай! Бьютъ, бьютъ это они, да какъ-нибудь невзначай баба качнется въ сторону—ну, и шабашъ! сваю на сторону и своротитъ. И опять все дѣло хоть брось. Помаялись, помаялись,—отстали. Это бы все ничего, только что смѣшно, а главная вещь,—больно ужъ они прытки, и денегъ не жалѣютъ. Коли что понадобилось—подай! хошь въ пятеро возьми, а представь. Ей Богу! Онъ съ тобой и разговаривать не будетъ, потому какъ онъ по-русски только три слова знаетъ: *работать*, *шичасъ*, да *поскорѣй*. А подрядчики, теперь (русскіе подрядчики), эту слабость ихъ познали и то съ ними дѣлаютъ, что смѣху подобно. Вотъ, хошь бы къ примѣру, хлѣбъ. Ну, извѣстно, какъ это дѣло у людей бываетъ, гдѣ большая артель. Пошлютъ съ осени еще, загодя, въ степныя губерніи купить хлѣба по дешевой цѣнѣ; къ Рождеству, глядишь, привезутъ и ссыплютъ препорцію на годъ. Покупаютъ хлѣбъ дешево потому, какъ въ это самое время хлѣбъ дорогъ не бываетъ. А французы теперь этихъ порядковъ и знать не хотятъ. Ты станешь ему говорить, какъ путному, что такъ молъ у насъ не дѣлаютъ, такъ онъ же тебя норовитъ обозвать. Не суйся молъ ты, мужикъ, не въ свое дѣло! Вотъ что. Теперь народу у нихъ видимо-невидимо, надо бы дѣло вести хозяйственнымъ манеромъ; такъ нѣтъ. Гдѣ еще съ осени, лѣтошній годъ, брался одинъ подрядчикъ поставить имъ хлѣба, и цѣну, правду надо говорить, запросилъ самую т. е. христіанскую: потому, говоритъ, я молодцовъ пошлю въ степь, къ зимѣ-то по первопуткѣ хлѣбъ и поспѣетъ. Такъ, нѣтъ, говорятъ, не нужно, куда намъ его дѣвать? у насъ есть. Ну, хорошо. Подождалъ подрядчикъ сколько ни на есть и опять говоритъ: упустимъ, говоритъ, время, тогда поздно будетъ. Опять—не надо. Ну, не надо, такъ не надо. Зима стала,—прошла; подрядчикъ молчитъ: ему какое дѣло! Пришелъ Петровъ день, а у нихъ хлѣбъ-то и весь. Ахъ, ахъ, туда, сюда,—давай, говорятъ, хлѣба! Подрядчикъ говоритъ: у меня хлѣба нѣтъ. Гдѣ хочешь, говорятъ, возьми, цѣну бери какую знаешь,—выручай! Пожалуй, говоритъ,—поищу; только вотъ что̀, мусье,—какъ теперича хлѣбъ требуется вамъ въ скорости, а пора стоитъ самая рабочая, то, выходитъ, хлѣбъ будетъ много дороже супроть лѣтошняго. Ничего, говорятъ, мы не постоимъ. Ну, ладно, говоритъ, поищу. А чего,—поищу,—у него съ осени хлѣбъ припасенъ, въ амбарахъ лежитъ. Ну въ ту пору около этого хлѣба и погрѣлъ же онъ руки: въ пятеро платили французы. Такъ-то вотъ и съ цементомъ—все тоже. А ужъ какъ же они подрядчиковъ избаловали этимъ самымъ,—бѣда!

— Да отчего же это они такъ деньгами сорятъ?

Что жъ не сорить-то?—благо дешево достаются.

— Вѣдь это—ихъ же деньги?

— Кабы ихнія—не то бы и было; не стали бы они ихъ зря кидать. А потому,—они знаютъ, что сколько ни истрать—ему на это запрету не бываетъ и все съ рукъ сходитъ, потому по самому, что онъ французъ и силу большую имѣетъ и никого этотъ французъ не боится.

Тутъ мы подъѣхали къ гостинницѣ и я разстался съ моимъ болтливымъ попутчикомъ.

На другое утро я узналъ, что старшій инженеръ, г. Помье, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, остался во Владимірѣ. Причина, по которой онъ не могъ продолжать своего путешествія, говорятъ, была та, что будто бы вода, въ трубкѣ, проведенной изъ тендера въ локомотивъ, по какому-то непонятному случаю замерзла.

ВЛАДИМІРКА и КЛЯЗЬМА.

(Дорожныя замѣтки).

I.

Вліяніе шоссе на пѣшехода.—Первыя встрѣчи.—Ямщикъ.—Путешествіе на оси.—Ивановское.—Священникъ.—Сборная изба.—Трактиръ.—Фабричный.—Фабрики: Кузнецова и Мазурина.—Ночью на фабрикѣ Волкова, осмотръ ея.—Управляющій.—Горенки.

Часу во 2-мъ по полудни купилъ я сайку у Рогожской заставы и пошелъ по Владимірскому шоссе. День былъ ясный, сухой и холодный. Въ такую погоду съ небольшою ношей можно Богъ знаетъ куда уйдти, а идти мнѣ было недалеко: всего верстъ 10 отъ Москвы, въ село Ивановское. Это было первое фабричное село по Владимірской дорогѣ, въ которомъ мнѣ надо было побывать. На шоссе, какъ нарочно, ни души: часъ что ли это такой былъ, или просто случайность, только ни по пути, ни на встрѣчу никого не попадалось. Вѣтеръ дулъ прямо въ лицо; шелъ я съ четверть часа и все думалъ, что идти пѣшкомъ вовсе не такъ скучно, и что какъ я хорошо сдѣлалъ, обдумавъ заранѣе всѣ неудобства предстоящаго мнѣ странствія и взялъ съ собой все необходимое. А одѣтъ я былъ, надо замѣтить, совершеннымъ Робинзономъ. Былъ на мнѣ черный кожаный ранецъ, въ которомъ лежало множество разныхъ, совершенно безполезныхъ (какъ оказалось впослѣдствіи), вещей; по бокамъ, чрезъ плечи, висѣли на мнѣ двѣ сумки и, кромѣ того, еще въ одной рукѣ я несъ дорожный мѣшокъ, а въ другой зонтикъ. Но все это такъ было прилажено, что почти не безпокоило меня, особенно въ первое время. А въ это-то время я и былъ больше всего занятъ моей аммуниціею и остался очень доволенъ тѣмъ, что ранецъ вовсе не теръ спину. Москва между тѣмъ стала совсѣмъ пропадать за пылью, которая тучею неслась на нее отъ Владиміра; и шуму ужъ никакого не слышно, только телеграфная проволока гудитъ. Впереди стояло сѣрое облако, ровное, безпривѣтное, застилавшее цѣлую половину неба; однимъ угломъ своимъ оно какъ будто хотѣло захлеснуть холодное солнце; тянулось, тянулось къ нему и захлеснуло таки. И послѣ этого точно будто посвѣжѣло въ воздухѣ, не смотря на то, что солнце и прежде свѣтило только изъ приличія и ужъ рѣшительно не грѣло. Но колоритъ на всемъ, какъ говорятъ художники, вдругъ похолодѣлъ; сѣренькимъ чѣмъ-то подернуло все: и осеннюю траву, ужъ и безъ того сѣроватую, и дорогу, и столбы, и галокъ, одиноко летящихъ противъ вѣтра и какъ будто скучающихъ, покрыло тѣмъ водянистымъ, безцвѣтнымъ колоритомъ, который такъ скверно дѣйствуетъ на человѣка, какими бы мечтами и планами не была занята голова его.

Тутъ только сталъ я замѣчать, что я одинъ. Это чувство одиночества—удивительно странное чувство. Послѣ я къ нему привыкъ, но сначала оно мнѣ показалось какъ-то очень ново, и даже тяжело стало. Одиночество среди бѣлаго дня, на большой дорогѣ,—это вовсе не то, что одиночество въ комнатѣ, или въ лѣсу.

Дорога—это такая вещь, которую всегда себѣ представляешь съ людьми и лошадьми; дорогу всегда видишь только въ дорогѣ, а потому когда смотришь на нее изъ экипажа, такъ все и хочется поскорѣе ее проѣхать, чтобы ее оставалось какъ можно меньше; и видишь, какъ она бѣжитъ все назадъ и назадъ, и чѣмъ скорѣе ѣдешь, тѣмъ легче становится. Сидя въ экипажѣ, особенно во время скорой ѣзды, не чувствуешь почти этого тяжелаго, подавляющаго вліянія, которое производитъ большая дорога, и особенно шоссе, на пѣшехода, и притомъ одинокаго пѣшехода; когда ни спереди, ни сзади не видишь ни души. Пока еще идешь и думаешь о разныхъ разностяхъ, а вѣтеръ разнообразно шумитъ въ ушахъ, тупо смотришь вдаль и считаешь себѣ безсознательно телеграфные столбы, еще все ничего: и не замѣтишь, какъ пройдешь версту; но когда остановишься и посмотришь назадъ, а потомъ опять впередъ, удивительно странное чувство вдругъ охватитъ душу. Особенно поразитъ эта необъятность кругомъ и надъ головой, а вѣтеръ кажется такою грозною, поглощающей силой, что какъ будто исчезаешь передъ ней. И сознаешь только, что вотъ что̀-то движется и заливаетъ тебя, и какая-то невозможная для человѣка власть скрыта въ этомъ движеніи. Идетъ вѣтеръ громадною, неизмѣримою массой и ничѣмъ его не остановишь, и будто видишь даже это движеніе,—мертвое, окоченѣлое движеніе. А дорога лежитъ впереди скучная, безпріютная... и ей конца тоже невидно; и вдругъ она до такой степени опротивѣетъ, что просто бы не глядѣлъ на нее, тоска смертная нападетъ, и нестерпимо захочется ѣхать и ѣхать, такъ бы вотъ скорѣе, скорѣе... а тутъ иди! Еще вотъ эта проволока—такъ рѣшительно не выносима становится подъ конецъ. Никогда въ жизни не слыхивалъ я такой адской музыки: Богъ знаетъ, что за странные звуки издаетъ она, особенно въ вѣтреную погоду. То будто благовѣстятъ, гдѣ-то очень далеко, то вдругъ подымется визгъ, жужжаніе, точно пчелы вьются надъ головой, то загремитъ оркестръ трубачей, шмель бьется по стеклу, пѣніе какое-то пронесется струей, чей-то голосъ жалобно завоетъ и все въ одномъ тонѣ,—диссонансу ни малѣйшаго. А если приложиться ухомъ къ столбу,—тутъ такихъ звуковъ наслушаешься, что передать невозможно: громъ, колокола, пушки.... чортъ знаетъ, что такое! Но всѣ эти страхи, на первыхъ порахъ такъ назойливо встрѣчающіе одинокаго пѣшехода, какъ сонъ разлетаются всякій разъ, какъ только завидишь вдалекѣ по дорогѣ черное пятнышко: медленно покачиваясь, плыветъ и разростается оно шире и шире, изъ круглаго становится сначала продолговатымъ, а потомъ понемногу начинаетъ выростать на немъ голова съ ушами и дугою, и ужъ видно, что это лошадь, а за лошадью еще что̀-то мелькаетъ,—должно быть баба: такъ и есть—попъ.

Бойкая, коренастая лошадка съ крашеной таратайкой нагоняетъ меня. Въ таратайкѣ сидитъ сельскій священникъ и потряхиваетъ возжами.

— Здравствуйте, батюшка!

— Ась? отзывается священникъ, приподымая одно ухо своего капора и пріостанавливая лошадь.

— Здравствуйте! повторяю я.

— А!.. здравствуйте, путь добрый!

— Не подвезете ли?—кричу я ему, соблазненный его таратайкою.

— Подвезти?—не могу: извините. Да, гдѣ же вамъ сѣсть-то? Негдѣ будетъ.

— А вотъ тутъ, кажется, свободное мѣсто...

— Тутъ нельзя: куры тутъ у меня въ лукошкѣ... кричитъ онъ, погоняя лошадь, и опять пошла пылить его таратайка; и опять я остался одинъ на дорогѣ. А мой ранецъ уже даетъ себя знать, плечи слегка занываютъ и ноша, казавшаяся мнѣ прежде такой легкой, вдвое потяжелѣла. Присяду, отдохну, да и опять въ путь. Сѣлъ на краю дороги, свѣсилъ ноги въ канавку—вотъ прелесть-то: точно диванъ! Но вѣтеръ разошелся не на шутку. Терпѣть не могу я такого вѣтра. Вотъ теперь какъ заладитъ дуть, такъ и пойдетъ на цѣлую недѣлю, ровно, мѣрно, точно стѣна холодная стоитъ прямо передъ лицомъ, и волны холоднаго воздуха гудятъ пролетая мимо ушей, и проволока принимается выть свои адскія пѣсни. Нѣтъ, ужъ лучше идти противъ вѣтра!

А вотъ опять показалось темное пятно на дорогѣ и должно быть что̀-то большое ѣдетъ сюда. Кого это еще посылаетъ судьба? Надежда *подъѣхать* заглушаетъ усталость и ноги весело и бодро принимаются работать. Черезъ нѣсколько минутъ я ужъ могу разсмотрѣть, что меня нагоняетъ четверка, но что̀ это за странная вещь,—экипажа никакого не видно. Наконецъ загадка разъясняется: четверка везетъ *обратнаго* ямщика, а сидитъ онъ на оси, просто на просто, на передней оси съ двумя колесами. Къ этой оси привязана дощечка, которая и служитъ ему сѣдалищемъ. Экипажъ, какъ видно, немудрый, и сидѣть на немъ можетъ развѣ только птица, да ямщикъ, но и эти два колеса съ перекладинкой кажутся мнѣ привлекательными, и я ни на одну минуту не могу усумниться въ томъ, что, если ужъ на то пошло, такъ и я не уступлю ямщику въ эквилибристикѣ!

— Стой, стой! кричу я ему.

Ямщикъ, молодой малый, въ изорванномъ полушубкѣ, равнодушно посмотрѣлъ на меня и остановилъ лошадей. Онъ, кажется, спалъ, хотя повидимому, человѣку рѣшительно невозможно было заснуть на этомъ сѣдалищѣ и не свалиться.

— Не подвезешь ли, братъ, до Ивановскаго?

— Садись,—сказалъ онъ также равнодушно и вяло, нисколько не заботясь о томъ, какъ я сяду и вовсе не удивляясь моей неустрашимости.

Онъ самъ сидѣлъ на оси такъ покойно и безпечно, какъ будто въ креслѣ и должно быть привыкъ къ такого рода путешествію, а потому вѣроятно ему и въ голову не приходило, что это птичья поза и что не всякій обладаетъ искусствомъ даже сидѣть на оси, не только что спать. И должно быть я не ошибся, потому что мой ямщикъ, видя, что я задумался, простодушно спросилъ меня: «что жъ ты не садишься?»

— Да куда же я сяду? жалобно возопилъ я, предчувствуя, что видно мнѣ придется опять идти пѣшкомъ. Ты хоть подвинься, что ли, немножко.

— Куда-жъ двигаться-то?

У меня было ужъ мелькнула въ головѣ мысль — дать ему четвертакъ и предложить сѣсть верхомъ на одну изъ лошадей, а самому занять его мѣсто, но въ эту минуту онъ также лѣниво и почти не просыпаясь присѣлъ на корточки и, поджавъ подъ себя одну ногу, помѣстился на ней такимъ образомъ, какъ сидятъ, или, скорѣе, стоятъ гуси на снѣгу: онъ сидѣлъ на своей же собственной пяткѣ, т. е. Богъ его знаетъ на чемъ сидѣлъ, но, благодаря этой новой позѣ, я кое-какъ примостился на дощечкѣ, одной рукой уперся въ дышло, другой придерживалъ вещи и, полулежа на воздухѣ, сообразилъ, что какъ-бы то ни было, а все-таки лучше ѣхать, нежели идти пѣшкомъ еще около пяти верстъ. Ямщикъ подобралъ возжи, ударилъ ладонью одну изъ лошадей и мы поѣхали.

Сидя на дощечкѣ, я сначала думалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ съѣду, однако ничего, скоро обсидѣлся, привыкъ къ новому положенію и съ прежнимъ вниманіемъ принялся смотрѣть, какъ шоссе будто покачиваясь и съуживаясь все болѣе и болѣе уходитъ назадъ, какъ сѣрая туча идетъ на Москву, какъ сапоги мои бѣлѣютъ отъ пыли, а небо на востокѣ до такой степени позеленѣло, что если бы нарисовать воздухъ точь въ-точь такой же краской, такъ никто бы не повѣрилъ, что онъ бываетъ такого цвѣта. Заглядѣвшись на все это, я и забылъ почти о моемъ спутникѣ, тѣмъ больше, что онъ самъ не напоминалъ о себѣ, и когда я оглянулся назадъ, то есть впередъ (потому что я сидѣлъ задомъ), мой ямщикъ также покойно и ловко сидѣлъ на своей пяткѣ, вытянувъ одну ногу впередъ и по лицу его видно было, что онъ съ своей стороны тоже мало думалъ обо мнѣ. Глаза его такъ сонно и безстрастно глядѣли прямо въ хвостъ правой пристяжной, что, казалось, онъ ни о чемъ не думалъ. Я было спросилъ: кто его хозяинъ? онъ отвѣтилъ и опять погрузился въ созерцаніе хвоста.

— Ну, а жить у него хорошо?

— Нешто! — и только: больше я ничего не могъ добиться. Лошадиныя ноги мелькали тутъ же у самыхъ моихъ ногъ; но опасаться за себя было нечего, скорѣе можно было бояться за лошадей: того и гляди, упадетъ которая нибудь и духъ вонъ—до такой степени онѣ были изнурены; но не смотря на это, голодныя и опоенныя, уныло понуривъ головы, бѣжали онѣ почти безъ понуканій тою знаменитою *собачьей рысью*, которою бѣгаетъ русская почтовая лошадь, не знающая ни дня, ни ночи покоя, разбитая на всѣ четыре ноги, загнанная до полусмерти безпутной гоньбою. Кроткая и безотвѣтная, равнодушно бѣжитъ она по дорогѣ отъ станціи до станціи, не заглядываясь по сторонамъ, не отвѣчая веселымъ ржаніемъ на призывный голосъ на волѣ пасущейся лошади; и нѣтъ кажется того кнута въ мірѣ, котораго бы испугались ея одеревенѣлые, ко всякому кнуту привычные бока.

А это, должно быть, Ивановское показалось въ правой сторонѣ отъ шоссе съ бѣлой старинной церковью, дальше кирпичные корпуса новой конструкціи какой-то фабрики, правѣе еще строеніе съ длинною трубою, тоже должно быть фабрика.

— Это, что ли, Ивановское-то? спрашиваю я ямщика.

— Оно самое.

— А чья это фабрика?

— Заводы-то?—Мазурина купца.

— Бумажные что ли?

— Бумажные.

— Много народу работаетъ на этой фабрикѣ?

— Много. Слѣзай! тутъ пѣшкомъ дойдешь.

И дѣйствительно, до села было ужъ не далеко, но до того мѣста, гдѣ виднѣлась церковь, добрался я не скоро. Зашелъ съ задовъ: плуталъ, плуталъ, тутъ еще собаки пристали,—кое-какъ отдѣлался, и насилу-то попалъ на главную улицу. Куда идти? всѣ ворота на запорѣ, на улицѣ ни души. Постучался въ первыя ворота, — опять собака; выскочила изъ подворотни,—ужъ она лаяла, лаяла, наконецъ-то послышался на дворѣ бабій голосъ: «кого тебѣ?»

— Пустите отдохнуть, чаю напиться.

— Да ты кто таковъ?

— Прохожій.

— Мы не пущаемъ. Ступай съ Богомъ.

А собака-то заливается.

— Гдѣ тутъ у васъ постоялые дворы?

— Чего? Цыцъ, ты, проклятая!

— Гдѣ постоялые дворы?

Какіе тутъ постоялые дворы? Нѣтъ у насъ постоялыхъ дворовъ: ступай въ трактиръ.

— А гдѣ жъ трактиръ?

Но ужъ отвѣта не воспослѣдовало. У другого двора слово въ слово то же самое: опять — кого тебѣ? и опять ступай съ Богомъ. Что за странность, однакожъ, въ 10 верстахъ отъ Москвы и такая глушь. Вотъ что значитъ—село въ сторонѣ отъ большой дороги. Ходилъ, ходилъ по селу, не видать трактира, пошелъ опять къ церкви, думаю, пойду къ священнику— добьюсь хоть какого нибудь толку. Вокругъ церкви, за оградой памятники стоятъ, на одномъ стихи: «Гробе мой, гробе, темный мой доме»! дальше нельзя разобрать. У самой церкви старый домишка и вокругъ ни кола, ни двора: надъ крыльцомъ вывѣска: *сборная изба*. Что такое? сборная изба! Ужъ не помѣщеніе ли мірской сходки въ ненастное время? Посмотримъ. Взошелъ въ сѣни,—никого, отворилъ дверь,—кухня, тоже никого нѣтъ; началъ кашлять, и въ другой комнатѣ кто-то кашляетъ. Хозяинъ! кто тутъ хозяинъ? выдьте кто нибудь! Опять кашляютъ. Дверь настежъ въ другую комнату, я взошелъ. Голыя стѣны, лавки, столъ, но признаковъ жилья никакихъ, никакихъ вещей, никакой утвари, только въ углу на скамейкѣ лежитъ старушенка, худая, сморщенная, покрытая разными тряпками, лежитъ и кашляетъ.

— Кого тебѣ, молодецъ?

— Священника. Гдѣ мнѣ къ нему пройти?

— Кого, родимый?

— Гдѣ мнѣ священника найти? Старуха оказалась глухою.

— Вотъ тутъ за церковью-то.

— Спасибо. Ты, бабушка, одна живешь, что-ли?

— Одна, охъ, одна. Двѣ насъ было старушки-ти, да та еще весной померла; одна я теперь осталась.

— Чтожъ ты тутъ дѣлаешь?

— Что дѣлать-то? Видно ужъ и мнѣ пора пришла помирать. Не можется все. Кашель-то вотъ пуще всего, о-о-охъ, кашель одолѣлъ совсѣмъ.

— А чей это домъ? церковный что ли?

— Мірской, голубчикъ, домъ,—сборная изба называется. Хворенькихъ насъ призрѣваютъ, хворенькихъ.

— Прощай, бабушка!

— Богъ проститъ.

Пошелъ къ священнику. Передъ домомъ его въ огородѣ копалась работница.

— Дома батюшка?

— Дома. Взойдите на крылецъ,—говорила работница, вытаскивая изъ-за пояса подоткнутый подолъ сарафана, и сама пошла впередъ.

Я вошелъ за ней слѣдомъ въ кухню; она отворила дверь въ сосѣднюю комнату и шепнула туда чтò-то. Сначала выглянула изъ двери полная женщина въ ситцевомъ капотѣ, а ужъ потомъ вышла въ кухню; оглядѣла меня очень подозрительно и спросила: кого вамъ?

— Батюшку мнѣ нужно видѣть.

— Зачѣмъ вамъ его?

– Да мнѣ бы хотѣлось съ нимъ переговорить объ одномъ дѣлѣ.

— Батюшка легъ было отдохнуть послѣ обѣда.

— Ну, такъ я въ другой разъ зайду.

— А то постойте: я разбужу, сказала она и ушла.—Въ другой комнатѣ послышалась возня, сонный голосъ говорилъ: кто тамъ еще? Заскрипѣла кровать и черезъ нѣсколько минутъ пожилой священникъ, съ заспаннымъ лицомъ, выглянулъ изъ двери, откашлялся, опять притворилъ дверь, посмотрѣлъ на меня въ щелку и наконецъ вышелъ изъ спальни, уставивъ на меня удивленные, почти испуганные глаза.

— Чтò вамъ угодно?

Я объяснилъ ему цѣль моего посѣщенія; сказалъ, что надѣюсь получить отъ него какія нибудь свѣдѣнія объ Ивановскихъ фабрикахъ, а главное, прошу его указать мнѣ на лица, которыя могли бы мнѣ сообщить разныя подробности о бытѣ рабочихъ, такъ какъ этихъ вещей нельзя узнать отъ самихъ фабрикантовъ, а можно вывѣдать только стороной.

Я думаю, что священника разбудили слишкомъ поспѣшно, или, можетъ быть, онъ былъ пораженъ моимъ странническимъ видомъ и новизною моихъ требованій, которыя дѣйствительно какъ-то плохо шли къ костюму, который былъ на мнѣ въ то время, потому что двѣ-три минуты священникъ ничего не отвѣчалъ, вѣроятно соображая мои слова, сказанныя скороговоркой. Я стоялъ передъ нимъ во всей аммуниціи и пристально смотрѣлъ ему въ лицо; онъ смотрѣлъ на меня и нерѣшительно моргалъ глазами, потомъ вдругъ спросилъ:

— Какъ вы говорите?

Я опять повторилъ и прибавилъ еще, что такъ-какъ я здѣсь въ первый разъ и никого не знаю, то счелъ за лучшее обратиться къ нему, какъ къ лицу, знакомому вѣроятно съ бытомъ своихъ прихожанъ, въ надеждѣ, что онъ мнѣ укажетъ по крайней мѣрѣ легчайшій путь къ развѣдыванію. Попадья, прислонившись къ двери спиною, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за моими движеніями и безпокойно поглядывала на священника; желтый котъ терся у моихъ ногъ, работница изрѣдка потягивала носомъ; мы всѣ молчали. Священникъ соображалъ.

— Ужъ я право не знаю; вотъ нешто къ Мазурину понавѣдаться бы имъ? сказалъ онъ, наконецъ, обращаясь къ попадьѣ.

— Что-жъ, пущай сходятъ къ Мазурину.

— Кто тутъ у насъ еще-то фабриками занимается?

— Кузнецовъ занимается, шелковыя матеріи работаетъ, — подсказала попадья.

— Да вотъ, Кузнецовъ тоже. А всего лучше къ Мазурину обратиться, у него заведеніе большое. Именно, именно къ Мазурину.

— Благодарю васъ, батюшка, извините, что обезпокоилъ.

— Ничего, ничего; прощайте! Проводи,—сказалъ онъ работницѣ, и она бросилась къ двери.

Что тутъ дѣлать? куда идти? а между тѣмъ ужъ и примеркать начинаетъ. Попробовалъ еще поискать трактиръ, и наконецъ нашелъ его въ концѣ села. Стоитъ на юру изба, тоже въ родѣ сборной и съ вывѣской. Въ передней комнатѣ встрѣтилъ меня рыжій и косой малый лѣтъ 20-ти, въ ситцевой рубашкѣ, сейчасъ же кинулся за прилавокъ, и ужъ оттуда привѣтствовалъ меня и спросилъ, что̀ мнѣ угодно. Я потребовалъ чаю и закусить чего-нибудь. Съѣстного оказалось только одна ветчина. Подали ветчину жесткую, какъ дерево, съ крѣпкимъ запахомъ только что вымазаннаго колеса. Ну, дѣлать нечего,—надо же что̀-нибудь ѣсть.

Въ трактирѣ, т. е. въ просторной и свѣтлой избѣ, оклеенной обоями, стояло нѣсколько красноватыхъ столовъ съ синеватыми скатертями и на стѣнѣ висѣли два портрета. Посѣтителей не было никого. Рыжій малый, онъ же и буфетчикъ, и поваръ, и половой въ то же время, до моего прихода, какъ видно, скучавшій въ одиночествѣ, — вдругъ расходился; заткнулъ себѣ за поясъ салфетку и перекинувъ конецъ ея черезъ плечо, забѣгалъ, замахалъ руками и сразу высказалъ въ своихъ манерахъ изумительный ярославскій шикъ, всегда и обличающій полового, получившаго воспитаніе въ одномъ изъ московскихъ трактировъ. Невѣроятная быстрота движеній, танцующіе плечи и локти, поминутное встряхиваніе кудрями и совершенно излишняя услужливость,—все это сейчасъ же явилось, какъ только я успѣлъ сѣсть за столъ.

Пока я пилъ чай, пришли еще три *гостя:* двое (московскіе мѣщане, скупающіе прядево по деревнямъ) спросили себѣ чаю, потомъ огурцовъ и кончили водкой; а третій — фабричный, тутошній, ивановскій крестьянинъ, зашелъ *такъ посидѣть.* Мѣщане скоро напились и ушли, а фабричный остался трубочки покурить. Половой сдѣлалъ свое дѣло, мгновенно преобразился изъ полового въ очень обыкновеннаго разноглазаго мѣщанина, какимъ онъ былъ, вѣроятно, и прежде; усѣлся себѣ преспокойно за столъ, противъ фабричнаго, подперся локтями и пошла у нихъ пріятельская бесѣда. Фабричный сидѣлъ на стулѣ, покачивая ногою, и, покуривая изъ длиннаго чубука мусатовъ, сплевывалъ на сторону. Разговоръ шелъ въ такомъ родѣ:

— Что̀ тебѣ дома не сидится? спрашивалъ половой.

— Да что дома-то дѣлать? Не видалъ я дома? Скоро и вовсе уйду: ищи меня тогда.

— А нешто лучше слоны-то продавать?

— Станешь продавать, какъ купить не на что̀. Хозяйка хвораетъ, дровъ даже ни одного полѣна, какъ есть. Не у чего дома-то сидѣть.

— Да вамъ поди чай скоро дрова выдавать станутъ?

— Дожидайся, когда выдадутъ. Чудакъ ты, посмотрю я на тебя. Выдача у насъ великимъ постомъ бываетъ, а до тѣхъ-то поръ чѣмъ ты станешь топить? Тебѣ хорошо: ты взялъ, да купилъ, а у насъ деньги-ти гдѣ они? Я вонъ лошадь тоже по веснѣ купилъ, какъ путный — 20 цѣлковенькихъ далъ, а къ Успленьеву дню, глядь, и продалъ за четыре рубли на травлю для собакъ. Вотъ, ты говоришь, дрова. Ну, хорошо. Теперь хошь бы великимъ постомъ выдадутъ сажень, что̀ жъ я долженъ съ ней дѣлать? На кой она мнѣ лядъ, прости Господи! А полтинникъ все-таки за нее внеси.

— Это точно,—равнодушно замѣтилъ половой, — а все къ кому ни на есть на фабрику сходить бы навѣдаться.

— Ходилъ, да не берутъ. Намъ, говорятъ, съ своимъ народомъ дѣваться некуда. Вотъ ты и думай!...

— Такъ-то, оно, такъ.

— То-то вотъ и есть! завершилъ фабричный, значительно кивнувъ головой какъ-то въ бокъ.—Вотъ еще трубочкой разокъ затянуться, да пойти сходить къ Иванъ Иванычу: можетъ что и скажетъ.

— Что жъ, сходи... Чай прикажете убрать?

— Убирай. Да нужно бы мнѣ къ Кузнецову на фабрику, говорилъ я. Кто бы меня проводилъ?

— А вотъ, онъ проводитъ,—сказалъ половой, указывая на фабричнаго.—Рожокъ! Дойди съ ними къ Кузнецову, — тебѣ все одно.

— Пойдемте, равнодушно сказалъ тотъ, надѣвая шапку.

Я оставилъ въ трактирѣ мои дорожные доспѣхи, и мы пошли. Фабрика Кузнецова тутъ же—въ селѣ, помѣщается въ двухъ деревянныхъ одноэтажныхъ корпусахъ старинной постройки; въ нихъ же помѣщеніе и для рабочихъ; хозяйское семейство живетъ отдѣльно въ одномъ изъ тѣхъ прочныхъ, но безобразныхъ на видъ купеческихъ домовъ, какіе строятся обыкновенно въ имѣніяхъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ на арендной или собственной землѣ. Дома эти до сихъ поръ еще носятъ на себѣ ясный отпечатокъ своего первообраза, простой русской избы, и отличаются отъ нея только величиной, да множествомъ разныхъ клѣтушекъ, сѣней и свѣтелокъ, настроенныхъ безъ всякой системы, по мѣрѣ возникавшей надобности. Въ такихъ домахъ, не смотря даже на нѣкоторую роскошь и претензіи, виденъ совершенный недостатокъ пониманія истинныхъ удобствъ: низкія двери, входя въ которыя необходимо нагибаться; балконы, на которыхъ ни стать, ни сѣсть, широкія, неуклюжія печи съ лежанками, занимающія иногда цѣлую треть помѣщенія; низкій потолокъ, маленькія окна безъ двойныхъ рамъ, и тутъ же изукрашенные вычурной рѣзьбою наличники на окнахъ, коньки и горшки съ цвѣтами, намалеванныя по стѣнамъ суздальскія литографіи и передній уголъ, полный Божьяго милосердія. Мой провожатый сбѣгалъ предупредить хозяина о желаніи видѣться съ нимъ и повелъ меня черезъ заднія ворота. На дворѣ было почти темно, потому что тесовая крыша отъ самаго забора, съ трехъ сторонъ, круто поднималась кверху, и, соединенная вверху однимъ общимъ конькомъ, закрывала весь дворъ, такъ что и въ дождливую погоду тамъ было сухо. По угламъ виднѣлись телѣги, ящики и колоды для корма лошадямъ; хлѣвы и амбары были устроены тутъ же подъ навѣсомъ; злая собака скакала на цѣпи у воротъ. Благодаря услужливости моего проводника, въ домѣ сейчасъ же сдѣлалась тревога: работники побѣжали искать хозяина, а хозяинъ не шелъ. На крыльцѣ показалась какая-то старуха и, не пуская меня въ домъ, спросила:

— Тебѣ кого, голубчикъ, нужно?

Я говорю, что хозяина фабрики.

— На что тебѣ его?

Я сказалъ: она ушла. Черезъ нѣсколько минутъ вышла еще женщина,—помоложе и стала кричать на работника, задававшаго лошадямъ корму, зачѣмъ онъ не запираетъ воротъ, а сама все косится на меня, да такъ-то подозрительно.... Она видно за этимъ и выходила. Немного погодя опять вышла старуха и начала меня допрашивать; я успокоилъ ее, какъ только могъ, и былъ наконецъ допущенъ въ контору, а Рожка повели къ хозяину. Контора—крошечная комнатка съ однимъ окномъ, сверху до низу заваленная мотками шелка, бердами, шпульками и прочими фабричными вещами. У окна столъ и рядомъ огромный сундукъ, на столѣ тоже мотки и работническія книжки. Пришелъ хозяинъ, полный мужчина лѣтъ 35-ти, добродушный на видъ, въ ситцевой рубашкѣ; кланяется, остановился у стола, молчитъ, и, какъ видно, все еще не понимаетъ, зачѣмъ я пришелъ.

Я объяснилъ ему цѣль моего посѣщенія.

— Такъ-съ.

— Вы мнѣ позволите посмотрѣть вашу фабрику?

— Это зачѣмъ же-съ?

— А за тѣмъ, чтобы видѣть, какъ она устроена.

— Понимаю-съ Это, должно полагать, на счетъ статистики?

— Нѣтъ, не на счетъ статистики, а такъ, просто взглянуть машины, работу....

— Такъ-съ. Вы стало быть отъ становаго?

— Нѣтъ, я самъ по себѣ.

— Такъ-съ.

— У васъ фабрика на сколько становъ?

— На тридцать становъ.

— Давно существуетъ ваша фабрика?

— Лѣтъ пятьдесятъ будетъ.

Видя, что онъ не приглашаетъ меня садиться и въ надеждѣ какъ нибудь завязать разговоръ, я самъ сѣлъ на на сундукъ и вынулъ изъ кармана записную книжку: хозяинъ началъ вздыхать. Вошла жена его. Сѣла противъ меня на кипу шелка и начала дѣлать мужу глазами какіе-то знаки. Я опять принялся спрашивать.

— Скажите, пожалуйста, какъ великъ былъ капиталъ, положенный на фабрику?

Хозяинъ молчалъ и въ недоумѣніи смотрѣлъ на меня; жена стала отвѣчать за него.

— Намъ это неизвѣстно, заговорила она,—фабрику заводили давно, еще покойникъ родитель заводилъ; они намъ про это не сказывали.

— Ну, покрайней мѣрѣ, годовой оборотъ долженъ же быть извѣстенъ?

— Мы тоже этихъ счетовъ не знаемъ; кто его считалъ? Что заработаемъ, то и проживаемъ опять. Какіе ужъ тутъ обороты? По нонѣшнему времени, дай Богъ, только бы концы съ концами свести.

— Вѣдь у васъ вѣрно заведены книги?

— Книгами братецъ занимаются, продолжала она, да они теперь въ Москвѣ. А вамъ это на чтò?

— Мнѣ бы хотѣлось знать—какія выгоды можетъ приносить шелково-ткацкое заведеніе недалеко отъ Москвы, и почемъ вамъ самимъ обходится производство?

Она установила на меня свои лукавые, хотя и заплывшіе жиромъ глаза, и, помолчавъ немного, отвѣчала:

— Какіе нынче барыши? Нынче ужъ не то, что въ прежніе года. Съ нашимъ товаромъ безъ хлѣба насидишься. Наша заведенія самое пустое дѣло, какъ есть ни чего не стоитъ; и то сказать, народишка дрянной, никакъ съ нимъ не сообразишь, на работу и смотрѣть не хочется, такъ съ пятаго на десятое ковыряютъ.

Хозяинъ поглядывалъ то на меня, то на жену; по лицу его видно было, что онъ началъ тосковать; я сталъ догадываться, что меня хотятъ сбыть, и желая хоть что-нибудь выведать, принялся спрашивать о чемъ ни попало.

— Какія у васъ матеріи работаются?

— Всякія работаемъ, гладкія работаемъ и клѣтчатыя, кому какія требуются, отвѣчала хозяйка.

— А мастерамъ платите помѣсячно, или сдѣльно?...

— Съ дѣла.

— Почемъ платите мастерамъ?

— Какъ придется, отвѣчала она. За гладкую по 12 копѣекъ ассигнаціями съ аршина, а за клѣтчатую по двадцати по двѣ, замѣтилъ мужъ. Жена сейчасъ же перебила его:

— А по нынѣшнимъ цѣнамъ и этого не выручишь: только бы самимъ съ дѣтьми прокормиться. Все въ убытокъ работаешь, хоть совсѣмъ распущай народъ, да закрывай фабрику.

— Зачѣмъ же вы ее держите, если работа въ убытокъ?

— Да ужъ такъ; потому наша заведенія старинная; съ испоконъ вѣку еще родителемъ заведена: попривыкли будто къ этому дѣлу, такъ и не хочется оставлять совсѣмъ. А тоже корысти не Богъ знаетъ сколько: шелкъ вонъ въ прежніе годы 260 рублей покупали, а нынче добрые люди говорятъ, въ Москвѣ дай не дай 600 цѣлковыхъ за пудъ. Такъ ужъ тутъ около его не больно разживешься.... Такъ-то-съ, завершила она, пристально, почти насмѣшливо смотря мнѣ въ глаза; и мнѣ показалось даже, что послѣдняя фраза была сказана на мой счетъ, а у меня по этому случаю вдругъ явилось благое желаніе покраснѣть, да такъ покраснѣть, что когда я, взявъ шапку и простившись съ хозяевами, вышелъ на дворъ, то Рожокъ, дождавшійся меня у воротъ, посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и спросилъ:

— Жарко, должно быть, въ конторѣ-то?

— Да, братъ, жарко... отвѣтилъ я ему, вздохнувъ посвободнѣе и еще чувствовалъ, какъ у меня горѣли уши.

— Топятъ безъ ума, извѣстно... Да что имъ дровъ-то жалѣть: дрова у нихъ вольные, разсуждалъ Рожокъ, задѣтый за живое избыткомъ топлива на фабрикѣ.

Дебютъ не дуренъ! думалъ я, перебирая въ памяти все, что было говорено въ конторѣ. Меня приняли за кого-то другого,—это ясно. Впрочемъ не нужно отчаяваться. Это первый урокъ, на будущее время, по крайней мѣрѣ, буду знать,—какъ себя вести.

— Куда жъ теперь? спросилъ меня Рожокъ, когда мы вышли на главную улицу и очутились противъ трактира.

— Ужъ и не знаю, братъ; веди куда нибудь еще на фабрику.

— Нешто къ Мазурину сходить, еще дойдемъ; тутъ одна дорога.

— Ну, и прекрасно. Пойдемъ къ Мазурину. Да тебѣ, можетъ быть, некогда, такъ я попрошу другого кого нибудь проводить меня.

— Кому некогда? Мнѣ-то что ль?

— Ну да.

— Да что мнѣ дѣлать-то? Я домой теперь до самаго утра не пойду: все одно въ трактирѣ бы просидѣлъ; а мнѣ съ вами-то еще охотнѣе.

— Ну такъ пойдемъ.

Мы взяли опять задами и пошли какими-то канавами прямо въ ту сторону, гдѣ виднѣлась фабрика. Она вся была на виду, обсаженная молодыми деревьями, съ своимъ новымъ, кирпичнымъ строеніемъ, ярко освѣщенными окнами и гигантскою трубою; а такъ какъ уже почти совсѣмъ стемнѣло, то казалось, будто она очень близко. Дорóгой Рожокъ разсказалъ мнѣ, что хлѣба у него другой мѣсяцъ уже нѣтъ (а это было 4-го ноября), на фабрику ходилъ, просился,—не берутъ, не нужно, а дѣлать онъ больше ничего не умѣетъ, и узнавъ, что я изъ Москвы, обратился ко мнѣ съ просьбою пріискать ему мѣсто въ дворники. Я спросилъ, сколько земли приходится у него на тягло—онъ сказалъ, что не знаетъ, но, что самъ-третей, онъ получаетъ земли на посѣвъ четырехъ мѣръ ржи, двухъ мѣръ овса, двухъ мѣръ гречи и двухъ картофеля, что если бы не работа на фабрикахъ, то и жить бы не возможно; а теперь бумаго-прядильныя и бумаго-ткацкія фабрики большею частію распускаютъ половину народа, другія же и совсѣмъ закрываются, и для рабочихъ, привычныхъ только къ этой работѣ, наступаетъ тяжелое время.

— Вонъ дѣвкамъ все еще ничего, онѣ у насъ кушаки плетутъ на московскихъ хозяевъ, по двѣ копѣйки за штуку берутъ; а что бабѣ теперь, да съ ребятишками, да хворой-то еще,—вонъ какъ моя же,—и—и, то есть, кажется, и не приведи ты Господи! говорилъ Рожокъ, перепрыгивая то и дѣло черезъ канаву, какъ видно, для собственнаго удовольствія.

— Ну, скажи мнѣ, пожалуйста, отчего же другіе-то у васъ живутъ хорошо? Вотъ, вѣдь я видѣлъ, проходя по селу: дома все какіе славные.

— Дома!... что̀ дома? домъ-то и у меня славный, да что̀ въ немъ? Выстроили тебѣ избу, ну и живи, и земли тоже дали полоску съ заячій хвостъ, а ѣсть-пить нечего. А что другіе-то живутъ хорошо, такъ это точно, что есть у насъ мужики,—настоящіе хозяева, только—главная вещь—капиталъ имѣютъ у себя, торговлей занимаются, потому и дома у нихъ въ порядкѣ. А тутъ вотъ придетъ сейчасъ кулевинка *), то и надо взять малость полѣвѣе,—въ потьмахъ бы не наткнуться, оборони Богъ, ногу шутя испортите.

Чѣмъ ближе подходили мы къ фабрикѣ, тѣмъ слышнѣе и явственнѣе становился глухой шумъ, производимый машинами, и тѣмъ рѣзче выступали ярко-освѣщенныя окна. Мы всту-

---

*) Колеинка, колея.

пили въ аллею, идущую на шоссе; вправо чернѣлась роща; вокругъ было тихо, темно и безлюдно, только отъ фабрики несся несмолкаемый, однообразный гулъ, подобный гулу водопада; вся сверкающая, огромная, стояла она передъ нами, какъ-то странно и ново поражая своимъ вѣчнымъ громомъ и движеніемъ среди этой темноты и безмолвія. Немного не доходя до фабрики, мы миновали каменный двухъ-этажный домъ, выстроенный въ сторонѣ отъ дороги, обсаженный кустарниками и деревьями. Рожокъ объяснилъ мнѣ, что здѣсь живетъ англичанинъ управляющій, но что онъ долженъ быть теперь на фабрикѣ.

Мы взошли на дворъ, а оттуда въ контору. Рожокъ остался въ сѣняхъ. Въ конторѣ, освѣщенной газомъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ за письмомъ. Главный конторщикъ очень любезно освѣдомился, зачѣмъ я пришелъ, и сказалъ, что такъ какъ управляющій въ Москвѣ, то и фабрику безъ него показать мнѣ не смѣютъ, а что онъ, въ качествѣ конторщика, свѣдѣній никакихъ мнѣ тоже сообщить не можетъ, впрочемъ, все это очень вѣжливо и съ совершенно яснымъ пониманіемъ того, что мнѣ нужно было узнать.

Послѣ пріема у Кузнецова и послѣ того неразъяснимаго недоразумѣнія, которое на меня такъ дурно подѣйствовало на первыхъ порахъ,—даже и самый отказъ, но толковый, разумный отказъ, показался мнѣ тутъ, Богъ знаетъ, какой благодатью. Впрочемъ я не тужилъ: мнѣ видѣлась впереди еще Клязьма, множество фабрикъ, заводовъ, новыхъ лицъ, новыхъ столкновеній; я отыскалъ Рожка, успѣвшаго уже разговориться съ какимъ-то солдатомъ, и мы пошли было домой,—вдругъ бѣжитъ за нами посланный изъ конторы.

— Что такое?

— Чай пожалуйте кушать!

Я было хотѣлъ отказаться, да вспомнилъ, что можно будетъ, по крайней мѣрѣ, поговорить, душу отвести, да и неудачи этого дня такъ утомили меня, что я даже обрадовался этому случаю,—отдохнуть за самоваромъ. Пришли въ приказчицкую комнату. Рожокъ опять остался въ сѣняхъ. Становилось уже холодно, но какъ я ни звалъ его въ переднюю,—онъ не пошелъ, а усѣлся на лѣстницѣ. Въ приказчицкой на столѣ уже кипѣлъ огромнѣйшій самоваръ и человѣкъ пять конторщиковъ сидѣло вокругъ него. Разговоръ пошелъ медленный, съ длинными промежутками, осторожными отвѣтами и усиленнымъ подчиваніемъ. Конторщики, большею частію молодые люди въ нѣмецкомъ платьѣ, за исключеніемъ главнаго,—сидѣли чинно, разговаривали между собою вполголоса и заимствовались другъ у друга папиросами. Главный старался занимать меня и угощать большими кусками сахара. Степенный видъ, борода съ просѣдью, русское платье и дѣльный хотя и сдержанный разговоръ придавали ему что̀-то почтенное, внушающее. Говоря о фабричныхъ дѣлахъ, онъ отзывался больше общими мѣстами, или говорилъ о бумажной промышленности вообще, объ упадкѣ ея въ послѣднее время у насъ, о преимуществахъ англійскаго производства передъ нашимъ, о новыхъ машинахъ. Въ этихъ разсужденіяхъ высказалось много знанія дѣла, большая смѣтливость, высказалась наконецъ замѣчательная способность человѣка безъ образованія судить очень вѣрно о предметахъ, повидимому, для него недоступныхъ и легко примѣняться къ новому направленію, которому онъ сочувствовать не можетъ. Касательно же Мазуринской фабрики, положительныхъ свѣдѣній на этотъ разъ не пріобрѣлъ я никакихъ, кромѣ совѣта обратиться за ними къ самому владѣльцу, въ Москвѣ. И за то спасибо, что обошлись по человѣчески, по крайней мѣрѣ. Но и тутъ опять прорвалось недовѣріе, хотя уже не оскорбительное, болѣе цивилизованное, но все-таки тяжело дѣйствующее на свѣжаго человѣка.

Поблагодаривъ конторщиковъ за угощеніе, пошелъ я отыскивать Рожка и чуть было не наткнулся на него въ потьмахъ: сидя на лѣстницѣ, онъ задремалъ.

— Что жъ ты не пошелъ въ приказчицкую? вѣдь здѣсь холодно.

— Не пойду я туда.

— Отчего же?

— Потому, намъ ходить туда не принадлежитъ.

Пошли мы съ нимъ опять въ Ивановское. Дорогой онъ пѣлъ про себя какую-то пѣсню; я сталъ прислушиваться.

— «Вотъ мы день-атъ работаемъ,
Ночь на улицѣ гуляемъ,
По трактирамъ, кабакамъ,
По питейныимъ домамъ.

— Какую ты пѣсню поешь? фабричную что-ль?

— Фабричную.

— Ну, а лучше этой пѣсни не знаешь?

— Какъ не знать!

— Фабричной какой не знаешь ли?

— Вотъ фабричная: эта ужъ самая выходитъ коренная.

— Какая же это?

«А *вы заводушки-то мои*,
Заводы, значитъ, *фабричные*...

— Ну, а дальше-то какъ?

— Дальше все тоже:

Вы фабричные мои...

— Ну!...

— А тутъ, извѣстно ужъ: *Самы горемычные*.

— А потомъ?

— Потомъ: кто его заводилъ, заводъ-атъ.

— Какъ поется-то, ты скажи?

— Поется?

«*А ужъ и кто жъ этотъ заводикъ заводилъ*?
«*Завела этотъ заводъ*
«*Красна дѣвушка*...

— Красна дѣвушка?

— Ну, да. *Красна дѣвица душа*.

— Какъ же надо пѣть? Красна дѣвушка? или красна дѣвица душа?

— Все одно:

«*Красна дѣвушка*,
«*Палагеюшка*».

— А чтò я васъ хочу спросить?

— Чтò жъ такое?

— Не смѣю только я спросить-то.

— Полно. Чего тутъ не смѣть? Спрашивай!

— Конечно, теперь какъ я вижу, что въ васъ этой гордости нѣтъ и нашимъ братомъ вы не брезгуете, только это я такъ, про себя, значитъ, смекаю, что вы, должно, какого ни на есть высокаго лица.

— Какъ высокаго лица?

— Я еще, признаться, въ трактирѣ запримѣтилъ, что вы должно не простого званія будете, да вотъ и по фабрикамъ-то мы ходимъ,—тоже не всякому уваженіе такое окажутъ.

— Какое тутъ уваженіе? Меня вотъ у Кузнецовыхъ такъ чуть не за жулика сочли. Я пришелъ фабрику посмотрѣть, а они думали, что я хочу отъ нихъ поживиться чѣмъ-нибудь.

— Это, конечно, такъ; впрочемъ все вѣдь это больше отъ дурости нашей бываетъ; потому какъ мы къ этому дѣлу не привычны, такъ оно все и думается,—не шпіонъ ли молъ какой, не подослалъ ли кто?

— Чего же бояться, коли дѣла свои ведешь честно.

— Да оно точно, что бояться тутъ нечего, а все будто боязно. Хоть ты теперь и на чести живешь, а ужъ *онъ* коли захочетъ найдти у тебя фальшь какую ни на есть, такъ ужъ найдетъ. Нѣтъ, братъ, у него не отвертишься. Ты ни сномъ, ни духомъ не чаялъ себѣ бѣды, а она тутъ и была. Вотъ потому больше и опаску имѣютъ. А на счетъ удѣльныхъ крестьянъ приказу вамъ никакого нѣтъ?

— Мнѣ никакихъ приказовъ не давали; я самъ по себѣ.

— Такъ-съ. А вѣдь тоже много бы добра можно и нашему брату оказать.

А ночь между тѣмъ уже наступила, темная, осенья ночь; въ Ивановскомъ показались огни. Подходя къ селу, я сообразилъ, что ночевать здѣсь рѣшительно не зачѣмъ, тѣмъ больше, что ночевать-то придется въ трактирѣ, а тамъ негдѣ и лечь, да и рано же было; всего семь часовъ, а потому я счелъ за лучшее сейчасъ же ѣхать на фабрику Волкова. Я надѣялся, что въ этотъ вечеръ еще успѣю сдѣлать что̀-нибудь, къ тому же и ѣхать не далеко, всего верстъ семь-восемь. Я сказалъ объ этомъ Рожку, онъ взялся найдти мнѣ подводу и ушелъ на село, а я въ трактиръ. Началъ я перебирать въ памяти всѣ приключенiя этого дня, и стало мнѣ ужасно совѣстно, что я поступилъ такъ безтактно, ничего не узнавъ, ничего не съумѣлъ сдѣлать. И тутъ, какъ нарочно, начали приходить мнѣ въ голову какiе-то разсказы о томъ, какъ вывѣдываются самыя секретныя вещи, какъ ловко можно заставить человѣка проговориться именно въ то время, когда онъ и не думаетъ о томъ, что проговаривается. Тяжело мнѣ стало, досадно, какъ всегда бываетъ, когда возмешься за дѣло и видишь, что оно изъ рукъ валится. У меня планъ былъ въ то время, систематическiй планъ, строго обдуманная программа, и обиднѣе всего было то, что на первыхъ же порахъ программа эта получила такой жестокiй афронтъ, и планъ мой въ пухъ разлетѣлся при первой же встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Но, дѣлать нечего, теперь этого не поправишь; въ Ивановскомъ оставаться не хотѣлось.

Въ трактирѣ горѣла лампа на стѣнѣ, половой нагрѣлъ кубъ, въ ожиданiи вечернихъ гостей; я собралъ свои вещи, приходитъ Рожокъ: ну что̀?

— Нѣту подводы; избѣгалъ все село,—хоть ты что̀ хочешь—не везутъ, ишь они очень ужъ богаты: говорятъ, поздно, а ѣхать нужно проселкомъ, оборони Богъ, не долго и до грѣха. Не изъ чего ѣхать, говорятъ, корысть-то не велика. А много давать имъ не за что: тутъ всего семь верстъ,— что ихъ баловать!

— Что жъ я буду дѣлать?

— Нешто, вотъ еще сходить къ свату, у него лошаденка, я знаю, есть, да, гляди, не вернулся еще изъ лѣсу.

— Сдѣлай милость, похлопочи.

Черезъ четверть часа возвращается Рожокъ, запыхавшійся, весь въ поту:

— Готова!

— Ну, слава Богу!

Онъ срядилъ мнѣ подводу за полтинникъ, уложилъ на телѣгу мои вещи, сбѣгалъ куда-то, принесъ охабку соломы и рогожку, устроилъ мнѣ сидѣнье, нѣсколько разъ вспрыгивалъ на телѣгу, прихлопывалъ и обминалъ солому, чтобы ловчѣе было сидѣть; половой стоялъ съ фонаремъ и свѣтилъ; сватъ Рожка, дряблый мужиченко, въ старомъ зипунѣ, тоже хлопоталъ и отъ избытка усердія притащилъ еще страшную охабку соломы и положилъ ее мнѣ въ ноги.

— Зачѣмъ? Не нужно, не нужно.

— Ничего. У насъ солома не купленная.

— Да вѣдь мнѣ такъ хуже сидѣть?

— Ногамъ тепле будетъ: ишь ты сиверка какая.

Когда я совсѣмъ усѣлся и Рожковъ сватъ покрылъ мнѣ ноги своимъ дырявымъ армякомъ, Рожокъ подошелъ къ телѣгѣ и протянулъ мнѣ руку.

— Ну, съ Богомъ! Дай Богъ счастливо. Я было далъ ему за хлопоты, но онъ не хотѣлъ брать денегъ и ужъ только послѣ усиленной просьбы моей взялъ женѣ на лекарство; снялъ шапку и сказалъ: «*чувствительно вамъ благодаренъ*».

Въ Горенки пріѣхали мы часу въ 9-омъ и остановились у воротъ фабрики Волкова. Ворота заперты; постучались,— вышелъ сторожъ,—отставной солдатъ, осмотрѣлъ съ головы до ногъ...

— Кого надо?

— Управляющаго.

— За какимъ дѣломъ?

— Нужно; пусти, пожалуйста.

— Что за нужда—ночью?!

— Стало быть есть нужда, коли пріѣхали.

— Ночью не велѣно пущать. Завтра приходи.

— Теперь нужно. Доложи управляющему.

Солдатъ заворчалъ чтò-то, ушелъ на дворъ и заперъ ворота. Ждали, ждали мы, нейдетъ сторожъ, да и все тутъ. Опять принялись стучать.

— Кто тамъ?

— Да все мы же! отвори ворота!

— Экой народъ несговорчивый, право! Сказано, приходи завтра.

— Пусти, пожалуста, я тебѣ на чай дамъ.

Завозился сторожъ, заворчалъ, наконецъ отперъ калитку, высунулся оттуда, а за нимъ еще человѣкъ пять стоятъ и совѣщаются въ полголоса: пустить, аль нѣтъ? И чтò за люди, ночью шатаются?

Прошу я ихъ сходить къ управляющему, доложить.

— Вотъ, видишь ты, милый человѣкъ, заговорилъ одинъ изъ нихъ, скажу я тебѣ по душѣ, пущать-то вѣдь ночью не приказано никого.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ управляющему.

— Что-жъ сказывать? сказывать-то нечего. Ну кто ты таковъ?

— Чиновникъ.

— Хм! Чиновникъ! Чудакъ ты, погляжу я на тебя! ей Богу.

— Вамъ все равно, кто бы я ни былъ, вы только доложите, а ужъ тамъ управляющій узнаетъ. Чего вы боитесь? Не разбойникъ же я какой-нибудь? Вѣдь вы видите?

—Нешто такіе-то разбойники бываютъ? неразслыша вступился мужикъ, который меня привезъ.—Ты перекстись, любезный!

— Оно точно, что насъ шестеро, разсуждалъ про себя фабричный.

— Кто таковъ? спрашивалъ еще кто-то за воротами.

— А Богъ его знаетъ,—кто онъ таковъ? пріѣхалъ ночью, чиновникомъ, слышь, называется. Грѣха бы не было, братцы мои! И что это на нихъ сна нѣтъ: Э-эхъ! спалъ бы, да спалъ.

Однако, потолковавъ еще минутъ пять, послали къ управляющему, а пока ворота опять на запоръ. Управляющій велѣлъ впустить. Сторожъ сейчасъ же отмякъ и заговорилъ другимъ голосомъ.

— Для чего не пустить! да главная вещь, ночное дѣло: опять же дорога проѣзжая, мало ли тутъ всякаго народу шатается,—безъ опаски никакъ не возможно. А то для чего не пустить? Мы это завсегда можемъ.

Фабрика эта принадлежитъ наслѣдникамъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Волкова и находится подъ администраціей; управляетъ ею механикъ Сольтеръ. Достаточно мнѣ было сказать ему нѣсколько словъ, чтобы сейчасъ же все измѣнилось. Вещи мои были принесены въ управительскую квартиру, на столѣ сейчасъ же явился самоваръ, масло, сливки. Теплая комната, лампа, мягкая мебель, а главное нравственный отдыхъ...

— Боже мой! какъ хорошо показалось мнѣ все это, послѣ мытарствъ и неудачъ, которыя я вынесъ въ этотъ день.

Вотъ что̀ я узналъ въ тотъ же вечеръ:

Бумагопрядильная и бумаготкацкая фабрика Волкова основана въ 1830 году. На этой фабрикѣ работается такъ же и плисъ, но въ незначительномъ количествѣ. Нѣкоторыя обстоятельства, способствовавшія устройству и развитію этой фабрики, показались мнѣ стоящими того, чтобы ихъ записать.

До 1844 года, въ видахъ поощренія отечественнаго производства, ввозъ машинъ въ Россію былъ воспрещенъ, а потому фабриканты должны были довольствоваться или машинами, которыя дѣлались на русскихъ заводахъ, или выписывать изъ-заграницы механиковъ и дѣлать машины дома, что̀ обходилось, разумѣется, неимовѣрно дорого. Г. Волковъ, основатель фабрики, о которой я говорю, поступилъ именно такимъ образомъ, т. е. съ помощью механика, англичанина,—Сольтера *), завелъ у себя въ имѣніи чугунно-литейный заводъ и принялся отливать ткацкіе станы, прядильные, чесальные и прочіе аппараты. Но для этого требовались модели, нужны были машинисты, слесаря и множество другихъ ремесленниковъ. Всѣ эти затрудненія преодолѣлись, но поглотили страшныя суммы, требовали много силъ и времени. Модели получались тогда контрабандою изъ за-границы и обошлись тоже не дешево. А пока изготовлялись машины, 100 человѣкъ крѣпостныхъ людей посланы были на выучку: 50 человѣкъ въ курскую губернію, на фабрику Рахманова, и 50 къ Похвисневу. Эти люди, возвратившись къ помѣщику,—обучили еще 200 человѣкъ, и такимъ путемъ образовалась артель въ 300 человѣкъ, набранныхъ изъ разныхъ имѣній тульской, рязанской, костромской, смоленской, тверской и нижегородской губерній. Паровыя машины изготовлялись тоже въ Россіи. Первая сдѣлана была на заводѣ Шепелевыхъ, на Выксѣ, и впослѣдствіи, при увеличеніи производства, пере-

---

*) Отецъ нынѣшняго управляющаго.

дѣлана дома уже съ 20 силъ на 25. Вторая машина заказана была на Мышевскомъ заводѣ князя Бибарсова (калужской губ., тарусскаго уѣзда) и тоже увеличена домашними мастерами съ 25 силъ на 30. При самомъ началѣ было 5000 веретенъ французскихъ мюлей собственнаго издѣлія. Но, что̀ всего замѣчательнѣе, такъ это то, что всѣ доморощенныя машины работаютъ и до сихъ поръ и рѣшительно ни въ чемъ не уступаютъ заграничнымъ. Только уже въ послѣднее время, а именно въ прошломъ году, выписаны были 2 паровыя машины отъ Гика, каждая по 40 силъ высокаго давленія.

Послѣ чая отправились мы на фабрику. Домъ, гдѣ она помѣщается, былъ нѣкогда чѣмъ-то въ родѣ вельможескаго дворца, и не совсѣмъ удобенъ для фабрики, но за то есть мѣсто, гдѣ разгуляться фантазіи. Огромныя залы съ паркетными полами, биткомъ набитые прядильными аппаратами, венеціанскія окна, изъ которыхъ виденъ запущенный паркъ, и тутъ же, въ мраморныхъ стѣнахъ, шлихтовальни, запахъ деревяннаго масла и духота нестерпимая. Въ боярскихъ покояхъ трескотня и неумолкающій гулъ ткацкихъ станковъ; бамбрачницы, присучальщики, пачечники и чесальщики— замѣнили прежнихъ обитателей этихъ покоевъ. Неловко какъ-то и въ то же время отрадно, Богъ знаетъ почему, показалось мнѣ это странное сближеніе—остатковъ барства съ фабричной работою. Когда я пролѣзалъ между становъ, у меня все вертѣлось на умѣ:

Пора была, боярская пора:
Тѣснилась знать въ роскошные покои,—
Былая знать минувшаго Двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои.

И какъ-то весело было вспомнить, что уже

— .... и люди тѣ прошли,

и что

смѣнили ихъ другіе.

Ночевать я пошелъ въ Горенки, въ трактиръ. За ночлегъ, порцію ветчины и за самоваръ взяли съ меня на другое утро 1 р. 75 коп. сер.

Всю ночь ѣли меня клопы и успокоились только подъ утро, когда уже нужно было вставать. Пришелъ половой за разсчетомъ и спросилъ, не нужно ли лошадей. Наканунѣ вещи мои принесены были съ фабрики управительской прислугою, которая обращалась со мной съ подобающимъ уваженіемъ, а потому и трактирная прислуга смотрѣла на меня, какъ на *проѣзжающаго*: чашки гремѣли, половой носился какъ молнія и въ разговорахъ прибавлялъ *съ*; но когда я отказался отъ лошадей и сталъ навьючивать всѣ мои вещи на собственныя плечи,—половой пришелъ въ удивленіе, потомъ выразилъ недоумѣніе, а потомъ отставилъ одну ногу, подперся фертомъ и началъ смотрѣть на меня уже нѣсколько насмѣшливо. А когда я вышелъ на улицу, то вся трактирная челядь высыпала на крыльцо и, нисколько не стѣсняясь, проводила меня смѣшками. Неловко съ непривычки показалось: точно будто кто сзади подгоняетъ, а впрочемъ ничего; эти насмѣшки вѣдь неоскорбительны, да и утро же было такое веселое, тихое, точно въ августѣ: солнце грѣетъ, а не жарко; чистота воздуха удивительная. Свернулъ я съ шоссе вправо и вошелъ въ молодую еловую рощу: вотъ тишь-то! птицъ даже совсѣмъ почти не слышно, только верхушки слегка шумятъ. Было воскресенье,—благовѣстъ несется откуда-то, чистый, точно хрустальный; плыветъ онъ, слегка вздрагивая и будто замирая. Роща стала рѣдѣть, вправо открылся видъ на поля, уже совсѣмъ потемнѣвшія, надъ полями небо стоитъ прозрачное и синее, такое, что больно смотрѣть. Влѣво показались дома, какой-то невиданной архитектуры; стоятъ на пригоркѣ три дома въ одинъ этажъ, каменные, всѣ три одинаковые и надъ каждымъ домомъ по башнѣ; пестрыя какія-то, деревянныя башни, не то готическія, не то голубятни, еще лѣвѣе и пониже—фабрика. И дома, и фабрика, и башни принадлежатъ купчихѣ В.

— Дома хозяйка? спрашивалъ я у воротъ сторожа, расчесывавшаго себѣ гребнемъ волосы на порогѣ сторожки. Собака зарычала на меня.

— Ничего, небось, не тронетъ. Нѣту хозяйки дома,—у обѣдни, говорилъ онъ, не глядя на меня и погруженный въ чесаніе головы.

— А гдѣ пройти къ ней въ домъ?

— А вонъ ступай туда,—вонъ башни-то, башни-то.

Пришелъ я къ башнямъ: всѣ три дома стоятъ на одномъ дворѣ. Въ одной башнѣ, какъ видно, хозяйское помѣщеніе, налѣво—башня для прислуги, направо—башня для складу товара, на дворѣ—никого. Подумалъ, подумалъ, пошелъ въ лѣвую башню и спустился въ подвалъ: низкая комната, съ голыми кирпичными стѣнами, сырость, воняетъ кислятиной;

вдоль стѣны сдѣланы нары, на нарахъ сидитъ мужикъ и чинитъ рубашку.

— Кого тебѣ?

— Я хозяйку подожду здѣсь.

— Проходи дальше.

Вошелъ я въ другую комнату: тоже сырость, вонь и грязь. Большая печь, квашни съ тѣстомъ и мучные мѣшки, сваленные въ груду. У окна стоитъ солдатъ въ курткѣ, въ фартухѣ, съ трубкой въ зубахъ и разговариваетъ съ какимъ-то фабричнымъ.

— Можно мнѣ здѣсь посидѣть, пока хозяйка вернется отъ обѣдни?

— Что жъ, посидите, привѣтливо говоритъ солдатъ, засовывая палецъ въ трубку.

— Дальніе будете?

— Изъ Москвы.

— Съ Москвы?... Сами-то московскіе будете?

— Московскій.

— Такъ. А далеко-ли проходите?

— Теперь пока не далеко: до Богородска.

— Это точно, что не далеко. А *нашу*-то вамъ начтѝ?

— По фабричнымъ дѣламъ.

— По фабричнымъ. Ну, она теперь скоро пріѣдетъ. Обѣдня, небось, отошла. Присядьте, посидите.

Я присѣлъ на лавку и закурилъ папиросу. Солдатъ выколотилъ свою трубочку, засучилъ рукава и принялся за квашню.

— Ахъ, дѣла, дѣла Божьи, говорилъ онъ, вздыхая. Люди въ кабакъ, а мы за работу.

Наконецъ пріѣхала хозяйка отъ обѣдни. Солдатъ-хлѣбопекъ сходилъ въ среднюю башню и доложилъ обо мнѣ: велѣли позвать въ кухню. Въ сѣняхъ встрѣтила меня какая-то нянька съ предварительнымъ допросомъ и съ явнымъ намѣреніемъ вывѣдать меня—зачѣмъ я пожаловалъ; но я держался крѣпко и не поддался ея ухищреніямъ: нужно мнѣ хозяйку,—да и все тутъ. Пошла нянька наверхъ и черезъ нѣсколько минутъ впустила меня въ кухню, потомъ отворилась дверь, и на лѣстницѣ показалась женщина лѣтъ подъ 50.

— Чтѝ ты, голубчикъ?

Я отвѣчаю, что такъ и такъ, вотъ,—желательно было бы посмотрѣть фабрику, получить нѣкоторыя свѣдѣнія.... Хозяйка начинаетъ выражать въ лицѣ еще большее недоброжелательство, наконецъ говоритъ:

— Я никакой повѣстки отъ станового не получала, какія же тамъ еще свѣдѣнія.

Я объяснилъ, что дѣло мое вовсе не касается станового, что я обращаюсь къ фабрикантамъ, полагаясь единственно на ихъ снисхожденіе и любезность, что, наконецъ, мои желанія до такой степени ни для кого не обязательны, что я почту себя совершенно счастливымъ, если г-жѣ В. угодно будетъ хотя слегка ознакомить меня съ экономическимъ положеніемъ ея фабрики и дать самое поверхностное понятіе о ея дѣятельности. Госпожа В., выслушавъ меня, начала пожимать плечами, разводить руками, поднялась на лѣстницу еще на одну ступеньку выше и, не смотря мнѣ въ глаза, заговорила вдругъ что̀-то такое ужасное, неопредѣленное.

— Это, конечно, говорила она, мы люди торговые.... что̀ слѣдуетъ, мы вносимъ, всѣ силы-мѣры употребляемъ, чтобы оправдать себя передъ начальствомъ. Мы никогда не отказывались, на насъ никогда начальство не жаловалось.... и проч. до такой степени мало идущее къ моему дѣло, что я тоже началъ разводить руками и попытался было объяснить ей, что между мной и начальствомъ нѣтъ ничего общаго; но г-жа Вешнякова уже не слушала меня и почему-то пожелала узнать, есть ли у меня видъ, или какое-нибудь предписаніе отъ ближайшаго начальства. Я объявилъ, что видъ у меня есть и кромѣ того еще имѣется—«свидѣтельство отъ Общества Любителей Россійской Словесности для свободнаго собиранія пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и вообще всего, что̀ касается языка, нравовъ и обычаевъ русскаго народа». Но тутъ произошло удивительно странное и неожиданное обстоятельство. Г-жа В. вдругъ ни съ того, ни съ сего на меня прогнѣвалась, начала кричать, замахала руками и наговорила мнѣ такихъ вещей, что я рѣшительно сталъ въ тупикъ.

— Помилуйте, взывалъ я, растерявшись,—чѣмъ я подалъ вамъ поводъ сердиться на меня? Я просилъ у васъ только позволенія посмотрѣть фабрику: мнѣ больше ничего не нужно.

— Ты мнѣ, голубчикъ, легаріи-то эти не читай, кричала г-жа В.,—что ты дурочку-то строишь изъ меня, я и такъ не умна. Не на такую напалъ. Мы, голубчикъ, всякихъ видали. Насъ на бобахъ-то не проведешь.... и пошла, и пошла.

Я поклонился и вышелъ. На дворѣ еще слышно было, какъ г-жа В. кричала на дворника и на хлѣбопека, доложившаго обо мнѣ.

— Ну!.... думалъ я себѣ, наскоро пристегивая ранецъ, хорошъ же я былъ гусь, когда просилъ ее—хотя слегка ознакомить меня съ экономическимъ положеніемъ ея фабрики!

II.

Встрѣча въ рощѣ.—Леоново.—Постоялый дворъ.—Священникъ.—Церковь.—Фабрика Сувирова.—Контoрщики.—Фабрика Молочникова.—Англичанинъ-управляющій.

За вешняковскою фабрикою опять пошелъ ельникъ съ песчаною тропинкою въ Леоново; въ рощѣ стояла пахучая, успокоивающая прохлада.

— Изъ чего я бьюсь и переношу оскорбленія?—думалъ я, садясь на траву, въ сторонѣ отъ дороги. Легъ бы вотъ здѣсь, да и лежалъ цѣлый день. Глядѣлъ бы себѣ, какъ бѣлыя тучки плывутъ въ вышинѣ; какъ векши, распустивъ свой пушистый хвостикъ, перелетаютъ съ дерева на дерево, да прислушивался бы къ этому странному шопоту, что ходитъ украдкой здѣсь понизу. Вонъ журавли потянули къ югу и усиленно машутъ своими тяжелыми крыльями. Должно быть поздніе журавли. И люди тоже здѣсь поздніе... думалъ я, лежа подъ елью и глядя вверхъ на улетающее стадо журавлей.

— Почтенный! Нѣтъ ли огоньку? сказалъ кто-то невдалекѣ.

Я повернулъ голову въ ту сторону; но такъ какъ передъ этимъ я долго смотрѣлъ на небо, то все передъ глазами у меня вдругъ покраснѣло: не могу ничего разсмотрѣть. Вижу какія-то кровавыя пятна, вижу, что идетъ ко мнѣ красный человѣкъ, но кто такой—не разберу. Вглядываюсь: мужчина въ долгополомъ сюртукѣ, съ бородой, за спиной у него боченокъ.

— Огоньку одолжите, трубочки смерть хочется; съ самаго съ утра не курилъ.

Вырубилъ я огоньку, закурилъ онъ трубочку, сѣлъ подлѣ меня.

— Далеко отсюда до Леонова?—спросилъ я.

— До Леонова тутъ и версты не будетъ. А вы, должно полагать, не здѣшніе.

— Не здѣшній. Я московскій.

— Изъ самой изъ Москвы?

— Изъ самой. А сами-то откуда?

— Мы то что-ль? Мы у Вешняковой на фабрикѣ въ ткачахъ состоимъ, да вотъ—признаться—въ Леоново за виномъ ходилъ: ребята послали; дѣло праздничное,—извѣстно—безъ этого нельзя.

Ткачъ былъ небольшой худенькій человѣчекъ, но въ то же время очень шустрый и проворный на видъ. Ручки у него были крошечныя, точно у дѣвочки.

Глядя на его убогое тѣлосложеніе я все думалъ: какъ это онъ могъ нести на плечахъ такой боченокъ?

— Дорогá нынче водка стала? сказалъ я.

— Бѣда; хошь совсѣмъ бросай пить.

— Что-жъ? развѣ нельзя бросить?

— Намъ это никакъ невозможно. Это точно, что по деревнямъ многіе совсѣмъ оставили. Вонъ по Можайкѣ, 10 верстъ отъ Москвы, деревня есть,—другой годъ не пьютъ, и ничего, не жалуются; самовары завели, къ чаю охоту большую имѣютъ. А что̀ намъ? намъ безъ вина никакъ невозможно: наше дѣло такое. Безъ вина работать не станешь.

— Будто ужъ такъ и невозможно безъ вина работать?

— Работать, отчего не работать. Мы отъ работы не бѣгаемъ. Подъ лежачій камень, говорятъ, и вода не подтечетъ; а главная вещь,—безъ вина праздника не бываетъ. Недѣлю-то маешься, маешься около стана, спину тебѣ всю разломитъ, глаза словно вотъ застилаетъ чѣмъ, грудь примется ныть, опять сидя ноги отекутъ. Ну а праздникъ придетъ,—вышелъ на улицу: народъ гуляетъ, дѣвки пѣсни поютъ; все въ трактиръ, да въ трактиръ; думаешь, думаешь: да что̀ жъ это, братцы мои, да никакъ и мнѣ сходить? а? глядишь, и самъ пошелъ.

Говоря это, онъ сильно декламировалъ, морщилъ брови и дотрогивался до меня пальцемъ, но эта прыть и эта развязность вовсе къ нему не шли. Такъ и видно было, что въ сущности онъ долженъ быть человѣкъ очень смирный, можетъ быть даже очень мягкая, впечатлительная натура и что ухарскія замашки являлись у него не вслѣдствіе потребности, а просто изъ подражанія и привились въ продолжительное пребываніе на фабрикѣ.

— Много, я думаю, на трактиръ у васъ денегъ уходитъ?

— Извѣстно не мало, но однако мы къ этому привычны съ-измалолѣтства. Сами вы посудите: народъ мы больше все холостой, всю недѣлю работаемъ, куда же теперь въ праздникъ идти?—въ трактиръ. Ну, кто семьями живутъ, тѣ больше дома находятся, потому какъ у нихъ свое хозяйство, опять же дѣти. Да и то дома-то сидятъ, только кто постарше. А холостому что? Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. Трактирщикъ въ долгъ вѣритъ; оно точно, что дороже, за то въ полномъ удовольствіи время проводишь. А что дома сидѣть, да это по-божьи праздникъ провести въ тѣ поры никакъ невозможно. Да какъ же это дома въ праздникъ сидѣть? да это... Ахъ ты Господи! да я и вздумать-то этого не могу. Да въ одиночествѣ теперь и то въ голову придетъ, что человѣкъ жизни можетъ рѣшиться. Ужъ это я вѣрно говорю, безъ обману, какъ я сейчасъ по себѣ знаю. Тутъ ты и жисть-то свою проклянешь. Въ будни, какъ можно; въ будни все ничего: первое дѣло—народъ, второе дѣло—за работой, ну и ничего; такъ будто окоченѣешь весь, а въ праздникъ?... Тутъ оно и пойдетъ и пойдетъ. И что, молъ, я за несчастный за такой? не имѣю я себѣ ни дня, ни ночи спокою, нѣтъ-то тебѣ радости никакой, люди гуляютъ, а ты вотъ—сидишь одинъ одинешенекъ, какъ есть сирота круглая, безпривѣтная... т. е. кажется съ этой съ одной думы, такъ хоть въ омутъ, такъ въ ту же пору. Ей Богу! Ну, а вотъ какъ купишь винца, въ головѣ-то загудетъ, ну и на сердцѣ полегчѣетъ. Унывать, сказано, грѣхъ.

Онъ засмѣялся и нагнулся, чтобы заглянуть мнѣ въ лицо, желая, вѣроятно, удостовѣриться, убѣдился ли я въ томъ, что въ праздникъ дѣйствительно безъ вина обойтись никакъ не возможно.

— А вѣдь и пора. Небось ребята заждались. Чай теперь думаютъ: что, молъ, это такое—нейдетъ? Деньги не обронилъ ли молъ какъ, упаси Господи?...

— Прощайте! пора и мнѣ.

Пошелъ я по тропинкѣ: ельникъ сталъ мельчать, рѣдѣть, тропинка разбѣжалась въ разныя стороны и наконецъ совсѣмъ потерялась въ небольшомъ овражкѣ, за которымъ уже виднѣлось шоссе и большое село съ бѣлой церковью, стариннымъ барскимъ домомъ и застывшимъ прудомъ. Это Леоново. Трактиры, постоялые дворы, мелочныя лавочки съ лаптями и мятными пряниками, воза съ отпряженными лошадьми, колодцы... однимъ словомъ, село на большой дорогѣ во всей формѣ. Утро еще было, народу на улицѣ много; тарантасы, телѣги и обозы то и дѣло сновали по селу. Зашелъ я въ первый постоялый дворъ, который показался мнѣ попроще, поменьше, и засталъ хозяевъ за самоваромъ; тутъ же сидѣли двѣ молодыя бабы, трое или четверо дѣтей, да одинъ проѣзжій крестьянинъ.

— Чай да сахаръ!

— Просимъ милости чаю кушать! отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— Садись съ нами, голубчикъ! выпей чашечку, говорила старуха хозяйка.

— Не бось не пилъ еще: обѣдня только отошла. Уйди, Машутка! сказала она дѣвочкѣ.—Пусти его.

Я сѣлъ у стола, взялъ чашку...

Стали вылѣзать изъ-за стола. Проѣзжій крестьянинъ потребовалъ для своей лошади овса и вышелъ съ хозяиномъ изъ избы, а бабы начали убирать посуду. Отъ хозяйки узналъ я, что въ селѣ священникъ молодой и пошелъ къ нему. Къ величайшему удовольствію моему, священникъ дѣйствительно оказался молодымъ и въ добавокъ еще очень милымъ и очень любезнымъ священникомъ. Повелъ онъ меня посмотрѣть церковь, замѣчательную въ архитектурномъ отношеніи (въ чемъ я, правду сказать, ничего не понимаю). Въ церкви же я видѣлъ пять очень дорогихъ картинъ, купленныхъ въ Италіи строителемъ церкви, княземъ Петромъ Александровичемъ Голицинымъ.

1-я. Запрестольный образъ: *Снятіе со креста*, копія съ Рубенса, заплаченъ 5,000 р. с.

2-я. *Нерукотворенный образъ*, очень хорошей работы, неизвѣстнаго художника.

3-я. *Трехъ радостей*—Вики.

4-я. *Крещеніе Іоанна*, французской школы, Стелла; заплачена 3,000 р.

5-я. *Рождество Христово*—Торелли.

Образовъ въ церкви вообще немного; кромѣ дорогихъ, есть еще два-три огромныхъ изображенія суздальской работы, но которые, по словамъ священника, нравятся прихожанамъ гораздо больше итальянскихъ. Той же участи подвергается и бронзовое распятіе, художественной отдѣлки, потому что Спаситель изображенъ съ поднятою вверхъ головой, а не съ опущеннымъ лицомъ, какъ обыкновенно на образахъ византійской школы.

Послѣ осмотра церкви пошли мы въ садъ, разбитый во французскомъ вкусѣ позади большого стариннаго дома. Въ домѣ, говорятъ, есть коллекція картинъ и статуй, но я ихъ не видалъ, потому что домъ запертъ. Садъ съ разоренными и запущенными грунтовыми сараями, съ китайскими бесѣдками и изломанными фонтанами,—зрѣлище очень печальное по нѣкоторымъ воспоминаніямъ, пробуждаемымъ этими вещами въ душѣ русскаго туриста. Такихъ домовъ и садовъ осталось теперь немного; меркантильное направленіе не щадитъ ихъ и быстро сметаетъ одинъ за другимъ эти памятники еще недавней старины.

— Вотъ здѣсь, въ этомъ сараѣ, говорилъ священникъ, есть апельсинныя деревья, которымъ теперь ужъ подъ 50 лѣтъ; никто ихъ не покупаетъ, потому что они требуютъ огромнаго помѣщенія, кромѣ того, перевозка ихъ обошлась бы слишкомъ дорого; заниматься ими некому, да и не стоитъ, любителей же теперь такихъ нѣтъ и этакое сокровище гибнетъ въ двухъ шагахъ отъ Москвы.

Послѣ обѣда ходилъ на суконную фабрику С—ва. Пошелъ я больше для того, чтобы пройтись. Погода стояла отличная, день праздничный; фабричные гуляли по улицѣ, и толпами и въ разсыпную бродили въ рощѣ; черезъ рощу же шла и дорога на фабрики С—ва и М—ва.

— Не скажутъ, ничего не скажутъ,—думалъ я,—да еще и обругаютъ. Да и кто имъ велитъ разсказывать о своихъ дѣлахъ всякому бродягѣ. Экой вздоръ я затѣялъ! Какой же фабрикантъ въ трезвомъ видѣ пустится съ незнакомымъ человѣкомъ въ откровенность. Впрочемъ попытать счастья,—можетъ хоть что̀-нибудь, хоть нечаянно, узнаю. Вѣдь мнѣ все равно, что̀ ни узнать: съ меня не спросится.

Между деревъ, влѣво, на пригоркѣ показались дома. Подхожу я къ воротамъ.

— Дома хозяинъ?—спрашиваю сторожа.

— Дома.

— Можно его видѣть?

— Ничего—войди.

— Патріархальность, думаю себѣ; сторожъ—не будочникъ, и то хорошо, однимъ мытарствомъ меньше.

Въ передней встрѣтили меня запахъ розмарина и одутловая горничная съ красными щеками, потомъ вышелъ хозяинъ въ тепломъ пальто, человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и даже не очень разсердился за то, что я его обезпокоилъ; а такъ только для поддержанія своего достоинства подержалъ меня немножко въ передней и потомъ послалъ въ контору, при этомъ давъ почувствовать, что дѣлаетъ мнѣ большую милость. Что̀ за чепуха! А вѣдь опять и этотъ не понялъ, зачѣмъ я къ нему приходилъ. Для чего жъ онъ меня въ контору-то послалъ? Что-жъ онъ не добился отъ меня, чего мнѣ нужно?

Молодой конторщикъ, большой франтъ, привелъ меня въ контору и сбѣгалъ еще за другимъ. Пришелъ другой—постарше, угрюмый и неуклюжій; высморкался, кашлянулъ и, поклонившись мнѣ, сейчасъ сѣлъ чинить перо. Молодой сталъ рыться въ книгахъ.

— Скричать прикажете народъ, или такъ будете повѣрять по билетамъ?—спросилъ вдругъ молодой конторщикъ, подавая мнѣ кипу билетовъ.—Нынче праздничный день,—народъ гуляетъ; не скоро сберешь.

— Зачѣмъ?!... Мнѣ вашъ народъ ни на что̀ не нуженъ, да Богъ съ ними, и съ билетами. Возьмите ихъ, пожалуйста.

— Такъ я сею минутою составлю реестрикъ.

— Не нужно мнѣ и реестра. Садитесь-ка лучше,—поговоримъ.

— Слушаю-съ.

Лицо его приняло до такой степени удивленное выраженіе, что я чуть не засмѣялся. Онъ нерѣшительно сѣлъ противъ меня и приготовлялся разговаривать. Старшій конторщикъ, очинивъ перо, застегнулся на всѣ пуговицы и тоже пододвинулся къ столу съ явнымъ намѣреніемъ принять участіе въ разговорѣ. Лицо его въ это время было совершенно такое, какъ у школьника, который притворяется, что знаетъ урокъ.

— Погода ниниче очень прекрасная... началъ молодой конторщикъ, и посмотрѣлъ въ окно; другой потеръ себѣ колѣнки обѣими руками и тоже посмотрѣлъ, какъ будто онъ объ этомъ въ первый разъ слышатъ.

— Да, дѣйствительно,—подтвердилъ я и тутъ же сталъ догадываться, что разговоръ дальше погоды не пойдетъ.

Мы все трое уныло молчали.

— Это наказаніе!... думалъ я. Вотъ вѣдь можно бы теперь у нихъ узнать что̀-нибудь стороной. Вотъ поди жъ ты! Да и они-то сидятъ передо мной точно школьники передъ учителемъ и совсѣмъ собрались отвѣчать. И что они думаютъ? Экзаменовать что ли я ихъ хочу?

— У васъ на фабрикѣ паровая машина?

— Никакъ нѣтъ: коннымъ приводомъ работаютъ.

— А становъ много?

— Ткацкихъ становъ—40, чесальныхъ—6, трепальныхъ—2, стригальныхъ—4, бастовальныхъ.....

— Ну—у!.... Постойте! постойте! Господи, что жъ это будетъ?...

— Прикажете повторить?

— Нѣтъ, не нужно. Это я такъ только спросилъ.

— Угодно на счетахъ прикинуть?—продолжалъ старшій конторщикъ, подавая мнѣ счеты.

— Нѣтъ-съ, и на счетахъ.... тоже не нужно.—Я окончательно сконфузился; а сконфузившись всталъ и прошелся по комнатѣ. Конторщики тоже вскочили и не спускали съ меня глазъ. Въ это время въ дверяхъ показался мужикъ со шпульками.

— Миколай Митричъ! что жъ принять-то когда? Я пришелъ, началъ было онъ.

— Уйди ты!—бросился на него молодой конторщикъ.

— Экой ты, братецъ! видишь,—чиновникъ, вразумлялъ его старшій, выталкивая за дверь.

— Такъ ужъ вы вотъ что.... говорилъ я, подойдя какъ можно ближе къ одному изъ нихъ.—Ужъ вы лучше реестрикъ составьте, а я ужо зайду. До свиданья.

Вѣдь бываютъ же такіе несчастные люди,—думалъ я выходя за ворота, которыхъ вездѣ принимаютъ за чиновниковъ и которые стороной ничего узнать не могутъ.

Отъ С—ой фабрики пошла дорога въ чащу. Дорога эта вела на фабрику М—ва, одну изъ замѣчательныхъ въ московской губерніи по величинѣ и количеству производства. Шелъ я туда, собственно говоря, безъ всякой надежды узнать что-нибудь, шелъ такъ себѣ, больше для очищенія совѣсти.

— Если и здѣсь никакого толку не добьюсь,—конечно шляться по фабрикамъ; брошу ихъ совсѣмъ. Изъ-за чего я и себя и другихъ ставлю въ глупое положеніе? Когда я разсудилъ такимъ образомъ,—мнѣ стало какъ будто легче на душѣ. Безъ всякаго внутренняго замиранія взошелъ я на дворъ М—ой фабрики, безъ страха и сомнѣнія отперъ дверь управительской квартиры и спросилъ г-на Л. Онъ отдыхалъ послѣ обѣда, но, не смотря на то, не долго заставилъ себя дожидаться. Я началъ мой обычный монологъ. Въ 10-й разъ повторялъ я тоже самое, тѣ же фразы, мнѣ самому опротивѣвшія до безконечности; я повторилъ ту же просьбу въ полной увѣренности, что ее не исполнятъ. Я проговорилъ все, какъ заученный урокъ и остановился.

Англичанинъ-управляющій, полный и растрепанный мужчина лѣтъ 40, только-что возставшій отъ сна, въ ваточномъ халатѣ, молча сидѣлъ на диванѣ и совершенно безстрастно глядѣлъ въ окно, поглаживая въ то-же время бѣлаго барашка, игрушку, стоявшую на столѣ. Когда я кончилъ,—управляющій вынулъ у себя изъ одного уха клочекъ ваты, потомъ изъ другого, и положилъ ихъ рядышкомъ передъ собою. Я ожидалъ отвѣта. Управляющій нагнулся къ столу и внимательно посмотрѣлъ на вату и я тоже посмотрѣлъ; послѣ того онъ сжалъ губы, выдвинулъ ихъ немного впередъ и сказалъ:

— Мм.... Я вамъ вотъ что скажу....

Я слегка покачнулся къ нему.

— По моему мнѣнію, вы напрасно безпокоитесь.

Онъ хорошо произносилъ русскія слова, но какъ-то ужъ слишкомъ отчетливо.

— Почему же вы такъ думаете? спросилъ я, очень хорошо зная—*почему онъ такъ думаетъ.*

— А потому, что вамъ никто не дастъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

И это былъ самый удовлетворительный отвѣтъ изъ всѣхъ, которые я получалъ въ то время.

— Я очень хорошо понимаю, чего вы хотите,—продолжалъ онъ, облокачиваясь на стѣнку дивана,—но дать вамъ тѣ свѣдѣнія, которыхъ вы требуете,—я не могу. Я не имѣю на это никакого права. У меня нѣтъ на это довѣренности отъ моего довѣрителя. Я бы могъ.... о, конечно.... для чего не сказать? Что касается меня, то я съ величайшимъ удовольствіемъ; мнѣ кажется даже, это было бы пріятно и самому владѣльцу, но чтобы слѣлать это.... я не имѣю права. И я полагаю, ни одинъ управляющій не можетъ отвѣчать на ваши вопросы.

Я замѣтилъ ему, что на фабрикѣ Волкова мнѣ сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія.

— Да. Такія свѣдѣнія и я вамъ могу сообщить, но все это вы лучше найдете въ вѣдомостяхъ, которыя мы подаемъ каждый годъ. Это свѣдѣнія оффиціальныя, а что касается коммерческой тайны, то, вы можете быть увѣрены,—никто вамъ правду не скажетъ.

Я началъ чувствовать къ управляющему чтò-то въ родѣ признательности, потому что, благодаря ему, я освобождался отъ обѣта, добровольно возложеннаго мною на себя. Съ самаго начала я уже замѣтилъ, что это предпріятіе мнѣ не подъ силу, но отказаться отъ него не хотѣлось до тѣхъ поръ, пока я окончательно не убѣдился, что такое собираніе свѣдѣній по фабрикамъ—не больше, какъ толченіе воды въ ступѣ. Теперь же я, положа руку на сердце, могъ бросить это дѣло, могъ идти куда мнѣ угодно, не придерживаясь никакой программы, бродить по деревнямъ, смотрѣть, слушать чтò ни попало, не стѣсняя себя непремѣнной обязанностію идти туда, куда мнѣ не хочется.... однимъ словомъ, я былъ свободенъ, а этого-то мнѣ и нужно было. Почувствовавъ себя свободнымъ, я уже не могъ усидѣть и, крѣпко пожавъ управляющему его мягкую, англійскую руку, пошелъ обратно въ Леоново.

III.

Роща.—Встрѣчи.—Трактиръ.—Разныя сцены.—Свадьба.

Еловая роща вечеромъ, въ осеннее время,—это вовсе не то, что лѣтомъ или весною, хотя зелень на ели совсѣмъ почти не измѣняется, но за то цвѣтъ ея осенью становится какъ будто гуще, синѣе. Ни шума, ни малѣйшаго шороха: птицы и насѣкомыя всякаго рода исчезли; тонкіе, прямые стволы, обросшіе сѣроватымъ мхомъ и сухими, ползучими травками,—на солнцѣ кажутся металлическими, а красноватые листья мелкаго кустарника, точно золотыя блестки, разсыпаны по всему лѣсу въ перемежку съ блѣдными прутьями осины и еще какого-то кустарника съ продолговатыми, все еще зелеными листьями. Воздухъ до такой степени чистъ и въ то же время пропитанъ душистой, холодной сыростью, что просто начинаешь чувствовать жажду, какую-то особенную жажду—вдыхать эту сырость, какъ какое-нибудь питье, и вдыхать какъ можно больше. И какъ хорошо въ это время свернуть въ сторону, зайти шаговъ на пятьдесятъ въ самую чащу, въ потемки, и смотрѣть оттуда на песчаную дорогу, освѣщенную заходящимъ солнцемъ.

Тянутся по ней воза, нагруженные кипами хлопка; широко шагая, идутъ около этихъ возовъ извозчики въ большихъ сапогахъ, помахивая возжами и покрикивая на лошадей; и этотъ крикъ, смѣшанный со скрипомъ колесъ, звонко раздается по лѣсу.

— Э-эхъ, чтобъ те óбодрало!...—какъ топоромъ вырубленное, рѣзко проносится въ чащу и такъ слышно:—óбодрало...—и вслѣдъ за этимъ щелкаютъ кожаныя возжи по шлеѣ.... Запахъ дегтя и лошадинаго пара стелется за возами.

Ты Парижъ ли Парижóчекъ!
Парижъ, славный городокъ....

что есть мочи, горланитъ подгулявшій фабричный, возвращаясь на фабрику, и чей-то гнусавый, бабій голосишко подводитъ съ переливами:

Не хвались ты, воръ-французикъ,
Своимъ славнымъ Парижóмъ.

Однако поздно становится. Вышелъ я на дорогу и побрелъ опять въ Леоново. Попадается на встрѣчу цѣлая пьяная компанія: двое фабричныхъ ведутъ подъ руки молодую, совершенно пьяную дѣвушку; она рвется и бранитъ ихъ непристойнѣйшимъ образомъ, наконецъ начинаетъ бранить самое себя.

— Голубчикъ! за чтò они меня обижаютъ?!—кричитъ она, завидя меня и вырываясь.

— Маврушка, лѣшій, вернись!—зоветъ ее одинъ фабричный.

— Отецъ родной! заступись! оби-обижаютъ меня бѣдную.... черти вы эдакіе!... Караулъ!... и дѣвушка повалилась на землю.

— За чтò вы ее обижаете?

— Кто ее обижаетъ? Нешто ее, дьявола этакого, обидишь. Она и насъ-то съ тобой уберетъ одна. Ты видишь,—захмѣлѣла; домой идти не хочетъ, вотъ и оретъ. Ей въ трактиръ хочется.... Вставай, чортъ! иди домой!

— Батюшки, не пойду! Родимые, не пойду! Ай!... раздирающимъ голосомъ взвизгиваетъ она.

— Оставьте ее: дайте ей отдохнуть.

— Нельзя ее оставить пьяную; ночь на дворѣ.

— Дѣло, самъ видишь, ночное; развѣ ей здѣсь мѣсто?—ну? развѣ мѣсто? опять въ лѣсу.... самъ ты посуди. Нешто это дѣло? чо—ртъ! вразумлялъ меня другой, до сихъ поръ молчавшій фабричный.

— За что̀ жъ ты меня-то ругаешь?—чудакъ!

— За что̀ ругаешь?—чудакъ! За то и ругаю, что, значитъ, я тебя люблю. Потому ты порядку не знаешь, вотъ я тебя и ругаю, чтобы ты порядокъ зналъ. Я тебѣ добра желаю: вотъ что̀.

— Полно тебѣ!—говорилъ ему товарищъ, повидимому не слишкомъ пьяный;—ты вотъ пособи лучше Маврушку приподнять.

— Маврушку-то я поднять подыму и одинъ подыму, а только, главная причина, ее на другое мѣсто нужно перетащить, потому чтобы не облежалась; у ней ужъ такой карахтеръ: полштофъ заразъ выпьетъ, глядишь, совсѣмъ обмерла, а на другое мѣсто перетащилъ, ну, и опять ничего, хошь опять полштофъ. Это ей все ничего не значитъ.

Къ величайшему моему удивленію, Маврушка дѣйствительно опомнилась, лишь только ее стащили съ мѣста.

— Пьяная.... пьяная.... забормотала она. Развѣ я пьяная? ну пьяная.... ну что-жъ, что пьяная? Уйди!!.. И ты уйди! Уйди съ глазъ моихъ, уйди! кричала она мнѣ. Миша! поцѣлуй меня! Михаилъ Тиханычъ, поцѣлуй! Голубчикъ! Милень-кяй!... Началась очень чувствительная сцена. Товарищъ Михаила Тихановича, тотъ самый, который меня вразумлялъ, сталъ было упрекать его въ слабости характера, но кончилъ тѣмъ, что и самъ свалился къ нимъ на траву. Я и ушелъ.

Ложиться спать было еще рано, а потому я счелъ за лучшее сходить въ трактиръ посидѣть и спросить себѣ чаю.

Въ двухъ небольшихъ комнатахъ съ пестрыми обоями и низкимъ потолкомъ (изъ которыхъ первая была и кухня и буфетъ въ то же время), за маленькими столами, сидѣло человѣкъ 50 разныхъ лицъ мужскаго и женскаго пола, большею частью фабричныхъ; было тутъ еще нѣсколько человѣкъ солдатъ въ полуштатскомъ платьѣ, проѣзжихъ мѣщанъ въ нагольныхъ тулупахъ, да еще два-три какихъ-то отставныхъ дворовыхъ. Впрочемъ, публика мѣнялась безпрестанно: одни выходили, другіе являлись на ихъ мѣсто. Въ комнатѣ былъ шумъ страшный, духота и крѣпкій запахъ корешковъ; и въ этомъ дыму, какъ въ туманѣ, носились половые съ подносами, чашки гремѣли, сыпалась крупная брань, заглушаемая хохотомъ и звуками какой-нибудь безобразнѣйшей фабричной пѣсни. Вдругъ ничего нельзя было разобрать, кромѣ дыму, крика, запаха сапоговъ и тухлыхъ полушубковъ, но потомъ понемногу изъ этого хаоса стали выступать отдѣльныя группы, можно было вслушаться въ разговоръ.

Рядомъ со мной нѣсколько мальчиковъ-фабричныхъ съ выкрашенными руками молча и очень внимательно пили чай, обливаясь потомъ. Въ продолженіе цѣлаго часа они только и дѣлали, что требовали горячей воды: выпьютъ по чашкѣ, размажутъ себѣ рукавами грязь по лицу, и опять—наливай по чашкѣ. Обязанность разливателя исполнялъ зеленоватый, золотушный мальчикъ; вся голова его была покрыта струпьями. Онъ необыкновенно серьезно стучалъ крышкой по чайнику, звалъ полового, морщилъ брови, косилъ въ блюдечко глаза и обжигался, показывая видъ, что занятъ дѣломъ.

Рядомъ съ мальчиками сидѣлъ тоже фабричный, молодой парень съ черными усиками, въ франтовской рубашкѣ и новой чуйкѣ; онъ былъ, что̀ называется, пьянѣе вина. За однимъ столомъ съ нимъ сидѣли еще двѣ женщины въ заячьихъ шубкахъ. Лѣвой рукой онъ обнималъ одну изъ нихъ,—которая помоложе, а правой—колотилъ по столу. Эта женщина была едва ли не пьянѣе его. Вторая,—постарше первой,—помѣщалась въ сторонѣ и унимала его буйные порывы, когда они начинали превышать уже всякую мѣру.

— Стешка!—кричалъ фабричный, ухвативъ за шею свою собесѣдницу и прижимая ея лицо къ своей груди.—Стешка! любишь, аль нѣтъ? Говори, дьяволъ! говори—и!

Стешка только барахталась, напрасно стараясь освободиться.

— Говори, что-ль, а то убью!...

— Люблю.... пропищала она чуть слышно.

— Любишь?—то́-то,—самодовольно сказалъ онъ и пустилъ ее.

— Ну, говори,—кого ты любишь? идолъ!

— Тебя, глупо улыбаясь, сказала она и потянулась было цѣловаться.

— Прочь, дьяволъ!—закричалъ онъ, отталкивая ее.

— Тебя спрашиваютъ, кого ты любишь, чортъ!

— Тебя.... Прошу.... робко проговорила она.

— Да развѣ ты меня смѣешь Прошей звать? да развѣ ты смѣешь?....

— Полно тебѣ! полно!—уговаривала его другая женщина.—Перестань!

— Нѣтъ!... ревѣлъ фабричный,—какъ она меня смѣетъ Прошей звать? Какъ меня зовутъ?

— Прохоръ Игнатьичъ.... спохватившись сказала Стешка.

— Ну. Вотъ вѣдь узнала? Иродъ! Ну, цѣлуй! Да ты не такъ: за ушки! Порядковъ не знаешь! аль разучилась? Сволочь! Съ Петькой умѣешь цѣловаться. Я тебя!

— Что ты? что ты? Прохоръ Игнатьичъ! вступилась старшая женщина.

— За что жъ понапрасну говорить? Нешто она?

— Молчи, ты! Не твое дѣло. Тебя не спрашиваютъ. Я тебя знаю: ты ее всякому продашь, даромъ, что тетка.

— Ну, полно, полно!...

— То-то,—полно. Пей, Стеша! Пей за мое здоровье!— говорилъ онъ, опять обнимая ее и наливая стаканчикъ водки.

— Не могу; ей Богу, не могу. Проша, голубчикъ, не могу! Смерть моя....

— Пей! шкура ты барабанная! Пей, когда велятъ....

Въ одномъ углу, за столомъ, безсрочно-отпускной солдатъ въ ситцевомъ нагрудникѣ объяснялъ сельскому писарю да еще какому-то лакею—какое различіе между гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусомъ. Писарь съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ объясненіе, а лакей только кивалъ головой и, какъ видно, думалъ совсѣмъ о другомъ.

— У гвардейскимъ корпусѣ теперь погоны красные, а у насъ и сейчасъ синіе. Понимаешь?

— Понимаю.

— Но и опять же у гарнадеръ трафится такъ, что иной разъ красные, а въ гвардейцевъ синіе. Это все разница. Понимаешь!

— Понимаю.

— А главная причина, у гвардейскимъ корпусѣ теперича на человѣка отпущается трои шароваръ, а у насъ двои. Почему? Потому, какъ у насъ насчетъ этихъ самыхъ смотровъ облегченія больше.

— Дэ, дэ, дэ,—вкрадчиво замѣтилъ писарь, притворяясь очень заинтересованнымъ.

— Вотъ ты и думай.

— Н—да, заключилъ лакей.—Поди жъ ты.

— Что-жъ, еще графинчикъ велѣть?—спросилъ писарь, угощавшій ихъ, какъ надо полагать, на свой счетъ.

— Что-жъ? это ничего; можно.

— Вотъ это дѣло, сказалъ лакей и запѣлъ въ полголоса:

Лѣтъ 17-ти не болѣ
Лиза въ лѣсъ гулять пошла;
И, гуляя въ чистомъ полѣ,
Жука чѣрнаго нашла.

На самой срединѣ комнаты, въ концѣ длиннаго стола, сидѣли кучей человѣкъ десять фабричныхъ; они пили чай, потомъ спросили водки, потомъ опять принялись за чай. Разговоръ былъ до такой степени оживленъ, что ничего почти невозможно было разобрать. Говорили, говорили они, наконецъ принялись пѣть, но тутъ произошло несогласіе, и пѣсня не ладилась; только и слышно было:

— Да нѣтъ, ты постой!—Тебѣ говорятъ!—Артемъ, начинай!—Незамай ты, не трожь!—Эй, братцы, слушай!—Чего слушать?—Слушать-то нечего.—Валяй—всѣ разомъ!—Ну тѣ къ Богу!—Эхъ гармонію-то я не захватилъ.—Да вы по командѣ: слушай!—Разъ! Ну! Что ну-то?—Разъ! Что-жъ вы?

И э-о-ахъ, да въ чи....

— Что-жъ вы стали?—Разъ!

И э-о-ахъ, да въ чи....

— Да ты не такъ.—Какъ же не такъ. Да такъ, что не такъ.—Ты вотъ какъ, полегоньку:

Э—ужъ-и-о-ахъ, да въ чистомъ по....

— Тьфу, чтобъ васъ тутъ!—Заладилъ одно: въ чистомъ полѣ, да въ чистомъ полѣ; еще-то что?

— Еще-то?

Тутъ стояла древа....

— Эхъ-ма! палкой бы тебя! Вотъ она древа-то.

На другомъ концѣ того же стола, передъ *двумя парами* чаю, двое проѣзжихъ мѣщанъ въ нагольныхъ шубахъ сидѣли, нагнувшись другъ къ другу и спорили. Дѣло шло о какой-то поставкѣ—и оба они оказались рядчиками. Я сталъ прислушиваться.

— Да ужъ это вы, повѣрьте совѣсти, Степанъ Терентьичъ,—никакъ невозможно этого самого дѣла сдѣлать,—говорилъ одинъ изъ нихъ, рыжій, высокаго роста мужчина съ выщипанной бородой.

— Гдѣ я возьму такое количество народа; опять же время,—сами изволите знать,—какое. Кто по этой цѣнѣ согласится?

— Что ты мнѣ своей совѣстью-то въ глаза тычешь? Не понимаешь ты дѣла, я вижу Есть поживишка, ну и бери,—говорилъ другой,—плутоватѣе на видъ.

— Да какъ же, помилуйте, я ее возьму? Вѣдь надо тȯ принять въ разсчетъ, что въ эдакомъ дѣлѣ, какъ396 теперичe эти рабочіе,—непріятности могутъ быть. Я не насчетъ чего говорю, а собственно только какъ въ разсужденіи побѣговъ, али тамъ это—неудовольствій съ земской полиціей: расходы потребуются.

— Да тебѣ-то чтȯ? Ты тутъ не при чемъ. Ты свое дѣло сдѣлалъ, поставилъ народъ, денежки получилъ и правъ. А насчетъ непріятностей—не твоя печаль. На эти дѣла у насъ мусье*** такой-то химикъ, что своихъ пять цѣлковыхъ отдашь—только посмотрѣть. Нѣтъ, объ этомъ дѣлѣ ты и не тужи. Тутъ, главная вещь,—поспѣшность нужна: какъ ни на есть, а количество поставить въ срокъ, чтобы, значитъ, къ пріѣзду все было чисто. Дѣло-то, видишь ты,—все ведется *експронтомъ*, потому по самому и цѣну даютъ горячую, а ты бери, да помни.

— За это мы, Степанъ Терентьичъ, должны вѣчно за васъ Бога молить и съ малыми дѣтками,—какъ вы насъ не оставляете. Это, чтȯ говорить. Коли такъ, что въ отвѣтственности не будешь, такъ мы можемъ и на предбудущее время служить; за это благодаримъ покорно. А теперь прикажите васъ пунштомъ просить...

Въ это время мимо рядчиковъ проходила здоровенная дѣвица лѣтъ 35, въ большомъ пестромъ платкѣ, и шелковомъ, линючемъ платьѣ. Она была подъ хмѣлькомъ, сильно жеманилась и, умильно посматривая на рядчиковъ, пѣла въ носъ:

Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой.

Рыжій рядчикъ, покончивъ дѣла, повеселѣлъ и сталъ заигрывать съ дѣвицею.

— А я такъ полагаю, что по жердочкѣ-то вамъ теперичe не пройтить:—говорилъ онъ ей, подмигивая.

Дѣвица остановилась, прищурила глаза на рядчика и вдругъ захохотала.

— Мм... какой! Я всѣ мысли-то твои знаю. Тебѣ чего отъ меня нужно?

— Мнѣ ничего не нужно.

— То-то—ничего.

Она вдругъ обняла его и принялась ему на ухо что-то сопѣть. Рядчикъ сначала было послушалъ, но потомъ вдругъ сталъ барахтаться и освобождаться изъ ея объятій.

— Пусти, чортъ! пусти,—говорятъ! Ну тѣ къ.... и дѣвица сильно покачнулась назадъ. Опомнившись отъ толчка, она постояла еще съ минуту на одномъ мѣстѣ, пристально глядя на рядчика пьяными глазами, въ которыхъ мгновенно засверкала ярость; потомъ вдругъ совершенно неожиданно плюнула и пошла дальше, крича во все горло:

— Да я еще съ тобой, съ рыжимъ дьяволомъ, и связаться-то незахочу, съ каторжнымъ съ эдакимъ. Мужикъ—чортъ! Право мужикъ!—Нищій!... Чтò съ тебя взять, съ голаго? Тебѣ и цѣна-то монетка со всѣмъ съ потрохомъ съ твоимъ. Купецъ!... Аль мелкихъ нѣтъ? Разступись, размѣчяй семикопѣечную ассигнацію,—я сдачи дамъ...

— Не проѣдайся! не проѣдайся! Проходи дальше! скороговоркой отвѣчалъ рядчикъ, перемѣняя тонъ.

Дѣвица злобно захохотала и въ сильномъ негодованіи пошла было въ другую комнату, но у самыхъ дверей встрѣтила стараго знакомаго,—какого-то желтаго, рябоватаго молодца въ полушубкѣ и сейчасъ же обратилась къ нему съ просьбою *поставить* пару пива. Чета усѣлась за столикъ, но дѣвица долго еще не могла успокоиться и нѣсколько разъ принималась кричать, обращаясь къ рядчику:

— Что ты бѣльмы-то на меня таращишь, лупоглазый жидъ! Да я съ тебя не возьму чѣмъ ты смотришь, а не то что... а то нà-ка что. Пра-аво.

У самыхъ дверей сидѣли два мужика, какъ видно дорожные, съ сильно обвѣтрившимися лицами и красными глазами. Одинъ изъ нихъ разувался: снялъ валеные сапоги и сталъ оттуда вытаскивать солому; другой—дулъ въ блюдечко съ чаемъ; по временамъ останавливался, шевелилъ губами, произносилъ какія-то непонятныя слова, качалъ головой и потомъ опять начиналъ дуть. Разувавшійся, не разслышавъ, спрашивалъ:

— Ты меня что-ль?

— Нѣтъ, про себя.

— То-то; а я думалъ меня.

Пившій чай опять зашевелилъ губами; одной рукой онъ держалъ блюдечко у самаго рта, а на другой загибалъ пальцы, произнося довольно громко:

— ... рубь восемь гривенъ; ну, да за харчи. Много-ль за харчи? разъ—обѣдъ, два—обѣдъ, три—обѣдъ... Опять все не выходитъ. Чтò за диковина?!

— Вотъ портянки-ти обулъ, такъ оно дѣло-то и складнѣй не въ примѣръ будетъ, — разсуждалъ тоже громко другой, вправивъ солому опять въ сапогъ и обматывая ногу тряпицею.

— Аинька?—отозвался другой, загибая пальцы и думая, что его спрашиваютъ.

— Я вотъ про то, что молъ дѣло-то складнѣй будетъ.

— Чѣмъ складнѣй-то?—нетерпѣливо спрашивалъ тотъ.

— А съ портянками-то...

— А! чортъ... я думалъ онъ и вправду дѣло.

— Что-жъ, нешто не дѣло? Извѣстно съ портянками мягше.

— Да—дьяволъ!... сбилъ только,—хошь бросай считать. Разъ—обѣдъ, два—обѣдъ, три—обѣдъ....

Въ углу, за маленькимъ столомъ, еще группа.

Старый лакей съ сѣдыми, стриженными бакенбардами, идущими вокругъ всего лица въ видѣ повязки, жаловался на свое положеніе конторщику М—й фабрики, да еще какому-то прохожему страннику.

— Вотъ ты говоришь—на волю,—обращался онъ къ конторщику.—Ну хорошо. Я тебѣ вотъ что̀ на это скажу: служилъ я своей барынѣ, генеральшѣ, 47 лѣтъ и теперь долженъ по міру идти. Мужики-то, они нашего брата тоже не очень жалуютъ. Мы, говорятъ, вѣкъ свой за васъ подушное платили, а что̀ намъ отъ васъ корысти? Они вонъ говорятъ: васъ, говорятъ,—всѣхъ дворовыхъ перевѣшать бы, говорятъ. Вотъ что̀. Барыня опять тоже отступилась, зачѣмъ, говоритъ, мнѣ васъ! Вотъ ты и думай. Были и мы не хуже людей, были и мы нужны. Къ производителю ходили мы; трое насъ ходило: я, да братъ музыкантъ, да еще есть у насъ такой-то одинъ, росту высокаго, изъ себя тоже былъ красавецъ писаный; за ростъ, да за красоту при домѣ держали, ей Богу! ну, а теперь тоже ужъ человѣкъ хилый, въ дѣло негодный, ну и тоже безъ мѣста, потому какъ мастерству никакому не обученъ. Ходили просить насчетъ пачпортовъ, что не будетъ ли молъ отъ вашего превосходительства какого рѣшенія? Ну, выслушалъ,—ничего; приходите, говоритъ, черезъ недѣлю, будетъ вамъ всѣмъ раздилюція. Вотъ еще подождемъ: что̀ будетъ.

— Это справедливо,—подтвердилъ странникъ, а и того паче на Господа упованіе возлагать нужно, да прибѣгать почаще къ заступничеству Пресвятыя Богородицы, Казанскія Божія Матери и святыя великомученицы Гликеріи—дѣвы, силою молитвы идола сокрушившей и за сіе звѣрямъ лютымъ на снѣденіе преданной.

— Это что говорить.... замѣтилъ конторщикъ. Мнѣ вонъ тоже одинъ мужичокъ сказывалъ, очевидецъ,—въ деревнѣ у нихъ баба младенца родила, въ шерсти весь, словно заяцъ, говоритъ, и хвостикъ тоже есть; такъ, не большой, а есть. Ну, а какъ глаза-то у васъ нынче? спрашивалъ у лакея конторщикъ.

— Чтò глаза?—плохи. Вотъ какъ-то въ прошломъ году по осени одинъ человѣкъ, спасибо, посовѣтовалъ табакъ нюхать. Вотъ такъ тоже спрашиваетъ: кàкъ у васъ зрѣніе?—говоритъ. Да что, говорю, плохо, говорю. Нюхай, говоритъ, табакъ,—лучше будетъ. Ну и точно. Утромъ встанешь—какъ словно въ туманѣ, а понюхаешь, почнешь чихать, слеза прошибетъ, ну и будто какъ очиститъ. Совсѣмъ разница: какъ можно.

Въ эту самую минуту послышались громогласныя и радостныя восклицанія фабричныхъ, сидѣвшихъ за столомъ; въ дверяхъ показался молодой малый, лѣтъ двадцати, въ красной рубашкѣ, синей чуйкѣ, накинутой на одно плечо и въ новыхъ сапогахъ. Онъ былъ навеселѣ и погромыхивалъ на гармоніи.

— Вотъ онъ—я то!... закричалъ онъ, бойко выступая на середину комнаты.

— А — а! а! Митюшка! Митрей! завидя его, кричали ему весело фабричные.

Вся компанія оживилась; около пришедшаго мгновенно составился кружокъ, Богъ знаетъ откуда взялась балалайка и пошла пляска. Даже остальные, сидѣвшіе за столиками и занятые разговоромъ, понемногу начали примыкать къ толпѣ, образовавшейся вокругъ плясуна. Проѣзжіе мужики были тутъ въ числѣ первыхъ, даже рядчики поднялись съ мѣста; кружокъ становился все гуще, тѣснѣе; только старый лакей остался въ гордомъ величіи и, закинувъ одну ногу на другую, презрительно смотрѣлъ черезъ плечо на мужицкую пляску, и лукаво подмигивалъ солдату, который тоже не пошелъ было въ кружокъ и относился къ пляскѣ тоже нѣсколько свысока, но чѣмъ жарче разгоралась она, тѣмъ лицо солдата становилось безпокойнѣе; онъ завертѣлся на стулѣ и началъ даже отворачиваться отъ лакея, стараясь избѣжать его насмѣшливыхъ взглядовъ. А тамъ, въ кружкѣ, между тѣмъ уже сыпалась мелкая, звенящая дробь балалайки, усиленно, какъ будто боясь не поспѣть, надсаживалась гармонія и гремѣло то страшно возбуждающее топотаніе съ прищелкиваніемъ, вскрикиваніемъ и какимъ-то особеннымъ, захлебывающимся разгуломъ, передъ которымъ никто устоять не можетъ. И солдатъ не устоялъ... Отчаянно махнувъ рукой, въ одно мгновеніе сбросилъ онъ шинель и, оставшись въ ситцевомъ нагрудникѣ и синихъ шароварахъ,—бросился въ кружокъ.

Въ это время Митюшка стоялъ на серединѣ одинъ, подпершись въ бока и не трогаясь съ мѣста, но плечи, локти, голова и все туловище его говорило. Онъ только посматривалъ на всѣ стороны, медленно поводя глазами и подергивая плечомъ приговаривалъ отрывисто:

Ахъ, и теща моя,
Д'доморощенная.
Д'на тѣ шубочка нова́,
Д'не вороченая...

Кавалеръ! — закричалъ онъ вдругъ, завидя солдата Чортъ новой ловли,—ходи! Эй, музыка! аль заржавѣла?

Что ты? что ты? что ты? что ты?
Не трожь! не ворошь!
У меня мужъ не хорошъ...

.... Я на улицу пойду... тончайшей, какъ бы заискивающей фистулой подхватилъ солдатъ, выступая впередъ и пересеменивая ногами.

— Себѣ новаго найду,—гаркнули фабричные хоромъ.

— Вотъ это прекрасно!... вдругъ вырвалось у кого-то изъ подъ самаго желудка. Старый лакей тоже не выдержалъ и стоялъ на стулѣ, хлопая въ ладоши.

Изъ трактира пошелъ было я на постоялый дворъ спать, но въ этотъ вечеръ пришлось мнѣ еще видѣть зрѣлище. Прихожу домой,—а тамъ бабы сбираются;—куда вы?—свадьбу смотрѣть;—пойдемте съ нами! Пойдемте.

Свадьба была гдѣ-то въ сторонѣ отъ дороги, въ закоулкѣ; избенка плохенькая, съ прогнившими углами и сильно покачнувшаяся напередъ. Сквозь напотѣвшія окна видно, что копошится въ избѣ народъ, слышны пѣсни, хохотъ...

— Еще *не подымали*,—заглянувъ въ окно, говоритъ молодая баба, съ которой я пришелъ.

— Кого?

— А молодыхъ-то.

— Что̀ это значитъ: *не подымали*?

— Молодые еще *въ клѣти*, а вотъ ихъ скоро подымать станутъ.—Баба лукаво засмѣялась и повела меня въ сѣни.

Въ сѣняхъ, по причинѣ совершенной темноты, мы все натыкались на кого-то; двери же вездѣ низкія,—нужно нагибаться; нагнешься,—а тутъ какъ разъ и встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь лбомъ. На встрѣчу намъ вышла въ сѣни старуха съ зажженной лучиной и, увидавъ, что мальчишки облѣпили клѣть, и подслушиваютъ,—бросилась на нихъ, награждая подзатыльниками любопытныхъ. Мальчишки съ хохотомъ и визгомъ разбѣжались.

— Ишь ты, каторжные ребятенки, ворчала старуха, переводя духъ отъ усталости;—вотъ, что ты хочешь: только заглядись; а ужъ они тутъ. И что имъ пострѣлятамъ нужно слушать?

Изба биткомъ набита народомъ, впрочемъ больше все бабы, да дѣти, пришедшія посмотрѣть. Зрители занимали большую половину избы у двери, а впереди за *княжескимъ столомъ* помѣщались посаженые отцы и матери, родители невѣсты и другія почетныя лица. Передъ ними горѣли двѣ сальныя свѣчи, стояла водка, кулебяка и яичница; по лавкамъ сидѣли еще разные гости и вели тихій разговоръ; хозяйка, маленькая старушонка, возилась у печи и безпрестанно бѣгала въ сѣни, продиралась черезъ толпу, Христомъ Богомъ умоляя «чуточку пропустить». На самой серединѣ комнаты, передъ столомъ, оставалось свободное мѣсто, въ квадратный аршинъ не больше, и на этомъ-то мѣстѣ топтался пьяный сватъ съ не менѣе пьяной свахой: въ ожиданіи молодыхъ они забавляли гостей не слишкомъ скромными шутками. Приземистый, рыжій, съ растрепанной бородою, сватъ заигрывалъ со свахою, что̀, повидимому, доставляло большое удовольствіе гостямъ, да и самой стрекозѣ-свахѣ намеки его были, кажется, не противны. Это развлеченіе тянулось очень долго и въ продолженіе всего времени почетныя лица въ молчаніи сидѣли за столомъ, не улыбаясь, не дотрогиваясь до блюдъ, стоявшихъ передъ ними на столѣ, только нѣтъ, нѣтъ да оботрутъ потъ, крупными каплями выступавшій на лицѣ, да уныло посмотрятъ на зрителей и зрители посмотрятъ на нихъ. Сватъ нѣсколько разъ порывался было идти *подымать* молодыхъ, но всякій разъ его удерживали, говоря, что *еще рано.* наконецъ и свахѣ даже надоѣла возня съ пьянымъ сватомъ и она объявила, что *ужъ пора:*—тутъ опять пошли разныя остроты. Сватъ былъ рѣшительно неистощимъ на эти вещи и въ заключеніе запѣлъ такую пѣсню, что бабы стали прятаться другъ за друга и зажимать носы. Толпа раздвинулась, сваха со свѣчей пробралась въ сѣни и опять поймала ребятишекъ, подслушивающихъ у клѣти. Молодыхъ отперли и дали имъ жаренаго пѣтуха. Дверь была отворена, въ клѣти уже горѣла свѣча и всѣ могли видѣть, что тамъ дѣлается. Туда и оттуда безпрестанно бѣгали какія-то старушонки, оправляли постель, разгоняли ребятишекъ и все подчивали невѣсту пѣтухомъ, но она рѣшительно не хотѣла ѣсть и, нагнувшись къ осколку зеркала,—примазывала себѣ квасомъ виски; сваха надѣвала ей на голову платокъ; *молодой*,—18-ти лѣтній бѣлокурый малый, съ узкимъ, только что выстриженнымъ лбомъ, сидѣлъ на кровати и отъ нечего дѣлать болталъ ногами. Наконецъ ихъ привели и посадили за столъ, объявивъ гостямъ, что это *князь и княгиня*; гости, предчувствуя скорое угощеніе, оживились; бабы, какъ стояли, такъ всей кучей и затянули пѣсню, а кончивъ одну, запѣли другую, потомъ третью, и опять гости должны были сидѣть смирно и могли только глядѣть на явства. Княгиня, круглолицая и некрасивая женщина лѣтъ 16-ти, во все время безпрестанно глядѣла на скатерть и облизывалась, а князь съ лоснящимся лицомъ, въ новой ситцевой рубашкѣ, поводилъ глазами изъ стороны въ сторону и самонадѣянно встряхивалъ волосами. Начались поздравленія: молодые то и дѣло вставали, нехотя наклонялись другъ къ другу и медленно, сухо цѣловались, точно будто дѣлали какое-то непривычное и ужасно скучное дѣло. И этотъ тяжелый обрядъ повторялся за каждымъ стаканчикомъ, который съ низкими поклонами подносила сваха гостямъ. Наконецъ и это, какъ видно, стало надоѣдать пирующимъ; затѣмъ пошла уже брага, водка и яичница безъ поздравленій; духота въ избѣ сдѣлалась нестерпимая: отворили дверь, пару со двора напустили такого, что ничего не видно. Я вышелъ на улицѣ освѣжиться и побрелъ по шоссе. Ночь была ясная, но холодная; вѣтеръ такъ и рвалъ и сбивалъ съ ногъ; шоссе ровной, сѣроватой полосой, постепенно съуживаясь, уходило въ Москву; далеко гдѣ-то звенѣлъ колокольчикъ, у трактира происходила драка. Возвращаясь домой, я остановился у избы, гдѣ была свадьба, и заглянулъ въ окно: на первомъ мѣстѣ по прежнему сидѣли князь съ княгиней голодные и все еще цѣловались; я подошелъ было къ другому окну, но его уже не было. Сватъ произвелъ скандалъ, высадилъ раму, и ее заткнули полушубкомъ.

IV.

Ночлегъ.—Торфяникъ.—Мальчики фабричные.—Кроны и карась.—Баба.—Богородскъ.—Городищи.—Инкогнито.—Переводчикъ.—Исканіе ночлега.—Рельсы и цементъ.—Французы рабочіе.—Обѣдъ.—Французскіе инженеры.—Проводникъ.—Коперъ.—Спальня.—Мостъ черезъ Клязьму.—Бараки и десятникъ.

Со свадьбы вернулся я поздно: хозяинъ, раздѣтый, сидѣлъ на лавкѣ, поджавъ подъ себя ноги и разговаривалъ съ лежавшимъ на палатяхъ торфяникомъ, тѣмъ самымъ проѣзжимъ крестьяниномъ, котораго я видѣлъ еще утромъ; старуха хозяйка укладывала на полу двухъ мальчиковъ лѣтъ по 17, подослала имъ соломы, а подумавъ немного, дала и подушку. Мальчики легли безъ ужина и вели себя необыкновенно тихо: они лежали рядышкомъ, покрытые старымъ кафтаномъ, обернувшись другъ къ другу лицомъ, и все шептались и вздыхали. Хозяйка, глядя на нихъ,—разчувствовалась, тоже начала было вздыхать и кончила тѣмъ, что стала ихъ звать ужинать, но мальчики отказывались и какъ-то ужасно странно, робко и въ то же время будто грубо, съ сердцемъ, какъ отказывается человѣкъ, которому очень бы хотѣлось поѣсть, да и совѣстно; наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— У насъ, бабушка, денегъ-то вить нѣтъ.

— Што ты? Глупый! Што ты? На што мнѣ твои деньги? Полно. Садитесь скорѣй,—я вамъ щецъ волью.

— Мы не станемъ ужинать, говорилъ одинъ.

— Мы, бабушка, и такъ... сказалъ другой.

— Ну, ну, глупенькіе! Вставайте проворнѣй.

— Не надо. Ей Богу, не станемъ.

— А, штобъ васъ... говорила старуха и сунула имъ насильно два куска пирога.

Пока я ужиналъ, торфяникъ разсказалъ хозяину, что подрядился онъ съ товарищами у какого-то купца вынимать торфъ изъ болота: назначенное количество вынули, высушили и сдали купцу, а онъ денегъ-то и не даетъ, слишкомъ много отдавать приходилось. Они жаловаться становому. Становой стакнулся съ купцомъ и сталъ ихъ увѣрять, что *по новому положенію* слѣдуетъ имъ заплатить только половину, все пугалъ ихъ и бумагу даже какую-то показывалъ;

но торфяники на сдѣлку съ купцомъ не пошли, а подали просьбу къ губернатору. Прислали чиновника, который продержалъ ихъ шесть недѣль безъ работы и все-таки съ купцомъ ничего не могъ сдѣлать. Затѣмъ хозяинъ, выругавъ прилично становаго, купца и чиновника, объявилъ, что уже пора спать, съ чѣмъ торфяникъ вполнѣ согласился и скоро захрапѣлъ, а за нимъ и хозяинъ; не спали только мальчики и долго еще шептались, вздыхали и ворочались съ боку на бокъ.

На другое утро разбудило меня жужжаніе *кронъ* *). Рядомъ со мною на лавкѣ сидѣла дѣвочка и разматывала бумагу; мальчиковъ уже не было. Старуха разсказала мнѣ, что мальчики эти—фабричные, ищущіе мѣста, что кассиръ той фабрики, на которой они жили, при разсчетѣ утянулъ у нихъ по десяти рублей; а ужинать они отказывались потому, что денегъ у нихъ у двоихъ на путевыя издержки оставалось всего 15 коп.

Размоткой шелка и бумаги занимаются здѣсь зимой почти всѣ женщины, товаръ берутъ у московскихъ фабрикантовъ. Нѣкоторые крестьяне (мастерки) имѣютъ въ селѣ фабрички, или *свѣтелки*, въ которыхъ работаютъ на 10—15 станахъ миткаль; другіе *водятъ карась* **) и раздаютъ бабамъ и дѣвкамъ разматывать, платя имъ за размотку шелка сырца нѣмецкаго по 20 к. съ фунта, русскаго по 15, бумаги по 10 к. асс.

Изъ Леонова пошелъ я къ Богородску пѣшкомъ, нагоняетъ меня баба на возу.

— Тетушка, не подвезешь ли?

— Куда тебѣ?

— До Богородска.

— Нѣтъ, голубчикъ, мнѣ далеко такъ-то.

— Ну хоть до Шалова.

— До Шалова, пожалуй, подвезу.

— Вотъ сюда на краюшекъ садись, не раздави у меня тутъ свѣчи.

---

*) Кронами называется снарядъ для разматыванія шелка, бумаги и проч. Разматываютъ съ помощью *скальницы и лучка*.

**) Карась—станокъ для крученія; называется онъ такъ потому, что имѣетъ форму карася. Карась на 100 веретенъ стоитъ 30 руб. и при постоянной работѣ выручаетъ отъ 6 до 9 руб. въ недѣлю.

И баба поетъ все ту же пѣсню: земли мало, оброкъ великъ. Бабы пробавляются размоткой шелка, шерсти и бумаги.

Въ Шаловѣ спутница моя ссадила меня и свернула съ шоссе вправо, а я пошелъ прямо, къ ночи насилу добрался до Богородска.

Богородскъ—это такой городокъ, что право не знаешь, что объ немъ сказать, особенно проведя въ немъ одну только ночь; къ тому же и не случилось со мной ничего необыкновеннаго. Пришелъ на постоялый дворъ, спросилъ чаю, толстая работница принесла самоваръ и объявила мнѣ, что хозяинъ загулялъ, того и гляди, ночью бунтъ сдѣлаетъ; легъ я спать, но бунта никакого ночью не слыхалъ; поутру всталъ, одѣлся и ушелъ: вотъ и все.

Отошелъ я отъ Богородска верстъ шесть. Опять нагоняетъ меня кто-то: на этотъ разъ попутчикомъ былъ мнѣ богородскій мѣщанинъ, отъ котораго я узналъ о постройкѣ въ Городищахъ на Клязьмѣ моста, онъ же меня и довезъ до Городищъ. Остановились мы было въ Буньковѣ покормить часокъ, и тутъ опять та же исторія: земли мало, какъ узнали объ освобожденіи, оброку набавили, купцы-монополисты купили у помѣщика землю среди села, построили фабрики, но крестьянамъ отъ этого пользы никакой, потому что работаютъ на фабрикахъ большею частью владимірцы. Наружность села обѣщаетъ много: двухъ-этажные дома, бабы, сидящія на завалинкѣ въ плисовыхъ шубкахъ и шелковыхъ платкахъ, пѣсни, кабакъ.

Въ Городищи *) я пріѣхалъ въ 4 часа вечера и принялся отыскивать себѣ пріютъ, но это оказалось дѣломъ не легкимъ. Всѣ крестьянскіе дома были заняты рабочими: гдѣ 10, а гдѣ 12 и даже 15 чел. въ одной избѣ. Тамъ, гдѣ было маломальски почище,—помѣстились французы—переводчики и другія должностныя лица, въ родѣ нашихъ десятниковъ, да и то по три, по четыре человѣка вмѣстѣ. Однимъ словомъ, мнѣ приходилось или ночевать на улицѣ, или ѣхать опять обратно въ Киржачъ, что̀ было бы очень прискорбно, потому что такимъ образомъ у меня пропадалъ цѣлый день даромъ, а мнѣ хотѣлось вечеромъ взглянуть на помѣщеніе французскихъ рабочихъ и видѣть ихъ у себя дома; на работы же я предполагалъ отправиться на другой день утромъ.

---

*) Городищи—деревня на берегу Клязьмы, Владимірск. губ., Покровск. уѣзда

Далеко еще не доѣзжая Городищъ, слышалъ я разсказы о работахъ, производимыхъ на мосту черезъ Клязьму французскими рабочими, о великолѣпномъ содержаніи ихъ, которому бы позавидовалъ любой столоначальникъ, о необыкновенной силѣ и ловкости этихъ рабочихъ, и проч.; а потому неудивительно, что мнѣ хотѣлось видѣть все это и что мнѣ очень жаль было потерять цѣлый день.

Почти безъ всякой надежды бродилъ я по улицѣ, ломая себѣ голову—какъ бы мнѣ устроиться здѣсь ночевать, и случайно узнавъ о существованіи въ Городищахъ трактира,—направился было туда искать убѣжища; вдругъ слышу сзади голосъ: мусье, мусье! Оглянулся,—вижу: идетъ ко мнѣ какой-то господинъ въ пальтечкѣ: конторщикъ, не конторщикъ,—Богъ его знаетъ кто такой. Я остановился.

— Вы куда идете?

— Вотъ въ трактиръ,—не пустятъ ли ночевать.

— Ахъ, какъ это можно вамъ ночевать въ трактирѣ?!

— Да что-жъ дѣлать, когда больше негдѣ.

— Ахъ, что вы говорите? Можетъ ли это быть, чтобы для васъ не было квартиры? Пожалуйте: я вамъ сейчасъ найду.

Я сталъ въ тупикъ.

Что за услужливость такая? и почему онъ меня знаетъ? да и съ какой стати! Впрочемъ, пошелъ за нимъ. Какъ бы то ни было, а все-таки хорошо; по крайней мѣрѣ дастъ ночлегъ. Онъ пошелъ впередъ, а я иду сзади, недоумѣвая, чтобы это значило... Проходя мимо одной избы, мой проводникъ остановился и крикнулъ въ окно: пошлите сюда десятника! и вдругъ обернулся ко мнѣ и спросилъ: вы хорошо говорите-по русски? Хорошо. «Что за чортъ! думаю себѣ, за кого же онъ меня принимаетъ?» но тѣмъ не менѣе счелъ за лучшее промолчать до времени, пока дѣло объяснится само собою, и, пользуясь правомъ инкогнито, получить ночлегъ.

Черезъ нѣсколько минутъ привели меня въ избу, перегороженную на три комнатки, оклеенныя обоями; въ двухъ комнатахъ стояла кой-какая мебель, кровати, столы и проч.; третья—кухня. Провожатый мой между тѣмъ исчезъ, явилась кухарка и предложила мнѣ пить чай. Ну, слава Богу, наконецъ-то я пристроенъ.

Въ комнатѣ, гдѣ меня помѣстили, стояла кровать, на стѣнѣ висѣло ружье, въ углу шкафчикъ съ посудою, въ простенкѣ какой-то кронштейнъ, какъ видно домашней работы, оклеенный обоями съ бахрамою; на кронштейнѣ письмо и зубочистка.

— Да кто же здѣсь живетъ? спрашиваю кухарку.

— Какъ кто?—французы.

— А много ли ихъ?

— Четыре. Было пять человѣкъ, да одинъ съѣхалъ,—тѣсно.

— Какъ же они теперь помѣщаются?

— Да вотъ здѣсь двое спятъ: одинъ на кровати, другой на полу; въ той горницѣ двое. А вы развѣ не французъ?

— Нѣтъ. А что̀?

— То-то.

Оставаться здѣсь, какъ видно, не было возможности. Опять бѣда, опять очутился между небомъ и землею. А между тѣмъ самоваръ уже готовъ; и на столѣ стоитъ огромная фарфоровая чашка. Чаю, смерть, какъ хочется.

Въ Платавѣ наѣлся я этой проклятой севрюги,—пью, не напьюсь. Ну, куда ни шло,—думаю себѣ,—напьюсь чаю поскорѣе, да ужъ тогда и пойду промышлять себѣ квартиру. Пью чай и обжигаюсь,—тороплюсь.

— Скажи, пожалуйста, голубушка, что эта квартира нанятая, или отведена для пріѣзжающихъ.

— Нѣтъ: это нанятая. Они нанимаютъ.

— А скоро они придутъ?

— Теперь имъ должно скоро быть.

Вотъ, думаю себѣ, хорошо будетъ, какъ застанутъ меня здѣсь?... Что̀ я имъ скажу? Забрался въ чужую квартиру, Богъ знаетъ съ какой стати, да тутъ еще и чай пить разсѣлся. Еще если бы я былъ конторщикъ какой-нибудь отъ Басурина, все бы ничего, а то совсѣмъ посторонній человѣкъ...

Только что думаю это и тороплюсь допивать стаканъ, вдругъ, слышу, идутъ по лѣстницѣ. Ну, погибъ! а самъ твержу про себя: mille pardons, monsieur и проч... Дверь отворяется и прямо на меня—бульдогъ... Сталъ передо мной и оцерился. Вотъ тѣ и на! За бульдогомъ медленно переваливается небольшой, плотный человѣкъ въ дубленомъ полушубкѣ, съ карандашемъ въ зубахъ. Mille pardons, monsieur, пробормоталъ я, захлебнувшись чаемъ, и сталъ разсказывать всю эту путаницу недоразумѣній и разсыпаться въ извиненіяхъ. Французъ, выслушавъ все, расхохотался, успокоилъ меня и сказалъ, что дѣйствительно у нихъ очень тѣсно, и потому онъ не смѣетъ меня оставлять у себя; и вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ одному русскому, служащему въ здѣшней конторѣ, такъ какъ онъ живетъ одинъ, всего черезъ два дома отсюда, и, вѣроятно, не откажетъ мнѣ въ ночлегѣ.

Такъ и вышло. Русскій, служащій въ конторѣ, оказался еще любезнѣе француза: уступилъ мнѣ свою кровать и разсказалъ, что было о работахъ. Успокоившись совершенно и помѣстившись, какъ слѣдуетъ, я тотчасъ же отправился на мостъ,—такъ какъ уже было 6 часовъ, и работы только что кончились.

Городищи — небольшая деревня на Клязьмѣ, Владимірской губ., Покровскаго уѣзда. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ деревни проходитъ Московско-нижегородская желѣзная дорога, а черезъ Клязьму устраивается мостъ; поѣзда же ходятъ пока по временному, деревянному. Мостъ строится французскими инженерами и рабочими, въ началѣ сентября привезенными въ Россію. Матеріалъ (чугунъ) доставляется съ парижскихъ чугунно-литейныхъ заводовъ; рельсы же изъ Англіи. Земляныя, каменныя, деревянныя и вообще всѣ почти приготовительныя работы отданы съ торговъ товариществу русскихъ купцовъ Басурина и Бухтеева. Въ началѣ рельсы были заказаны правительствомъ на заводахъ Шепелева у княгини Бибарсовой, но почему-то были забракованы главнымъ обществомъ. Цементъ для каменныхъ работъ сначала употреблялся тоже русскій *), который обходился, какъ я слышалъ, — съ доставкою около 50 коп. сер. за пудъ, — но тоже признанъ непрочнымъ, хотя постройки на немъ производились два года, и $^3/_4$ построекъ были уже сдѣланы. Потомъ уже выписанъ былъ цементъ портландскій, который обходится ровно вдвое дороже русскаго и одна доставка котораго стоитъ втрое дороже цѣны самаго матеріала. Остальныя работы производятся на немъ, хотя оно уже немножко поздно, потому что болѣе прочный цементъ слѣдовало бы употребить на нижніе слои кладки, постоянно находящіеся въ водѣ; тутъ вышло наоборотъ. Но, — errare humanum est. Можетъ быть оно такъ и слѣдуетъ, чтобы верхнія части зданія были прочнѣе нижнихъ. Во всякомъ случаѣ дѣло сдѣлано: не перестраивать же всего съизнова. Той же почти участи подверглись и рельсы, заказанные на русскихъ заводахъ, а потому и лежатъ въ сара-

---

*) Русскій цементъ, такъ наз. цемянка—смѣсь извести съ толченымъ кирпичемъ.

яхъ, и только небольшая часть изъ нихъ употреблена на разводные пути при станціяхъ. Разница между русскими и англійскими рельсами заключается въ количествѣ винтовъ, которыми свинчиваются планки при соединеніи рельсовъ: русскіе свинчиваются четырьмя, англійскіе же тремя винтами. Повидимому русскій способъ удобнѣе и прочнѣе, потому что два рельса, такимъ образомъ соединенные, составляютъ одно цѣлое, и скорѣе рельсъ можетъ переломиться или погнуться на серединѣ, нежели въ томъ мѣстѣ, гдѣ планки, между тѣмъ какъ англійскіе скрѣпы устроены въ родѣ шарньеръ, и, слѣдовательно, прочности такой имѣть не могутъ. Но опять-таки я могу ошибаться. Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ.

Въ Городищахъ двѣ конторы — русская и французская, тутъ же квартира и главнаго управляющаго русской конторы. Служащіе помѣщаются въ крестьянскихъ избахъ, вслѣдствіе чего цѣны на квартиры поднялись очень высоко,—такъ, напр.: за простую крестьянскую избу платятъ 6 руб. въ мѣсяцъ; провизія и все необходимое очень дорого, потому что доставляется изъ Москвы. Русскіе рабочіе помѣщаются въ баракахъ, о французскихъ же я разскажу сейчасъ.

Въ 6 часовъ пошелъ я на ту сторону рѣки, гдѣ устроено временное помѣщеніе для французскихъ инженеровъ и рабочихъ. Луна свѣтила очень ярко, и я безъ проводника пошелъ черезъ мостъ къ балаганамъ; спустившись съ насыпи, среди наваленнаго въ безпорядкѣ матеріала разнаго рода, между глыбами камней и чугуна, пробрался къ первому балагану и отперъ дверь. Это была кухня, впрочемъ довольно темная, такъ что я не могъ разсмотрѣть даже людей, толпившихся въ ней. Какой-то человѣкъ въ синей блузѣ спросилъ меня по-французски: что̀ мнѣ угодно? Я сказалъ, что желалъ бы видѣть,—какъ помѣщаются рабочіе. Онъ попросилъ меня идти за собою и провелъ черезъ большую столовую, гдѣ за четырьмя длинными столами сидѣли рабочіе въ синихъ суконныхъ блузахъ и курткахъ. Столовая освѣщалась лампами, разговоръ шелъ оживленный: передъ каждымъ бутылка вина, стаканъ, ложка, вилка и ножикъ. На мой поклонъ, нѣкоторые кивнули головою, продолжая ѣсть и не снимая шапокъ. На каждые 6 или 8 человѣкъ поставлено было большое вылуженное блюдо съ соусомъ. Изъ столовой проводникъ привелъ меня въ комнату, гдѣ помѣщались инженеры. Комната совершенно въ такомъ же родѣ, какъ и столовая, только нѣсколько меньше: такія же голыя стѣны съ маленькими окнами, по угламъ кровати и посреди столъ, за которымъ сидѣло пять человѣкъ инженеровъ. На столѣ блюдо съ какимъ-то рагу изъ телятины. Инженеры сидѣли въ шапкахъ и обѣдали. Я объяснилъ имъ цѣль моего пріѣзда и желаніе видѣть рабочихъ и работы. Мнѣ сейчасъ же предложили мѣсто за столомъ и стаканъ лафиту, говоря, что я пріѣхалъ немного рано, потому что работы производятся только приготовительныя, настоящихъ же работъ пока нѣтъ; что же касается помѣщенія и содержанія, то они къ моимъ услугамъ.

— Мы теперь еще не устроены, говорилъ мнѣ одинъ изъ инженеровъ,—и живемъ на бивуакахъ: пьемъ скверное русское вино и не имѣемъ хорошаго повара. Но что̀ жъ дѣлать! A là guerre, comme a là guerre. Главное, чтобы рабочимъ было хорошо. Мы объ нихъ только и думаемъ, и, кажется, они довольны.

— О, они здѣсь прекрасно живутъ, замѣтилъ другой. Всего получаютъ вдоволь: двѣ бутылки вина въ день, кофе, теплую постель и огромное жалованье; самый худшій получаетъ 40 р. сер. въ мѣсяцъ. Que voulez vous encore?

Въ комнатѣ такъ тепло, на столѣ лампа, пахнетъ такъ аппетитно кушаньемъ, и всѣ ѣдятъ очень усердно. Рядомъ со мной, по правую руку, сидѣлъ плотный инженеръ съ турецкимъ носомъ и такою густою и черною бородою, что ему позавидовалъ бы любой армянинъ. Онъ ѣлъ молча, ни на кого не глядя, заткнувъ себѣ салфетку за галстухъ; только время отъ времени, не переставая жевать, говорилъ басомъ: Du vin, s'il vous plait! Подливалъ себѣ въ стаканъ, точно на смѣхъ, 2—3 капли воды, выпивалъ его залпомъ и опять принимался ѣсть, даже съ какой-то злостью. По другую сторону, рядомъ со мною, сидѣла дѣвочка лѣтъ восьми, въ синемъ суконномъ платьѣ, въ синемъ вязаномъ чепчикѣ и въ синемъ же фартучкѣ. Такая востроносая, черноглазая, и ничего не ѣла. Позади ея, на какомъ-то ящикѣ помѣстился ея братъ, мальчикъ лѣтъ 13, и то и дѣло доставалъ вилкой, черезъ сестрину голову, съ блюда куски телятины. На другомъ концѣ стола сидѣлъ среднихъ лѣтъ блондинъ съ перевязанной головою, M-r С., завѣдывающій хозяйственною частью (какъ я узналъ послѣ), отецъ этихъ дѣтей; рядомъ съ нимъ молодой человѣкъ съ бородкою и рѣзкими, подвижными чертами лица. Онъ сидѣлъ какъ-то ужъ черезчуръ небрежно и все у него было на распашку, даже пуговицы вездѣ разстегнуты; говорилъ громко и тоже рѣзко, а не на распѣвъ, какъ остальные; руки держалъ въ карманахъ и вынималъ ихъ только для стакана. По всему видно было, что онъ въ желчномъ расположеніи духа. Пришелъ истопникъ, — онъ сейчасъ же на него накинулся, при чемъ выказалъ большія свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей.

Истопникъ, длинный отставной солдатъ, сухой какъ палка, принялся ковырять въ печкѣ.

— Эй, ты! Эй! — закричалъ на него желчный молодой человѣкъ. —Стопникъ.

— Чего извольте?

— Ты! слышь ты, болванъ! Дрова еще положи! Слышь! Истопникъ молчалъ, уткнувъ носъ въ печку.

— Скотина!—закричалъ французъ. Слышь, что я сказалъ?— еще дрова!

Истопникъ молча вышелъ.

— Негодяй!—завопилъ французъ и поблѣднѣлъ.

— Вотъ не угодно ли полюбоваться, — сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ, уже по-французски.—Есть ли какая нибудь возможность говорить съ этимъ народомъ безъ палки?

Блондинъ, его сосѣдъ, хотѣлъ эту выходку обратить въ шутку, и, замахнувшись на него длинной колбасой, сказалъ: а если васъ?—какъ бы это вамъ понравилось?

Молодой человѣкъ замолчалъ и мрачно насупился. Разговоръ послѣ этого какъ-то запнулся. Я обратился къ мальчику и спросилъ его, давно ли онъ въ Россіи? Онъ отвѣтилъ, что уже 2 мѣсяца, причемъ показалъ мнѣ два пальца, вѣроятно по привычкѣ говорить знаками, а другой рукой проѣхалъ себѣ по губамъ.

— И не скучаете здѣсь?

— Я вездѣ дома.

— А какъ вамъ нравится Россія?

— C'est un pays barbare, — и посмотрѣлъ на отца. Отецъ закрылъ глаза, чуть чуть покачалъ головой (нехорошо, дескать, такъ рѣзко выражаться) — и протянулъ ко мнѣ черезъ столъ колбасу, длиною въ аршинъ, говоря: saussisson de Parme — je vous prie. Сосѣдъ мой по правую руку, не переставая ѣсть, поставилъ передо мной стаканъ и, ткнувъ пальцемъ въ бутылку, пробормоталъ: Мму-мму-мму мма....

— Regalez vous en, перевелъ мнѣ блондинъ.

Рагу между тѣмъ исчезло; и вмѣсто его явился соусъ изъ картофеля и моркови. Вдругъ дверь отворяется и входятъ два работника: одинъ, тотъ самый, который провожалъ меня, съ маленькою лысиною и большою черною бородою, по всей вѣроятности, буфетчикъ; другой же, молодой человѣкъ высокаго роста, съ взъерошенными волосами и рыжей бородкой, въ синей суконной блузѣ. Въ рукахъ у него было блюдо съ соусомъ.

— Messieurs, не угодно ли полюбоваться, чѣмъ насъ кормятъ?—говорилъ онъ, торжественно поднося къ столу блюдо; между тѣмъ какъ другой что-то ворчалъ и былъ кажется этимъ очень недоволенъ.

— Я васъ прошу оставить меня въ покоѣ, умолялъ его молодой работникъ, я знаю, что дѣлаю — Goutez, messienrs, goutez! продолжалъ онъ приставать къ инженерамъ, которымъ тоже стало что-то неловко. Впрочемъ, нѣкоторые ткнули вилками въ соусъ, чтобы только отдѣлаться отъ непрошеннаго обличителя. Соусъ, повидимому, былъ какъ соусъ.

M-r. C., желая успокоить работника и кончить непріятную сцену, взялъ его за плечо и сказалъ:

— Ecoutez moi, Basin! Скажите товарищамъ, что завтра или послѣ завтра я *непремѣнно* ѣду въ Москву и привезу повара-француза. Я не вернусь безъ повара. Слышите!

Но Basin, какъ видно, смотрѣлъ на французскаго повара, какъ на журавля въ небѣ, и продолжалъ свое.

— Tout cela est bel et bon, monsieur, говорилъ онъ, ставя блюдо на столъ и ударяя себя кулакомъ въ грудь:—но когда я работалъ цѣлый день, когда я исполнилъ мою обязанность, какъ честный работникъ, то, надѣюсь, я могу требовать и пищи, которую я заслужилъ, и такой пищи, какую мнѣ обѣщали. Когда я сдѣлалъ свое дѣло,—я никого не боюсь, чортъ возьми!... кричалъ уже Basin въ порывѣ энтузіазма, дѣлая шагъ впередъ и становясь въ театральную позу.

— А меня не боитесь?—закричалъ также громко M-r. C., но придавая этому крику шутливый тонъ. Basin въ одну минуту опомнился и, слегка дотронувшись руки его, сказалъ мягкимъ голосомъ: «Я васъ уважаю, но.... не боюсь».

— Но, Basin, — согласитесь, что исполнить ваше желаніе въ настоящую минуту—невозможно, ублажалъ его M-r. C.— нужно же немного подождать.

— Не забудьте, M-r. C., что когда насъ заставили работать лишній часъ, то я первый пошелъ исполнять желаніе этихъ господъ. Мы не просили ихъ подождать немного.

— Вы не повѣрите,—говорилъ мнѣ между тѣмъ одинъ изъ этихъ messieurs (по русски, для того вѣроятно, чтобы Basin не могъ понять):—вы не повѣрите, какъ намъ трудно ладить съ этимъ народомъ. Вотъ эти жалобы повторяются почти каждый мѣсяцъ *).

Basin продолжалъ настаивать на своемъ и рѣшительно не унимался.

— Вотъ вамъ ключъ отъ кладовой, ступайте, возьмите говядины сколько нужно и велите приготовить что̀-нибудь для товарищей,—говорилъ M-r. C., отдавая ему ключъ.

— Я не возьму ключа: это не моя обязанность. Я пріѣхалъ сюда вовсе не для того, чтобы ходить въ кладовую. Я мастеровой, а не ключникъ, — продолжалъ неумолимый Basin. Не забудьте также, что если даже намъ и приготовятъ что̀-нибудь, то это уже будетъ ужинъ, а обѣдъ все-таки пропалъ. Мы не хотимъ ничего лишняго, мы просимъ только того, что̀ намъ слѣдуетъ по праву. J'espère moi, que quand on a travaillé sa journèe entière, on a aussi son droit de manger.

Тогда M-r C. взялъ съ своего стола еще нетронутое блюдо съ картофельнымъ соусомъ и, подавая его Basin, сказалъ:

— Вотъ возьмите это и отнесите товарищамъ. Мы не хотимъ, чтобы вы были голодны. Возьмите же! — настаивалъ онъ.

Basin не вынесъ такого великодушія и, ударивъ себя въ грудь, закричалъ: нѣтъ, мы на это никогда не согласимся!... и ушелъ.

Послѣ этой сцены всѣ какъ-то умолкли. Одинъ пытался было попасть въ прежній тонъ разговора, но что-то не клеилось. Присутствіе мое становилось лишнимъ. Тотъ самый инженеръ, который говорилъ со мной по-русски, принялся было разсказывать мнѣ о неудобствахъ бивуачной жизни, о тѣхъ трудностяхъ, которыя нужно преодолѣвать при устройствѣ новаго хозяйства на 60 человѣкъ и проч. Но, говоря это, онъ, кажется, и самъ чувствовалъ, что только заговариваетъ мнѣ зубы, а потому говорилъ какъ-то вяло, нерѣшительно и при томъ прибѣгая вовсе не кстати къ разнымъ сильнымъ сравненіямъ.

Но, видно, ужъ я попалъ не въ часъ. Опять дверь отворилась и явился длинный истопникъ. Молодой человѣкъ опять накинулся на него.

— Какъ ты смѣешь уходить, когда я тебѣ говорю? — Ты

---

*) Рабочіе въ сентябрѣ только привезены въ Россію.

знаешь, куда я тебя отправлю? Знаешь, болванъ?—Сейчасъ принеси дрова и топи!..

Истопникъ безстрастно глядѣлъ на инженера и потомъ вдругъ, какъ-будто опомнившись, сказалъ: слушаю-съ!

— Да тамъ вотъ еще французы подрались, — бутыль съ масломъ разбили; и теперь дерутся...

Наступило торжественное молчаніе. Инженеры глядѣли въ свои тарелки и барабанили вилками по столу... Я раскланялся и вышелъ, въ полной увѣренности, что инженеры въ эту минуту внутренно проклинали и меня, и мою любознательность. Въ столовой, когда я проходилъ, былъ шумъ страшный, но ничего нельзя было разобрать. На крыльцѣ стояла лужа пролитаго масла.

Отомстилъ коварный истопникъ,—думалъ я, выходя изъ балагана.

— Не угодно ли я провожу?—сказалъ кто-то въ темнотѣ.

— Пожалуй.

— Вотъ сейчасъ, только полушубокъ надѣну.—«Проси на чай!»—хриплымъ шопотомъ раздалось изъ двери. Я посмотрѣлъ: длинная, тощая фигура истопника торчала въ дверяхъ. Проводникъ между тѣмъ догналъ меня, наскоро застегивая полушубокъ. Отъ него я узналъ, что подобныя сцены повторяются чуть ли не каждый день, что французы рабочіе—народъ ужасно взыскательный и горячій: того и гляди другъ друга уходятъ. Одинъ такъ все молоткомъ замахивается, а въ молоткѣ фунтовъ 20.

— Вина теперь одного двѣ бутылки въ день, окромѣ того, что получаютъ еще, сверхъ положеннаго, краснаго вина, по 30 коп. бутылка. А ужъ пьютъ-то какъ здброво,—бѣда! Вотъ теперь послѣ ужина соберутся въ трактиръ и пойдетъ у нихъ попойка. Да, главная вещь, все рому подавай. Натянутся это рому, ну и драка. Намедни вотъ одного русскаго десятника въ трактирѣ чуть до смерти не уходили. Ножемъ бокъ пропороли и руку разрѣзали.

— Чѣмъ же кончилось дѣло?

— Четверыхъ никакъ отослали туда назадъ во Францію. Ну, а насчетъ работы, надо чести приписать,—нашимъ троимъ супротивъ одного ихнева не устоять. Да и не мудрено:—харчи хорошіе,—что-жъ имъ не работать. А и то все наровятъ жаловаться, все недовольны. На нашихъ бы посмотрѣли, наши не жалуются. Нѣтъ,—это они еще не учены, съ жиру бѣсятся.

Проходя мимо локомотива, я замѣтилъ, что здѣшніе больше тѣхъ, которые ходятъ по Николаевской дорогѣ.

— Да-съ, это точно, что больше, только вотъ кричитъ здѣшняя-то машина нескладно: точно какъ волкомъ воетъ. А вотъ я вамъ, сударь, скажу про эту машину,—какое было дѣло. По самому по началу, т. е., когда только первая эта самая машина изъ Москвы пришла, значитъ,—ну тутъ народу, выходитъ, собралось видимо не видимо; всѣмъ, знаете, это любопытно, потому какъ народъ дикій и ничего такого отродясь не видывали. Глядятъ, ротъ разинули: «ахъ, ахъ, гляка, малый кака машина-то!»—Пришелъ и приказчикъ Б—й, главный, значитъ, приказчикъ; народъ растолкалъ и ходитъ тоже вокругъ ее-то, заглядываетъ, тамъ это ощупываетъ,—точно понимаетъ. Я-ста, молъ, главный приказчикъ Б—й, осматриваю—все ли молъ въ порядкѣ. А машинистъ—французъ, такая-то бестія, точно и не видитъ, копается тамъ себѣ,—молчитъ. Только онъ это, приказчикъ-то, носомъ къ паровому крану обернулся, машинистъ какъ пуститъ ему пару да прямо въ рыло, такъ даже его назадъ перекинуло. Смѣху тутъ что было. Вотъ, молъ, тебѣ, и главный приказчикъ. А за тѣмъ прощайте-съ! до пріятнаго свиданія.

— Прощайте. Благодарю, что проводили. И на чай не попросилъ.

На другое утро пошелъ я взглянуть работы. Еще издали виднѣлись на мосту высокіе, какой-то особенной конструкціи лѣса, обдѣланные и обтесанные будто на показъ, скрѣпленные винтами и множествомъ гаекъ; на самомъ верху, перекинувшись черезъ балку, висѣлъ на воздухѣ человѣкъ въ синей курткѣ, съ лицомъ запрятаннымъ въ кашне; внизу по мосту и во всю ширину рѣки синѣли блузы и куртки въ перемѣшку съ дублеными полушубками; и вверху и внизу слышалась бойкая французская рѣчь, слышались и русскіе бонмо; подъ самыми сваями кто-то пѣлъ во все горло:

Je pars, adieu, Marie!....

Народъ попадался все крупный, такой основательный, надежный и все съ такими густыми и черными бородами, въ теплыхъ мерлушковыхъ шапкахъ и дубленыхъ рукавицахъ. Прошелъ какой-то начальникъ въ енотовой шубѣ,—никто и ухомъ не повелъ, никому до него и дѣла нѣтъ,—всякій занятъ своимъ: таскаютъ ящики съ чугуномъ, только-что привезенные изъ Москвы, прилаживаютъ гайки, и все это такъ просто, свободно, безъ криковъ и понуканій, покуривая сигарку и распѣвая пѣсенки о своей belle France.

Въ одномъ мѣстѣ французъ плотникъ разговариваетъ съ русскимъ десятникомъ, котораго онъ посылалъ за сигарою

— Combien?—спрашиваетъ французъ, показывая на сигару.

— Три копѣйки.... *труа*, отвѣчаетъ десятникъ, отдавая сдачу. Да вотъ что̀, мусье, съ тебя на чай слѣдуетъ.—*Буаръ, буаръ*.... понялъ?

— A, oui.... говоритъ французъ и отдаетъ ему сдачу.

— Ну ладно, *мирси*, значитъ.

— Merci! говоритъ и французъ.

Съ мосту я зашелъ опять въ тотъ балаганъ, гдѣ былъ вчера; мнѣ еще хотѣлось побывать въ мастерской и заглянуть въ спальни. Спальня—свѣтлая, чистая и теплая комната, арш. 15 длиною и 7 шириною, съ круглою печью по серединѣ. По обѣ стороны—нары, а на нихъ тюфяки, подушки и байковыя одѣяла. Подъ каждой постелью сундучекъ или шкатулка; въ окнахъ двойныя рамы и занавѣски. Когда я вошелъ—трое рабочихъ занимались приведеніемъ въ порядокъ своихъ вещей. Мой вчерашній знакомый, Basin, былъ тутъ же и чинилъ себѣ куртку; надъ его кроватью висѣлъ чей-то портретъ. Я подошелъ ближе разглядѣть его и спросилъ у Basin: это кажется Беранже?

— Oui, monsieur, c'est lui; c'est l'ami du peuple,—отвѣчалъ онъ, гордо посматривая на портретъ.

Изъ спальни прошелъ я въ мастерскую: тамъ работало человѣкъ 10:—кто у маленькаго подвижного горна, кто у слесарнаго станка. И тутъ тѣ же чистота и порядокъ: все такъ удобно, хорошо прилажено, тѣ же здоровыя, спокойныя лица, смѣлая рѣчь и пѣсни.

А тамъ внизу, подъ мостомъ, копошился народъ: человѣкъ 30 какихъ-то нищихъ всѣхъ возрастовъ, начиная съ 15 и до 70 лѣтъ, усиленно дергали измочаленный канатъ и тянули пѣсню:

Черная галка, чистая полянка,
Жена Марусенька,
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?
Ухъ!

Человѣкъ десять ковырялись во льду и таскали изъ воды обмерзлыя бревна. И такъ-то вяло, какъ будто нехотя. Поковыряютъ, поковыряютъ, да почешутся; или примутся зѣвать, и до тѣхъ поръ зѣваютъ и потягиваются, пока не увидитъ ихъ десятникъ и не примется кричать:

— Эй вы! шмони вы эдакія! право, шмони! Ну, что стали? Эхъ, палки на васъ нѣтъ.

На берегу лежало бревно, а подъ нимъ теплился огонекъ. Къ этому берегу то и дѣло подбѣгали оборванные, ощипанные люди наскоро погрѣть руки и пожарить на огнѣ свои худые лаптишки. Я подошелъ къ бревну: вокругъ него на корточкахъ сидѣло нѣсколько человѣкъ. И что̀ это за народъ!... Откуда только набрали ихъ? И какихъ, какихъ тутъ нѣтъ?!. И отставные солдаты, дряхлые и недужные, въ рыжихъ шинелькахъ; какіе-то старые, отжившіе свой вѣкъ, дворовые, въ валенкахъ на босу ногу; и еще какіе-то въ сюртучкахъ; у одного такъ даже гвоздь пришитъ къ сюртуку вмѣсто пуговицы; тутъ же и обдерганный, съ жиденькою бородкою, въ худомъ армячишкѣ бобыль-мужиченка и мальчикъ лѣтъ 14, блѣдный, тощій, съ голыми колѣнами и судорожнымъ кашлемъ. Всѣ они какъ-то пугливо посматривали въ ту сторону, гдѣ виднѣлся десятникъ, затягивались трубочкой и, покоптивъ себѣ руки, бѣжали прочь, опять на *коперъ* *), гдѣ безустанно подымалась и опускалась тяжелая *баба* **), вколачивая сваи въ мерзлую землю.

У огня шелъ разговоръ о жалованьи.

— Вотъ, говорилъ одинъ, въ сентябрѣ давали 7 руб., въ октябрѣ 6, въ ноябрѣ 5, теперь, то и жди, дойдетъ до 4-хъ.

— Нѣтъ вотъ, харчи-то, братцы мои,—только слава, что хозяйскіе харчи—вступился другой, засунувъ ногу въ огонь.

— А что̀? спросилъ я.

— Да вотъ что̀, сударикъ, убоины теперь, идетъ у насъ 1 ф. на двоихъ, солдатская кашица, да 1 ф. масла на 10 человѣкъ. Посуди ты самъ, ну какъ ты тутъ станешь работать? Съ кашицы-ти съ этой инда животы подвело: не сподручна ужъ она больно нашему брату кашица-то эта.

— Ну, а гдѣ же вы живете?

— Гдѣ живемъ-та? Вонъ въ баракѣ живемъ. Одно слово— барака. Ни стать, ни сѣсть. Опять холодъ, стыть такая—и

---

*) *Копромъ* называютъ снарядъ для вколачиванія свай.

**) *Баба*—тяжелая гиря, которой вбиваютъ сваи.

не приведи Господи! День-атъ отворена стоитъ, нетоплена, нахолодаетъ; а къ ночи-ти истопятъ,—пойдетъ тебѣ чадъ, дымъ; народу набьется видимо-невидимо, а тепла все нѣтъ; такъ только паръ ходитъ. Опять же одежонка плохинькая: ночь-то ноченьку мерзнешь-мерзнешь, а утромъ опять на работу. Только вотъ здѣсь у огонька-то и погрѣешься. Ни умыться тебѣ, ни что.... говорилъ онъ въ раздумьи, покачивая головой.

— Эво-ся! умыться.... смѣялся молодой парнишка, подпрыгивая на одномъ мѣстѣ. Что ты, баринъ что-ли,—умываться-то? Мотри дѣвки любить не станутъ.

Но тотъ его не слушалъ. Никто даже и не улыбнулся на эту остроту: имъ было не до смѣху.

— Въ кухнѣ теперь нечистота какая,—Господи! не глядѣли бы глаза мои. На чтò-жъ, кажется, мы народъ ко всему привыкшій, а намъ и то мерзитъ.

— Въ кухнѣ обѣдаете?

— Гдѣ,—въ кухнѣ? Гдѣ придется, тамъ и обѣдаемъ. Пришелъ ты съ своей чашечкой въ кухню, нальютъ тебѣ кашицы, ну и ступай. Кой въ баракѣ, кой на мосту; кто гдѣ хочетъ: тамъ и обѣдаетъ. Пойдемте, ребятушки! Ишь вонъ десятникъ идетъ.

— Ну, к'чтожъ? незамай его идетъ. Стой, ребята! Скажемъ—озябли.

Десятникъ между тѣмъ спускался съ пригорка въ новомъ дубленомъ полушубкѣ, въ новой шапкѣ и въ новыхъ зеленыхъ рукавицахъ съ батожкомъ въ рукахъ.

— Ну, вы!—кричалъ онъ еще издали, помахивая палочкой.—Что больно часто грѣться ходите? Ишь на копрѣ-ти народу вовсе мало. Сейчасъ начальникъ пойдетъ.

Всѣ отошли, я остался одинъ. Десятникъ замѣтилъ меня и поклонился.

— Вотъ, ваше благородіе,—говорилъ онъ заискивающимъ голосомъ. Чтò ты станешь дѣлать съ каторжнымъ народомъ?

— А чтò?

— Все бы имъ вотъ у огня, да трубочку сосать. Эдакой народецъ.

— Скажи, пожалуйста: откуда это вы набрали такого народу? Очень ужъ плохъ.

— Оно вотъ чтò я вамъ скажу: по нашему дѣлу, выходитъ,—для копра такой и требуется народъ-атъ. Кой ужъ въ работу ни въ какую не годенъ, того мы и беремъ. Народъ дешевый, а главная вещь—присмотръ за нимъ нуженъ. Безъ присмотру ничего не подѣлаешь. Все наровитъ—какъ бы отъ дѣла прочь, а жалованье ты ему подавай,—какъ путному. А то и это бываетъ, что у насъ наймется, да еще у француза въ поденьщину пойдетъ: тамъ по полтиннику даютъ. И однако мы про это дѣло прознали, да и переписали всѣхъ на особомъ листѣ; раза три въ день перекличку дѣлаемъ. Оно вѣрнѣе-съ.

— Зачѣмъ же имъ жалованье убавили?

— А затѣмъ-съ, что этотъ народъ временный. Вотъ къ зимѣ-ти народу привалитъ страсть сколько, настоящаго т. е. народу; а эти шематоны въ то время разбредутся, потому какъ у нихъ одежда не въ порядкѣ. А впрочемъ, мое почтеніе-съ!

На обратномъ пути заглянулъ я въ бараки и тутъ только понялъ, до какой степени невзыскателенъ и терпѣливъ можетъ быть человѣкъ, поставленный въ необходимость работать на копрѣ.

V.

Клязьма (Этнографическая и статистическая замѣтка).—Г. Покровъ.—Уѣздная личность.—Пѣтушки.—Пѣсни.—Троечники.—Подрядчики.—Исправникъ.—Ундолъ.—Пастухъ.—Фабричный съ женою.—Ночлегъ.—Хрѣново.—Разсказъ о Суворовѣ.—Кузница.—Фургонъ.—Владиміръ-на-Клязьмѣ.

Клязьма—одна изъ замѣчательныхъ рѣкъ въ своемъ родѣ: ничтожная по величинѣ и по судоходству—она имѣетъ огромное экономическое значеніе для тѣхъ мѣстностей, по которымъ протекаетъ. Клязьма прорѣзываетъ владимірскую губернію во всю длину ея съ юго-запада на сѣверо-востокъ и орошаетъ самыя разнообразныя почвы. Отъ самой границы московской губерніи, начиная съ песчанаго грунта Покровскаго уѣзда, течетъ она по среднимъ землямъ Владимірскаго уѣзда, по мергелистому суглинку Ковровскаго, Вязниковскаго и Гороховецкаго уѣздовъ и, наконецъ, почти на границѣ нижегородской губерніи, захватываетъ наносную почву подъ самымъ Гороховцемъ. Но не смотря на это видимое разнообразіе почвъ и происходящее отъ того различіе въ занятіяхъ жителей тѣхъ мѣстностей, по которымъ протекаетъ Клязьма, нельзя не замѣтить той характеристической особенности, которая лежитъ на берегахъ ея; нельзя не замѣтить исключительности, такъ называемой, *приклязьминской полосы*. Полоса эта тянется длинною лентою съ одного конца губерніи до другого, верстъ по 15-ти въ обѣ стороны (на земляхъ песчаныхъ и по 30 на плодородныхъ), обнимая берега важнѣйшихъ притоковъ Клязьмы,—Луха, Тезы, Уводи, Нерли, Колокши, Судогды, Пекши *). Вся эта приклязьминская полоса отличается красивымъ, здоровымъ и дѣятельнымъ населеніемъ, хорошо обработанною почвою, не смотря на ея разнохарактерность, и чрезвычайнымъ развитіемъ фабричной, ремесленной и промысловой дѣятельностей. Историческія изысканія показываютъ, что береговое населеніе Клязьмы—чисто славянское, пришедшее съ сѣвера (по всей вѣроятности новогородское), вытѣснившее туземныхъ жителей финскаго происхожденія и заселившее берега рѣки, какъ болѣе соотвѣтствовавшіе духу предпріимчивости и торговли, которымъ всегда отличались новогородскіе выходцы. Дубенскій предполагаетъ съ своей стороны, что славяне, поселившіеся здѣсь, могли быть также поволжскіе,—ярославскіе и костромскіе, тоже замѣчательные своей предпріимчивостью въ сравненіи съ окружавшими ихъ туземцами. Но какъ бы то ни было, какого бы происхожденія ни были славянскіе переселенцы, оживившіе берега Клязьмы,—дѣло въ томъ, что дѣятельность приклязьминскаго населенія отличается отъ сосѣднихъ мѣстностей и кладетъ рѣзкую печать на берегового жителя. Приклязьминскій крестьянинъ—красивой наружности, высокъ ростомъ, предпріимчивъ, общителенъ и ужъ непремѣнно *хозяинъ*. Какъ бы мелко ни было производство, но оно всегда основано на капиталѣ, возрастаніе котораго здѣсь необыкновенно быстро; личный трудъ большею частью переходитъ въ трудъ антрепренера и хорошо вознаграждается; между тѣмъ какъ тутъ же, рядомъ малорослые и некрасивые остатки финскихъ племенъ мордвы и муромы ведутъ вялый и неподвижный образъ жизни, ограничиваясь грубыми и тяжелыми работами,—бурлацкой, пилкой и рубкой дровъ, трепаніемъ льна и проч., т. е. такими занятіями, которыя исключаютъ дѣятельность промышленную и торговую; трудъ является здѣсь упорнымъ и неблагодарнымъ и самая форма его дѣлаетъ изъ человѣка только *работника*, вѣкъ свой трудящагося изъ-за куска хлѣба.

---

*) Свѣдѣнія эти заимствованы мною у извѣстнаго статистика и этнографа владимірской губ. г. Дубенскаго, съ которымъ я имѣлъ случай лично познакомиться во Владимірѣ.

Замѣчательно, что такое рѣзкое различіе въ характерѣ труда, образѣ жизни и развитіи приклязьминской и сосѣднихъ съ ней мѣстностей происходитъ вовсе не отъ вліянія почвы и зависимости отъ нея человѣка, какъ обыкновенно думаютъ въ подобныхъ случаяхъ экономисты. Въ этомъ отношеніи, владимірская губернія представляетъ любопытное исключеніе. Доказательствомъ служитъ то, что здѣсь промышленность получила большое развитіе какъ нарочно на плодородной почвѣ, между тѣмъ какъ на песчаныхъ и болотистыхъ мѣстахъ, на берегу Оки, въ Гороховскомъ уѣздѣ и по обѣимъ сторонамъ ея въ Меленковскомъ, въ лѣсныхъ, заклязьминскихъ селеніяхъ Судогодскаго и Ковровскаго уѣздовъ, не смотря на чрезвычайно бѣдную песчано-каменистую почву, непроизводительность которой должна бы пробудить въ народѣ промышленную дѣятельность, населеніе занято единственно земледѣліемъ, пилкою и рубкою дровъ, гонкою смолы, извозами, точно тоже и около Юрьева и Киржача, на границѣ тверской губерніи и въ лѣсной половинѣ Переславскаго уѣзда, гдѣ жители занимаются пастушествомъ, невыгоднымъ ткачествомъ на другихъ, и рубкою дровъ.

Первый пушистый снѣжокъ порошилъ въ полѣ, ласково скользя по лицу, небо стояло ровное и бѣлое, незамѣтно сливаясь съ побѣлѣвшей далью, а ее такъ и заволакивало все больше да больше; въ эту даль, какъ стрѣла, впивалась чугунка и пропадала въ ней; телеграфные столбы, съ развѣшанной на нихъ проволокой, чѣмъ дальше—становились все чаще и мельче, наконецъ совсѣмъ сливались въ одну линію и уходили тоже въ эту бѣлую, непроглядную даль.

Весело и бодро иду я около самой дороги, помахивая зонтикомъ и прислушиваюсь невольно къ гуденію проволоки; вижу, что телеграфные столбы уже не такіе, какъ на шоссе, а будто потоньше, чаще разставлены и съ бѣлыми, глиняными колпачками, на которыхъ намотана проволока; полотно дороги ровно и привлекательно усыпано песочкомъ, канавки выложены дерномъ; вижу я, какъ версты за три впередъ, стоятъ у дороги желтенькія, только что выстроенныя будочки: одну вижу ясно, другая будто въ туманѣ, а третья чуть-чуть мелькаетъ, но, не смотря на это, вижу я, что всѣ онѣ въ русскомъ вкусѣ. А въ будочкахъ и меня запримѣтили: на крыльцѣ ближайшей показался человѣкъ въ форменномъ казакинѣ и пристально всматривается въ меня. Подхожу ближе: сторожъ обзываетъ меня неприличнымъ словомъ за то, что самъ обознался, принявъ меня за начальника и съ сердцемъ уходитъ въ будку. За этой будкой такая же другая и точно такой же сторожъ, за другой третья, а тамъ четвертая и т. д. какъ двѣ капли воды. И чѣмъ дальше иду я, тѣмъ больше беретъ меня раздумье: зачѣмъ я иду по дорогѣ? Вѣдь эти рельсы и будки такъ и пойдутъ вплоть до самаго Владиміра и ничего больше не будетъ. Проволока такъ уныло завываетъ, впереди ни кола, ни двора, ни кустика даже не видно; да и снѣгъ разошелся не на шутку,—должно быть зимній путь хочетъ установиться. Однообразіе дороги становится едва выносимымъ, но опять это не то, что на шоссе; тамъ по крайней мѣрѣ хоть слѣдъ человѣческій виденъ, знаешь вотъ, чувствуешь, что хоть и нѣтъ никого, да за то сейчасъ можетъ кто-нибудь проѣхать, увидишь живое существо, деревню увидишь, собаки залаютъ, или нищій нагонитъ тебя и разговоришься съ нимъ, а здѣсь все это не живое, да и дорога эта не дорога, а машина какая то: лежатъ передъ глазами двѣ желѣзныя полосы и больше ничего и никого не дождешься, а если и дождешься, такъ сторожа, который сгонитъ тебя съ этихъ полосъ и пойдешь какъ не солоно хлебалъ. Нѣтъ, лучше убраться отсюда, но куда жъ я пойду? Въ сторону нѣтъ дороги. На четвертой верстѣ показался водоподъемный домъ и еще строеніе: смотритель живетъ; влѣво пошла дорога въ Покровъ; тутъ всего семь верстъ до города. Скорѣе въ городъ! Смерть, какъ захотѣлось города. Иду проселкомъ, смеркается, и я ужъ начинаю побаиваться, чтобы не захватила меня ночь на пути; поля и овражки заметаетъ снѣгомъ, поднимается вѣтеръ, плечи занываютъ, ноги отказываются. Эхъ! если бы попутчикъ! Ни души, рѣшительно ни души. А вѣдь кто-то догоняетъ меня. Прислушиваюсь, такъ и есть, лошадь фыркаетъ. На пригоркѣ показались сани,—ѣдетъ мужикъ порожнемъ.

— Дядюшка! подвези до города.

— Но! но! что задумался? вмѣсто отвѣта кричитъ онъ на свою лошадь и погоняетъ дальше.

— Почтенный! подвези, сдѣлай милость,—я тебѣ заплачу.

Мужикъ продолжаетъ погонять и равнодушно смотритъ на меня. Я принимаюсь бѣжать и кричу изо всей мочи: голубчикъ, подвези! Смерть моя—усталъ, ночь на дворѣ.

— Эхъ, молодость! насмѣшливо вскрикиваетъ онъ, замахиваясь на лошадь возжами и представляя изъ себя разудалаго молодца.

Злобная брань противъ воли вырывается у меня на мгновеніе; досада и обманутая надежда съ болью сжимаютъ сердце, а мужикъ между тѣмъ, отъѣхавъ шаговъ на сто, пріостанавливаетъ лошадь и, продолжая глядѣть на меня и язвительно улыбаться, ѣдетъ въ такомъ разстояніи, чтобы я никакъ его не могъ догнать. Ноги подкашиваются, ранецъ становится невыносимымъ и мнѣ нужно дѣлать страшныя усилія и собрать все присутствіе духа, чтобы не бросить мою ношу, или не лечь на землю. А ужъ совсѣмъ смерклось, безжалостный мужикъ затянулъ пѣсню и все-таки не подпускаетъ меня близко къ себѣ. Наконецъ въ Покровѣ показались огни, еще полчаса самыхъ отчаянныхъ усилій и я въ городѣ. Мокрыя улицы съ грязными строеніями, крикъ запоздавшихъ мужиковъ, базарный кабакъ съ фонаремъ на дверяхъ; блѣдные, зеленоватые калачи, способные возбуждать тошноту въ покупателѣ, мокнутъ на лоткѣ вмѣстѣ съ мятными пряниками, мѣдными крестами и горючей сѣрой; торговки въ ватошныхъ лохмотьяхъ ругаются на всю улицу; какая-то несчастнѣйшая больная собаченка подвертывается подъ ноги и визжитъ отъ страха; въ отворенныя ворота постоялаго двора видны воза, слабо освѣщенные фонаремъ, а въ окнѣ сальная свѣча на столѣ, вокругъ свѣчи бороды и подымающіяся ложки,—ужинаютъ.

— Хозяева, пустите ночевать.

Отворяется окно, выглядываетъ хозяинъ.

— Кто таковъ?

— Пустите ночевать.

— Мы пѣшихъ не пущаемъ.

— Я ужинать стану, самоваръ спрошу.

Хозяинъ недовѣрчиво и въ то же время небрежно разсматриваетъ меня.

— Ай пустить? обращается онъ къ женѣ, которая тоже подошла къ окну.

— Вить пѣшій, говоритъ она мужу. Ну ихъ совсѣмъ,—и безъ нихъ тошно.

— Говоритъ: ужинать станетъ.

— Гдѣ ужинать? Небойсь хвастаетъ. Поди-чай, денегъ-то одинъ гривенникъ. Ты спроси, есть ли деньги-та?

— Деньги-то естьли?

— Есть, есть. Пустите, пожалуйста.

— А ты вели показать. Ихнему брату на слово тоже вѣрить нельзя, говоритъ хозяйка.

— Это точно, замѣчаетъ хозяинъ, уже обращаясь къ сидѣвшимъ за столомъ и въ видѣ поученія говоритъ имъ:

— Ужъ это такой народъ,—все наровятъ на даровщину, да христовымъ именемъ. Пока ты его въ избу не пущаешь, онъ тебѣ того наскажетъ, что и ни вѣсть что: и ужинать-то онъ станетъ, и чай пить, и обѣдать, и овса и сѣна возьметъ.... (сидящіе за столомъ смѣются) съ пьяну-то послушать, купецъ, да и только, какъ есть купецъ; а глядишь, пѣшкомъ пришелъ: лошади, должно думать, поотстали, аль коляска сломалась.... (опять смѣхъ).

А я все стою подъ окномъ по колѣно въ грязи.

— Что же пустите, что ли? спрашиваю я, теряя всякое терпѣніе.

— Ишь онъ прытхій какой! продолжаетъ острить хозяинъ. Должно лошади не стоятъ? Ну ладно, ладно, показывай деньги.

— Вотъ, вотъ онѣ!...

— А вѣдь и правду есть, понижая тонъ, говоритъ хозяинъ при видѣ пятирублевой бумажки.

— Что станешь дѣлать съ купцомъ? И то видно пустишь.

— Полно ты, унимаетъ его жена, вдругъ перемѣнившая мнѣніе обо мнѣ. Видишь онъ въ очкахъ,—должно семинаристъ какой. Ступай, голубчикъ, въ избу. Вотъ я велю работницѣ самоварчикъ наставить.

И черезъ пять минутъ ужъ я сижу за столомъ, предо мной чашка съ жирными щами, хозяйка сама разрѣзываетъ свинину, проѣзжіе извозчики угрюмо косятся на меня, и тотъ же самый хозяинъ, нѣсколько минутъ тому назадъ такъ безбожно острившій надо мной,—теперь не знаетъ какъ угодить, самъ вызывается сбѣгать за водкой (видя возможность и самому попользоваться около меня рюмочкой другой) и въ то же время необыкновенно хитро старается свалить ошибку свою на жену; схватываетъ со стола только что положенную ложку и кричитъ женѣ:

— Эхъ ты, деревня! Что-жъ ты ложку не вытерла? Гдѣ у тѣ полотенце? Нешто эдакъ можно? И когда я тебя выучу?

— Ну ужъ ты тоже, учитель! съ неудовольствіемъ отвѣчаетъ жена, бросая ему въ лицо полотенце.

— Дура! Необразованная! говоритъ онъ, безъ всякой нужды вытирая ложку изо всей мочи.

— Ложечку получите. А ты вотъ какъ старайся, чтобы у тебя все было въ порядкѣ, чтобы всѣ оставались довольны.

Что же, за водочкой-то сходить? У насъ вѣдь тутъ рядышкомъ; это я въ одну минуту схлопочу, говоритъ онъ шопотомъ, чтобы жена не слыхала.

— Выдь въ сѣни-то, выдь погляди: самоваръ бы не ушелъ, выпроваживаетъ онъ ее въ сѣни. Гдѣ солоница? Что-жъ ты? Эхъ, мало я тебя учу! А ты старайся....

— Ну те совсѣмъ! Что присталъ? Старайся, да старайся. И безъ твоихъ ученьевъ знаютъ, что̀ дѣлать, съ досадой прерываетъ его хозяйка, предчувствуя, къ чему клонятся эти наставленія. Ты вотъ лучше въ кабакъ-то порѣже ходи.

— Ну ужъ это, кажется, не ваше дѣло. Я посуду-то свою возьму, опять шопотомъ говоритъ онъ мнѣ, припадая къ уху.

— А ужъ я тебя уйму, дай срокъ! Ты у меня эти слова забудешь, сейчасъ издохнуть. Постой, кричитъ онъ, украдкой надѣвая шапку и уходя изъ комнаты.

Послѣ ужина я пошелъ въ трактиръ. Это было единственное мѣсто, гдѣ я могъ почти навѣрное увидѣть одного человѣка, котораго мнѣ хотѣлось видѣть непремѣнно. Было впрочемъ и другое мѣсто, гдѣ можно было еще скорѣе найдти его,—это кабакъ; но идти туда мнѣ не хотѣлось, тамъ я рисковалъ застать его въ компаніи, а мнѣ нужно было поговорить съ нимъ наединѣ, безъ свидѣтелей. Въ трактирѣ, къ счастью, нашлась отдѣльная комната, куда я заперся, спросивъ себѣ чаю. Съ этимъ знакомымъ я разстался уже нѣсколько лѣтъ. Въ юности онъ подавалъ большія надежды, но потомъ спился, испортилъ необыкновенно-счастливо начатую карьеру и въ послѣднее время совсѣмъ пропалъ изъ виду. Я зналъ только, что онъ уже два года живетъ въ Покровѣ; въ послѣднее время ходили какіе-то темные слухи, что, будто, онъ пересталъ пить и занялся дѣломъ. Мнѣ хотѣлось убѣдиться въ этомъ, и если бы слухи оказались ложными, то по крайней мѣрѣ поговорить съ нимъ и узнать, въ какомъ положеніи онъ находится. Когда я спросилъ у буфетчика, не знаетъ ли онъ К—ва и назвалъ его по имени, онъ насмѣшливо воскликнулъ:

— А? Писатель, писатель. Какъ не знать? Его весь городъ знаетъ.

— Что̀-жъ онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Извѣстно что̀: небойсь въ кабакѣ сидитъ, стихи сочиняетъ. Да онъ у насъ съ полчаса тому назадъ былъ, четвертку бумаги выпросилъ. Я сейчасъ за нимъ мальчика пошлю.

Пока мальчикъ ходилъ въ кабакъ, буфетчикъ успѣлъ разсказать мнѣ, что К—въ дѣйствительно переставалъ пить на нѣкоторое время, что хозяинъ этого трактира очень его полюбилъ и давалъ ему возможность поправиться, но что К. больше двухъ мѣсяцевъ не выдержалъ и теперь находится въ самомъ жалкомъ положеніи, но въ то же время счелъ нужнымъ замѣтить, что жаль-де молодого человѣка, при томъ такого умнаго и ученаго. Да вотъ онъ никакъ самъ идетъ. А впрочемъ поговорите: можетъ онъ васъ и послушаетъ; я и самъ такъ-то ино время...

Но въ это время отворилась дверь, буфетчикъ выскользнулъ и оставилъ меня лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго я въ первую минуту и не узналъ. Предо мной стоялъ К. въ нищенскихъ лохмотьяхъ, съ опухшимъ лицомъ и выпученными отъ удивленія глазами. Я смотрѣлъ на него и тоже не могъ сказать ни слова—до такой степени поразили меня этотъ оборванный полушубокъ, небритая борода и обезображенная физіономія; къ тому же пріятель мой былъ сильно пьянъ; я сказалъ только: садитесь, поговоримъ; но тутъ же мнѣ пришлось раскаяться въ желаніи поговорить съ нимъ. Опомнившись немного отъ удивленія, онъ началъ съ того, что заключилъ меня въ свои объятія, но, замѣтивъ, что мнѣ это не доставляетъ большого удовольствія, остановился и счелъ за нужное обидѣться.

— Мм. Извините, извините, говорилъ онъ, отодвигаясь отъ меня и судорожно подбирая полы своего полушубка.—Пардоне! же фе дезордръ. .. дрръ.... пардоне! Блродный человѣкъ! Блродный челвѣкъ! Я пьяница, а вы блродный человѣкъ. Ле зомъ нобль.

— Мнѣ стало неловко. Я вовсе не желалъ его обидѣть и при томъ я еще надѣялся хоть что̀-нибудь допытаться отъ него. Я было сталъ извиняться, но онъ уже забылъ о своей обидчивости, попросилъ трубку и началъ декламировать:

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ,
Янтарь въ устахъ его дымился.
Безмолвно рблѣпный дворъ....

— Мишка! Что̀ такое рблѣпный дворъ? спрашивалъ онъ у мальчика, подавшаго ему трубку. А? Что такое рблѣпный дворъ? Гирей-то—это кто? Не знаешь? Дуракъ! Гирей—Иванъ Прохорычъ, а рблѣпный дворъ—Семенъ Иванычъ буфетчикъ, Петька, да ты—скотъ. Понялъ?

— А я вотъ сейчасъ пойду Семену Ивановичу скажу, какъ ты тутъ ругаешься, говорилъ мальчикъ, собираясь идти.

К—въ струсилъ и заговорилъ: ну, ну, полно; но сейчасъ же опомнился и началъ опять декламировать:

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ....

— Пошелъ къ доскѣ, щенокъ! Безъ обѣда! Единицу ему, говорилъ онъ, толкая меня локтемъ. В. А. блродный человѣкъ! Вѣдь онъ Пушкина не понимаетъ. Скотъ! У тебя высшихъ стремленій нѣтъ, потому ты и скотъ. Бестія! Что̀ значитъ по латинѣ: bestia? Существительныя, перваго склоненія, женскаго рода.... Языкъ плохо повиновался ему.

— К—въ! К—въ! приставалъ къ нему мальчикъ.

— Ну что̀ тебѣ?

— Ты разскажи лучше, какъ ты камни ломалъ.

— Ну такъ что-жъ—и ломалъ. За это мнѣ полушубокъ дали. Все-таки честнымъ трудомъ, матеріальнымъ трудомъ. Мтеріалистъ. Блродный человѣкъ! Позволь мнѣ быть мтрлистомъ,—вели К—ву водочки подать.

Но водки я подать не велѣлъ, а мальчика попросилъ выдти. К—въ насупился; я было началъ ему говорить о его матери и сестрахъ, которыхъ онъ оставилъ въ крайней бѣдности; я думалъ, что это хоть сколько-нибудь заставитъ его отрезвиться, но вышло еще хуже. Онъ началъ тереть себѣ лобъ и морщить брови, какъ будто стараясь что̀-то припомнить, потомъ вдругъ началъ вздыхать и притворяться очень растроганнымъ. Это было отвратительное зрѣлище: онъ прикидывался чувствительнымъ, какъ и прежде, въ старые годы, для того чтобы расчувствовать меня и заставить угостить его водкой.

— Нѣтъ! Нѣтъ! говорилъ онъ, ударяя себя въ грудь и безсмысленно поводя глазами: не поминай мнѣ о нихъ! Я злодѣй! Я убійца!... Онъ положилъ голову на столъ и, пролежавъ нѣсколько минутъ, вдругъ поднялся и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Вина! Тушить горе виномъ! Скорѣй вина,—душа моя въ огнѣ. Мишка! К—ву рюмку водки.

Я попытался было отклонить его отъ этого намѣренія, но разсудилъ, что все равно, добиться отъ него ничего нельзя, и, въ сотый разъ убѣдившись въ безполезности разговоровъ съ пьянымъ и заплативъ за водку, ушелъ на постоялый дворъ спать. Когда я уходилъ изъ трактира, К—въ стоялъ у буфета и хвастался предъ трактирной прислугой своими знакомствами, т. е. мною, и говорилъ имъ: вы, скоты, не понимаете, что̀ такое образованный человѣкъ.

— Ну что-съ? спрашивалъ меня буфетчикъ, провожая меня съ крыльца.—Погибъ! Я говорю, что погибъ. Да жаль, жаль; а вѣдь умнѣйшая голова, вы сами знаете. Вотъ и я такъ-то, нечего таиться, грѣшный человѣкъ, ино мѣсто: все съ себя спустишь, а вѣдь тоже въ Москвѣ живалъ; мнѣ бы по настоящему не здѣсь мѣсто. Чтò дѣлать? Слабость. До свиданья-съ.

На другой день мнѣ еще разъ пришлось видѣться съ К—вымъ; но уже съ трезвымъ.

Часа за два до свѣту проснулись извозчики истали собираться въ дорогу: долго чесались, охали, кряхтѣли, наконецъ разочлись и уѣхали. Хозяинъ, проводивъ ихъ, пришелъ въ избу съ фонаремъ, вынулъ изъ него свѣчу и задулъ ее, напустивъ ужаснѣйшей вони. Эта самая вонь и подняла меня чуть свѣтъ. Принесли самоваръ. Пока я пилъ чай съ кислыми кренделями, хозяинъ стоялъ среди избы позѣвывая, потягиваясь и оглядывая сонными глазами стѣны, оклеенныя разными картинками, и долго, долго всматриваясь въ нихъ, точно онъ не могъ понять, какими судьбами онѣ попали сюда. По картинкамъ бродили тараканы, свѣча тускло горѣла на столѣ, огромный зеленоватый самоваръ безсвязно и сосредоточенно нылъ чтò-то про себя, и все почему-то хотѣлось его слушать; дремота одолѣвала, на лавкѣ сидѣлъ котъ и лѣниво щурился на огонь. Зѣвота наконецъ одолѣла хозяина до такой степени, что его качнуло въ сторону, такъ что самъ онъ даже удивился и сказалъ: «Тьфу ты пропасть! Чтò за чудо за такое! Ахъ ты, Создатель мой! Вотъ раззѣвался-то!» Потомъ подошелъ къ столу, снялъ пальцами со свѣчи, подсѣлъ ко мнѣ и сталъ заговаривать.

— Погляжу я на васъ....

— А чтò?

— Да вотъ пѣшкомъ-то вы идете.

— Ну такъ что-жъ?—

— И охота вамъ это.

— Ничего.—

— Ничего-то оно точно ничего, а особливо теперича, коли никто не гонитъ. Ну, а какъ ежели къ примѣру, на лошади, я такъ думаю, спокойнѣе будетъ.

— И я тоже думаю. Чаю не хотите ли?

— Благодаримъ покорно. Отъ чаю отказываться грѣхъ. А вотъ передъ чаемъ куды бы какъ хорошо рюмочку пропустить. Очень ужъ со вчерашняго во рту скверно, да и на дворѣ холодно, и вамъ на дорогу-то не мѣшаетъ. Аль сбѣгать, маленькую принести? сказалъ онъ, соблазнительно прищуривъ одинъ глазъ.

— Пожалуй сходите, только я не стану.

— Что-жъ такъ?

— Да не хочется.

— Ну, какъ знаете, говорилъ онъ, надѣвая халатъ.

Черезъ минуту принесенъ былъ шкаликъ. Хозяинъ поздравилъ меня съ пріѣздомъ, выпилъ безъ отдыху всю водку, потомъ сталъ отдуваться, кашлять, кряхтѣть, ругать водку за то, что незабориста, не переставая въ то же время нюхать корку чернаго хлѣба, наконецъ закусилъ кислой капустой и отказался отъ чаю. Пришла работница съ водой, громко стуча мерзлыми сапогами, и задумалась, глядя на свѣчу и потирая окоченѣвшія руки. Разсвѣло. Хозяйка проснулась. На улицѣ зашумѣли. Я опять пошелъ въ трактиръ. Какъ ни мало вѣрилъ я въ возможность исправленія К—ва, какъ ни старался увѣрить себя, что для него уже все кончено, что онъ устарѣлъ уже для обновленія, но что-то тянуло и подталкивало меня идти и еще разъ увидаться съ нимъ. Больше всего подстрекало меня то, что я вижу его трезвымъ, и если уцѣлѣло въ немъ хоть что̀ нибудь человѣческое, такъ оно непремѣнно прорвется. Я засталъ его уже въ трактирѣ. Онъ ждалъ меня и еще не успѣлъ опохмѣлиться, и какая перемѣна! Ни наглости, ни шуточекъ à la Торцовъ, а вмѣсто того сиплый, задыхающійся голосъ, безсмысленный взглядъ, судорожное подергиваніе въ лицѣ и дрожаніе во всемъ тѣлѣ. Попробовалъ было я заставить его разговориться, но послѣ ужъ и самъ не радъ былъ, что затѣялъ это. Онъ понесъ такой вздоръ, вдругъ ни съ того, ни съ другого сталъ хвастаться своими побѣдами будто бы надъ женами здѣшнихъ чиновниковъ, разсказалъ объ извѣстности, какою онъ пользуется въ городѣ, и съ такимъ самодовольствіемъ. Но за то память сильно ему измѣняла: онъ безпрестанно останавливался, припоминалъ что̀-то, меня заставлялъ припоминать то, чего я никогда и не зналъ, путалъ событія, вмѣсто женскихъ именъ употреблялъ иногда мужскія и наоборотъ.

— У васъ голова, я думаю, болитъ. Не хотите ли опохмѣлиться? спросилъ я, наконецъ, потерявъ терпѣнье слушать всю эту чепуху.

Его вдругъ всего передернуло. Какая-то животная радость появилась на опухшемъ лицѣ и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ уничиженіе, полнѣйшее нищенское уничиженіе въ голосѣ, въ жестахъ.

— Да ужъ будьте благодѣтелемъ, окажите такую божескую милость.

Подали водку. Я простился съ нимъ и ушелъ. На прощаньи онъ попросилъ у меня кстати ужъ еще на косушку.

Опять надѣвать аммуницію, опять нѣсколько верстъ пѣшкомъ и опять такое же шоссе съ телеграфомъ, блѣдными видами по сторонамъ, съ жиденькимъ перелѣскомъ да угрюмыми прохожими, идущими на встрѣчу. По пути все-таки никого. Наконецъ эта дорога, такъ много обѣщавшая, становится удивительно однообразною и скучною, и я даже начинаю подумывать, что какъ бы хорошо сѣсть да проѣхаться, верстъ хоть 50 бы проѣхать на почтовыхъ; тамъ опять, пожалуй, можно пѣшкомъ, а то здѣсь рѣшительно не стоитъ мѣрить по 5 верстъ въ часъ—одна трата времени. Желаніе мое противъ всякаго ожиданія исполняется отчасти: ѣдутъ сани, въ саняхъ сидятъ двое.

— Эй ты, сума! кричитъ мнѣ мужикъ, сидящій на передкѣ. Садись что ли? Далеко-ль тебѣ?

— Да хоть до Пѣтушковъ.

— И мы туда-те. Давай пятиалтынный—и ладно.

— Что ты, аль Богу молиться идешь? спрашивалъ онъ, когда ужъ я сѣлъ.

— Нѣтъ, по своимъ дѣламъ.

— Такъ. Небось дальній? и, не дожидаясь отвѣта, самъ себѣ отвѣтилъ: ну да! Ноньче вѣдь далеко не уйдешь. Дорога-то вонъ она какая! Онъ указалъ на дорогу кнутомъ.

— Изъ Покрова небось ужъ послѣ полденъ вышелъ? опять спрашивалъ онъ меня.

— Въ первомъ часу.

— Ну такъ.

Вопрошавшій былъ плохенькій, тщедушный мужиченка съ жидкой бородой, маленькими глазками и въ большой, свалившейся на бокъ, шапкѣ. Рядомъ со мною сидѣлъ, по всей вѣроятности, покровскій торговецъ, въ овчинной шубѣ, полный, румяный, съ совершенно бѣлой бородкой. Сидѣлъ онъ на ситцевой подушкѣ и на разговоръ былъ тугъ. Зато возница болталъ безъ умолку. Торговецъ, повидимому, былъ ему знакомъ. Лошаденки наши бѣжали плохо. Пузатыя, съ взъерошенной шерстью, онѣ ужасно были похожи на телятъ; но мужиченка не унывалъ, и, глядя на то, какъ онъ берегъ ихъ, можно было догадаться, что возница нашъ не хозяинъ и вообще малый пустой, большой охотникъ до разговоровъ и фантазеръ, что́ я впрочемъ уже послѣ замѣтилъ.

Ѣхали мы лѣсомъ. Смеркалось. Дорога отъ растаявшаго снѣга сдѣлалась скользкой, грязь налипала на колеса, мужиченка нажаривалъ своихъ телятъ мокрымъ измочаленнымъ кнутомъ такъ-то усердно, даже взвизгивалъ, и по всему лѣсу щелканье раздавалось, а самъ все ругается. Наконецъ усталъ, успокоился и заговорилъ:

— Вотъ поди-жъ ты и сообрази съ ними, съ одрами-то, съ несуразными. Эхъ вы, ребятишки! закричалъ онъ опять на лошадей, больше ужъ для того, чтобы не сразу отстать отъ нихъ, и, положивъ кнутъ, обернулся къ намъ. Лошади опять поплелись шагомъ.

— Нѣтъ, дорожка-то, дорожка-то какова! Вы во́тъ что посудите, присталъ онъ къ моему сосѣду, трогая его мизинцемъ.

— Проснулся я нынче въ Покровѣ только къ заутренямъ ударять стали. Пойду, думаю, лошадокъ погляжу. Вышелъ на дворъ. Господи, что̀ это такое! Сыплетъ что̀-то сверху, снѣгъ не снѣгъ, дождь не дождь; свѣту преставленія какая-то! А я, признаться, еще и подумалъ: куда бы какъ теперь снѣжку-то хорошо, особливо для озимей очень ужъ оно пользительно. Стою эдакъ на дворѣ-то и думаю: какъ ихъ теперь, моихъ голубчиковъ, мочитъ. А вѣдь какъ ежели морозъ—бѣда! Теперича этотъ самый ростокъ безпремѣнно погибать долженъ, потому морозомъ прохватитъ, сверху заплѣнѣетъ и снизу тоже земля-то вѣдь камень; какъ есть всего его въ аккуратѣ проберетъ. Ну, а безъ озимей народу трудно. Безъ каши все еще не что̀, аль тамъ безъ овса. А ужъ какъ безъ оржей—бѣда! Эхъ, дуй-то васъ горой! Но, чтобъ-те! и опять пошло щелканье. Нѣтъ, я что̀ вамъ хочу разсказать, Иванъ Ѳедотычъ, а Иванъ Ѳедотычъ!

— Ну что̀?

— Что я вамъ хочу разсказать.

— Ну, разсказывай.

— Вы видѣли у меня пѣгенькаго меренка? Лѣтошній годъ я продалъ на ярманку. Да нѣтъ, гдѣ видѣть! Я знаю, не видали! Ахъ, лошадь была! Вотъ такъ ужъ лошадь! То есть такой-то, кажется, скотины въ вѣкъ еще не нажить. Жеребеночкомъ купилъ стригункомъ; поздышокъ былъ, и такая то умница, все одно что̀ человѣкъ, ей Богу! Бывало это ѣдешь ночью поздно, какая тамъ ни на есть пора, спишь, съ дороги ни въ жизнь не собьется. И случись такой грѣхъ. Ворочался я домой пьяный на маленькихъ саночкахъ. Такъ вотъ эдакенькія салазочки были, безъ оглобель. Добрые люди тоже обрядили. У насъ изъ эстого просто. Къ хомуту привязали веревочкой, положили меня въ санки, хлеснули по лошади,—ступай молъ. Значитъ ужъ въ надеждѣ, что доставитъ. Я, признаться, и не вѣду, какъ я ѣхалъ. А ночь мятижная была—страсть! Вьюга такая-то вьюжитъ—и слѣду нѣтъ. Только ужъ проснулся я должно быть къ утру. Очень ужъ, выходитъ, прозябъ. Гляжу, Господи! Гдѣ же это молъ я? Съ пьяна-то никакъ не разберу. Вотъ и вижу, что лежу я будто въ оврагѣ, а меренъ надо мной стоитъ, да за полу меня подергиваетъ; такъ-то эдакъ возьметъ зубами, возьметъ да и подернетъ. Вотъ диковина! Я, значитъ, это съ саночекъ-то свалился; коли-бъ я тверезый, я бы значитъ держался, а тутъ подъ гору-то онъ меня какъ повезъ, оглобель-то вѣдь нѣтъ, саночки туда сюда, я и прочь. Ну, а онъ тоже одного меня оставить не захотѣлъ; видитъ: ахъ молъ хозяинъ-то у меня упалъ, а въ санки положить никакъ не можетъ. Такъ вотъ оно дѣло-то!—Тебѣ огоньку что-ль? спросилъ онъ меня, видя, что я вынулъ папиросу.

— Да, огоньку.

— Огоньку-то вотъ нѣтъ. Иванъ Ѳедотычъ, у васъ нѣтъ сѣрничка?

— Нѣту, зачѣмъ мнѣ ихъ?

— Такъ, такъ. Ахъ, негдѣ огоньку взять. Ишь ты, здѣсь поле. Вонъ идетъ какой-то; спросить, можетъ у него нѣтъ ли.

Онъ сталъ погонять лошадей, крича прохожему: эй ты, милый, постой!

Прохожій мужикъ въ холстинномъ зипунѣ, съ лаптями и пилою на плечахъ, остановился и снялъ шапку.

— Миръ дорога!

— Добро жалуйте!

— Ты, братецъ мой, трубку куришь, аль нѣтъ?

— Нѣтъ, мы не куримъ, говорилъ мужикъ, не надѣвая шапки и мотая головой.

— Ну и ступай съ Богомъ, коли такъ. А мы было вотъ, признаться, изладились цыгарку курить, да огоньку-то у насъ и не хватило.

— Кабы былъ, что жъ бы не дать. Да дѣломъ-то эт имъмы, видишь, не занимаемся, непривычны. А то что-жъ бы не дать.

— Ну ничего, ничего. Прощай.

— Счастливо!

Поѣхали дальше.

— Иванъ Ѳедотычъ, а Иванъ Ѳедотычъ!

— Чтò?

— Ѣду я такъ-то и думаю про себя.

— Чтò жъ ты думаешь?

— Да вотъ, думаю, что эта такая за машина этотъ самый телеграфъ?

— Ну а еще-то чтò?

— Да больше ничего. Никакъ не пойму, какимъ это родомъ письма по ней посылаютъ. Думаю, думаю....

— Ну и думай.

— А вы не знаете?

— Не знаю.

— Кого бы это спросить? Э-эхъ, забирай, забирай! Иванъ Ѳедотычъ!

— Ну!

— Вотъ диковина-то!

— Какая такая диковина?

— Что мнѣ одинъ купецъ сказывалъ!

— Что-жъ онъ?

— Изъ Сибири купецъ, богатѣющій; я его возилъ; и что онъ мнѣ сказывалъ! Вотъ хошь бы къ примѣру у насъ какая заведеніе? У насъ коли ежели нагоняетъ меня кто на дорогѣ, то я ему сейчасъ поклонъ: миръ дорога! а онъ мнѣ безпремѣнно говоритъ: добро жалуйте! А у нихъ, въ этой въ самой въ Сибири, ежели я къ примѣру васъ нагоняю, то я сейчасъ: миръ дорога! а вы мнѣ: подковыривай небось! Ей Богу! Вотъ диковина-то! Подковыривай небось! Ха, ха, ха! Ахъ, огоньку-то все нѣтъ! Постой, вонъ ѣдетъ человѣкъ. Дай у него спросимъ.

Впереди ѣхалъ какой-то мужчина въ таратайкѣ, въ дубленомъ пальто съ костяными пуговицами. Мужикъ нашъ пустился его догонять, но такъ какъ у ѣхавшаго впереди лошадь была побойчѣе нашихъ, то мужикъ, видя, что не догонитъ, сталъ кричать изо всей мочи:

— Стой, стой, говорятъ тебѣ!

Тотъ не слышитъ.

— Что-те черти несутъ? Погоди самую малость.

Наконецъ тотъ услыхалъ, остановилъ лошадь, подъѣхали.

— Ну чтò тебѣ?

— Здравствуй!

— Здравствуй! Что нужно? спрашиваетъ онъ, удивляясь, зачѣмъ его остановили.

— Трубку куришь?

— Не курю, да и тебѣ не совѣтую, сердито говорилъ проѣзжій, раздосадованный тѣмъ, что его остановили за такими пустяками, и погоняетъ свою лошадь; но нашъ мужикъ кричитъ ему вслѣдъ:

— Эхъ, напрасно, братъ, трубочку не заведешь! Куды какъ хорошо отъ скуки, особливо дорожное дѣло.

Но тотъ уже далеко и, оборотясь къ намъ, ворчитъ чтò-то, должно быть ругается.

Чѣмъ дальше забираюсь въ глубь владимірской губерніи, тѣмъ сильнѣе сказывается промышленный духъ ея населенія во всемъ, рѣшительно во всемъ, начиная хоть съ построекъ, которыя здѣсь и красивѣе, и удобнѣе, и несравненно опрятнѣе, нежели гдѣ-нибудь. Да и говоръ тоже значительно измѣнился: *оканіе* съ легкимъ припѣвомъ на первомъ слогѣ и вдругъ обрывающимся удареніемъ на послѣднемъ—здѣсь въ полной силѣ; въ то же время слышатся смягчающія сокращенія: *тѣ* (тебѣ), *сѣ* (себѣ): *райѣ* (развѣ) и проч. Вопросъ — чего? произносится — *човоэ*, чернѣе — *чернѣа*, не вѣсть-что — сокращается на *нисть-что, нить-что* и даже *нись-что*; слышатся славянскія окончанія *туто*, *тамо* съ прибавкою для большей плавности рѣчи частицы *де*: *туто-де, тамо-де*; славянское *не вѣдаю,* вмѣсто—не знаю и притомъ сокращенно:—*невѣду*. Глаголы *свѣтаетъ*, *бываетъ*, *играетъ*, *знаетъ* и другіе съ этимъ окончаніемъ произносятся мягко: *свѣтаатъ*, *бываатъ*, *играатъ*, *знаатъ*. *Будетъ* говорятъ—*боатъ*. Вообще замѣчается наклонность къ пѣвучести. Частица *то*, прибавляемая къ нѣкоторымъ словамъ, получаетъ здѣсь рѣшительное значеніе члена (article) какъ въ болгарскомъ языкѣ; напримѣръ: *самъ-отъ*, *дворъ-атъ*, *дуга-та*, *дугу-ту*, *глаза-ит*, *двери-тѣ* и т. д. Наконецъ уже почти подъ самымъ Владиміромъ еще стала попадаться частица *ся* и притомъ въ большемъ употребленіи, нежели гдѣ-нибудь въ другихъ губерніяхъ; особенно въ московской частица *ся* слѣдуетъ обыкновенно за *ка*; напримѣръ *на-ка-ся*, *ну-ка-ся*, иногда и просто—*эво-ся*, а здѣсь ее приставляютъ къ чему ни попало: *мнѣ-ся*, *а-ся*? (вопросъ) и даже—*шей-ся вяжи-ся*, *трепли-ся* (повелит. наклоненіе). Послѣдняя форма между прочимъ ввела одного русскаго филолога въ заблужденіе и показалась ему возвратной формой глагола. Прибавка эта, какъ мнѣ кажется, употребляется просто для бòльшаго удобства произношенія слитной рѣчи и вполнѣ соотвѣтствуетъ существующей здѣсь наклонности къ пѣвучему говору; этой же цѣли служитъ *оканіе* и всѣ сокращенія и прибавки, которыя слышатся въ разговорѣ владимірца. Мнѣ кажется еще замѣчательною одна особенность въ говорѣ здѣшняго населенія; впрочемъ, говорятъ, что она существуетъ во всѣхъ промышленныхъ мѣстностяхъ владимірской губерніи. Эта особенность состоитъ въ томъ, что такъ называемымъ «владимірскимъ нарѣчіемъ» *чисто* говорятъ только женщины, мужчины же почти всѣ говорятъ какимъ-то смѣшаннымъ говоромъ, больше всего подходящимъ къ московскому*). Отъ мужчинъ очень часто можно слышать слова, въ родѣ *завсе* (всегда), *наисподи* (внизу), или, напримѣръ, вдругъ такую конструкцію: *ты не видалъ отцу прійти?* ѣхать *въ тройку*, *въ пятерокъ*, т. е. тройкой, пятеркой.

Такая кажущаяся странность объясняется родомъ занятій мужского населенія, которое обыкновенно расходится изъ дому на полгода, на годъ и даже на нѣсколько лѣтъ и, проводя большую часть жизни въ разныхъ концахъ Россіи, не чувствительно набирается всевозможныхъ произношеній, словъ и оборотовъ; женское же, оставаясь постоянно на одномъ мѣстѣ, сохранило во всей чистотѣ свое владимірское нарѣчіе, со всѣми его оттѣнками. Извѣстный *офенскій языкъ*, языкъ которымъ говорятъ *офени*,—странствующіе вязниковцы-коробочники,—сложился тоже на чужой сторонѣ, во время долгихъ странствій по разнымъ губерніямъ.

Здѣсь, въ этой сторонѣ, не подалеку отъ Владиміра, страшное обиліе постоялыхъ дворовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ нихъ составлены цѣлыя селенія, или, лучше сказать,—цѣлыя селенія исключительно занимаются дворничествомъ. Отъѣхалъ верстъ 30—35 и еще такое же точно село: двухъ-этажные дома, расписанныя ставни и крытые дворы; нужно только попасть въ этотъ порядокъ, а тамъ ужъ и пойдутъ черезъ каждыя 35 верстъ такія села. Они отличаются даже по наружности особенно торговымъ характеромъ. Съ перваго же взгляда можно замѣтить, что эти двухъ-этажныя (очень часто даже и каменныя) избы, съ претензіями на городскую архитектуру, выстроены не для собственнаго житья; доказательствомъ этому служатъ большія и часто-надѣланныя окна. Извѣстно, что русскій мужикъ не любитъ свѣта и, выстроивъ щедро освѣщенный домъ для проѣзжающихъ, непремѣнно устраиваетъ *для себя* гдѣ-нибудь въ самомъ заду крошечную темную коморку, въ которой напичкано у него и все семейство и весь домашній скарбъ и, если можно, то и скотинки даже немного прихвачено: тутъ у него и насѣдка въ лукошкѣ, и поросенокъ, и сундукъ съ платьемъ и деньгами, и кровать, сколоченная на сто лѣтъ и занимающая половину коморки. Все это нагорожено безъ толку, безъ малѣйшаго понятія объ удобствахъ, но за то крѣпко на крѣпко заперто огромнѣйшихъ размѣровъ замкомъ. Дворникъ мало заботится о комфортѣ, ему нужна нора, въ которой онъ какъ мышь тщательно прячетъ все свое богатство. Замѣчательно, что чѣмъ богаче онъ становится, тѣмъ болѣе и болѣе начинаетъ онъ считать свое положеніе осаднымъ и принимаетъ всевозможныя мѣры къ огражденію себя отъ нападеній: заводитъ гигантскіе замки, живетъ въ грязи, питаясь объѣдками проѣзжающихъ, и единственная роскошь, которую онъ себѣ дозволяетъ—это серебряныя ризы на иконахъ да выпивка въ тихомолку съ пріятелемъ. Впрочемъ, это типъ дворника-кулака; есть еще и другіе, но между ними очень много родственнаго. Дворничество, съ поконъ вѣку состоя въ кровной и неразрывной связи съ извозомъ,—какъ и всякій другой промыселъ съ кастовымъ характеромъ, — неминуемо должно было положить особенную, промысловую печать на человѣка; и въ самомъ дѣлѣ, взглядъ на жизнь, отношенія къ обществу, домашній бытъ и вся обстановка дворника рѣзко отличается отъ какого-нибудь владимірца-плотника, камнетесца или богомаза.

---

*) Это не относится впрочемъ къ дворникамъ, содержащимъ постоялые дворы, которые ведутъ сидячую жизнь, да къ троечникамъ-извозчикамъ (извозчикамъ съ тарантасами), которые по роду своихъ занятій тоже никогда почти не отлучаются далеко отъ извѣстнаго пункта и разъѣзжаютъ постоянно между однѣми и тѣми же станціями, рѣдко покидая свою губернію надолго.

Дворникъ вѣкъ свой трется съ самымъ разнообразнымъ народомъ; съ ранняго дѣтства привыкаетъ онъ къ мысли, что домъ отца его—домъ барыша и торгашества, что всякій и во всякое время дня и ночи можетъ войти въ него, пить, ѣсть, спать, требовать чего хочетъ, и за малѣйшую услугу, за каждый ковшъ воды нужно брать деньги, а потому ребенокъ начинаетъ уже раздѣлять всѣхъ людей на постояльцевъ и непостояльцевъ, т. е. такихъ, съ которыхъ за все берутъ деньги, и такихъ, съ которыхъ не только что не берутъ, но еще имъ же даютъ деньги. Постоянное столкновеніе съ людьми разныхъ сословій, вѣчное незнаніе покоя, да родительскія внушенія, заставляющія смотрѣть на каждаго проѣзжаго какъ на добычу,—доканчиваютъ воспитаніе, и дворникъ готовъ: курчавый, разбитной малый съ привѣтливой улыбкой, возбуждающей грѣховные помыслы и трепетъ въ жирныхъ тѣлесахъ какой-нибудь заѣзжей попадьи,—съ вѣчной неутомимостью, молодцоватымъ встряхиваніемъ кудрей и бойкимъ пощелкиваніемъ на счетахъ. Въ немъ нѣтъ ничего похожаго на крестьянина-землепашца, ничего общаго съ мастеровымъ; это особенный типъ русскаго крестьянина, съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста очерствѣвшаго въ родительскомъ домѣ, вскормленнаго на барышахъ, въ лѣта пылкой юности обсчитывающаго своего же брата дорожнаго мужика; въ зрѣломъ возрастѣ имѣющаго брюхо и капиталъ, а на старости сдѣлавшагося скрягою или пьяницей. Замѣчательно, что русскій мужикъ обзаводится большимъ животомъ только тогда, когда торгуетъ или дѣлается начальникомъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ становится міроѣдомъ. Дворникъ, пожалуй, и мастеровой, если хотите, но его мастерство неподвижно, оно чуждо всякихъ усовершенствованій, оно не требуетъ ничего, кромѣ сухой, сосредоточенной, крѣпко сколоченной натуры, грошевой разсчетливости, да умѣнья ладить съ проѣзжими. И взамѣнъ этого даетъ оно человѣку возможность беззаботно лежать на печи, пить безъ просыпу и отпускать подъ старость купеческое брюхо. Большая дорога породила это ремесло, желѣзная погубитъ и вѣроятно направитъ умное, промышленное придорожное населеніе къ другой, болѣе полезной дѣятельности.

Что же касается ямщиковъ, то и они недолго надышатъ. Объ этомъ промыслѣ можно говорить долго и поучительно, но, заговоривъ о ямщичьей кастѣ, невольно вдашься въ область, такъ называемой, обличительной литературы, чѣмъ я въ настоящую минуту заниматься не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что меня очень занимаютъ Пѣтушки.

Я теперь въ старомъ гнѣздѣ дворниковъ и ямщиковъ-троичниковъ, доживающихъ свои послѣдніе дни, и слышу постоянно то жалобные, то безсильно-злобные разговоры о подъѣдающей ихъ чугункѣ; впрочемъ разговоры эти принимаютъ большей частью грустно-насмѣшливый тонъ, наиболѣе свойственный русскому характеру. Въ Пѣтушкахъ почтовая станція и постоялые дворы. Въ настоящее время эти вещи—отслужившія уже свой вѣкъ и за негодностію оставляемыя; никто о нихъ не заботится такъ усердно, какъ прежде, на всемъ какъ будто написано: «пора на покой, потому что тамъ, за лѣсомъ, уже давно дымится паровозъ и поетъ вамъ вѣчную память». Но и тутъ предпріимчивость и оборотливость, свойственныя владимірцу, выручаютъ его: ямщикъ распродаетъ лошадей и беретъ подрядъ на желѣзной дорогѣ, дворникъ вдругъ становится лѣсопромышленникомъ и поставляетъ шпалы и бревна для построекъ.

Въ Пѣтушкахъ, на постояломъ дворѣ, куда насъ привезли, ужасно жарко натоплено; самоваръ стоитъ на столѣ, за столомъ сидитъ мой попутчикъ,—покровскій купецъ, онъ же и подрядчикъ; рядомъ съ нимъ самъ хозяинъ,—дворникъ, молодой мужикъ, лѣтъ 30, съ необыкновенно хитрыми и улыбающимися глазами; тутъ же у стола, опершись на локотки, сидитъ молодая красивая женщина,—хозяйка, и слушаетъ. Мой попутчикъ оказался короткимъ пріятелемъ хозяина и разболтался съ нимъ такъ, что я просто не узнаю въ немъ моего молчаливаго компаніона. Онъ убѣждаетъ хозяина ѣхать съ нимъ вмѣстѣ во Владиміръ на торги, хозяинъ отнѣкивается и не желаетъ отказать наотрѣзъ,—заговариваетъ о другомъ; вообще замѣтно, что молодой хозяинъ въ хорошемъ расположеніи духа; дѣла, должно быть, идутъ хорошо, а потому онъ нѣжится и говорить даже ни о чемъ серьозномъ не хочетъ, а такъ пересыпаетъ изъ пустого въ порожнее. Сидитъ онъ на диванѣ и щурится, какъ жирный котъ; одной рукой онъ облокотился на столъ, а другой ерошитъ себѣ волосы и часто съ наслажденіемъ потираетъ глаза, какъ будто его клонитъ ко сну. Купецъ снялъ кафтанъ и остался въ одной розовой рубашкѣ, подпоясанной на совершенно кругломъ, какъ арбузъ, животѣ. Онъ говоритъ скоро, тонкимъ фальцетомъ, вздыхаетъ и по временамъ дружелюбно заигрываетъ съ хозяйкою. Хозяйка, очень красивая женщина, высокая, стройная, черты лица ея почти правильныя, чисто русская красота. Она разливаетъ чай и по ея обращенію съ мужемъ замѣтно, что она у него не въ загонѣ. Она часто улыбается доброю, продолжительною и нѣсколько задумчивою улыбкою; говоритъ, какъ и всѣ здѣшнія женщины, нара́спѣвъ.

— Ну что присталъ? говоритъ хозяинъ купцу,—чего я тамъ не видалъ въ губерни-то въ вашей? Завтра суббота,—я лучше въ баню пойду.

— Экой ты какой! говоритъ купецъ, — нешто съ бабой-то лучше сидѣть? Ты хоть такъ, шутя поторгуйся, глядишь: барышей зашибешь, а то давай поставку пополамъ возьмемъ, а? да ей-богу.

— Ужъ это, братъ, погодишь. Какъ же, стану я съ ними, съ жуликами, связываться.

— Нѣтъ, ужъ нынче этого обману нѣтъ, теперь все на новый манеръ пошло.

— Сдѣлай милость, ты мнѣ эти новости не разсказывай. Я ихъ довольно хорошо знаю. Кто въ одну ноздрю нюхать привыкъ, тому въ другую противно. Это они пущай вамъ глаза-то отводятъ, а я, братъ, пуганая ворона, меня этими модами не проведешь.

Хозяйка ласково смотритъ на мужа и какъ будто хочетъ сказать: ишь, ты, какой онъ у меня умный, никто его не обманетъ.

— А ты вотъ какъ лучше, говоритъ хозяинъ, ты у насъ нынче ночуй, а завтра мы тебя въ баню сводимъ. И какая же у насъ баня! я тебѣ скажу, — липовая, духъ легкій. Вотъ посмотри, послѣ благодарить будешь.

— Не останусь, потому мнѣ никакъ невозможно: къ понедѣльнику безпремѣнно нужно поспѣть; я вотъ еще часокъ другой Кузьму Терентича подожду, а не пріѣдетъ, я одинъ уѣду—вонъ съ бариномъ.

Онъ показалъ на меня.

— Какъ знаешь. А то давай выпьемъ.

— Это ничего.

Хозяйка поднесла французской водки, пріятели налили себѣ въ стаканы и порядочно таки натянулись. Хозяинъ запѣлъ пѣсню; жена его, сидя на лежанкѣ, подтягивала ему вполголоса. Купецъ напился и остался недвижимъ на диванѣ. Маленькіе глазки его слипались и губы безсознательно чавкали. Онъ попробывалъ было тоже подтянуть, но изъ этого ничего не вышло: онъ забормоталъ что̀-то, махнулъ рукой и вздохнулъ. Я вынулъ потихоньку памятную книжку и записывалъ пѣсню. Хозяинъ пѣлъ, какъ будто нехотя, какую то исковерканную пѣсню новѣйшаго издѣлія:—

Ты судьба ли, ты моя,
Разнесчастная судьба!
Никакой ты мнѣ судьба
Отрады сердцу не дала.
Еще пуще того
Въ возгорченье, судьба, привела.
Съ возгорченьица молода
Въ лицѣ блѣдна, дѣвушка хожу.

Дальше я не сталъ записывать, хозяинъ сейчасъ же это замѣтилъ, пересталъ пѣть и спросилъ:

— Что-жъ вы не пишете?

— Не нравится мнѣ эта пѣсня.

— Какихъ же вамъ надо?—говорите;—я теперь всякую спою, какую хочешь, такую и требуй.

— Нѣтъ ли старинной какой, древней?

— Древней? Какъ не быть. А на что̀ вамъ?

— Да такъ. Очень ужъ я люблю хорошія пѣсни.

— Мм.... любите! А вѣдь я знаю, зачѣмъ вы ихъ записываете?

— Зачѣмъ же?

— Вѣрно знаю. Это все опять на счетъ статистики. Ну, да ладно: я этого не боюсь; я въ отвѣтъ не пойду; съ меня ничего не спросится. Пою пѣсни и шабашъ. Кто-жъ мнѣ можетъ запретить? вопросъ? Нешто я смертвоубивство совершилъ? Сказано пѣсни пою—кому какая отъ этого обида? А тамъ ты хошь статистику изъ нихъ дѣлай, хошь къ примѣру шубу изъ нихъ сшей—ужъ это не мое дѣло. Ну, да что толковать. Садись, баринъ, сюда. Алена, смахни пыль со стола, вотъ такъ. Вынимай свою кедратку, клади ее—вотъ эдакъ. Я сѣлъ къ столу. Хозяйку это тоже заинтересовало: не разобравъ хорошенько, о чемъ идетъ разговоръ, она стала съ безпокойствомъ дѣлать мужу какіе то знаки; но тотъ ее сейчасъ образумилъ.

— Что ты, чего испужалась? Ужъ я знаю, что̀ дѣлаю. Нѣтъ, ты ничего не опасайся. Она пристально посмотрѣла на мужа, покачала головой, улыбнулась и сѣла съ нами. Купецъ открылъ было глаза, въ недоумѣніи посмотрѣлъ на насъ; но успокоенный послѣдними словами хозяина опять задремалъ.

— Ну какую же тебѣ, баринъ? говори!... да вотъ пѣсня:

Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый...

— Нѣтъ, эта не годится.

— Что жъ такъ? Пѣсня славная. Чувствительно ужъ очень на голосахъ-то она!... Еще какую же тебѣ? Вотъ вѣдь вдругъ-то и не сообразишь, когда надо; а иной разъ задумаешься такъ-то и откуда только они берутся?! Постой, постой вспомнилъ. Пиши!

По несчастьицу случилося,
Я въ измѣньщичка влюбилася.
Показался мнѣ измѣньщичикъ...

— Эту я знаю. Не знаете ли какихъ ямщицкихъ пѣсенъ?

— Ямщицкихъ?—Знаю. Вдругъ-то никакъ не припомню.

— Да ты вотъ эту.... вступилась хозяйка, — какъ бишь ее? Про Гаврюшу-то, про Гаврюшу-то. Ужъ это самая ямщицкая.

— Да, да да! Ну такъ. Вотъ слушай! Да только сказывать-то ее не складно, на голосахъ выводить не въ примѣръ складнѣе бы.

— Ну, да все равно какъ-нибудь.

— Какъ она запѣвается-то, дай срокъ. Вотъ:

Какъ во городѣ, во Казани
Указы читали.

— Этакую, что ли?

— Этакую, этакую. Какъ дальше?

Указы читали
Про вора Гаврюшу....*)

---

*) Я рѣшился привести здѣсь двѣ пѣсни, сколько я помню, нигдѣ еще не напечатанныя, потому что онѣ мнѣ показались лучшими изъ всѣхъ, записанныхъ мною въ этотъ разъ. Личность Гаврюши, по всей вѣроятности, историческая, хотя я и не могъ узнать о ней ничего, кромѣ того, что̀ говорится о ней въ пѣснѣ, которая (т. е. пѣсня) въ свою очередь занесена сюда, вѣроятно, бродячими владимірцами.

,,Что во городѣ, во Казани
Указы читали,
Указы читали
Про вора Гаврюшу.
Какъ и ѣздилъ разбойничекъ —
Говрюшенька на трехъ тройкахъ.
Какъ и первая у Гаврюши троечка
Была вороная,
Другая у Гаврюшеньки троечка
Вся была гнѣдая,
Третья у Гаврюши
Тройка ѣздовая.
Какъ и ѣздилъ разбойникъ Гаврюшенька
По селушкамъ деревнямъ,
По барскимъ пристроямъ.
Какъ онъ селушки-деревнюшки
Въ разоръ разоряетъ,
Барскія пристроечки
Огнемъ выжигаетъ.
Ужъ какъ выжегъ всѣ пристрои—
Въ Нижній городъ уѣзжаетъ.
Какъ по Нижнему, по городу,
Гаврюша гуляетъ,
Никто-то Гаврюшеньку
Его не признаетъ.
Признавали же Гаврюшу
Одни воры заключенны.
«Ужъ ты, братецъ нашъ, Гаврюша,
«Ходишь самъ по волѣ,

— Да нѣтъ, постой. Я лучше на голосу. Матрена подтягивай! Хозяйка прокашлялась и, упомянувъ, что давно уже не пѣла, начала:

«А мы горькіе, несчастные
«Сидимъ въ неволѣ.
«Выпусти насъ, Гаврюшенька,
«Выпусти на волю».
— Ужъ вы, братцы мои, товарищи,
— Мнѣ теперь не время.
Какъ и гонятъ за Гаврюшей
Гонятъ три погони.
Первая погонюшка — военны солдаты,
Другая погонюшка — донскіе казаки,
А какъ третья-то погонюшка,
Что самъ губернаторъ.
Какъ догнали Гаврюшеньку
На рѣчкѣ на Волгѣ.

Вторая пѣсня о Краснощоковѣ, личности тоже исторической.

Какъ у моря, моря синяго,
Мы не пѣсенки пѣвали,
Больше плакали —
Про того ли кавалера —
Краснощекова.
Отчего же Краснощекова
Смерть состарило,
Смерть состарило смиренство
Отъ измѣнушки;
Отъ такой большой измѣны
Петра Рѣзвина.
Написалъ то Петръ Петровичъ,
Добродѣтель,
Царю бѣлому.
Царю бѣлому — Петру Первому.
Собирался Краснощековъ
Въ разводъ ѣхати.
Онъ сѣдлаетъ, собираетъ
Ворона коня;
Выѣзжаетъ Краснощековъ
Въ поле чистое;
Становился Краснощековъ
Середи пути,
Середи пути - дорожки
Поля чистаго;
Солѣзаетъ Краснощековъ
Со добра коня;
Вынимаетъ Краснощековъ
Саблю острую;
Отрубаетъ Краснощековъ
Коню голову.
«Не достанься конь вороный
«Царю бѣлому!
«Доставайся конь вороный
«Звѣрю лютому,
«Волку сѣрому».

У хозяина былъ хорошій голосъ, но онъ имъ вилялъ и старался придавать пѣснѣ выраженіе; онъ, видимо, кокетничалъ передо мной и строилъ разныя гримасы; но потомъ самъ увлекся, зажмурилъ глаза и сталъ выводить голосомъ свободно и просто, хозяйка чуть-чуть подпѣвала, задумчиво глядя на свѣчу. Купецъ проснулся и сердито посмотрѣлъ на поющихъ; хозяинъ, не переставая пѣть, сказалъ ему вскользь:— подтягивай! Купецъ подумалъ, подумалъ, зевнулъ раза три и сталъ подтягивать сначала хриплымъ съ просонья голосомъ, потомъ чѣмъ больше онъ откашливался, тѣмъ голосъ его становился чище и тоньше; подъ конецъ онъ ужъ пѣлъ тоненькимъ, бабьимъ дискантомъ съ дьячковскими украшеніями. Во время антрактовъ хозяйка продиктовала мнѣ нѣсколько пѣсенъ и, забывъ какое-то слово, остановилась: вдругъ изъ-подъ ситцеваго полога, висѣвшаго надъ кроватью, послышался дѣтскій голосъ, подсказывающій забытое слово. Мы и не замѣтили, что дѣти, давно уже улегшіяся спать,—слушали пѣніе и, сами подпѣвая, слѣдили за диктовкою. Этотъ идиллическій вечеръ былъ законченъ пріѣздомъ Кузьмы Терентьича. Онъ ввалился въ огромной лисьей шубѣ и ни за что̀ не хотѣлъ остаться ночевать. Мы простились съ хозяевами и вышли на крыльцо: у подъѣзда стоялъ казанскій тарантасъ; высокаго роста ямщикъ, въ кафтанѣ съ стоячимъ воротникомъ, сидѣлъ на козлахъ и разговаривалъ съ батракомъ.

— Небось эта работа полегче? спрашивалъ батракъ.

— А то какъ же. Извѣстно, не на барщинѣ.

— Ямщикъ! подбирай возжи! да смотри у меня не дремать, самъ знаешь,—не съ чиновникомъ ѣдешь, говорилъ Кузьма Терентьичъ, опускаясь въ перину.

— Будьте покойны—доставимъ. Лошади тронули.

— Напрасно не остались ночевать,—кричалъ съ крыльца хозяинъ. Завтра бы въ баню сходили—важно!

ПИСЬМА ОБЪ ОСТАШКОВѢ.

Образецъ городского устройства въ Россіи.

Ни объ одномъ изъ уѣздныхъ великорусскихъ городовъ не было писано въ послѣднее время столько, какъ объ Осташковѣ. Всякій, кому случалось бывать въ этомъ городѣ, считалъ непремѣнною обязанностью печатно или изустно довести до всеобщаго свѣдѣнія о тѣхъ диковинахъ, которыя ему пришлось въ немъ увидать: о пожарной командѣ, библіотекѣ, театрѣ и проч., то есть о такихъ предметахъ роскоши, о которыхъ другіе уѣздные города пока еще не смѣютъ и подумать. Всякій, посѣтившій это русское Эльдорадо, по мѣрѣ силъ и крайняго разумѣнія отдавалъ должную справедливость заботливости городскихъ властей, и хвалилъ жителей за примѣрное благонравіе. Затѣмъ, благородный посѣтитель не упускалъ случая поставить осташковскую мостовую и пожарную команду въ пику всѣмъ прочимъ уѣзднымъ городамъ русскаго царства, и намекнуть въ концѣ, въ видѣ нравоученія, что почему бы, дескать, и другимъ городамъ не взять примѣра съ Осташкова и не завести у себя и то, и другое, и пятое, и десятое; желательно было бы...... и проч., какъ это обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ. Такого рода похвалы и совѣты, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлали честь благородному посѣтителю, обличая въ немъ желаніе наставлять нерадивые города на путь истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ они отчасти и повредили Осташкову во мнѣніи прочихъ городовъ. Благородный посѣтитель, какъ будто нарочно, всегда старался изобразить Осташковъ какимъ-то благонравнымъ мальчикомъ, у котораго и волосики гладко причесаны, и курточка не изорвана, и тетрадочки не закапаны саломъ, за что начальники его всегда хвалятъ и ставятъ въ примѣръ другимъ, не радивымъ мальчикамъ, и за что товарищи его терпѣть не могутъ. Но если бы благородный посѣтитель потрудился дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ онъ видѣлъ, и пожелалъ бы узнать причины—почему, напримѣръ, одинъ городъ сидитъ-себѣ по уши въ грязи, и грамотѣ даже учиться не хочетъ (какъ Камышинъ), а другой—безъ театра и библіотеки немыслимъ? Почему осташковская мѣщанка, кончивъ дневную работу (большею частію точаніе сапогъ), надѣваетъ кринолинъ и идетъ къ своей сосѣдкѣ, такой же сапожницѣ, и тамъ ангажируется какимъ нибудь галантнымъ кузнецомъ на туръ вальса, или идетъ въ публичный садъ слушать музыку; а какая нибудь ржевская или бѣжецкая мѣщанка, выспавшись вплотную на своей полосатой перинѣ, и выпивъ три ковша квасу, идетъ за ворота грызть орѣхи и ругаться съ сосѣдками? Почему вышневолоцкій сапожникъ сошьетъ сапоги изъ гнилого товара, и еще на чаекъ за это попроситъ; а осташковскій сошьетъ хорошіе сапоги и, вмѣсто чайку, попроситъ почитать книжечку? Почему осташъ называетъ себя гражданиномъ, а не Митькой, Прошкой и т. д.?

Если бы благородный посѣтитель задавалъ себѣ такіе вопросы и добился бы на нихъ положительныхъ отвѣтовъ, то, во-первыхъ, онъ пересталъ бы хвалить осташей за благонравіе и, во-вторыхъ, не сталъ бы укорять другихъ за нерадѣніе; потому что уже самое желаніе рѣшить эти вопросы—избавило бы осташей отъ похвалъ, отъ которыхъ имъ ни тепло, ни холодно, а жителей нерадивыхъ городовъ отъ нареканій, которыя имъ кажутся крайне оскорбительными и пользы видимо никому не приносятъ.

Осташковъ, дѣйствительно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ городовъ, даже единственный въ своемъ родѣ; но замѣчателенъ онъ вовсе не тѣмъ, на что̀, обыкновенно, туристы и хроникеры стараются обратить вниманіе публики. Осташковъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ уѣздныхъ городовъ; но не тѣмъ, что въ немъ есть театръ, мостовая и доморощенные музыканты-кузнецы, чѣмъ любитъ похвастаться осташковскій житель; не тѣмъ, потому что все это крайне плохо и не могло бы удовлетворить дѣйствительнымъ потребностямъ города,—если бы таковыя существовали и если бы всѣ эти учрежденія были вызваны именно *потребностями* развитаго общества. Благосостояніе Осташкова представляетъ чрезвычайно любопытное и поучительное явленіе въ русской городской жизни. Осташковъ, съ его загородными гуляньями, танцами и бесѣдками, можно разсматривать, какъ одну изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ картинъ-игрушекъ, на которую потрачено много труда и денегъ, и на которой удивительно искусно изображенъ: рыбакъ съ удочкой, крѣпость, мальчики, идущіе въ школу, и барышня въ бесѣдкѣ, съ цвѣткомъ въ рукѣ. Все это чрезвычайно мило, и если завести ключомъ скрытый позади картины механизмъ, то рыбакъ начнетъ ловить рыбку, мальчики пойдутъ въ школу, а барышня и крѣпость останутся на мѣстѣ, и при этомъ можно будетъ слышать маршъ. Но какъ бы это ни было мило, тѣмъ не менѣе картина все-таки останется игрушкой, и будетъ только дѣлать честь и—главное—удовольствіе ея изобрѣтателю; что же касается людей, изображенныхъ на картинѣ, то имъ, надо полагать, ничего больше и не остается дѣлать, какъ ловить рыбу, ходить въ школу и сидѣть въ бесѣдкѣ. И если бы вдругъ рыбаку вздумалось посидѣть въ бесѣдкѣ, а мальчики сочли бы за лучшее заняться рыбной ловлей, то, вѣроятно, встрѣтили бы непреодолимыя препятствія, потому что такая перемѣна ролей не входила въ планъ изобрѣтателя, и самовольная отлучка съ указаннаго мѣста послужила бы признакомъ неисправности механизма.

Но, съ другой стороны, почему не предположить, что найдется еще искусникъ—и перехитритъ перваго, и сдѣлаетъ такую картину, на которой, вмѣсто рыбака, будетъ сдѣланъ турокъ, курящій трубку и двигающій глазами, барышня же хотя и будетъ, но не станетъ сидѣть въ бесѣдкѣ, а поѣдетъ на ослѣ и за ней побѣжитъ собачка, мальчики же, вмѣсто того, чтобы идти въ школу, будутъ плясать. Въ этомъ случаѣ все, какъ видно, зависитъ отъ искусства и фантазіи изобрѣтателя, и если переврать надлежащимъ образомъ извѣстное изреченіе Пинетти, то можно будетъ довольно удачно выразиться о такихъ картинахъ или о такомъ городѣ, говоря слѣдующимъ образомъ: здѣсь нѣтъ жизни; здѣсь только механизмъ, пружинка и колесики. Доказательства тому читатель найдетъ въ письмахъ, которыя за этимъ слѣдуютъ.

Взглядъ на Осташковъ, метафорически высказанный выше, сложился не вдругъ, а выработался медленно, послѣ многихъ и самыхъ курьезныхъ заблужденій, хотя у автора этихъ писемъ было въ рукахъ много средствъ доискаться истины и разрушать разнаго рода мистификаціи. Но все-таки хлопотъ и недоразумѣній было много, потому что механики не любятъ открывать секретовъ, доставившихъ имъ извѣстность, и принимаютъ строжайшія мѣры противъ непрошеннаго любопытства, въ чемъ читатель также будетъ имѣть случай убѣдиться ниже.

Письмо первое.

Наружность города.

Третьяго дня, поздно вечеромъ, я пріѣхалъ въ Осташковъ и на другой же день пошелъ знакомиться съ городомъ и его жителями. На первый разъ мнѣ хотѣлось сдѣлать визиты разнымъ должностнымъ и другимъ лицамъ, пользующимся въ городѣ особеннымъ почетомъ; къ нѣкоторымъ же изъ нихъ у меня были и письма. Съ вечера призезли меня на постоялый дворъ (гостинницъ здѣсь нѣтъ), гдѣ дали мнѣ чистую, дѣйствительно очень чистую комнату съ постелью безъ клоповъ и съ отлично вымытымъ поломъ. Все было пошло хорошо. Встаю на другой день, посмотрѣлъ въ окно: дождь идетъ, грязь непроходимая на улицѣ; спрашиваю: есть ли у васъ извозчики?—Нѣтъ извозчиковъ. Что-жъ я буду дѣлать? А раки есть?—есть. Надо замѣтить, что Осташковъ славится раками. Я заказалъ себѣ раковъ къ обѣду, а между тѣмъ отъ-нечего-дѣлать разговорился съ корридорнымъ.... или, не знаю какъ его назвать, однимъ словомъ, съ хозяйскимъ братомъ, который здѣсь въ домѣ занимается счетной частью, чиститъ сапоги, ставитъ самоваръ и проситъ на водку. Хозяйскій братъ, нѣкто Нилъ Алексѣевичъ, съ перваго же знакомства поразилъ меня изумительной юркостью движеній и необыкновеннымъ сходствомъ съ безсрочно - отпускнымъ солдатомъ, хотя онъ просто-на-просто здѣшній мѣщанинъ и даже въ ратникахъ не бывалъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, сколько я ни замѣчалъ, осташковскіе мѣщане, или граждане, какъ они себя называютъ, всѣ отчасти смахиваютъ на отставныхъ солдатъ: бороду брѣютъ, носятъ усы, осанку имѣютъ воинственную и когда говорятъ, отвѣчаютъ—точно рапортуютъ начальнику. Вообще, дисциплина въ нравахъ. Такъ вотъ, Нилъ Алексѣевичъ, къ крайнему сожалѣнію моему, сообщилъ мнѣ, что Ѳедоръ Кондратьевичъ *) *уѣхатчи* въ Петербургъ и неизвѣстно когда вернутся, но что лучше всего понавѣдаться къ ихнему братцу и отъ него узнать о возвращеніи Ѳедора Кондратьевича. Всѣ же прочіе, кого мнѣ нужно было видѣть, были въ городѣ. Погода между тѣмъ начала поправляться, но все-таки на улицахъ было грязно, хотя я и жилъ на главной, такъ называемой Каменной улицѣ. Сидя въ грустномъ уединеніи у окна и глядя на камни, потонувшіе въ грязи, я имѣлъ возможность самымъ очевиднымъ образомъ убѣдиться въ справедливости пословицы: славны бубны за горами,—до такой степени эти камни, обязанные изображать собой мостовую, дурно исполняли свою обязанность. Послѣ обѣда однако небо совсѣмъ прояснилось и я, несмотря на грязь, пошелъ бродить по городу. Осташковъ, какъ вамъ извѣстно, стоитъ на берегу озера Селигера, или, лучше сказать, Осташковъ стоитъ на полуостровѣ и съ трехъ сторонъ окруженъ озеромъ; а такъ какъ городъ выстроенъ совершенно правильно и раздѣленъ на кварталы прямолинейными улицами, то вода видна почти отовсюду и притомъ озеро кажется какъ будто выше города, чему причиной служитъ низменность почвы. Городъ весь въ водѣ, и даже съ четвертой стороны у него огромнѣйшее болото. Надъ озеромъ стоитъ туманъ и дальніе берега чуть-чуть мелькаютъ: съ одной стороны виднѣются какія-то деревни, да нѣсколько ощипанныхъ кустовъ; въ другую сторону, къ югу, лежатъ острова: Кличинъ, еще какой-то съ обвалившейся красильней; Житный монастырь тоже на островѣ. За этими островами темною полосою синѣетъ опять островъ—Городомля съ сосновымъ лѣсомъ, а за этимъ лѣсомъ уже не видно Ниловой пустыни. Населеніе расположилось въ разныхъ частяхъ города по промысламъ и ремесламъ, такъ что весь городъ можно раздѣлить на три части. Если смотрѣть на Осташковъ съ сѣвера, т. е. съ материка, такъ, какъ онъ является каждому, въѣзжающему въ городъ, то увидимъ, что правую и лѣвую сторону его береговъ заняли рыбаки; южная оконечность полуострова, вдавшаяся въ озеро, застроена кожевенными заводами; въ центрѣ находится торговая площадь, присутственныя мѣста и кузницы; сапожники же разбросаны по всѣмъ остальнымъ улицамъ и переулкамъ, идущимъ во всѣ направленія. Такая сортировка по занятіямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и потребностямъ каждаго ремесла или промысла, взятаго отдѣльно. Такъ, напримѣръ, рыболовный промыселъ, по существу своему естественно связанный съ озеромъ и требующій простора, занялъ двѣ трети всѣхъ береговъ, но такъ какъ и это оказалось недостаточно, то невода и сѣти повисли надъ водой, потому что дома ихъ вѣшать негдѣ. Кожевенники же удовольствовались одной третью берега, доставшейся имъ отъ дѣлежа съ рыбаками, которые составляли первоначальное населеніе города,—и такъ какъ воды имъ нужно гораздо меньше, только бы она была подъ руками, то они и настроили себѣ разныхъ амбарчиковъ и клееваренъ на самой водѣ, на сваяхъ, и мочатъ кожи, почти не выходя изъ дому, только отворятъ двери и прямо въ озеро. Для кузнецовъ отведено открытое мѣсто внутри города, что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ имъ замазывать сажей и углемъ сосѣднія улицы, отчего самая грязь на этихъ улицахъ имѣютъ свойство чернить сапоги даже безъ помощи ваксы. Близость кожевенныхъ заводовъ тоже легко узнается, во первыхъ, по кислому запаху и, во-вторыхъ, по кучамъ стараго и уже негоднаго корья, разбросаннаго по этимъ улицамъ. (По поводу корья я буду имѣть случай разсказать впослѣдствіи одинъ очень любопытный андекдотъ объ осташковскомъ либерализмѣ, хотя, повидимому, между корьемъ и либерализмомъ не можетъ быть ничего общаго). Что же касается сапожниковъ, то, я полагаю, всѣмъ извѣстна невзыскательность ремесленниковъ, промышляющихъ сапожнымъ издѣліемъ; это особенно замѣтно въ Осташковѣ, гдѣ сапожничествомъ занимаются почти въ каждомъ домѣ, въ особенности женщины, и гдѣ это ремесло даетъ только-что насущный хлѣбъ, слѣдовательно объ удобствахъ тутъ и разговора быть не можетъ. Если есть ½ аршина мѣста для скамейки, такъ будутъ и сапоги, или *осташи*, какъ ихъ называютъ.

---

*) Савинъ, осташковскій городской голова.

Изъ перваго поверхностнаго обзора города въ этотъ день я извлекъ очень немного. Когда я вышелъ на торговую площадь, то прежде всего мнѣ бросилось въ глаза новенькое деревянное строеніе, выкрашенное желтой масляной краской: *обжорный рядъ*. Подходя къ нему, я слышалъ еще издали крикъ, и изъ любопытства заглянулъ туда. Въ проходѣ между лавками съ разнымъ съѣстнымъ товаромъ, торговки обступили двухъ проголодавшихся деревенскихъ мужиковъ, въ холстинныхъ кафтанчикахъ и въ низенькихъ пастушьихъ шляпкахъ, которыхъ я никогда прежде не видывалъ, и другъ передъ другомъ старались насовать имъ въ руки пироговъ съ рыбою, кренделей и еще какихъ-то драченъ; мужики, оглушенные и заваленные пирогами и драченами, долго жмурились, отмахивались отъ торговокъ и старались отдѣлаться, но торговки не давали имъ выговорить слова и пироговъ назадъ брать не хотѣли; тогда мужики, потерявъ терпѣніе, плюнули, бросили пироги и ушли, а торговки стали браниться. Изъ опасенія, чтобы и меня не постигла та же участь, я поспѣшилъ скорѣе уйти и прямо изъ обжорнаго ряда попалъ на бульваръ. Но объ этомъ предметѣ мнѣ хочется разсказать подробнѣе. Бульваръ устроенъ дѣйствительно очень мило (онъ тянется отъ торговой площади по направленію дома городского головы—Савина) и содержится въ большомъ порядкѣ: березки всѣ подстрижены и съ подпорками, дорожки усыпаны пескомъ; даже сбоку придѣланъ небольшой прудъ съ кропечнымъ островочкомъ и на островочкѣ березка. На самой срединѣ бульвара по одну и по другую сторону стоятъ по два столбика, выкрашенные бѣлой краской; на столбикахъ очень искусно сдѣланы ерши, по три ерша на каждомъ, всего: трижды-четыре—двѣнадцать ершей на бульварѣ; на самой же верхушкѣ каждаго столбика сдѣлана деревянная же урна съ краснымъ пламенемъ, очень натурально. Рѣзчики въ Осташковѣ свои, такъ оно и неудивительно. Одно только меня нѣсколько затруднило: при входѣ на бульваръ въ маленькихъ воротцахъ устроено что-то въ родѣ капкана, или лабиринта, такимъ образомъ, что прежде, нежели попасть на бульваръ, необходимо пройти между барьеромъ направо, потомъ налѣво, потомъ назадъ, а потомъ ужъ можно выбраться и на бульваръ; такъ что если человѣкъ съ нетерпѣливымъ характеромъ случайно встрѣтится въ этихъ термопилахъ съ другимъ нетерпѣливымъ человѣкомъ и ни одинъ не захочетъ уступить другому, то, по всей вѣроятности, долженъ произойти скандалъ; но бульварныхъ капкановъ въ Осташковѣ никто еще не ломалъ и о такихъ случаяхъ здѣсь не слышно, изъ чего прямо можно заключить, что нетерпѣливыхъ людей въ городѣ нѣтъ, а если и есть, то они на бульваръ не ходятъ, также какъ и осташковскія коровы, для которыхъ собственно и назначены эти лабиринты.

Впрочемъ, занявшись бульваромъ, я забываю о другихъ осташковскихъ рѣдкостяхъ, а онѣ здѣсь на каждомъ шагу.

Съ бульвара, или, лучше сказать, съ площади,—потому, что бульваръ на площади,—по прямому направленію идетъ улица на строющуюся пристань; тутъ же въ базарные дни производится торговля на лодкахъ деревянной посудой, корзинами и овощами, привозимыми крестьянами прибрежныхъ деревень. Пристань съ маленькимъ моломъ строится изъ булыжника и известняка, которымъ изобилуетъ осташковскій уѣздъ, но строится, какъ видно, очень медленно по недостатку средствъ, или не знаю почему. Кромѣ этой пристани, въ городѣ есть еще нѣсколько малыхъ пристаней съ деревянными плотами для причала. Такъ какъ погода поправилась, то на озерѣ и у береговъ показались лодки, въ которыхъ большею частью женщины исполняли должность гребцовъ. Недалеко отъ главной площади, на берегу, видѣлъ я театръ—большое, но неуклюжее зданіе, передѣланное изъ кожевеннаго завода. А тамъ по южному берегу пошли уже вплоть все заводы, совсѣмъ вылѣзшіе въ озеро. Въ одномъ мѣстѣ даже капуста посажена на пловучемъ огородѣ. Сюда, ближе къ центру, показался соборъ съ безобразнѣйшей колокольней въ видѣ столба; рядомъ съ соборомъ—такъ называемый «публичный садъ». Я было сунулся ко входу,—опять капканъ! и опять ерши! Въ саду оказалось деревъ больше, нежели на бульварѣ, есть и скамейки, павильонъ, въ которомъ играетъ иногда доморощенная музыка и еще какія-то особеннаго устройства длинныя скамейки *для простого народа*, на которыхъ можно очень весело проводить время, покачиваясь какъ на рессорахъ. Тутъ же, въ саду, я встрѣтилъ одиноко гуляющую козу, которая, вѣроятно, не затруднилась входомъ и просто на просто перескочила черезъ перегородку, изъ чего я вывелъ уже положительное заключеніе, что козы не входили въ разсчетъ при устройствѣ лабиринтовъ, которые исключительно предназначены для коровъ. Выбравшись безъ особенныхъ приключеній изъ публичнаго сада, я пошелъ по главной улицѣ, въ этомъ мѣстѣ почему-то высыпанной пескомъ, и вдругъ завидѣлъ большое каменное зданіе, краснаго цвѣта, съ палисадникомъ; на главномъ фасадѣ двѣ вывѣски: на одной, побольше и повыше, написано золотыми буквами: *Домъ благотворительныхъ заведеній общественнаго банка Савина*, а на другой, поменьше и пониже: *училище для дѣвицъ* (основанное Воронинымъ,—какъ я узналъ впослѣдствіи). Я обошелъ зданіе съ двухъ сторонъ и заглянулъ на дворъ: и тамъ все очень удобно устроено, чистота изумительная, дворъ вымощенъ;

для дровъ даже сдѣлано особое помѣщеніе. У самыхъ воротъ стоитъ ящикъ въ родѣ бюро; я полюбопытствовалъ взглянуть внутрь его и нашелъ тамъ солому. Какая-то дѣвочка, выходившая въ это время изъ дома благотворительныхъ заведеній, объяснила мнѣ, что ящикъ этотъ выставляется на ночь за ворота для подкидышей; для этой же цѣли и колокольчикъ проведенъ отъ воротъ въ странно-пріимное отдѣленіе.

— Ребеночка въ ящикъ положатъ и дернутъ за колокольчикъ; оттуда сейчасъ выйдутъ и возьмутъ ребеночка,— объясняла мнѣ чрезвычайно бойко дѣвочка, причемъ я могъ замѣтить, что она въ кринолинѣ и въ рукахъ у ней книга. Дѣвочка опрятная, съ воротничкомъ и въ бѣломъ фартукѣ, но что-то блѣдна ужъ очень. Впрочемъ сколько я ни встрѣчалъ сегодня женщинъ,—всѣ ужасно худы и блѣдны.

— Вы, душенька, изъ училища? спрашивалъ я дѣвочку.

— Изъ училища-съ.

— Можно туда взойти, посмотрѣть?

— Можно-съ.

— А гдѣ найти смотрителя?

— Онъ теперь въ классѣ-съ.

— И долго тамъ пробудетъ?

— Часа полтора просидитъ-съ.

Я простился съ дѣвочкой и пошелъ дальше, предполагая зайти въ училище часа черезъ полтора. Мнѣ хотѣлось воспользоваться хорошей погодой и обойти по крайней мѣрѣ правую сторону полуострова. Но какое же здѣсь множество часовенъ! Считалъ, считалъ и счетъ потерялъ. Иду къ оконечности города, вдавшейся въ озеро, и безсознательно читаю билеты на воротахъ: Савина, и по другую сторону Савина, опять Савина и еще Савина, и такимъ образомъ вплоть до самой дамбы, ведущей изъ города на Житный островъ. Подхожу къ воротамъ,—опять капканъ! Что-жъ это значитъ? Неужели же и въ монастырь коровъ не пускаютъ? Повертѣлся, повертѣлся я тутъ у входа, однако прошелъ и очутился опять на бульварѣ, а бульваръ этотъ въ сущности дамба-то и есть; отличная насыпь, укрѣпленная съ обѣихъ сторонъ сваями и дикимъ камнемъ; на половинѣ насыпи сдѣланъ проливъ, черезъ который ведетъ красивый деревянный мостъ. Взошелъ я на мостъ—опять ерши на столбахъ! А какой видъ съ моста на городъ, особенно теперь, когда солнце ударяетъ прямо въ эти заливчики, застроенные разнымъ заводскимъ строеніемъ и наполненные лодками. Рыбакъ, стоя въ лодкѣ, развѣшиваетъ на кольяхъ сѣти; прибрежные крестьяне разъѣзжаются съ базара; двѣ бабы везутъ мужика и работаютъ веслами совсѣмъ не по бабьи: видно, что онѣ выросли на водѣ, но за то мужикъ, возвращающійся съ базара, подъ хмѣлькомъ, знать ничего не хочетъ: легъ себѣ на какіе-то мѣшки, которыми нагружена лодка,—и ругается па-чемъ-свѣтъ-стоитъ. Однако бабы въ обиду не даются и очень ловко плещутъ на него весломъ и всего обдаютъ водою, отчего мужикъ начинаетъ еще хуже ругаться, а бабы хохочутъ. На берегу между тѣмъ кто-то вышелъ изъ двери, ведущей съ завода прямо въ озеро, опустилъ въ воду крюкъ и вытащилъ оттуда мочившуюся шкуру. Лѣвѣе виденъ гористый и пустынный Кличинъ, невдалекѣ отъ него торчитъ изъ воды огромный камень, похожій на лодку; за камнемъ мелькаетъ парусъ, чайки вьются надъ озеромъ. Однако нужно еще поспѣть въ монастырь. Подхожу къ Житному острову,—при входѣ опять ерши! Да когда же это кончится? Впрочемъ на столбахъ, кромѣ ершей, надписи. На правомъ написано:

«Покорнѣйше просятъ цвѣтовъ и деревьевъ не ломать и собакъ не водить».

«Кто нарушаетъ правила, установленныя для общаго блага, тотъ есть общій врагъ всѣхъ».

А на лѣвой сторонѣ:

«Кто умѣетъ уважать себя, тотъ умѣетъ дорожить благоустройствомъ общественнымъ».

Часть острова, ближайшую къ городу, занимаетъ монастырь съ огородомъ и памятникомъ потомственнаго почетнаго гражданина и коммерціи совѣтника Кондратія Алексѣевича Савина, отца нынѣшняго градского главы. Въ монастырѣ только и есть замѣчательнаго, что этотъ памятникъ, устроенный въ видѣ часовни; передъ иконой, какъ видно, прежде горѣлъ газъ, проведенный съ фабрики братьевъ Савиныхъ; но газовый рожокъ въ настоящее время, кажется, испорченъ. Другую половину острова занимаетъ садъ, разбитый необыкновенно затѣйливо, съ павильонами и мостиками въ видѣ колеса, до такой степени красивыми и крутыми, что по нимъ даже и ходить нельзя, съ прудами величиною съ порядочную лоханку, башенками и проч. Есть даже домикъ для пустынника, оклеенный берестой, въ которомъ живетъ сторожъ, или даже, кажется, никто не живетъ, хотя домикъ и запертъ на замокъ. Я зашелъ въ одну бесѣдку, стоящую на самомъ мысу, а изъ нея по лѣсенкѣ взобрался въ павильонъ,—и опять видъ на городъ и окрестные острова, и еще лучше, нежели съ моста Бѣлыя стѣны павильона всѣ исписаны разными стихотвореніями и акростихами, въ которыхъ туземное остроуміе, сколько я могъ замѣтить, все больше проходится насчетъ одного извѣстнаго лица. Монастырская братія, заботясь, какъ видно, о чистотѣ нравовъ и павильона, изглаживала по мѣрѣ силъ и возможности хулы и предерзостныя писанія; но чья-то неукротимая рука и тутъ-таки не унялась и начертала перочиннымъ ножемъ неизгладимыя сквернословія.

— Кто такъ искусно устроилъ все это? спросилъ я гулявшаго по саду монаха.

— Это все Ѳедоръ Кондратьевичъ занимаются, дай Богъ имъ здоровья, отвѣчалъ монахъ.—Здѣсь у насъ прежде рощица была, самая жалкая рощица; признаться, не такъ чтобы *горазно* было. По праздникамъ *чернять* гулять къ намъ ходила, да больше все пьяные,—безобразно. Ну, а Ѳедоръ Кондратьичъ намъ садикъ развели, будочекъ понастроили, деревца насадили, кусточки: ишь ты какъ *горазже* приглянѣе стало, какъ можно. Гулять теперь къ намъ все больше господа ходятъ, особливо лѣтомъ.

— А могу я у васъ попросить карандашъ или перо и кусочекъ бумаги?

Монахъ заметался и похлопалъ себя по карману.

— Какъ быть? Перушка-то у насъ и не сыщешь и чернилицы тоже нѣту. Ахъ, головушка горькая! Нѣту! Нѣту! Вотъ у просвирника должна быть чернилица-то, за здравіе пишетъ, да *нѣ*, должно въ *церкви* она у него *заперши*. Пообождите малость, вотъ я схожу поспрошаю. А вамъ это на что̀? Письмо, что ли, писать?

— Нѣтъ, мнѣ бы вотъ хотѣлось эти надписи, что на столбахъ-то у васъ, списать.

— Ну такъ, такъ. Вотъ я схожу, можетъ и сыщу.

Пока монахъ ходилъ за чернильницей, я опять заглядѣлся на озеро и заслушался шума набѣгающихъ волнъ. Монастырскій садъ лучшее мѣсто въ Осташковѣ, да и не въ одномъ Осташковѣ: не хочется уйдти. Наконецъ несетъ монахъ чернильницу съ объѣдкомъ пера.

— *Въ силу* отыскалъ, говорилъ онъ, подавая мнѣ ее.— Одинъ у насъ есть такой, тоже этимъ дѣломъ занимается, у него выпросилъ. Не хотѣлъ было давать: зачѣмъ, говоритъ, тебѣ? Прольешь. Пишите, пишите,—это хорошо тутъ написано.

— А кто это написалъ? Вашъ настоятель?

— Нѣтъ! Это все Ѳедоръ Кондратьичъ. Вы, должно, нездѣшніе?

— Я изъ Москвы.

— *Изъ Москвѣ*: такъ, такъ.

— Прощайте. Извините, что обезпокоилъ.

— Ничего! Часъ добрый.

На возвратномъ пути въ городъ встрѣтилъ я на дамбѣ гражданина и офицера. Гражданинъ, почтенной наружности, чисто выбритый, сейчасъ же обратилъ вниманіе на пріѣзжаго человѣка, оглядѣлъ меня съ головы до ногъ и съ достоинствомъ поклонился; офицеръ же запѣлъ что̀-то и, легкомысленно помахивая тросточкой, пошелъ далѣе. А въ училищѣ такъ и не удалось побывать мнѣ въ этотъ день.

На первый разъ я ограничился прогулкой по городу; да и хорошо такъ устроилось, что я ни у кого не былъ сегодня, по крайней мѣрѣ вниманіе не разбрасывалось; впечатлѣніе, произведенное на меня внѣшней стороной города, свѣжо, ясно и не развлекалось сближеніемъ съ людьми. Въ сумерки я прошелся по восточному берегу, потомъ обогнулъ городъ съ сѣверной стороны вплоть до самаго кладбища, слѣдовательно я видѣлъ почти весь городъ; не осмотрѣнной осталась одна только Америка (сѣверо-западная часть полуострова), которая, по свидѣтельству Нила Алексѣевича, только тѣмъ и замѣчательна, что тамъ окружной живетъ.

Попробую я теперь дать себѣ отчетъ въ томъ, что я видѣлъ сегодня. А знаете, что меня всего болѣе поразило въ наружности города? Какъ вы думаете?—Бѣдность... Но вы не знаете, какая это бѣдность. Это вовсе не та грязная нищенская, свинская бѣдность, которой большею частью отличаются наши уѣздные города,—бѣдность, наводящая на васъ тоску и уныніе и отзывающаяся чернымъ хлѣбомъ и тараканами; эта бѣдность какая-то особенная, подрумяненная бѣдность, похожая на нищаго въ новомъ жилетѣ и напоминающая вамъ отлично вычищенный сапогъ съ дырой. На первый взглядъ васъ пріятно поразитъ и мостовая, и бульваръ, и эти громкія вывѣски: *общественный* банкъ, *общественная* библіотека, *публичные* сады, *благотворительныя* заведенія и т. д.; даже и на этихъ ершей, на это обиліе ершей, на всѣ эти декораціи вы смотрите снисходительно, добродушно улыбаясь, потому что все это пахнетъ чѣмъ-то такимъ новымъ, свѣжимъ, благоустроеннымъ. Стриженныя березки, капканы, рѣшетки, просьбы цвѣтовъ не рвать, собакъ не водить,—все это вамъ давно знакомо; вамъ даже почему-то пріятно встрѣтить въ захолустьѣ, въ Осташковѣ, этихъ старыхъ чудаковъ, какъ иногда пріятно бываетъ встрѣтить какую-нибудь глупую няньку, которая васъ бивала въ дѣтствѣ. Но всѣ эти пріятныя ощущенія быстро смѣняются тяжелымъ раздумьемъ, какъ только вы свернете въ одну изъ второстепенныхъ улицъ. Вы вдругъ замѣчаете ужасно рѣзкій переходъ, какъ будто вамъ подавали все трюфели да фазановъ, а тутъ вдругъ хрѣнъ!... У васъ и глаза было разлакомились, вамъ ужъ начало было казаться, что и дальше все то же будетъ, а тутъ и пошли, и пошли: и хижины бѣдныя, богомъ-хранимыя, и больные ребятишки, и окна, заклеенныя бумагой, и блѣдныя, изнуренныя лица съ неизлечимой анеміей,—однимъ словомъ, все это горе-злосчастье, съ холодомъ, да съ голодомъ, да съ лихими напастями, отъ которыхъ вы было вообразили такъ дешево отдѣлаться. Что̀ же это значитъ? тоскливо думается вамъ...

Городъ расположенъ чрезвычайно искусно, и надо быть очень непроницательнымъ, чтобы не обратить на это вниманія. Если вы захотите всмотрѣться пристальнѣе, то вы непремѣнно замѣтите, что тутъ прошлась чья-то искусная рука, что кто-то такъ ловко скомпановалъ всѣ эти objets d' art, что они неминуемо вамъ должны броситься въ глаза. Вы непремѣнно замѣтите, что для каждой вещи выбрано именно такое мѣсто, на которомъ она больше выигрываетъ и привлекаетъ на себя ваше вниманіе. А что̀ дѣлается въ отдаленныхъ улицахъ, того вы не увидите, потому что туда вамъ и идти незачѣмъ, да и мостовыхъ тамъ нѣтъ, тамъ болото. И если вы можете понять и достойно оцѣнить все это, то вы отдадите должную справедливость художнику, потратившему много труда и соображенія на то, чтобы произвести на васъ самое отрадное впечатлѣніе во-время вашего кратковременнаго пребыванія въ Осташковѣ. Но я предполагаю, что вы пріѣхали въ городъ безо всякой особенной цѣли и не имѣете ни малѣйшаго желанія видѣть сквозь видимый смѣхъ невидимыя міру слезы,—вы пріѣхали такъ себѣ, ни за чѣмъ, либо Угоднику поклониться. Само собой разумѣется, что вы ѣдете на постоялый дворъ, или остановитесь у кого нибудь изъ вашихъ *благородныхъ* знакомыхъ, живущихъ непремѣнно въ центрѣ города; слѣдовательно вы неминуемо должны ѣхать по главной улицѣ. Уже при самомъ въѣздѣ въ городъ васъ пріятно поражаетъ на правой сторонѣ какое-то высокое, красивое зданіе, вовсе непохожее на острогъ, который въ свою очередь видится вамъ въ пріятномъ отдаленіи.

— Чтò это за домъ? спрашиваете вы у ямщика.

— А это казармы.

— Какъ казармы? Такъ, стало быть, казенный домъ? пристаете вы къ ямщику.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ онъ вамъ.

— Такъ чей же это домъ? продолжаете вы допрашивать.

— Обчественный! Какъ, значитъ, прежде солдаты очень ужъ одолѣли, такъ Ѳедоръ Кондратьичъ *) ихъ и вывели за городъ, да казармы имъ и выстроили, чтобы ужъ они свое мѣсто знали.

«Вотъ какъ! Это хорошо!» думаете вы и ѣдете дальше, а тутъ уже между тѣмъ началась мостовая. Хотя вамъ и сильно поколачикаетъ бока, но такъ какъ, во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было, вѣдь это все же таки мостовая, а не киселевидная грязь, которую вы проклинали во всю дорогу отъ самаго Волочка, то уже одинъ видъ мостовой долженъ произвести на васъ отрадное впечатлѣніе; и дѣйствительно производитъ, и вы говорите одобрительно улыбаясь: «ого! Посмотримъ, чтò дальше будетъ». Вы ѣдете дальше и, поравнявшись съ переулкомъ, случайно бросаете взглядъ направо и не безъ сердечнаго удовольствія примѣчаете, что и въ сосѣдней улицѣ тоже мостовая; вы смотрите налѣво и видите, что налѣво травка; но вы уже такъ довольны, найдя въ Осташковѣ двѣ вымощенныя улицы, что великодушно прощаете этой травкѣ и думаете: «ну Богъ съ ней! Пусть ее растетъ; невозможно же вымостить цѣлый городъ. Вѣдь на это сколько денегъ нужно? Страсть...» А между тѣмъ вы не оставили безъ вниманія и постройку. Дома, мимо которыхъ вы ѣдете, все такіе крѣпкіе, хорошіе дома, въ нижнемъ этажѣ—лавочки; на воротахъ пожарные значки: ведро, крюкъ, лѣстница, даже лошадка въ одномъ мѣстѣ нарисована. Лошадка очень недурно сдѣлана, точно картинка.

— Какъ славно однако здѣсь рисуютъ пожарные значки! замѣчаете вы про себя. А тутъ постоялые дворы.

— Къ кому въѣзжать на дворъ? къ Коновалову, что ли?

Но такъ какъ у насъ нѣтъ въ городѣ никакого спѣшнаго дѣла, а въ комнатѣ одному сидѣть скучно, къ тому же все, видѣнное вами, такъ успѣло уже расположить васъ въ пользу

---

*) Предполагается, что вы уже знаете, кто такой Ѳедоръ Кондратьичъ.

Осташкова, то вамъ вдругъ приходитъ въ голову фантазія сейчасъ же, не откладывая, проѣхаться по городу и проглотить его разомъ.

— Нѣтъ, братъ, ты вотъ что̀: ты проѣзжай-ка лучше такъ по городу, знаешь? Я тебѣ дамъ на чай. А потомъ ужъ и на постоялый дворъ.

— Куда же ѣхать-то? спрашиваетъ васъ ямщикъ, не понимая, чего вы хотите, и предполагая, что васъ укачало дорогой, а потому и нашла на васъ блажь.

— Да ты здѣшній, что ли?

— Здѣшній.

— Ну такъ проѣзжай немного по городу: мнѣ хочется посмотрѣть улицы.

— Да, да, да. Такъ бы вы и говорили. То есть вамъ это собственно, какъ вы пріѣзжій,—значитъ, вамъ очень лестно посмотрѣть.

— Ну да, ну да!

— Это что-жъ? это ничего. И обрадованный возможностью похвастаться роднымъ городомъ, ямщикъ вывозитъ васъ на площадь.

— Вонъ оно, озеро-то! говоритъ онъ, самодовольно указывая кнутомъ на озеро, показавшееся вправо.

Площадь, впрочемъ, на первый взглядъ ничѣмъ особенно васъ не поражаетъ, но, оглядывая ее пристальнѣе, вы вдругъ замѣчаете бульваръ, прудокъ съ островкомъ, гуляющихъ дамъ въ модныхъ костюмахъ, красивый обжорный рядъ, лавки... вы видите, что въ лавкѣ сидитъ женщина и вяжетъ что-то...

«Ого-го! «думаете вы. Ямщикъ между тѣмъ беретъ влѣво и везетъ васъ вокругъ всей площади.

— Что̀ это за сарай съ колокольчикомъ?

— Это пожарная команда.

«А! это та самая знаменитая пожарная команда, о которой я такъ много читалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—думаете вы и въ то же время съ удивленіемъ и не безъ удовольствія читаете вывѣску: *Осташковская общественная библіотека, основана съ 1832 года.*

— Каково? говорите вы уже вслухъ:—съ 32 года и притомъ *общественная*!.. а въ другихъ-то городахъ!.. но тутъ вы вдругъ начинаете столбенѣть.

— Что̀ это? телеграфъ? вскрикиваете вы.—Ямщикъ! глаза мои меня не обманываютъ? это точно телеграфъ?

— Вѣрно,—успокаиваетъ васъ ямщикъ, совершенно довольный вашимъ восторгомъ.

— Кто же его устроилъ?

— Ѳедоръ Кондратьевичъ.

— А куда проведенъ этотъ телеграфъ?

— Изъ думы къ Ѳедору Кондратьевичу. Ну, куда жъ теперь ѣхать?

— Вези, куда знаешь,—говорите вы растроганнымъ голосомъ.

Объѣхавъ всю площадь и выказавъ вамъ одинъ за другимъ всѣ красивые каменные домики, которыми обстроена площадь, ямщикъ везетъ васъ въ прежнемъ направленіи, то есть по главной же улицѣ, пересѣкающей площадь. Но уѣзжая съ площади, онъ указываетъ опять таки кнутомъ на озеро и обращаетъ ваше и безъ того напряженное вниманіе на строющуюся пристань. Вы высунулись изъ экипажа и видите движеніе, народъ, возятъ песокъ, сваливаютъ камень, въ пристани стоятъ двѣ огромныя лодки, похожія на суда, развѣваются паруса, вы слышите гдѣ-то свистъ парохода; озеро синее и блестящее, точно взморье, такъ и манитъ васъ къ себѣ, а на томъ берегу виднѣются деревни, лѣсъ синѣетъ вдали.

— Экое мѣсто! Что̀ за природа! восклицаете вы. Воздухъ-то, воздухъ какой!

А между тѣмъ въ то время, какъ вы смотрѣли на озеро и наслаждались природой, слухъ вашъ поражается звуками отдаленной музыки.

— Что̀ это? ученье? спрашиваете глубокомысленно вы, сообразивъ, что если ужъ и есть музыка въ Осташковѣ, то не иначе, какъ военная.

— Нѣтъ; ученья у насъ никакого нѣтъ,—снисходительно замѣчаетъ вамъ ямщикъ:—а музыка у насъ своя играетъ въ саду.

— Какъ въ саду? что̀ ты говоришь?

— Я врать не стану, сами посмотрите.

Но чѣмъ ближе подвигаетесь вы къ музыкѣ, тѣмъ удивленіе ваше возрастаетъ все болѣе и болѣе. Немного не доѣзжая сада, вы снова видите зданіе совершенно такое же, какъ и казармы; на зданіи красуется огромная вывѣска: «Домъ благотворительныхъ заведеній общественнаго банка Савина».

— Что̀ здѣсь, въ этомъ домѣ?

— Воспитательный домъ, богадѣльня для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, уѣздное училище, женское училище, воскресные классы.

— Недурно!..

А музыка слышится все громче и громче. Вы уже ясно слышите, что это не какой нибудь паршивый квартетишко изъ отставныхъ дворовыхъ музыкантовъ, вы уже можете догадаться, что это цѣлый оркестръ; вы видите толпы гуляющихъ дамъ и кавалеровъ, шумъ, говоръ, изящные наряды; вотъ стоитъ карета, вотъ еще нѣсколько экипажей, а тутъ народъ. Сколько народу! да это просто Тверской бульваръ.

— Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Я этого не вынесу! говорите вы, окончательно подавленный такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ.

— Да откуда же у васъ музыканты? спрашиваете вы наконецъ у ямщика.

— У насъ свои музыканты; граждане играютъ на музыкѣ.

— Какъ граждане? какіе граждане? гдѣ граждане?

— Такъ точно. Осташи, граждане.

— И ты гражданинъ? вдругъ, почему-то струсивъ, спрашиваете вы ямщика.

— Справедливо. И я гражданинъ.

— Несчастный! что̀ ты сказалъ?.. Да гдѣ ты живешь?!... говорите вы шопотомъ.

— У хозяина живу, у Ивана Прохоровича.

— Замолчи, глупый человѣкъ!

— Да что жъ вы, въ самомъ дѣлѣ? У насъ, въ городѣ, всѣ грамотѣ знаютъ. Вотъ вѣдь вы опять не повѣрите?

— И ты знаешь?

— Знаю.

— И читаешь книги?

— Читаю.

— Врешь?...

— Ей-Богу читаю. Да что вы, не вѣрите? Вотъ я вамъ сейчасъ покажу человѣка. Вонъ нашъ ямщикъ стоитъ у рѣшетки: хотите, я его при васъ спрошу?

Вы крайне заинтересовываетесь.

— Парфенъ? подь сюда! Вонъ барина я привезъ, не вѣритъ, что у насъ всѣ грамотѣ знаютъ. Слышь, хвастаете, говоритъ. Скажи ему, какую я книжку читалъ.

— Это точно, ваше благородіе, что онъ «Трехъ мушкетеровъ» прочиталъ. Будьте безъ сумлѣнія. Мы тоже для праздника хвастать не станемъ,—подтверждаетъ другой ямщикъ.

— Да нѣтъ, слышь, Парфенъ, и про музыку не вѣритъ, что граждане играютъ. Вотъ онъ у меня чудной какой!— и ямщикъ смѣется.

— И насчетъ музыки, это вѣрно онъ вамъ докладываетъ.

Въ это время вдругъ грянулъ хоръ; человѣкъ 50 великолѣпнѣйшихъ голосовъ начали разомъ какой-то торжественный гимнъ.

«Славься, славься, нашъ Осташковъ! . . . .»

долетаетъ до васъ, и вы слишите, какъ нѣсколько страшныхъ басовъ забираютъ верха.

— А вотъ пѣвчіе,—вѣдь это кузнецы поютъ, доколачиваетъ васъ ямщикъ.

Вы уничтожены, вы неподвижно лежите въ тарантасѣ, ничего не видите, не слышите, и только въ изнеможеніи, покачивая головой, говорите:

— Боже! Боже мой! и кто бы могъ повѣрить? Осташковъ, уѣздный городъ . . . . ямщики романы Дюма читаютъ, кузнецы гимны поютъ . . . . благотворительныя заведенія . . . . банкъ . . . воспитательный домъ! . . И Европа этого не знаетъ! . . .

— Ступай, ступай, братъ скорѣе! Что жъ ты стоишь? Вези меня къ Коновалову, что ли, куда знаешь.

Но ямщикъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, не даетъ вамъ опомниться, и хочетъ угостить васъ ужъ за одинъ разъ всѣми рѣдкостями, которыми справедливо гордится Осташковъ. Ямщикъ везетъ васъ все же таки по главной улицѣ и, повернувъ налѣво, мимо каменныхъ домовъ, кожаныхъ заводовъ, часовенъ и Никольскаго подворья, потомъ, захвативъ немного берегу, останавливается у входа на дамбу. Побывавъ на Житномъ, испытавъ высокое эстетическое наслажденіе отъ созерцанія природы, изумленные дѣлами рукъ человѣческихъ, и подкрѣпивъ духъ чтеніемъ поучительныхъ надписей,—вы чувствуете неопреодолимое желаніе увидѣть по крайней мѣрѣ то мѣсто, гдѣ обитаетъ этотъ великій магъ и волшебникъ, велѣніемъ котораго творятся такія чудеса.

— Ямщикъ! восклицаете вы рѣшительнымъ голосомъ, садясь опять въ экипажъ.

— Ямщикъ! вези меня къ Ѳедору Кондратьевичу!

— Какъ-съ? переспрашиваетъ ямщикъ, думая, что онъ обслушался.—Къ Ѳедору Кондратьевичу? . . .

— Ну да, да! къ Ѳедору Кондратьевичу, къ вашему градскому головѣ; развѣ ты не знаешь?

— Какъ не знать! сомнительно отвѣчаетъ ямщикъ, и насмѣшливо косится на васъ черезъ плечо, какъ будто думаетъ про себя: «чудно чтò-то это онъ говоритъ, братцы мои! Ей-Богу. Ужъ не закачало ли и въ правду, а можетъ, не поднесли ли ему тамъ, на Житномъ, святые отцы?» Но встрѣтивъ вашъ отважный и рѣшительный взглядъ, и вдругъ сообразивъ что-то, ямщикъ пугливо схватываетъ возжи, отвѣчаетъ вамъ: «слушаю, ваше сіятельство!» и скачетъ во весь духъ по бульварной улицѣ, да поскорѣй, да поскорѣй, а самъ потряхиваетъ головой, какъ будто говоря: «а чортъ его знаетъ, кто онъ такой! можетъ и точно Ѳедора Кондратьевича знаетъ; пожалуй, еще въ шею накладетъ гражданину...»

Передъ вами быстро замелькали: аптека, стриженыя березки, ерши и капканы; бульваръ кончился; экипажъ несется мимо банка; влѣво показались: фабрика, кожевенный заводъ, литейный заводъ, газовый заводъ; телеграфная проволока пересѣкла улицу и пошла куда-то влѣво.

— Чьи это заводы и фабрики? Куда это проведенъ телеграфъ?

— Ѳедора Кондратьевича, все Ѳедора Кондратьевича, ваше сіятельство, а телеграфъ къ ихней сестрицѣ въ вотчину проведенъ.

По обѣ стороны улицы, вмѣсто тротуара, пошли липовыя аллеи; толпа разной челяди и четыре огромныхъ водолаза сидятъ у воротъ какого-то барскаго дома; тутъ же вы увидали газовые фонари, сараи для склада товаровъ, множество сараевъ, и вотъ, наконецъ, передъ вами дворецъ, обращенный главнымъ фасадомъ къ озеру.

— Къ парадному подъѣзду прикажете, ваше сіятельство? почтительно спрашиваетъ васъ ямщикъ; и тутъ только вы начинаете замѣчать всю глубину уваженія, которой мгновенно проникся онъ къ вашей особѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, торопливо останавливаете вы его,—не нужно. Я только такъ хотѣлъ посмотрѣть.

— А чтобъ васъ . . . . совсѣмъ! Право! — такъ же быстро измѣняя тонъ, начинаетъ ворчать вашъ ямщикъ.

— Тоже . . . . къ Ѳедоръ Кондратьичу; ну, куда тебѣ?!. . . бормочетъ онъ, поворачивая лошадей, но бормочетъ такъ, чтобы вы могли разслушать: — ишь вѣдь, что вздумалъ? А тутъ сейчасъ и назадъ.

— Чтó ты говоришь? спрашиваете вы, не вслушавшись въ ворчанье.

— Ничего. Сиди знай! На постоялый дворъ, что ли? Такъ-то лучше. А то нà-ко что: къ Ѳедоръ Кондратьичу.... и вы ясно уже слышите, какъ ямщикъ васъ передразниваетъ.

Но даже и это послѣднее обстоятельство нисколько васъ не оскорбляетъ, и ни на волосъ не охлаждаетъ въ васъ этого горячаго чувства расположенія къ Осташкову, которымъ вы успѣли проникнуться. Васъ даже радуетъ, отчасти, это грубое неуваженіе къ вашей личности, выраженное сейчасъ ямщикомъ. Въ немъ, въ этомъ неуваженіи, вамъ видится та неизмѣримая высота, то обожествленіе, такъ сказать, возведеніе въ идеалъ, почти что въ миѳъ, таинственной личности человѣка, выше котораго бѣдный сынъ Селигера ничего не можетъ себѣ и представить; человѣка, имя и дѣянія котораго составляютъ справедливую гордость Осташкова.... Вы даже чувствуете сильный позывъ за только-что нанесенное вамъ оскорбленіе, за эту грубость—дать ямщику на чай, и довольный, веселый ѣдете на постоялый дворъ. До васъ все еще долетаютъ звуки музыки, вы ясно можете разслышать:

Славься, славься, нашъ Осташковъ!....

— Веселись, ликуй Европа!.... вдругъ раздается насмѣшливое восклицаніе туземнаго мефистофеля, возвращающагося съ гулянья.

Но и это не поражаетъ васъ и не забавляетъ нисколько; вы даже и не замѣтили ядовитой насмѣшки, скрытой въ послѣдней фразѣ; вамъ даже кажется, что второй стихъ вовсе и не пародія, что такъ именно и нужно пѣть, и что Европа дѣйствительно должна веселиться и ликовать, и даже сами въ сладкомъ самозабвеніи припѣваете: «веселись, ликуй Европа!...»

Поѣзжайте, добрый человѣкъ, къ Коновалову; тамъ отведутъ вамъ чистую, очень чистую комнату, за 40 копѣекъ въ сутки; дадутъ вамъ ухи изъ налимовъ, и ночью клопы кусать васъ не будутъ. И тамъ же Нилъ Алексѣевичъ разскажетъ вамъ, что онъ умѣетъ танцовать кадриль, и что у нихъ въ городѣ все свое: и пожарная команда, и пѣвчіе, и кузнецы, и рыбаки, и сапожники, и рѣзчики, и золотильщики, и что даже фотографія есть своя, что по зимамъ бываетъ клубъ, танцовальные вечера, музыкальные вечера, а на театрѣ «Горе отъ ума» и «Разбойниковъ» представляютъ; а завтра утромъ съѣздите вы поклониться угоднику, а потомъ уѣзжайте скорѣй изъ Осташкова. Когда вы вернетесь домой—вы всѣмъ разскажете, что вы видѣли, а можетъ быть даже и статейку объ этомъ напишете, въ которой, какъ очевидецъ, самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ будете доказывать, что въ Осташковѣ все есть, рѣшительно все, что̀ нужно порядочному городу; даже больше, нежели сколько нужно; что Осташковъ передовой городъ и по развитости жителей, и по богатству, и по красотѣ мѣстоположенія;—однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ; и что другимъ городамъ должно быть очень стыдно. Города сдуру возьмутъ да и покраснѣютъ, а мы вамъ такъ сейчасъ и повѣримъ.

Письмо второе.

Визиты.

Сегодняшній день я посвятилъ визитамъ къ разнымъ, болѣе или менѣе важнымъ лицамъ въ городѣ, къ которымъ были у меня рекомендательныя письма. Одни изъ этихъ лицъ должны были принести мнѣ пользу своимъ знаніемъ города, другія могли указать пути, познакомить съ кѣмъ нужно или растолковать, чего я не пойму. Вообще все съ вечера было хорошо обдумано, на письма я возлагалъ надежды не малыя, и весь слѣдующій день былъ у меня разсчитанъ, но при первой же встрѣчѣ съ дѣйствительностью, какъ это часто случается, теорія спасовала.

Наканунѣ, съ вечера, я отдалъ Нилу Алексѣевичу два письма: первое—къ нѣкоторому должностному лицу, а другое—къ одному почтенному ремесленнику, съ тѣмъ, чтобы эти письма онъ снесъ на другой день, утромъ, и кстати бы узналъ, когда и кого можно застать дома. Нилъ Алексѣевичъ отнесъ ихъ чуть свѣтъ, а утромъ, только что я успѣлъ открыть глаза, слышу—ужъ кто-то меня спрашиваетъ, вбѣгаетъ ко мнѣ Нилъ Алексѣевичъ и точно фельдфебель докладываетъ: «г. Ф. Прикажете принять?»—Входитъ очень чистенькій старичокъ съ яснымъ взоромъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ воротничками à l’enfant и рекомендуется: Ф...., то есть тотъ самый ремесленникъ, къ которому было послано письмо. Я было немножко сконфузился, сталъ извиняться, но Ф. оказался до такой степени любезнымъ, симпатичнымъ и готовымъ сдѣлать съ своей стороны все, что̀ можно для облегченія мнѣ знакомства съ городомъ, что я успокоился. Напились мы чаю и сейчасъ же отправились. День былъ праздничный, а потому мы пошли прежде всего къ обѣднѣ въ *** церковь. Погода съ вечера еще разгулялась, озеро покойно, народу на улицахъ и на водѣ множество. Мужчины-граждане все бритые съ усами, высокіе, больше черноволосые; въ синихъ чуйкахъ, другіе и въ пальто; женщины въ яркихъ шелковыхъ платкахъ и въ шубейкахъ, или въ кринолинахъ, бурнусахъ и шляпкахъ. Кое-гдѣ офицеръ пройдетъ, неестественно вывертывая плечи; проѣдетъ купецъ въ ваточномъ картузѣ съ большимъ козырькомъ, въ старинной, неуклюжей пролеткѣ и медленно, не поворачивая головы, кланяется знакомымъ. На базарѣ висятъ желтые, не вычерненные *осташи* (крестьянскіе сапоги) съ острыми носами, продаются корзины для сушеной рыбы, деревянная посуда и капуста; народъ галдитъ, бабы, сидя на землѣ, торгуютъ брусникой и баранками.

Когда мы пришли въ церковь, обѣдня уже началась. Народу было много; но публика разсортирована: почище впереди, посѣрѣе сзади, мужчины направо, женщины налѣво; пѣвчіе на обоихъ клиросахъ и голоса очень сильные, особенно басы, о чемъ свидѣтельствуютъ отчасти и здоровенныя шеи кузнецовъ съ подбритыми затылками, стоящихъ на клиросѣ. Впрочемъ пѣніе безтолковое: все по нотамъ, все по нотамъ, fortissime безпрестанно, andante и allegro почти различить невозможно, мелодіи никакой. Церковь старинная, стѣны сверху до низу покрыты рѣзьбой, но все это очень грубо, аляповато и безъ всякаго вкуса. Иконостасъ въ одномъ стилѣ, а стѣнная рѣзьба въ другомъ; огромное закопченое паникадило; надъ дверьми и между окнами множество херувимовъ съ раскрашенными лицами; кисти разныя, шнуры по стѣнамъ въ перемежку съ арабесками домашней работы. Вообще замѣтно желаніе налѣпить какъ можно больше всякихъ украшеній, не разбирая— идетъ одно къ другому или нѣтъ. Живопись тоже плохая. Пока мы пробирались впередъ, Ф. успѣлъ уже кой-кому шепнуть что̀-то обо мнѣ, такъ что когда мы стали позади праваго клироса и я оглянулся, то встрѣтилъ уже нѣсколько любопытныхъ взглядовъ и даже два-три поклона. Стою, вдругъ сзади кто-то спрашиваетъ:

— Вы надолго изволили пріѣхать въ нашъ городъ?

Я оглянулся.

— Не знаю,—какъ придется.

— Честь имѣю рекомендоваться, такой-то.

— Очень пріятно.

Спустя нѣсколько минутъ опять:

— А вѣдь въ нашемъ городѣ, я вамъ скажу, любопытнаго мало.

— Неужели?

— Ей-Богу. Невѣжество это, знаете, грубость какая-то.

— Мм!

— За охотой ходить здѣсь хорошо.—Вы не охотитесь съ ружьемъ?

— Нѣтъ.

— А вотъ у насъ С. К. все стрѣляетъ,—охотникъ смертный.

Я посмотрѣлъ на С. К., а мой сосѣдъ фыркнулъ себѣ въ горсть. С. К. замѣтилъ, что смѣются, въ недоумѣніи обвелъ вокругъ себя глазами и началъ усердно молиться. Сосѣдъ мой однако не успокоился; немного погодя нагнулся мнѣ къ самому уху и спрашиваетъ:

— Вы любите стихи?

Я ничего не отвѣтилъ

— У насъ тутъ есть стихотворецъ свой, доморощенный, самородный эдакій талантъ, и какіе же стихи качаетъ — страсть. Вотъ бы вамъ прочесть.

Я молчу.

— Если угодно, я могу достать вамъ тетрадку—любопытно. Что-жъ такое? отчего жъ отъ скуки и не прочесть?

Но видя, что я не отвѣчаю, онъ вздохнулъ и сталъ подтягивать пѣвчимъ.

Послѣ обѣдни Ф. пригласилъ меня къ себѣ пить кофе и оставилъ даже обѣдать. Тутъ, впрочемъ, узналъ я не много новаго: Ф. все хлопоталъ о томъ, чтобы я какъ можно больше ѣлъ, а жена его, оказавшаяся отличной хозяйкой, до такой степени суетилась и старалась угодить, что мнѣ даже стало совѣстно: точно я генералъ какой нибудь. Послѣ обѣда, когда мы сѣли на диванъ, Ф. разсказалъ, что въ городѣ много купеческихъ капиталовъ *), но что всѣ они, кромѣ 2-3-хъ, ничего не значатъ, потому что въ гильдію записываются во избѣжаніе рекрутской повинности; что городъ записали было по числу капиталовъ въ первый разрядъ, но голова поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы выписать городъ изъ перваго

---

*) Въ Осташковѣ, въ 1860 году, было 307 купеческихъ капиталовъ 3-й гильдіи, 2 капитала 2-й и одинъ 1-ій.

разряда, такъ какъ купцы не въ силахъ нести всей тяжести возлагаемыхъ на первоклассный городъ обязанностей.

— Нашъ городочекъ маленькій, жалкенькій, гдѣ намъ за другими тянуться? говорилъ Ф., сидя на другомъ концѣ дивана и добродушно, кротко улыбаясь.

— Какъ же вы говорите, что городъ вашъ бѣденъ? Вѣдь у васъ промыслы большіе: кожевенный, кузнечный, рыболовный.

— Это все такъ, только намъ все-таки до Ржева или до Старицы далеко. Всякіе промыслы, всякія ремесла есть у насъ; какихъ-какихъ мастеровъ у насъ нѣтъ, а вѣдь ни одного такого промысла нѣтъ, чтобы во всей силѣ, настоящій, значитъ, былъ. Есть вонъ, пожалуй, спохватившись, замѣтилъ онъ,— есть, точно, фабрика бумажная, да вѣдь городу отъ нея пользы никакой и работаютъ-то на ней больше чужіе, не здѣшніе; ну, кузнечики точно, что еще туда-сюда, поколачиваютъ, а настоящій только одинъ и есть Алексѣй Михайловичъ Мосягинъ. Бѣднѣетъ нашъ городочекъ, заключилъ онъ, — очень бѣднѣетъ. Торгуемъ больше по привычкѣ, для виду, этими тамъ сапожками да рыбкой. Гордости у насъ много, потому и торгуемъ. Рыбкой и то обѣднѣли: повывелась рыбка совсѣмъ.

— Ну, а какъ же банкъ-то? Откуда же тамъ 200 тысячъ?

Ф. улыбнулся.

— А какъ бы намъ кофейку, закричалъ онъ въ другую комнату.—Какъ бы хорошо теперь кофейку со сливочками.

— Сейчасъ, сейчасъ, сливки грѣются, слышно изъ залы.

Тамъ ужъ давно гремѣли чашки, мальчикъ бѣгалъ, осторожно ступая по отлично вымытому полу, и вотъ опять является подносъ съ чашками и съ какими-то особенными, сушеными булками.

— Пѣночекъ-то, пѣночекъ побольше берите! угощаетъ меня супруга Ф., вся красная отъ хлопотъ по хозяйству. Она тоже беретъ чашку и садится съ нами пить кофе

— А что у васъ папаша съ мамашей есть? спрашиваетъ она съ участіемъ.

— Мамаша есть, а папаши нѣтъ.

— Ахъ, скажите, какая жалость!

Я начинаю скоро, скоро размѣшивать ложечкой кофе и стараюсь наморщить брови.

— Какъ у васъ женщины хорошо одѣваются! говорю я, желая свести разговоръ съ этого чувствительнаго предмета опять на Осташковъ. Я сегодня видѣлъ у обѣдни: какія шляпки! какіе бурнусы!

— Да, ужъ у насъ бабеночки любятъ принарядиться, лукаво подмигивая мнѣ, отвѣчаетъ Ф.

— Театры, гулянья, да наряды просто ихъ съума свели. Другая ложечки да образочки послѣдніе заложитъ; хоть какъ хочешь бѣдна, а ужъ безъ карнолинчика къ обѣднѣ не пойдетъ.

— А развѣ у васъ есть закладчики?

— У насъ мѣстечко такое есть: что̀ хотите возьмутъ. Что кокошничковъ старинныхъ съ жемчугами, поднизей, сарафанчиковъ парчевыхъ снесли туда наши бабеночки; все принимаютъ, ничѣмъ не брезгаютъ. Мода такая у насъ есть; опять танцы, публичные садочки, театры; ну, разумѣется, никому не хочется быть хуже другой: — осмѣютъ. Изъ послѣдняго колотятся, только бы одѣться по модѣ, да къ обѣднѣ въ парадѣ сходить. Другая гражданочка всю недѣлю сапожки тачаетъ не разгибаясь, и ручки-то у ней всѣ въ вару, ребятишки босые, голодные, а въ церковь или на бульваръ идти, посмотрите, какъ разодѣнется, точно чиновница какая.

А тутъ опять является подносъ съ вареньемъ, брусникой и мочеными яблоками. Наконецъ я начинаю чувствовать, что наѣлся до изнеможенія, что къ продолженію бесѣды оказываюсь неспособнымъ и потому отправляюсь домой спать.

Странный человѣкъ этотъ Ф! Родился, учился и состарѣлся въ Осташковѣ, мастерство свое самъ, собственными усиліями, довелъ до замѣчательнаго искусства; у него очень много вкуса, страсть ко всему изящному. На старости лѣтъ вздумалъ учиться музыкѣ и самоучкой выучился играть на фортепьяно.

Вечеромъ я сдѣлалъ еще три визита съ рекомендательными письмами.

Прежде всего пошелъ къ одному сановнику, проживающему въ городѣ и засталъ его гуляющимъ по залѣ съ какимъ-то гостемъ. Я отдалъ письмо. Сановникъ прочелъ и пригласилъ меня въ гостиную.

— Не прикажете ли трубку? Я отказался.

— Такъ вотъ-съ, началъ сановникъ, свертывая письмо мое фунтикомъ: вы пріѣхали собственно за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на насъ—осташей,—какъ мы тутъ живемъ?

— Объ Осташковѣ столько писано, столько говорятъ... началъ было я.

— Да, стоитъ, стоитъ, нарочно стоитъ пріѣхать посмотрѣть: любопытный городъ! Нѣтъ, я говорю, — обратился онъ къ гостю, который тоже усѣлся поодаль,—я говорю, что̀ значитъ Россія-то, матушка?

— Да-съ.

— Да вотъ хоть бы нашъ Осташковъ. Что̀ такое? Вдругъ гдѣ-то тамъ, въ захолустьи, на болотѣ стоитъ уѣздный городишко, растетъ, богатѣетъ, заводитъ у себя свою пожарную команду, банкъ!... понимаете? — банкъ! вѣдь это что̀ такое? театръ!... библіотеку для чтенія?... а? ну, гдѣ это видано? Наконецъ живетъ самостоятельно, какъ будто тамъ какой-нибудь Любекъ, что ли. И никто объ этомъ знать не хочетъ. А вѣдь будь это за границей, уши бы прожужжали, а у насъ нѣтъ. Самолюбіемъ Богъ насъ обидѣлъ, вотъ горе! Я вонъ депешу сейчасъ прочелъ въ газетахъ: даютъ знать, что королева Викторія проѣхала изъ Винзора въ Осборнъ (она туда каждую недѣлю ѣздитъ); вѣдь депеша, не забудьте! телеграфъ сообщаетъ такое важное событіе, а мы сдуру сейчасъ печатаемъ. что вотъ какое событіе: королева проѣхала въ Осборнъ. Да на кой чортъ мнѣ это нужно?... (слово чортъ сановникъ произнесъ *ихортъ*). Ты вотъ мнѣ лучше о родномъ городѣ напиши, чтобы я зналъ, что вотъ въ такомъ-то городѣ такія-то улучшенія, а онъ мнѣ про королеву Викторію...

— Вѣдь это все Ѳедоръ Кондратьичъ... замѣтилъ гость.

— А? да, вы про улучшенія. Да, ну не совсѣмъ. Онъ конечно имѣетъ на нихъ большое моральное вліяніе и многое можетъ сдѣлать для города. Да чего же лучше? Теперь, пожарная команда есть. Своя вѣдь у насъ пожарная команда, не казенная, изъ обывателей,—сообщилъ онъ мнѣ.

— Какъ же-съ, я знаю, поспѣшилъ я отвѣтить.

— Нѣтъ, я ему говорю: что ты не выхлопочешь себѣ полиціи изъ обывателей? Его же тамъ въ Петербургѣ всѣ знаютъ: могъ бы выхлопотать; и вѣдь разрѣшатъ.

— Отчего же не разрѣшить? замѣтилъ гость.

— Какъ?

— И я говорю, что отчего же не разрѣшить? повторилъ гость погромче.

— Ну да, разумѣется. Вѣдь они могутъ быть покойны. Знаютъ, кому разрѣшить. Другому, конечно, но позволятъ.— Эй! подай мнѣ трубку! вдругъ крикнулъ сановникъ.

— И мнѣ, братецъ, тоже, сказалъ гость.

Старый лакей, съ длинными сѣдыми висками, принесъ двѣ трубки и зажженую бумажку. Подалъ трубки, подержалъ бумажку и потомъ погасилъ ее пальцами.

— Я слышалъ, что городъ, кажется, изъявлялъ желаніе провести желѣзную дорогу отъ Осташкова до Вышняго Волочка? рѣшился я спросить.

— Былъ проектъ, какъ же, держа янтарь въ губахъ, отвѣчалъ сановникъ.

— Только не городъ, а частное лицо хотѣло взять на свой счетъ половину издержекъ, а другую половину предлагало другому лицу, но тутъ вышли какія-то недоразумѣнія и дѣло не состоялось. Конечно, это было бы хорошо. Я говорю: соедини только Осташковъ съ Петербургомъ и Моской,—вѣдь онъ на полдорогѣ стоитъ,—вы понимаете, какъ бы это подняло городъ? Теперь однихъ богомольцевъ перебываетъ здѣсь до 10 тысячъ; сколько же наѣдетъ, если провести дорогу? Потомъ вся промышленность этого края оживится; Осташковъ же будетъ служить ей центромъ.

— Сколько я знаю, замѣтилъ я опять: — промышленность города и окрестныхъ селъ очень незначительна, кромѣ рыбной, которая тоже, говорятъ, слабѣетъ, вслѣдствіе неправильнаго лова. И мнѣ кажется, что упадокъ промышленности края происходитъ не отъ недостатка путей сообщенія; напротивъ, ихъ слишкомъ много: вода; а отъ недостат а капиталовъ.

— Ну, этого нельзя сказать, чтобы у насъ не было капиталовъ. У насъ есть банкъ, въ которомъ лежатъ 200 тысячъ, у насъ есть кромѣ того богачи—Савины. Они на своихъ собственныхъ корабляхъ привозятъ хлопокъ, для своей филятюрной фабрики, изъ Америки и Остъ-Индіи. У насъ есть кожевенные заводы, кузнечное производство, потомъ мужикъ везетъ свой продуктъ тоже въ городъ, а здѣсь покупаетъ сапоги. Наконецъ, вотъ вамъ еще: мы имѣемъ здѣсь прекрасную рыбу; мы имѣемъ судаковъ, лещей, мы имѣемъ налима. Нѣтъ. я вамъ разскажу интересную вещь: сегодня утромъ (сановникъ опять обратился къ гостю) — говорю я сегодня повару: ступай, говорю, братецъ, на базаръ и принеси ты мнѣ леща...

Но, къ несчастію, окончанія этого интереснаго разсказа о лещѣ узнать мнѣ было не суждено, потому что вошелъ человѣкъ и доложилъ о пріѣздѣ еще двухъ гостей.

Пошли разговоры о мировыхъ съѣздахъ, споры о недобросовѣстности посредниковъ и о невѣжествѣ мужиковъ; но такъ какъ мнѣ хотѣлось поспѣть въ шесть часовъ къ одному должностному лицу, которое обѣщало меня ждать, то я откланялся и ушелъ.

Солнце уже сѣло и по всему озеру разлился тотъ великолѣпный фіолетовый цвѣтъ, который можно видѣть только на взморьѣ. Не могъ я не заглядѣться на озеро, на дальніе берега, на сѣти, развѣшанныя надъ водой. Въ воздухѣ пахнетъ рыбой и мокрымъ деревомъ; рыбаки, вернувшіеся съ ловли, выгружаютъ добычу, стоя по колѣни въ водѣ; лодка несется подъ парусомъ, ближе, и ближе и сразу врѣзалась носомъ въ берегъ. Чайки уныло кричатъ, ребенокъ плачетъ гдѣ-то въ рыбачьей избушкѣ. Такъ я дошелъ до самаго дома должностного лица и позвонилъ. Засталъ я его за чаемъ, въ обществѣ двухъ офицеровъ и одного красиваго молодого человѣка въ штатскомъ платьѣ. Пошли опять тѣ же вопросы:

— Такъ вы собственно посмотрѣть на Осташковъ пріѣхали? и т. д.

— Не стоитъ, говорило должностное лицо, развалясь въ креслѣ.—Самый подлый городишко. Вы не вѣрьте, что вамъ объ немъ разсказывали—врутъ.

— Чѣмъ же онъ не хорошъ?

— Да всѣмъ. Первое—жизнь дорога, климатъ убійственный, говядина гнусная, общества никакого; раки только вотъ одни и есть; да еще воры здѣсь отличные. Вотъ это правда.

Офицеры дружно засмѣялись.

— Новотóры-воры, да и осташи хороши, какъ будто про себя сказалъ красивый молодой человѣкъ, покачиваясь на стулѣ.

Я дѣлаю легкое возраженіе и указываю на поголовную грамотность въ Осташковѣ, какъ на фактъ весьма знаменательный.

— Помилуйте! что-жъ тутъ знаменательнаго? это все вздоръ! отвѣчаетъ должностное лицо въ припадкѣ отрицанія.— Все вздоръ! Невѣжество полнѣйшее. Да и какого онъ чорта будетъ читать? позвольте васъ спросить.

— А библіотека?...

— Библіотека!... иронически повторяетъ должностное лицо.— Нашли библіотеку... Да вы не знаете ли... извините, не имѣю чести знать вашего имени...

— Василій Алексѣевичъ.

— Знаете ли вы, почтеннѣйшій Василій Алексѣевичъ, что такое библіотека?

Пауза. Мы смотримъ другъ на друга.

— Вѣдь это, батюшка, 4,238 томовъ. Понимаете? 4,238 томовъ, ну и кончено, и весь разговоръ. У насъ-де вотъ 4,238 томовъ; у насъ 200 тысячъ въ банкѣ; у насъ его превосходительство всегда довольны остаются. Вѣдь это все *у насъ*, а *у васъ* что̀? У васъ этого нѣтъ. У! у! у васъ нѣтъ, у васъ нѣтъ! а у насъ есть, а у насъ есть! Вотъ вамъ и библіотека! Помилуйте, что̀ тутъ можетъ сдѣлать грамотность, когда у меня въ брюхѣ пусто, дѣти кричатъ, жена въ чахоткѣ отъ климата и точанія голенищъ? Что̀ толку въ томъ, что я грамотный, когда мнѣ и думать о грамотѣ некогда? Бѣдность одолѣла, до книгъ ли тутъ? Вѣдь это Ливерпуль! Та же монополія капитала, такой же денежный деспотизмъ; только мы еще вдобавокъ глупы, — сговариваться противъ хозяевъ не можемъ — боимся; а главное, у нихъ же всегда въ долгу. А праздникъ пришелъ, я первымъ долгомъ масломъ голову себѣ намажу и къ обѣднѣ, потомъ гулять на бульваръ, или въ театръ. Нельзя же, у меня развитой вкусъ; тщеславіе дурацкое такъ и претъ меня врозь. Баба готова два дня не ѣвши сидѣть и дѣтей поморить голодомъ, только бы на бульваръ въ шляпкѣ сходить, да на Житномъ въ бесѣдочкѣ посидѣть. Развратъ! Дѣвчонка, вонъ она... (онъ указалъ на печку). Отъ земли не отросла, а тоже въ училище безъ кринолина ни за что̀ не пойдетъ. Вотъ вы говорите тамъ грамотность, библіотека, школы... Ну хорошо-съ. Вѣдь ужъ учатъ, кажется, на что лучше: и грамматикѣ, и географіи, и исторіи, и чему-чему не учатъ; и тамъ въ школѣ они все это отлично знаютъ и гимны тамъ разные поютъ, а не угодно ли послушать—какъ онъ говоритъ, когда выйдетъ изъ школы? Отчего же это отъ *горазно*, да отъ *горажже*, да отъ разныхъ тамъ *питьчи* да *ѣдчи* никакъ онъ отвыкнуть не можетъ? Поглядите вы на него въ школѣ, гдѣ онъ вамъ объ Тургеневѣ разскажетъ, и потомъ послушайте его черезъ годъ по выходѣ изъ училища, когда ужъ онъ въ работу пошелъ и начнетъ *въ воды* шкуры мочить, или *изъ водѣ* рыбу таскать. Вотъ вы тогда и увидите, какую пользу ему грамотность принесла. А тутъ вотъ еще просвѣтители-то радѣютъ.—Онъ указалъ на офицеровъ.

— Ваши солдатики-съ!

Офицеры, занявшіеся было своимъ разговоромъ, стали вслушиваться.

— А что? спросилъ одинъ.

— Да разныя художества развиваютъ въ нашихъ мѣщанахъ, то бишь, гражданахъ. Все забываю. Вѣдь они у насъ не мѣщане, а граждане.

— Что-жъ? я дурного еще ничего не вижу—въ томъ, что они граждане.

— Да и я не вижу; только гражданами-то у насъ мѣщане себя называютъ. Вчера еще онъ былъ гражданинъ, а сегодня, положимъ, въ гильдію записался; попробуйте-ко его гражданиномъ назвать, такъ онъ на васъ просьбу подастъ—оскорбили. Сегодня ужъ онъ купецъ, а не гражданинъ. Вы думаете, онъ понимаетъ, что̀ это такое гражданинъ? Онъ себя потому гражданиномъ называетъ, что эта кличка все таки лучше, нежели мѣщанинъ, такъ же вотъ, какъ лакей у богатаго барина никогда не назоветъ себя лакеемъ, а говоритъ: я камердинеръ, я дворецкій. Вы, батюшка, не обольщайтесь этими штуками: банками тамъ разными, да театрами,—это все блестки. Вотъ вы поживите здѣсь, да копните-ко хорошенько, вотъ и увидите, что Осташковъ—это маленькій Китай, съ той только разницей, что мы еще мышей не ѣдимъ, а то ни въ чемъ не отстали.

— Скажите, пожалуйста, перебиваю я, какъ же теперь согласить этотъ китаизмъ, какъ вы говорите, съ тѣми успѣхами, которые замѣтны здѣсь въ городскомъ устройствѣ?

— А вотъ поживете, узнаете, какіе мы тутъ успѣхи оказываемъ, какъ мы эти разныя современныя польки вытанцовываемъ. Я вотъ вамъ какъ скажу: осташъ кровно убѣжденъ въ томъ, что лучше его города быть не можетъ, что Осташковъ такъ далеко ушелъ впередъ, что ужъ ему учиться нечему, а что Россія должна только удивляться, на него глядя. Кромѣ своей пожарной команды и Ѳедора Кондратьича, осташъ знать ничего не хочетъ; онъ не шутя увѣренъ, что тамъ дальше, за Селигеромъ, пошла уже дичь, степь киргизская, изъ которой время отъ времени наѣзжаютъ къ намъ какіе-то неизвѣстные люди: одни за тѣмъ, чтобы хапнуть, а другіе, чтобы подивиться на осташковскія диковины и позавидовать имъ.

Потомъ онъ знаетъ еще, что гдѣ-то тамъ за Селижаровкой есть городъ Питеръ, и что ежели въ Осташковѣ что̀ нибудь нездорово, то Ѳедоръ Кондратьичъ съѣздитъ въ Питеръ и отстоитъ своихъ осташей.

— Это такъ, подтвердилъ красивый молодой человѣкъ, а хозяинъ, прихлебнувъ изъ стакана, продолжалъ:

— Вотъ хоть бы вы теперь пріѣхали, какъ вы думаете? Что̀ они о васъ говорятъ? Собрались гдѣ нибудь и толкуютъ: «вотъ, молъ, пріѣхалъ, нарочно пріѣхалъ посмотрѣть на насъ. Стало быть мы, братцы, извѣстны всему свѣту и всѣ только о насъ и говорятъ, только и думаютъ». Впрочемъ нѣтъ, и это вздоръ, они о васъ думаютъ просто, что вы шпіонъ, только никакъ понять не могутъ, отъ кого и зачѣмъ вы подосланы. Какой тутъ прогрессъ! Помилуйте! подумавъ немного сказалъ онъ.—Застой, самый гнусный застой и невѣжество съ одной стороны, и нищета съ другой. Вотъ стуколка здѣсь процвѣтаетъ,—это правда! вдругъ неожиданно завершилъ онъ, обратясь къ офицерамъ.

— Такъ ли я говорю, господа?—Офицеры, осовѣвшіе было во время разговора, встрепенулись и отвѣчали одобрительной улыбкой.

— А что? не стукнуть ли намъ и въ серьёзъ? спросилъ онъ меня.

— Вы не упражняетесь въ семъ душеспасительномъ занятіи?

— Къ несчастію, нѣтъ. Да мнѣ и пора. Нужно еще побывать у одного господина.

— Ну, дѣлать нечего. Желаю вамъ веселиться. А мы вотъ съ господами офицерами стукнемъ. Здѣсь, батюшка, безъ стуколки просто бы смерть. Дѣлать нечего, читать нечего. Изъ библіотеки журналовъ не добьешься, нѣту. Чтò прикажете? Лежатъ тамъ у кого-нибудь неразрѣзанные, а тутъ жди цѣлый мѣсяцъ, да когда еще по іерархической линіи очередь дойдетъ. А вамъ бы ужъ дождаться возвращенія Ѳедора Кондратьича изъ Петербурга,—говорилъ онъ, провожая меня,—онъ бы вамъ все это систематически разъяснилъ: онъ на эти дѣла мастеръ. До свиданія.

Третій визитъ нужно было сдѣлать одному бывшему вліятельному лицу въ городѣ.

Пока я дошелъ до него—уже совсѣмъ почти смерклось. На бульварѣ попались два-три чиновника съ женами, а за бульваромъ пошли заборы и фабрики; улица усажена липами; у воротъ большого каменнаго дома толпятся люди. Я подошелъ къ одному дворнику, и спросилъ: дома ли **?—Дворникъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и тоже спросилъ:

— Ты отъ кого?

— Самъ отъ себя.

— Зачѣмъ?

— Дѣло есть.

— Къ самому?

— Къ самому.

— Самъ-то онъ у насъ не любитъ, у насъ все въ контору! Ну, да вотъ я какъ тебѣ скажу. Слушай! Коли хочешь ты себѣ добра,—ступай ты,—вонъ видишь подъѣздъ,—

стань ты у подъѣзда и дожидайся. Онъ сейчасъ выйдетъ,— вонъ лошадь подана. Какъ выйдетъ, чтобы ты былъ тутъ безотмѣнно и сейчасъ можешь просить, что̀ тебѣ нужно. Ну, не мѣшкай, ступай! Я вижу, ты парень хорошій.

Поблагодаривъ дворника за добрый совѣтъ, я однако вошелъ на крыльцо и позвонилъ. Вышелъ лакей.

— Дома?

— Пожалуйте! Я сейчасъ узнаю.

Я вошелъ въ пріемную, большую комнату съ лоснящимся поломъ, старинной мебелью и фарфоровыми игрушками на горкахъ. Лакей пошелъ съ принесеннымъ мною письмомъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился, говоря, что скоро выйдутъ,—занимаются. Въ ожиданіи выхода, я сталъ ходить по комнатѣ. Изъ пріемной дверь отперта въ большую залу, выкрашенную желтой краской, на стѣнахъ газовые рожки и узенькія старинныя зеркала въ позолоченыхъ рамахъ, пахнетъ киндеръ-бальзамомъ. Минутъ черезъ десять вышелъ ко мнѣ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ небольшой лысиной и недоумѣвающимъ лицомъ, держа въ рукахъ мое рекомендательное письмо. Мы вошли въ залу и сѣли у окна.

— Вы... началъ онъ,—вы, какъ я понялъ изъ письма, опредѣляетесь къ намъ въ городъ учителемъ?..

Я вытаращилъ глаза.

— Какъ? неужели это могло быть написано въ письмѣ?!.. Но въ ту же минуту я догадался въ чемъ дѣло. Ясно было, что онъ не понялъ написаннаго въ письмѣ. Взглянувъ пристально въ лицо человѣку, который сидѣлъ противъ меня и въ недоумѣніи смотрѣлъ мнѣ въ глаза, я сообразилъ, что онъ легко могъ спутать выраженія: *изучать городъ* и *учить въ городѣ*. Такая ошибка вовсе неудивительна въ человѣкѣ, который, какъ видно, никогда никого не училъ и ничего не изучалъ. Однако я поспѣшилъ разрѣшить недоразумѣніе и тутъ же сталъ объяснять, — зачѣмъ собственно я пріѣхалъ въ Осташковъ. Но въ то же время мнѣ пришло въ голову: если ужъ этотъ господинъ, на котораго главнымъ образомъ возлагались мои надежды, такъ дико отнесся къ моему дѣлу, чего же ждать отъ другихъ? Отъ него я надѣялся получить разныя оффиціальныя свѣдѣнія, и кромѣ того меня увѣрили, что онъ съ своей стороны можетъ сообщить мнѣ много интереснаго, какъ человѣкъ вліятельный и коротко знающій по крайней мѣрѣ современную ему эпоху изъ исторіи цивилизаціи Осташкова.

*

— А! да-съ; я понимаю-съ, понимаю-съ,—заговорилъ онъ скороговоркой.—Это значитъ: вамъ нужны свѣдѣнія. Въ такомъ случаѣ не угодно ли вамъ будетъ обратиться въ нашу контору; тамъ вамъ все это... да тамъ ужъ знаютъ-съ. У насъ бывали такіе случаи. Это можно-съ. Очень хорошо-съ. Я велю-съ.

И все это такъ скоро, скоро, съ озабоченнымъ видомъ. Самое благоразумное, что̀ можно было сдѣлать послѣ такого полезнаго разговора, это—поблагодарить за обѣщаніе и удалиться, что̀ и сдѣлалъ я. Тѣмъ и кончились въ этотъ день мои покушенія на знакомство съ осташковскими властями.

Письмо третье.

Школы.

Въ продолженіе этой недѣли я видѣлъ и слышалъ столько, что вдругъ всего и сообразить не могу. А тутъ еще скверная привычка—систематизировать все на свѣтѣ и отъ всякаго вздора добиться смысла,—только сбивала меня съ толку. Безпрестанныя противорѣчія и въ словахъ и на дѣлѣ съ каждымъ днемъ осложняются все больше и больши, а вмѣстѣ съ ними сильнѣе и неотступнѣе мучитъ меня вопросъ: что̀ такое Осташковъ? И чѣмъ проще стараюсь я разрѣшить его,тѣмъ болѣе теряюсь въ этой путаницѣ противорѣчій, которыя какъ нарочно случаются самымъ непонятнымъ, самымъ невозможнымъ образомъ. Наконецъ мнѣ приходило въ голову, что всѣ эти господа, съ которыми я здѣсь вижусь, — всѣ болѣе или менѣе врутъ. Убѣдившись въ этомъ, я взялся за факты, за цифры—и они врутъ! Понимаете ли? врутъ оффиціальныя свѣдѣнія, врутъ изслѣдованія частныхъ лицъ, врутъ жители, сами на себя врутъ. Вы понимаете, какъ это должно раздражать любопытство, какъ это поголовное вранье подстрекаетъ и поддразниваетъ, и до какой степени вопросъ,—что̀ такое Осташковъ?—становится интереснымъ. Теперь я рѣшился просто записывать, что̀ вижу и слышу, записывать все, не сортируя, не анализируя фактовъ и слуховъ. Дѣлайте съ ними, что̀ хотите, освѣщайте ихъ какъ угодно;—я буду только записывать.

Въ хронологическомъ порядкѣ прежде всего слѣдуетъ разсказать о женскомъ училищѣ.

Попалъ я туда нечаянно: шелъ мимо и зашелъ. Поднялся на лѣстницу, вижу—дверь въ сѣни отворена; я туда. Въ сѣняхъ дѣвочка стоитъ и пьетъ воду. Можно войти посмотрѣть?—говоритъ:—можно.

— Есть кто нибудь въ классѣ?

— У насъ въ старшемъ классѣ смотритель сидитъ.

— Ну, и отлично! Я снялъ пальто и прямо въ классъ, вслѣдъ за дѣвочкой. Дѣвочка только успѣла сказать о моемъ приходѣ смотрителю, какъ я ужъ вошелъ. Смотритель сидѣлъ на скамейкѣ, а вокругъ него столпились ученицы и смотрѣли въ книгу: онъ имъ что̀-то тамъ показывалъ. Появленіе мое было все-таки очень неожиданно; всѣ вдругъ всполошились и смотритель тоже не зналъ что подумать. Тутъ только я вспомнилъ, что поступилъ не совсѣмъ вѣжливо, — не предупредивъ никого вошелъ въ классъ; а потому поспѣшилъ извиниться и просилъ позволенія послушать, какъ они занимаются. Сначала классъ немножко было сконфузился, но скоро все пришло въ порядокъ: дѣвочки сѣли по мѣстамъ и смотритель началъ дѣлать имъ вопросы.

Въ классѣ,—въ очень свѣтлой и чистой комнатѣ,—помѣщалось дѣвочекъ 30, не моложе 10—12 лѣтъ, всѣ очень тщательно одѣтыя и причесанныя, въ чистыхъ воротничкахъ. И такъ какъ я засталъ ихъ врасплохъ, то навѣрное можно сказать, что заранѣе приготовленнаго ничего не было. Съ первыхъ же двухъ-трехъ вызововъ можно было догадаться, что ученицы размѣщены по успѣхамъ. На первой скамейкѣ сидѣли дѣвочки постарше и отличались передъ прочими даже нѣкоторой изысканностію туалета. Для перваго опыта вызвана была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, сидѣвшая съ краю на первой скамейкѣ, съ круглымъ лицомъ, тщательно одѣтая, въ бѣломъ фартукѣ, съ бархоткой на шеѣ; по всей вѣроятности очень скромная, старательная, но не съ бойкими способностями дѣвочка.

— Раскройте книгу на такой-то страницѣ,—сказалъ смотритель.

Всѣ въ одну минуту отыскали требуемую страницу.

— Читай!

Дѣвочка начала читать какой-то историческій отрывокъ, кажется, изъ руководства Паульсона, гдѣ упоминалось что̀-то о финикіянахъ.

— Ну, довольно, сказалъ смотритель. Вотъ мы сейчасъ прочли о финикіянахъ. Не можешь ли ты мнѣ сказать, чѣмъ занимался этотъ народъ.

Дѣвочка опустила книгу на столъ и, безстрастно глядя на смотрителя и вытянувъ шею, начала говорить очень скоро, не прерывая голоса:

— Финикіяне, финикіяне, они занимались, они занимались тор-тор-торговлей.

— Такъ, торговлей, одобрительнымъ тономъ подтвердилъ смотритель.

— Ну, а почему они выбрали именно этотъ родъ занятій? что ихъ побудило къ этому?

Дѣвочка продолжала смотрѣть прямо въ глаза смотрителю и не шевелясь опять зачастила:

— Ихъ побудило, ихъ побудило къ этому то, что они...

— Ну, что̀?

— То, что они избрали это занятіе, опять было начала дѣвочка и остановилась.

— Почему же они избрали именно это занятіе? допытывался смотритель, притопывая ногой на словѣ *это*.

Дѣвочка молчала, не спуская своихъ бѣлыхъ, безстрастныхъ глазъ съ смотрителя.

— Жили на берегу моря, на берегу моря.... шепчетъ кто-то сзади.

— Потому что они жили.... опять начала было дѣвочка.

— Ну, гдѣ жъ они жили?

— Они жили....

— На берегу моря... подсказываютъ сзади.

— На берегу моря, нерѣшительно говоритъ дѣвочка, вдругъ измѣнивъ тонъ.

— Ну да. Потому что они жили на берегу моря, одобрительно покачиваясь заключаетъ смотритель.

— Потому что они жили на берегу моря, успокоившись, какъ будто запоминая уже про себя, повторяетъ дѣвочка.

— А какія они сдѣлали изобрѣтенія?

— Они изобрѣли мѣру и вѣсъ.

— Хорошо. А еще что̀ они изобрѣли?

— Компасъ, шепчутъ сзади.

— Еще они изобрѣли компасъ, торопливо отвѣчаетъ дѣвочка.

— Такъ, компасъ, подтверждаетъ смотритель, моргая отъ нюхательнаго табаку, и обратившись ко мнѣ, говоритъ вполголоса:

— Многаго, знаете, отъ нихъ и требовать нельзя: мы еще недавно принялись за эту систему. Не угодно ли послушать? вотъ я еще другихъ спрошу. Довольно! сказалъ онъ отвѣчавшей ученицѣ. Петрова!

Петрова, сидѣвшая на второй скамейкѣ, должно быть шалунья страшная, быстро вскочила, обдернула фартукъ, сложила руки на желудкѣ и какъ солдатъ вытаращила глаза.

— Петрова! Скажи, что̀ такое компасъ?

— Компасъ—это астрономическій инструментъ, употребляемый мореходцами для того, чтобы не сбиться съ пути, бойко, однообразнымъ голосомъ отрапортовала она и сразу оборвала на послѣднемъ словѣ.

— Что̀ онъ показываетъ?

— Онъ показываетъ страны свѣта.

— Сколько странъ свѣта?

— Четыре: сѣверъ, югъ, востокъ, западъ.

— Хорошо. Иванова! Какія еще изобрѣтенія сдѣлали финикіяне?

Иванова,—блѣдная, золотушная дѣвочка, очень бѣдно одѣтая, встала и печальнымъ монотоннымъ голосомъ объявила, что финикіяне изобрѣли еще пурпуровую краску.

— А кто былъ, какъ говорятъ, причиной этого изобрѣтенія? Матвѣева!

Матвѣева, занявшаяся было ковыряніемъ стола и должно быть не слушавшая, встала, спрятавъ руки подъ фартухъ, и покраснѣла.

— Кто же былъ причиной?

— Собака, шепчутъ сзади:—собака....

— Соболь!... не разслушавъ пискнула Матвѣева нерѣшительно и въ недоумѣніи посмотрѣла на всѣхъ.

Дѣвочки фыркнули въ книги.

Послѣ того вызвано было еще пять или шесть дѣвочекъ, и многія отвѣчали очень хорошо. Видно было, что онѣ, если не все, то очень многое понимаютъ изъ того, что̀ отвѣчаютъ. Потомъ вызвана была одна дѣвочка къ доскѣ; ее заставили написать подъ диктовку басню,—безъ знаковъ препинанія,—другая разставила знаки очень удовлетворительно; хотя замѣтно было, что и эта басня, и разстанавливаніе знаковъ имъ давно знакомы. Въ отвѣтахъ, несмотря на ихъ точность и ясность, не понравилась мнѣ какая то казенная манера отвѣчать по солдатски, вытянувъ шею и безстрастно глядя въ глаза тому, кто спрашиваетъ. Да и эта излишняя, книжная точность отвѣтовъ, несвойственная дѣтскому возрасту, показалась мнѣ очень подозрительной. Вообще, разсужденія,— не въ духѣ принятой здѣсь системы. Послѣ этого испытанія дѣвочки принесли мнѣ посмотрѣть разные воротнички, рукавчики и юбки своей работы; потомъ взяли ноты, стали передо мной въ кучку и запѣли: «Боже царя храни»; потомъ смотритель сказалъ мнѣ, что онѣ въ видѣ забавы учатся и свѣтскому пѣнію.

— Ну-ко, дѣвицы, кукушку!

Всѣ зашевелились, достали другія ноты, стали опять въ кучку и затянули старинную пѣсенку, сочиненную какимъ-то монахомъ: «ты скажи, моя вѣщунья»; при чемъ одна высокая, худощавая дѣвочка дѣлала соло: — ку-ку! ку-у-ку-у! ку-у-ку! ку-ку! ку-ку! и дѣлала въ это время такое наивное и сосредоточенное лицо, что я чуть было не засмѣялся. Наконецъ, узнавъ, что пѣнію обучаетъ діаконъ и поблагодаривъ смотрителя и ученицъ за доставленное мнѣ удовольствіе, я собрался уходить, но смотритель повелъ меня еще въ младшій классъ, гдѣ супруга его занималась съ дѣвочками рукодѣліемъ. Тутъ я опять имѣлъ случай видѣть огромное количество воротничковъ, чулокъ и проч., очень искусно сдѣланныхъ дѣвочками лѣтъ 9—10. Оттуда мы прошли въ приготовительный классъ, небольшую комнату, гдѣ человѣкъ 50, уже совсѣмъ маленькихъ дѣвочекъ, учились читать. Тутъ были всевозможныя дѣвочки и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: дѣвочки еще носившія на себѣ явные слѣды роднаго запечья и не успѣвшія еще усвоить себѣ ни этой прилично-безстрастной наружности, ни приторно-школьной безпечности; дѣвочки вовсе еще невыдѣланныя, съ большими животами, разинутымъ ртомъ и въ родительскихъ обноскахъ. Но и тутъ показалъ мнѣ смотритель одну только что приведенную и уже совсѣмъ испорченную дѣвочку, дочь достаточныхъ родителей, которая отлично умѣла читать по знакомой книгѣ, когда ей говорили первое слово, но, начавъ читать, она не могла ужъ остановиться, а остановившись, не могла начать съ середины, или указать слово, которое она только что прочла. Постоявъ нѣсколько минутъ въ классѣ и подивившись успѣхамъ звуковой системы, вышли мы въ сѣни, гдѣ кучей лежало дѣтское платье. Смотритель предложилъ мнѣ пройти съ нимъ въ другое отдѣленіе дома и взглянуть на уѣздное училище. Впрочемъ, тамъ особенно замѣчательнаго мы ничего не нашли. Все было въ порядкѣ: въ первомъ классѣ законоучитель объяснилъ мальчикамъ катихизисъ; во второмъ классѣ нѣсколько глуховатый наставникъ просматривалъ написанную на аспидныхъ доскахъ басню: «лягушка и волъ», а въ третьемъ маленькій, но необыкновенно шустрый мальчикъ во все горло доказывалъ равенство прямоугольныхъ треугольниковъ. Мальчикъ удивительно бойко подскакивалъ къ доскѣ и, подымаясь на цыпочкахъ, ловко постукивалъ мѣломъ по буквамъ, написаннымъ на доскѣ, крича что̀ есть мочи:

— Въ предыдущій разъ показаны были условія равенства всѣхъ треугольниковъ вообще, а посему они относятся и къ прямоугольнымъ. Но равенство сихъ послѣднихъ, какъ болѣе опредѣленныхъ по своей формѣ, можетъ быть доказано и при другихъ условіяхъ, которыя недостаточны для треугольниковъ вообще.

— А какъ доказать равенство прямоугольныхъ треугольниковъ? въ томъ же тонѣ и такъ же громко спрашивалъ учитель, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи и указывая издали мизинцемъ на треугольники, нарисованные на доскѣ.

— Для того, чтобы доказать требуемое, предположимъ, что.... и т. д. Если докажемъ, что A E=D F, то вмѣстѣ съ тѣмъ докажемъ предложеніе,—повернувшись на каблукахъ, кричалъ бойкій мальчикъ.—Для доказательства вышесказаннаго мы можемъ принять три случая.

Кончивъ всѣ три случая и крикнувъ въ заключеніе: «что̀ и требовалось доказать», мальчикъ поклонился, вытеръ себѣ руки и самодовольно сѣлъ на мѣсто.

Прощаясь съ смотрителемъ, я спросилъ его, чѣмъ можно объяснить такое огромное число желающихъ учиться въ осташковскихъ школахъ.

— Да какъ вамъ сказать? отвѣчалъ онъ.—Должно быть сознаемъ пользу, что ли. Ужъ Богъ знаетъ.

— Мнѣ кажется, что главной причиной этому служитъ грамотность родителей, замѣтилъ я.

Онъ немного помолчалъ и наконецъ, какъ будто раздумывая о чемъ-то, сказалъ:

— Вотъ, видите ли! О родителяхъ я могу вамъ разсказать такой случай: приходитъ ко мнѣ, напримѣръ, какая-нибудь тамъ сапожница, что ли, приводитъ мальчика или дѣвочку и говоритъ: «возьмите ихъ, сдѣлайте милость. Мнѣ съ ними, съ пострѣлятами, смерть пришла. И безъ нихъ тошно. Смотрѣть за ними некому: того и гляди другъ дружкѣ глазъ выколютъ; а какъ они половину-то дня въ училищѣ просидятъ, мнѣ все свободнѣе».—Ну, вотъ, я ихъ и приму. И пошли они ходить—учиться. И вѣдь такіе случаи безпрестанно повторяются, чуть ли не каждый день. Мать сама ему не даетъ лѣниться, чтобы онъ ей не мѣшалъ. У насъ, какъ вамъ извѣстно, бѣдныя мѣщанки всѣ до одной заняты работой цѣлый день; разумѣется, ей некогда съ дѣтьми возиться. Въ 4 часа онъ пришелъ домой, мать его опять сажаетъ за книгу: учи къ завтрему урокъ; а потомъ спать. Вотъ и цѣлый день.

— Все это такъ; но согласитесь, что и въ другихъ городахъ та же бѣдность и тѣ же дѣти?

— Въ другихъ городахъ, видите ли, не то: во-первыхъ, у матерей больше свободнаго времени, потому что въ другихъ городахъ мѣщанки обыкновенно ничего не дѣлаютъ; слѣдовательно имѣютъ возможность сами возиться съ ребятишками; а во-вторыхъ, потому, что тамъ и училища большею частію такъ устроены, что родители боятся посылать туда своихъ дѣтей. То, глядишь, учитель клокъ волосъ у мальчика вырвалъ, то смотритель велитъ сказать отцу, чтобы къ празднику непремѣнно гуся принесъ, а не то, говоритъ, сына запорю. Ну, а у насъ все этого, знаете, облагорожено. Ну, да что тутъ. Поживите, увидите,—заключилъ онъ, махнувъ рукой, и мы разстались.

Изъ вышесказаннаго, чтó слѣдуетъ заключить? разсуждалъ я по выходѣ изъ училища:—что вопросъ о народномъ образованіи сводится на вопросъ экономическій. Но тутъ же вспомнилъ о возложенномъ мною на себя обѣтѣ—удаляться по возможности отъ разсужденій и не произносить приговоровъ о томъ, что мнѣ приходится видѣть и слышать; а потому непосредственно послѣ этого благодушно занялся обозрѣніемъ того, чтò было у меня передъ глазами, т. е. разныхъ зданій и вывѣсокъ. Шелъ я безъ всякой опредѣленной цѣли, завернулъ въ почтовую контору, спросилъ, нѣтъ ли писемъ изъ Москвы, поклонился неизвѣстно по какой причинѣ поклонившемуся мнѣ лавочнику и вдругъ на одномъ перекресткѣ наткнулся на Ф. Онъ отыскивалъ меня по всему городу и спѣшилъ сообщить новость, что онъ у какой-то вдовы нашелъ тетрадку, въ которой, какъ я могъ догадаться, заключались разныя историческія, статистическія и этнографическія свѣдѣнія объ Осташковѣ, писанныя какимъ-то умершимъ священникомъ. Я поблагодарилъ его за услугу, и мы пошли вмѣстѣ.

— Ну, куда жъ мы теперь пойдемъ? спросилъ я его.

— Да куда хотите. Я было приготовилъ тутъ ужъ человѣчка три насчетъ рыбнаго-то промысла. Эти ничего, они могутъ разсказать; я ихъ успокоилъ, чтобы они не боялись; что тутъ ничего такого нѣтъ. Они согласились; ну, а вотъ насчетъ кожевеннаго производства ужъ и не придумаю, какъ намъ быть, Есть одинъ, да не скажетъ, боится, и ничѣмъ его не успокоишь. А то вотъ знаю я тутъ еще одного старика. Онъ бы могъ, если бы захотѣлъ, не только о своемъ дѣлѣ, но и обо многомъ бы другомъ могъ разсказать, да нѣтъ, никакъ не уломаешь.

— Вы только познакомьте, можетъ какъ нибудь и уладится дѣло.

— То-то, боюсь. Богъ его знаетъ. Въ какой часъ попадешь: изругаетъ ни за что. Ужъ я думалъ, думалъ....

— Что̀ это за домъ? скажите, пожалуйста!

По ту сторону улицы, изъ деревянныхъ домиковъ самой обыкновенной, провинціальной наружности, такъ и вырѣзывался какой-то старинный, каменный, двухъ-этажный домъ, выкрашенный желтой краской, съ неуклюжими окнами и крутой желѣзной крышей.

— А это духовное училище.

— Знаете что? Нельзя ли туда зайдти—посмотрѣть? Я ни разу не бывалъ въ этихъ заведеніяхъ.

— Я думаю, что можно. Пойдемте, спросимъ.

Тутъ только я вспомнилъ, что на дняхъ я познакомился съ однимъ изъ учителей этого училища, и мы прошли къ нему въ квартиру, тутъ же въ училищномъ домѣ. Въ это время была рекреація, и мы застали его. Не безъ нѣкотораго сердечнаго волненія проходилъ я корридоромъ, гдѣ попались намъ нѣсколько человѣкъ учениковъ, въ затрапезныхъ халатахъ, съ коротко остриженными, точно выщипанными, головами и съ затасканными книжонками въ рукахъ. Когда мы вошли въ убогую комнатку учителя, онъ пилъ чай, встрѣтилъ меня уже какъ знакомаго и предложилъ чаю. Съ Ф. онъ не былъ знакомъ, несмотря на то, что Ф. знаетъ весь городъ. Учителя духовнаго училища живутъ особнякомъ и ни съ кѣмъ почти не знаются, кромѣ духовенства. Я объяснилъ ему мое желаніе—видѣть училище, но онъ сказалъ, что не можетъ меня ввести въ классъ безъ позволенія инспектора, который былъ тутъ же въ училищѣ и исполнялъ должность преподавателя греческаго языка.

— Погодите, я схожу, спрошу.

Онъ ушелъ. Я сталъ разсматривать тетрадки учениковъ, кучей лежавшія на окнѣ. Это былъ переводъ изъ Салюстія. На другомъ окнѣ лежалъ табакъ, чай, вакса и другія принадлежности туалета. За ширмочками кровать; на стѣнѣ какая-то жалкая картина духовнаго содержанія; у стѣны столъ, диванъ, нѣсколько стульевъ да самоваръ за занавѣской. Вотъ и все. Вернулся учитель съ разрѣшеніемъ, и мы всѣ трое пошли по каменной лѣстницѣ, съ обшарканными ступеньками, наверхъ; и такъ какъ рекреація уже кончилась, то мой знакомый учитель привелъ насъ въ свой классъ. Онъ училъ латинскому языку. Ученики вскочили и старшій прочелъ молитву. Я попросилъ заставить кого нибудь переводить для того, чтобы мнѣ удобнѣе было разсмотрѣть учениковъ. Боже мой, что̀ это такое?!... И еще, говорятъ, въ Осташковѣ духовное училище одно изъ лучшихъ въ этомъ родѣ. Во-первыхъ, меня поразилъ особенный запахъ, который такъ и бросается въ носъ, только что отворишь дверь въ классъ. Что̀ это за запахъ, трудно предѣлить. Это какая-то смѣсь, букетъ какой-то, составленный изъ запаха капусты, кислыхъ полушубковъ и дегтярныхъ сапогъ, смѣшанный съ запахомъ живого человѣческаго тѣла, и притомъ такого тѣла, которое Богъ-знаетъ съ которыхъ поръ не было въ банѣ и страдаетъ изнурительной испариной; только испарина эта ужъ остыла и прокисла. Это не тотъ прѣлый запахъ жилого покоя, который всѣмъ извѣстенъ, а другой, уже успѣвшій сконцентрироваться, прогоркшій, страшный запахъ. Комната нетоплена и ученики сидятъ кто въ чемъ пришелъ: въ халатахъ, тулупахъ, съ кацавейкахъ, съ бабьями котами на ногахъ, другіе даже въ лаптяхъ, простуженные, съ распухшими лицами и торчащими вихрами. Уныніе какое-то на лицахъ, точно всѣ ждутъ наказанія. Въ другомъ классѣ шла ариѳметика. Учитель вызвалъ ученика къ доскѣ и задалъ задачу. Ученикъ вылѣзъ изъ парты, поклонился учителю, какъ будто остерегаясь, чтобы тотъ его по шеѣ не ударилъ, и поправилъ себѣ штаны. Другой ученикъ подошелъ къ учителю, точно такъ же поклонился, и подалъ мѣлъ. Наконецъ въ третьемъ классѣ, гдѣ ученики были уже постарше и относительно лучше одѣтые, преподавалъ самъ инспекторъ, молодой человѣкъ очень робкаго вида. Когда мы вошли въ классъ—

ученики встали, и не садились до тѣхъ поръ, пока имъ не велѣли сѣсть. Одинъ ученикъ дѣлалъ конструкцію, а другой, ужъ не знаю зачѣмъ, молча стоялъ за нимъ и смотрѣлъ въ книгу. Поблагодаривъ инспектора за позволеніе, мы вышли въ корридоръ; вдругъ бѣжитъ за нами инспекторъ.

— Милостивѣйшій государь! ..

— Что̀ вамъ угодно?

— Осмѣлюсь утруждать васъ моей всепокорнѣйшей просьбою.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я имѣю нѣкоторое дѣло, о которомъ желалъ бы переговорить съ вами безъ свидѣтелей.

Я записалъ его адресъ и обѣщалъ на дняхъ зайти.

Письмо четвертое.

Общественныя заведенія.

Однако городъ, не смотря на свою стойкость, начинаетъ сдаваться понемногу. На скрытность, какъ видно, надежда плоха: нѣтъ, нѣтъ, да и проврешься. И чѣмъ долѣе я живу здѣсь, тѣмъ чаще представляются случаи видѣть, какъ осташи провираются, а ужъ на что, кажется, лукавый народъ. Сегодня,, между прочимъ, даже безъ всякаго съ моей стороны желанія пришлось быть незримымъ свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ сценъ, которыя разыгрываются на разный манеръ по всему русскому царству. Хотя дѣло это и не относится прямо къ городу, но тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ его сообщить.

Рано утромъ разбудилъ меня разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Еще сквозь сонъ слышу, кто-то ругается. Такая досада меня взяла: спать хочется, а не даютъ! Однако, нечего дѣлать, проснулся, слушаю. Что за чортъ! ничего не разберу. Ходитъ кто-то по комнатѣ и оретъ:

— Ахъ, разбойники! ахъ, разбойники!... Уморили!... совсѣмъ уморили!... Ничего не понимаютъ!... Ничего... Ахъ, мошенники!... Великъ оброкъ!... а? великъ оброкъ!... Ахъ, мошенники! Да вѣдь земля-то моя? Анаѳемы вы эдакіе! а? Моя земля? а? Моя она, что ли? а? Понимаете вы? Понимаете? а? а? а?...

— Это точно, что... уныло отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ, и въ это время слышится скрыпъ мужичьихъ сапоговъ, происходящій, по всей вѣроятности, отъ переминанія съ ноги на ногу.

— Ну, такъ что же вы? продолжалъ тотъ же голосъ.—Ну что же вы? а? а?

— Да мы, Ликсандра Васильичъ,—мы ничаво, только что вотъ...

— Что же «только-то»? а? Только-то что же? Черти! черти! Что же только-то а?

— Мы про то, что трудновато быдто... нерѣшительно отвѣчаетъ мужичій голосъ.

— Землицы намъ еще бы, то есть самую малость, робко вступается кто-то.

— Не сподручна она, землица-то эта.

— А-а! Такъ вамъ земли еще давай и оброка съ васъ не спрашивай! Ахъ, разбойники! а? не сподручна! а? Ахъ, мошенники! трудновато! а? ахъ, негодяи! Да вѣдь вы прежде платили же оброкъ? а? платили?

— Платить-то мы точно, что платили. Платили, Ликсандра Васильичъ. Это справедливо, что платили. Какъ не платить, отвѣчаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

— Мы завсегда... добавляетъ еще кто-то.

— И больше платили? а? Платили вѣдь и больше?

— Больше, Ликсандра Васильичъ.

— И не жаловались? нѣтъ? Вѣдь не жаловались? а?

— Что-жъ жаловаться! Ликсандра Васильичъ, дѣло прошлое...

— Мы жаловаться не можемъ, опять добавляетъ кто-то.

— Такъ что же вы? Что же теперь-то? а?

— Мы ничаво, Ликсандра Васильичъ,—мы только насчетъ того, что которая земля, то есть, къ намъ теперича отходитъ...

— Ну!

— Ну, что, значитъ, она супротивъ той-то, прежней-то...

— Ну, ну!

— Скупенька землица-то эта, вкрадчиво замѣчаетъ еще одинъ голосъ.

— Камушекъ опять... Камушку-то очень ужъ добре много.

— А вы его вытаскайте, камень.

— Помилуйте, Ликсандра Васильичъ. Гдѣ-жъ его вытаскать? Вѣдь онъ скрозь, все камушекъ.

— Ну, такъ навозцу, навозцу подкиньте!

— Позвольте вамъ доложить, Ликсандра Васильичъ, начинаетъ одинъ мужикъ, выступая.

— Ну, что̀ тебѣ?

— Сами изволите знать: какой у мужика назозъ? Скотинешка опять, какая была,—поколѣмши.

— А-а! Ну, такъ что-жъ мнѣ дѣлать? Какъ знаете, такъ и дѣлайте.

Натупило молчаніе. Слышно было, что баринъ ушелъ въ другую комнату, а мужики стали шептаться. Шептались, долго шептались; потомъ заскрыпѣли сапоги; мужики принялись откашливаться. Постояли, постояли и ушли.

Вижу я, что больше ничего, должно быть, не дождешься; всталъ, одѣлся и вышелъ на улицу. Куда идти? Утро отличное: свѣжее, сухое. Озеро чистое и голубое мелькнуло между домовъ. Лавочникъ стоитъ у своихъ дверей, кланяется.

— Съ добрымъ утромъ!

— Здравствуйте!

Въ первый разъ вижу я этого лавочника.

— Раненько изволили на прогулку выйти.

— Да погода ужъ очень хороша.

— Погода чудесная. Вонъ, изволите видѣть тотъ берегъ.

— Да.

— Близко?

— Ну, такъ что же?

— Погода устоится. Мы вотъ все по этому замѣчаемъ. Какъ если берегъ теперича кажетъ близко, ну и значитъ будетъ вёдро; а коли если ушелъ берегъ въ даль и дерева вонъ того не видно, то и жди мочи.

— Да, это хорошо. До свиданія.

— Мое вамъ почтеніе-съ.

Куда жъ идти-то однако? Да! въ библіотеку. Прихожу въ библіотеку: маленькая, проходная комната, полки съ книгами, газеты на столѣ; молодой человѣкъ стоитъ за прилавкомъ.— Все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ.

— Вы библіотекарь?

— Нѣтъ-съ: я помощникъ.

— Не можете ли вы мнѣ дать чего нибудь почитать?

— Что̀ вамъ угодно?

— У васъ есть каталогъ?

— Есть.

Помощникъ далъ мнѣ каталолъ, изъ котораго я могъ усмотрѣть, что въ библіотекѣ порядокъ примѣрный. Всѣхъ книгъ на лицо 1,097 названій въ 4,238 томахъ. Книги раздѣлены кѣмъ-то на XXII отдѣла, въ составъ которыхъ вошли книги: богословскія, философскія, дѣтскія, правовѣдѣніе, политическія, *свободныя художества*, *увеселенія*, языкознаніе, сочиненія въ прозѣ и стихахъ, сочиненія *просто* въ стихахъ, *театральныя* (это особый отдѣлъ), романы, повѣсти и сказки (тоже особый отдѣлъ).

Я полюбопытствовалъ взглянуть на книги по части *увеселеній*, но, къ несчастію, такихъ въ библіотекѣ не оказалось, и по какому случаю эти увеселенія значились въ каталогѣ, узнать я не могъ. Зато показали мнѣ «снимокъ съ рукописнаго реймсскаго евангелія» (le texte du sacre de Reims), полученный въ 1850 году отъ г. министра народнаго просвѣщенія, и «Карту Венгріи», принадлежавшую Гергею, командовавшему венгерскимъ войскомъ въ 1848 году; она была подарена имъ генералу Беваду, а послѣ смерти послѣдняго продана съ аукціоннаго торга и попала къ севастопольскому 1-й гильдіи купцу, Серебряникову, которымъ и была подарена въ осташковскую публичную библіотеку.

Взялся было я за газеты, въ надеждѣ, что кто нибудь придетъ, но не дождался никого и ушелъ, попросивъ помощника библіотекаря сдѣлать для меня выписку о томъ, какого рода книги больше читаются и кѣмъ именно. Изъ библіотеки я пошелъ было въ думу, но на бульварѣ встрѣтилъ Ф., который заходилъ къ мнѣ и пошелъ отыскивать меня по городу. Онъ предложилъ мнѣ зайти къ одному капиталисту-промышленнику, занимающему въ думѣ очень важную должность. Мѣсто жительства его отыскать было не трудно; нужно знать только улицу, а домъ и самъ найдешь. Улица, гдѣ живетъ капиталистъ, съ самаго заворотка, вся сплошь засыпана сажей и углемъ; и чѣмъ дальше идешь, тѣмъ гуще становится слой угля, покрывающій землю. Наконецъ почва до такой степени чернѣетъ, что ужъ совсѣмъ превращается въ какія-то угольныя копи. По правую руку идутъ все кузницы и кузницы. Тутъ же въ одной изъ нихъ и капиталистъ живетъ; и хотя она отчасти походитъ на домъ, но стѣны закоптѣлыя и дворъ весь заваленъ углемъ. Мы опустились въ подземныя сѣни: тутъ попалась намъ какая-то женщина.

— Дома А. М.? спросилъ ее Ф.

Женщина пошла узнать, но сейчасъ же вернулась, отвела Ф. въ уголъ и стала съ нимъ шептаться; затѣмъ опять ушла.

Наконецъ насъ впустили. Комнаты низенькія, мрачныя; тяжелая, старинная мебель; въ первой комнатѣ стоитъ диванъ. На диванѣ сидитъ самъ хозяинъ. Когда мы вошли, хозяинъ всталъ, поклонился и подалъ руку. Хозяинъ мрачно улыбнулся и попросилъ сѣсть. Я сѣлъ и неловко стукнулся локтемъ обо что-то твердое, звякнувшее на столѣ. Тутъ лежали топоры для морского вѣдомства. Теперь только я замѣтилъ, что въ комнатѣ сидитъ еще одно лицо,—гость, и что мы своимъ приходомъ прервали ихъ разговоръ. Одного взгляда на гостя было достаточно, чтобы напомнить мнѣ знакомый типъ петербургскаго чиновника. Полный, чисто выбритый и остриженный подъ гребенку, въ форменномъ вицмундирѣ, сидѣлъ онъ положивъ свои круглые и мягкіе пальцы на такія же круглыя и мягкія колѣнки. И каково же было мое удивленіе, когда вдругъ оказалось, что это осташковскій 3-ей гильдіи купецъ, К.... Узнавъ, что онъ служитъ въ думѣ, я сталъ разспрашивать его о городѣ. На всѣ мои вопросы гость отвѣчалъ какъ-то необыкновенно уклончиво и все больше общими мѣстами, въ такомъ родѣ, что городъ, благодаря попеченіямъ господина градского головы, Ѳедора Кондратьевича Савина, находится въ отличномъ порядкѣ, храмы Божіи украшаются, искусства и промыслы процвѣтаютъ и граждане благоденствуютъ; однимъ словомъ, ничего не сказалъ. Ф. во все время безпокойно вертѣлся на своемъ креслѣ, барабанилъ пальцами по столу, безо всякой нужды заглядывалъ подъ диванъ и безпрестанно обращалъ одобряющіе взоры то къ хозяину, то къ гостю; наконецъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— А мы къ вамъ, А. М. насчетъ одного дѣльца.

Хозяинъ мрачно улыбнулся.

— Какое же такое ваше дѣло?

Ф. сталъ подкашливать, подмаргивать и закивалъ пальцемъ хозяину въ другую комнату. Они вышли. Въ отворенную дверь слышно было, какъ Ф. уговаривалъ его въ полголоса:

— Вы не опасайтесь! Что-жъ такое? Ну, да. Ваше дѣло такое. Ну, да.

— Да мнѣ что же? отвѣчалъ капиталистъ:—я ничего не боюсь. Мое дѣло такое.

— Ну, разумѣется.

— Понятное дѣло.

— Да-съ; такъ вотъ, А. М. началъ Ф., выходя и указывая на меня:—какъ они очень любопытны узнать все объ нашемъ городкѣ и какъ они много наслышаны, то вы имъ все это, если можно...

— Это ничего, отвѣтилъ хозяинъ, съ улыбкою посматривая на меня.—Впрочемъ, вѣдь все это уже напечатано въ отчетѣ министерства.

— Объ кузнечикахъ-то, объ кузнечикахъ. Да, да. Вы разскажите! Вѣдь это все для славы нашего города. Слѣдственно, можно надѣяться? Такъ вы будьте благонадежны!—успокаивалъ онъ меня.

Я поблагодарилъ и тутъ же кстати обратился съ просьбою къ служащему въ думѣ гостю. Мнѣ хотѣлось добыть городской бюджетъ за минувшій годъ. Гость отвѣтилъ мнѣ на это, что вѣдомость о городскихъ доходахъ и расходахъ ежегодно представляется, куда слѣдуетъ, и что если мнѣ это нужно знать, то лучше всего обратиться... т. е. обратиться куда слѣдуетъ. Изъ этого я не замедлилъ вывести заключеніе, что съ подобными требованіями въ осташковскую городскую думу обращаться не слѣдуетъ; но, не смотря на это, попытался однако убѣдить гостя, что дѣло это совершенно невинное и что опасаться тутъ рѣшительно нечего. Гость подумалъ немного и сказалъ:

— Это все такъ-съ. Только вотъ Ѳедоръ Кондратьичъ уѣхали, а то бы они вамъ это все разъяснили въ лучшемъ видѣ.

— Такъ, стало быть, безъ Ѳедоръ Кондратьевича ничего сдѣлать нельзя?

— Вотъ изволите видѣть, что-съ...

Ф. давно уже, стоя позади меня, дѣлалъ гостю разныя гримасы и заманивалъ его въ другую комнату. Наконецъ, гость это замѣтилъ и ушелъ съ нимъ пошептаться. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и сказалъ, что можетъ дать мнѣ записку въ думу, и тамъ сдѣлаютъ для меня все, что можно. Я взялъ записку и простился. Ф. пошелъ со мною.

— Ну слава Богу! сказалъ онъ, когда мы уже были на улицѣ:—дѣла наши улаживаются понемножку.

Новая роль, которую онъ взялъ на себя добровольно, до такой степени занимала его, что онъ даже началъ ужъ мои дѣла считать *нашими* дѣлами.

На дорогѣ попадались намъ безпрестанно разные люди и кланялись. Нѣкоторыхъ Ф. останавливалъ, отводилъ въ сторону и съ озабоченнымъ видомъ сообщалъ что̀-то.

—А, а! Да, да, да.—Ну, такъ, такъ, отвѣчали обыкновенно встрѣчные, дѣлали сосредоточенныя лица и задумывались.

— Здравствуйте! здоровался Ф. съ какимъ-то чиновникомъ, идущимъ къ должности.

— Куда это вы? спросилъ чиновникъ.

Ф. нагнулся къ воротнику его шинели и шепнулъ ему, указавъ на меня глазами.

— Мм! Вотъ она какая исторія! глубокомысленно сказалъ чиновникъ.

— Да, самодовольно замѣтилъ Ф.—Только вотъ, какъ вы намъ посовѣтуете? Сходить ли намъ прежде къ Михалъ Иванычу, или ужъ прямо обратиться къ Петру Петровичу *)?

Чиновникъ задумался.

— Дѣло мудреное, проговорилъ онъ наконецъ:—какъ сами знаете. Мой совѣтъ, побывать прежде у Михалъ Иваныча.

— Ну, вотъ, вотъ! И я также думаю. Да. Такъ до свиданія.

— Мое вамъ почтеніе.

Чиновникъ пристально посмотрѣлъ на меня и пошелъ своей дорогой, въ раздумьи покачивая головой.

— Что вы безпокоитесь? сказалъ я Ф-ну:—вѣдь дали же мнѣ записку.

— Дали-то, дали. Это, конечно; только, знаете, все бы лучше побывать вамъ у одного человѣка.

— Да зачѣмъ?

— Эхъ, какой вы! Да ужъ положитесь на меня.

— Ну, ведите, куда знаете.

Мы вошли въ какой-то грязный переулокъ, кончавшійся большимъ вязкимъ болотомъ. Кособокіе домики, съ прогнившими крышами, окружали его съ четырехъ сторонъ. Болото это, въ сущности, должно было по плану изображать площадь. По ту сторону болота стоялъ домъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ прочихъ, а въ немъ жилъ тотъ человѣчекъ, у котораго, по мнѣнію Ф., намъ необходимо нужно побывать. На дворѣ накинулась на насъ собачонка, но Ф. сейчасъ же заговорилъ съ ней и она успокоилась. На этотъ лай вышла кухарка и повела насъ въ переднюю. Ф. пошелъ предупреждать о моемъ приходѣ и вернулся въ сопровожденіи хозяйки дома, очень полной женщины, въ большомъ клѣтчатомъ платкѣ,

---

*) Имена эти вымышленныя.

которая начала подозрительно осматривать меня съ головы до ногъ. Нужнаго человѣчка не было дома, а потому мы и отправились прямо въ думу. У церкви остановилъ насъ печникъ:

— П. Г.! Что-жъ ты? Я тебя, братецъ мой, дожидался, дожидался, ажно исть захотилъ, сказалъ онъ моему спутнику.

— Постой! Не до тебя. Дѣла у насъ тутъ пошли такія, спѣшныя.

— Что̀ мнѣ за дѣло? Я глину замѣсилъ.

— Погоди немножко: я сейчасъ.

— То-то, смотри, проворнѣй справляй дѣла-то свои! Рожна ли тутъ еще копаться, кричалъ намъ вслѣдъ печникъ.

— Можетъ быть, я отвлекаю васъ отъ занятій? спросилъ я Ф.—Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь! Теперь я и одинъ найду дорогу въ думу.

— Нѣтъ; это ничего. Еще я успѣю. Тутъ, видите, печка строится въ алтарѣ, такъ я взялся́ показать. Вотъ онъ и пристаетъ ко мнѣ.

— Такъ что-жъ ему дожидаться? Право, вы для меня напрасно безпокоитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я васъ одного въ думу не пущу. Вы не знаете.

— Ну, какъ хотите.

Наконецъ, пришли мы въ думу. Въ темной передней встрѣтилъ насъ высокій, сѣдой старикъ, въ долгополомъ сюртукѣ, и сердито спросилъ: что̀ надо? Я показалъ записку. Старикъ взялъ ее, велѣлъ мнѣ подождать и ушелъ куда-то. Ф. сказалъ мнѣ: постойте-ка, я тутъ въ одно мѣсто сбѣгаю, и тоже ушелъ. Я остался въ обществѣ двухъ мѣщанъ, которые, какъ и я, ждали чего-то и отъ скуки терлись объ стѣну спиною. Чрезъ нѣсколько минутъ выглянулъ изъ двери писецъ и, внительно осмотрѣвъ меня, сказалъ:

— Да вы бы сюда вошли. Я вошелъ. Писецъ сѣлъ на свое мѣсто и началъ меня разсматривать. Я смотрѣлъ на писца.

— Вы, должно быть, не здѣшніе?

— Не здѣшній.

— Чѣмъ торгуете?

— Я ничѣмъ не торгую.

— Прошу покорно садиться.

Я сѣлъ. Писецъ принялся перелистывать бумаги и подправлять буквы, сдѣлавъ при этомъ чрезвычайно озабоченный видъ. Но по лицу его сейчасъ же можно было замѣтить, что его мучитъ любопытство. И дѣйствительно, онъ не выдержалъ, взялся чинить перо и, разсматривая его на свѣтъ, спросилъ меня равнодушнымъ тономъ:

— Вы по какимъ же собственно дѣламъ?

Я объяснилъ, что вотъ такъ и такъ, отъ К-на записку принесъ.

— Мм.

Въ это время вернулся сердитый старикъ.

— Отнесъ записку? спросилъ его писецъ.

— Отнесъ.

— Ну, что̀?

— Ничего. А вы зачѣмъ на полъ плюете? Нѣтъ вамъ мѣста окромя полу.

— Ну, ну, не ворчи.

— Чего не ворчи! Ходи тутъ за вами, убирай.

Старикъ опять куда-то ушелъ. Я сидѣлъ, сидѣлъ, скука меня взяла: нейдетъ Ф. Въ отворенную дверь видно было, какъ въ передней мѣщане вздыхаютъ, потягиваются и разсматриваютъ свои сапоги. Пришелъ еще писецъ и принялся писать. Я отворилъ дверь въ другую комнату; тамъ было присутствіе: большой столъ, покрытый сукномъ, зерцало, планы развѣшаны по стѣнамъ. Я вошелъ въ присутствіе и сталъ разсматривать планъ Осташкова. Удивительно правильно выстроенъ, совершенно такъ, какъ строятся военныя поселенія: все прямоугольники, улицы прямыя, площади квадратныя. На столѣ лежитъ книга; я посмотрѣлъ: «Памятная книжка Тверской губерніи за 1861 г. Цѣна 85 коп.».

— Эй! ступай вонъ! вдругъ закричалъ кто-то позади меня. Я оглянулся: въ дверяхъ стоитъ старикъ.

— Нешто можно въ присутствіе ходить?

Я вышелъ, держа книгу въ рукахъ.

— Брось книгу-то, брось! Зачѣмъ берешь?

— Я хочу ее купить.

— Купить! Ишь ты, покупатель какой!

Я отдалъ старику книгу и спросилъ писца: нельзя ли мнѣ пріобрѣсти одинъ экземпляръ? Писецъ сказалъ, что можно; я отдалъ ему деньги и потребовалъ сдачи. Писецъ взялъ было трехрублевую бумажку, но другой, вдругъ сообразивъ что-то, вырвалъ у него деньги и возвратилъ ихъ мнѣ; потомъ взялъ книгу, отвелъ въ сторону перваго писца и сталъ съ нимъ перешептываться; потомъ позвалъ старика и послалъ его куда-то съ книгою. Старикъ заворчалъ, однако пошелъ. Тутъ же явился Ф.

— Гдѣ это вы пропадали?

— Да все хлопоталъ по нашему дѣлу. Усталъ до смерти. Съ этой запиской такая возня была. Ну, да, слава Богу, уладилъ. Сейчасъ секретарь придетъ.

Съ книгою тоже началась возня. Старикъ ходилъ кого-то спрашивать, можно ли продать? Послѣ долгихъ совѣщаній наконецъ рѣшили, что продать книги нельзя, хотя она имѣлась въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ и назначалась собственно для продажи. Вся эта путаница начала меня выводить изъ терпѣнія.

— Поймите же вы, убѣждалъ я писца:—поймите же вы, что эту книгу я могу купить вездѣ. Вѣдь не секретъ же это какой нибудь?

На всѣ мои убѣжденія писецъ пожималъ плечами и отвѣчалъ:

— Это, конечно, такъ-съ.

— Само собою разумѣется.

Тѣмъ не менѣе книги продать не рѣшался. Ф. опять побѣжалъ куда-то и вернулся съ секретаремъ, который обѣщалъ мнѣ наконецъ составить выписку изъ приходорасходной вѣдомости и отдалъ мнѣ книгу, но опять-таки затруднился: взять деньги, или нѣтъ. Для рѣшенія этого вопроса посылали еще куда-то; вышло рѣшеніе: взять деньги. Я получилъ книгу и ушелъ.

— Скажите, пожалуйста, отчего они не хотѣли продать книгу? спросилъ я у Ф., когда мы сходили съ лѣстницы.

— Боятся. Чтò съ ними станешь дѣлать?

— Чего жъ они боятся? Развѣ это чтò нибудь запрещенное? Вѣдь она прислана для продажи.

— Такъ-то оно такъ. Да ужъ у насъ порядокъ такой. Богъ его знаетъ! Вѣдь оно, конечно, пустяки, ну, а вдругъ спроситъ: «кто смѣлъ безъ моего позволенія книгу продать»? Какъ тогда за это отвѣчать?.. Такъ куда же теперь?

— Да мнѣ бы хотѣлось воспитательный домъ посмотрѣть, только, право, мнѣ совѣстно, что я отвлекаю васъ отъ занятій.

— Ужъ вы обо мнѣ не хлопочите. Вотъ мы какъ сдѣлаемъ: сходимъ теперь въ воспитательный домъ, а оттуда ко мнѣ обѣдать.

— Отлично.

Вышли мы на главную улицу, миновали площадь и бульваръ. Проѣхали дрожки съ дамою.

— Полковница... таинственно шепнулъ мнѣ Ф.

— Какая полковница?

— А наша-то.

— Да, да. Вѣдь у васъ тутъ полкъ стоитъ.

Только въ воспитательный домъ мы тоже сразу не попали. Зашли мы почему-то въ лавку къ одному купцу, а оттуда вдругъ, совершенно неожиданно, очутились въ какой-то горенкѣ, гдѣ застали водку на столѣ. Я не успѣлъ еще опомниться, какъ ужъ хозяинъ, почтенный старецъ въ синемъ кафтанѣ, стоитъ передо мною съ подносомъ и, низко кланяясь, проситъ откушать. Я въ замѣшательствѣ выпилъ рюмку и закусилъ какимъ-то мармеладомъ. Только что я успѣлъ придти въ себя, гляжу—хозяинъ ужь опять стоитъ съ подносомъ и опять *проситъ* мадерой. Отъ мадеры я хотя и отдѣлался, но долженъ былъ зато разсмотрѣть коллекцію старинныхъ монетъ и жетоновъ, въ числѣ которыхъ находилась и *подлинная* грамата Дмитрія Донского, отлично сохранившаяся, написанная, должно быть, *древнимъ* алицариномъ на древней же невской бумагѣ.

Надо замѣтить, что страсть къ археологіи и нумизматикѣ здѣсь въ большомъ ходу и служитъ вѣчнымъ и безконечнымъ поводомъ къ разнаго рода препираніямъ и ссорамъ. Я рискнулъ было усумниться въ подлинности граматы, но, примѣтивъ въ лицѣ хозяина происшедшее отъ того неудовольствіе, замолчалъ, не желая разрушать заблужденіе, на которомъ только и держится, можетъ быть, все его дряхлое существованіе. А тутъ, на мое горе, нашелся добрый человѣкъ, который, Богъ его знаетъ,—изъ желанія ли сдѣлать мнѣ любезность, или просто обрадовавшись случаю поспорить,—счелъ за нужное меня поддержать и тоже усумниться въ подлинности этой несчастной граматы. Хозяинъ, сдѣлавшій мнѣ легкую гримасу, не сталъ стѣсняться передъ тѣмъ гостемъ и прямо обругалъ его, принявъ недовѣрчивость за личное для себя оскорбленіе. Гость ожидалъ, вѣроятно, поддержки отъ меня и затѣялъ споръ, просто, ради искусства; но, не будучи поощряемъ мною къ продолженію его, умолкъ и надулся. Хозяинъ копался въ монетахъ и сердито укладывалъ ихъ на мѣсто, ворча себѣ подъ носъ:

— Знатоки! много вы смыслите!.. Какъ же!... Ученые!.. и прочее въ этомъ родѣ.

Такимъ образомъ я невольно внесъ духъ отрицанія и раздора въ домъ почтеннаго гражданина, который, можетъ быть, и пригласилъ-то насъ собственно для того, чтобы мы похвалили его коллекцію. Послѣ этого оставалось одно: подмигнуть Ф. и благоразумно удалиться, что̀ я и сдѣлалъ, разумѣется, предварительно поблагодаривъ хозяина за угощеніе. Однако, совѣсть меня мучила. Погруженный въ сознаніе только что сдѣланной ошибки, идя рядомъ съ Ф., я и не замѣтилъ, какъ мы подошли къ воспитательному дому.

— Что же, дѣточекъ-то нашихъ посмотрѣть хотите? спросилъ меня мой спутникъ.

— Ахъ, да. Пойдемте.

Убѣжище для сирыхъ и убогихъ помѣщается въ томъ же большомъ каменномъ домѣ, гдѣ и училище, въ домѣ съ красновато-казенной наружностію и огромнѣйшею золотою вывѣскою: *Домъ благотворительныхъ заведеній общественнаго банка Савина.*

Мы вошли на дворъ и поднялись на крыльцо. Въ сѣняхъ встрѣтила насъ очень свѣжая на видъ нянька, съ кружкою квасу въ рукахъ, и дружески сказала моему спутнику:

— А! П. Г.! Что это васъ давно не видать? Въ кои-то вѣки заходите.

— Вотъ дѣточекъ вашихъ пришли посмотрѣть.

— Что-жъ, милости просимъ. Пожалуйте. Да что̀ ихъ смотрѣть? Какіе на нихъ узоры?

— А вотъ господинъ чиновникъ желаютъ видѣть, сказалъ Ф., указывая на меня.

— Что вы, П. Г.? Какой же я чиновникъ? воскликнулъ я съ отчаяніемъ; но дѣло уже было сдѣлано: слово вылетѣло и произвело свое дѣйствіе. Нянька вдругъ начала прикрывать фартукомъ кружку, какъ будто въ ней было что̀ нибудь запрещенное; стала обдергивать платокъ на головѣ и вообще старалась придать себѣ наиболѣе форменный видъ. Впустивъ насъ въ кухню, она схватила, Богъ знаетъ зачѣмъ, полотенце и начала смахивать имъ со стола и утирать носы дѣтямъ, сидѣвшимъ за столомъ и ковырявшимъ пальцами кашу. Всѣ эти хлопоты были очень смѣшны и въ то же время обидны, тѣмъ болѣе, что приготовленія къ нашему пріему совершались тутъ же, на нашихъ глазахъ и уже тогда, когда мы застали няньку, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Впрочемъ, я и не понимаю, изъ-за чего она хлопотала, потому что преступленія-то въ сущности никакого не было, только дѣти, изумленныя происшедшей внезапно тревогою, ничего не могли понять и, вытаращивъ глаза и разинувъ рты съ непрожеванной кашей. въ испугѣ смотрѣли на насъ. Одинъ мальчикъ съ подобранной въ видѣ куртки рубашкою и вымазаннымъ лицомъ, держа огромную деревянную ложку въ рукѣ, поглядѣлъ, поглядѣлъ, да вдругъ какъ зареветъ и поползъ по лавкѣ, крича и хлопая ложкою. Нянька нашла такой поступокъ питомца неприличнымъ въ присутствіи такихъ почетныхъ посѣтителей, закричала на него и унесла въ другую комнату. Однако, какъ ни старалась она показать свое рвеніе и сгладить по возможности всѣ признаки жизни съ семейной картины, которую мы успѣли захватить, но мѣстный колоритъ все еще уцѣлѣлъ настолько, что давалъ совершенно удовлетворительное понятіе о патріархальномъ бытѣ, который, подобно язвѣ, вкрался въ заведеніе помимо воли начальства. Благотворители, какъ видно, не сообразили, что дѣти, хотя и незаконнорожденныя, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ мѣдныя пуговицы, отлично вычищенныя суконкой. Въ ту минуту, когда мы входили, въ кухнѣ за столомъ сидѣло трое дѣтей, изъ которыхъ одна дѣвочка лѣтъ 7, другія же только что отнятыя отъ груди. Они, какъ видно, обѣдали. Мы застали на столѣ чашки и горшокъ съ кашею, въ которомъ они и копались преспокойно, запустивъ въ нее руки по локоть. У окна сидѣла другая нянька съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ и, разжевавъ немного пшенной каши, сбиралась отправить ее съ помощію пальца ребенку въ ротъ. Мы ее такъ и застали съ разжеванной кашей на пальцѣ. Какъ ни желалъ я помѣшать старшей нянькѣ произвести порядокъ, какъ ни торопился застать ее въ расплохъ, все-таки рвеніе ея опередило насъ, и въ слѣдующей комнатѣ мы уже не нашли никакихъ признаковъ жизни: тутъ уже все было готово къ нашему приходу; только по заспаннымъ лицамъ кормилицъ и по усиленному ихъ дыханію можно было догадаться о той суворовской тревогѣ, которая подобно вихрю пронеслась по всему дому и все сгладила, сравняла въ мгновеніе ока. Кроватки съ сонными дѣтьми, вытянутыя въ линію, почтительно стояли въ два ряда по обѣ стороны; кормилицы, подобно ефрейторамъ, торчали чрезъ каждыя двѣ кроватки и какъ-то невыразимо странно дѣлали какой-то бабій фронтъ. До этой минуты я никогда не могъ себѣ представить, чтобы изъ кормилицъ въ платкахъ и въ ситцевыхъ сарафанахъ можно было сдѣлать нѣчто парадное; но я и до сихъ поръ не могу себѣ представить ничего глупѣе и нелѣпѣе той роли, которую мнѣ пришлось, по милости моего проводника, разъиграть передъ этимъ строемъ дѣтскихъ кроватокъ, передъ этими несчастными дѣтьми, которыя и не подозрѣваютъ, въ какой пошлой комедіи должны они участвовать съ самаго почти дня рожденія и какимъ горькимъ униженіемъ платятъ они за право жить и ѣсть разжеванную нянькой кашу.

Оскорбленный и сконфуженный, нагнулся я къ одной изъ кроватокъ, чтобы скрыть такимъ образомъ смущеніе, противъ воли выступившее у меня на лицѣ, и посмотрѣлъ на спящаго ребенка. Кормилица удивительно ловко отдернула пологъ и опять вытянулась, прямо и бодро глядя мнѣ въ глаза. Старшая нянька шепталась съ Ф.; я сталъ прислушиваться: она называла по имени мать этого ребенка. Въ то же время вошла семилѣтняя дѣвочка, которую мы видѣли въ кухнѣ, и стала ласкаться къ нянькѣ.

— А вотъ эта у насъ дворянка,—сказала нянька, указывая на дѣвочку.

— Такъ вы барышня? шутя спросилъ ее Ф.

Дѣвочка положила палецъ въ ротъ и спрятала лицо въ платье няньки. Нянька вытащила ее за руку и, поставивъ передъ нами, сказала:

— А, дура! что-жъ ты прячешься? Слышишь, дядя спрашиваетъ. Говори, кто твоя мать?

Дѣвочка молча вертѣла уголъ своего фартуха.

— Ну! что-жъ ты?

— *Гуфинанка*, шопотомъ проговорила она и опять спряталась за няньку.

— Губернанка, пояснила нянька; — а отецъ у ней помѣщикъ... такой-то (она назвала фамилію).

Изъ воспитательнаго отдѣленія прошли мы въ страннопріимное, гдѣ застали уже все въ отмѣнномъ порядкѣ. Въ первой комнатѣ вскочили передъ нами какіе-то увѣчные старики, въ сѣрыхъ хататахъ, и съ тупымъ изумленіемъ поглядѣли на насъ; въ другой, очень большой и свѣтлой комнатѣ, съ лакированнымъ поломъ и портретомъ коммерціи совѣтника Савина въ великолѣпной рамѣ, мы нашли съ десятокъ кроватей удовлетворительно казенной наружности, со стоящими подлѣ нихъ тоже достаточно убогими старухами, съ чулками въ рукахъ, которыя пытались было въ свою очередь отдать намъ подобающую честь, но я отъ этой чести успѣлъ во время ускользнуть. Все это, Богъ знаетъ почему, было мнѣ до такой степени противно, что я почти выбѣжалъ изъ дома благотворительныхъ заведеній и тутъ только вздохнулъ свободнѣе. Того, что̀ я видѣлъ и слышалъ въ этотъ день, было для меня слишкомъ много, и потому, положа руку на сердце, я счелъ себя вправѣ пообѣдать. Ф. опять окормилъ меня какими-то рижскими пирогами и кромѣ того угостилъ меня великолѣпною коллекціею разнаго рода гравюръ, относящихся до его спеціальности, коллекціею, состоящею изъ огромнаго собранія фресковъ, орнаментовъ и множества архитектурныхъ рисунковъ, скопленныхъ имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Послѣ обѣда повелъ онъ меня въ мастерскую, гдѣ я наглядньмъ образомъ могъ убѣдиться въ томъ, что у этого человѣка бездна вкуса и удивительно разнообразныя способности. Я видѣлъ нѣсколько моделей иконостасовъ его собственнаго сочиненія, и особенно понравились мнѣ чрезвычайно простыя, но въ то же время необыкновенно легкія и художественныя издѣлія по этой части для сельскихъ церквей. Послѣ чаю ушелъ я домой, т. е. на постоялый дворъ. Только что успѣлъ отворить дверь, слышу, — опять за стѣной та же исторія, какъ и утромъ, и опять тѣ же вопли; мужики по прежнему *ничего не понимаютъ*, помѣщикъ по прежнему оретъ:—Ахъ, губители! Уморили...а? Ахъ, губители!...

За стѣной происходитъ, такъ называемое, *добровольное соглашеніе*. Помѣщикъ старается, какъ слышно, во что̀ бы то ни стало, растолковать мужикамъ необходимость выкупа и для этого рѣшился прибѣгнуть даже къ наглядному способу, какимъ учатъ дѣтей ариѳметикѣ.

— Антонъ! кричитъ измученный и уже отчасти охрипшій помѣщикъ:—Антонъ! поди сюда! Сюда, ближе къ столу. Да чего ты, братецъ, боишься?

Слышенъ скрипъ мужичьихъ сапоговъ.

— Давай сюда руки! что-жъ ты? давай же! я вѣдь не откушу. Гдѣ твоя шапка?

Мужичій голосъ говоритъ шопотомъ:

— Матвѣй! давай свою! Вотъ, Ликсандра Васильичъ, эта шапочка будетъ превосходнѣе. Извольте получить.

— Все равно. Ну, да хорошо. Давай ее сюда. Теперь, Антонъ, держи эту шапку крѣпче.

Мужикъ вздыхаетъ.

— Представь себѣ, что эта шапка — земля! — Понялъ?

— Тэксъ-съ.

— Эта шапка—моя земля, и я тебѣ эту землю отдалъ въ пользованіе. Понялъ?

— Слушаю-съ.

— Нѣтъ, не такъ. Постой! я возьму шапку. Представь, что тебѣ нужна земля, т. е. эта шапка. Вѣдь она тебѣ нужна?

— Чего-съ?

— Дуракъ! я тебя спрашиваю: нужна тебѣ шапка, или нѣтъ? Можешь ты безъ нея обойтись?

— Слушаю-съ.

— Ахъ, разбойникъ! Да вѣдь я тебѣ ничего не приказываю, глупый ты человѣкъ! Я тебя спрашиваю: чья это шапка?

— Матюшкина.

— Ну, хорошо. Ну, положимъ, что Матюшкина, но ты представь себѣ, что эта шапка моя.

— Это какъ вамъ будетъ угодно.

— Дура-чортъ! Мнѣ ничего не угодно. Я тебѣ говорю: представь только.

— Я приставлю-съ.

— Ну, теперь, бери у меня шапку. Ну, бери, бери! Ничего, ничего, не бойся! Бери! Что-жъ ты?

Мужикъ не отвѣчаетъ.

— Что-жъ ты не берешь?

Молчаніе.

— Губитель ты мой! Я тебя спрашиваю: что жъ ты не берешь? а? а? а?

— Да коли ежели милость ваша будетъ....

— Фу, ты Господи! Ахъ, разбойники! Уморили! Ничего, ничего не понимаютъ! завопилъ опять помѣщикъ и началъ ходить по комнатѣ.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, наконецъ одинъ изъ мужиковъ спросилъ:

— Ликсандра Васильичъ!

— Ну, что̀ тебѣ?

— Позвольте выдти на дворъ!

— Зачѣмъ?

— Оченно взопрѣли.

— Ступай.

Мемного погодя попросился и другой. Я отворилъ немного дверь въ сѣни и сталъ слушать.

— Ну какъ же теперь это дѣло понять? шопотомъ спрашивалъ одинъ у другого.

— Извѣстно, жилитъ. Прямо, то есть, сказать не можетъ, потому воли ему теперь такой нѣтъ; ну, онъ, братецъ мой, и хочетъ, значитъ, чтобы, то есть, обманомъ. Слышалъ про шапки-то....?

— Да. Чтò такое? не пойму я никакъ, что это онъ про шапки-то?

— Эво-ся! Рожна ли тутъ не понять? Вотъ сейчасъ оберу, говоритъ, у васъ шапки и до тѣхъ поръ не отдамъ, поколѣ, то есть, не будете согласны.

— Ишь ты вѣдь, чортъ! Да. А я такъ думалъ, что это онъ примѣръ только дѣлаетъ. Ахъ, волки тя ѣшь! Матюшкина-то шапка значитъ аминь. Новая... Ну, хорошо, парень, я свою не далъ! Ровно мнѣ кто въ уши шепталъ: не давай, молъ, пути не будетъ! А твоя здѣсь?

— Вотъ она!

— Такъ что-жъ ты? Давай, убѣжимъ! Я теперь такъ запалю: на лошади не догнать.

— Ой ли?

— Да ей Богу!

— Валяй!....

— Что вы тамъ долго прохлаждаетесь? отворивъ дверь, закричалъ вдругъ помѣщикъ.

Мужики вошли въ комнату и опять начались разговоры въ томъ же родѣ. Я слушалъ, слушалъ и, наконецъ, заснулъ.

Письмо пятое.

Знакомства.

После всѣхъ моихъ безплодныхъ хожденій по разнаго рода присутственнымъ мѣстамъ и прочимъ общественнымъ заведеніямъ, съ болѣе или менѣе казенной обстановкою, я, наконецъ, догадался, что, идя этой дорогой, я ровно ничего не узнаю; что съ этой стороны городъ достаточно укрѣпленъ и почти неприступенъ; что оффиціальная ложь стоитъ при входѣ и не допускаетъ любопытнаго проникнуть въ тайную мастерскую осторожнаго механика. Соображая это, я нечаянно напалъ хотя и на самый битый, но за то и самый вѣрный путь, и именно: шляться по домамъ и просто слушать все, чтò ни попало. Для пріѣзжаго человѣка, непричастнаго мѣстнымъ интересамъ, даже сплетни и всякаго рода самая пустая болтовня имѣютъ огромную цѣну, особенно если умѣешь обращаться съ этимъ матеріаломъ. Какъ, повидимому, ни ничтожны эти данныя, но я убѣжденъ, что они только такъ кажутся ничтожными на первый взглядъ. Согласитесь, что осташковскія сплетни, напримѣръ, — имѣющія, разумѣется, все-таки болѣе или менѣе серьезный характеръ, — способны созрѣвать только на мѣстной, только на осташковской почвѣ и, слѣдовательно, должны неминуемо заключать въ себѣ соки породившей ихъ среды, должны отражать въ себѣ мѣстный взглядъ, мѣстные интересы. Что же касается неизбѣжнаго въ этомъ случаѣ преувеличенія и даже искаженія фактовъ, то я убѣдился, что, при внимательномъ сличеніи нѣсколькихъ экземпляровъ, все лишнее, не характерное слетаетъ подобно шелухѣ, и въ результатѣ остается все-таки голая истина.

Въ продолженіе трехъ дней пришлось мнѣ познакомиться съ нѣсколькими промышленниками средней руки. Всѣ мои визиты къ этимъ, такъ называемымъ, гражданамъ удивительно похожи другъ на друга. Мнѣ случилось какъ-то въ одинъ день быть въ трехъ домахъ, и эти три дома до такой степени ничѣмъ почти не отличаются одинъ отъ другого, что послѣ, дня два спустя, мнѣ нужно было ужасно напрягать память и воображеніе, чтобы дать себѣ отчетъ: въ какомъ домѣ и что̀ именно я видѣлъ и слышалъ? Даже расположеніе комнатъ и вся внутренняя обстановка домовъ чрезвычайно однообразны. Въ передней непремѣнно темно и пахнетъ шубами, въ залѣ чистый, крашеный полъ, жиденькіе стульчики подъ орѣхъ, два ломберныхъ стола краснаго дерева, на которыхъ стоятъ по два подсвѣчника аплике. Въ гостиной кожаный диванъ, такія же кресла, бисерный поддонникъ на кругломъ столѣ съ одной качающейся ножкой; иной разъ портретъ какой-нибудь на стѣнѣ; чаще изображеніе Нила преподобнаго, стоящаго на водѣ, съ виднѣющеюся позади его пустынью. Изъ гостиной дверь куда-то, вѣроятно въ дѣтскую, потому что оттуда всегда тоже выходитъ какой-то кисловато-прѣлый запахъ молочной каши. Изъ этой же двери время отъ времени выглядываютъ, точно звѣрьки, два, а иногда и четыре маленькіе глаза и долго съ пугливымъ любопытствомъ разсматриваютъ гостя; и во все это время слышится за дверьми торопливый шопотъ, отпираніе комода и сдержанныя восклицанія: гость, гость. Затѣмъ отворяется завѣтная дверь, и хозяинъ, большею частію человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ долгополомъ сюртукѣ, съ бритымъ подбородкомъ и недоумѣвающимъ лицомъ, покорнѣйше проситъ садиться. Черезъ пять минутъ на кругломъ столѣ, вмѣсто бисернаго поддонника, является мадера, мармеладъ, а иногда и просто водка съ солеными огурцами.

И говорить нечего, что всѣ эти люди—народъ чрезвычайно общительный и гостепріимный, но, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если гость можетъ представить болѣе или менѣе благонадежную рекомендацію. Зная это условіе, я запасался всякій разъ проводникомъ изъ тѣхъ же гражданъ, который могъ бы поручиться, что я не шпіонъ. А заручившись такимъ проводникомъ, я уже могъ проникнуть всюду. И что̀ это за милый народъ, эти граждане! Куда вдругъ дѣвается у нихъ и эта мнительность, и это тупое сосредоточенное пересыпаніе изъ пустого въ порожнее? Мрачный, неразговорчивый на первый взглядъ человѣкъ вдругъ оказывается необыкновенно любезнымъ, откровеннымъ и чистосердечнѣйшимъ малымъ, готовымъ разсказать всю подноготную съ той самой минуты, какъ только убѣдится вполнѣ, что вы нигдѣ не служите и съ городскими властями не имѣете ничего общаго. Но замѣчательно, что пока говоришь съ ними о промышленности или просто болтаешь о разныхъ мелкихъ предметахъ, все идетъ хорошо; но какъ только сведешь рѣчь на городское управленіе, на достоинства и недостатки ихъ общественной жизни, такъ въ то же мгновеніе человѣкъ какъ-то свихивается и начинаетъ молоть, Богъ знаетъ, что. Осташковъ и его учрежденія—это для нихъ какой-то пунктъ помѣшательства. Только что весело и даже остроумно говорившій о всякой всячинѣ человѣкъ, при одномъ имени Осташкова, сейчасъ задумывается, начинаетъ смотрѣть куда-то въ бокъ и потомъ вдругъ ударяется въ безобразнѣйшее и пошлѣйшее хвастовство своимъ городомъ и его заведеніями: пѣвчими, бульваромъ и проч., или впадаетъ въ желчное расположеніе духа и съ злобнымъ, ядовитымъ смѣхомъ начинаетъ безпощадно язвить свой родимый городъ. Я старался замѣчать: чѣмъ собственно они хвастаются и что̀ бранятъ? и замѣтилъ слѣдующее. Хвалится осташъ своимъ озеромъ, паникадилами, рыбою, танцами и павильонами. Чѣмъ нибудь, да ужъ непремѣнно хвалится: это здѣсь какая-то повальная болѣзнь. Кто поразвитѣе, тѣ обращаютъ ваше вниманіе на банкъ, библіотеку, театръ и кринолины, указывая въ особенности на послѣдніе (т. е театръ и кринолины), какъ на самые очевидные и несомнѣнные признаки той высокой степени цивилизаціи, на которой стоитъ Осташковъ. Хвалится осташъ своимъ городомъ больше по привычкѣ хвалиться, потому что похвальбу своимъ городомъ онъ съ дѣтства привыкъ считать своей священной обязанностью и знаетъ, что всѣ его хвалятъ. Ругается же онъ или вслѣдствіе скептическаго міросозерцанія, привитаго ему долгими странствіями по чужимъ городамъ, или потому, что ужъ очень допекутъ его разныя удобства и общественныя учрежденія; но это бываетъ рѣдко; чаще всего ругается осташъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ оскорбленъ и мелкое самолюбьишко его уязвлено какимъ-нибудь мелкимъ случаемъ. Что касается хвастовства, то мнѣ особенно бросилось въ глаза вотъ какое обстоятельство. Общественная пожарная команда, какъ извѣстно, составляетъ справедливую гордость Осташкова, но, замѣчательно, что хвастаются ею только люди, по своему положенію не обязанные принимать участія въ тушеніи пожаровъ, т. е. служащіе и вообще достаточные люди. Отъ тѣхъ же, которые составляютъ пожарную команду, я не только не слыхалъ похвальбы, но даже просто не могъ добиться толкомъ: какимъ способомъ производится это тушеніе. Я не знаю, отчего это дѣлалось? Оттого ли, что я не умѣлъ спросить, или оттого, что эти люди до такой степени привыкли смотрѣть на свои общественныя обязанности, какъ на дѣло очень обыкновенное, что даже ни разу не потрудились дать себѣ отчетъ, какъ это дѣлается. Мнѣ второе кажется болѣе вѣроятнымъ потому, что и въ другихъ подобныхъ случаяхъ я замѣчалъ то же самое. Такъ, напримѣръ, сапожники умѣли отлично разсказать мнѣ все, что̀ касается танцевъ или павильоновъ, но я никакъ не могъ узнать отъ нихъ: какимъ порядкомъ попадаютъ они въ кабалу къ своимъ хозяевамъ-капиталистамъ; и узналъ это ужъ отъ постороннихъ людей, вовсе не занимающихся сапожнымъ мастерствомъ. Точно такая же исторія и съ банкомъ; напримѣръ, люди не имѣвшіе надобности прибѣгать къ его помощи, хвастаются имъ напропалую: у насъ-де банкъ, у насъ 200 тысячъ!... Тотъ же, кто отнесъ туда послѣднюю ризу съ родительскаго благословенія, ничего о пользѣ банка сказать не можетъ; или просто молчитъ, или замѣчаетъ: — да, оно хорошо; когда деньги нужны, отнесъ вещь и сейчасъ денегъ даютъ. О разорительныхъ для города свойствахъ банка узналъ я тоже отъ постороннихъ людей, никогда не имѣвшихъ въ немъ нужды.

Что же касается недовольныхъ, то надо признаться, что ихъ тоже не мало въ Осташковѣ. Ихъ тоже, какъ и хвастуновъ, можно раздѣлить на два разряда. Примется, бывало, кто нибудь ругать городъ, ну, я, разумѣется, и слушаю: на чтò онъ станетъ налегать. При этомъ я замѣтилъ, что изъ недовольныхъ люди, не страдающіе отъ существующихъ въ городѣ порядковъ, являются большею частью самыми толковыми ругателями и всегда могутъ представить очень основательныя причины своего недовольства, хотя обвиненія ихъ и выходятъ всегда болѣе или менѣе желчны и насмѣшливы. Но есть другой разрядъ ругателей: это люди съ уязвленнымъ самолюбіемъ, люди кѣмъ нибудь задѣтые, обойденные какими нибудь милостями и вслѣдствіе этого одержимые завистью. Эти обыкновенно ругаютъ все на повалъ, все, чтò не касается ихъ самихъ. Но ругательства и нападки ихъ отличаются въ то же время удивительною односторонностью и узостью взгляда, такъ что, послушавъ ихъ раза три - четыре, можно всегда болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить: кѣмъ и чѣмъ они не довольны; и всегда оказывается, что причина ихъ недовольства въ сущности какой нибудь вздоръ, а до согражданъ имъ нѣтъ никакого дѣла. Зато люди, дѣйствительно потерпѣвшіе и постоянно терпящіе, обыкновенно тупо молчатъ и, понявъ безвыходность своего положенія, признаютъ его даже законнымъ и необходимымъ для славы своего родного города.

На дняхъ познакомился я съ однимъ рыбакомъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ: на той недѣлѣ, часовъ въ 10 утра, по заведенному мною обычаю, не дождавшись Ф., прихожу я къ нему; вижу, онъ собирается.

— Куда вы?

— Къ одному гражданину въ гости. Пойдемте со мною.

— Какъ же я пойду? Вѣдь я съ нимъ не знакомъ.

— Ну, такъ что же? Познакомитесь.

— А и то правда. Пошли. Рыбакъ, какъ и слѣдуетъ рыбаку, живетъ у самаго почти озера, въ грязной прибрежной улицѣ, въ бѣленькомъ каменномъ домикѣ, съ высокими воротами на старинный манеръ. Гражданинъ-рыбакъ, къ которому мы отправились, одинъ изъ крупныхъ промышленниковъ и ведетъ большую торговлю соленою и вяленою рыбою; кромѣ того, занимается изготовленіемъ рыболовныхъ снарядовъ на продажу. Встрѣтилъ онъ насъ въ халатѣ и повелъ въ залу.

— Прошу покорно садиться.

Ф. сдѣлалъ обо мнѣ свою обычную рекомендацію:

— Какъ они очень любопытны и проч., и сейчасъ же прибавилъ:

— Ты намъ насчетъ рыбки-то поразскажи. Кто же и можетъ разъяснить это дѣло, кромѣ тебя? Хозяинъ задумался.

— Да, ужъ, разумѣется, кромѣ меня разъяснить это дѣло некому, сказалъ онъ, наконецъ, обращаясь къ Ф.

— Еще бы. Вѣдь ты у насъ.... извѣстно....

— Такъ, такъ, такъ, такъ. Что̀ и говорить. Все дѣло въ нашихъ рукахъ. Ну, какъ же теперь? Съ чего же начинать?

— Ужъ это какъ самъ знаешь.

— Такъ, такъ, такъ. Знаю, знаю. Я и начать-то съ чего знаю.

— Мнѣ тебя не учить.

— Такъ, такъ. Гдѣ тебѣ меня учить? Да. Знаю, знаю, говорилъ онъ, какъ бы соображая что̀-то. Да не прикажете ли кофею? А то, можетъ, водочки не угодно ли?

— Какая теперь водка? Что ты? Давай намъ кофею.

— Это можно. Велимъ кофей заварить.

Онъ вышелъ.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я между тѣмъ у Ф.— отчего же этотъ не ломается и не скрытничаетъ?

— Ужъ такой человѣкъ, отвѣчалъ Ф.—Карактеръ имѣетъ легкій и никого не боится.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся хозяинъ, говоря:

— А я, братъ, признаться, хотѣлъ то желѣзо купить— сукціонное; только вижу я, что купить его, значитъ, врага себѣ нажить. Пусть пропадаетъ.

— Да и я ходилъ, видѣлъ: лежитъ желѣзо, а купить нельзя. Богъ съ нимъ. А вѣдь дешево.

— Еще бы. Потому-то мы и не можемъ его купить, что ужъ очень оно дешево. Это, братъ, не намъ, не намъ, а имени твоему.

— Ну, да что̀ объ этомъ толковать, сказалъ Ф.—ты лучше про дѣло-то намъ.

— Про какое дѣло?

— Да зачѣмъ мы пришли?

— Зачѣмъ вы пришли?

— Ахъ, чудакъ! А о рыбѣ-то?

— О! Да что-жъ объ ней разсказывать? Извѣстно, рыба. Вотъ ежели солить, это другой разсчетъ. Сейчасъ заготовимъ посуду, разсолъ сдѣлаемъ и солимъ. Такіе мастера у насъ есть.

Хозяинъ видимо не зналъ, съ чего начать.

— Ну, а сушить? спросилъ его Ф.

— Сушить? Сушить, я тебѣ скажу, тоже надо умѣючи. Ежели теперь ты не досушишь, а какъ, значитъ, свалилъ ты ее въ ворохъ, то она сейчасъ должна паромъ изойти.

Мы всѣ трое затруднялись. Онъ не зналъ, чтò намъ нужно, а мы не знали, какъ спросить, и потому всѣ трое замолчали, томительно ожидая чего-то другъ отъ друга.

— И опять-таки, началъ снова хозяинъ, по прежнему обращаясь къ Ф.:—опять-таки и сушить безъ соли нельзя,—сгноишь.

— Ну, это такъ, сказалъ Ф.:—а какъ же теперь это?

— Чтò?

— Какъ ее ловить—рыбу?

— Ну, и ловить можно всячески. Какая рыба? на всякую рыбу свой особый припасъ. Потому намъ безъ припасу никакъ невозможно. Мы опять затруднились. Ф. посмотрѣлъ на меня, желая, вѣроятно, спросить:—какую же рыбу тебѣ нужно? Я вдругъ догадался объ этомъ и въ головѣ у меня завертѣлись слова:

— Какую рыбу? Никакой мнѣ рыбы не нужно. Хозяинъ тоже смотрѣлъ на меня, ожидая вопроса. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе и, совершенно неожиданно для самого себя, спросилъ:

— Какіе же у васъ припасы?

Сдѣлавъ этотъ вопросъ на обумъ, я нечаянно попалъ въ точку. Хозяинъ сейчасъ же оживился и началъ:

— Невода есть, *сшивка* есть, *одинокъ плавной*, лѣтній; *одинокъ снѣтковый*, въ полторы сѣти; тянемъ бойчѣе и пужаемъ.—*Мережи межточныя* *) о двухъ крыльяхъ и о трехъ крыльяхъ, глядя по мѣсту; бываютъ и о двухъ горлахъ и о трехъ горлахъ; *мережа хвоевая*, то безкрылая, ставимъ для плотвы и уклеи, во время *нароста* между свѣжей ели; ну, еще *рѣдуха*, для крупной рыбы; *норотъ*, безъ крыльевъ, плетется изъ прутьевъ; *оборъ*, *обережъ*, у берега значитъ, пужаемъ *болткомъ*. Ну, вотъ я вамъ все сказалъ, чтò же еще? спрашивайте!

---

*) Межтокъ—проливъ.

Я подумалъ, подумалъ и опять спросилъ на удачу:

— Гдѣ вы берете невода?

— Гм. Невода намъ брать негдѣ. Невода и всякій припасъ мы сами сряжаемъ. Вяжутъ сѣти въ уѣздѣ мелкими частями и разной длины, а сшиваемъ и смолимъ ужъ мы сами. Вотъ я вамъ какъ скажу: есть у насъ такая книга. Нуженъ вамъ теперь, хоть бы къ примѣру неводъ; вотъ вы и пишете мнѣ: такъ и такъ, чтобы значитъ изготовить неводъ—такой длины, такой ширины! И мы ту-жъ минуту въ книгу все это и вносимъ. И ужъ, что̀ тамъ написано, то вѣрно. Черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать лѣтъ, а ужъ вы получите свое. Я вамъ ее покажу.

Хозяинъ вышелъ, а намъ между тѣмъ принесли кофе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, неся записную книгу и еще какой-то свертокъ бумаги и сказалъ:

— А вотъ я захватилъ кстати показать вамъ одну вещицу.

Съ этими словами онъ положилъ на столъ свертокъ и открылъ его. На столѣ вдругъ очутилось нѣсколько сотъ штукъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ и жетоновъ.

— Ахъ, я и забылъ совсѣмъ о нихъ, сказалъ Ф.:—показывай! показывай!

Я сталъ разсматривать монеты, что̀ доставило хозяину видимое удовольствіе, и хотя я въ нихъ ровно ничего не смыслилъ, однако внимательно разбиралъ подписи въ родѣ: *де-нга. мон. ру-бль*, и даже почему-то счелъ нужнымъ похвалить ихъ. Хозяинъ совсѣмъ забылъ о книгѣ, вѣрнѣй которой, по его словамъ, быть ничего не можетъ, и увлекаясь все болѣе и болѣе, началъ ужъ разсказывать мнѣ разныя, по его мнѣнію, любопытныя подробности о томъ, какъ ему досталась та, или другая монета; и сожалѣлъ только о томъ, что у него не хватало экземпляра временъ Іоанна III-го.

— Ну, это все хорошо, сказалъ наконецъ Ф., когда ему надоѣло разсматривать монеты:—ты намъ о рыбѣ-то поразскажи, а мы послушаемъ.

— Можно и о рыбкѣ, самодовольно сказалъ хозяинъ, усаживаясь на диванъ.

— Рыбка-то, она, я вамъ скажу, вотъ какая вещь. Самое пустое дѣло.

Мы принялись слушать. Хозяинъ помолчалъ немного и продолжалъ:

— Будемъ такъ говорить. Кто ее не знаетъ—рыбу? Что̀ такое есть рыба? Ну, однако мудренѣй этого дѣла нѣтъ. Теперь хоть бы васъ взять. Спрошу я васъ: гдѣ рыба живетъ? Въ водѣ. Такъ. Карась въ водѣ, налимъ въ водѣ, уклея тамъ что ли, опять-таки въ водѣ. Вѣрно. Такъ стало быть всѣ они тамъ въ кучѣ сбимши и лежатъ? Понадобился мнѣ ну хоть налимъ; сейчасъ закинулъ я въ воду припасъ и тащи? Такъ что ли? По вашему такъ, а я скажу, что нашему брату за это слѣдуетъ въ глаза наплевать. Потому, какой я рыбакъ, когда я не знаю, гдѣ какая рыба живетъ, въ какую пору, въ какую погоду, въ какомъ мѣстѣ жительство свое имѣетъ и какое такое имѣетъ себѣ продовольствіе?... Все это я долженъ знать, какъ *Отче*, и ошибиться ни подъ какимъ видомъ не могу. Опять, какая рыба строга и пужлива? какая глупа? какая прожора? И это долженъ я знать. Теперь вотъ, къ примѣру, надобенъ мнѣ ершъ. Хорошо. Знаю я:—ходитъ ершъ по верху, мошкой питается, комарёмъ. Сейчасъ я *разлячилъ частицу* *), опустилъ на самое дно, потянулъ ее къ верху,—нѣтъ ничего. Что̀ за оказія?... Опять опустилъ, потянулъ,—опять нѣтъ. Худо. Какъ быть? Коли нѣтъ, стало быть, и искать его тутъ—въ пустякахъ время проводить. Ну, нѣтъ, погоди! Я разсуждаю объ этомъ дѣлѣ не такъ. Погляжу я на нёбушко, попытаю: откуда вѣтерокъ? а и того лучше, навязалъ на палку конопли; сейчасъ мнѣ и видно:—вонъ онъ куда потянулъ! Греби къ берегу! Тамъ подъ бережкомъ, подъ кустикомъ, въ затишьи комара вѣтромъ страсть что нанесло. Рябью, да холодомъ сбило его въ кучу и летѣть ему некуда. Стой! Вотъ онъ гдѣ ершъ! Ну, это лѣтняя пора. Лѣтомъ пища у ней была скоромная: червяка, мошки всякой вволю. Лепестокъ она весной гложетъ, а лѣтомъ травы тамъ какой нибудь и даромъ не надо. Ходитъ рыба по верху, цѣльное лѣто шутя живетъ. А осень пришла, и совсѣмъ рыба стала не та. Пришло видно и ей поститься. Ни комаря, ни мухи и въ заводѣ нѣтъ. Стужа пошла, вѣтра̀ пали крѣпкіе. Но и въ эту пору все еще ей не такъ трудно, потому какъ зерна всякаго много вѣтромъ наноситъ. Ну, все ужъ не лѣтняя пища. Совсѣмъ другой разсчетъ. И бойкости въ ней этой ужъ нѣтъ: ходитъ какъ сонная, нехотя зернышки клюетъ. Выйдетъ, выйдетъ наверхъ, сиверкой-то ее хватитъ и сейчасъ опять внизъ. А зима при-

---

*) Раскинулъ. *Частица*—частая льняная частѣ.

шла, пала рыба на самое дно. Да. Ахъ, кофей-то я и забылъ. Еще по чашечкѣ?

— Нѣтъ, благодарю покорно.

Ф. сидѣлъ рядомъ со мной на диванѣ и заслушался.

— Ишь ты какъ расписываетъ! сказалъ онъ, наконецъ:— въ какой это ты книжкѣ вычиталъ?

— Эта книжка, братъ, мудреная,—я тебѣ скажу. По ней учиться,—надо много мочиться. Вотъ оно,—озеро-то! Книга любопытная и разсудку требуетъ не мало. Селигеръ называется. А вотъ про книжку-то ты мнѣ напомнилъ. Что̀ я въ сочиненіи Карамзина вычиталъ? Ну, я такъ считаю, ошибка тамъ у него есть.

— Какая ошибка? спросилъ Ф. и такъ удивился, какъ будто его это ужасно поразило, что у Карамзина ошибка нашлась.

— А вотъ какая. Сказано у него: Литва воевала Серегеръ. Смотри: степенная книга, часть вторая, страница... страницу забылъ. Хорошо. Серегеръ—это озеро. Теперь спрашивается: какъ его можно воевать—озеро? Понятное дѣло, что воду воевать нельзя. Вотъ я и разсуждаю, что, значитъ, городъ былъ, или жители то есть по озеру.

— Да, подтвердилъ разсѣянно Ф.

— Такъ вѣдь?

— Такъ, такъ.

— Ну, и сейчасъ это пишетъ Карамзинъ... Вотъ, постойте, я принесу книгу. По книгѣ это дѣло виднѣй будетъ.

Онъ пошелъ за книгою.

— А не пора ли намъ? спросилъ меня Ф., повидимому уже начинавшій скучать. Но хозяинъ уже несъ Карамзина и, помусливъ палецъ, смотрѣлъ въ книгу, говоря про себя:

— У меня тутъ это мѣсто заложено. Гдѣ оно? шутъ его возьми совсѣмъ! Да. Примѣчаніе 102, страница 494. Вотъ, вотъ—«въ 1216 году самъ князь новгородскій, Мстиславъ Мстиславичъ, шелъ съ войскомъ на зятя своего Ярослава Всеволодовича Новоторжскаго»... Постой! постой! нѣтъ не здѣсь. Томъ пятый, страница 444.—Нѣтъ, ты послушай, любопытная, братъ, вещь. Собираюсь я объ этомъ написать, да все некогда. Вотъ оно! Послушайте-ка! «Въ исходѣ XIV столѣтія великій князь, Василій Дмитріевичъ, изъ Кличенской волости»...—Слышишь? изъ Кличенской волости... Вотъ вѣдь это истинная правда. «Далъ въ Симоновскій монастырь, съ нѣкоторыми деревнями, озерами и угодіями, слободку Рожокъ, что былъ послѣ монастырь». Это тоже справедливо сказано:—«деревнями, озерами и угодіями». Рожокъ-то вѣдь и теперь *существуетъ*, но только не слобода, а погостъ.

— Это такъ, подтвердилъ Ф., задумываясь все больше и больше и отыскивая глазами картузъ.

Хозяинъ прочелъ еще нѣсколько мѣстъ изъ Исторіи Государства Россійскаго, но я все-таки никакъ ни могу понять: въ чемъ собственно заключается ошибка Карамзина. Дѣло шло, разумѣется, объ Осташковѣ. Наконецъ Ф. остановилъ хозяина, сказавъ ему:

— А вотъ чтò я тебѣ скажу.

— Чтò?

— Мы лучше въ другой разъ придемъ. Ты намъ тогда это все разъяснишь. Теперь намъ некогда.

— Ну, хорошо, съ неудовольствіемъ сказалъ хозяинъ, прерванный на самомъ интересномъ мѣстѣ:—такъ когда же вы зайдете? Я вамъ это все докажу. Такая мнѣ досада! Читалъ. читалъ,—все хорошо; вдругъ,—ахъ, ты пропасть! ошибка!... говорилъ онъ, хлопнувъ рукою по книгѣ.

— Очевидная ошибка! Да вотъ вамъ еще доказательство!— И, помусливъ палецъ, онъ уже замахнулся было имъ, чтобы отъискать эту самую убѣдительную страницу; но Ф. поскорѣе надѣлъ калоши и закричалъ:

— Прощай, прощай, братъ. Въ другой разъ.

— Ну, такъ до свиданія. Будьте знакомы!

На другой день послѣ визита къ рыбаку, я ѣздилъ въ Нилову пустынь и чуть было не утонулъ. Случилось это, т. е. собрался я, совершенно неожиданно. Началось съ того, что сижу я въ своей комнатѣ и думаю: куда бы мнѣ пойти? вдругъ вбѣгаетъ Нилъ Алексѣевичъ *) и говоритъ:

— Ваше благородіе, позвольте васъ побезпокоить?

— Чтò вамъ нужно?

— Не будетъ ли у васъ на рубль мелочи: съ постояльцемъ нужно расчесться.

— Нѣту. Четвертакъ есть.

— Ну, такъ позвольте хоть четвертакъ.

Рубля я ему не далъ потому, что на другой день по пріѣздѣ моемъ въ Осташковъ онъ сдѣлалъ со мной точно такую же штуку, и потомъ сестры его, хозяйки постоялаго двора, убѣдительно просили не давать ему денегъ. И эту хитрость онъ употреблялъ со всѣми почти неопытными постояльцами: вдругъ прибѣжитъ съ озабоченнымъ видомъ, возьметъ на рубль мелочи и потомъ пропадетъ дня на два. А тутъ же кстати капустный сезонъ подоспѣлъ: бабы и дѣвки собираются другъ у друга капусту рубить, пѣсни поютъ; а кавалеры посылаютъ за водкой и устраиваютъ угощеніе. Я зналъ очень хорошо, на что̀ Нилу Александровичу понадобилась мелочь и, по поводу капусты вспомнивъ объ увеселеніяхъ, спросилъ его: есть ли въ городѣ трактиръ? Оказалось, что есть одинъ, но только господа тамъ не бываютъ. Потому-то я туда и отправился немедленно. Это было около шести часовъ вечера. На улицахъ тьма непроглядная, только въ булочной на окнѣ горитъ сальный огарокъ и освѣщаетъ связку баранокъ, да сквозь закоптѣлую дверь кабака видны какія-то тѣни, слышны голоса: не-то пѣсни поютъ, не то ругаются. Отъискать трактиръ вечеромъ было довольно трудно: на улицахъ ни души, спросить не у кого; ходилъ, ходилъ я, и наконецъ отыскалъ дверь, ведущую куда-то во мракъ. Въ этомъ мракѣ виднѣлся гдѣ-то вдали погасавшій ночникъ. Я пошелъ прямо на него и наткнулся на собаку. Собака заворчала и отошла въ сторону. Ощупью взобрался я на лѣстницу и сталъ шарить по стѣнамъ. Слышу гдѣ-то близко голоса, а никакъ не могу понять,—гдѣ они. Шарилъ я тутъ долго, наконецъ это мнѣ надоѣло, и я сталъ кричать: отоприте! На голосъ мой отворилась дверь и половой со свѣчкой въ рукѣ, прищуриваясь и всматриваясь въ меня, сказалъ:

---

*) Хозяйскій братъ, онъ же и слуга.

— Что ты? очумѣлъ что ли? Двери не найдешь? Иди скорѣй!

Я вошелъ и въ первой же комнатѣ увидѣлъ такую сцену:

За прилавкомъ стоитъ гражданинъ лѣтъ пятидесяти въ волчьей шубѣ, съ трубкой въ рукѣ, пьяный и придирается къ дѣвицѣ, тоже порядочно выпившей и сидящей на столѣ. Она болтаетъ ногами и ругаетъ гражданина самымъ неприличнымъ образомъ. Буфетчикъ моетъ чашки и въ то же время принимаетъ живѣйшее участіе въ ссорѣ, покрикивая время отъ времени:

— Ишь ты вѣдь шкура какая! Упрямая—дьяволъ! Пашка! А, волки тя ѣшь! Не хочетъ гостя уважить.

Позади гостя стоитъ половой, высокій и краснощекій малый, въ долгополомъ сюртукѣ и въ валеныхъ сапогахъ и, держа въ одной рукѣ графинъ съ водкой, а въ другой рюмку, равнодушно смотритъ на ссорящихся. Тутъ же у прилавка стоитъ небольшого роста полицейскій служитель въ коротенькомъ полушубкѣ, и, закинувъ одну ногу на другую поигрываетъ въ тихомолку на гармоніи. У кухонной двери виденъ прислонившійся къ притолокѣ поваръ съ бородой и трубочкой въ зубахъ. Позади повара въ кухнѣ уныло шипитъ кубъ. Изъ другой комнаты слышны звуки шарманки.

Въ залѣ, освѣщенной одной сальной свѣчкой, я засталъ за шарманкой ямщика. Въ углу молодой чиновникъ, съ краснымъ шарфомъ на шеѣ, пилъ пуншъ. Такъ какъ въ трактирѣ было довольно холодно, то всѣ сидѣли, въ чемъ пришли. Половой предложилъ мнѣ пройти въ особую комнату, но такъ какъ тамъ никого не было, кромѣ необыкновенно жирной голой женщины въ сладострастной позѣ, написанной масляными красками, то я и предпочелъ остаться въ залѣ, гдѣ была шарманка, и спросилъ чаю.

Ямщикъ между тѣмъ проигралъ: «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ»— и сталъ налаживать другую пѣсню; но что̀-то у него не клеилось. Сходилъ она за свѣчкой; поковырялъ, поковырялъ въ шарманкѣ, завертѣлъ: опять все то же. Ямщикъ плюнулъ и сталъ кричать полового. Вмѣсто него пришелъ пьяный гражданинъ съ дѣвицею, все еще не перестававшей ругаться; за ними слѣдомъ шелъ половой съ графиномъ и, равнодушно посматривая на насъ, пѣлъ какую-то пѣсню. Немного погодя пришелъ полицейскій служитель съ гармоніею и, наигрывая на ней, припѣвалъ:

«Ужъ ты шуточка-машуточка моя»...

Пьяный гражданинъ остановился посреди комнаты и подбоченился. Изъ подъ растегнутаго жилета его торчали выбившіеся углы ситцевой манишки, шуба сваливалась съ плечъ. Онъ нерѣшительно посмотрѣлъ на всѣхъ своими красными глазами, не зная, къ кому бы придраться, и только морщилъ брови и сопѣлъ; наконецъ сказалъ: ёрники вы, ёрники! и, вспомнивъ о водкѣ, велѣлъ налить себѣ рюмку. Половой налилъ и, заткнувъ пальцемъ графинъ, запѣлъ басомъ:

«Ужъ вы горы, горы крутыя»!...

Дѣвица между тѣмъ подсѣла къ столу противъ чиновника и стала дѣлать ему глазки. Чиновникъ робко посматривалъ то на нее, то на пьянаго гражданина и дулъ въ стаканъ. Ямщикъ, потерявъ терпѣніе, вдругъ опять заигралъ: *вѣетъ вѣтерокъ*, а полицейскій служитель пустился плясать, подыгрывая и приговаривая:

«Ужъ ты шуточка-машуточка моя»...

Служителю, должно быть, ужасно хотѣлось чѣмъ нибудь поразвлечься, и онъ нѣсколько разъ пробовалъ развеселиться, но все у него какъ-то не выходило: засѣменитъ, засѣменитъ ногами, захочетъ выкинуть штучку помолодцоватѣе и тутъ же запнется.

Гражданину однако эта веселость не понравилась и онъ сейчасъ же поймалъ развеселившагося служителя за шиворотъ, крича:

— Пошелъ вонъ! Я тебѣ не велю здѣсь быть.

Служитель попробовалъ было обидѣться: поправилъ галстухъ, отошелъ къ сторонѣ и надулся; а черезъ нѣсколько минутъ забылъ оскорбленіе и опять сталъ наигрывать, но, не рѣшаясь плясать, только притоптывалъ ногой.

Гражданинъ, справившись съ солдатомъ, обратился опять къ дѣвицѣ, и видя, что она кокетничаетъ съ чиновникомъ, потребовалъ, чтобы она бросила его и полюбила его, гражданина. Дѣвица между тѣмъ имѣла явное намѣреніе сѣсть къ чиновнику на колѣни, чего впрочемъ чиновникъ, кажется, и самъ не желалъ, опасаясь гражданина, который уже стоялъ за его стуломъ и, размахивая чубукомъ надъ головою чиновника, кричалъ черезъ него дѣвицѣ:

— Я тебѣ говорю, иди сюда!

— Поди ты къ чорту! пьяная твоя рожа, отвѣчала дѣвица: — ну, что̀ ты со мной сдѣлаешь? Ну?

Гражданинъ замолчалъ, соображая, вѣроятно, что бы ему сдѣлать съ дѣвицею, да такъ и задумался съ трубкой въ рукѣ, глядя на огонь. Онъ, повидимому, рѣшительно не зналъ, за что̀ взяться. И вдругъ стало тихо. Среди этой тишины только слышно было гнусливое гуденіе гармоніи, да полицейскій служитель, стоя у двери, въ полголоса припѣвалъ свою шуточку-машуточку. Въ залѣ было темно и холодно; буфетчикъ въ первой комнатѣ ужъ ложился спать и, сидя на прилавкѣ, стаскивалъ съ ноги сапогъ, кряхтя и говоря про себя:

— А, варваръ, не лѣзетъ.

Ямщикъ, наигравшись до сыта, взялся дѣлать себѣ папиросу. Онъ подошелъ поближе къ моей свѣчкѣ и вытащилъ изъ кармана щепоть табаку, превратившагося въ какой-то зеленый песокъ. Насыпая табакъ въ бумажную трубочку, онъ съ боку заглянулъ мнѣ въ лицо и улыбнулся, лукаво подмигнувъ мнѣ на гражданина. Не знаю почему, но мнѣ стало отъ этого какъ-то ужасно неловко,—такая тоска меня взяла...

«И ничего вы, го—ры, не поро—одили»...

Запѣлъ половой, стоя съ графиномъ среди комнаты.

Подъ тяжелымъ вліяніемъ всего, что̀ происходило передо мною, я задумался, Богъ знаетъ, о чемъ. Взглянулъ я на нихъ и мнѣ вдругъ показалось, что всѣхъ ихъ томитъ страшная, гнетущая, безвыходная скука...

— Милостивый государь, позвольте у васъ папиросочку попросить! сказалъ у меня надъ ухомъ чиновникъ.

Я вздрогнулъ и предложилъ ему чаю. Онъ отказался, но сѣлъ у стола, и мы понемножку разговорились. Чиновникъ оказался пріѣзжимъ по казенной надобности и, не имѣя знакомыхъ въ городѣ, пошелъ развлечься въ трактиръ.

— Эдакая пошлость въ здѣшнемъ городѣ эта ресторація, жаловался онъ мнѣ.

— Чѣмъ же?

— Помилуйте! спрашиваю пуншу,—съ французской водкой подаютъ. Нѣтъ, у насъ такой подлости никогда не сдѣлаютъ. Какъ можно съ Торжкомъ сравнить, а ужъ объ Ржевѣ и говорить нечего. А здѣсь и городъ-то весь какой-то оглашенный: ничего достать нельзя. Сижу третьи сутки, лошадей не даютъ.

Разговорившись съ чиновникомъ, я узналъ отъ него, что такъ какъ ему придется пробыть въ городѣ еще сутки, то желательно было бы побывать въ Ниловой пустыни, угоднику поклониться. Я разсудилъ, что и мнѣ не мѣшало бы съѣздить туда, и мы условились на другой день отправиться вмѣстѣ.

На другое утро, только что я успѣлъ проснуться, гляжу, входитъ мой вчерашній знакомый.

— Ну, такъ какъ же? Ѣдемъ?

— Ѣдемъ-то ѣдемъ, да только не совѣтуютъ: озеро очень разыгралось; вѣтеръ силенъ. Я ужъ ходилъ на пристань, справлялся.

— Что же, не везутъ?

— Нѣтъ, отчего же? только, говорятъ, опасно, можно утонуть; три цѣлковыхъ просятъ.

— Стало быть, за три цѣлковыхъ можно утонуть, а за два дешево,—не стоитъ. Это хорошо.

— Вотъ вы подите, потолкуйте съ ними.

Пошли мы толковать. Пришли на пристань: озеро дѣйствительно разыгралось: волны такъ и хлещутъ, такъ и заливаютъ пристань, но лодочниковъ мы не нашли. Спросили, гдѣ намъ взять лодку?

— А вонъ тамъ, въ лавочкѣ спросите арендателя.

Пришли въ лавочку.

— Здѣсь арендатель?

— Здѣсь. Начто вамъ?

— Къ угоднику ѣхать хотимъ.

— Постойте, мы приказчика кликнемъ.

Кликнули приказчика.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Къ угоднику лодку дайте намъ.

Опять тотъ же разговоръ:

— Меньше трехъ рублей взять нельзя, потому очень опасно.

— Ну, а если мы утонемъ?

— Да ужъ если возьмемся, такъ не утонемъ.

— А если мы трехъ рублей не дадимъ, такъ утонемъ?

— Начто тонуть? Мы этого никому не желаемъ, чтобы утонуть. Авось, Богъ дастъ, живы будемъ.

— Ну, а какъ же такса-то? Вѣдь вы обязаны за два рубля везти.

— Это точно. Только время теперь такое. Не ровенъ часъ, долго ли до грѣха?

Спорили, спорили, наконецъ порѣшили на томъ, что возьмутъ съ насъ по таксѣ, но за то посадятъ еще двоихъ и оттуда, если будутъ попутчики, и чтобы гребцамъ полтинникъ на чай. Поѣхали сначала на веслахъ, все держались берега, обогнули заводы, и во все время нашъ шкиперъ перекликался съ какимъ-то мѣщаниномъ, который бѣжалъ между тѣмъ по берегу и долженъ былъ сѣсть къ намъ въ лодку тайкомъ отъ хозяина. Наконецъ остановились мы въ какомъ-то закоулкѣ и посадили еще бабу; выгреблись подъ вѣтеръ и поставили парусъ. Чѣмъ дальше выбирались мы на середину озера, тѣмъ волненіе становилось сильнѣе. Баба, храбрившаяся было вначалѣ, присѣла на дно, зажмурила глаза и ужасно сердилась на насъ за то, что мы не боимся бури. Мы всѣ сидѣли молча, закутавшись и надвинувъ шапки на лобъ, потому что вѣтеръ дѣйствительно разошелся не на шутку. Шкиперъ прежде все пугалъ насъ для того, вѣроятно, чтобы показать, что лишнія деньги взяты не даромъ, но подъ конецъ пересталъ и, не спуская глазъ съ волны, строго покрикивалъ на гребцовъ, помогавшихъ съ одной стороны веслами. Мѣщанинъ отыскалъ на днѣ лодки какую-то дощечку и тоже усердно болталъ ею въ водѣ.

По небу неслись темныя тучи, прорываясь время отъ времени, и осеннее солнце вдругъ обдавало холоднымъ блескомъ сѣроватыя волны. Гребцы, щурясь и отворачиваясь отъ него, съ мокрыми волосами, дружно налегали на весла, и лодка наша, покачиваясь и поскрипывая, быстро неслась по озеру. Наконецъ влѣвѣ изъ-за синяго бора показался островъ, необыкновенно красиво выступившій изъ воды, съ каменными берегами и лѣсомъ позади. Черезъ четверть часа долетѣлъ до насъ заглушаемый вѣтромъ далекій благовѣстъ, а еще минутъ черезъ двадцать мы уже входили въ пристань и поспѣли еще къ обѣднѣ.

Церковь въ монастырѣ старинная, съ темными стѣнами и тусклой живописью; тихое, необыкновенно растянутое пѣніе и, странная вещь, у всѣхъ монаховъ, не исключая и самого отца архимандрита, стриженые усы. Послѣ обѣдни я подошелъ къ архимандриту и сказалъ, что пріѣхалъ издалека и желалъ бы видѣть монастырь, о которомъ много слышалъ и проч. Отецъ архимандритъ, вмѣсто отвѣта, подалъ мнѣ крестъ и пригласилъ къ себѣ пить чай. Спутникамъ моимъ отвели даровой номеръ въ гостинницѣ и принесли обѣдъ. Отца архимандрита я засталъ въ залѣ сидящимъ на диванѣ; на стульяхъ же, по стѣнкѣ, сидѣло еще нѣсколько человѣкъ пріѣзжихъ; я тоже сѣлъ. Въ дверяхъ показалась монахиня, вся закутанная разными платками. Она молча поклонилась въ поясъ и остановилась у дверей.

— А, сказалъ отецъ архимандритъ:—ну, что̀? собралась совсѣмъ?

Монахиня опять поклонилась.

— Ну, хорошо. Ступай съ Богомъ!

Монахиня получила благословеніе и, поклонившись еще разъ, ушла. Подали чай. Высокій и плотный прислужникъ въ сѣромъ сюртукѣ разносилъ чашки и сейчасъ же вслѣдъ за чаемъ подалъ завтракъ, состоящій изъ разныхъ водокъ и закусокъ. Мы въ благоговѣйномъ молчаніи сидѣли у стѣны и какъ будто ждали чего-то. Наконецъ отецъ архимандритъ всталъ и, благословивъ закуску, сказалъ: прошу покорно! Послѣ завтрака онъ повелъ насъ въ другую комнату и показалъ намъ какіе-то планы предполагавшихся построекъ; причемъ объяснилъ намъ, что̀ стоила ему передѣлка келій и устройство набережной. Мы всему этому очень удивлялись и хвалили планы. Въ то же время слышенъ былъ гдѣ-то тоненькій свистъ, похожій на свистъ кулика. Это меня заинтересовало, и я рѣшился спросить о причинѣ этого свиста. Отецъ архимандритъ разсказалъ намъ, что нѣкоторый доброхотный датель пожертвовалъ было монастырю маленькій пароходъ, для того, чтобы возить на немъ богомольцевъ даромъ, но что *городъ* вступился въ это дѣло и запретилъ, на томъ, будто бы, основаніи, что оттого можетъ произойти убытокъ городу. Тогда доброхотный датель пожелалъ узнать, сколько городъ отъ этого потеряетъ! Оказалось, что съ лодокъ получается въ годъ около 400 рублей.

— Вотъ вамъ 400 рублей, сказалъ доброхотный датель.

— Не хочу, сказалъ *городъ* (то есть осташковская дума). Деньги пожалуй взять можно, а пароходъ все-таки чтобы не смѣлъ ходить и бомольцевъ чтобы не возилъ.

— Почему-жъ такъ?

— А потому,—озеро городское.

— Какъ такъ городское? Озеро Божье. По водѣ ѣздить никому не запрещается.

— Мало что, не запрещается? Архимандритъ съ братіею не замай катаются, а за богомольцевъ плати деньги.

— Какія же деньги? Вѣдь вамъ даютъ 400 рублей? Чего жъ вамъ еще?

— То доброхотный датель даетъ, на то его воля; а по закону за причалъ съ каждаго богомольца 5 коп. подай.

— За что-жъ за причалъ? Вѣдь у насъ пристань въ городѣ своя?

— Такъ чтожъ, что своя? Да вѣдь она въ городѣ?

— Ну вотъ и разговаривай тутъ съ ними! заключилъ отецъ архимандритъ.—Прошу покорно хлѣба-соли кушать!

Не успѣли мы позавтракать, какъ уже вновь явились передъ нами: уха стерляжья, налимы маринованные, налимы отварные, налимы жареные, грибки и соленья всякаго рода и и отличное монастырское пиво.

Во время обѣда одинъ изъ богомольцевъ, до тѣхъ поръ смиренно молчавшій, вдругъ заговорилъ. Что̀ такое? Знакомый голосъ! Прислушиваюсь и узнаю моего сосѣда помѣщика, жившаго рядомъ со мною на постояломъ дворѣ въ Осташковѣ. Но какая перемѣна! Какъ онъ ругался и кричалъ тамъ на своихъ мужиковъ, и какъ униженно и подобострастно говоритъ онъ здѣсь! По всему было замѣтно, что на отца архимандрита онъ почему-то смотрѣлъ какъ на какого-то начальника; только время отъ времени прорывалась у него дурная привычка послѣ каждой фразы говорить—а?

— Ваше высокопреподобіе, какая у васъ отличная рыба! А? Отличное пиво! А?—что выходило очень смѣшно.

Мы такъ долго засидѣлись за обѣдомъ и отъ монастырскаго пива въ головѣ у меня такъ загудѣло, что мнѣ и не удалось осмотрѣть здѣшнія достопримѣчательности. По свидѣтельству *Памятной книжки Тверской губ., издан. въ 1861 году*, въ Ниловской пустыни 7 каменныхъ церквей и 26 другихъ каменныхъ зданій, между которыми есть гостиный дворъ, два конныхъ двора, три хлѣбныхъ амбара, три бани, ремесленный корпусъ, квасоварня съ солодовнею, рыбный садокъ и другія хозяйственныя постройки; нѣсколько десятковъ пудъ серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ и множество золотыхъ вещей. Здѣсь бываетъ питейная выставка пять разъ въ годъ. Кромѣ братіи, живетъ въ обители довольно значительное число трудниковъ, наемныхъ рабочихъ и *вкладныхъ людей*. Подъ именемъ вкладныхъ людей извѣстны были крестьяне, присланные туда помѣщиками ради спасенія своей (помѣщичьей) души и на неопредѣленное число лѣтъ, и даже вольноотпущенные, съ обязанностью прослужить условное время въ пустынѣ.

Въ сумерки вернулись мы благополучно въ городъ и узнали, что за часъ до нашего пріѣзда вытащили пятерыхъ утопленниковъ, возвращавшихся съ базара мужиковъ. Вечеромъ въ тотъ же день попалъ я къ одному купцу на имянины. Объ этомъ событіи разскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо шестое.

Имянины.

Никто, вѣроятно, не сомнѣвается въ томъ, что знакомства, самыя разнообразныя, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ служатъ однимъ изъ надежнѣйшихъ способовъ изученія нравовъ. Никакія статистическія данныя, никакія внѣшнія наблюденія и впечатлѣнія не даютъ такого яснаго, осязательнаго понятія о жизни какой-нибудь мѣстности, какъ личное сближеніе съ такъ называемымъ *живымъ матеріаломъ*. Но, не смотря на все превосходство этого способа передъ прочими, а можетъ быть и потому, что я лично чувствую къ нему наибольшую склонность, мнѣ нѣсколько разъ приходилось убѣдиться собственнымъ опытомъ, что это одинъ изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ шаткихъ способовъ. Личное знакомство съ предметомъ изученія, какъ и всякій другой пріемъ, въ такомъ только случаѣ даетъ вполнѣ удовлетворительные результаты, когда наблюдатель относится къ изучаемому предмету совершенно свободно, ни на одну минуту не стѣсняясь своими личными симпатіями, и пока знакомство для наблюдателя остается только средствомъ, а не цѣлью. Но какъ скоро онъ позволилъ себѣ втянуться въ интересы изучаемой имъ среды и принялъ въ нихъ хоть малѣйшее участіе, такъ сейчасъ же знакомство теряетъ для него свое поучающее значеніе и получаетъ совершенно безплодный смыслъ. Наблюдатель изъ наблюдателя превращается въ дѣйствующее лицо и, какъ заинтересованный въ дѣлѣ, уже лишается возможности видѣть жизнь во всей ея полнотѣ и неприкосновенности.

Къ подобнымъ же результатамъ приходятъ и тѣ легкомысленные наблюдатели, которые не могутъ воздержаться отъ желанія *разыгрывать роль наблюдателя*. Такіе люди никогда ничего узнать не могутъ, потому что они прежде всего заняты сами собою и выполненіемъ своей роли, не говоря уже о томъ, что самый видъ наблюдателя заставляетъ каждаго скрытничать и притворяться. Слѣдовательно, каждый, смотрящій на дѣло изученія серьезно и желающій извлечь изъ наблюденія существенную пользу, долженъ поставить себѣ за правило: выбрать себѣ по возможности самую ничтожную, самую невыгодную роль и скромно пребывать въ ней, почти не показывая признаковъ жизни. Если я хочу застать чужую жизнь врасплохъ, то понятно, что я самъ долженъ уничтожиться и притаить дыхачіе, чтобы не возмутить покоя въ интересующемъ меня болотѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, разумѣется, такое чисто-объективное отношеніе къ предмету изученія встрѣчаетъ большія затрудненія со стороны самаго предмета, а иногда становится и совсѣмъ невозможнымъ, но городская, да и всякая русская жизнь вообще, сколько я могъ замѣтить, до сихъ поръ еще не слишкомъ противится пытливому взору всякаго мало-мальски искуснаго наблюдателя. Большинство у насъ до сихъ поръ еще такъ неспособно къ объективному взгляду на жизнь, и въ то же время до того поглощено своими домашними нуждами, что ему даже и въ голову не приходитъ, чтобы кто нибудь могъ серьезно заниматься наблюденіемъ и изученіемъ общественной жизни просто для того только, чтобы наблюдать и изучать. Подсматривать, подслушивать и послѣ снаушничать, или наконецъ поднять на смѣхъ—это еще понятно; но безкорыстнаго, совершенно безучастнаго наблюденія большинство не понимаетъ и даже въ другихъ допускаетъ съ трудомъ, считая подобное занятіе совершенно пустымъ и празднымъ дѣломъ; а потому и не даетъ себѣ труда остерегаться и скрываться отъ наблюденія. Да къ тому же и остеречься то очень трудно. Какъ тутъ остережешься, когда Богъ его знаетъ, что̀ нужно скрыть и что̀ обнаружить. Если же иной разъ изучаемый субъектъ и догадается, что его изучаютъ, спохватится и начнетъ скрытничать, то большею частію и это ни къ чему не ведетъ, потому что, даже струсивъ и съежившись, онъ невольно обнаруживаетъ такія свойства, скрыть которыя уже рѣшительно невозможно. И чѣмъ больше онъ скрытничаетъ, чѣмъ хитрѣе старается обмануть васъ, тѣмъ больше помогаетъ вамъ. Такъ что во всякомъ случаѣ уйти отъ наблюденія трудно. И притомъ надо замѣтить, что осторожныхъ людей вообще мало, т. е. дѣйствительно осторожныхъ; большинство же вездѣ составляютъ люди легкомысленные и до крайности безпечные. Въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствительно общество впадаетъ и въ другую крайность; такъ, напр., иногда цѣлый городъ вдругъ ни съ того, ни съ сего заражается страшною подозрительностью по поводу какого нибудь пріѣзжаго или какого нибудь слуха. Подозрительность въ это время совершенно принимаетъ видъ эпидеміи и свирѣпствуетъ нѣкоторое время дико, безобразно, поглощая очень часто и такихъ людей, которые въ другое время вовсе неспособны вѣрить всякой сплетнѣ. Заподозрѣнному въ подобныхъ случаяхъ лучше всего отмолчаться и переждать грозу. Какъ легко появляется эпидемія подозрительности, такъ же легко она и проходитъ. Переждешь недѣлю, другую, и все пойдетъ по старому. Но и для подозрительности, какъ и для всякой другой эпидеміи, бываетъ извѣстный періодъ зрѣлости, когда появленіе ея становится возможнымъ и признаки заболѣванія начинаютъ носиться въ воздухѣ.

Я пріѣхалъ въ Осташковъ какъ разъ въ пору, прожилъ въ немъ ни много, ни мало, а именно столько, сколько нужно было для того, чтобы насмотрѣться, наслушаться вдоволь, сойтись со всѣми и ни съ кѣмъ не сблизиться, и уѣхалъ. Вслѣдствіе крайней невзыскательности моей относительно знакомствъ всякаго рода, число ихъ съ каждымъ днемъ возрастало. Этому возрастанію очень благопріятствовало еще и то обстоятельство, что самые подозрительные люди скоро поняли, что мнѣ въ сущности ничего не нужно, что я ничего не ищу, ни о чемъ очень не стараюсь. Этого было вполнѣ достаточно для начала и хватило на тотъ короткій періодъ времени, который я пробылъ въ городѣ, а признаки заболѣванія подозрительностью обнаружиться еще не успѣли.

Только что успѣлъ я вернуться изъ поѣздки въ Нилову пустынь, какъ узнаю, что заходилъ за мною мой знакомый, Иванъ Иванычъ. Въ сумерки я пошелъ къ нему узнать, зачѣмъ онъ заходилъ. Оказалось, что въ тотъ день были имянины одного рыбнаго промышленника, и знакомый хотѣлъ предложить мнѣ отправиться вмѣстѣ къ нему на вечеръ. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился, и мы пошли. Хозяинъ встрѣтилъ насъ въ сѣняхъ со свѣчею и провелъ въ кухню. Здѣсь мы застали хозяйку, хлопотавшую что-то надъ пирогами, и мальчика, ковырявшаго свѣчку. Въ слѣдующей комнатѣ, на комодѣ стояла водка и два старика, тоже рыболовы, разговаривали въ углу. Въ гостиной, посреди комнаты, учитель уѣзднаго училища, два чиновника и одинъ старый купецъ играли въ стуколку; нѣсколько гражданъ стоя смотрѣли на игру. Въ залѣ виднѣлись сидящія по стѣнкѣ дамы въ желтыхъ и зеленыхъ платьяхъ. Онѣ наклонялись другъ къ другу и вели тихій разговоръ. Да и вообще было очень тихо; только играющіе, пристально и серьезно слѣдя за картами, восклицали иногда:—*стукну*! *свѣжихъ*! и проч. Хозяинъ, кланяясь и нѣсколько конфузясь, пригласилъ насъ къ водкѣ, а когда мы выпили,—попросилъ сѣсть на диванъ. Мы сѣли, а хозяинъ стоялъ возлѣ насъ, прислонившись къ косяку спиною и заложивъ руки за спину. На немъ былъ новый долгополый сюртукъ и красный платокъ на шеѣ. Мы съ Иваномъ Иванычемъ стали глядѣть на гостей, отчего они, т. е. не играющіе, начали понемногу вздыхать, задумываться и подергивать плечами, а нѣкоторые даже вышли изъ комнаты. Мы такъ долго сидѣли. Наконецъ Иванъ Иванычъ спросилъ у хозяина: какъ его дѣла? Хозяинъ покраснѣлъ и сказалъ, что слава Богу, по маленьку и, подумавъ немного, спросилъ:

— Да не угодно ли еще по рюмочкѣ?

Мы отказались.

— А то выкушайте. Что-жъ такое?

— Нѣтъ, ужъ благодаримъ покорно.

— Ну, какъ угодно.

Далѣе разговоръ не продолжался. Иванъ Иванычъ вынулъ табакерку и очень старательно началъ нюхать табакъ; а я все разсматривалъ лежащій передо мной на столѣ бисерный поддонникъ и чувствовалъ, что языкъ у меня послѣ балыка сдѣлался совсѣмъ гладкій, точно суконный. Я время отъ времени начиналъ коситься въ залу, на дамъ и замѣчалъ, что и они тоже на насъ косятся; но встрѣтясь глазами, мы сейчасъ же отворачивались, и я серьезно разсматривалъ поддонникъ, а черезъ нѣсколько минутъ опять принимался подсматривать и опять встрѣчался съ любопытными взорами дамъ. Это было весело.

Когда мы достаточно, по мнѣнію хозяина, посидѣли, онъ предложилъ намъ пройтись. Мы прошлись по залѣ, но дамы при нашемъ появленіи замолчали, причемъ многія изъ нихъ даже стали отмахиваться отъ мухъ, хотя ихъ вовсе и не было. Мы поспѣшили уйти и, посмотрѣвъ на играющихъ, направились въ ту комнату, гдѣ стояла водка. Тамъ горѣла свѣча на комодѣ, и граждане, увидя насъ, встали, такъ что намъ оставалось только одно: опять сѣсть на диванъ, что̀ мы и сдѣлали. Хозяинъ, прогулявшись за нами по всѣмъ комнатамъ, тоже прислонился къ косяку и снова принялся тоскливо смотрѣть за гостями. Его, повидимому, томила скука смертная, но варвары гости этого не замѣчали. Но вдругъ лицо хозяина стало оживляться: онъ наморщилъ лобъ, заморгалъ глазами и скрылся. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ мальчикъ, неся на подносѣ чай. Мы взяли по чашкѣ. Иванъ Иванычъ въ то же время нагнулся ко мнѣ и сказалъ шопотомъ:

— Вы знаете этого господина? онъ указалъ глазами на одного изъ игравшихъ.

— Знаю. А что̀?

— Не совѣтую быть знакомымъ.

— Почему же?

— Да такъ. Будьте осторожны. Конечно, мнѣ не слѣдовало бы говорить о знакомомъ; но что-жъ дѣлать, надо сознаться, что это не человѣкъ, а чудовище, извергъ рода человѣческаго.

*

— Мм!

Я посмотрѣлъ на изверга рода человѣческаго съ любопытствомъ и подумалъ:—отчего же это прежде я ничего не замѣчалъ чудовищнаго, да и теперь чудовище преспокойно записывало мѣломъ и, помусливъ большой палецъ, отбирало карты.

— Сдѣлайте такое ваше одолженіе! вдругъ сказалъ мнѣ хозяинъ, стоя передо мной съ рюмкой хереса и мармеладомъ.

Гости, между тѣмъ, уходили въ ту комнату, гдѣ стояла водка, и возвращались съ кускомъ пирога. Игра понемногу стала оживляться. Одинъ старикъ, набирая въ руки карты, говорилъ всякій разъ:

— Ну-ка, дава-кась я посморкаю (т. е. посмотрю).

— Ахъ, чортъ тебя возьми совсѣмъ, старый хрѣнъ! помирая со смѣху, восклицалъ всякій разъ послѣ этого одинъ чиновникъ.

Иванъ Иванычъ заговорилъ съ хозяиномъ о его сынѣ, томъ самомъ мальчикѣ, который подавалъ намъ чай. Хозяинъ очень обрадовался этому случаю и все просилъ, чтобы Иванъ Иванычъ, какъ можно больше, поролъ его сына.

— Зачѣмъ же, сказалъ Иванъ Иванычъ:—лучше увѣщаніями дѣйствовать. Онъ и такъ послушается.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте божескую милость! Какъ чуть что, сейчасъ драть. Дерите, сколько душѣ угодно. Что ихъ баловать!

— Это, чтò у тебя? а? спросилъ вдругъ хозяинъ у своего сына, вытаскивая у него изъ-подъ жилетки какую-то тесемку.—Пошелъ, вели матери пришить. Ишь болванъ! такъ это все дѣлаетъ *мышіонально*, и хозяинъ хлопнулъ сына по затылку, желая этимъ, вѣроятно, показать Ивану Иванычу свое усердіе.

Надоѣло мнѣ сидѣть, я и сталъ опять бродить по комнатамъ. Въ это время вошелъ старый заштатный причетникъ.

— А, Иванъ Матвѣичъ *)! весело закричалъ ему Иванъ Иванычъ:—садитесь сюда! чтò я вамъ скажу.

Причетникъ недовѣрчиво поглядѣлъ на Ивана Иваныча.

— Что вы? подойдите! Не бойтесь!

Причетникъ подошелъ и нагнулся. Иванъ Иванычъ сказалъ ему чтò-то на ухо, отчего тотъ очень разсердился, замахалъ руками и ушелъ въ залу, ворча что̀-то себѣ подъ носъ.

---

*) Вымышленное имя.

— Ну-ка, дава-кась я... вдругъ воскликнулъ было игравшій въ карты старикъ, но, замѣтивъ, что я стою сзади его, кашлянулъ и замолчалъ.

Наконецъ, въ залѣ поставили большой столъ и подали ужинъ. Игравшіе разсчитывались и шумѣли. Потомъ всѣ пошли къ водкѣ. Хозяинъ оживился и сталъ ежеминутно бѣгать въ кухню. Хозяйка, красная и захлопотавшаяся до поту лица, выглядывала изъ двери и въ полголоса кричала сыну, несшему блюдо:

— Смотри, не пролей.

У комода одинъ изъ гостей, тотъ самый, на котораго указывалъ мнѣ Иванъ Иванычъ, взялъ меня за руку, отвелъ въ уголъ и таинственно сказалъ:

— Вы будьте осторожны съ тѣмъ господиномъ, съ которымъ вы пришли.

— Почему же?

— Да такъ ужъ. Повѣрьте.

Иванъ Иванычъ, между тѣмъ, опять ужъ успѣлъ разсердить Ивана Матвѣича, такъ что онъ сталъ плеваться и ушелъ отъ него въ кухню.

Начался ужинъ. Дамы взяли тарелки и усѣлись въ гостиной, а мы остались въ залѣ одни мужчины. Во время ужина, впрочемъ, не случилось ничего особеннаго; только подразнили немного Ивана Матвѣича, напомнивъ ему о какомъ-то шестѣ. Хозяинъ все хлопоталъ, подчивалъ и давалъ сыну подзатыльники, чтобы онъ скорѣе ходилъ.

— И чудакъ этотъ у насъ Иванъ Матвѣичъ, говорилъ мнѣ смѣясь Иванъ Иванычъ.

— Что̀ только съ нимъ дѣлаютъ! Вы спросите его: какъ ему сажи въ рукавицы насыпали, поглядите, какъ разозлится.

Но я не рѣшился спрашивать его объ этомъ, тѣмъ болѣе, что старикъ вдругъ захмѣлѣлъ и началъ ругаться.

— Что-жъ, еще рюмочку? спросилъ меня хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю.

— Да вы такъ, *мышіонально*.

— Не могу.

— Ну, принуждать не смѣю.

— Давай, я выпью. Принужу себя и выпью, покачиваясь и махая руками, говорилъ Иванъ Матвѣичъ; потянулся къ рюмкѣ и розлилъ вино.

— Ха, ха, ха! покатились гости.

Послѣ ужина сейчасъ же всѣ стали расходиться, и я ушелъ.

У воротъ постоялаго двора встрѣтилъ меня Нилъ Алексѣичъ, пропадавшій безъ вѣсти нѣсколько сутокъ сряду и только что вернувшійся изъ продолжительнаго странствія по кабакамъ, а потому необыкновенно услужливый, но въ то же время грустный и прикидывающійся казанскою сиротою. Онъ сейчасъ же объяснилъ, что дожидался меня и нарочно не ложился спать по этому случаю; побѣжалъ со свѣчею отпирать дверь, бросился снимать съ меня пальто и вообще употреблять всѣ зависящія отъ него средства, чтобы мнѣ понравиться. Я очень хорошо понималъ, что эта услужливость означаетъ только, что у Нила Алексѣича отъ пьянства болитъ голова, и, слѣдовательно, нужно опохмѣлиться; я и далъ ему на шкаликъ. Такъ какъ было еще рано, то я и сказалъ ему, чтобы онъ, опохмѣлившись, зашелъ ко мнѣ на минуту. Взялъ было я книгу, началъ читать; входитъ Нилъ Алексѣичъ, уже веселый, и вытянулся у дверей.

— Пришелъ-съ.

— Вотъ что̀: возьмите-ка вы мои сапоги; да еще я хотѣлъ спросить васъ объ одномъ дѣлѣ.

— Слушаю-съ.

— Видите-ли: собираюсь я ѣхать на этой недѣлѣ, такъ нельзя ли мнѣ заранѣе подыскать попутчика до Волочка?

— Это можно-съ.

— Такъ устройте это, пожалуйста, да разбудите меня завтра пораньше.

— Слушаю-съ.

Я замолчалъ. Нилъ Алексѣичъ постоялъ, постоялъ и вдругъ сказалъ:

— Ваше благородіе!

— Что?

— Осмѣлюсь вамъ доложить: это пустое дѣло—попутчики.

— Какъ пустое дѣло?

— Да ужъ... такъ какъ мы здѣсь, можно сказать, вотъ съ этакихъ лѣтъ при этомъ дѣлѣ, довольно хорошо понимаемъ, что̀ къ чему.

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста...

— Нѣтъ, позвольте-съ. Это какъ вамъ угодно, ну только я такъ разсуждаю, что вамъ это нейдетъ, совсѣмъ нейдетъ, чтобы съ попутчиками ѣхать. А вотъ какъ ежели сейчасъ приказать тройку—тарантасъ, ямщика подрядить до мѣста; по крайней мѣрѣ спокой. Чудесное дѣло-съ. А между прочимъ, какъ угодно.

— Ну, да мы объ этомъ послѣ поговоримъ. Скажите-ка вы мнѣ лучше вотъ что̀: гдѣ здѣсь у васъ продаются осташи? *).

— Осташи-съ? въ лавкѣ-съ.

— Да вѣдь у васъ здѣсь ихъ въ каждомъ домѣ дѣлаютъ. Такъ нельзя ли на дому у мастера купить? Вѣдь это будетъ дешевле.

— Это справедливо. На дому совершенно дешевле. Ну, только не продадутъ-съ. А вамъ много ли требуется?

— Одну пару.

— Не продадутъ-съ. Изволите говорить, осташи. Осташи вамъ нейдутъ-съ. Какъ вамъ угодно. А вотъ у насъ такіе мастера есть, особенные, которые вытяжные сапоги могутъ сдѣлать. На городничаго и на прочихъ господъ тоже потрафляютъ. Но осташи, конечно, только теперь, какъ я понимаю, совсѣмъ, можно сказать, не къ лицу.

— Нѣтъ, это я не для себя. А почему же вы говорите, что на дому не продадутъ? Кто же можетъ мнѣ запретить, если я самъ купилъ товаръ, самъ сшилъ?

— Это невозможно-съ. Хозяинъ запретитъ.

— Какой хозяинъ?

— Какъ какой? Хозяинъ, т. е. вотъ хоть бы я къ примѣру завелъ мастерство, ну я шить могу на дому, а товаръ у меня хозяйскій и долженъ я представить работу хозяину. Ваше благородіе! осмѣлюсь васъ обезпокоить,—одолжите покурить!

— Возьмите. Такъ, стало быть, ваши граждане изъ хозяйскаго товара шьютъ?

— Такъ точно-съ. Изъ хозяйскаго.

— Кто же эти хозяева?

— А тоже граждане-съ, которые купцы, капиталъ у себя имѣютъ и торгуютъ.

— А много ли такихъ?

— Нѣтъ, не много-съ. Человѣкъ пять настоящихъ хозяевъ, а то все мелочь, все больше изъ-за хлѣба дома сапожишки ковыряютъ.

---

*) *Осташи*—крестьянскіе сапоги здѣшней работы.

— А почему же эти мастера сами не торгуютъ?

— Гдѣ же? Помилуйте! Бѣдность. И опять же, нѣтъ такого мастера, который чтобы хозяину не былъ долженъ. У насъ ужъ такое заведеніе. Еще банковскіе должники—вотъ тоже. Кто ему не долженъ? Какъ въ яму, въ этотъ банкъ такъ и валятся. А все лучше нѣтъ. Который если задолжалъ, пришелъ срокъ,—не могу заплатить, ну льготу даютъ; льгота прошла—шабашъ: отдаютъ тебя какому-нибудь хозяину, работай на него! Ну, извѣстно дѣло, хозяину вѣкъ не заработаешь. Ты зарабатываешь, а онъ приписываетъ, ты заработалъ, а онъ приписалъ. Такъ и пойдетъ до скончанія вѣка. И дѣти все будутъ на хозяина работать.

Нилъ Алексѣичъ въ три пріема вытянулъ всю папиросу, сразу выпустилъ цѣлую кучу дыма, поперхнулся и сказалъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Ваше благородіе, позвольте вамъ сказать.

— Говорите.

Онъ нѣсколько минутъ соображалъ чтò-то, потомъ сдѣлалъ шагъ впередъ, спряталъ руки назадъ и опять сказалъ:

— Ваше благородіе! Я понимаю-съ, очень даже понимаю, чтò вамъ требуется.

— Чтò же вы понимаете?

— Я вамъ вотъ доложу-съ. Все-съ! Вы меня извольте спросить, и я вамъ могу даже то есть до нитки разсказать.

Нилъ Алексѣичъ подошелъ ближе и началъ шептать:

— Вотъ какъ теперь господинъ Савинъ и прочіе, ежели чтò разсказать... что-жъ? я человѣкъ маленькій. Меня погубить не долго. Только это имъ будетъ стыдно. Какъ я вамъ докладываю, я всей душой передъ вами. И какъ я надѣюсь на васъ. Ну, а они совсѣмъ напротивъ, и даже, можно сказать, стараются, какъ бы человѣку сдѣлать то есть вредъ, а не то что.

Я началъ теряться въ догадкахъ: хочетъ ли онъ мнѣ сообщить чтò нибудь очень любопытное, или такъ, безсознательно съ похмѣлья несетъ вздоръ.

— Какой же вредъ? спросилъ я на удачу.

— А ужъ они найдутъ такую вину. Имъ это ничего не значитъ человѣка погубить. Что-жъ? Я молчу. Я не могу противъ своего начальства говорить ничего. Я молчу-съ.

Я увидалъ, что Нилъ Алексѣичъ дѣйствительно молчитъ и что толку отъ него, должно быть, не добьешься. Я взялъ книгу.

— Такъ завтра въ которомъ часу прикажете разбудить?

— Часовъ въ восемь.

— Слушаю-съ. А что я хочу еще попросить ваше благородіе.

— Чтò? еще на шкаликъ?

— Никакъ нѣтъ-съ На табачокъ.

Дня черезъ два послѣ описаннаго вечера проснулся я утромъ и даже какъ-то обрадовался, услыхавъ за стѣною знакомый голосъ помѣщика, котораго я видѣлъ въ Ниловой пустыни. Въ продолженіе этихъ двухъ дней я почти не сидѣлъ дома, возвращался поздно, а потому и не зналъ, чтò у насъ дѣлается. Въ это время уже успѣло произойти такъ называемое *соглашеніе*, и, судя по тому, чтò долетало до меня изъ сосѣдней комнаты, можно было предположить, что соглашеніе совершилось къ общему удовольствію; по крайней мѣрѣ, помѣщикъ уже не кричалъ и не ругался, а такъ просто ходилъ по комнатѣ и кротко разговаривалъ съ посредникомъ. Время отъ времени слышался звонъ затыкаемаго графина и веселое покрякиваніе, обыкновенно слѣдующее за выпивкою. Въ передней скрипѣли сапоги и въ дверную щель влеталъ въ мою комнату запахъ дегтя и овчины, по которому всегда можно еще издали узнать о присутствіи мужиковъ.

Поговоривъ съ помѣщикомъ, посредникъ выходилъ въ переднюю и заговаривалъ съ крестьянами слѣдующимъ образомъ:

— Ну, чтò? а? Ну, вотъ и кончили, благодаря Бога. Довольны? а? а? довольны?

— Благодаримъ покорно. Что-жъ? отвѣчали крестьяне.

— Ну, да. То-то. А? Баринъ вамъ зла не пожелаетъ. Не хотѣли, а теперь сами благодарите. А? Благодарите вѣдь? а?

— Такъ точно, Лександра Васильичъ, благодаримъ покорно.

— Мы за васъ, Ликсандра Васильичъ, должны вѣчно Бога молить, вмѣшался какой-то назойливый, тоненькій голосишко.

— Иванъ Петровичъ *), обращаясь къ посреднику, говорилъ помѣщикъ:—вотъ я говорю, не хотѣли, а теперь сами благодарны. А?

— Да, да, изъ другой комнаты отвѣчалъ посредникъ.

— Своей пользы не понимаютъ, глупы, продолжалъ помѣщикъ.

---

*) Вымышленное имя.

— Вѣдь вы глупы? а?

— Это справедливо, Ликсандра Васильичъ, со вздохомъ отвѣчалъ тотъ же тоненькій мужичій голосишко.

— Ну, да. Вотъ васъ на волю отпустили. Ну, да. Вы теперь будете вольные. А? Вотъ я зла не помню. Вѣдь я васъ люблю, даромъ, что вы мошенники, говорилъ помѣщикъ, рыгая и видимо смягчаясь все болѣе и болѣе.

— Вотъ я какой! а? А почему я васъ люблю? Потому что вы моей жены-покойницы. Да, заключилъ онъ и пошелъ въ другую комнату.

Послѣ непродолжительнаго молчанія мужики пошептались и одинъ изъ нихъ кашлянулъ и сказалъ, подойдя къ двери:

— Мужикамъ, Ликсандра Васильичъ, какъ прикажете, домой? или какъ ежели насчетъ чего приказывать изволите?

— Какимъ мужикамъ?

— А, то есть намъ-то-съ?

— А ты кто-жъ такой?

— Я-съ? Гм, мужикъ-съ.

— Такъ что-жъ ты? чучело!

Баринъ смягчился совсѣмъ и даже сталъ шутить.

— Нѣтъ, постойте. Я вамъ сейчасъ велю водки дать. Эй! кто тамъ? Подать водки моимъ мужикамъ по рюмкѣ. Вотъ видите, продолжалъ онъ изъ другой комнаты:—я зла не помню. Богъ съ вами. Я вамъ все прощаю. Я за васъ хлопочу, а вы что̀? Вы моимъ лошадямъ овса пожалѣли. Безстыжіе ваши глаза! а? Не стыдно? а? Мошенники! мошенники! а? И не стыдно? а? Овса пожалѣли!

Мужики молчали.

— Антонъ! и не стыдно тебѣ? Богатый мужикъ. Мѣры овса пожалѣлъ. А?

— Виноватъ, Ликсандръ Васильичъ, растроганнымъ голосомъ отвѣчалъ мужикъ.

— А вѣдь я васъ люблю. Вѣдь я вамъ отецъ. А? не чувствуете? Ну, чортъ съ вами! Пейте, подлецы, за мое здоровье, заключилъ помѣщикъ и ушелъ въ другую комнату.

Письмо седьмое.

Осташковская литература.

Попалась мнѣ рукописная книжка «Лѣтопись города Осташкова», писанная какимъ-то священникомъ. Много было хлопотъ и бѣготни, чтобы отыскать ее. Ходитъ она въ городѣ по рукамъ ужъ очень давно и всѣ ее знаютъ чуть не наизустъ, но добыть ее, если кому понадобится, трудно. Лежитъ она у кого нибудь, а у кого, Богъ знаетъ. Иногда и тотъ, у кого она находится въ данную минуту, не знаетъ навѣрное: у него она, или нѣтъ. Дѣти куда нибудь затащатъ, ищи. Точно такъ же странствуютъ и другія рукописныя тетради. Одну изъ нихъ мнѣ тоже удалось найти совершенно впрочемъ случайно. Тетрадь большого формата въ листъ, въ переплетѣ; на первой страницѣ написано: «*Выписки изъ журналовъ, разныхъ писателей, сочиненій, такъ же К. Н. Гречникова и П. К. Стременаева. Прозы, стихи, басни, романсы и гимны. Съ 1835 г., а мною выписаны съ 1851 года. Вин.*».

Тетрадь эта, не смотря на крайнюю бѣдность заключенныхъ въ ней мыслей и вообще скудость матеріала, а можетъ быть, именно и поэтому, показалась мнѣ нѣсколько занимательною. Этотъ жалкій сборникъ состоитъ главнымъ образомъ изъ произведеній туземной музы, вдохновлявшей двухъ друзей, гг. Гречникова и Стременаева. Одинъ изъ нихъ, Гречниковъ, какъ видно изъ тетради, безвременно похищенъ раннею кончиною; и на первой же страницѣ читатель находитъ грустную элегію г. Стременаева «предсмертіе», стихотвореніе, повидимому, написанное подъ вліяніемъ смерти друга и *наставника*, какъ называетъ его авторъ. Да и вообще произведенія этого поэта (г. Стременаева) отличаются грустнымъ тономъ и большею частію написаны *по случаю* чего нибудь.

Потомъ слѣдуетъ восторженный диѳирамбъ: «Пароходъ на Селигерѣ», написанный по случаю появленія въ Осташковѣ буксирнаго парохода братьевъ Савиныхъ, *Осташа*. Этотъ пароходъ, въ свое кратковременное служеніе фабрикѣ Савиныхъ, надѣлалъ въ городѣ много шуму и служилъ вначалѣ не малымъ поводомъ къ самохвальству всего города. Но къ несчастію, скоро кончилъ онъ свое поприще скандаломъ, по случаю котораго не замедлилъ появиться ядовитѣйшій, хотя и безграмотный, пасквиль. Какъ видно изъ разсказовъ и изъ пасквиля, дѣло происходило такимъ образомъ: пароходъ былъ предложенъ одному, прибывшему изъ губерніи, значительному лицу для проѣзда въ Нилову пустынь. Отправленіе гостя сопровождалось, разумѣется, подобающими почестями и торжественностію. Хлопотъ было много. Больше всего старались о томъ, чтобы торжество вышло какъ можно торжественнѣе; но на всякій часъ не убережешься. И на этотъ разъ, какъ часто въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, самое ничтожное, самое пустое, непредвидѣнное обстоятельство вдругъ совершенно разрушаетъ всю торжественность обстановки и всѣ хитро и задолго обдуманныя приготовленія. Гость взошелъ на пароходъ и отчалилъ отъ берега. Ну, слава Богу! Но увы! ничто не прочно подъ луною. Однако, я буду лучше продолжать словами туземнаго юмориста:

«Осташъ-пароходъ
Насмѣшилъ весь народъ...
Лишь отъ пристани пустился,
За уголъ бани зацѣпился,
Уголъ бани затрещалъ,
Людей въ банѣ испужалъ,
Стѣна стала валиться,—
Люди бросили и мыться;
Испужались, закричали,
Вонъ изъ бани побѣжали.
Не успѣли смыть и мыло
(Это вѣрно такъ и было).
Бѣжали всѣ нагіе...
Слушатели дорогіе!...» и т. д.

Да. Отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. Говорятъ, распорядители торжества очень сердились на эту проклятую баню. И подвернула же ее нелегкая, да при томъ, какъ нарочно, именно въ такое время, когда уже все кончилось такъ хорошо, всѣ приготовленія удались какъ нельзя лучше, и тутъ... Чортъ знаетъ, что̀ такое!... Послѣ неудавшагося торжества, пароходъ, разыгравшій такую скандалльную штуку, куда-то исчезъ, вѣроятно, испугавшись насмѣшекъ. Странная судьба этого парохода! Давно ли еще г. Стременаевъ привѣтствовалъ его слѣдующими восторженными строфами:

«— Селигеръ! гдѣ дни былые?
На раздольи своихъ водъ
Ты не видишь ли впервые
Сына мысли—пароходъ?!...
Посмотри-жъ, вотъ онъ дымится,
Безъ веселъ и парусовъ,
Но послушный пару мчится
Прямо въ грудь твоихъ валовъ.
Но бокамъ горами пѣна,
Зыбь сверкаетъ назади,
Будто вырвавшись изъ плѣна,
Онъ летитъ съ огнемъ въ груди» и проч.

Давно ли толпами ходили городскіе и сельскіе жители на пристань любоваться *сыномъ мысли* и хвастаться пріѣзжимъ!

И вотъ, вслѣдствіе какого нибудь ничтожнаго случая, тѣ же осташи вспомнить безъ смѣха не могутъ о своемъ пароходѣ. Ужасно непостоянный народъ. Смѣшливы очень. Это я замѣтилъ.

Послѣ диѳирамба о пароходѣ слѣдуетъ всякая всячина: отрывокъ изъ какой-то повѣсти (сентиментальная сцена объясненія двухъ любовниковъ); потомъ «Романсъ» г-жи Языковой:

Лиры томной звукъ плачевной,
Выражай печаль мою!

сладчайшее стихотвореніе Карамзина къ Лизѣ, и опять «На смерть Гречникова», г. Стременаева; изъ этой *элегіи*, какъ называетъ ее самъ авторъ, видно, что съ кончиною г. Гречникова

Еще не стало дарованья,
Еще безвременно угасъ,
Чей умъ и добрыя дѣянья
Пребудутъ памятны для насъ, и проч.

Изъ этой элегіи ясно, что между двумя друзьями-поэтами существовала самая тѣсная и трогательная связь. Г. Стременаевъ, стоя на могилѣ умершаго друга, кладетъ на нее

Цвѣтокъ, который былъ посѣянъ
Природою въ моей (Стременаева) душѣ,
А имъ почившимъ возлелѣянъ,
Воспитанъ дружества въ тиши.

Цвѣтокъ этотъ—цвѣтокъ «*поэзіи смиренной*».

Что же касается музы г. Гречникова, то она вовсе не такъ смиренна и не ограничивается, подобно музѣ г. Стременаева, диѳирамбами и элегіями по случаю чьей нибудь смерти. Сколько можно понять изъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведенiй покойнаго, муза г. Гречникова не только откликалась на всѣ мало-мальски значительные случаи, которыми такъ бѣдна жизнь уединеннаго уѣзднаго города, но и рвалась даже куда-то дальше, за предѣлы видимаго мiра. Чѣмъ больше вчитывался я въ затасканную тетрадь, въ дождливый вечеръ, лежа на диванѣ постоялаго двора въ Осташковѣ, тѣмъ яснѣе и рельефнѣе рисовалась передо мною эта глухая, бѣдная жизнь съ ея жалкими мишурными украшенiями, и не менѣе жалкимъ самодовольствомъ, и этотъ г. Гречниковъ, съ своею бѣдною поэзiею, и неясными для него самого позывами куда-то туда. Ворочемъ, преобладающимъ мотивомъ этихъ позывовъ и у него все-таки половыя стремленiя и дальше Киприды онъ не идетъ. Хотя самъ онъ говоритъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ:

«Пошли, Господи, въ душу мою покаянiе, смиренiе и возможность испить мою горькую чашу, которую я вполнѣ заслужилъ своимъ *развратомъ и всевозможными пороками*» *). Такое признанiе могло бы привести читателя въ соблазнъ, относительно развратнаго поведенiя автора. Можно бы подумать, что авторъ сильно кутилъ, предавался всякаго рода излишествамъ, наказанъ за это и, приготовляясь *испить горькую чашу*, чувствуетъ угрызенiе совѣсти. Но на дѣлѣ вышло иначе.

«Я впалъ въ руцѣ Бога живаго!

Страшно!!!»... говоритъ далѣе авторъ. Это случилось 6 апрѣля 1847 года. Изъ этого видно отчасти, что г. Гречниковъ былъ немножко романтикъ и, вѣроятно, любилъ преувеличивать свои страданiя и смотрѣть на жизнь нѣсколько мрачно. Окружающая среда его не удовлетворяла; это замѣтно по многимъ прозаическимъ размышленiямъ его, помѣщеннымъ въ этой же тетради. Такъ, напримѣръ, еще въ 1844 году 28 октября, г. Гречниковъ писалъ противъ преобладанiя матерiальной стороны нашей жизни:

«Признаюсь, иногда дѣлается грустно, при взглядѣ на странную нашу жизнь. Хотя *матерiальность* занятiй нашихъ непремѣнно движется и живетъ *умственностiю*; но самый умъ нашъ обратился въ какой-то *механизмъ*, въ которомъ цифры прыгаютъ будто условно, и мы щупаемъ ихъ, и понимаемъ просто незамѣчаемымъ нами животнымъ инстинктомъ! Увы!

---

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

Есть бухгалтеры, но только не мы съ вами, которые наслаждаются и сердцемъ, и мыслью. А мы-то что̀ за пѣшки на пестрой шахматной доскѣ міра? Грустно, а безъ цифръ прожить нельзя».

Но все это было еще въ 1844 году. Поэтъ былъ молодъ, полонъ стремленій, хотя и неясныхъ, но все-таки стремленій. Понятнымъ образомъ развившееся недовольство окружающимъ, преобладаніе *матеріальности* въ жизни, возмущали его, и потому являлось желаніе «забыться» и искать спасенія въ «этомъ блаженномъ забвеніи». Но потребность жить дѣйствительною жизнью и пользоваться дѣйствительнымъ счастьемъ все-таки не унималась, не смотря на все желаніе обмануть самого себя. Эта странная, уродливая борьба однако была поэту не по силамъ, и потому являлось стремленіе какъ нибудь кончить, помириться съ жизнію и устроить съ нею маленькую сдѣлку въ родѣ слѣдующей:

«Но хотя бы и не всѣмъ намъ, землежителямъ, *не всѣмъ, да и то изрѣдка*, залетать въ міръ неземной, въ міръ таинственный, въ благоговѣйномъ восторгѣ цѣловать покрывало Изиды, вѣрить въ лучшее, ожидающее насъ въ необъятной, непостижимой земнымъ умомъ вѣчности»... и т. д.

Такъ писалъ г. Гречниковъ г. Головану въ лучшіе годы своей жизни, но въ 1845 году читатель уже застаетъ осташковскаго поэта по уши въ уѣздной тинѣ и уже занятымъ совершенно другими предметами. Поэтъ терзается ревностью и непонятою страстью (къ актрисѣ, какъ видно изъ одного намека).

Моя любовь погибла безвозвратно! восклицаетъ поэтъ.
На вопль души отзвуковъ сладкихъ нѣтъ!
Какъ поняла *она* меня превратно!
Какъ понялъ страсть мою превратно свѣтъ!..

Въ октябрѣ того же 1845 года поэтъ уже впадаетъ въ мистицизмъ. Склонность къ романтизму, замѣтная въ немъ и прежде, подъ вліяніемъ страсти увлекаетъ его въ бездну кабалистики.

— «Роковыя числа приближаются».. пишетъ г. Гречниковъ въ своемъ дневникѣ, «предчувствую, что въ это время нынѣшняго мѣсяца совершится многое. Я потеряю *ее*!..

— «Такъ и есть. 21 числа она... Роковое число не измѣнило»...

«Въ святомъ невѣжествѣ бездушно разцвѣтая,
И ада не страшась, не ожидая рая»...

К. Гречниковъ.

Но благородство чувствъ такъ свойственно высокой душѣ поэта.

«Пусть будетъ она счастлива, а мы... мы будемъ справедливы»... черезъ десять дней послѣ рокового числа уже писалъ поэтъ.

Вскорѣ послѣ описанной катастрофы г. Гречниковъ женился, и по этому случаю произвелъ сладострастный перифразисъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Милая, а потомъ жена». Весь интересъ означеннаго стихотворенія вертится на трехъ словахъ: «шарфъ, улыбка и корсетъ».

Перечитавъ сдѣланныя мною выписки изъ тетради, я къ удивленію замѣтилъ, что это письмо принимаетъ видъ какой-то повѣсти изъ уѣздныхъ нравовъ, гдѣ героями являются темныя для меня самого личности двухъ друзей поэтовъ. Но это случилось какъ-то само собою, по мѣрѣ того, какъ я читалъ и выписывалъ. Повѣствовательный характеръ получился просто потому, что тетрадь эта заключаетъ въ себѣ и дневникъ покойнаго поэта; а стихотворенія, разсыпанныя въ разныхъ мѣстахъ, почти всѣ съ означеніемъ года и числа. Это обстоятельство даетъ возможность прослѣдить ихъ въ хронологической связи и найти отношеніе ихъ къ нѣкоторымъ событіямъ въ жизни поэта. Такъ, напримѣръ, видно, что въ то время, когда достойный другъ и выученикъ г. Гречникова упражнялъ свой природный даръ въ *скромной поэзіи* и писалъ посланія «Поэту» и «къ своему портрету», самъ г. Гречниковъ занимался сочиненіемъ темы для повѣсти и философскими соображеніями въ родѣ слѣдующихъ:

«Міръ не на часъ созданъ. И я вамъ скажу:—міръ вѣченъ».

8 марта, 1847 года, г. Гречниковъ кончилъ свой журналъ.

Конецъ журнала Гречникова.

«Въ царство небесное не можетъ внити ничто же скверно (Апок. XXI. 27).

«Страшно впасти въ руцѣ Бога живаго (Евр. X. 30).

«Вотъ какими ужасными словами пришлось мнѣ заключить журналъ мой! И когда же? Въ періодъ полнаго развитія *внутреннихъ силъ*, когда бы мнѣ должно наслаждаться *самосознаніемъ* и проч.

«Всему причиною мой развратъ»... сознается авторъ и все болѣе и болѣе проникается драматизмомъ своей участи. Какія-то тернія все мерещатся разстроенному воображенію бѣднаго поэта.

«Я вполнѣ заслужилъ мои тернія!!. Даже къ Богу страшно обратиться мнѣ!!!»

Далѣе, перебирая всю безплодность попусту растраченной жизни, поэтъ казнитъ самого себя и даже ссылается на свои прежнія мысли.

«Въ одномъ мѣстѣ я самъ сказалъ: сила, сила нужна, чтобъ сломать до основанія великолѣпный храмъ своихъ мечтаній, а изъ новыхъ матеріаловъ воздвигнуть простой, но несокрушимый храмъ дѣйствительности». Разсматривая свои произведенія, г. Гречниковъ приходитъ къ печальному заключенію, что онъ «до сихъ поръ еще не писалъ ни одной дѣльной статьи», а если что̀ и было хорошаго въ нихъ, то это все чужое. Но чужого онъ не хочетъ, «а своихъ не только нѣтъ запасовъ, но и крохъ отъ всего того блага, которымъ пользовался по милости другихъ!»

Мрачно кончилъ свое поэтическое поприще осташковскій поэтъ, но благодарные сограждане и теперь еще услаждаютъ свою скуку чтеніемъ его произведеній. А вѣдь странное это обстоятельство: въ городѣ есть публичная библіотека, въ которой лежитъ 4238 томовъ и кромѣ того получается 22 экземпляра разныхъ періодическихъ изданій, а между тѣмъ *при всеобщей грамотности* большинство или вовсе ничего не читаетъ, или пробавляется пѣсенниками и рукописными тетрадями въ родѣ той, о которой сейчасъ было говорено.

Перелистывая «Лѣтопись города Осташкова», о которой я упомянулъ выше, я долженъ признаться, что и эта рукопись не слишкомъ изобилуетъ матеріалами для характеристики города. Лѣтопись писана стариннымъ поповскимъ почеркомъ очень чисто и раздѣлена на рубрики, въ родѣ слѣдующихъ: «Мѣстоположеніе города. — Воздухъ. — Пространство озера Селигера» и проч. Историческія свѣдѣнія о происхожденіи города и его развитіи почерпнуты большею частью изъ Татищева, Карамзина, Пантеона россійскихъ государей, Зерцала россійскихъ государей и даже изъ Житій Святыхъ. Кромѣ того рукопись заключаетъ въ себѣ кое-какія изустныя преданія о происхожденіи города и нѣкоторыхъ частей его и наконецъ личныя соображенія самого автора лѣтописи.

Я считаю нужнымъ замѣтить здѣсь кстати, что, какъ я упоминалъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, въ городѣ вообще между достаточными гражданами сильно развита страсть къ древностямъ; разнаго рода историческія данныя о происхожденіи города служатъ однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ предлоговъ для спора или разговора съ пріѣзжими, которыхъ хоть сколько нибудь интересуетъ исторія города. Къ чести осташей нужно сказать, что все касающееся этой исторіи всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, и разговоры въ этомъ родѣ возбуждаютъ въ городѣ какой-то патріотическій, хотя довольно узкій, интересъ. А потому «Лѣтопись» эта не болѣе, какъ сборникъ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, бывшихъ давно въ обращеніи между здѣшними археологами. Священникъ, составлявшій ее, поступилъ какъ слѣдуетъ всякому добросовѣстному лѣтописцу, т. е. просто собралъ и систематизировалъ все, что̀ по его мнѣнію, хоть сколько нибудь относилось къ исторіи цивилизаціи Осташкова. Спорные пункты (какъ напр. о названіи города) онъ такъ и оставилъ спорными, помѣстивъ въ своемъ трудѣ догадки и предположенія и pro, и contra. Это послѣднее обстоятельство, т. е. примѣрное безпристрастіе лѣтописца, вызвало, разумѣется, неудовольствіе двухъ спорящихъ сторонъ, такъ что и тѣ, и другіе равно не довольны. Но это-то, мнѣ кажется, и служитъ уже нѣкоторымъ ручательствомъ добросовѣстности автора и придаетъ его труду тотъ безстрастный характеръ, который необходимъ для простого сборника матеріаловъ.

Изъ «Лѣтописи» видно, что о первоначальномъ заселеніи полуострова, на которомъ стоитъ теперь городъ, никакихъ положительныхъ свѣдѣній нѣтъ. Въ первый разъ упоминается о *Кличнѣ* (островѣ близъ Осташкова) въ духовной князя Бориса Васильевича, брата великаго князя Іоанна Васильевича, т. е. около 1480 года. Осташковъ, подъ именемъ *Столбова*, принадлежалъ къ Кличанской волости, по мнѣнію Татищева; другіе же (акты археографической экспедиціи) утверждаютъ, что осташковскія слободы съ 1587 года управлялись волостелями и тіунами подъ вѣдѣніемъ ржевскаго намѣстника Волоцкаго и ржевскаго князя Ѳедора Борисовича. О названіи города существуетъ преданіе характеристичное по простотѣ и наивности. Въ лѣтописи оно записано такъ:

«Устное доселѣ сохраняемое (преданіе) то, что здѣсь сперва поселился якобы нѣкто *Осташка* (вѣрно Евстафій, которое имя древле и на словахъ, и на письмѣ изражалось такъ: Иванъ—Ивашко, Евстафій—Осташка), и какъ Осташка сей сталъ жить хорошо, то стали къ нему и другіе приходить сожительствовать, и мѣсто сіе по имени первенца — жителя

Осташки,—назвалось *Осташковомъ.* Съ симъ и историческое преданіе какъ бы согласно».

Изъ исторіи Татищева видно, что князь Владиміръ Андреевичъ пожаловалъ Столбовъ воеводѣ своему, какому-то Евстафію, который и переименовалъ полуостровъ въ Осташковъ. Лѣтописецъ приводитъ еще разныя мнѣнія, но какъ бы то ни было, Осташковъ тѣмъ не менѣе былъ сдѣланъ городомъ, а въ 1651 году, по указу царя Алексѣя Михайловича, построена въ немъ деревянная крѣпость. Впрочемъ существуетъ основаніе предположить, что деревянный городъ, т. е. крѣпость съ землянымъ валомъ, пушкарскими дворами, погребомъ съ зелейною и свинцовою казною и съѣзжею избою существовала гораздо раньше и даже потерпѣла отъ литовскаго пораженія. Потомъ городская стѣна нѣсколько разъ горѣла, возобновлялась по указамъ царей и великихъ князей окрестными крестьянами, а изъ грамотъ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича видно «чтобы непремѣнно быть таможнѣ въ Осташковѣ и пріѣзжіе торговые люди товары свои привозили бы къ таможенной избѣ (приказу) и являли таможенникамъ *).

«Въ 1753 году послѣдовалъ Высочайшій именной указъ уже повсемѣстно дозволить монастырскимъ въ слободахъ крестьянамъ записываться въ купечество. На основаніи онаго Высочайшаго указа въ Осташковѣ немедленно записались 290 душъ изъ крестьянъ въ купечество и въ то-же время испросили учредить правленіе свое — ратушу. И такъ еще новое раздѣленіе для Осташкова»!—восклицаетъ лѣтописецъ и тутъ же утѣшаетъ себя тѣмъ, что—«это, можно сказать, заря, предвѣщающая скорую свободу, равенство и совокупность всѣхъ въ одинъ уже составъ и правленіе, что̀ всегда къ лучшему: потому что, какъ всякое раздѣленіе, въ особенности по сердцу (т. е. по несогласію происшедшее), изводитъ несогласіе, зависть и нестроеніе; такъ и послѣдовавшее раздѣленіе на купцовъ и крестьянъ сдѣлалось было слѣдствіемъ тому, что крестьяне стали притѣснять купцовъ въ томъ, что живутъ и владѣютъ ихъ землею, выживали вонъ и не допускали до рыбной ловли; купцы не давали крестьянамъ производить никакого торгу, и затѣялись между жителями хлопотныя дѣла».

---

*) Пошлины были съ товара: съ рубля по 2 деньги, да за мыту по деньгѣ съ рубля; а съ денегъ: по 4 деньги, да за мыгу по деньгѣ.

Лѣтописецъ гор. Осташкова.

*

Къ сожалѣнію, лѣтописецъ не сообщаетъ ничего, что̀ могло бы хоть сколько нибудь освѣтить путь, по которому шла городская жизнь Осташкова и какъ она слагалась. Каковы были условія, благодаря которымъ городъ вдругъ ни съ того, ни съ другого выдвинулся впередъ. Обращая взоры свои къ прошлому, авторъ лѣтописи видитъ только, что еще въ недавнее время «строеніе домовъ въ городѣ было малою частію каменное и то старинной архитектуры и расположенія; а все почти деревянное и въ великомъ стѣсненіи. Улицы были весьма малыя и узкія, домы стояли безъ порядка: гдѣ каменный, гдѣ деревянный, гдѣ большой, гдѣ маленькой. Украшеніемъ они никакимъ не блистали, даже внутреннее было самое простое. Самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ; сѣни огромныя, и двери узкія. Лучшее и отличное украшеніе въ домахъ составляли святыя иконы, обложенныя серебромъ, а у другихъ и позлащенныя. Самыя свойства, обычаи и одежда людей были тогда простыя».

Простота нравовъ и вообще несложность и законченность общественной жизни, въ періодъ предшествующій нашему, служитъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ больнымъ мѣстомъ для всѣхъ людей тогдашняго времени. Всѣхъ нашихъ стариковъ сбиваетъ съ толку не существующая нынче простота. Точно то же случилось и съ осташковскимъ лѣтописцемъ. Онъ могъ оставаться безпристрастнымъ повѣствователемъ исторіи своего города до тѣхъ поръ, пока дѣло шло о далекой старинѣ и о предметахъ уже давно умершихъ. Но къ нравамъ, обычаямъ, живому преданію и вообще къ жизненному началу того общества, въ которомъ пришлось ему жить, оставаться равнодушнымъ онъ не могъ, и потому, переходя къ характеристикѣ своихъ предковъ, онъ невольно увлекается и приписываетъ имъ такія качества, какія, по его мнѣнію, должны бы украшать людей того времени. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою—«свойства людей» говорится, что свойства эти были слѣдующія: — «набожность, простодушіе, дѣятельность, воздержаніе, бережливость и нероскошность почитались у нихъ фундаментомъ всего».

Можно предположить, что авторъ «Лѣтописи» въ качествѣ священно-служителя воспользовался случаемъ, чтобы, по поводу древнихъ обычаевъ, сдѣлать своимъ читателямъ приличное наставленіе, и, изображая качества предковъ, по привычкѣ, помѣстилъ въ эту рубрику тонкую мораль для назиданія потомства. Далѣе, рисуя старинные нравы, онъ, очевидно, поддается также влеченію своихъ личныхъ склонностей къ простотѣ и никакъ не можетъ освободиться отъ привычки поучать. Это видно изъ слѣдующаго:

«Давали другъ другу и угощенія, пировали, веселились, — и странное обыкновеніе:—за столомъ иногда сидѣли отъ полдня до глубокой ночи, провождая время то въ пѣніи, то въ разговорахъ, *впрочемъ не неблагопристойныхъ*. Какъ знатоки церковнаго и нотнаго пѣнія, пѣли за столомъ канты и церковные стихи; и на балахъ сихъ *никогда не гремѣлъ у нихъ чайный приборъ и нисколько не знакомы были съ иностранными винами*. Не было кухнь и поваровъ, а все было: пища и питіе простое свое и въ чрезвычайномъ довольствѣ. Ставили на столъ сначала пирогъ, иначе *косикъ*, и такой величины, что малому ребенку въ сажень. Въ такомъ же количествѣ подавали, въ мясоѣдъ, мясную пищу, а въ постъ рыбу».

Этимъ почти совершенно исчерпывается весь запасъ заключающихся въ «Лѣтописи» матеріаловъ.

Письмо восьмое.

Театръ и новые знакомые.

Видѣлъ я чрезвычайно любопытную вещь,—осташковскій театръ. Намедни говоритъ мнѣ Ф.:

— Есть у насъ тутъ художничекъ одинъ и желаетъ онъ очень съ вами познакомиться. Хотите, онъ вамъ театръ покажетъ?

Я, конечно, очень былъ радъ этому случаю и пошелъ къ художничку въ гости.

Стоитъ домикъ на углу, почти у самаго озера, на окнѣ налѣплена вывѣска: *фотографія*; на дворѣ сохнетъ картина на солнцѣ, и собака ее нюхаетъ. Я подошелъ къ картинѣ, посмотрѣлъ:—*Юдифь и Олоѳернъ*. Олоѳернъ совсѣмъ коричневый, со свѣсившейся рукою, а у Юдиѳи одна щека красная, а другая зеленая. Треножникъ тутъ какой-то.

— Что вы смотрите? вѣдь дрянь, вдругъ сказалъ кто-то сзади меня.

Это самъ художничекъ-то и былъ, К-въ.

— Ахъ, это вы? Очень радъ...

— Мнѣ такъ пріятно, давно желалъ... Милости просимъ!.. сдѣлайте одолженіе, безъ церемоніи... и т. д.

Взошли мы въ комнату, разговорились объ искусствѣ, о Петербургѣ. Художникъ оказался очень милымъ. Въ комнатѣ у него сидѣла дѣвочка въ монашескомъ платьѣ за рисованіемъ, послушница изъ монастыря. Она очень усердно подчищала бѣлымъ хлѣбомъ носъ какому-то Александру Македонскому и заправляла пятна. Заговорили, конечно, о театрѣ. Художникъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о томъ, что вотъ у нихъ есть театръ, что есть и люди, съ любовью преданные искусству, и что, какъ жаль, что Өедора Кондратьевича нѣтъ въ городѣ; а то бы можно и спектакль устроить. Я между тѣмъ разсматривалъ картины и образа, въ безпорядкѣ развѣшанные по стѣнамъ. Потомъ онъ повелъ меня на верхъ. въ свою мастерскую, т. е. на большой чердакъ съ манекенами, подмалеваннымъ плафономъ и неоконченной картиною. Картина, впрочемъ, не важная, за то видъ съ чердака на городъ и на озеро, покрытое островами, и синѣющій вдали боръ, видъ удивительный. Холодно было въ мастерской и пыльно, долго сидѣть было нельзя; вотъ мы и сошли внизъ, кофе намъ принесли; К-въ взялъ комедію Потемкина: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», стали мы ее читать.

— Да что̀ тутъ толковать, сказалъ онъ наконецъ:—пойдемте въ театръ! Мы для васъ устроимъ генеральную репетицію въ костюмахъ. Наши всѣ будутъ рады.

Однако въ театръ мы сейчасъ не пошли, а отложили до вечера, потому что нужно было повѣстить актеровъ о предстоящей репетиціи, да и роли не всѣ знали. Я пошелъ пока къ N*, служащему въ духовномъ училищѣ, а К-въ сейчасъ одѣлся и побѣжалъ къ актерамъ.

— Я, говоритъ, это все въ одну минуту.

На главной улицѣ попалась мнѣ цѣлая толпа дѣвочекъ, возвращавшихся изъ училища. Онѣ шли всѣ въ чистенькихъ фартучкахъ, съ сумочками черезъ плечо и, узнавъ меня, стали присѣдать и перешептываться. Потомъ увидалъ я знакомаго учителя, сидящаго у окна съ гитарою.

— А, здравствуйте! закричалъ онъ.—Прошу покорно, зайдите поболтать. Я боленъ.

— Нѣтъ; мнѣ некогда.

— Ну, послѣ. А то я самъ зайду ужо̀.

— Заходите, только попозже, а то я буду въ театрѣ.

— Въ театръ? Да что? не стоитъ. Охота вамъ. До свиданья.

Отыскалъ я N*, постучалъ, впустили. Я вошелъ въ залу и долго ходилъ по комнатѣ. Въ это время что-то бѣгали, шептали, дѣти заглядывали въ двери, а въ залѣ было душно и пахло деревяннымъ масломъ. Потомъ вошелъ священникъ въ зеленомъ подрясникѣ и попросилъ садиться. Я сѣлъ.

— Надолго изволили пріѣхать? началъ было священникъ, но въ то же время отворилась дверь и показался N*. Онъ скромно поклонился и застегнулъ одну пуговицу.

— Я давно къ вамъ собирался, да все некогда было, сказалъ я.

— Благодарю васъ покорно-съ.

— Вы мнѣ что̀-то хотѣли сказать?

— Да-съ. Это я о литературѣ намѣревался въ свободное время побесѣдовать.

— Такъ что же? Побесѣдуемте. Мы замолчали. Священникъ, сидя въ креслѣ, съ любопытствомъ поглядывалъ на насъ, то на одного, то на другого, ожидая, вѣроятно, какъ-то мы будемъ бесѣдовать. Наконецъ, N* спросилъ:

— Вы писатель?

— Нѣтъ, не писатель; а такъ немножко пописываю отъ нечего дѣлать. А что?

— Да вотъ-съ, удивляетъ меня духъ обличенія, распространенный нынче повсюду. Какая этому причина?

— Причина, я думаю, очень простая:—необходимость.

— Такъ-съ. Но извините меня, по моему крайнему разумѣнію, необходимости въ этомъ не ощущалось доселѣ, почему же такъ нынѣ?...

— Надо полагать время такое пришло.

— Время? Гм, время все одно.

— Время-то пожалуй, что одно, да люди другіе.

— Люди?—На людей полагаться трудно.

— Зачѣмъ же на нихъ полагаться? Никто и не проситъ.

— Охъ, люди! люди! со вздохомъ сказалъ про себя священникъ, и задумался. N* тоже задумался и сталъ водить пальцемъ по столу.

— На кого же надо полагаться? спросилъ я, наконецъ.

Мы всѣ трое опять умолкли. И долго такъ промолчали. Потомъ я спросилъ:

— Къ какой епархіи принадлежитъ Осташковъ?

— Къ тверской, отвѣтилъ N*.

— А къ угоднику-то нашему ѣздили? вдругъ спросилъ священникъ.

— Какъ же, ѣздилъ.

— 27-го мая обрѣтеніе святыхъ мощей преподобнаго Нила Столбенскаго, угодника Божія, бываетъ крестный ходъ.

N* между тѣмъ вышелъ и вернулся съ толстою тетрадью въ листъ. Онъ какъ-то нерѣшительно подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— У меня есть рукопись одного автора (объ имени его позвольте умолчать), и онъ чрезвычайно затрудняется.

— Въ чемъ же затрудненіе?

— Собственно въ томъ: гдѣ избрать мѣсто для напечатанія. Къ вамъ, какъ къ редактору журнала...

— Да я вовсе не редакторъ. Кто это вамъ сказалъ?

— А! такъ вы не редакторъ... и онъ нѣсколько отодвинулся отъ меня.—Извините!..

— Такъ что же вамъ угодно? Я, можетъ быть, что̀ нибудь могу сдѣлать. Что̀ это такое?

Я взялъ тетрадъ и началъ ее перелистывать. Она заключала въ себѣ огромное количество листовъ, очень тщательнаго письма. Это было описаніе монастырей тверской епархіи, съ означеніемъ годовъ основанія каждой обители и перечисленіемъ всѣхъ настоятелей и настоятельницъ, управлявшихъ монастырями. Въ ней упоминалось, кажется, даже и о нѣкоторыхъ чудотворныхъ иконахъ преподобныхъ святителей и угодниковъ, наиболѣе чтимыхъ въ епархіи и явившихъ заступничество свое жителямъ Тверской губерніи. Тутъ же заключались подробныя свѣдѣнія о возобновленіи храмовъ съ предѣлами, а также и о пожарахъ и разореніяхъ, коимъ подвергались обители.

Пока я просматривалъ тетрадь, N* пристально смотрѣлъ мнѣ въ лицо. Я спросилъ:

— Должно быть, много труда и времени потрачено на это сочиненіе?

— Да не мало, поспѣшилъ отвѣтить N*.—А что̀-съ?

— Я думаю, что врядъ ли напечатаютъ эту рукопись въ свѣтскомъ журналѣ.

— Почему же-съ?

— Мнѣ кажется, что дѣло-то слишкомъ спеціальное. Конечно, это трудъ очень почтенный и, какъ видно, добросовѣстный...

— Да. Я... мм., т. е. авторъ имѣлъ случай пользоваться весьма рѣдкими благопріятными обстоятельствами.

— Только жаль, что авторъ потратилъ столько времени, на дѣло, не имѣющее, какъ бы это выразиться?—живого интереса.

— То есть какого-съ?

— То есть, я хочу сказать, что тутъ жизни-то, современной-то жизни нѣтъ! сказалъ я, прихлопывая рукою по тетради, да вдругъ самъ почувствовалъ, что вышло не совсѣмъ ловко, и возвратилъ N* тетрадь. Онъ взялъ ее молча, подумалъ, поправилъ загнувшіеся углы, постоялъ немного и тихо вышелъ изъ комнаты. Я взглянулъ на священника, онъ тоже взглянулъ на меня, крякнулъ и забарабанилъ пальцами по столу.

Однако пора было въ театръ. Я посидѣлъ еще немного, поговорилъ о разныхъ обителяхъ и ушелъ.

Мой новый знакомый, художникъ К-въ, дѣйствительно меня ужъ дожидался. Я зашелъ только къ нему на минуту, и мы сейчасъ же отправились въ театръ. Театръ устроенъ въ большомъ каменномъ зданіи и передѣланъ изъ какого-то, кажется, кожевеннаго завода и потому наружности, соотвѣтствующей своему назначенію, не имѣлъ. Зато внутри все устроено какъ слѣдуетъ быть театру: и ложи, и оркестръ, и даже такъ называемый раёкъ, все это есть. Мы прошли прямо на сцену, или, лучше сказать, подъ сцену, въ мужскую уборную, гдѣ уже топилась желѣзная печь и *театральный* парикмахеръ возился съ париками. Тутъ же встрѣтили насъ и актеры, частью уже одѣтые въ костюмы. Портной, или, я не знаю, кто-то изъ театральной прислуги примѣривалъ на одного актера кафтанъ, еще кто-то взялъ свѣчку и побѣжалъ освѣщать сцену. Всѣ спѣшили. Суета началась, веселая такая суета. К—въ сейчасъ же прицѣпилъ себѣ бороду и повелъ меня за кулисы. Актеры давно ужъ не играли, и были очень рады случаю поиграть, тѣмъ болѣе, что пьеса новая и только еще ставилась. Но замѣчательно, что всѣ эти актеры, музыканты и прислуга—все любители, совершенно безкорыстно преданные дѣлу, и что почти всѣ они никогда въ жизни не видывали никакого театра, кромѣ своего. Только одинъ К—въ въ Петербургѣ видѣлъ, какъ играютъ на сценѣ, остальные же всѣ руководствовались своими соображеніями и собственнымъ художественнымъ чутьемъ. Все это очень странно, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что эти люди стали актерами чисто изъ любви къ искусству, и кромѣ безполезной траты времени, видѣть въ этомъ занятіи ничего не могли. Никто изъ нихъ никогда не игралъ и понятія на имѣетъ о томъ, какъ надо играть, и въ добавокъ никто имъ гроша за это не даетъ.

Но это-то обстоятельство, по моему мнѣнію, и служитъ лучшимъ ручательствомъ того, что въ выборѣ этого занятія не было ни тѣни принужденія, что всѣ эти любители-ремесленники стали актерами и выучились играть только потому, что *дѣйствительно* очень этого желали, даже въ ущеръ своимъ матеріальнымъ интересамъ.

Понятно послѣ этого, съ какимъ любопытствомъ я, сидя въ ложѣ, дожидался поднятія занавѣса. Впрочемъ, нѣтъ; занавѣсъ былъ уже поднятъ давно (его и не опускали). Началось такимъ образомъ: К—въ вышелъ на сцену и закричалъ мнѣ:

— Вообразите себѣ, что занавѣсъ поднимается. Сцена представляетъ комнату на постояломъ дворѣ. Вообразили?

— Вообразилъ, закричалъ я ему изъ ложи.

— Ну, теперь начинается. *Степанъ Федоровъ* *) пожалуйте на мѣсто!

Вышелъ старикъ, сѣлъ на стулъ, и пьеса началась. Но въ первой сценѣ все почти играетъ одинъ Михайло, т. е. К—въ, а я слышалъ и прежде, какъ онъ читалъ, и потому эта сцена меня мало занимала. Онъ игралъ какъ обыкновенно играютъ любители, т. е. копировалъ столичныхъ актеровъ и, когда кончилъ свой заключительный монологъ, закричалъ мнѣ со сцены:

— Что, хорошо?

— Хорошо.

— Да нѣтъ. Я знаю, что скверно. Ну, все равно. Послѣ поговоримъ объ этомъ. Теперь смотрите!

Вышли другія дѣйствующія лица, потомъ сцена Михайлы съ женою. Второе дѣйствіе началось безъ перерыва, точно такъ же, какъ и первое: К-въ закричалъ:—второе дѣйствіе! и сѣлъ за столъ. Катерина (г-жа П-ва) тоже сѣла, немножко сконфузилась, посмотрѣла въ темный партеръ, К—въ ей сказалъ:—ну, что же вы? и она начала свою роль.

---

*) Имя одного изъ дѣйствующихъ лицъ драмы «Чужое добро въ прокъ нейдетъ».

Я слышалъ и прежде отъ многихъ о г-жѣ П—вой, но думалъ, что врутъ, хвастаются; а потому, разумѣется, ждалъ криковъ ломанья и жеманства.

И былъ просто пораженъ ея игрою. Такой простоты, свободы и вѣрности я себѣ и представить не могъ.

— Что? каково? крикнулъ мнѣ К—въ.—Идите сюда!

Я пошелъ на сцену.

— Ну, какъ П—ва-то? что̀? видѣли? То-то же, говорилъ К—въ, видимо торжествуя.

— Да это что̀? Вы бы посмотрѣли ее въ драмѣ. Удивительно. Войдетъ въ роль, плачетъ, серьезно плачетъ. А тутъ у ней комическая роль, да и въ первый разъ: конфузится.

Когда кончилась пьеса, и актеры перемѣнили костюмы, К—въ познакомилъ меня со всѣми. Мы разговорились о пьесѣ и необыкновенно скоро сошлись. Я имъ началъ разсказывать, какъ я видѣлъ эту драму на другихъ театрахъ, они стали разспрашивать, какъ кто изъ нихъ съигралъ свою роль и гдѣ сдѣлалъ какую ошибку, и такъ это весело устроилось, такъ мы всѣ были хорошо настроены, что этотъ вечеръ оставилъ во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Главное, что тутъ не было рѣшительно ничего стѣснительнаго. Всѣ мы прониклись однимъ безкорыстнѣйшимъ чувствомъ, страстью къ искусству, всѣхъ въ этотъ вечеръ занимало одно желаніе наслаждаться искусствомъ. Когда мы пошли съ К—ымъ домой, я его спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, кто эти господа?

— Ремесленники большею частью, есть и чиновники. Вотъ этотъ, что̀ «Степана» игралъ, старика, это библіотекарь.

Тутъ я только вспомнилъ, что дѣйствительно видѣлъ его и говорилъ съ нимъ въ библіотекѣ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, страстный любитель чтенія и театра. А когда я спросилъ о П—ой, почему она не ѣдетъ въ Москву или въ Петербургъ дебютировать, К-въ отвѣчалъ, что она своими трудами содержитъ семейство и, разумѣется, оставить его не можетъ.

— Это замѣчательная женщина, говорилъ К-въ.—Какая у ней душа! Сколько чувства и любви къ искусству. Вѣдь она, представьте себѣ, выучилась сама, ей даже никто никогда не показывалъ.

Любопытно, что когда П-ва была просто мѣщанкою города

Осташкова, то никто объ ней и не думалъ; но когда она стала играть, сейчасъ же явилась толпа поклонниковъ и обожателей, въ томъ числѣ и офицеры съ предложеніемъ услугъ; но она ихъ всѣхъ

«Отвергла, заперлась
«. . . феей недоступной
«И вся искусству предалась
«Душою неподкупной.

Только что я успѣлъ вернуться домой и, еще полный разныхъ пріятныхъ впечатлѣній, началъ раздѣваться, какъ вдругъ входитъ Нилъ Алексѣичъ.

— Ваше благородіе, гости. Прикажете впустить?

Взошелъ учитель и съ нимъ еще какой-то длинный господинъ.

— Вотъ это Августъ Иванычъ *), сказалъ мнѣ учитель, знакомя меня съ длиннымъ господиномъ.

Я протянулъ ему руку, и мы, держась другъ за друга и кланяясь, простояли довольно долго среди комнаты. Онъ должно быть ждалъ, что я скажу что̀ нибудь, а я видѣлъ, что онъ какъ будто ждетъ, и тоже чего-то ждалъ. Однако, не дождавшись ничего, мы сѣли и я имъ предложилъ чаю и колбасы. Августъ Иванычъ взялъ ее въ руки и сказалъ:

— Я самъ колбаса, а потомъ захохоталъ. Тутъ только я замѣтилъ, что гость мой немножко навеселѣ и дѣйствительно что̀-то жуетъ и все не можетъ проглотить.

Что̀ это за Августъ Иванычъ такой? думалъ я, глядя на него.

— А я васъ видѣлъ вчера, сказалъ онъ, нарѣзывая колбасу.

— Гдѣ же?

— А въ лавочкѣ. Вы табаку покупали, а я видѣлъ.

— А можетъ быть.

— Что у насъ здѣсь,—скука! Вотъ въ Торжкѣ отлично жить, сказалъ учитель.—Вы были въ Торжкѣ?

— Нѣтъ.

— Вы съѣздите. Я тамъ жилъ. А во Ржевѣ не были?

— Не былъ.

— Напрасно.

Все больше въ такомъ родѣ шла у насъ бесѣда. Потомъ ужъ немножко разговорились.

---

*) Вымышленное имя.

— Наша служба чудесная, сказалъ Августъ Иванычъ.— Благородная служба. Вотъ я вольный казакъ.

Это мнѣ показалось очень любопытно, и я посмотрѣлъ на Августа Иваныча. Но я себѣ представлялъ вольнаго казака вовсе не такимъ. Августъ Иванычъ былъ худой и тощій нѣмецъ, съ длиннымъ носомъ и съ длинными тонкими ногами. Вовсе не похоже. Онъ между тѣмъ продолжалъ, принимая строгій видъ:

— Спокойная служба. Я самъ себѣ хозяинъ. Приказалъ, фють! готово.

— Нѣтъ, вотъ наша служба, чортъ бы ее дралъ, замѣтилъ учитель.—Хуже нѣтъ: всякому дураку кланяйся. Ѣсть нечего, а тутъ еще требуютъ: слѣди за наукой. Какая тутъ, дьяволъ, наука?

— Ну, да, Конечно, продолжалъ Августъ Иванычъ, не слушая:—распоряженіе не скоро приходитъ. Я городничему сказалъ:—послушайте! Я не могу ждать. Мы безъ дровъ сидимъ. Когда еще тамъ комитетъ... Городничій молчалъ. Я сказалъ: фють! сюда! Понимаете? Я переставалъ понимать совсѣмъ и слышалъ только, что кто-то сдѣлалъ фють, сюда! Вообще, чтò-то очень странное; только я и могъ понять, что Августъ Иванычъ служилъ въ канцеляріи гдѣ-то на желѣзной дорогѣ, а потомъ *фють* стали повторяться такъ часто, что ужъ ничего нельзя было разобрать. А подъ конецъ какъ-то такъ стало выходить, что будто чуть чтò, сейчасъ фють, и Августъ Иванычъ погибъ. Чортъ знаетъ чтò. Я даже сталъ опасаться. Однако все кончилось благополучно. Августъ Иванычъ говорилъ, говорилъ, вдругъ вскочилъ и сказалъ: фють! пора спать. И они ушли.

Письмо девятое и послѣднее.

Осташковская политика.

По мѣрѣ того, какъ число знакомыхъ моихъ съ каждымъ днемъ возрастало, я все больше и больше сталъ приходить къ убѣжденію, что задача: чтò такое Осташковъ?—наконецъ приходитъ къ разрѣшенію, что доказательства болѣе или менѣе исчерпаны и даже начинаютъ ужъ повторяться. Теперь, когда противорѣчія разнаго рода, такъ неожиданно поразившія меня вначалѣ, почти всѣ разъяснились,—теперь только вспомнилъ я о человѣкѣ, съ которымъ я познакомился случайно, сейчасъ же по пріѣздѣ сюда, и который тогда на всѣ мои разспросы отвѣчалъ одно;—«я вамъ ничего не могу сказать. Поживете,—увидите». Въ то время я счелъ это излишнею осторожностью съ его стороны, но теперь вижу, что онъ былъ совершенно правъ. Никто никогда не могъ бы мнѣ разсказать того, что̀ я видѣлъ и слышалъ самъ. И теперь-то, именно теперь, мнѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ и провѣрить мои наблюденія. Я засталъ его дома, онъ собирался идти гулять, и мы отправились вмѣстѣ на озеро.

— Ну что? скоро вы собираетесь ѣхать? спросилъ меня мой знакомый, когда мы вышли на улицу.

— Да, я думаю, что ужъ здѣсь больше дѣлать нечего.

— Здѣсь всегда нечего дѣлать. Все уже сдѣлано давно. Неужели вы въ этомъ еще не успѣли убѣдиться?

— Не хотѣлось бы мнѣ въ этомъ убѣждаться.

— Ну, это другое дѣло. Желанія бываютъ разныя, а я говорю о конкретѣ, такъ сказать, о фактѣ. Случается, что факты противорѣчатъ желаніямъ. Это я часто замѣчалъ.

— Однако вотъ что, перебилъ я моего знакомаго.—Я думаю, что вступленіе такого рода лишне. Приступимте прямо къ дѣлу. Вы понимаете, что мнѣ хочется знать наконецъ ваше мнѣніе о томъ предметѣ, о которомъ мы съ вами не упоминаемъ,—о городѣ.

— Да что-жъ, мое мнѣніе? сказалъ онъ, размышляя.—Мое мнѣніе такое: исправный городъ. Чего-жъ еще?

— Дѣло не въ исправности.

— Городъ смирный, продолжалъ онъ:—благочестіе процвѣтаетъ. Примѣрный городъ. Ну, да чортъ его возьми! совсѣмъ неожиданно заключилъ онъ.—Нѣтъ, это все вздоръ. Дѣло-то вотъ въ чемъ. Я все боялся, не увлеклись бы вы всѣми этими фестонами да павильонами. А если не увлеклись, такъ стало быть понимаете,—что̀ это такое. Я могу вамъ помочь только, прибавивъ какихъ нибудь два, три факта; тѣни, такъ сказать, усилить могу для рельефности.

«А много было взору моему
«Достойно и понятно, потому...

да потому, что какъ тамъ они ни хитрятъ, а все-таки видны бѣлыя нитки. Тутъ какая исторія, я вамъ скажу. Корень-то всему злу, знаете что̀?—Банкъ! Странно? не правда ли?

— Да какъ же это такъ?

— Да весьма просто-съ. Жилъ былъ въ городѣ, въ Осташковѣ, первостатейный купецъ богатѣйшій, коммерціи совѣтникъ, Кондратій Алексѣичъ Савинъ. Жилъ онъ здѣсь, можно сказать, царствовалъ, потому капиталы имѣлъ у себя несмѣтные. И задумалъ этотъ самый купецъ подъ старость, душѣ своей въ спасеніе и всему свѣту на удивленіе, соорудить казнохранилище... Да нѣтъ, это стихи какіе-то выходятъ. Будемъ продолжать просто. И такъ Кондратій Алексѣичъ покойникъ — мужикъ былъ умный и дѣло затѣялъ съ толкомъ: пожертвовалъ 25 тысячъ на ассигнаціи на учрежденіе банка, съ тѣмъ чтобы барыши съ него шли на богоугодныя учрежденія. Вотъ съ этого все и пошло. А надо вамъ сказать, что династія Савиныхъ ведется въ Осташковѣ спраконъ вѣку, такъ что представить себѣ Осташковъ безъ Савиныхъ, или Савиныхъ безъ Осташкова какъ-то даже невозможно. Началъ благодѣтельствовать городу Кондратій Савинъ, и по его смерти сталъ благодѣтельствовать по наслѣдству сынъ его Степанъ, а по смерти и сего послѣдняго вступилъ на мѣсто его второй сынъ, Ѳеодоръ.

Заведенъ у насъ такой порядокъ: гражданъ, которые не въ состояніи уплатить долга банку, отдавать въ заработки фабрикантамъ и заводчикамъ. Оно бы и ничего пожалуй, не слишкомъ еще безчеловѣчно, да дѣло-то въ томъ, что попавшій въ заработки должникъ большею частью такъ тамъ и остается въ неоплатномъ долгу, вѣчнымъ работникомъ. Уже какъ это устраивается, Богъ ихъ знаетъ. Извѣстно только, что при всеобщей бѣдности жителей, предложеніе труда превышаетъ запросъ; вслѣдствіе этого, конечно, плата упадаетъ и цѣнность труда зависитъ отъ фабриканта. Но вы не забудьте, что рядомъ съ этой нищетою стоитъ театръ, разные тамъ сады съ музыкою и проч., то есть вещи, необыкновенно заманчивыя для бѣднаго человѣка и при томъ имѣющія свойство страшно возбуждать тщеславіе. Теперь эти удовольствія сдѣлались такою необходимою потребностью, что послѣдняя сапожница, питающаяся чуть не осиновою корою, считаетъ величайшимъ несчастіемъ не имѣть кринолина и не быть на гуляньи. Но на все это нужны деньги. Гдѣ же ихъ взять? А банкъ-то на что? Вотъ онъ тутъ же, подъ руками, тамъ 200 тысячъ лежатъ. Ну, и что жъ тутъ удивительнаго, что люди попадаются на этихъ удовольствіяхъ, какъ мухи на меду?

— Но, скажите, пожалуйста, вѣдь эти приманки однако не дешево же обходятся?

— Кому?

— Да тому, кто ихъ устраиваетъ?

— Ни гроша не стоятъ. Театръ, музыка, пѣвчіе, сады, бульвары, мостики, ерши и павильоны,—все это дѣлается на счетъ особыхъ сборовъ, такъ называемыхъ *темныхъ*. Это очень ловкая штука. Въ томъ-то она и заключается, что ничего не стоитъ, а имѣетъ видъ благодѣянія. И даже, я вамъ еще лучше скажу, противъ дѣйствительныхъ, капитальныхъ благодѣяній принимаются мѣры. Я вамъ разскажу одинъ случай.

Надо вамъ знать, что осташи имѣютъ похвальную привычку, разбогатѣвъ на сторонѣ, подъ старость, насытивъ жажду къ пріобрѣтеніямъ, возвращаться на родину и благодѣтельствовать своему родному городу. Вотъ и вернулся такой одинъ, богачъ страшный, слѣдовательно опасный конкуррентъ, и принялся расточать богатыя и щедрыя милости нищимъ собратіямъ своимъ, но, какъ человѣкъ разсчетливый, благодѣтельствовалъ экономно, больше для виду. Паникадилъ тамъ надѣлалъ, позолотъ разныхъ, украшеній, женское училище завелъ, пароходъ Ниловой пустыни подарилъ для безвозмезднаго перевоза богомольцевъ.

— Ахъ, да. Я это знаю. Архимандритъ разсказывалъ.

— Ну, вотъ видите. Пока онъ школу заводилъ да храмы украшалъ, то воспрепятствовать ему въ этомъ нельзя было; а какъ только подарилъ пароходъ, сейчасъ и затѣяли тяжбу. Она Богъ знаетъ когда кончится, да, вѣроятно, и никогда не кончится, а пока пароходу запрещено возить богомольцевъ. Наконецъ, богачъ сдѣлалъ предложеніе думѣ провести желѣзную дорогу до Волочка пополамъ съ городомъ. «Зачѣмъ же пополамъ?» говорятъ, не безпокойтесь, мы сами проведемъ всю. Ну, однако не провели, а богачъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, видитъ дѣлать нечего, уѣхалъ. А то еще другой былъ, тоже разбогатѣвшій на сторонѣ. Это человѣкъ былъ нрава дикаго и необузданнаго и притомъ счастьемъ обладалъ удивительнымъ. Вѣкъ свой жался и сколачивалъ деньгу, а какъ разбогатѣлъ, вдругъ и сдурѣлъ совсѣмъ, и не знаетъ, какъ ему съ деньгами быть, куда ихъ дѣть. Натура животная, плотоядная, да и тщеславіе-то ужъ очень его распирать стало. Оретъ не человѣческимъ голосомъ, окна бьетъ, шампанскимъ пару поддаетъ, нѣтъ, все мало. Прѣхалъ сюда. Сейчасъ, разумѣется, двадцать пудовъ серебра на украшеніе храмовъ, какъ жаръ горятъ, домъ себѣ выстроилъ, баню султанскую, заводъ выстроилъ;

мучные склады какіе-то ни съ того, ни съ сего завелъ, неизвѣстно зачѣмъ. Пиры такіе сталъ задавать, что небу жарко. Только все это у него какъ-то не удавалось. Позоветъ весь городъ обѣдать, придутъ гости, а ужъ онъ пьянъ и бунтуетъ, посуду бьетъ.

Только скоро онъ догадался, что поле для дѣятельности его здѣсь слишкомъ тѣсно. Сталъ гостей къ себѣ изъ губерніи выписывать и съ ними все знакомство водилъ и бражничалъ. Зашибъ кого-то въ пьяномъ видѣ,—ну, ничего, откупился. Однако и губернскіе гости скоро ему надоѣли; думалъ, думалъ, чѣмъ бы еще удивить свѣтъ, и пожелалъ онъ имѣть у себя въ домѣ особу. Хлопотъ тоже было не мало. Ѣздилъ, просилъ, наконецъ пріѣхала особа. По этому случаю торжество было устроено неимовѣрное, и самъ онъ встрѣтилъ особу на крыльцѣ въ *турецкомъ халатѣ*. Понимаете? Не зналъ ужъ, чѣмъ удивить. Фракъ тамъ, или почетный кафтанъ, это все плевое дѣло, и выдумалъ халатъ изъ турецкой шали. Потомъ тамъ у него вышла скандальнѣйшая штука, вслѣдствіе которой онъ вдругъ все бросилъ и ускакалъ неизвѣстно куда.

По этимъ двумъ описаніямъ вы легко можете себѣ представить, какого рода благодѣтели расточаютъ на насъ свои щедроты. Но послѣдній случай замѣчателенъ еще тѣмъ, что такой соперникъ, какъ этотъ, могъ быть дѣйствительно опасенъ, и бороться съ нимъ было бы трудно. А потому и мѣръ противъ него никакихъ не принималось. Уже по первымъ выходкамъ его легко можно было предвидѣть, что онъ долго не нацарствуетъ и самъ себя уходитъ. Слѣдовательно благоразумнѣе всего было просто выждать, пока онъ прогоритъ. Такъ оно и случилось. И въ этомъ случаѣ, что касается меня, то я не могу вамъ достаточно выразить того глубокаго благоговѣнія, которое я чувствую къ этой удивительной проницательности и находчивости нашихъ уѣздныхъ дипломатовъ.

Но для полноты характеристики этого господина, я вамъ разскажу одну изъ послѣднихъ его выходокъ которая собственно не относится къ дѣлу, но за то отлично рисуетъ характеръ этого человѣка.

Послѣ одной какой-то оргіи, ночью вздумалъ онъ жену свою колотить, а дочь его, отличнѣйшая дѣвушка была, вступилась за мать. Онъ дочь-то взялъ, да и выгналъ ночью на морозъ, въ одной сорочкѣ. Не знаю, ужъ долго ли она тамъ простояла, однако простудилась и заболѣла горячкою. Онъ на другое утро опомнился и послалъ въ Москву и въ Петербургъ за докторами. Прискакали доктора, горячку перехватили, но у дѣвушки все-таки сдѣлалась чахотка, и она умерла. Отецъ терзался и плакалъ, и не зная, чѣмъ загладить свое преступленіе, началъ дѣлать вклады, панихиды служилъ, но потомъ вдругъ все это бросилъ и забылъ.

Въ это время мы проходили мимо одной церкви. Мой спутникъ предложилъ мнѣ зайти съ другой стороны и посмотрѣть одну очень курьезную эпитафію. У наружной стѣны этой церкви была чугунная дверь въ подвалъ, а на ней золотыми буквами написано слѣдующее:

«НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ».

«Прохожій! помяни меня дявицу екатерину, когда господь богъ послалъ мне кончину мой прахъ юный здѣсь первымъ положенъ. О родитель мой, безценный, тобой сей фамильный склей сооруженъ. Тобою сей святый храмъ благолепне обновленъ, тобою изаменя, онъ свѣтлыми облаченьми снабжденъ, тобою сей придѣльный храмъ во имя аковицкія учрежденъ подъ коимъ богато убраный мой гробъ стоитъ и предъ нимъ неугасимый елей горитъ, А серце мое присени говоритъ, благодареніе тебѣ, О, родитель мой милый за любовь твою ко Мнѣ: не будь же ты обо мнѣ Унылымъ: Тѣлу моему хорошо здѣсь, А душѣ На небесѣхъ.

Но кто, столь Добрый твой Отецъ спросишь ты, прохожій, наконецъ, Осташковскій 1-ой гильдіи купецъ, Николай Кузмичь, онъ Абабковъ, котораго За святые храмы должонъ помнить.

ОСТАШКОВЪ.

1837 года Ноебря 22 дня Я рождена, А 1854 года Февраля 8 дня. Я здѣсь погребена, Послѣ семнадцатилетнія на свете моего житія».

ОТЪѢЗДЪ.

Вчера я еще разъ былъ въ театрѣ. Мы послѣдній разъ прочли вмѣстѣ пьесу и простились. При разставаніи я просилъ ихъ написать свои имена на память въ мою дорожную книжку; такъ что оно вышло даже слишкомъ чувствительно. Впрочемъ, они всѣ такіе славные люди, и мнѣ пришлось пожалѣть только, что я не познакомился съ ними раньше.

Сегодня я уѣзжаю изъ Осташкова. Въ продолженіе этого короткаго срока я такъ усердно изучалъ городъ, что теперь, мнѣ кажется, будто я вѣкъ прожилъ въ немъ и покидаю родину. Но разставаясь съ нимъ, я покидаю его съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ кончаешь какой-нибудь долгій и тяжелый и долго неудававшійся трудъ, но который-таки кончился. И радъ, и жаль разставаться. Сейчасъ былъ у Ф. Онъ даже удивился, что я уѣзжаю. И ему, должно быть, уже начало казаться мое пребываніе здѣсь совершенно естественнымъ. Но когда я объявилъ о своемъ отъѣздѣ, то вдругъ какъ-то такъ вышло, что ужъ намъ рѣшительно стало не о чемъ говорить. Точно мы оба только что догадались, что мы люди другъ другу совершенно чуждые, и та искусственная связь, которая завязалась было между нами, вдругъ оборвалась. Странно что-то это вышло. Когда я вернулся домой, то художникъ К—въ меня ужъ дожидался и сейчасъ же сталъ хлопотать укладывать мои вещи. Я послалъ за лошадьми. Все готово. Я уѣзжаю.

ЗАПИСКИ МЕТАФИЗИКА.

I.

О насущномъ хлѣбѣ.

Надежда на чтò-то новое, на чтò-то лучшее—какъ извѣстно—не покидаетъ насъ никогда. На чтò мы надѣемся чего мы ждемъ, это вопросъ другого рода; вся сила въ томъ, чтобы надѣяться и ждать; потому что надѣяться и ждать надо всегда. А главное—безъ этого нельзя. Слѣдовательно, надо надѣяться и ждать; тѣмъ болѣе, что это никому не запрещается, по причинѣ, что, собственно говоря, запрещать этого не слѣдуетъ и еще потому, что этого запретить даже и нельзя. И такъ, будемъ надѣяться и ждать, ждать и надѣяться. А если не дождемся, тогда опять можно будетъ начать ждать и опять можно будетъ надѣяться.

Однако, на чтò-жъ мы, въ самомъ дѣлѣ, надѣемся, и чего мы ждемъ? Да какъ это сказать? Каждый изъ насъ порознь, и всѣ мы вмѣстѣ болѣе или менѣе на чтò-нибудь да надѣемся, чего нибудь да ждемъ. Надежда—это самое любезное дѣло, а главное—безобидное. Тѣмъ она хороша, что этимъ дѣломъ могутъ заниматься тысячи и миллiоны людей, и, между тѣмъ, никто другъ другу не мѣшаетъ; тысячи и миллiоны могутъ возлагать свои надежды на одинъ и тотъ же предметъ, и каждый будетъ надѣяться получить отъ него совсѣмъ не то, чтò другой, и всѣ будутъ довольны. Одинъ надѣется, что завтра будетъ дождь, и на этой надеждѣ основываетъ свои поступки; а другой надѣется, что завтра не будетъ дождя, и тоже на этомъ основываетъ свои поступки. Чтò можетъ быть безобиднѣе этого? Я надѣюсь прожить нынѣшнiй годъ благополучно, и на этомъ основанiи такъ и дѣла свои веду; а моя жена надѣется, что въ нынѣшнемъ году я непремѣнно умру, и тоже на этомъ основаніи ведетъ свои дѣла. И мы другъ другу не мѣшаемъ. Мало того, надежды могутъ быть самыя неосновательныя, ни съ чѣмъ несообразныя, или, наконецъ, просто могутъ быть основаны на какой нибудь нелѣпости, и, несмотря на то, ими все таки можно жить, на основаніи ихъ можно строить всевозможные планы, заключать всякаго рода сдѣлки, брать подряды, пріобрѣтать и отчуждать движимую и недвижимую собственность, вступать въ бракъ и т. д.; однимъ словомъ, жить, прожить цѣлый вѣкъ, умереть и добрую память по себѣ оставить. И все это можно продѣлать во имя какой нибудь самой неосновательной, самой нелѣпой надежды. Въ крайнемъ случаѣ можно даже не имѣть своей собственной, и жить чужими надеждами. Наконецъ, есть совершенно безнадежные люди, которые, повидимому, ни на что̀ ужъ больше не надѣются, и ничего не ждутъ; но и у нихъ есть надежда, и они тоже ждутъ: «авось Господь, наконецъ, смилуется надъ нами и приберетъ». И развѣ это не надежда? Совсѣмъ безъ надежды человѣку жить невозможно; хоть какую бы то ни было, хоть самую паршивую, а долженъ онъ имѣть непремѣнно! Необходимость надѣяться и ждать до такой степени сильна, что даже существуютъ такіе сроки, дни такіе назначены, которые исключительно посвящаются надеждамъ: люди чему-то радуются, ходятъ въ гости, поздравляютъ другъ друга съ наступленіемъ дня, въ который на всѣхъ какъ будто налагается обязанность предаваться разнаго рода надеждамъ и ожиданіямъ.

Только не спрашивайте у всѣхъ этихъ людей—почему, на какомъ основаніи, по какому праву они такъ необузданно предаются своимъ надеждамъ; не спрашивайте у крестьянина, на какомъ основаніи онъ надѣется, что въ будущемъ году податъ будетъ меньше, когда самъ онъ видитъ и знаетъ, что подати съ каждымъ годомъ увеличиваются; не спрашивайте у рыболова, на какомъ основаніи онъ надѣется, что въ будущемъ году рыба будетъ ловиться лучше, когда самъ онъ видитъ и знаетъ, что рыбы съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше; не спрашивайте у купца, почему онъ надѣется въ будущемъ году разжиться, когда самъ онъ знаетъ и видитъ, что торговля съ каждымъ годомъ становится хуже. Не спрашивайте ихъ объ этомъ, потому что такими вопросами вы можете только огорчить ихъ, но вразумить и отучить ихъ надѣяться вы не можете. Если же вамъ удастся доказать имъ всю неосновательность ихъ надеждъ, то они немедленно подыщутъ себѣ новыя, въ такомъ же родѣ, а можетъ быть, и хуже.

Какъ ни странно, какъ ни нелѣпо кажется все это, но тѣмъ не менѣе должно же быть, однако, хоть какое-нибудь разумное основаніе, хоть какой-нибудь поводъ, на которомъ держится вся эта фантасмагорія. Основаніе есть дѣйствительно, есть даже своего рода разсчетъ. Какимъ образомъ люди привыкаютъ надѣяться и вѣрить своимъ надеждамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Весной, въ началѣ каждаго года всѣ занимающіеся земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, всѣ до одного, даже бабы, старики и старухи всѣ необходимо интересуются вопросомъ: какое будетъ лѣто—сухое или мокрое и каждый объ этомъ думаетъ. Но какъ рѣшить этого заранѣе они не могутъ, то и думаютъ различно: одни, то-есть одна половина всѣхъ земледѣльцевъ, на основаніи разныхъ тамъ своихъ соображеній и примѣтъ думаетъ—сухое; а другая половина, тоже на основаніи чего-нибудь думаетъ—мокрое. А такъ-какъ лѣто необходимо должно быть или сухое, или мокрое, то понятно, что надежда одной стороны необходимо должна осуществиться. Наступаетъ, положимъ, сухое лѣто; вотъ та сторона, которая думала, что лѣто будетъ сухое и думаетъ: наша правда вышла. И каждый начинаетъ думать про себя: что вотъ *моя* надежда меня не обманываетъ; стало быть *мои* примѣты, *мои* предчувствія—надежны. И вслѣдствіе этого каждый думающій такимъ образомъ пріобрѣтаетъ особаго рода увѣренность, которая поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ немъ вѣру въ самого себя, вѣру въ то, что онъ носитъ въ самомъ себѣ какой-то *вѣщунъ*, который его не обманываетъ.

Потребность имѣть внутреннюю точку опоры до такой степени сильна, что онъ забываетъ въ это время, какъ этотъ самый вѣщунъ тысячу разъ его обманывалъ прежде. Все это ему прощается за то только, что онъ хоть одинъ разъ не обманулъ и доставилъ человѣку то внутреннее довольство, ту увѣренность въ самомъ себѣ, которою онъ дорожитъ больше всего. Не забудьте притомъ, что эта увѣренность не ограничивается предсказаніемъ погоды; она незамѣтно, но необходимо должна отражаться на всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка; она производитъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на расположеніе духа, на энергію труда; однимъ словомъ, ею проникается весь человѣкъ.

Всякія другія надежды имѣютъ такое же основаніе и всѣ онѣ находятся почти въ такой же зависимости отъ случая. Такимъ образомъ видно, что способность, извѣстная подъ именемъ надежды, несмотря на свою кажущуюся нелѣпость, все-таки имѣетъ смыслъ и даже можетъ быть объяснена на основаніи теоріи вѣроятностей; а слѣдовательно, и поступки, въ свою очередь основанные на надеждѣ, основываются на большей или меньшей вѣроятности успѣха: то-есть чѣмъ больше я вижу вѣроятностей, что такое-то дѣло удастся, тѣмъ больше я пріобрѣтаю права надѣяться. Поэтому и самая надежда можетъ быть трехъ родовъ: совершенно неосновательная, болѣе или менѣе основательная и, наконецъ, вполнѣ основательная. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она даже ужъ перестаетъ быть надеждою и становится увѣренностью.

На этой теоріи основаны всѣ азартныя игры, на этой же самой теоріи постоянно вертятся всѣ наши соображенія, смѣты и предпріятія. Какъ ни рискована каждая жизнь, основанная на такомъ разсчетѣ, все-таки она была бы еще довольно вѣрно обезпечена, еслибы всегда можно было разсчитывать; но въ томъ-то и бѣда, что самый разсчетъ становится очень ненадежнымъ, благодаря тому, что во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни мы необходимо должны имѣть въ виду безчисленное множество всякаго рода случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни предугадать нельзя. Понятно, что тамъ, гдѣ этихъ сучайностей мало, или тамъ, гдѣ количество и качество ихъ хотя приблизительно можно опредѣлить заранѣе, тамъ и разсчетъ становится болѣе надежнымъ, люди пріобрѣтаютъ больше увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ, тамъ слѣдовательно и жизнь болѣе обезпечена. Но тамъ, гдѣ я не имѣю никакой возможности сколько нибудь основательно сообразить— какія случайности ожидаютъ меня и сколько ихъ хотя приблизительно, тамъ, конечно, разсчетъ невозможенъ и жизнь превращается въ рулетку. Если хотите, можно, пожалуй, и на случайности класть извѣстный процентъ, но это уже будетъ самый печальный разсчетъ, который почти равняется лотерейному. Милліонъ случайностей на одну вѣроятность—это все равно, что ничего. Человѣкъ, который приставилъ себѣ ко лбу заряженный пистолетъ и спускаетъ курокъ, тоже имѣетъ полное право разсчитывать на одну случайность—на осѣчку. Поэтому людямъ, не желающимъ пользоваться такимъ правомъ, остается выбирать одно изъ двухъ: или объявить вѣчную и непримиримую войну всякаго рода случайностямъ и стараться покорить ихъ своей волѣ, или же бросить всякіе счеты и разсчеты, махнуть на все рукой и жить очертя голову.

Наша общественная жизнь не пошла ни по тому, ни по другому пути; какъ и всякая мѣщанская жизнь вообще, она довольно ловко съумѣла вывернуться изъ затрудненія и пошла по третьему, по тому самому, который равно далеко какъ отъ той, такъ и отъ другой крайности и извѣстемъ подъ скромнымъ и въ то же время очень двусмысленнымъ названіемъ «практическаго», но по которому въ сущности очень удобно можно пройти и къ нашимъ и къ вашимъ. Эту скромную тропинку проложила она себѣ сама, протоптала ее собственными козловыми башмаками, окопала канавками, посыпала песочкомъ. Какъ и всякая вообще средняя величина, эта жизнь не заключаетъ въ себѣ ничего своеобразнаго; главное отличительное ея свойство состоитъ въ томъ, что въ ней довольно удачно смѣшиваются элементы обѣихъ крайностей, изъ которыхъ она составлена: разсчетъ и легкомысліе; но въ результатѣ никогда не получается ни того, ни другого въ чистомъ видѣ, а непремѣнно—третье, то-есть или легкомысленный разсчетъ, или разсчетливое легкомысліе. Это какъ кому угодно, смотря по тому, чего больше подмѣшаете. Но какъ то, такъ и другое одинаково пошло. Пошлость—девизъ этой жизни, написанный на ея знамени.

Жить среди такой обстановки было бы, собственно говоря, невыносимо, еслибы опять-таки не случайности разнаго рода, по милости которыхъ хоть на время нарушается мертвое однообразіе и скука, царствующія въ ней. Случайности эти, кромѣ того, производятъ еще другое, чисто-благодѣтельное дѣйствіе: онѣ всякій разъ непремѣнно обнаруживаютъ какія-нибудь тщательно замазанныя дыры, которыя въ обыкновенное время незамѣтны. Всякій разъ въ подобномъ случаѣ разыгрывается болѣе или менѣе крупный скандалъ, люди начинаютъ копошиться и дыру стараются заткнуть покрѣпче. Отъ этихъ затычекъ, граждане все-таки получаютъ нѣкоторую пользу; по крайней-мѣрѣ всѣмъ становится извѣстно, что вотъ-де на этомъ самомъ мѣстѣ была дыра, а нынѣ ее заткнули. Но за го въ такія минуты, тѣмъ болѣе, если сюрпризы посылаются въ изобиліи, именно въ такія минуты становятся особенно ощутительными непріятныя свойста барочнаго лѣса, изъ котораго сколочена эта жизнь: тутъ только оцѣниваются вполнѣ, на сколько прочны ея грошовыя удобства и въ какой мѣрѣ основательны ея разсчеты. Къ числу такихъ сюрпризовъ относятся, между прочимъ, голодъ, пожары, наводненія, повальныя болѣзни и другія общественныя бѣдствія.

Такъ-называемый «практическій» пріемъ, основанный на житейской мудрости, имѣетъ то отличительное качество, что почти всѣ мѣропріятія, изобрѣтаемыя имъ, всегда бываютъ несвоевременны. Защитники этого пріема обыкновенно напираютъ на то, что практическія мѣры вызываются насущными потребностями, и даже этимъ гордятся. Но я нахожу, что гордиться тутъ рѣшительно нечѣмъ. Замѣтьте: если практическая мѣра вызвана уже существующею потребностью, то не значитъ ли это, что мѣра является *послѣ* того, какъ потребность уже развилась и уже существуетъ. Не значитъ ли это, что мѣра обыкновенно запаздываетъ и является только по вызову, такъ-сказать, по принужденію? Впрочемъ, иначе оно и быть не можетъ. Въ основаніи практическаго пріема лежитъ одно чувство—осязаніе; изъ показаній этого чувства дѣлаются простѣйшіе выводы и затѣмъ уже принимаются мѣры: такъ напримѣръ, чувствую я, что мнѣ холодно, стало быть надо одѣться—я одѣваюсь; чувствствую я, что мнѣ жарко, надо раздѣться— я раздѣваюсь; проголодался—надо ѣсть, надо пищу искать и т. д Понятно, что принявъ главнымъ образомъ за руководство такое недальновидное чувство, практическій пріемъ не долженъ претендовать на дальновидность, что̀ вполнѣ и подтверждается на опытѣ.

Что̀ такое собственно голодъ? Что̀ означаетъ это вліяніе?

Земледѣльческій классъ, какъ извѣстно, есть фундаментъ всякаго общественнаго строя; отъ прочности этого фундамента зависитъ, разумѣется, и прочность всего зданія. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что первѣйшею и священнѣйшею обязанностію всякаго общества должны быть неусыпныя заботы о томъ, чтобы земледѣльческій классъ былъ по возможности обезпеченъ отъ всякаго рода случайностей. Но если въ средѣ этого класса вдругъ и притомъ совершенно неожиданно оказывается недостатокъ въ такомъ предметѣ, который самъ по себѣ уже составляетъ самую существенную, самую насущную изъ всѣхъ насущныхъ потребностей и которая по настоящему должна быть во что бы бы то ни стало обезнечена заранѣе на много лѣтъ впередъ, такъ, чтобы объ ней и думать не надо было,—не значитъ ли это, что общество, считающее себя богатымъ и тыкающее всѣмъ въ глаза своею практичностью, въ концѣ-концовъ оказывается ничуть не дальновиднѣе улитки, которая тоже умѣетъ найти себѣ пищу, когда почувствуетъ голодъ; а богатство его только призракъ, за которымъ стоитъ нищета.

Теперь попробуемъ перейти прямо къ существующей дѣйствительности и посмотримъ, насколько она способна оправдывать возлагаемыя на нее надежды.

Самый крупный фактъ, стоящій на рубежѣ между старымъ и новымъ годомъ, фактъ первой важности, по моему—голодъ. Первые признаки этого народнаго бѣдствія стали замѣчаться, какъ и всегда, съ наступленіемъ холодовъ; а въ настоящее время уже совершенно достовѣрно стало извѣстно, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ и сколько именно душъ питается древесною корою, гдѣ ѣдятъ солому, и въ какой именно пропорціи къ этимъ строительнымъ матеріаламъ слѣдуетъ подмѣшивать муки для того, чтобы сдѣлать ихъ годными въ пищу человѣку. Въ Петербургѣ профессоры химіи производятъ опыты надъ приготовленіемъ искусственнаго хлѣба, собираются комитеты, даже сторонніе посѣтители приглашаются попробовать хлѣбъ, изготовленный изъ отрубей съ исландскимъ мохомъ; кромѣ того, газеты съ своей стороны взываютъ о помощи для голодающихъ, составляются подписки, разыгрываются лотереи и т. д.; однимъ словомъ, замѣчаются большія усилія заткнуть дыру. И все это было бы очень прекрасно, еслибы сквозь всю эту суету благотворительности не бросалась особенно непріятно въ глаза эта запоздалая поспѣшность и кокетливое желаніе поскорѣе подать помощь погибающимъ. Въ то же время чувствуется, что ни въ этихъ подвигахъ, ни въ этой бѣготнѣ, собственно говоря, не было бы ни малѣйшей надобности, еслибы сами благотворители хоть сколько-нибудь были способны къ серьёзной борьбѣ со случайностями, среди которыхъ они живутъ и умираютъ. Эта неспособность проглядываетъ довольно ясно даже и въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыми надѣются, если не удовлетворить, то по крайней мѣрѣ заглушить назойливую потребность, такъ нагло предъявившую свои права.

Главную роль среди этихъ мѣропріятій играютъ въ настоящую минуту, какъ и прежде, какъ и всегда, подачки, извѣстныя подъ названіемъ «добровольныхъ приношеній», и лотереи. Относительно послѣдней надо замѣтить, что это такого рода штука, на которую довольно легко ловятся люди, лишенные внутренней точки опоры и привыкшіе всю жизнь разсчитывать на то, что̀ по самой природѣ вещей не поддается никакому разсчету, то-есть на счастье, на предчувствіе, на случай и т. д. Стало быть, съ этой стороны учредители лотереи могутъ быть вполнѣ благонадежны, потому что въ обществѣ во всякое время найдется достаточное число жадныхъ и недалекихъ людей, готовыхъ всегда польститься на возможность, ни за что̀, ни про что̀ получить значительную сумму денегъ. Да и притомъ не было еще примѣра, чтобы лотерейные билеты не разбирались, сколько бы ихъ ни было, и какая бы ни была лотерея. Что же касается добровольныхъ приношеній, то это не такъ легко устраивается. Въ лотереѣ двигателемъ служитъ жадность и легкомысліе, и возбудить эти чувства, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно, нетрудно; но для того, чтобы побудить человѣка на жертву, за которую возмездія не предвидится, нужно нѣкоторое искусство; тутъ уже требуется умѣнье расшевелить въ немъ чувство состраданія, растрогать, разжалобить ужасающими картинами голода; или, наконецъ, смотря по надобности, задѣть самолюбіе, польстить... а для этого необходимо быть даже до нѣкоторой степени артистомъ.

И такія-то средства извѣстны подъ громкимъ именемъ «практическихъ мѣръ, вызываемыхъ насущною потребностью!» И еще есть люди, которые все это шарлатанство имѣютъ дерзость называть «святымъ дѣломъ»! Послѣ этого, если я выпрошу у кого нибудь лоскутъ сукна и сдѣлаю изъ него на штаны заплату, то я могу и это назвать святымъ дѣломъ. И подобныя штуки происходятъ въ странѣ, которая сама себя называетъ «земледѣльческою по преимуществу», и которая, можно сказать, только и дышетъ по милости земледѣлія!

Этого одного факта (крупнѣе котораго, впрочемъ, и трудно найти), кажется, вполнѣ достаточно, чтобы показать, на сколько вѣренъ и основателенъ разсчетъ, въ силу котораго сложились наши общественныя отношенія, и какую роль играетъ въ немъ случайность.

У петербургскихъ жителей, да, впрочемъ, и не у однихъ петербургскихъ, давно уже завелась привычка жаловаться и конючить, что жизнь съ каждымъ днемъ становится дороже, что ни у кого нѣтъ денегъ (куда это деньги дѣвались!), что жить нельзя и проч. Я говорю—«привычка», потому что собственно въ этихъ жалобахъ ничего нѣтъ, кромѣ застарѣлаго недовольства и неумѣнья самому себѣ помочь. На всѣ эти причитанья о безденежьѣ ничего лучшаго не остается отвѣчать, какъ только: поищите; можетъ, и найдете. Притомъ же это вовсе не такъ трудно въ настоящее время, когда почти въ каждомъ домѣ есть вывѣска «друга человѣчества». Многіе, вѣроятно, примутъ это за насмѣшку, но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что эмансипація денежнаго роста—явленіе вполнѣ нормальное въ текущемъ положеніи дѣлъ и вызвано насущною потребностью. Для того, чтобы это понять, нужно только вникнуть въ сущность причитаній. На что̀ жалуются люди?

Недостатокъ денегъ есть только слѣдствіе, внутренній же смыслъ жалобы таковъ: вотъ наступило время, когда самыя повидимому, основательныя надежды перестаютъ осуществляться, самыя прочныя предпріятія лопаются, самыя солидныя фирмы разоряются; чего же ждать, на что̀ надѣяться, за что схватиться? Въ такомъ видѣ жалоба, въ самомъ дѣлѣ, получаетъ смыслъ и стоитъ того, чтобы на нее отвѣчать. Время, переживаемое обществомъ, дѣйствительно критическое: прежнія точки опоры перемѣщаются или даже уничтожаются вовсе; люди, стоявшіе еще недавно на трехъ сваяхъ, вдругъ очутились между небомъ и землею и, по непривычкѣ къ воздухоплаванію, конечно, растерялись; по случаю перестройки зданія многіе остались безъ квартиры и должны выйдти на улицу. При такомъ порядкѣ вещей безденежье и банкротство—дѣло самое натуральное, но жидовскіе проценты въ это время тоже самое натуральное дѣло. Въ такое время всегда найдутся люди, умѣющіе извлекать свои выгоды изъ затрудненій, въ которыхъ находится общество. Разоряющійся самъ долженъ знать заранѣе свою участь и долженъ приготовиться, ибо сказано: «гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы». Но такъ-какъ орлы слишкомъ торопятся, а человѣкъ не любитъ, чтобы его заживо клевали, поэтому онъ и жалуется.

До какой степени нормаленъ для настоящей минуты ростовщическій промыселъ, видно изъ того, что онъ сдѣлался почти исключительно и единственно надежнымъ дѣломъ въ послѣднее время. Люди, сколько-нибудь привыкшіе разсчитывать и соображаться съ обстоятельствами, теперь или совсѣмъ бросаютъ дѣла и пережидаютъ (кто можетъ), или же непремѣнно, такъ или иначе, прямо или косвенно участвуютъ въ охранительномъ союзѣ, составленномъ изъ ростовщиковъ столицы, и благодаря которому экономическій порядокъ еще сколько-нибудь возможенъ. Впрочемъ, въ короткое время этотъ охранительный союзъ разроссся до такой степени и принялъ уже такіе угрожающіе размѣры, что даже вызвалъ противъ себя оппозицію въ образѣ большого соединеннаго общества для выдачи ссудъ подъ залогъ движимостей, съ капиталомъ въ милліонъ рублей—другіе говорятъ, въ 8 милліоновъ.

Какъ бы то ни было, однако это все-таки показываетъ, что близокъ день, когда Петербургъ, проснувшись въ одно утро, узнаетъ, что онъ весь заложенъ по частямъ. Во избѣжаніе такой катастрофы и принимаются мѣры общественной безопасности. Но при этомъ не надо забывать слѣдующій необыкновенно интересный фактъ, а именно, что самыя мѣры къ нашему спасенію принимаютъ ростовщики же, только новые, болѣе разсчетливые ростовщики, и стало быть не такіе алчные, какъ старые, которые насъ охраняютъ въ настоящую минуту.

Такой порядокъ вещей, разумѣется, долго продолжаться не можетъ. И это очень естественно: долго оставаться въ такомъ положеніи нельзя, такъ или этакъ необходимо изъ него выйти. Каждый, конечно, старается изъ всякаго непріятнаго положенія выйти по возможности сухимъ и притомъ на сухое мѣсто. Но какъ это сдѣлать и гдѣ это сухое мѣсто, на которое можно выйти съ увѣренностію впередъ не замочиться? Кто это скажетъ?

Сказать, разумѣется, никто не скажетъ; притомъ же дѣло тутъ совсѣмъ и не въ этомъ. Говорено было столько, что кажется ужъ и говорить больше нечего; но поученія, какъ извѣстно, никогда на насъ очень не дѣйствовали, а съ тѣхъ поръ, какъ мы заразились практичностью, вызываемой насущными потребностями, такъ и вовсе перестали дѣйствовать. Подражательность считается отличительною чертою русскаго характера и примѣръ, говорятъ, иногда дѣйствовалъ довольно удачно. Въ настоящее время, къ несчастью, нѣтъ такого примѣра, который могъ бы намъ быть полезенъ, нѣтъ такого образцоваго общества, на которое бы можно было сослаться и сказать: вотъ какъ живутъ люди.

Въ населеніи здѣшней столицы огромный процентъ, какъ извѣстно, составляютъ люди, чуждые намъ по національности и религіи, люди, которые, несмотря на вѣковое пребываніе свое у насъ, все-таки совершенно соединиться съ нами и не могутъ и не желаютъ. Про нихъ можно сказать, что въ строгомъ смыслѣ они живутъ отдѣльно. Цивилизація этихъ людей можетъ быть названа, пожалуй, нашею цивилизаціею, но и потому только развѣ, что мы у нихъ частью ее заимствовали. Но до какой степени мы разошлись съ ними въ понятіяхъ, нравахъ и привычкахъ—должно быть извѣстно каждому петербургскому жителю. Кромѣ того всему свѣту извѣстно, что нѣмцы—единственные въ мірѣ люди, у которыхъ умѣренность и аккуратность составляютъ почти что религіозный догматъ, а поэтому образцомъ порядка, разсчетливости и предусмотрительности выставляютъ обыкновенно нѣмца. Но несмотря на то, что этотъ единственный въ мірѣ образецъ постоянно у насъ передъ глазами, онъ на насъ нисколько не дѣйствуетъ; мало того, прославленныя нѣмецкія качества постоянно у насъ подвергаются насмѣшкамъ. Нѣмца у насъ обыкновенно дразнятъ какими-то *пѣнками* и смѣются надъ искусствомъ нѣмца снимать пѣнки со всякой дряни. Въ этомъ остроуміи очень явно выражается рѣшительное нежеланіе слѣдовать примѣру нѣмцевъ по части умѣренности и аккуратности. Почему это такъ—рѣшить очень трудно; впрочемъ, можно допустить одно предположеніе, а именно: въ большинствѣ случаевъ при столкновеніи русскихъ съ нѣмцами, нѣмецъ почти всегда явится эксплотаторомъ русскаго. Нѣмецъ сближается съ русскимъ только по дѣлу и только въ такомъ случаѣ, когда русскій ему нуженъ; причемъ нѣмецъ все-таки не упускаетъ случая показать ему свое превосходство. И русскій дѣйствительно видитъ это, но подражать ему не можетъ, потому что это превосходство состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ именно въ умѣньи эксплоатировать. Нѣмецъ гораздо ограниченнѣе и бездарнѣе русскаго, но онъ сильнѣе его, потому что знаетъ одинъ такой разсчетъ, съ котораго никогда не сбивается и въ концѣ-концовъ всегда достигаетъ цѣли. На основаніи этого разсчета почти всѣ самыя надежныя и самыя выгодныя занятія въ Петербургѣ находятся въ рукахъ нѣмцевъ; почти всѣ аптеки, должности главныхъ докторовъ въ больницахъ, всѣ болѣе или менѣе вліятельныя мѣста заняты нѣмцами, не говоря ужъ о торговлѣ и о ремеслахъ, въ которыхъ нѣмцы постоянные хозяева. Подражать нѣмцамъ въ ихъ гражданскихъ добродѣтеляхъ русскіе не могутъ, вѣроятно, и потому еще, что самые пріемы, употребляемые нѣмцами въ этомъ случаѣ, до такой степени чужды русскому характеру, что увлекаться ими нѣтъ никакой возможности. Да еще Богъ-знаетъ, нужно ли это. Вотъ два примѣра нѣмецкой предусмотрительности.

Въ началѣ 70 годовъ, когда въ Финляндіи начался голодъ, супруга одного изъ здѣшнихъ пасторовъ обратилась къ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ съ предложеніемъ присылать ей корки и объѣдки хлѣба; собравъ пуда два этихъ кусковъ, она высушила ихъ, смолола въ порошокъ, подбавила туда муки, напекла изъ этого хлѣбовъ и послала въ Финляндію. Послѣ того она стала уже обращаться въ трактиры, въ клубы и въ разныя казенныя заведенія съ тою же просьбою и такимъ образомъ значительно расширила кругъ своей полезной дѣятельности.

Другой примѣръ еще интереснѣе. Одинъ молодой нѣмецъ, находясь въ благородной компаніи, вынулъ порт-сигаръ и досталъ изъ него сигару; затѣмъ изъ другого кармана вынулъ маленькую коробочку, отрѣзалъ у сигары головку и спряталъ ее въ коробочу. Когда его спросили, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ и на что̀ ему нужны сигарныя головки, то онъ отвѣчалъ, что одинъ пасторъ въ Г., въ одно воскресенье сказалъ проповѣдь; въ этой проповѣди онъ очень хорошо и очень много говорилъ о помощи бѣднымъ, и наконецъ посовѣтовалъ всѣмъ, кто куритъ сигары, собирать головки и приносить ему. Эти головки крошатъ, дѣлаютъ изъ этого папиросы, папиросы продаютъ и на эти деньги содержатъ въ богадѣльнѣ двухъ старушекъ-нѣмокъ.

Какъ ни похвальны цѣли, которыя имѣются въ виду въ этихъ двухъ случаяхъ, но все-таки нельзя не замѣтить, что самыя средства, которыми эти цѣли достигаются,—все-таки не болѣе, какъ сниманіе пѣнокъ. Но этимъ-то нѣмецъ и силенъ, силенъ тѣмъ, что онъ умѣетъ ихъ находить и снимать со всего, что̀ ни попадется ему подъ руки.

Для полноты характеристики нѣмецкаго образа дѣйствій, а больше для курьеза, я привожу здѣсь краткій очеркъ булочнаго дѣла въ Петербургѣ.

Всякому петербургскому жителю должно быть извѣстно, что этимъ дѣломъ, т.-е. хлѣбопеченіемъ занимаются исключительно нѣмцы. Только въ послѣднее время, и притомъ въ очень ограниченномъ числѣ, въ разныхъ концахъ города появились, такъ-называемыя, «московскія пекарни», въ которыхъ, какъ хозяева, такъ и работники—русскіе; но эти заведенія составляютъ какъ-бы особый промыслъ, имѣютъ свой кругъ покупателей и по малочисленности своей, во всякомъ случаѣ, конкурировать съ нѣмецкими булочными не могутъ. Кромѣ того, въ большей части мелочныхъ лавочекъ пекутъ ржаной, ситный и крупичатый хлѣбъ; но и это дѣло опять таки особенное. Здѣсь я намѣренъ разсказать, какъ ведется, собственно, булочное дѣло. Для большей наглядности представьте себѣ, что я хочу сдѣлаться булочникомъ. Прежде всего, разумѣется, долженъ я отправиться въ цехъ и объявить о своемъ желаніи. Если я человѣкъ германскаго или, по меньшей мѣрѣ, финскаго происхожденія, то дѣло мое уладится очень быстро: мнѣ дадутъ разрѣшеніе и даже укажутъ мѣсто, гдѣ я могу торговать, не мѣшая другимъ; но если я принадлежу къ славянской расѣ, то... я ужъ и не знаю, получу ли разрѣшеніе. Одинъ случай былъ, точно, былъ одинъ случай, что русскій завелъ булочную и, проработавъ въ ней одинъ мѣсяцъ, бросилъ, потому силъ никакихъ нѣтъ. Но какъ бы то ни было, представьте себѣ, что разрѣшеніе это я получилъ, нанялъ магазинъ, надо рабочихъ нанимать. Откуда же я ихъ возьму? Поразспросивъ свѣдущихъ людей, узнаю я, что есть въ Петербургѣ какіе-то два клуба, одинъ нѣмецкій, другой русскій, въ которыхъ булочники нанимаютъ рабочихъ. По совѣту тѣхъ же свѣдущихъ людей, отправляюсь я въ нѣмецкій клубъ, тѣмъ болѣе, что тамъ собираются рабочіе не одни только нѣмцы, но и русскіе. Прихожу. Во первыхъ, что̀ такое этотъ клубъ? Въ глухомъ, грязномъ переулкѣ, въ грязномъ, вонючемъ подвалѣ живетъ грязный и пьяный нѣмецъ, живетъ онъ въ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ одна большая, а другая маленькая коморка. Въ большой комнатѣ незамѣтно никакихъ признаковъ жилья, даже мебели никакой нѣтъ, за исключеніемъ стола и двухъ стульевъ; да еще по стѣнамъ набиты гвозди. На этихъ гвоздяхъ развѣшены какія-то тряпки; при болѣе внимательномъ осмотрѣ эти тряпки оказываются остатками какихъ-то старыхъ одѣяній: это даже не рубища, это что̀-то такое, чего надѣть и носить на себѣ невозможно; можно только догадаться, что это вотъ рукавъ, должно быть, отъ халата, это—было должно быть туфля, это—нѣчто такое, что̀ вѣроятно когда-то служило головной покрышкой. Есть, впрочемъ, и такія тряпки, по которымъ довольно ясно видно, что хотя это и не вещь, то по крайней мѣрѣ половина вещи, такъ напримѣръ: одна половина жилета, одна штанина и т. д... И на всѣхъ этихъ странныхъ предметахъ—мука; всѣ эти лохмотья имѣютъ мучнистый видъ и наполняютъ комнату кислымъ запахомъ дрожжей. Въ комнатѣ холодно, сыро, полъ загаженъ и затоптанъ, какъ въ кабакѣ. Тутъ же рядомъ, въ коморкѣ, наполненной какимъ-то вонючимъ хламомъ, живетъ самъ нѣмецъ. Вотъ это клубъ-то и есть. Прихожу я въ клубъ, выходитъ ко мнѣ нѣмецъ, въ туфляхъ и халатѣ, съ трубкой въ зубахъ. Что̀ вамъ нужно?—Я объясняю, что такъ и такъ, желаю нанять рабочихъ.

— Посылайте за пивомъ!—Много ли надо на пиво? спрашиваю я.—Но рубль, но два; два довольно.—Отдаю два рубля, приносятъ бутылку пива и два стакана.—Прошу васъ!—За пивомъ я объясняю нѣмцу, что вотъ молъ получилъ я разрѣшеніе.—Ага!—Хочу булочную заводить и магазинъ ужъ нанялъ, теперь вотъ нужно бы мнѣ мастеровъ.—Ага!—Такъ вотъ молъ, нѣтъ ли у васъ, получше на примѣтѣ?—Какъ же, какъ же.—И нѣмецъ обводитъ глазами стѣны, на которыхъ развѣшены лохмотья и считаетъ: ейнъ, цвей, дрей... Много ли вамъ нужно?—Я говорю, что вотъ трехъ, четырехъ, на первый разъ, довольно, мнѣ кажется. Это можно.—Когда же я могу ихъ получить?—А вы не безпокойтесь, я вамъ пришлю.

На другой день, дѣйствительно, являются рабочіе. Впослѣдствіи я узнаю, что клубъ и пьяный нѣмецъ, который называется старшиной этого клуба, содержатся на счетъ булочнаго цеха, съ цѣлью доставить булочникамъ легчайшій способъ пріобрѣтать рабочихъ или «мастеровъ» какъ они сами себя называютъ. Съ этою цѣлью развѣшиваются въ клубѣ на гвоздяхъ лохмотья, по которымъ старшина, какъ по книгѣ, съ разу можетъ смекнуть, сколько у него кандидатовъ. Самихъ же мастеровъ въ клубѣ никогда не бываетъ, потому, во первыхъ, что тамъ совсѣмъ нечего было дѣлать, а во вторыхъ, и жить тамъ, собственно говоря, нельзя; въ крайнемъ случаѣ можно только ночевать. По этой причинѣ, а главнымъ образомъ, по отсутствію всякой теплой одежды, лишившіеся мѣста мастера, большею частью, или пребываютъ въ кабакахъ, или слоняются неизвѣстно гдѣ, и только раза два въ день забѣгаютъ въ клубъ освѣдомиться, не открылось ли гдѣ мѣсто. А мѣста открываются, можно сказать, *ежеминутно*. Какъ ни странно кажется это послѣднее обстоятельство, однако оно вытекаетъ прямо изъ булочныхъ нравовъ и служитъ необходимымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ находится булочный мастеръ.

Надо замѣтить, что въ ремесленномъ мірѣ на практикѣ выработалось такого рода правило, что работники или мастера, работающіе у хозяина на дому, подолгу не живутъ никогда, и изъ этого правила исключенія бываютъ необыкновенно рѣдко, а если и бываютъ, то объясняются какими нибудь особенными причинами; масса же рабочихъ всякаго рода, въ общей сложности, представляетъ собою картину безпрерывно волнующагося моря, омывающаго бурными волнами своими несокрушимыя скалы. На этихъ скалахъ, подобно полипамъ, приросшимъ однимъ концомъ своимъ къ камню, сидятъ хозяева и длинными усиками захватываютъ добычу, которую несетъ мимо нихъ это вѣчно бушующее море. Вся жизнь мастерового проходитъ въ постоянномъ шатаніи съ одного мѣста на другое, въ постоянномъ исканіи какого-то хорошаго мѣста, котораго, разумѣется, онъ никогда не находитъ. Вѣчно недовольный, онъ все стремится куда-то и все надѣется найти гдѣ-то этого хорошаго хозяина, у котораго хорошо жить мастерамъ, только чортъ его знаетъ, гдѣ онъ живетъ. И такимъ образомъ незамѣтно доживаетъ до старости, и тутъ только, наконецъ, начинаетъ догадываться, что собственно искать больше нечего, что самъ онъ никуда ужъ не годится и что жизнь прожита ни за грошъ. Какъ ни печально положеніе рабочаго вообще, но положеніе булочнаго мастера несравненно хуже. Причина этого лежитъ въ самомъ ремеслѣ и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, свойственныхъ булочному дѣлу. Петербургскій булочный мастеръ, прежде всего, нищій, даже хуже и бѣднѣе всякаго нищаго: у него нѣтъ своего угла, одежда его состоитъ изъ пестрядиноваго халата, на головѣ у него бумажный колпакъ и на босыхъ ногахъ туфли; кромѣ того онъ постоянно пьянъ, постоянно въ долгу у хозяина, и несмотря на это, такъ-сказать, ежеминутно перебѣгаетъ отъ хозяина въ клубъ, а изъ клуба сейчасъ же опять къ другому хозяину. Безъ хозяина онъ двухъ дней прожить не можетъ: дѣваться ему больше некуда; съ дѣтства привыкнувъ къ булочному дѣлу, больше ни на что̀ онъ не способенъ, ремесла никакого не знаетъ, платья нѣтъ, такъ что поневолѣ приходится идти опять къ хозяину. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ, проводитъ всю жизнь въ бѣготнѣ. Да и сами хозяева, повидимому, совершенно привыкли къ явленіямъ такого рода, напримѣръ: просыпается утромъ хозяинъ и вдругъ узнаетъ, что за ночь всѣ мастера сбѣжали и тутъ же замѣчаетъ, что изъ квашни похищено тѣсто, кромѣ того, сахаръ, изюмъ, миндаль и все это пропито въ ближайшемъ кабакѣ. Въ подобную критическую минуту опытный хозяинъ не теряетъ головы и ни мало не медля скачетъ въ клубъ, гдѣ большею частью и находитъ своихъ мастеровъ, въ томъ случаѣ, разумѣется, если они не успѣли въ ту же ночь попасть или къ другому хозяину, или въ часть. Что же касается необходимыхъ формальностей по части паспортной системы, то этимъ хозяева не очень стѣсняются, такъ-какъ въ подобныхъ экстренныхъ случаяхъ нужно прежде всего заботиться о томъ, чтобы, во что̀ бы то ни стало, достать сію же минуту какихъ бы то ни было мастеровъ. Жалоба полиціи о пропажѣ и розыскѣ похитителей, во избѣжаніе проволочекъ, обыкновенно откладывается на будущее время, а теперь, прежде всего, нужно, какъ можно скорѣе, выкупить изъ кабака тѣсто и прочіе пропитые матеріалы и, не теряя ни одной минуты, приступить къ печенью. Такой образъ дѣйствій, какъ со стороны мастеровъ, такъ и со стороны хозяевъ, составляетъ самое обыкновенное явленіе въ булочномъ быту и служитъ, опять таки, необходимымъ слѣдствіемъ существующаго въ этомъ дѣлѣ порядка. Ночныя катастрофы съ побѣгомъ рабочихъ и похищеніемъ матеріаловъ повторяются безпрестанно, и только очень немногіе, да и то самые безтолковые хозяева, рѣшаютъ приносить на это жалобы и давать оффиціальный ходъ своему дѣлу. Къ такому великодушію побуждаетъ ихъ разсчетъ. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы вышло, если бы ограбленный хозяинъ, вмѣсто того, чтобы принять экстренныя мѣры, внушаемыя благоразуміемъ, вздумалъ повести дѣло законнымъ порядкомъ. Во первыхъ, онъ понесъ бы страшные убытки уже потому только, что на однѣ сутки лишился бы покупателей. Покупка хлѣба, какъ извѣстно, производится въ опредѣленные часы: утромъ, передъ обѣдомъ и къ вечеру; въ продолженіе цѣлаго дня отказывать покупателямъ—это значитъ лишиться ихъ навсегда; постоянный покупатель, три раза съ ряду не получившій хлѣба, идетъ въ другую булочную, тѣмъ болѣе, что ихъ безчисленное множество; поэтому покупатель никогда булочникомъ не дорожитъ, напротивъ, булочникъ долженъ дорожить покупателемъ. Но если булочникъ самъ этого не понимаетъ и вмѣсто того, чтобы покориться своей участи и принести небольшую жертву, для спасенія своего состоянія, погонится за правосудіемъ и вздумаетъ отстаивать свои хозяйскія права, то конечнымъ слѣдствіемъ этого будетъ разореніе... Большинство хозяевъ это понимаетъ, а поэтому находитъ совершенно лишнимъ прибѣгать къ защитѣ законной власти, для охраненія своихъ имущественныхъ правъ, и въ виду угрожающей опасности, полагается исключительно на свою собственную находчивость и расторопность.

Для того, чтобы читатель могъ лучше понять сущность такихъ странныхъ отношеній между хозяиномъ-булочникомъ и его мастерами, необходимо ввести его, т.-е. читателя, въ

*

самую мастерскую, гдѣ приготовляются и пекутся всякаго рода хлѣбныя издѣлія, и ознакомить его съ тамошними нравами.

Помѣщеніе для булочнаго заведенія, какъ извѣстно, почти всегда бываетъ неважное; нѣмецъ-булочникъ, желающій открыть булочную, всегда бываетъ человѣкъ небогатый: подыскавъ себѣ приличную супругу и получивъ за ней рублей 300 приданаго, нанимаетъ онъ на эти деньги магазинъ съ квартирой и пекарней, и принимается работать. Лучшія комнаты онъ занимаетъ самъ, а для мастеровъ остается пекарня, въ которой они и помѣщаются, какъ знаютъ. Пекарня обыкновенно бываетъ небольшая, грязная комната съ однимъ окномъ, выходящимъ куда-нибудь на помойную яму; большую часть этой комнаты занимаетъ печь, тутъ же помѣщаются большіе ящики, въ которыхъ растворяютъ и мѣсятъ тѣсто; тутъ же кули съ мукой, кадки съ водой, дрова; тутъ же стоятъ столы, на которыхъ дѣлаются булки; кромѣ того, подъ потолкомъ устроены палати, на которыхъ провяливаютъ разложенныя на доскахъ, еще неиспеченныя булки. При такихъ небольшихъ квартирахъ, какія отдаются подъ булочныя заведенія, отдѣльныхъ кладовыхъ и погребовъ не полагается; поэтому и всѣ запасы, заготовляемые булочникомъ, находятся тутъ же въ пекарнѣ, стало быть мастерамъ поневолѣ приходится спать гдѣ попало. Постелей у нихъ, разумѣется, никакихъ нѣтъ, они и валяются на полу, на мѣшкахъ, или на столахъ; тѣмъ болѣе, что спать имъ приходится мало, да и то большею частью не во время. И притомъ извѣстно, что народъ они бездомный, хозяинъ и разсуждаетъ совершенно основательно, что для нихъ особаго помѣщенія вовсе не нужно, и сами они до такой степени втянулись въ этотъ собачій образъ жизни, что имъ вѣроятно и въ голову не приходитъ, что человѣку нуженъ уголъ и постель. У послѣдняго нищаго, даже у каторжника—есть хоть какая нибудь доска, на которой онъ спитъ, есть хоть какое нибудь собственное полѣно, которое онъ подкладываетъ себѣ подъ голову; у булочнаго мастера—ничего подобнаго нѣтъ, и весь вѣкъ свой валяется онъ по полу какъ песъ, или ежится на хозяйскихъ мучныхъ мѣшкахъ, съ которыхъ его каждую минуту могутъ согнать и заставить изъ этой же муки мѣсить тѣсто.

Кромѣ тѣсноты, пекарня обладаетъ еще другимъ отличительнымъ свойствомъ—неопрятностью, которая, при прославленной аккуратности нѣмца, кажется совсѣмъ невѣроятной;

тѣмъ не менѣе грязь и неряшество, царствующія въ нѣмецкихъ пекарняхъ, доходятъ до такихъ размѣровъ, что объ этомъ стоитъ поговорить подробнѣе. Свѣдующіе люди утверждаютъ что будто бы соблюденіе чистоты и опрятности въ булочномъ дѣлѣ положительно невозможно. И дѣйствительно, хлѣбопеченіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно производится до сихъ поръ даже въ Петербургѣ, повидимому, рѣшительно несовмѣстимо съ опрятностью. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно сходить ночью часа въ два въ любую пекарню: тамъ представятся такого рода картины.

Темно; мальчишки ученики затопляютъ печь; въ квашняхъ бродитъ и подымается тѣсто; красноватый свѣтъ изъ затопленной печи освѣщаетъ спящихъ въ разныхъ позахъ мастеровъ; одинъ спитъ на столѣ, подложивъ себѣ подъ голову полѣно и прикрывшись холстиной, на которой мѣсятъ булки; другой, подостлавъ подъ себя такую же холстину и прикрывшись халатомъ, скрючившись спитъ на полу. Мальчишки растопили печь, принимаются будить мастеровъ, но это оказывается дѣломъ нелегкимъ по той причинѣ, что мастера намучились еще съ вечера, спать легли пьяные и теперь ихъ нескоро добудишься; они мычатъ, брыкаются, изрыгаютъ всевозможныя русскія и нѣмецкія сквернословія, вскакиваютъ, какъ полоумные, и посмотрѣвъ безсмысленными глазами вокругъ, снова падаютъ и засыпаютъ. Мальчишки однако не отстаютъ. Наконецъ мастера очнулись: опять подымается ругань на двухъ діалектахъ, раздаются хриплые голоса, простудный кашель, и мальчишки за излишнее усердіе награждаются тузами. Начинается работа. Но прежде, нежели мастеръ возьмется за дѣло, ему непремѣнно нужно сбѣгать въ кабакъ, потому что безъ водки ни одинъ мастеръ работать не можетъ; притомъ же онъ почти всегда бываетъ съ похмѣлья; поэтому, приступая къ работѣ, ему необходимо привести себя въ нормальное состояніе, необходимо поправиться. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ трудно знать настоящую мѣру, то большею частью эта поправка кончается тѣмъ, что мастеръ только-только можетъ стоять на ногахъ. Этого собственно ему и нужно: тогда онъ снова получаетъ способность работать. Состояніе, въ которомъ онъ въ это время находится,—состояніе, совершенно особаго рода, испытывать которое можетъ только рабочій человѣкъ, привыкшій медленно, но постоянно разрушать свое здоровье на какой нибудь каторжной работѣ. Это состояніе нельзя назвать безчувственнымъ: вы видите, что человѣкъ стоитъ какъ будто твердо, и повидимому сознательно что̀-то дѣлаетъ: валяетъ булки, беретъ въ руки кусокъ тѣста, создаетъ изъ него розанъ и откидываетъ въ сторону; и производитъ это довольно ловко, такъ что глядя на него и въ самомъ дѣлѣ кажется, что человѣкъ дѣлаетъ все это съ полнымъ сознаніемъ. Но представьте себѣ, что если у этого человѣка взять изъ-подъ рукъ тѣсто, то онъ будетъ еще цѣлый часъ выдѣлывать руками тѣ же самыя движенія, будетъ хватать руками воздухъ, будетъ его валять, дѣлать розаны и откидывать ихъ въ сторону; если его спросить: сколько тебѣ лѣтъ, или какъ тебя зовутъ, то онъ не въ состояніи отвѣтить ни одного слова; а если его толкнуть, онъ упадетъ и проснется. Это состояніе ближе всего подходитъ къ лунатизму, и въ такомъ то состояніи только и можетъ работать булочный мастеръ. Не дать ему водки—это значитъ лишить его возможности работать, и притомъ онъ сейчасъ же заболѣетъ или убѣжитъ. Опытный хозяинъ понимаетъ это отлично, а потому смотритъ на пьянство своихъ работниковъ, какъ на самое обыкновенное дѣло; что же касается хозяйскихъ женъ, то онѣ этого никакъ понять не могутъ; по мнѣнію хозяйки-нѣмки, пьянство и непокорность хозяйской власти—это одно и то же; а такъ-какъ хозяйка-нѣмка больше всего въ мірѣ дорожитъ хозяйской властью, то понятно, что у ней съ мастерами ежедневно разыгрываются сраженія, во время которыхъ раздаются неистовые вопли и ругательства, летаютъ скалки, и булки шлепаются объ полъ. А вотъ если эту нѣмку привести въ пекарню и показать ей, что̀ тамъ дѣлается, такъ это она пойметъ и скажетъ сейчасъ, что иначе никакъ невозможно. Вотъ что̀ тамъ дѣлается: сбѣгавъ въ кабакъ и освѣжившись, мастера принимаются мѣсить тѣсто; эта операція производится иногда весломъ, но такъ-какъ этимъ способомъ мѣсить труднѣе, то мѣсятъ обыкновенно руками. Невыспавшійся, пьяный и немытый мастеръ, засучивъ рукава, запускаетъ руки по локоть въ тѣсто и дѣлаетъ это до послѣдней крайности неряшливо; въ то же время кашляетъ, сморкается и куритъ трубку; другіе въ это время ходятъ, таскаютъ воду, проливаютъ ее на полъ, просыпаютъ муку и растоптываютъ этотъ клейстеръ ногами; на столахъ разстилаются холсты, на которые кладутъ уже совсѣмъ готовое тѣсто и дѣлаютъ изъ него булки. Этотъ процессъ совершается слѣдующимъ образомъ: у стола ставится небольшая кадушка съ водой; мастеръ безпрестанно опускаетъ въ нее руки и мокрыми руками работаетъ булки. Этими же руками онъ дѣлаетъ и все, что̀ придется: дрова подкладываетъ въ печку, вытираетъ носъ; почесывается и т. д., въ то же время выбѣгаетъ на дворъ и хватается за что̀ ни попало. Руки у него, смотря по надобности, или въ тѣстѣ, или въ мукѣ; мыть и вытирать ихъ ему и въ голову не приходитъ: во-первыхъ, онъ не понимаетъ, зачѣмъ это нужно, а во вторыхъ, у него подъ руками, кромѣ фартука, залѣпленнаго тѣстомъ, и нѣтъ ничего такого, чѣмъ можно было бы вытирать руки. Притомъ же, опрятность въ пекарнѣ дѣло до такой степени неудобоисполнимое, что мало-мальски чистоплотному человѣку пришлось бы только и дѣлать, что ежеминутно мыться да вытираться. Кромѣ того, во время производства булокъ употребляются такіе предметы, которые по самому назначенію своему неминуемо должны быть неопрятны; такъ, напримѣръ, холсты, разстилаемые на столѣ, на которыхъ дѣлаютъ булки. Холсты эти обыкновенно бываютъ насквозь пропитаны разнаго рода тѣстомъ и засалены до послѣдней крайности, и булочники утверждаютъ, что холсты эти непремѣнно должны быть засалены, для того, чтобы на нихъ удобно было работать: къ чистымъ холстамъ тѣсто прилипаетъ, а для того, чтобы оно не прилипало, нужно ихъ посыпать мукой, а это невыгодно. Но въ сущности это вздоръ, потому что муки все равно тратится много даромъ, и неопрятность въ этомъ случаѣ просто дѣло привычки, которая заходитъ такъ далеко, что хозяинъ смотритъ совершенно спокойно, какъ мастера эти же самые холсты, по окончаніи работы, свертываютъ и кладутъ себѣ подъ голову, ложась спать. Ничѣмъ другимъ, какъ только привычкой, нельзя объяснить еще одного обыкновенія, а именно: послѣ того, какъ булки изготовлены, прежде нежели сажать въ печь, ихъ раскладываютъ на длинныя доски и на нѣкоторое время помѣщаютъ на палати. Послѣ этого мастера часа на два опять ложатся спать. Въ это время являются милліоны тараканов и накидываются на сырыя булки; насытившись, они опять исчезаютъ неизвѣстно куда на цѣлыя сутки. Какъ булочники, такъ и тараканы, привыкли къ этому до такой степени, что первые не принимаютъ никакихъ мѣръ для истребленія послѣднихъ, а послѣдніе, какъ-бы въ благодарность хозяину за угощеніе, въ остальное время не докучаютъ своимъ присутствіемъ. Впрочемъ, жить въ миру и согласiи съ тараканами побуждаетъ хозяевъ также и разсчетъ: операцiя истребленiя таракановъ, во-первыхъ, очень продолжительна и въ это время нельзя будетъ работать, а во-вторыхъ и небезопасна, потому что тараканы, наѣвшись отравы, начнутъ бѣгать повсюду и могутъ испортить товаръ.

Я слышалъ, что въ Петербургѣ года два или три тому назадъ устраивалось общество съ цѣлью основать фабрику для приготовленiя хлѣба, но дѣло лопнуло. Почему? Чтò помѣшало этому предпрiятiю, я навѣрное не знаю. Но вѣроятно нашлись уважительныя причины, тѣмъ болѣе, если принять въ разсчетъ, что по милости этой фабрики нѣсколько тысячъ петербургскихъ булочниковъ могли остаться безъ хлѣба.

II.

КТО ВИНОВАТЪ?

Опытъ судебной защиты.

Лѣтъ 10 или 12 тому назадъ (навѣрное не помню), кто-то изъ тогдашнихъ либераловъ неизвѣстно по какому поводу высказалъ между прочимъ слѣдующее соображенiе: что будто бы въ русскомъ народномъ характерѣ есть одинъ такой порокъ, а именно—легкомыслiе, который и есть корень всего зла; и что если мы отъ этого порока излечимся, тогда все у насъ пойдетъ отлично. Въ то время эта мысль считалась даже нѣсколько опасною, и можетъ быть даже именно поэтому всѣмъ тогда ужасно понравилась, и съ тѣхъ поръ завелась мода перекоряться безпечностью, поверхностнымъ отношенiемъ къ дѣлу и т. д. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно разводятъ извѣстную рацею о трехъ конькахъ: «авось, небось и какъ нибудь», на которыхъ будто бы мы только и способны выѣзжать.

Я нахожу, что заниматься перекорами и дѣлать такого рода упреки кому бы то ни было, тѣмъ болѣе—цѣлому народу, по малой мѣрѣ дико. Во-первыхъ, остроуміе тутъ выходитъ самое жалкое; во-вторыхъ, этимъ ровно ничего не достигается. И основательные упреки рѣдко бываютъ полезны, но упреки, направленные не туда, куда слѣдуетъ, порождаютъ только недоразумѣнія и путаницу въ понятіяхъ: съ одной стороны упрекаемые, слыша упреки, и въ самомъ дѣлѣ начинаютъ чувствовать себя какъ будто въ чемъ-то виноватыми; съ другой стороны упрекающій, не встрѣчая возраженій, начинаетъ этимъ гордиться и забираетъ себѣ въ голову, что онъ дѣловой человѣкъ. Изо всего этого выходитъ глупая комедія, въ которой самъ упрекающій играетъ шутовскую роль. И собственно говоря, объ этихъ упрекахъ не стоило бы очень распространяться, еслибы предметъ самъ по себѣ не заслуживалъ нѣкотораго вниманія. Легкомысліе, какъ фактъ, дѣйствительно существуетъ въ нашемъ обществѣ, а потому изслѣдованіе этого факта уже само по себѣ должно быть интересно, хотя бы какъ матеріалъ для физіологіи этого общества.

Но для того, чтобы это изслѣдованіе могло привести къ какимъ нибудь разумнымъ результатамъ,—одного обвиненія недостаточно. Прежде чѣмъ взводить на кого бы то ни было и какія бы то ни было обвиненія, всегда бываетъ полезно навести предварительно справки и разузнать изъ достовѣрныхъ источниковъ—дѣйствительно ли сдѣлалъ человѣкъ то, въ чемъ его обвиняютъ; а если сдѣлалъ, то какъ онъ это сдѣлалъ, почему, зачѣмъ, и тогда только можно будетъ судить, слѣдуетъ ли еще винить его за это, т.-е., говоря ученымъ слогомъ,—слѣдуетъ ли вмѣнить ему въ вину его поступокъ.

Въ старые годы за подобныя разсужденія русскіе мыслители рисковали попасть туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, а самыя разсужденія въ нашемъ домашнемъ обиходѣ и понынѣ извѣстны подъ именемъ метафизики; но еслибы я былъ издателемъ журнала, то я, во избѣжаніе дальнѣйшихъ объясненій, просто вмѣнилъ бы въ обязанность каждому читателю непремѣнное знаніе этой метафизики и постановилъ бы правило, что бы никто не смѣлъ отговариваться незнаніемъ. И я увѣренъ, что сами читатели впослѣдствіи были бы мнѣ за это благодарны. Я вамъ скажу, почему. Во всѣхъ нашихъ ежедневныхъ сужденіяхъ о людяхъ и дѣлахъ мы выказываемъ рѣшительную неспособность отыскивать коренную причину явленій. Чтó бы ни случилось съ нами, или съ другими, мы обыкновенно ограничиваемся вопросомъ: кто это сдѣлалъ, и удовлетворивъ нашему любопытству, совершенно успокоимся. Конечно, и то хорошо; это все-таки показываетъ, что мы всегда желаемъ знать ближайшую причину; но за то дальше мы не идемъ. И это очень дурная привычка. Дурно не то, что мы желаемъ знать ближайшую причину, а то дурно, что мы ею удовлетворяемся; дурно потому, что, удовлетворившись такимъ легкимъ способомъ, человѣкъ обыкновенно успокаивается и больше знать ничего не хочетъ. А вѣдь человѣкъ долженъ знать, долженъ стараться знать сколько возможно больше; даже больше, нежели сколько возможно. Вотъ для этого-то метафизика и нужна: въ этомъ случаѣ она большую пользу оказываетъ.

Но одна дурная привычка обыкновенно порождаетъ другія подобныя же: ограниченность мышленія естественнымъ образомъ ведетъ къ ограниченности въ сужденіяхъ и приговорахъ всякаго рода, что̀, конечно, отражается и на поступкахъ; такъ, напримѣръ, является какой нибудь новый непріятный случай, причина котораго намъ непонятна: вмѣсто того, чтобы стараться найдти эту причину, мы прежде всего стараемся найдти виноватаго. Ну, разумѣется, этотъ виноватый всегда найдется; особливо ежели *непремѣнно* нужно его найдти. Нашли и опять успокоились. И въ это время намъ и въ голову не приходитъ, что можетъ быть онъ вовсе и не виноватый, можетъ быть виноватъ кто нибудь другой, а можетъ быть это такое дѣло, что тутъ виноватаго и быть не можетъ; можетъ быть никто не виноватъ. Да это и не наше дѣло—мы нѐ присяжные засѣдатели. Притомъ замѣтьте, что и они выражаютъ такимъ образомъ свои сужденія потому только, что отъ нихъ требуется прямой и ограниченный отвѣтъ на вопросъ: «виноватъ, или не виноватъ; да, или нѣтъ»; больше этого они и сказать ничего не могутъ, а вѣдь съ насъ этого никто не требуетъ; съ какой же стати мы лѣземъ, когда насъ не спрашиваютъ? И все это слѣдствіе скверной привычки подыскивать ближайшую причину, да главное—поскорѣй. Въ одной дѣтской книжкѣ читалъ я слѣдующій, довольно остроумный анекдотъ: однажды, рѣзвыя дѣти, братъ съ сестрой, играя, очень шумѣли; въ это время съ поспѣшностью вошедшій наставникъ спросилъ ихъ внезапно: «Дѣти, кто открылъ Америку?» Мальчикъ отъ этого нисколько не потерялся и ни мало не медля отвѣчалъ: «Это не я; это вотъ она, моя сестра». Я нахожу, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ приходится высказывать свои сужденія, мы дѣлаемъ это большею частію совершенно такъ, какъ этотъ находчивый мальчикъ. Покойный фельдмаршалъ Суворовъ весьма одобрялъ такое качество въ русскихъ солдатахъ; но то, чтò прилично воинскому званію, и притомъ въ походѣ, не всегда одобрительно въ мирныхъ гражданахъ, въ мирное время. Впрочемъ, нужно замѣтить, что привычка быстро находить виноватаго, собственно говоря, происхожденія гражданскаго; это старая сутяжническая привычка, возросшая на почвѣ древняго россійскаго крючкодѣйства, вскормленная кляузами и доносами и утвердившая алтари свои въ верхнихъ и нижнихъ, земскихъ и уѣздныхъ судахъ; а такъ какъ алтари не могутъ быть праздны и требуютъ жертвъ для закланія, то понятно, что нужно было находить виноватыхъ и предавать ихъ всесожженію. Быть виноватымъ и добровольно приносить себя въ жертву никто не соглашается; напротивъ того, всякій старается быть правымъ; но для того, чтобы быть правымъ, нужно найдти виноватаго. Натуральное дѣло, что виноватаго и найдутъ, непремѣнно найдутъ.

Но времена переходчивы, люди перемѣнчивы: старые суды упраздняются, а на мѣсто ихъ новые открываются, суды гласные, съ присяжными; судятъ и рядятъ въ нихъ не крапивное сѣмя—подъячіе, а простые миряне, такіе же, какъ и мы съ вами, читатели. Конечно, и въ новыхъ судахъ все еще есть и правые, и виноватые; но сами судьи этому не причинны нисколько: если во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ правота и виновность пока неизбѣжны, то, разумѣется, и суды неизбѣжны; потому что судъ именно съ тою цѣлью и учреждается, дабы не могло произойти на этотъ счетъ какой-либо фальши или замѣшательства.

Вся штука стало-быть въ несовершенствѣ нашихъ понятій. Для усовершенствованія этихъ послѣднихъ издаются въ обѣихъ столицахъ свѣтскіе и духовные журналы. Журналы свѣтскіе издаются собственно для присяжныхъ засѣдателей, то-есть для людей, болѣе или менѣе достаточныхъ, досужихъ и способныхъ поразмыслить, слѣдовательно, о разныхъ отвлеченностяхъ; а людямъ, занятымъ служебными обязанностями, разумѣется, некогда читать свѣтскіе журналы, притомъ же у нихъ есть въ каждомъ вѣдомствѣ свои, министерскіе или спеціальные, въ которыхъ всегда можно найдти все необходимое по своей части.

Поэтому я, обращаясь къ читателю, всегда имѣю въ виду или присяжнаго засѣдателя, или такого человѣка, который современемъ можетъ быть таковымъ. Въ настоящую минуту, заговоривъ по поводу обвиненія русскаго общества въ легкомысліи, я вовсе не имѣлъ намѣренія высказать на этотъ счетъ какое-либо положительное мнѣніе, я желаю только представить это дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно мнѣ представляется; что же касается дальнѣйшихъ выводовъ, то это будетъ вполнѣ зависѣть отъ усмотрѣнія господъ присяжныхъ засѣдателей; я имъ предоставляю право разсудить—виновато ли русское общество въ томъ, въ чемъ оно обвиняется. Окажется ли оно правымъ или виноватымъ—для меня въ сущности это все равно; но, мнѣ кажется, что для читателей упражненія въ этомъ родѣ были бы не совсѣмъ безполезны, тѣмъ болѣе, что это вовсе не трудно. Можетъ быть, я и ошибаюсь, не знаю; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. На первый разъ я, съ своей стороны, предложилъ бы открыть примѣрное засѣданіе въ видѣ опыта. Для большей наглядности представьте себѣ, что русское общество сидитъ на скамьѣ обвиненныхъ передъ уголовнымъ трибуналомъ; обвиняется оно въ легкомысліи, безпечности, нерадѣніи и т. п.; притомъ же смыслъ обвиненія таковъ, что всѣ эти преступленія въ совокупности равняются нравственному банкротству. Обвиненіе, какъ видите, капитальное. Я желалъ бы взять на себя роль присяжнаго повѣреннаго. А чтобы дѣло не затягивать, мы постараемся избѣжать лишнихъ формальностей, тѣмъ болѣе, что засѣданіе у насъ, какъ уже сказано, не настоящее, а только примѣрное; поэтому у насъ не будетъ ни предсѣдателя, ни колокольчика, ни прокурора, ни товарища прокурора; свидѣтелей и вещественныхъ доказательствъ тоже не будетъ никакихъ. Засѣдать будемъ только мы одни: я и читатели. Обвинительный актъ я самъ разскажу въ двухъ словахъ; защищать опять-таки я же буду; защита будетъ краткая, но энергичная. Итакъ, засѣданіе открывается.

Сущность обвиненія уже извѣстна; къ сказанному остается прибавить немного. Всѣ, кому приходилось начинать и вести какое нибудь практическое дѣло въ нашемъ отечествѣ, больше всего жалуются на тѣ громадныя затрудненія, которыя приходится преодолѣвать вначалѣ; и затрудненія эти состоятъ главнымъ образомъ въ непонятномъ равнодушіи и легкомысліи, съ которымъ встрѣчаютъ у насъ всякое серьёзное и полезное дѣло. Въ то же время замѣчается другое крайне-прискорбное свойство: это способность увлекаться всякимъ вздоромъ; и, наконецъ, третье, самое постыдное, состоитъ въ умѣніи изъ всякаго серьёзнаго и полезнаго дѣла сдѣлать вздоръ. Всѣ эти свойства, вмѣстѣ взятыя, доказываютъ крайнюю нравственную распущенность, а также несостоятельность и въ умственномъ отношеніи, которыя, по мнѣнію обвинителя, неминуемо должны вредно отзываться на всей какъ настоящей, такъ и будущей дѣятельности подсудимаго; а потому обвинитель находитъ полезнымъ принять самыя рѣшительныя мѣры для понужденія, чтò предусмотрѣно тамъ-то и тамъ-то и проч.

Въ отвѣтъ на это обвиненіе я, въ свою очередь, могъ бы сказать слѣдующее:

Милостивые государи!

Прежде нежели приступить къ защитѣ моего кліента, я пользуюсь дарованной мнѣ свободой слова для того, чтобы обратить ваше вниманіе на одинъ общеизвѣстный фактъ, объясненіе котораго, по моему мнѣнію, должно помочь вамъ уразумѣть то, чтò я намѣренъ сказать впослѣдствіи. Извѣстно вамъ, милостивые государи, что когда человѣка подвергаютъ тѣлесному наказанію, то самымъ прямымъ и натуральнымъ слѣдствіемъ этой операціи бываетъ боль, а затѣмъ крикъ наказуемаго, какъ результатъ этой боли. Наши почтенные воспитатели и наставники—надо имъ отдать справедливость—эту аксіому понимали въ совершенствѣ, а потому, наказывая питомцевъ своихъ, никогда не спрашивали у нихъ: зачѣмъ вы кричите; ибо основательно разсуждали, что крикъ есть дѣйствіе непроизвольное, совершаемое по принужденію; происхожденіе же его сокрыто въ мертвой и сухой лозѣ, которая, въ свою очередь, не болѣе, какъ послушное орудіе въ рукахъ наставника и служитъ только средствомъ для выполненія тайныхъ его намѣреній.

Изъ этого слѣдуетъ такое умозаключеніе: тайное намѣреніе наставника есть основная причина крика наказуемаго; а такъ-какъ отсюда видно, что крикъ наказуемаго служитъ конечнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ этой причины, то позволительно предположить, что кричащій во время наказанія питомецъ въ сущности исполняетъ желаніе своего наставника и что крикъ для него даже въ этомъ случаѣ обязателенъ. Такое предположеніе вполнѣ подтверждается опытомъ; въ той же педагогической практикѣ усматривается другой противоположный случай: ежели наказуемый питомецъ не кричитъ, то этимъ навлекаетъ на себя гнѣвъ наставника. Молчаніе вмѣняется въ вину и даже нѣсколькими степенями усугубляетъ мѣру наказанія; ибо въ молчаніи усматривается явное ожесточеніе и упорство. Не доказываетъ ли этотъ примѣръ, что разсудительный наставникъ не только считаетъ самого себя главнымъ виновникомъ страданій и крика своего питомца, но, сверхъ того, желаетъ удержать за собою привилегію на производство этого крика. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое крикъ? Ежели человѣка наказываютъ, то очевидно дѣлаютъ это съ тою цѣлью, чтобы причинить ему страданіе, крикъ же служитъ какъ-бы ручательствомъ за то, что страданіе получено въ должной мѣрѣ; крикъ—это условный знакъ, это, такъ-сказать, росписка въ полученіи. А такъ-какъ воспитатели наши любили во всемъ порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понимали связь вещей, то и отъ питомцевъ своихъ требовали, чтобы они этой связи ни въ какомъ случаѣ не нарушали и порядокъ соблюдали. Да, милостивые государи, прежде всего необходимо понять связь вещей: тогда только можно будетъ безошибочно судить о человѣческихъ дѣйствіяхъ; тогда только мы будемъ въ состояніи находить истинныя причины этихъ дѣйствій. Изъ приведеннаго мною примѣра вамъ не трудно было усмотрѣть, что между конечнымъ слѣдствіемъ и основной причиною существуетъ связь и что эта связь образуетъ одно непрерывное дѣйствіе, въ которомъ причина—есть начало, а слѣдствіе—конецъ. Далѣе, надѣюсь, вы замѣтили, что между началомъ и концомъ всякаго сложнаго дѣйствія замѣчаются также второстепенные дѣятели, которые въ сущности не болѣе, какъ посредники и служатъ только для передачи дѣйствія по назначенію. Вѣроятно многіе изъ васъ, милостивые государи, въ чемъ впрочемъ я не сомнѣваюсь, въ свободное отъ занятій время забавляются игрою на бильярдѣ. Охотникамъ до этой игры конечно коротко знакомъ одинъ ударъ, который на техническомъ языкѣ маркёровъ извѣстенъ подъ названіемъ: *шаръ-шаромъ-по шару*; но для того, чтобы это было для всѣхъ понятно, я долженъ объяснить, въ чемъ состоитъ сущность этого удара.

Представьте себѣ, что желтый шаръ стоитъ у средней лузы, но я моимъ шаромъ не могу столкнуть его въ лузу потому, что на дорогѣ у меня стоитъ красный шаръ; тогда я употребляю слѣдующій пріемъ: я сильнымъ ударомъ кія сообщаю движеніе моему шару (бѣлому), бѣлый ударяетъ красный, красный ударяетъ желтый и этотъ послѣдній падаетъ въ лузу. Такимъ образомъ, вы видите, что между моею рукою и желтымъ шаромъ образуется непрерывная связь, моя рука дѣлаетъ движеніе и желтый шаръ падаетъ въ лузу: Но для того, чтобы движеніе моей руки могло достигнуть желтаго шара—онъ долженъ пройти сквозь цѣлый рядъ посредниковъ: кій, бѣлый шаръ, красный шаръ—вотъ три посредника, которые сами по себѣ ровно ничего не значатъ въ дѣлѣ паденія желтаго шара, они были только проводниками движенія и передавали мою волю.

Совершенно подобныя же явленія замѣчаются и въ жизни; ибо законы, управляющіе движеніями шаровъ на бильярдѣ, суть тѣ же законы, въ силу которыхъ совершаются дѣяніе человѣческія; вся разница тутъ въ большей сложности движеній. Какое нибудь дѣйствіе, кажущееся на первый взглядъ произвольнымъ, въ сущности, можетъ быть, есть только слѣдствіе сообщеннаго толчка; поступокъ, кажущійся добровольнымъ, можетъ быть въ сущности только *клапштосъ*; человѣкъ, повидимому сознательно, въ здравомъ разсудкѣ и свѣжей памяти совершающій какой нибудь крупный шагъ въ своей жизни, можетъ быть не болѣе, какъ желтый шаръ, падающій въ лузу по законамъ удара шаръ-шаромъ-по шару.

Милостивые государи! Кліентъ мой, котораго вы видите передъ собою, на сколько я его понимаю, также находится въ здравомъ разсудкѣ и свѣжей памяти. Вы можете обращаться къ нему съ какими вамъ угодно вопросами, но онъ вамъ на нихъ отвѣчать не будетъ частію по робости своего характера, частію по непривычкѣ публично выражать свои мнѣнія. Въ продолженіе долгой жизни своей онъ совершилъ не одинъ крупный шагъ и каждый разъ честно расплачивался собственными боками. Я этимъ не хочу еще сказать, что такъ-называемое русское общество никогда не выказывало самостоятельности, хотя мнѣ извѣстно, что кій игралъ довольно видную роль въ его исторіи. Но это послѣднее обстоятельство относится къ тому отдаленному времени, когда кліентъ мой только выступалъ на гражданское поприще и потому естественно нуждался въ поощреніи. Обращая умственные взоры наши къ этой порѣ его жизни, что̀ мы видимъ? Не видимъ ли мы, какъ сквозь туманъ мало-по-малу выступаютъ передъ нами маститыя, но строгія лица первыхъ его наставниковъ. Густыя брови ихъ сдвинуты, безмолвныя уста ихъ судорожно сжаты, въ мертвыхъ рукахъ держатъ они жезлы. Это тѣ самые жезлы, которыми поощрялись первые шаги моего кліента на гражданскомъ поприщѣ. Они теперь неподвижны, но удары, сообщенные ими, продолжаютъ дѣйствовать и понынѣ съ тою только разницею, что первоначальное прямое движеніе съ теченіемъ времени и вслѣдствіе различныхъ столкновеній значительно запуталось и осложнилось, такъ что въ настоящую минуту становится почти невозможнымъ опредѣлить, какое дѣйствіе совершается произвольно и какое служитъ только слѣдствіемъ первоначально даннаго толчка. Именно на этомъ основаніи я и не позволю себѣ высказывать рѣшительнаго мнѣнія о дѣйствіяхъ моего кліента, я не могу назвать ихъ ни вынужденными, ни произвольными, потому что я не знаю основной причины этихъ дѣйствій. Я знаю только, что произвольнымъ дѣйствіемъ можно назвать такое, которое вполнѣ свободно отъ всякихъ постороннихъ вліяній, которое вполнѣ зависитъ отъ воли того, кто его совершаетъ. Но для этого необходимо еще одно, и притомъ главное условіе, а именно: *чтобы самая воля была свободна.* Я не могу назвать произвольными дѣйствій человѣка, который поступаетъ во вредъ самому себѣ; и если онъ самъ самолично будетъ увѣрять меня, что онъ добровольно лѣзетъ въ петлю, я ему не повѣрю. Воля, стремящаяся къ собственной погибели, не есть свободная воля; это воля больная, слѣдовательно подчиненная какому нибудь вліянію.

Теперь я вамъ, милостивые государи, представляю рѣшить, какого свойства тѣ поступки, въ которыхъ обвиняютъ моего кліента. По смыслу самаго обвиненія видно, что поступки эти главнымъ образомъ клонятся ко вреду того, кто ихъ совершаетъ. Во-первыхъ, чтò такое легкомысліе? Но если это только привычка постоянно возлагать свои надежды на чтò-то высшее, на чтò-то такое, чтò мы считаемъ сильнѣе и разумнѣе самихъ себя: на счастье, на судьбу и проч? Необходимымъ слѣдствіемъ такой привычки будетъ цѣлый рядъ поступковъ, въ которыхъ человѣкъ, отрѣшившись отъ своей воли и признавая себя безсильнымъ, дѣйствуетъ какъ одержимый бѣсомъ и бьетъ не въ свою голову. И это будетъ вполнѣ послѣдовательно и понятно, потому что человѣкъ, привыкшій вѣрить и возлагать свои надежды на судьбу и признавая себя только игрушкою въ рукахъ этой судьбы, привыкнетъ, наконецъ, и самую отвѣтственность за свои поступки сваливать на эту же судьбу. И мнѣ кажется, въ концѣ концовъ онъ будетъ правъ. Затѣмъ, что̀ жъ будетъ дальше? Дальше будетъ вотъ что̀: по мѣрѣ накопленія всякаго рода легкомысленныхъ поступковъ, по мѣрѣ того, какъ они будутъ сталкиваться и запутываться все больше и больше, весь строй его жизни мало-по-малу приметъ пустой и легкомысленный характеръ, въ которомъ неожиданности и случайности будутъ играть главную роль; и наконецъ вся жизнь превратится въ безконечный рядъ безумныхъ оргій, со скандалами и сюрпризами на каждомъ шагу. Серьёзныя дѣла отойдутъ на заднiй планъ, или превратятся въ забаву, уровень общественной нравственности значительно понизится, но за то будетъ весело. Это значитъ, что наступило наконецъ такое время, когда безпечность вмѣняется въ обязанность, когда легкомысліе становится обязательнымъ. А изъ этого положенія вытекаютъ уже сами собою всѣ дѣйствія моего кліента, со всѣми ихъ послѣдствіями. И если послѣ всего мною сказаннаго, вы все-таки рѣшитесь потребовать отъ него отчета въ его поступкахъ и объясненія, по какому праву онъ поступаетъ такъ или иначе, то я даже это самое требованіе съ вашей стороны найду въ высокой степени несправедливымъ, потому что въ настоящемъ случаѣ разговоръ о правахъ не долженъ имѣть мѣста. И что̀ жъ онъ можетъ вамъ сказать? Для того, чтобы дать отчетъ въ своихъ поступкахъ, онъ долженъ прослѣдить и уловить ту неуловимую связь вещей и дѣйствій, среди которыхъ онъ играетъ роль не болѣе бильярднаго шара. Но развѣ онъ въ въ силахъ это сдѣлать? Стало быть и самыя понятія о правотѣ и виновности здѣсь вовсе неприложимы. Вотъ все, что̀ я могу сказать въ защиту своего кліента. Но если, не смотря на то, вы все-таки пожелаете, во что̀ бы то ни стало, найти виноватаго, то, разумѣется, мѣшать въ этомъ я вамъ не могу. Судите, коли хотите, но не забывайте, что и сами вы въ свою очередь тѣмъ же судомъ судимы будете.

РАЗСКАЗЪ ВИНОКУРА.

Недавно встрѣтилъ я своего стариннаго пріятеля, который устроилъ себѣ заводъ винокуренный, обзавелся семействомъ и живетъ гдѣ-то въ глуши, въ Тамбовѣ или въ Саратовѣ. Мы обрадовались другъ другу и усѣлись потолковать. Дѣло было на пароходной пристани на Волгѣ.

— Ну, какъ идетъ заводъ? спросилъ я. Теперь откуповъ нѣтъ: вамъ, винокурамъ, раздолье по новымъ положеніямъ.

— Раздолье то раздолье, да только въ положеніяхъ, отвѣчалъ онъ. Вѣдь ты знаешь, что у насъ пишется одно, а дѣлается другое. Вѣдь теперь иногда, придется, возимся съ такимъ чиновникомъ, который съумѣетъ всякое положеніе перекроить, придавить гдѣ можно, испортить самый благодѣтельный законъ. Лучше кажется десять откупщиковъ, чѣмъ одинъ подобный чиновникъ! Да вотъ я тебѣ разскажу, какъ у насъ все это дѣлается.

Въ октябрѣ прошлаго года мой заводъ перестраивался. Является чиновникъ, тощій, желчный, поджарый, съ чернильной наружностью, съ кислымъ взглядомъ. Поѣхали мы на заводъ, осмотрѣли зданіе, заторный чанъ, подошли къ квасильнымъ. Чиновникъ глубокомысленно сосредоточилъ свои взоры на послѣднихъ, подумалъ и торжественно воскликнулъ:

— А у васъ, того, не такъ устроенъ жолобъ изъ заторнаго чана въ квасильные!

— Какъ не такъ?

— Не такъ-съ! Этакъ нельзя-съ! не по правиламъ!

— Какъ-же надобно?

— Жолобъ то того-съ, надобно провести, какъ его, по сверхъ заторнаго чана!

Мы всѣ вытаращили глаза на чиновника, онъ смотрѣлъ на меня вмѣстѣ и торжественно, и лукаво, и грозно. На его физіономіи такъ и было написано: что̀, поймалъ? Я, братъ ужъ выжига, гдѣ можно непремѣнно зацѣплю крючкомъ!

— Какъ сверхъ заторника? спросилъ я и бывшій со мною мой мастеръ винокуръ.

— Да такъ-съ, того, какъ дѣлаютъ всѣ!

— Но вѣдь это невозможно, жолобъ долженъ спускать изъ заторнаго чана въ квасильный.

— Да-съ.

— Ну какъ же, сами вы посудите, если положить жолобъ сверху заторнаго чана, развѣ пойдетъ что нибудь изъ этого чана въ квасильный? Я думаю, если вы устроите кранъ въ самоварѣ на верху крышки, такъ никогда изъ него не нальете. Съ такими жолобами заторъ весь останется.

Чиновникъ взглянулъ на меня грозно. Взглядъ его, казалось, какъ молнія Зевеса, такъ и разгромитъ меня. Онъ откашлялся, высморкался, сплюнулъ, прищурилъ какъ-то нахально подозрительно одинъ глазъ и сказалъ такимъ голосомъ, какимъ обыкновенно полицейскіе говорятъ съ пойманными ворами:

— Должно быть вамъ, того, очень невыгодно такъ устроить?

— Я думаю, что невыгодно: затора нельзя спускать!

— Ну, нѣтъ-съ... очень того... можно.

Лобъ чиновника сморщился, онъ задумался, потомъ его лицо вдругъ прояснилось; видно было, что онъ что-то придумалъ.

— Какъ же можно? спросилъ я.

— Того-съ... очень просто-съ!... А вы будто и не знаете?... устройте насосы.

— Поднимать-то тѣсто?

— Да-съ!...

— Да помилуйте, какъ же тѣсто поднимать насосами?

— Часть насосами-съ... а того, остальное ведрами выбирать.

— Да вѣдь это ни съ чѣмъ несообразно!

Чиновникъ осмотрѣлъ меня уничтожающимъ взглядомъ съ ногъ до головы. Этотъ взглядъ ясно говорилъ: ты смѣешь разсуждать со мною, ахъ ты дерзкій!

Посмотрѣвши нѣсколько времени на меня, онъ медленно проговорилъ:

— По вашему это ни съ чѣмъ, того, несообразно! Вѣдь вотъ вы того, все по своему. Это сообразно съ закономъ-съ! Въ положеніи такъ сказано. Того... по вашему это невозможно, а въ положеніи предписано дѣлать такъ, значитъ, того, это и возможно, и законно, и того... не злоупотребленіе. А всякое другое устройство есть злоупотребленіе или, того, покушеніе къ оному.

— Какъ же этакую штуку написали?

— Того-съ... видно насъ съ вами не спросили! Лучше насъ, того, знаютъ!

Это меня вывело изъ себя. Я долго удерживался, но тутъ со злостью почти вскрикнулъ:

— Гдѣ-же это сказано?

Чиновникъ посмотрѣлъ на меня опять такъ же, полѣзъ въ карманъ, вытащилъ книжку «Правило для описанія винокуренныхъ заводовъ и измѣренія посуды», надѣлъ на носъ очки и сказалъ:

— А вотъ-съ, того... извольте читать. Не вы ужъ первые, того...

Тыкая пальцемъ въ книжку, онъ началъ читать съ выговоромъ на ò, довольно медленно складывая буквы, а иногда и ошибаясь:

«§ 14. При осмотрѣ винокуренной посуды должностные лица акцизнаго управленія удостовѣряются:

1) Дѣйствительно ли показано...

— Ну это, того-съ, не то! а вотъ дальше-съ:

«Во 2) Не дано ли посудѣ особаго устройства—понимаете того-съ—особаго устройства, могущаго подать поводъ къ зло-упо-тре-бле-ні-ямъ, какъ-то: не устроены ли канавки или жолобки вокругъ чана для принятія бѣгущей бражки; не проведена ли канавка изъ заторнаго чана въ квасный не сверху, а въ бокъ»!

Вся его физіономія выразила такое грязное торжество, такую радость, что я не могъ не плюнуть.

— Изволите ли видѣть, того-съ! продолжалъ онъ, кажется, ясно сказано и толковать нечего! Прямо говорится: не дѣлается ли злоупотребленій, не проведенъ ли жолобъ въ бокъ, вмѣсто того, чтобы сверху заторнаго чана. Нѣтъ-съ, насъ, того... не проведете! Ну чтò вы теперь скажете?

— Попрошу васъ читать со смысломъ, больше ничего—и останавливаться на запятой; тогда смыслъ совершенно измѣнится. Изволите видѣть:

«Не проведена ли канавка изъ заторнаго чана въ квасильный не сверху, а въ бокъ сего послѣдняго»!—то есть не заторнаго, а квасильнаго».

Чиновникъ сильно опѣшилъ. Сперва онъ взглянулъ въ книгу, потомъ на меня, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, какъ будто боялся, не поддѣваю ли я его, потомъ протеръ очки и началъ бормотать въ полголоса, смотря въ книгу, не въ очки, а сверхъ очковъ:

— А въ бокъ сего послѣдняго... послѣдняго!... да, послѣдняго! Вѣдь вишь ты... того, какая штука, въ самомъ дѣлѣ, въ бокъ послѣдняго, то есть, квасильнаго. Какъ же это такъ! Та ли это книжка-то?

Онъ посмотрѣлъ внимательно на обертку.

— Вы вѣрно дальше не читали никогда?

— Признательно сказать, того-съ... точно, не читалъ. Думалъ, того-съ... дѣло ясное, стало быть, нечего дальше и читать, а тамъ того... и загвоздка. А я ужъ съ вашего сосѣда на этотъ предметъ и подписку взялъ... А въ бокъ сего послѣдняго! Вѣдь вишь ты! Извините, того...

Онъ чрезвычайно смутился. Я его позвалъ обѣдать и онъ уѣхалъ уже вечеромъ. Во все это время онъ часто смотрѣлъ, какъ теленокъ, котораго мясникъ хватилъ обухомъ по лбу, и бормоталъ про себя:

— А въ бокъ сего послѣдняго! Вотъ тебѣ на! послѣдняго! провалъ те возьми, эти запятыя анафемскія!

Уѣхалъ онъ. Потомъ ужъ и пошло и пошло! Напримѣръ, съ самаго начала у меня три чана опечатано и работа идетъ только на девяти, а съ меня взяли деньги за патенты за всѣ двѣнадцать. Акцизъ потребовали впередъ, чиновникъ—врагъ запятыхъ—требовалъ квитанцій изъ казначейства о взносѣ акциза, потомъ разсматривалъ ихъ, давалъ потомъ предписаніе надсмотрщику выпустить столько-то градусовъ безводнаго спирту. Переписка шла длинная, до города далеко, акцизъ вносить затруднительно, въ особенности, когда лишнихъ денегъ нѣтъ, а всѣ употреблены въ дѣло. Продажа изъ рукъ вонъ плоха. Просто нѣтъ возможности торговать, хоть закрывай заводъ.

Поѣхалъ я объясняться съ господиномъ чиновникомъ. При первыхъ словахъ моихъ, онъ, не выслушавши въ чемъ дѣло, сунулъ мнѣ подъ носъ кипу циркуляровъ и предписаній и сказалъ:

— На всѣ предписанія начальства, мы должны, того, соблюдать и сохранять интересы казны, а то она, того, такимъ образомъ и гроша не получитъ. Вотъ-съ у меня и подписки составляются, огражденія казны отъ разоренія и разныхъ мошенничествъ.

— Но объясните мнѣ, за что̀ же я плачу за двѣнадцать чановъ, когда три запечатаны, а работаетъ девять?

— Это не мое дѣло!

— Не ваше. А чье же?

— Такъ угодно начальству.

— Да гдѣ же это желаніе выражено?

Чиновникъ взглянулъ на меня и, ни слова не отвѣчая, отвернулся и погрузился въ чтеніе и поправку записки въ три съ половиною строки. Дѣло, должно быть, было головоломное, потому что онъ безпрестанно теръ рукою лобъ и грызъ перо, перечеркивая написанное.

— Скажите, будутъ ли мнѣ возвращены собранныя деньги если я не буду вовсе работать на этихъ трехъ чанахъ, даже сниму ихъ.

Чиновникъ, молча, посмотрѣлъ на меня и замоталъ головою.

— За что же съ меня ихъ взяли?

Онъ поднялъ брови, вздернулъ носъ, обернулся ко мнѣ, взглянулъ какъ-то особенно умно и опять сталъ заниматься переправкою четырехъ заколдованныхъ строкъ, не дававшихся ему, какъ кладъ, или, какъ запятыя.

Мудрое молчаніе его такъ и взорвало меня. Я началъ говорить горячо и, наконецъ, кончилъ вопросомъ—на какомъ основаніи не выдано до сихъ поръ ни одному мужику патентовъ, хотя приговоръ уже состоялся мѣсяца три, почему онъ требуетъ впередъ акциза и стѣсняетъ тѣмъ торговлю, такъ что въ январѣ я продалъ самые пустяки. На это онъ мнѣ, наконецъ, отвѣтилъ.

— На счетъ того, на досмотрщиковъ, я даю имъ предписанія какія желаю, отчета не намѣренъ отдавать въ своихъ дѣйствіяхъ!

— Я не спрашиваю у васъ отчета, а желаю знать—на какомъ основаніи вы стѣсняете мою торговлю.

Онъ схватилъ книжку, порылся въ ней, обильно наслюнивая палецъ и, наконецъ, перелиставши ее раза три съ начала до конца, остановился и ткнулъ пальцемъ на статью сто девяностую.

Я прочелъ:

«Винокуренный заводчикъ не имѣетъ права выпускать изъ подвала выкуренное вино или спиртъ безъ оплаты ихъ акцизомъ».

— Ну-съ! Проговорилъ чиновникъ, презрительно окинувъ меня взглядомъ. Тутъ кажется, того, ясно! запятой не прибавите.

— Совершенно справедливо, безъ акциза нельзя выпускать, но не сказано же, что съ каждымъ рублемъ посылать за сто двадцать верстъ въ городъ, въ казначейство. Напротивъ, далѣе говорится въ правилахъ о разсрочкѣ въ платежѣ акциза: «заводчику или хозяину оптоваго склада предоставляется право отпускать изъ подвала или склада вино, съ полученіемъ отъ покупателей слѣдующаго за оное въ казну акциза, но съ тѣмъ, чтобы у заводчика или хозяина склада не оставалось не внесенной въ мѣстное уѣздное казначейство акцизной суммы болѣе тысячи рублей». Видите? Гдѣ же тутъ требованіе взноса впередъ акциза, когда правительство дѣлаетъ кредитъ до тысячи рублей? Съ этою суммою стоитъ посылать въ городъ, а вы требуете, чтобы за каждое ведро я сперва послалъ акцизъ въ городъ, потомъ вамъ предъявилъ квитанцію, и тогда уже продалъ это ведро. Это стѣсненіе невыгодно мнѣ, стѣсняетъ торговлю, почти уничтожаетъ ее и потому невыгодно и казнѣ.

— Какъ же-съ, того, такъ? Вы вѣдь не обезпечили взноса залогомъ. Я, того-съ, буду дѣйствовать, какъ понимаю. Жалуйтесь, если хотите, высшему начальству, мы съ своей стороны отпишемся, если насъ спросятъ! Можетъ, того, васъ и оправдаютъ.

Подобныхъ промаховъ множество. Неопытный, не знающій дѣла и еще упрямый и высокомѣрный чиновникъ стѣсняетъ страшно. Мы теряемъ, казна теряетъ, а сколько мукъ, непріятностей, вздоровъ.

«Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ»!

На станціи Московской чугунки.

(Изъ слышаннаго и видѣннаго).

Чуть ли не за три часа, если не раньше,—до отхода пассажирскаго вечерняго поѣзда,—забиралась, по обыкновенію, въ вокзалъ желѣзной дороги, достаточная масса сѣраго народа, навьюченнаго, что̀ волъ, большими кожанными и парусинными мѣшками. Межъ людей тѣхъ, однако-жъ, виднѣлись и такіе злополучные путники, которымъ приходилось отправляться хотя и въ дальній путь, но черезчуръ ужъ на-легкѣ; потому что все добро ихъ укладывалось въ кое-какую очень небольшую котомочку, повѣшенную за спиной,—на подобіе солдатскаго ранца . . . Въ ожиданіи раздачи билетовъ на проѣздъ по чугункѣ, терпѣливые и всевыносливые путники усѣяли собою всѣ скамьи, а за недостаткомъ послѣднихъ, даже и каменный, холодный полъ. . . Говоръ и шумъ . . . ничего не разберешь; развѣ замѣтишь, что кто былъ веселъ, а кто и очень мрачно посматривалъ себѣ на всѣ стороны, думая думу горькую. . .про житье бытье свое горемычное . . . Подхожу къ одному углу, гдѣ попросторнѣе другихъ. Сидятъ въ томъ углу два земляка и ведутъ дружную бесѣду.

— Чаво, братицъ ты мой, по-пріятельски, значить, какъ молвить-то тибѣ, такъ на родину-то чуть съ христолюбивымъ воинствомъ не ушелъ я . . . Съ этапомъ, значитъ,— такъ бы сказать... А вся́я оказія-то эвта изъ-за пачпорта изошла: срокъ яму-то, пачпорту-то, значитъ, исходить почалъ... Ну я-то, вѣстимо, прикопилъ на няво-то... ищо удержался: сапожонки въ ту пору купить бы надоть... не купилъ, значитъ; а наровилъ на пачпортъ... Сроку-то ищо не изотись стало, какъ за мѣсяцъ, кажись, брату-то своему отписалъ: вышли, молъ, Ехстигнѣюшко, поскорѣя вышли... писарю волостному, перво слово, не скаридничай... А на писаря, значитъ, рубъ накинулъ ищо... Ждать, братицъ ты мой, пождать—нѣту, какъ нѣту—пачпорта-то, тоись...

— А може братъ-отъ?!...

— Братъ-отъ мой, значитъ, къ примѣру, денъ хошь шесть, аль больши, крошки въ брюхо-то не пропущаитъ, а николи, ни то что чужихъ, такъ и отца родного копѣйки не заѣстъ... братъ-отъ... Вотъ онъ есь какой... уродился... потому со дня на день тольки избываитъ... Отсрочка изошла... нѣту... Дворнику косухи три споилъ... какъ приступать-то очинно ужъ сталъ... Нонѣ, сказывалъ, порядки-то на евто самое строги очинно... хозяинъ то мой, значитъ, и спужайся... выгналъ прочь; ступай, молъ, не надоть эвтакихъ... Отпиши я брату-то вторымъ письмомъ, значитъ: такъ, молъ, и такъ, Ехстигнѣюшко... погибъ вѣдь здѣсь безъ пачпорта... А братъ-отъ: во сняхъ, молъ, ты видалъ, что ли, что послалъ на пачпортъ... Я, братицъ ты мой, на почту... потерялось письмо твое, тамотка сказывали.

— На почти то... въ казенномъ мѣсти-то таковомъ?..

— Да, на почти... Укралъ, значитъ, кто ни на-есть тамъ, аль что... Только пока дѣло-то тое пошло, а миня-то о той порѣ и схапнули... въ доброе мѣсто свели... Такъ, молъ, и такъ, тамотка-то сказываю я, значитъ... Знамъ, молъ, васъ: баять вы сказку мастера есть... А чаво... трясти миня отъ ужасти то какъ стало, такъ что... Робятенки тоже... жана...

— А съ почты то что... аль все и было тутотка, что сказывали: потерялось, молъ?..

— Нѣту... съ почты то тое... искали вишь меня... бумагу прислали, такъ выпустили... а денъ-то никакъ семь посидѣлъ... Вотъ оно каково дѣло безъ пачпорта-то здѣсь!..

— И газетчики разные, слышь, объ эвтомъ же самомъ сказывали... писали, значитъ,—дворникъ сказывалъ, гдѣ жилъ-то я... Да, братецъ ты мой, вѣрно все не подходячее какое пишутъ-то, аль ихъ и взаправду не слухаютъ... потому люди-то вишь маненькіе... тольки...

— Какò, братецъ ты мой, опять маненькіе; не всѣи маненькіе-то; вонъ, къ примѣру сказать, у котораго самова я жилъ... домъ-отъ что большущій такой, на Литейной стоитъ; въ поддворникахъ жилъ то я у няво; такъ тотъ, братецъ ты мой, какой маненькій, росту-то точно малъ, а анаралъ, кажись, камердиръ то яво сказывалъ намъ... Въ сборищахъ разныхъ бываитъ тотъ-то; рѣчи чужія, что сказываютъ то, такъ слушаитъ... а дома то другимъ, значитъ газетчикамъ, что служатъ яму, такъ отписывать въ газетѣ-то своей велитъ; самъ, вишь, къ перу-то не больно охочъ онъ... сказывали... Такъ въ явонной газети-то о пачпортахъ тожи писали когда... Да всее...

— Нѣтъ, братецъ ты мой, Памфилъ, что эвти самые газетчики пишутъ... вѣстимо надоть имъ какимъ ни-на-есть занятьемъ жить... вотъ и пишутъ они... Право слово!..

— Не всѣ и такіе газетчики, вишь, сказываютъ; есть и хорошіе промежъ ихъ-то... тольки, вѣстимо, мало; что въ поли худомъ матерыхъ колосьевъ бываетъ мало... Хоша-бы съ пачпортами-то порѣшили поскоряе... а то... одна, то-жъ газетой какой прозывается... такъ тая, слышь, сказывалъ писарь мнѣ—хошь ищо и народнымъ... чѣмъ ни-на-есть звать ее; а тая вишь хочитъ,—чтобъ мужики,—что на мѣсто въ Питеръ приходютъ,—такъ жестянки бы брали... окромя пачпортовъ, за мѣсто адресовъ... вотъ какія изъ думы нонѣ на извозъ, да разносчикамъ всякимъ даютъ... Газета-то тая, слышь, сказывали, что мужики, на лѣто-то, что въ Питеръ ходютъ, такъ, молъ, богаты очинно стали нонѣ...

— Отчаво и бѣднымъ-то имъ быть, вѣстимо: коли за податью ищо и хлѣбы бываютъ у нихъ... Какъ бѣдность тутотка?.. Бядны, значитъ, коли и хлѣба въ избахъ не видать.. Во бядны!..

— Газету-то тую, слышь, жидъ какой-то, аль полякъ окрешшенный держитъ... такъ сказываютъ-то... Право!..

— Нонѣ всякой народъ, вѣстимо, за деньгу тольки что развѣ съ крыши не скочитъ на земь, а все давай яму... къ чаму и разуму то нѣту у няво, и тое сладитъ... А таперя-то путину куды держишь?..

— Въ деревню охота попадать... вишь отписали, что, молъ жана, то моя померла... Ну такъ съ робятами тожъ сладиться надоть... Четверо ихъ, робятъ то, у миня... Нонѣ, кажись, не пойду сюды на заработки...

— А братъ-отъ? За робятами-то пущай...

— У брата своихъ робятъ семеро будитъ, да ищо жена восьмымъ ходитъ... Такъ, значитъ, своимъ хлѣба-то что тольки стаетъ...

Межъ тѣмъ три благородные джентельмена взапуски хихикаютъ, чинно прогуливаясь по дебаркадеру. Въ такое веселое состояніе духа юношей этихъ повергла одна, до чрезвычайности смѣшная, сцена. Сцену эту принялись джентельмены, конечно, отъ нечего дѣлать, созерцать въ окно залы

III класса; окно какъ разъ выходило на платформу, по которой прогуливались наши франты. За окномъ тѣмъ представлялась знакомая россійская картина, въ родѣ той, какія, къ сожалѣнію, все еще не перестаютъ попадаться не только въ темныхъ и всескрывающихъ закоулкахъ нашей столицы, но даже и на болѣе видныхъ ея мѣстахъ. Вся суть занимательной картины, которая повергла въ восторгъ молодыхъ джентельменовъ,—была сама по себѣ до крайности проста и несложна: мужъ, здоровенный дѣтина—мѣщанинъ урезонивалъ свою жену сильнымъ орудіемъ доказательства, въ родѣ зуботычинъ, преподносимыхъ мощнымъ кулакомъ... Вина злополучной жены состояла въ выраженіи сомнѣнія и соболѣзнованія о томъ, что мужъ ея не удержится въ пути и поддастся непремѣнно пьяному бѣсу... Вотъ и вся исторія. Посмѣяться есть надъ чѣмъ будущимъ семейнымъ главамъ, у которыхъ резоны будутъ, если не тѣ же, то, по крайней мѣрѣ, близко похожи на пьяную мѣщанскую расправу...

Зазвонилъ первый звонокъ, и густая масса сѣраго народа, переполнявшаго собою залу III класса, волною хлынула на платформу. Массу эту обыкновенно выгоняютъ первую; а за ней уже выплываетъ, изъ другихъ дверей, болѣе чистая... Прощаніе... наказы, поклоны... Третій звонокъ, и локомотивъ, крякнувъ исправно, раза три сдвинулъ съ мѣста тяжесть, которую ему навязали, словно хвостъ какой... Потомъ сталъ онъ пыхтѣть и, по мѣрѣ удаленія его, пыхтѣніе учащалось и, наконецъ, превратилось въ равномѣрное... Такъ точно видалъ я на родной своей рѣкѣ: бурлаки, бывало, опутаютъ свои привычныя плечи лямками, вздохнутъ тяжело и, застонавъ, поволокутъ по водной равнинѣ полновѣсныя барки... Съ Богомъ!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Біографическій очеркъ 3
2. Спѣвка, очеркъ 19
3. Отрывокъ изъ дорожныхъ замѣтокъ пѣшехода 34
4. Сцены въ больницѣ 47
5. Питомка, деревенскія сцены 64
6. Ночлегъ, подгородныя сцены 79
7. Свиньи, разсказъ 94
8. На желѣзной дорогѣ 110
9. Вечеръ 125
10. Мертвое тѣло, сцены 138
11. Рыболовы, разсказъ 171
12. Трудное время, повѣсть 175
13. Хорошій человѣкъ, изъ неоконченнаго романа 326
14. Уличныя сцены 362
15. На выставкѣ 379
16. Изъ путевыхъ замѣтокъ 390
17. Владимірка и Клязьма 412
18. Письма объ Осташковѣ 500
19. Записки метафизика 612
20. Разсказъ винокура 642
21. На станціи Московской чугунки 648

АНЕКДОТЫ ИМПЕРАТОРОВЪ: Петра Великаго, Павла Петровича, Александра I, Николая Павловича, Александра Николаевича: императрицъ: Елизаветы Петровны и Екатерины II; великихъ князей: Константина Павловича и Михаила Павловича; историч. дѣятелей: гр. Аракчеева, кн. Безбородко, Булгарина, Герцена, кн. Горчакова, Грибоѣдова, Державина, А. П. Ермолова, Ершова, Жуковскаго, Загоскина, гр. Канкрина, Каратыгиныхъ, И. А. Крылова, Ленскаго, Ломоносова, Максимова, Мартынова, кн. Меншикова, гр. Милорадовича, гр. Мордвинова, гр. Маркова, Н. Н. Муравьева, А. А. и А. Л. Нарышкиныхъ, гр. Панина, Писемскаго, кн. Потемкина, А. С. Пушкина, В. В. Самойлова, М. Д. Скобелева, кн. А. В. Суворова, И. С. Тургенева, Филарета, митрополита московскаго и кіевскаго, кн. Шаховского, Щепкина, кн. Багратіона, Бакланова, Карамзина, Костомарова, кн. Кутузова-Смоленскаго, Лермонтова, Стасюлевича, Краевскаго, Драгомирова, и многихъ другихъ.

ДОЧЬ ЕГИПЕТСКАГО ЦАРЯ. Историческій романъ Георга Эберса. Переводъ Вольфсона. Спб., 1902 г., 575 стр., ц. 2 р. 25 к. «Дочь египетскаго царя», первый историческій романъ Эберса и лучшій изъ всѣхъ имъ написанныхъ. Онъ появился въ печати въ 1860 году. По богатству содержанія, по обилію историческихъ подробностей, по яркости красокъ и, наконецъ, по художественности языка, ни одно изъ позднѣйшихъ произведеній покойнаго Эберса не можетъ сравниться съ «Дочерью египетскаго царя».

ІИСУСЪ НАВИНЪ. Историч. повѣсть Георга Эберса, ц. 1 р.

ИМПЕРАТОРЪ. Романъ Георга Эберса. Второе изданіе. Спб., цѣна 1 р. 50 к.

СЕРАПИСЪ. Историч. романъ Георга Эберса. 2-ое изданіе. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

МЕЛИССА. Тернистымъ путемъ. Историческій романъ Г. Эберса. Полный переводъ (большой томъ). Спб. 1893 г., цѣна 1 р. 50 к.

НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА. Историческій романъ Георга Эберса, ц. 1 р.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. ІОГАННЪ ШЕРРЪ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Есипова, 362 стран. Спб. 1898 г. ц. 1 р. 50 к. Оглавленіе: Аспазія (V вѣкъ до Р. Х.). Греція.—Туснельда (I вѣкъ). Германія.—Мессалина (I вѣкъ). Римъ.—Элоиза (XI вѣкъ). Франція.—Іоанна д' Аркъ (XV вѣкъ). Франція.—Двѣ королевы (XVI вѣкъ). Марія Стюартъ и Елизавета.—Нинонъ де Ланкло. (XVII вѣкъ). Франція.—Матильда, королева Датская (XVIII вѣкъ).—Марія Антуанетта, королева (XVIII вѣкъ). Франція.—Каролина, королева Англійская (XVIII—XIX вѣкъ).

ЖЕНЩИНА И ЛЮБОВЬ. (Pro и contra). Составилъ М. В. Шевляковъ, Спб., 1901 г. Въ этой книгѣ собрано въ систематическомъ порядкѣ до трехъ тысячъ афоризмовъ, мыслей, цитатъ и изрѣченій великихъ и не великихъ людей древняго и новаго міра. Каждая дѣльная мысль, кѣмъ бы то ни было высказанная, должна всегда приносить извѣстную долю пользы, а собраніе такихъ мыслей должно служить дѣйствительнымъ руководствомъ каждаго. Приведемъ слова Делиля, говорящаго прямо за подобное изданіе: «величайшимъ сокровищемъ было бы собраніе хорошихъ человѣческихъ мыслей». Женскія слабости, женская любовь, кокетство, красота, моды, ревность. Ц. 1 р. 25 к. 2-е изд.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ Бичеръ-Стоу. Спб., 1899 г., съ 112 рисун., переводъ Ландини, ц. 1 р. 20 к. Кто изъ русскихъ образованныхъ читателей въ своемъ дѣтствѣ не зачитывался романомъ Бичеръ-Стоу, кто изъ нихъ не проливалъ горячихъ, непритворныхъ дѣтскихъ слезъ надъ страданіями бѣднаго Тома и его доброй семьи. Многочисленныя иллюстраціи, украшавшія страницы «Хижины дяди Тома», еще болѣе способствовали неотразимому впечатлѣнію, какое производилъ простой, безхитростный разсказъ о злоключеніяхъ несчастнаго Тома, въ печальную эпоху рабовладѣнія, и поднимали со дна души лучшія, гуманнѣйшія чувства любви человѣка къ человѣку.

ПАРАДОКСЫ (ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ). Соч. Максъ НОРДАУ. Полный переводъ М. С. Модель, 359 стр., ц. 1 р. Спб. 1902 г. Отъ переводчика.—Предисловіе къ первому изданію.—Оптимизъ или пессимизмъ—Большинство и меньшинство.—Взглядъ назадъ.—Успѣхъ.—Психофизіологія генія и таланта.—Внушенія (Suggestion).—Благодарность.—Содержаніе поэтической литературы.—Очеркъ естественной исторіи любви.—Эволюціонная эстетика.—Симметрія.—Обобщеніе.—Гдѣ истина?—Государственный индивидъ.—Національность.—Взглядъ на будущее. Нужно прибавить, что сочиненіе Нордау „Парадоксы“ одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ.

ДАФНИСЪ и ХЛОЯ. Древне-греческое повѣствованіе Лонгуса, перев. Д. Мережковскаго Спб. Въ изящномъ переплетѣ. ц. 75 к. Поэма Дафнисъ и Хлоя такъ хороша, что въ наши скверныя времена нельзя сохранить въ себѣ производимаго ею впечатлѣнія, и перечитывая ее, изумляешься снова... Какой вкусъ, какая полнота и нѣжность чувства! ихъ можно сравнить съ лучшимъ, что было только написано... Требуется написать цѣлую книгу, чтобы, какъ слѣдуетъ оцѣнить достоинства этой поэмы. Слѣдовало бы ее перечитывать разъ въ годъ, чтобы научаться изъ нея и вновь чувствовать впечатленія ея большой красоты.

Отзывъ Гете.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Новое иллюстрированное изданіе, 730 рис. Соч. Мигуэля Сервантеса-Сааведры. Переводъ съ испанскаго В. Карелина, исправленный В. Р. Зотовымъ, въ 2-хъ громадныхъ томахъ, напечатанныхъ на прекрасной веленевой бумагѣ, 1135 стр. съ 730 иллюстраціями. С.-Петербургъ. 1900 г., ц. 3 руб. Врядъ ли найдется какое нибуть другое беллетристическое произведеніе, которое пользовалось бы такимъ громаднымъ и всемірнымъ успѣхомъ какъ „Донъ-Кихотъ" Сервантеса (род. въ 1547 г., ск. въ 1616 г.). Но многіе ли у насъ прочли, и притомъ со вниманіемъ, всего „Донъ-Кихота" это еще вопросъ. А между тѣмъ, „Донъ-Кухотъ" начиная съ первой и кончая послѣднею страницею, написанный такимъ роскошнымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ такую массу поразительнаго ума и остроумія, превосходныхъ разсужденій, то необыкновенно смѣшныхъ, то необыкновенно трогательныхъ, но всегда полныхъ занимательности сценъ и разсказовъ, что книга эта, не смотря на то, что она написана около 300 лѣтъ тому назадъ, никогда не можетъ утратить своего значенія и всегда будетъ возбуждать къ себѣ всеобщій интересъ. Внимательное чтеніе ея способно доставить высокохудожественное наслажденіе. Переводъ г. Карелина, по всей справедливости и слѣдуетъ назвать во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Настоящее изданіе безукоризненное и по своей дешевизнѣ, въ особенностивъ въ виду цѣлой массы, прекрасно исполненныхъ рисунковъ, украшающихъ собою чуть не каждую страницу является въ полномъ смыслѣ общедоступнымъ, почему оно и должно имѣть несомнѣнный успѣхъ („Новое Время").

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ

РОБИНЗОНА КРУЗО, описанныя имъ самимъ, соч. Даніеля Дефо. Новый полный переводъ В. Д. Владимірова, съ 200 рисунками художника Гранвиля. Спб. 1898 т., ц. 1 р. 50 к.—Знаменитый авторъ съумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. И дѣйствительно, замыселъ повѣсти въ высшей степени простъ: человѣка выбросило на необитаемый островъ—и все тутъ, Также проста и фабула, т.-е. весь ходъ, вся обстановка повѣсти; фантастическихъ приключеній и происшествій, запутанной интриги въ ней нѣтъ. Тутъ же просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ своею жизненною правдою, рисуетъ исполненный величія образъ человѣка, заброшеннаго среди океана и дикой природы, въ борбѣ за жизнь и свободу. , Эта книга,—говорится въ предисловіи;—есть не одно только описаніе жизни іоркскаго моряка, а описаніе развитія человѣческаго ума, воли и энергіи въ борьбѣ со слѣпыми силами природы".

МЕМУАРЫ КАЗАНОВА. Переводъ В. Чуйко. Картина нравовъ Россіи и Европы въ XVIII-мъ вѣкѣ. Краткое содержаніе: Венеція.—Арестъ.—Подъ пломбами.—Попытки освободиться.—Бѣгство изъ тюрьмы.—Приключеніе.—Путешествіе въ Парижъ.— Въ Парижѣ.—Встрѣча съ Вольтеромъ.—При дворѣ.—Въ Берлинѣ.—Встрѣча съ Фридрихомъ Великимъ.—Приключенія въ Митавѣ и Ригѣ.—Россія.—Петербургъ и Москва.—Общество.—Нравы Россіи.—Встрѣча съ Екатериною II-ю.—Въ Варшавѣ.—Вниманіе короля.—Дуэль съ Браницкимъ и другія приключенія.—въ Испаніи.—Любовныя похожденія съ Ниною.—Опять въ тюрьмѣ.—Адмиралъ Орловъ и пр. Ц. 1 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И РЕЛИГІОЗНЫЕ ЭТЮДЫ. Соч. знаменитаго французскаго философа Эрнеста Ренана. Подъ редакціею В. В. Чуйко. Изд. четвертое. Спб. 1901 г. ц. 1 р. Состояніе міра около половины перваго вѣка.—Пожаръ въ Римѣ.—Европейская война.—Смерть Нерона.—Воцареніе Флавіевъ.—Разгромъ Іерусалима.—Послѣдствія истребленія Іерусалима.—Траянъ и великіе императоры.—Конецъ царствованія Траяна и возстаніе евреевъ.—Жанъ Кальвинъ.—Магометъ и происхожденіе исламизма.

ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ, Шварцвальдскіе, въ 2-хъ частяхъ. Сочин. Б. Ауэрбаха, перев. А. П. Шелгуновой, 3-ье изд. Спб., 1899 г. 302 стр., ц. 1 р. Разсказы эти написаны простымъ языкомъ съ юморомъ, ясная, но глубокая психологія и соединеніе реализма съ теплымъ поэтическимъ колоритомъ приковали германцевъ къ этой книгѣ, разошедшейся въ сравнительно короткое время въ 40.000 экземпляровъ, да и у насъ въ Россіи 3-ье изданіе, это не шутка.

Историческія сочиненія Е. П. Карновича:

НА ВЫСОТѢ И НА ДОЛѢ. Историческая повѣсть изъ временъ императора Петра I и правительницы Софіи. Е. Карновича. Спб., ц. 1 р. 25 к. Въ этомъ произведеніи авторъ талантливо изображаетъ придворную жизнь того времени, царской семьи, жизнь бояръ, войска, народа и духовенства; эпизоды изъ жизни царя Алексѣя Михайловича, его женитьба на Нарышкиной, бояринъ Матвѣевъ, патріархъ Никонъ, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, затѣмъ малолѣтство Петра и Іоанна, стремленіе царевны Софіи сдѣлаться правительницею, ея заискиванія у стрѣльцовъ и ихъ начальниковъ, заговоры, бунты, убійства, казни и любовь царевны Софіи къ князю Голицыну и Шакловитому, ея политическое паденіе и, наконецъ, постриженіе Софіи въ монастырь.

САМОЗВАННЫЯ ДѢТИ. (Княжна Владимірская). Историческій романъ временъ императрицы Екатерины II. Соч. Е. Карновича. 2-ое изданіе. Ц. 1 р. Сочиненіе г. Карновича заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ, при обширномъ и разностороннемъ изученіи каждой описываемой имъ эпохи, онъ переноситъ читателя въ прошедшее, рисуя передъ нимъ яркія и вѣрныя картины и выводитъ дѣйствительно существовавшія, а не выдуманныя личности и представляетъ ихъ, до малѣйшихъ подробностей, въ той обстановкѣ, среди которой они когда-то жили.

ЛЮБОВЬ И КОРОНА. Историческій романъ изъ временъ императрицы Анны Іоанновны и регентства принцессы Анны Леопольдовны. Соч. Е. П. Карновича. Спб., 3-ье изданіе. ц. 1 р. 25 к. Предлагаемый публикѣ историческій романъ «Любовь и Корона», Е. П. Карновича, относится къ крайне интересной, исполненной драматизма эпохи нашей исторіи, когда двѣ молодыя соперницы-родственницы считали каждая себя въ правѣ обладать русскою императорскою короною, и когда приверженцы одной изъ нихъ, именно цесаревны Елизаветы Петровны, дѣйствуя смѣло и рѣшительно, лишили власти правительницу Анну Леопольдовну, намѣревавшуюся уже объявить себя царствующею государынею. Обстоятельства, какъ предшествовавшія этому государственному перевороту какъ и послѣдовавшія за нимъ, а именно: положеніе Анны при дворѣ ея тетки-императрицы, любовь молодой дѣвушки къ саксонскому посланнику графу Линару, и пр.

МАЛЬТІЙСКІЕ РЫЦАРИ. Историческая повѣсть изъ временъ императора Павла. Соч. Евгенія КАРНОВИЧА. Спб., 2-ое изд., ц. 1 р. Авторъ повѣсти, желая оставаться вѣрнымъ исторіи, представляетъ эту замѣчательную эпоху въ повѣствовательной и драматической формѣ и позволилъ себѣ вывести только нѣсколькихъ историческихъ личностей, которыя, такъ сказать, являясь какъ бы представителями того времени, высказывали бы господствовавшія тогда мнѣнія въ нашемъ обществѣ. Для объясненія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хода политическихъ дѣлъ, въ разсказъ введенъ авторомъ и романическій элементъ—любовь графа Литта къ Скавронской, но и это обстоятельство исторически совершенно вѣрно.

ЕРМАКЪ ТИМОФѢЕВИЧЪ. Историческій романъ Н. Э. Гейнце. Спб. 1900 г., ц. 1 р. 554 стр. Часть I. На концѣ Россіи. Въ деревянномъ замкѣ. Купцы знатнаго рода. Въ свѣтлицѣ. Суженый Семенъ Строгановь. Русская вольница. Иванъ Кольцо. На новой стройкѣ. Сны Ермака. Найденышъ. Ермакъ-знахарь. Гонецъ. На пустырѣ. Неожиданная встрѣча. На единѣ съ собою. Внезапная мысль. Полонянка. Хворь усиливается. Крайнее средство. Въ опочивальнѣ. Чудо. Второй день леченья. Колечко. Ходатай. Часть II. Князь Сибирскій. Москва XVI вѣка. Сыноубійство. Сынъ не пришелъ. Сила любви. Московскіе страхи. Возвращеніе Ивана Кольца. На старуху бываетъ проруха. Семейный совѣтъ. Обрученіе. Въ походъ. Первая стычка. На зимовьѣ. Цыганка. Мать и дочь. Гаданье. Возвращеніе Якова. Въ глубь Сибири. Дѣло началось. Въ столицѣ Кучума. Подъ звонъ колоколовъ. Возвращеніе Ивана Кольца. Свадьба. Смерть Ивана Кольца. Смерть Ермака. Въ тихой обители.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ФРИДРИХА ШПИЛЬГАГЕНА.

Въ новомъ переводѣ съ послѣдняго лейпцигскаго изданія подъ редакціей Г. Бриліанта, въ шестнадцати томахъ, каждый томъ въ 20 листовъ, всего 5160 страницъ, съ портретомъ и біографіей автора, цѣна 5 р. 50 к.

Содержаніе: 1) Загадочныя натуры. 2) Изъ мрака къ свѣту. 3) Одинъ въ полѣ не воинъ. 4) Баловень счастья. 5) Между молотомъ и наковальней. 6) Впередъ. 7) О чемъ пѣла ласточка. 8) Бурный приливъ. 9) Въ двѣнадцатомъ часу. 10) Сорокъ восьмой годъ (Фонъ-Гогенштейнъ) 11) Филиппъ Гансъ и пр.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ АНДЕРСЕНА. Сказки и др. соч. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ, съ приложеніемъ. 2-хъ портретовъ Андерсена. Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для фунтаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ тѣхъ же учебныхъ заведеній.—Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, а первые два тома рекомендованы и для ученическихъ библіотекъ средняго и младшаго возрастовъ тѣхъ же заведеній. 4 тома 2062 стр. Спб. ц. 5 р.

СИБИРЬ И КАТОРГА, СОЧИНЕНІЕ С. В. МАКСИМОВА.

Въ трехъ частяхъ. Изданіе третье, большой томъ въ 500 страницъ. С.-Петербургъ, 1900 г. Цѣна 1 руб. 75 к.—«Сибирь и каторга» заключаетъ всѣ три части въ одномъ компактномъ томѣ, напечатанномъ въ два столбца. Въ первой части передъ нами рисуются картины отдаленнаго прошлаго, когда осужденные короннымъ судомъ по этапу, отправлялись въ страну изгнанія на каторгу или на поселеніе. Въ второй части передъ нами, какъ въ калейдоскопѣ, являются образы преступниковъ, вызывающихъ ужасъ, негодованіе, сожалѣніе и сочувствіе; авторъ очерчиваетъ особенно выдающіеся типы злодѣевъ убійцъ, бродягъ, бѣглыхъ, воровъ, мошенниковъ, грабителей, разбойниковъ, поджигателей, святотатцевъ, гробокопателей, фальшивыхъ монетчиковъ, развратниковъ; передъ нами встаютъ какъ живые, разные Кореневы, Дубровины, Горкины, Цезики, Папулины, Зыковы и т. д. и Третья часть посвящена политическимъ ссыльнымъ, бывшихъ въ Сибири, и историческому очерку самой каторги; передъ нами проходятъ группы поляковъ, изъ которыхъ многіе сжились съ Сибирью, ихъ потомство живетъ тамъ до сихъ поръ, слившись до не узнаваемости съ коренными сибиряками, но среди сосланныхъ поляковъ были и такіе, какъ искатель приключеній Беньовскій, бѣглецъ Піотровскій и несчастная Мигурская, затѣмъ тянется вереница ссыльныхъ изъ государственныхъ дѣятелей Малороссіи, московскаго двора и послѣ Петра Великаго, жертвы честолюбія и различные самозванцы. Вспомнимъ при этомъ князя А. Д. Меньшикова, Долгорукихъ, канцлера Остермана, фельдмаршала Миниха, графа Головина, князя В. В. Голицына, боярина Матвѣева и др., наконецъ подробно передано пребываніе въ Сибири декабристовъ, за которыми послѣдовали многія жены, указано значеніе этихъ сосланныхъ для страны, гдѣ о нихъ вспоминаютъ до сихъ поръ съ крайне лестной для нихъ стороны, такъ какъ декабристы, за всѣ двадцать пять лѣтъ своего пребыванія въ ссылкѣ, не опорочили себя передъ сибиряками. Къ первой части приложены тюремныя пѣсни и затѣмъ словари искусственныхъ языковъ, выдуманныхъ заключенными.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ. Соч. Данте-Алигьери.

I т. **АДЪ.** Переводъ В. В. Чуйко, съ вступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французскихъ художниковъ и съ портретомъ автора. Спб. 1895 г., ц. 1 р. 50 к.

II т. **ЧИСТИЛИЩЕ.** Пер. В. В. Чуйко, съ 72 рисунками, ц. 1 р. 25 к.

III т. **РАЙ.** Переводъ В. В. Чуйко, съ 74 рисунками, ц. 1 р. 25 к. Изданіемъ третьей и послѣдней части „Божественной комедіи“ Данте—„Рай“, г. Чуйко закончилъ свой во всѣхъ отношеніяхъ почтеный трудъ, который всѣми любителями истинно прекраснаго долженъ быть принятъ не иначе, какъ съ величайшею благодарностью. „Божественная комедія“ извѣстна всякому образованному читателю. Она отличается такими поразительными красотами истинной поэзіи, такою глубиною содержанія, что никогда непотеряетъ своего значенія и всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду величайшихъ литературныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ.

КНЯЗЪ КУРБСКІЙ. Историческій романъ временъ Іоанна Грознаго. Въ 4-хъ частяхъ. Соч. Б. Ѳедорова. Спб. 1888 г., 3-е изд., ц. 1. 50 к. Авторъ вполнѣ обрисовалъ картину русской жизни временъ Іоанна Грознаго и также мастерски очертилъ характеръ героя романа, знаменитаго князя Курбскаго, блистательные военные подвиги и гражданскія доблести котораго изумляли современниковъ и историковъ, написавшихъ о его жизни многотомныя изслѣдованія.

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ-ПАНАЕВОЙ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ И АРТИСТЫ. 1824—1870 года. С.-Петербургъ. 1889 г., 420 стр., ц. 1 р. 35 к. Писатели: Аксаковъ, Анненковъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Гоголь, Грановскій, Герценъ, Гончаровъ, Гербель, Глинка, Добролюбовъ, Достоевскій, Катковъ, Костомаровъ, Кавелинъ, Лажечниковъ, Лермонтовъ, Михайловъ, Некрасовъ, Одоевскій, Островскій, Панаевъ, Петрашевскій, Рѣшетниковъ, Салтыковъ, Слѣпцовъ, Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, Чернышевскій и др. Артисты: Брянскій, Мартыновъ, Максимовъ, Каратыгины, Самойловъ, Петровъ, Истомина, Семенова, Шумскій, Щепкинъ, и др. Масса анекдотовъ дѣлаютъ книгу весьма интересною и мѣткія характеристики знакомятъ читателей со всѣми знаменитыми писателями и артистами.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. Э. ГЕЙНЦЕ.

Въ 8 томахъ, большого формата, 6069 стр. Спб. 1899 г., ц. 14 р. вмѣсто 24 р. **Аракчеевъ.** Истор. романъ. **Князь Тавриды** Истор. ром. **Людоѣдка.** Истор. романъ. **Малюта Скуратовъ.** Истор. романъ. **Тайны высокого дома. Въ тинѣ адвокатуры.** Уголов. ром. **Генералиссимусъ Суворовъ.** Истор. романъ. **Дочь Петра Великаго.** Истор. романъ. **Сцены изъ жизни.** Повѣсть. **Сибирскіе разсказы. Герой конца вѣка.** Уголов. романъ. **Первый Русскій Самодержавецъ.** Истор. романъ. **Современный Самозванецъ,** Романъ. **Женскій ядъ.** Романъ. Сценки и тайны. **Подъ гнетомъ страсти.** Романъ. **Тайны любви.** Романъ. **Судные дни Великаго Новгорода.** Истор. романъ и пр. пр. 18 большихъ романовъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ І. ЯСИНСКАГО.

(М. Бѣлинскаго). Спб. 1888 г., ц. за 4 тома 4 р.—1-й томъ 525 стр., ц 1 р. На чистоту Мотылекъ. Воробей. Дѣти. Ночь. Расплата. Тайна Оло. Двѣ подруги. Далила. Наташка. Гроза. Бунтъ Ивана Иваныча. Васса Макаровна. Урокъ.—II-й томъ 463 стр., ц. 1 р. Всходы. Родина. Старый садъ. Болотный цвѣтокъ.—III-й томъ 554 стр. ц. 1 р. Катря. Спящая красавица. Сонъ у дѣтей на елкѣ. Типы царскаго сада. Вѣрочка. Терентій Ивановичъ. Врагъ рода человѣческаго Фаустъ. Личное счастье. Новый годъ IV-й томъ 523 стр. Новый. Петербургская повѣсть Городъ мертвыхъ.

912 коп

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ТРЕХЪ БОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ:

«ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ» А. БРЕМА.

Подъ редакціей магистра зоологіи **К. К. Сентъ-Илера.** Учен. Комитетъ Министъ Народн. Просв. опредѣлилъ: Рекомендовать для ученическихъ старшаго и средняго возраста библіотекъ всѣхъ среднихъ учебн. завед. Мин. Народ. Просв. и городскихъ училищъ и для выдачи учащимся въ награду, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить его въ безплатныя библіотеки и читальни. Ученымъ Комитетомъ Минастерства Землед. и Госуд. Имущ. одобрены для библіотекъ подвѣдомственныхъ, Министерству учебныхъ заведеній. Главнымъ Упр. военноучебныхъ заведеній рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ротныя библіотеки для справокъ.

Брэмъ всю свою жизнь посвятилъ изученію животныхъ; для чего совершилъ продолжительныя путешествія въ Африку, Азію, Америку, Египетъ, Норвегію, Сибирь и Европу,—вездѣ живя подолгу и изучалъ жизнь звѣрей и птицъ въ Европѣ, познакомился со всѣми звѣринцами и зоологическими садами, дома у него была масса прирученныхъ животныхъ для наблюденія и изученія ихъ. Сочиненіе состоитъ изъ трехъ томовъ, напечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и заключаетъ въ себѣ 2150 страницъ текста большого формата, 690 рисун., исполненныхъ въ Библіографич. Институтѣ въ Лейпцигѣ и 3 худож. обложки работы К. Крюкова.

Содержаніе: I томъ. „Млекопитающія". II томъ. „Птицы" III томъ. „Пресмыкающіяся, гады, рыбы, насѣкомыя и всѣ низшія животныя". Цѣна за три тома 9 р. съ перес. Имѣются въ роскошныхъ переплетахъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ. Соч. Фр. Гелльвальда, при участіи профессоровъ: Гааза, Бюхнера, Ленорма, Хорна, Гольма, Генне, Генивамъ, Л. Гейнера, Филипсона и др. Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи. Съ рисунками. переводъ подъ редакціею д-ра философіи М Филиппова Сбп. 1898 г. Томъ первый, ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Античная культура, ц. 1 р. 50 к.—Томъ Третій. Новѣйшая культура. ц. 1 р. 35 к.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 30 Декабря 1902 г. Госуд. Тип.

ГПБ Русский фонд
38.61.2.16.